

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ТВОРЕНІЙ
СВ. ІОАННА ДАМАСКІНА.

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО.

Приложеніе къ журналамъ „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи.
1812

14 декабря 1913 года. Печатать разрешается. Ректоръ Императорской
С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Анастасій*.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Отъ редакціи	V
Св. Іоаннъ Дамаскинъ и его литературная дѣятельность . VII—XXIII	
Арабское житіе св. Іоанна Дамаскина	1— 22
Греческое житіе св. Іоанна Дамаскина	23— 44
Источникъ знанія	45—345
Вступленіе	45— 47
Философскія главы	47—121
О ересьяхъ вкратцѣ	122—155
Точное изложеніе православныя вѣры	157—345
Книга первая	157—186
Книга вторая	187—239
Книга третья	240—294
Книга четвертая	295—345
Три защитительныхъ слова противъ отвергающихъ свя- тыя иконы	347—441
Слово первое	347—372
Слово второе	373— 389
Слово третье	390—441
Важнѣйшія погрѣшности и поправки	442

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Переводъ произведеній, которыя вошли въ составъ перваго тома полнаго собранія твореній Іоанна Дамаскина, представляетъ собой коллективный трудъ.

Въ немъ приняли участіе: орд. проф. Имп. ж. педаг. инст. А. А. Васильевъ („Арабское житіе св. Іоанна Дамаскина“), проф. петербургской духовной Академіи С. М. Заринъ (3-я книга „Точнаго изложенія православныя вѣры“), доценты той же Академіи— В. А. Бѣляевъ („Греческое житіе Іоанна Дамаскина“, „Философскія главы“, 2-я книга „Точнаго изложенія православныя вѣры“), Н. М. Малаховъ (4-я книга „Точнаго изложенія православныя вѣры“), А. И. Сагарда („О ересьяхъ вкратцѣ“, 1-я книга „Точнаго изложенія православныя вѣры“), и профессорскій стипендіатъ В. В. Четыркинъ („Три защитительныхъ слова противъ отвергающихъ святыя иконы“).

Общая редакція переводовъ принадлежитъ А. И. Сагардѣ. Имъ же составленъ очеркъ „Святой Іоаннъ Дамаскинъ и его литературная дѣятельность“.

А. Сагарда.

СВЯТЫЙ ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

I. Данныя о жизни св. Іоанна Дамаскина.

ИСТОЧНИКАМИ жизнеописанія Іоанна Дамаскина до недавняго времени служили: 1) греческое житіе св. Іоанна, составленное патріархомъ іерусалимскимъ Іоанномъ на основаніи болѣе древняго арабскаго житія ¹⁾; 2) житіе св. Іоанна, написанное первоначально на греческомъ языкѣ, но до нашего времени дошедшее только въ латинскомъ переводѣ ²⁾; 3) творенія самого Дамаскина, въ которыхъ по мѣстамъ встрѣчаются указанія на нѣкоторыя обстоятельства его жизни; 4) сообщенія церковныхъ писателей и особенно лѣтописцевъ Теофана, Кедрина, Зонары ³⁾.

Въ 1897-мъ году † А. Пападопуло-Керамевсъ издалъ въ *Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας*, IV (Ἐν Πετροπόλει) два греческихъ текста житія Іоанна Дамаскина, изъ которыхъ первое озаглавлено: „Житіе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Косьмы и Іоанна Дамаскина пѣснопѣвцевъ“, а второе имѣетъ такое надписаніе: „Житіе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ и самобратьевъ, и пчель Церкви Божіей Іоанна Дамаскина и Косьмы, изложенное святѣйшимъ архіепископомъ іерусалимскимъ Іоанномъ Меркурополомъ“. Вслѣдствіе близкаго по содержанію и языку родства второго, опубликованнаго Пападопуло-Керамевсомъ, житія съ ранѣе извѣстнымъ греческимъ житіемъ Іоанна Дамаскина, является въ высшей степени вѣроятнымъ, что авторомъ этого послѣдняго жизнеописанія является

¹⁾ *Migne*, *Patrologia*, s. gr., t. XCIV, coll. 429—490. Русскій переводъ см. ниже, стр. 23—44.

²⁾ *Migne*, *Patrologia*, s. gr., t. CXIV, coll. 489—500.

³⁾ *Migne*, *Patrologia*, s. gr., t. CXIV, coll. 504—514.

не Іоаннъ VI, современникъ Никифора Фоки, т. е. изъ второй половины X-го вѣка, какъ утверждали ранѣе, а Іоаннъ Меркурополь, занимавшій патріаршіи престолъ въ Іерусалимѣ отъ 1156 по 1166 г.

Въ концѣ 1912 года въ печати появился арабскій текстъ житія св. Іоанна Дамаскина, опубликованный К. Башою ¹⁾ на основаніи трехъ рукописей: изъ Хомса, хаматской и ватиканской ²⁾. Авторомъ арабскаго житія является монахъ Михаилъ, попавшій въ плѣнъ къ румскому сельджукиду Сулейману-ибн-Кутулмишу при взятіи послѣднимъ Антиохіи въ 1084 г. ³⁾. Слѣдовательно, житіе относится къ концу XI-го вѣка и, несомнѣнно, является тѣмъ арабскимъ житіемъ, на основаніи котораго составлено греческое житіе Іоанна Дамаскина, принадлежащее, по нашему мнѣнію, Іоанну Меркурополу.

Данныя о жизни Іоанна Дамаскина, которыя можно извлечь изъ этихъ какъ ранѣе извѣстныхъ, такъ и опубликованныхъ только въ послѣднее время источниковъ, довольно скудныя.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ родился въ концѣ седьмого вѣка, въ Дамаскѣ ⁴⁾, главномъ городѣ Сиріи, отъ родителей знаменитыхъ древностью рода и христіанскимъ благочестіемъ. Отецъ Іоанна, Ібн-Серджунъ (Сергій) ⁵⁾ Мансуръ ⁶⁾, исправлялъ при дамаскомъ калифѣ должность главнаго логофета ⁷⁾. Былъ очень близокъ къ калифу и употреблялъ свое вліяніе при дворѣ ко благу Церкви Христовой ⁸⁾.

Когда у него родился сынъ Іоаннъ, онъ поспѣшилъ сдѣлать его, по выраженію автора греческаго жизнеописанія ⁹⁾, сыномъ свѣта чрезъ возрожденіе отъ духовной матери, т. е. чрезъ крещеніе, и въ дальнѣйшемъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать его добрымъ христіаниномъ. Болѣе всего отецъ Іоанна желалъ найти для своего сына опытнаго и благочестиваго учителя и нашелъ такого въ лицѣ плѣннаго инока, калабрійца ¹⁰⁾ Косьмы, ко-

¹⁾ *Biographie de Saint Jean Damascène. Texte original arabe. Publié pour la première fois par le P. Constantin Bacha. Imprimerie Grecque Melchide de Saint Paul Harissa (Liban) 1912.* Русскій переводъ см. ниже, стр. 1—22, нѣмецкій (*G. Graf'a*) въ *Der Katholik*, 1913, Н. IX—X.

²⁾ См. ниже, стр. 3.

³⁾ См. ниже, стр. 7.

⁴⁾ Сообщение латинской біографіи Іоанна Дамаскина, что онъ былъ родомъ изъ Константинополя и только позднѣе пришелъ въ Дамаскъ, объясняется, вѣроятно, желаніемъ автора подчеркнуть, что Іоаннъ по происхожденію не сарацинъ, но грекъ-христіанинъ.

⁵⁾ Ср. арабское житіе, ниже, стр. 10.

⁶⁾ Имя Мансуръ, можно думать, было наследственнымъ въ родѣ Іоанна.

⁷⁾ Распорядителя казною и сборщика податей.

⁸⁾ Ср. греческое житіе, в. Migne, 439—440; переводъ, 26.

⁹⁾ См. ниже, стр. 26.

¹⁰⁾ См. арабское житіе, ниже, стр. 10.

торый имѣлъ обширныя и разнообразныя свѣдѣнія ¹⁾ Этому иноку Сергій поручилъ воспитаніе и родного сына Іоанна, и своднаго его брата, Косьмы, родомъ изъ Іерусалима. Успѣхи воспитанниковъ скоро оправдали довѣріе благочестиваго мужа къ иноку.

„При превосходствѣ своей природы и при ревности своей воли, Іоаннъ былъ словно орелъ, летающій въ небѣ, какъ будто у него были крылья. Его же духовный братъ и соученикъ Косьма былъ подобенъ кораблю, окрыленному парусами, или торговому судну, плывущему по водѣ, когда дуетъ попутный вѣтеръ и тихо вѣетъ въ его корму. Такъ, благодаря превосходству ихъ дарованій и ревности, они въ короткое время овладѣли всѣмъ труднѣйшимъ знаніемъ, какъ грамматикой, такъ и діалектикой и искусствомъ доказательствъ. Въ нравственной же философій они успѣли настолько, что не только украсили свой умъ ея изученіемъ, но и смирили душевныя страсти. И подобно тому, какъ орелъ смотритъ на солнце, такъ и они пристальнымъ взоромъ взирали на основы природы. Арифметическія пропорціи они усвоили также хорошо, какъ какіе-нибудь Пифагоры или Діофанты, а геометрическія доказательства ими были настолько изучены, что они могли показаться какими то Эвклидами или подобными ему. Въ музыкальномъ искусствѣ они достигли такого совершенства, какое свѣдующіе люди находятъ въ созданныхъ ими божественныхъ пѣснопѣніяхъ. Что касается астрономіи, то, хотя Іоаннъ, сообразуясь съ ограниченнымъ познаніемъ простыхъ людей, и мало писалъ о разстояніи, фигурахъ и пропорціяхъ разстояній, однако, каковъ былъ онъ въ знаніяхъ этого рода, его писанія ясно показываютъ. Таковъ же былъ, несомнѣнно, и Косьма. Но рѣчь о немъ я предоставляю другимъ,—ибо Іоаннъ—предметъ нашихъ похвалъ“ ²⁾.

Окончивъ воспитаніе ввѣренныхъ ему юношей, инокъ удалился въ лавру св. Саввы, гдѣ и жилъ, согласно своему желанію и избранію, до самой смерти. Между тѣмъ умеръ и Сергій Мансуръ, и его сынъ Іоаннъ сдѣлался наслѣдникомъ имѣнія своего отца, и скоро сталъ ближайшимъ совѣтникомъ калифа, и былъ поставленъ въ болышей должности, нежели его родитель ³⁾.

Среди государственныхъ занятій Іоаннъ находилъ время для написанія ряда догматическихъ и догматико-полемиическихъ твореній.

Уже во время пребыванія въ Дамаскѣ св. Іоаннъ вступилъ въ борьбу за православіе съ монофиситами и написалъ противъ

¹⁾ Ср. арабское житіе, стр. 11; греческое житіе, IX,—стр. 27—28.

²⁾ Греческое житіе, XI,—стр. 29.

³⁾ Ср. греческое житіе, XIII,—стр. 31.

нихъ довольно пространное разсужденіе отъ лица Петра, архіепископа дамасскаго.

Въ Дамаскѣ же, можно полагать, св. Іоаннъ написалъ и свое краткое сочиненіе „О правомъ образѣ мышленія“, заключающее въ себѣ изложеніе православной вѣры.

Между тѣмъ въ 726 г. явился новый врагъ Церкви, — иконоборство. Миръ Церкви былъ нарушенъ на долгое время, и разрушителемъ его явился императоръ Левъ Исаврянинъ.

Слухъ о новой ереси распространился до отдаленныхъ предѣловъ римской имперіи, и скоро ревнители чистоты православнаго ученія возвысили голосъ въ защиту истины: и между ними прежде всего св. Іоаннъ Дамаскинъ, который въ иконоборствѣ видѣлъ лжеученіе, противное самому существу христіанства.

„Намъ, всегда чувствующимъ свое недостоинство, прилично было бы молчать и исповѣдывать Богу грѣхи свои, — такъ начинаетъ св. Іоаннъ свое первое защитительное слово противъ отвергающихъ святыхъ иконы. Но такъ какъ все хорошо въ свое время; я же вижу, что Церковь, которую Богъ построилъ на основаніи апостолъ и пророкъ, *сущу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. II, 20), бросается какъ бы морскою бурей съ вздымающимися другъ надъ другомъ волнами, волнуется несноснѣйшимъ напоромъ лукавыхъ духовъ; и хитонъ Христа, свыше сотканный, который осмѣлились раздѣлить сыны нечестивыхъ, раздѣляется, и тѣло Его, которое есть слово Божіе и издавна принятое церковное преданіе, разсѣкается на различныя части, то я счелъ, что неблагоразумно молчать и налагать оковы на языкъ, взирая на угрозу, говорящую: *не усумнится, не благоволитъ душа моя въ немъ* (Авв. II, 4), и: *если увидишь мечъ грядущъ и не будешь глаголати брату твоему, крове его отъ руки твоея възыщу* (Іез. XXXIII, 6). Итакъ, побуждаемый нестерпимымъ страхомъ, я рѣшилъ говорить, высоту царей не полагая выше истины, ибо слышалъ богоотца Давида, говорящаго: *глаголахъ предъ цари и нестыдяхся* (Пс. CXVIII, 46). Даже болѣе побуждался къ тому, чтобы говорить, тѣмъ, что слово царя способно къ обольщенію подданныхъ, потому что издавна немного такихъ, которые пренебрегли бы повелѣніями царей, зная, что надъ земнымъ царемъ есть небесное царство и что законы обладаютъ царями“.

Между тѣмъ волненіе умовъ въ народѣ все болѣе и болѣе распространялось.

Въ 730 г. императоръ Левъ обнародовалъ указъ, которымъ совершенно воспрещалось писать иконы и покланяться имъ и повелѣвалось всѣ священныя изображенія въ храмахъ и въ частныхъ домахъ истреблять.

Такія жестокія мѣры противъ иконопочитанія вызвали защитниковъ истины на новыя подвиги. Св. Іоаннъ Дамаскинъ написалъ новое слово—второе—противъ иконоборцевъ къ клиру и народу константинопольскому. Вѣроятно, немного лѣтъ спустя св. Іоаннъ написалъ и третье слово о томъ же предметѣ. По своему содержанию и даже по внѣшнему построению, оно совершенно сходно съ первыми двумя, и особенно со вторымъ.

Жизнеописанія Іоанна Дамаскина повѣствуютъ, что импер. Левъ не оставилъ безъ отмщенія своего обличителя. Не имѣя возможности дѣйствовать противъ св. Іоанна открыто, онъ прибѣгъ къ хитрости и клеветѣ. Императоръ Левъ извѣстилъ дамаскаго калифа, будто Іоаннъ хочетъ измѣною передать Дамаскъ въ руки грековъ. Письмо, которымъ Іоаннъ якобы извѣщалъ императора о своемъ намѣреніи, Левъ послалъ въ Дамаскъ, вмѣстѣ съ своимъ письмомъ, въ которомъ утверждалъ, что не хочетъ воспользоваться измѣною. Калифъ повѣрилъ и далъ повелѣніе отсѣчь мнимому преступнику правую руку, которая писала измѣнническія письма. Повелѣніе было исполнено. Отсѣченная рука повѣшена на площади.

Когда гнѣвъ калифа нѣсколько успокоился, Іоаннъ упросилъ его дать ему отсѣченную руку для погребенія и, получивъ ее, повергся съ пламенной молитвой предъ иконою Богородицы.

„Владычице, Пресвятая Мать, родившая Бога моего!
Ради божественныхъ иконъ отсѣчена моя правая рука.
Ты знаешь причину, по которой возъярился Левъ;
Поспѣши скоро и исцѣли руку мою.
Десница Вышняго, которая отъ Тебя восприняла плоть.
Совершаетъ многія силы чрезъ Твое предстательство.
Пусть Онъ, по Твоимъ молитвамъ, исцѣлитъ теперь десницу
мою эту,
Дабы она даруемая Тобою пѣснопѣнія въ честь Твою и
Воплотившагося отъ Тебя

Написала въ стройныхъ созвучіяхъ, Богородице,
И содѣлалась пособницей православнаго богослуженія,
Ибо, какъ Мать Божія, Ты можешь сдѣлать, что Тебѣ угодно“.

Произнося со слезами эти слова, Іоаннъ заснулъ и видитъ во свѣтѣ святую икону Богородицы, которая смотритъ на него милостивыми и свѣтлыми очами и говоритъ: „вотъ рука твоя стала здоровой, не медли болѣе, но сдѣлай ее *тростью книжника скорописца* (Ис. XLIV, 2), какъ ты сейчасъ общалъ мнѣ“. Когда Іоаннъ проснулся и ощупалъ свою отрубленную руку, то увидѣлъ, что она исцѣлена.

Послѣ этого Іоаннъ раздалъ свое имѣніе бѣднымъ и родственникамъ и,—несмотря на то, что калифъ, убѣдившись, бла-

годаря чуду, въ невинности праведника. просилъ его остаться, — удалился въ лавру св. Саввы близъ Іерусалима, — чтобы здѣсь всецѣло посвятить себя Богу.

Факты изъ жизни Іоанпа Дамаскина за время его пребыванія въ лаврѣ св. Саввы рисуютъ предъ нами трогательный образъ отшельника, проикнутаго духомъ евангельской простоты и смиренія.

Старець, руководитель Іоанна, потребовалъ отъ него — ничего не дѣлать по своей волѣ, непрестанно пребывать въ молитвѣ, оплакивая прежде сдѣланные грѣхи, изгонять изъ души всякій образъ мірской жизни и запретилъ даже писать ¹⁾).

Между тѣмъ у одного изъ монаховъ лавры умеръ родной братъ. Скорбящій о разлукѣ просилъ Іоанна сложить какую-либо пѣснь и пѣніемъ успокоить его душу. Послѣ долгихъ колебаній онъ согласился и написалъ тѣ умилительныя пѣснопѣнія, которыя и теперь поются при погребеніи. Старець-наставникъ, услышавъ пѣніе, изгналъ Іоанна вонъ изъ келліи и согласился принять его обратно только подъ тѣмъ условіемъ, если онъ вычиститъ всѣ нечистыя мѣста лавры своими руками. Іоаннъ поспѣшилъ исполнить наложенную на него епитимію: но старецъ, тронутый необычайнымъ смиреніемъ и самоотверженіемъ, остановилъ его и облобызалъ, говоря: „О, какого великаго подвижника блаженнаго послушанія родилъ я во Христѣ“.

Изъ лавры св. Саввы Дамаскинъ внимательно слѣдилъ за нуждами православной Церкви, стараясь отражать нападенія на нее враговъ, и мужественно возвышалъ свой голосъ противъ несторіапъ, монофиситовъ, монофелитовъ и особенно иконоборцевъ.

Благочестивая жизнь, ревность по истинѣ, обширная ученость Іоанна Д. обратили на него вниманіе патріарха іерусалимскаго Іоанна V ²⁾), епархіи котораго принадлежала лавра св. Саввы, и онъ рукоположилъ Іоанна во пресвитера іерусалимской церкви.

Но Іоаннъ оставилъ Іерусалимъ и снова переселился въ обитель св. Саввы, гдѣ и почилъ.

Годъ кончины Іоанна Дамаскина съ точностью неизвѣстенъ ³⁾). Но на основаніи словъ отцевъ VII вселенскаго Собора: *въ чина память Іоанну*, должно принять, что онъ скончался ранѣе 787 г. Погребенъ онъ въ лаврѣ св. Саввы подлѣ раки св. основателя лавры.

Церковь ублажаетъ Іоанна, какъ наставника православія и учителя благочестія и чистоты. Седьмой вселенскій соборъ, въ опроверженіе хулы на св. Іоанна, провозглашенной иконоборческимъ собо-

¹⁾ Ср. арабское житіе, стр. 17; греческое житіе, стр. 36.

²⁾ Скончался, по Теофану Хронографу, въ 735 г.

³⁾ Хотя S. Vaillhé въ *Echos d'Orient* 1906, IX, 26—30 и находитъ возможнымъ датировать кончину Іоанна Д. 4-ымъ декабрѣмъ 749 года.

ромъ 754 г., такъ говоритъ о немъ: „Іоаннъ, котораго еретики въ укоризну назвали Мансуромъ ¹⁾), ревнуя примѣру Евангелиста Матфея, все оставилъ и послѣдовалъ Христу; *болшее богатство вмѣнивъ аравійскихъ сокровищъ поношеніе Христово, изволи паче страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. XI, 25, 26). Взявъ крестъ свой и Христовъ и послѣдовавъ Христу, силою Христовою за Христа и за Христовыхъ оукъ вострубилъ трубою съ востока, не терпя новоизобрѣтеннаго ученія въ чужой странѣ и беззаконнаго злоумышленія и неистоваго возстанія противъ Церкви Божіей. Но возгласивъ о немъ, всѣхъ увѣщевалъ не входить въ общеніе съ дѣлающими беззаконіе, помышляя объ одномъ, какъ бы сохранить древнее учрежденіе въ церквахъ и мирное устроеніе, которое Господь даровалъ ученикамъ Своимъ, какъ отличительный знакъ называющихся именемъ Его, говоря: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ*“ (Ин. XIV, 27). По окончаніи всѣхъ дѣяній отцы седьмого вселенскаго собора св. Іоанну, вмѣстѣ съ патріархомъ Германомъ и Георгіемъ, епископомъ кипрскимъ, провозгласили вѣчную память: „Герману православному вѣчная память. Іоанну и Георгію вѣчная память... Троица прославила трехъ, коихъ разсужденіямъ да сподобимся послѣдовать“.

II. Литературная дѣятельность св. Іоанна Дамаскина.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ, вдохновенный пѣснопѣннй котораго раздаются и въ великолѣпныхъ храмахъ столицы, и въ убогихъ церквахъ заброшенныхъ нашихъ селъ, славенъ какъ самоотверженный и неустанный защитникъ православія,—великъ какъ глубокомысленный христіанскій богословъ, давшій въ своихъ твореніяхъ раскрытіе и изложеніе возвышенныхъ догматовъ христіанства, — неподражаемъ, какъ величайшій христіанскій пѣснописецъ. Въ своихъ многочисленныхъ твореніяхъ, которыя навсегда останутся источникомъ христіанской науки и церковнаго просвѣщенія, св. Іоаннъ Дамаскинъ выступаетъ то какъ догматистъ, излагающій систему христіанскаго вѣроученія, то какъ моралистъ, раскрывающій величіе и силу добродѣтелей и опасность и вредъ пороковъ, то какъ полемистъ съ неподражаемой ревностью, настойчиво, безбоязненно борвшійся и силою своего слова и вѣрою поражавшій

¹⁾ Вѣрнѣе: Мамзеромъ.

несторіанъ, монофиситовъ, монофелитовъ, манихеевъ, иконоборцевъ и магометанъ; то какъ экзегетъ, давшій истолкованіе всѣхъ посланій Апостола Павла, то какъ ораторъ-проповѣдникъ, то какъ христіанскій пѣвецъ, трогающій насъ своею вдохновенною и поэтически созданною благоговѣйною церковною пѣснюю.

Догматическія сочиненія Іоанна Дамаскина: 1) Πηγή γνώσεως („Источникъ знанія“); 2) Λίβελλος περί ὀρθοῦ φρονήματος („Книжечка о правомъ образѣ мышленія“); 3) Περί τῆς ἁγίας Τριάδος („О Св. Троицѣ“); 4) Περί τοῦ τρισυγίου ὕμνου („О трисвятой пѣсни“); 5) Εἰσαγωγή δωγμάτων στοιχειώδης („Элементарное введеніе въ догматы“).

Полемическія сочиненія: 1) Πρὸς τοὺς διαβάλλοντας τὰς ἁγίας εἰκόνας („Противъ отвергающихъ святаыя иконы“); 2) Πρὸς τὸν ἐπίσκοπον τοῦ Δαρείας τὸν Ἰακωβίτην („Противъ дарейскаго яковитскаго епископа“ или обычно: „Противъ яковитовъ“); 3) Κατὰ Μανιχαίων διάλογος („Диалогъ противъ манихеевъ“); 4) Διάλεξις Σαρακηνοῦ καὶ Χριστιανοῦ („Препіе между сарациномъ и христіаниномъ“); 5) Περί δρακόντων, περί στρυγγῶν („О драконахъ и вѣдьмахъ“); 6) Περί συνθέτου φύσεως („О сложной природѣ“); 7) Περί τῶν ἐν τῷ Χριστῷ δύο θελημάτων („О двухъ воляхъ во Христѣ“); 8) Κατὰ τῆς αἰρέσεως τῶν Νεστοριανῶν („Противъ ереси несторіанъ“); 9) Διάλεξις Ἰωάννου ὀρθοδόξου πρὸς Μανιχαῖον („Препіе Іоанна православнаго съ манихеемъ“); 10) Περί πίστεως κατὰ Νεστοριανῶν („О вѣрѣ противъ несторіанъ“).

Экзегетическія сочиненія: комментаріи на посланія ап. Павла, представляющіе собой или подражаніе, или воспроизведеніе комментарій Іоанна Златоуста, блаженнаго Теодорита киррскаго и Кирилла александрійскаго.

Аскетическія сочиненія: 1) Περί τῶν ἁγίων νηστειῶν („О святыхъ постахъ“); 2) Περί τῶν ὀκτώ τῆς πονηρίας πνευμάτων („О восьми духахъ злобы“); 3) Περί ἀρετῶν καὶ κακιῶν („О добродѣтеляхъ и порокахъ“).

Гомиліи: св. І. Дамаскинъ оставилъ нѣсколько проповѣдей, какъ-то: на Преображеніе Господне, объ усохшей смоковникѣ, на великую субботу, праздникъ Благовѣщенія (двѣ очень сомнительныя по своей подлинности гомиліи), и на успеніе Богородицы (три, несомнѣнно, подлинныя гомиліи).

Пѣснопѣнія: Пасхальная служба; каноны на Рождество Христово, на Богоявленіе, на Вознесеніе Господне и другіе; Осмигласникъ.

Особое мѣсто среди твореній Іоанна Дамаскина занимаютъ его Ἰερά παράλληλα („Священныя параллели“) — сличеніе изреченій

Писанія объ истинахъ вѣры и благочестія съ изреченіями отцевъ и учителей Церкви.

Остановимся подробнѣе на важнѣйшихъ въ догматическомъ отношеніи твореніяхъ Іоанна Дамаскина, слѣдуя порядку расположенія ихъ въ Патрологіи Миня.

Источникъ знанія.

Это главное и наиболѣе извѣстное твореніе св. Іоанна Дамаскина, посвященное имъ его сводному брату, Косъмѣ маюмскому, раздѣляется на три части: 1) „Философскія главы“ (*Κεφάλαια φιλοσοφικά*), 2) „О ересяхъ (Περὶ αἱρέσεων)“ и 3) „Точное изложеніе православныя вѣры“ (*Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως*).

I. *Философскія главы*, обычно называемыя *Диалектикой*, фактически же заключающія въ себѣ аристотелевскую логику и онтологию, по замыслу автора, должны были служить философскою пропедевтикой въ изложеніе основныхъ догматовъ христіанства. Въ первой главѣ этого творенія св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: „такъ какъ апостолъ говоритъ: *вся же искушающе добрая держите* (1 Тим. V, 21), будемъ изслѣдовать также и ученія языческихъ мудрецовъ. Можетъ быть, и у нихъ мы найдемъ что-либо пригодное и приобрѣтемъ что-либо душеполезное; ибо всякій художникъ нуждается въ нѣкоторыхъ инструментахъ къ совершенію устрояемаго. И царицѣ свойственно пользоваться услугами служанокъ. Поэтому мы позаимствуемъ такія ученія, которыя являются служителями истины, но отвергнемъ нечестіе, жестоко владѣвшее ими и не воспользуемся дурно хорошимъ и не употребимъ искусства доказательствъ для оболъщенія простецовъ. Хотя истина и не нуждается въ разнообразныхъ доказательствахъ, тѣмъ не менѣе мы воспользуемся ими для опроверженія нечестивыхъ противниковъ и лжеименнаго знанія.

Съ этого мы и начнемъ, какъ съ буквъ, съ того, что приличествуетъ имѣющимъ еще нужду въ молокъ, призвавъ руководителемъ Христа, ипостасное Слово Божіе, Которымъ подается *всяко даваніе благо и всякъ даръ совершенъ* (Іак. I, 17)“.

Въ цѣляхъ осуществленія этого плана Іоаннъ Дамаскинъ въ дальнѣйшихъ главахъ Диалектики даетъ на основаніи *Εἰσαγωγή*, Порфирія и *Κατηγορίαι* Аристотеля истолкованіе цѣлаго ряда философскихъ терминовъ, изъ которыхъ многіе имѣли и имѣютъ громадное значеніе при изложеніи тринитарнаго и христологическаго ученія православной Церкви.

II. *О ересяхъ вкратцѣ*. Исторія ересей Іоанна Дамаскина въ первой своей части (до массаціанъ) представляетъ собой почти со-

вершено буквальное воспроизведеніе соотвѣтствующихъ главъ *Ианарія* Епифанія кипрскаго, въ дальнѣйшемъ опирается на сообщенія бл. Θεодорита киррскаго, Тимоѳея константинопольскаго, Софронія, Леоптія византійскаго, другіе неизвѣстные намъ источники, и только заключеніе, гдѣ рѣчь идетъ о магометанствѣ и иконоборчествѣ, составляетъ литературную собственность Іоанна Дамаскина въ полномъ и собственномъ значеніи этого слова.

III. *Точное изложеніе православныхъ вѣры.* Эта послѣдняя часть трилогіи Іоанна Дамаскина представляетъ собой систему христіанскаго вѣроученія, изложенную словами отцовъ и учителей Церкви и вселенскихъ соборовъ. Въ нашихъ изданіяхъ она раздѣляется на четыре книги. Первая трактуетъ о Богѣ въ Его премірномъ бытіи; вторая—о твореніи вообще, ангеловъ, демоновъ, видимой природы, рай, человѣка и о промышленіи Божіемъ; третья—о воплощеніи Бога Слова и четвертая—о прославленіи Богочеловѣка, крещеніи, евхаристіи, почитаніи святыхъ мощей, о канонѣ Ветхаго и Новаго Завѣта, о существованіи зла въ мірѣ и т. д. Въ греческихъ кодексахъ этого дѣленія на четыре книги нѣтъ; оно появилось впервые на западѣ.

Точное изложеніе православныхъ вѣры—это важнѣйшее твореніе св. Іоанна Дамаскина, которое и до настоящаго времени является лучшимъ и авторитетнымъ изложеніемъ ученія православной Церкви.

Три защитительныхъ слова противъ отвергающихъ святыхъ иконы.

Три защитительныхъ слова Іоанна Дамаскина искони считались за лучшее изъ того, что когда-либо было написано для защиты иконопочитанія. Несмотря на то, что, подобно остальнымъ его сочиненіямъ, и данныя слова страдаютъ многословіемъ и повтореніями, несмотря на то, что, отстаивая иконопочитаніе, онъ иногда близокъ къ крайностямъ и при выборѣ доказательства обращается къ сочиненіямъ, ложно приписываемымъ тому или другому отцу Церкви, нельзя не сказать, пишетъ проф. А. А. Бронзовъ¹⁾, съ авторомъ предисловія къ этимъ словамъ въ Lequien'евскомъ ихъ изданіи: „въ этихъ трехъ рѣчахъ ты, читатель, имѣешь чистое и истинное изложеніе церковнаго ученія объ изображеніяхъ Христа и святыхъ, которыя должны быть почи-

¹⁾ Святыхъ Іоаннъ Дамаскинъ. Три защитительныхъ слова противъ порицающихъ святыхъ иконы. Перев. А. А. Бронзова. Спб. 1893. Стр. XXXV.

таемы, и—твердѣйшую защиту противъ нападающихъ на нихъ, при посредствѣ которой ты безъ всякаго труда сокрушишь всѣ стрѣлы еретиковъ“.

Первое защитительное слово написано, можно думать, въ 726-мъ году, когда императоръ Левъ Исаврянинъ издалъ свой первый эдиктъ противъ почитанія иконъ; второе—около 730 г. и третье—нѣсколько лѣтъ спустя.

О правомъ образѣ мышленія.

Это сочиненіе представляетъ собой выразительное исповѣданіе вѣры и, какъ показываетъ вступленіе и заключеніе, было представлено кѣмъ-то, кто былъ лишенъ церковнаго общенія митрополиту дамасскому Петру. Что это былъ епископъ, явствуетъ изъ его обѣщанія, никакого двоеженца не принимать въ клиръ въ качествѣ священника. Если рукописное преданіе называетъ Іоанна Дамаскина составителемъ даннаго произведенія, то это находитъ свое подтвержденіе и оправданіе во всемъ содержаніи исповѣданія, равно какъ и въ томъ фактѣ, что послѣднее составлено вскорѣ послѣ начала гоненій на иконы, когда Дамаскинъ, по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству древнѣйшаго біографа, жилъ еще въ Дамаскѣ. Такъ какъ Іоаннъ іерусалимскій, который въ Іерусалимѣ посвятилъ Іоанна во пресвитера, скончался въ 735 г., то составленіе даннаго сочиненія падаетъ, очевидно, на время, предшествующее этому году. Вѣроятно, моноелитскій епископъ—за это говорить его обѣщаніе не вступать въ общеніе съ маронитами—попросилъ выдающагося богослова своей провинціи составить это небольшое сочиненіе и представилъ его, какъ свое исповѣданіе вѣры, дамасскому митрополиту. Оно открывается точнымъ изложеніемъ ученія о Св. Троицѣ, въ которомъ о Св. Духѣ, между прочимъ, говорится, что Онъ имѣетъ Свою причину и начало въ Отцѣ, такъ какъ Онъ отъ Него исходитъ. Затѣмъ еще выразительнѣе развивается христологія совершенно въ томъ же духѣ и характерѣ, какъ и въ „Точномъ изложеніи православныя вѣры“. Вниманіе автора преимущественно останавливается на вопросѣ о двухъ воляхъ. Онъ усиленно подчеркиваетъ, что Христосъ дѣйствуетъ не одной только божественной волей, какъ божественная природа, и не одной только человѣческой, какъ человѣческая природа: одна и та же личность волитъ по обѣимъ природамъ. Далѣе отвергается прибавка Петра Фулона къ трисвятой пѣснѣ: „распныйся за нее“; отвергается на томъ основаніи, что чрезъ нее или четвертая ипостась вводится въ Святую Троицу, или же послѣдняя оказывается причастной

страданіямъ. Наконецъ, отвергаются заблужденія Оригена: существованіе душъ, переселеніе ихъ и апокатастасисъ.

Противъ яковитовъ.

Это сочиненіе было составлено Іоанномъ Дамаскинымъ отъ имени митрополита дамаскаго Петра и послано затѣмъ къ яковитскому епископу близъ лежащаго города Дарея. чтобы отвлечь его отъ монофиситства.

Всѣ ошибки въ ученіи о троичности и хринологіи: Арія, Евномія, Савеллія, Несторія, Діоскора сводятся, по мнѣнію автора, къ неправильному отождествленію природы или субстанціи и ипостаси. Ипостась, опредѣляетъ составитель, есть то, что въ себѣ существуетъ, или то, что не существуетъ въ другомъ, или то, что не есть акциденція.

Монофиситамъ ставится въ заслугу, что они не отождествляли природы и ипостаси, но зато они измыслили ученіе о *μερικαὶ ὁμοία*, различая въ Божествѣ *ὁμοία* и *μερικαὶ ὁμοία*. Но если въ Божествѣ существуетъ *μερικαὶ ὁμοία*, если каждая ипостась имѣетъ свою субстанцію, кромѣ той общей субстанціи, которая лежитъ въ основаніи ипостасей, то въ Богѣ, слѣдовательно, оказывается уже четыре ипостаси. Отъ этихъ положеній составитель переходитъ къ обсужденію тринитарныхъ и хринологическихъ вопросовъ, при чемъ съ особенной силой подчеркиваетъ, что по воплощеніи въ Христѣ было двѣ природы. безъ того, однако, чтобы онѣ въ какомъ-либо отношеніи образовывали двойственность. Затѣмъ составитель, неизмѣнно стремясь къ своей цѣли—убѣдить яковитскаго епископа въ неправотѣ его ученія, указываетъ, что монофиситство необходимо приводитъ къ цѣлому ряду абсурдовъ. Божество и человѣчество одно и то же. Люди единосущны съ Отцомъ. Христосъ имѣетъ новую изъ Божества и человѣчества смѣшанную природу. Поэтому Онъ не единосущенъ ни Своему божественному Отцу, ни своей человѣческой Матери. Въ рядѣ дальнѣйшихъ главъ Дамаскинъ устанавливаетъ, что заблужденія монофиситовъ покоятся также на отождествленіи природы и ипостаси.

Діалогъ противъ манихеевъ.

Это сочиненіе, написанное въ формѣ діалога между православнымъ и манихеемъ, несомнѣнно, принадлежитъ Іоанну Дамаскину. Только Billy и Combefis сомнѣвались въ его подлинности. но безъ достаточныхъ основаній.

Открывается сочиненіе изложеніемъ манихейской системы. Богъ (добро) и матерія (зло) существуютъ рядомъ другъ съ другомъ. Отдѣльныя части матеріи находятся въ постоянной борьбѣ между собой, пока одна изъ нихъ не достигла границъ небеснаго царства. Когда добро замѣтило приближеніе зла, оно произвело матеръ жизни. послѣдняя же родила перваго человѣка, т. е. пять элементовъ: воздухъ, вѣтеръ, воду, свѣтъ и огонь. Вмѣстѣ съ тѣмъ первый человѣкъ поднимаетъ борьбу противъ мрака, но тотъ овладѣваетъ первымъ человѣкомъ и подвергаетъ его мученіямъ и т. д.

Послѣ рѣшительнаго опроверженія манихейской системы, православный излагаетъ ученіе Церкви о злѣ и его происхожденіи. Вѣчная субстанція неизмѣняема: разумно сотворенное неизмѣняемо, потому что свободно. Добродѣтель. это—оставаться въ границахъ своей природы, быть добрымъ и повиноваться Творцу, какъ Онъ самъ желаетъ этого. Вслѣдствіе свободы дьяволъ измѣнился, потому что онъ стремится къ большому, но не правильнымъ образомъ. Такъ какъ въ своемъ существованіи дьяволъ стоитъ въ безусловной зависимости отъ Бога, то Богъ могъ уничтожить его, но Онъ не сдѣлалъ этого и оставилъ ему бытіе. Дьяволъ палъ безъ искушенія, потому у него нѣтъ возможности къ покаянію. Человѣкъ, напротивъ, имѣетъ и находитъ прощеніе, потому что онъ былъ искушаемъ. Хотя Богъ предвидѣлъ паденіе дьявола, тѣмъ не менѣе Онъ создалъ его, ибо желалъ удѣлить ему отъ своей природы хотя бы бытіе. Бытіе—низшая ступень добра, небытіе — абсолютное зло. Добродѣтель есть благо и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчное бытіе. Зло есть ничто. Оно существуетъ только до той поры, пока продолжается злое направленіе воли. Богъ въ загробной жизни не наказываетъ никого, но каждый самъ дѣлаетъ себя или способнымъ къ участию въ божественной жизни, или нѣтъ. Участіе въ ней — блаженство, лишеніе ея—наказаніе.

О Св. Тройцѣ.

Это сочиненіе содержитъ ученіе Іоанна Дамаскина о Св. Тройцѣ и болѣе подробное выясненіе важнѣйшихъ вопросовъ христологіи. Одна природа, одна воля, одна сила—въ трехъ ипостасяхъ Св. Тройцы. Во Христѣ же, напротивъ, двѣ природы—въ одной ипостаси. Но Божеству отъ вѣчности отъ Отца рожденный, Онъ въ послѣднее время непостижимымъ образомъ родился отъ Дѣвы Маріи безъ нарушенія ея дѣвственности. Такъ какъ Онъ—Сынъ Божій, то только Онъ, а не Отецъ, и не Духъ Святой

сдѣлался Сыномъ Человѣческимъ. Его личная особенность есть сыновство. Отецъ и Сынъ не образуютъ двухъ принципозъ, но они непосредственно связаны другъ съ другомъ. Единеніе обѣихъ природъ во Христѣ произошло безъ ихъ смѣшенія. Сынъ есть образъ Божества; премудрость, которая все содержитъ; сила, которая все сотворила. Духъ Святый имѣетъ свое бытіе отъ Бога и чрезъ Сына является людямъ, какъ совершенный образъ Сына и жизнь, первопричина живущаго, святой источникъ и т. д. Отецъ находится надъ всѣмъ и заключается во всемъ. Сынъ существуетъ во всемъ. Это есть совершенная Троица, въ которой ничего сотвореннаго или конечнаго. Отцу никогда не недостаетъ Сына, Сыну никогда не недостаетъ Духа. Троица есть неизмѣнна. Суть три лица, но одинъ образъ, три формы, но одно выраженіе, три ипостаси, но одно божество, три ипостаси, но одна сущность, три дѣятельности, но одна благодать, три познанія, но одна слава, три имени, но одно исповѣданіе; три исповѣданія, но одна вѣра. Богъ есть незаходимый, непостижимый и неизреченный свѣтъ.

Далѣе слѣдуетъ христологическое исповѣданіе на почвѣ никейскаго символа, при чемъ на передній планъ выдвигается ученіе о соединеніи двухъ природъ во Христѣ безъ смѣшенія и раздѣленія.

О Трисвятой пѣсни.

Написанное для архимандрита Іордана, данное твореніе Іоанна Дамаскина посвящено извѣстной прибавкѣ Петра Кнафевса: „распныйся за ны“. Во вступленіи авторъ хвалитъ адресата и благодаритъ Бога за его добродѣтели. Въ качествѣ повода къ написанію даннаго трактата онъ указываетъ то обстоятельство, что діаволь чрезъ Петра Кнафевса нарушилъ церковный міръ. Серафимы, воспѣвая трисвятую пѣснь, тѣмъ самымъ прославляли Бога въ трехъ лицахъ. Боговдохновенные отцы, которыхъ слово есть законъ, относятъ пѣснь серафимовъ не къ Сыну, но ко всей Троицѣ. Трижды святымъ мы можемъ называть только Божество въ виду его Троичности, но не называемъ такъ одной ипостаси. Поэтому пѣснь: „святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный“, мы употребляемъ въ примѣненіи къ тремъ Лицамъ. Трижды святой, это не суперлативъ, имѣющій примѣненіе къ отдѣльному лицу, но обозначеніе троичности. Три лица суть три индивидуальности, общей основой которыхъ является Божество. Слово и Духъ суть силы Божества, но личныя силы, неотдѣлимая отъ Отца, изъ котораго и въ которомъ онѣ находятся и къ

Которому онъ относится, какъ къ своей первопривинѣ. Богъ премірнъ, поэтому Его Слово и дыханіе Слова обладаютъ личнымъ бытіемъ. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Дамаскина обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: два есть начало числа; три—совершенное число. Но тринчность въ Богѣ не поэтому, напротивъ, три—совершенное число только потому, что въ Богѣ три ипостаси. Отъ Него, первопривинны всѣхъ вещей, три получило эту особенность. Отецъ—изъ ничего, Сынъ—изъ Отца, Духъ Св.—изъ Отца, чрезъ Сына и Логоса исходя, но не какъ Сынъ. Если бы Духъ Св. былъ Сынъ Божій, то такое отношеніе могло бы быть продолжено въ безконечность, и вмѣсто одного Сына получился бы цѣлый народъ сыновъ. Слово — личное рожденіе (γέννημα), поэтому Онъ есть Сынъ: Духъ Св. есть личное исхожденіе изъ Отца чрезъ Сына, но не отъ Сына, какъ дыханіе устъ Божіихъ, которыя произносятъ Слово. Тринитарное ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи, по своему духу и характеру цѣликомъ есть ученіе Іоанна Дамаскина. Сравненіе Отца Слова и Духа съ человѣческимъ духомъ, его словомъ и дыханіемъ, которое произноситъ слово или чрезъ которое слово открываетъ себя, это сравненіе повторяется во многихъ твореніяхъ Іоанна.

Элементарное введеніе въ догматы.

По своему содержанію это сочиненіе, посвященное Дамаскинымъ Іоанну, епископу лаодикійскому, совпадаетъ съ первой частью Πρώτη γνώσις, именно, *κατὰ τὰ φιλοσοφικά*. Только предметъ разсужденія здѣсь очерченъ болѣе выразительно. Для характеристики сочиненія достаточно кратко указать его содержаніе. Соответственно ученію отцевъ Церкви, понятія: природа, сущность, тождественны; равно и понятія: ипостась, личность, индивидуумъ, какъ и понятія: различіе, свойство, особенность.—Божество есть премірное бытіе. Каждый родъ твореній, на примѣръ ангелы, образуетъ одну природу. Субстанція есть общее, личность—индивидуальное. Различіе или свойство есть то, благодаря чему субстанции, роды, личности отличаются другъ отъ друга. Акциденціи бываютъ то отдѣлимья, то неотдѣлимья. Послѣднія, это—тѣ, которыя характеризуютъ индивидуальное бытіе. Индивидуумы принадлежатъ къ одной и той же субстанции, роду и виду или различнымъ. Родъ распадается на виды. Высшій родъ не есть видъ какого-либо другого рода, потому что онъ есть высочайшій. Равнымъ образомъ и низшій видъ не имѣетъ уже подъ собой другого вида. Высшее родовое понятіе есть понятіе о субстан-

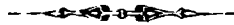
ціи. Это послѣднее распадается на понятія о тѣлесномъ и безтѣлесномъ. Три божественныя личности суть индивидуумы, въ отношеніи къ которымъ родовымъ понятіямъ является прѣмірное и непостижимое Божество. Затѣмъ слѣдуютъ опредѣленія понятій: ἐνέργεια, πάθος, θέλησις.

О двухъ воляхъ во Христѣ.

Это твореніе направлено Іоанномъ, Дамаскинѣмъ противъ монохелитовъ. Гдѣ существуетъ двѣ природы, тамъ существуетъ и двѣ воли. Природа, соотвѣтственно ученію отцевъ, есть общее и невидимое. Ипостась есть индивидуальное бытіе, которое для себя существуетъ,—сущность съ ея акциденціями, для себя существующая, отличная отъ другихъ ипостасей. Природа есть общее, а ипостась, это та же природа—только въ ея индивидуальномъ бытіи. Во Христѣ и послѣ соединенія пребываютъ двѣ природы. Между свойствами божественной природы Христа находится также и божественная воля. Къ свойствамъ Его человѣческой природы принадлежитъ также и человѣческая воля. Во Христѣ такимъ образомъ—двѣ воли. Что Онъ владѣлъ человѣческой волей, на это указываетъ фактъ Его укрѣпленія чрезъ ангеловъ и чувство оставленности на крестѣ. Послѣ смерти ни тѣло Его, ни душа, находившаяся въ аду, не были отдѣлены отъ Божества. Если Богъ воспринимаетъ двѣ природы, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ воспринять также и двѣ воли. Скажутъ: воля есть дѣло личности. Нѣтъ, способность воли есть дѣло естества; ея же употребленіе, это—дѣло личности. Если бы способность воли была дѣломъ личности, то Сынъ имѣлъ бы другую волю по сравненію съ Отцемъ. Что принадлежитъ природѣ, то не нуждается въ наученіи. Такъ какъ нѣтъ ни одного человѣка безъ воли, то ясно, что воля принадлежитъ къ природѣ. Чрезъ разумъ и свободу мы носимъ образъ Бога въ себѣ, и этотъ образъ былъ воспринять Христомъ. Не божественной энергіей ѣлъ и ходилъ Христосъ, хотя божественная воля помогала человѣческой въ ея дѣятельности. Такъ учатъ Евангелія, Апостолы и святые отцы. Въ доказательство этой мысли составитель приводитъ рядъ мѣстъ изъ Писанія, которыя говорятъ о человѣческой природѣ Христа. Выраженіемъ человѣческой души Христа была, напримѣръ, печаль. Свойствомъ Его человѣческой природы служила также воля. Какъ только человѣкъ, Христосъ не могъ искупить; какъ только Богъ, Онъ не могъ человѣчески дѣйствовать. Поэтому божеское и человѣческое дѣйствованія воли въ Немъ объединены. Божеская воля дѣйствуетъ чрезъ посредство человѣческой; человѣческая воля служитъ божественной.

Первое мѣсто среди всѣхъ произведеній св. Іоанна Дамаскина. безспорно, принадлежит „Точному изложенію православныя вѣры“. За это говорить, между прочимъ, и то, что, именно, это твореніе прежде другихъ появилось въ переводѣ на латинскій языкъ—при папѣ Евгеніи III (1144—1153). За это говорить и то, что на славянскій языкъ оно было переведено: а) еще въ X-мъ вѣкѣ—Іоанномъ экзархомъ болгарскимъ, б) въ XVII-мъ—Епифаніемъ ставинецкимъ, в) въ XVII-мъ—преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ московскимъ. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что въ теченіе XIX-го вѣка на русскомъ языкѣ появилось два полныхъ перевода ¹⁾ „Точнаго изложенія православныя вѣры“ и третій ²⁾ не законченный. Редакція журналовъ „Христіанское Чтеніе“ и „Церковный Вѣстникъ“, рѣшивъ издать въ теченіе ряда лѣтъ полное собраніе твореній св. Іоанна Дамаскина, полагала, что каждая строка драгоцѣнныхъ произведеній стойкаго и мужественнаго борца за православіе должна сдѣлаться понятной и близкой русскому народу.

Переводъ твореній св. Іоанна Дамаскина дѣлается по изданію Migne'я—*Patrologiae cursus completus, series graeca, t. XCIV—XCVI.*

¹⁾ а) Переводъ московской духовной Академіи: „Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Дамаскина Точное изложеніе православныя вѣры“. Москва 1844. Этотъ переводъ выдержалъ нѣсколько изданій. б) Переводъ преп. петербургской духовной семинаріи, нынѣ профессора петербургской духовной Академіи А. А. Бронзова: „Точное изложеніе православной вѣры. Твореніе св. Іоанна Дамаскина“. С.-Петербургъ 1894.

²⁾ См. „Христіанское Чтеніе“ 1839: I, 42, 194, 309; II, 52; IV, 40, 196. 1840: IV, 62. 1841: I, 63, 252, 389; II, 98.

Арабское житіе св. Іоанна Дамаскина.

Въ 1912 году, въ одной изъ типографій Сиріи, былъ изданъ арабскій текстъ житія св. Іоанна Дамаскина. Издатель его, Константи́нъ Баша ¹⁾, уже ранѣе занимался христіанскою арабскою литературою, и его перу принадлежитъ изданіе арабскихъ трудовъ писателя IX вѣка Теодора Абу-Курры (Абукары), предполагаемаго ученика Іоанна Дамаскина, и переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на французскій языкъ ²⁾.

До сихъ поръ арабскаго текста житія Іоанна Дамаскина еще не издавалось. Но вопросъ объ арабскомъ житіи этого святаго имѣетъ важное значеніе для лучшаго уразумѣнія и болѣе правильной оцѣнки его греческаго житія. Последнее, написанное Іоанномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, изданное въ 1712 году извѣстнымъ Лекіеномъ и перепечатанное затѣмъ въ 14-мъ томѣ греческой Патрологіи Миня, до опубликованія арабской версіи житія Іоанна Дамаскина являлось лучшимъ источникомъ для знакомства съ жизнью знаменитаго защитника иконопочитанія ³⁾. Въ 1897 году А. Панадопуло-Керамевсъ издалъ еще два греческихъ текста житія Іоанна Дамаскина, изъ которыхъ первое, анонимное и совершенно легендарное ⁴⁾, озаглавлено „Житіе... Космы и Іоанна Дамаскина, пѣсно-

¹⁾ *Biographie de Saint Jean Damascène. Texte original arabe. Publie pour la première fois par le P. Constantin Bacha. Imprimerie Grecque Melchite de Saint Paul. Harissa (Liban). 1912.*

²⁾ См., напр., *Les oeuvres arabes de Théodore Aboucara, évêque d'Haran. Beyrouth, 1904. Un Traité des oeuvres arabes de Théodore Abou-Kurra, évêque de Haran. Tripoli de Syrie—Rome—Paris.*

³⁾ См. *J. Langen. Johannes von Damaskus. Gotha, 1879, S. 19.* Греческій же текстъ житія см. также въ *Acta Sanctorum. Maii t. II. прилож. с. I—VII (= Migne).*

⁴⁾ См. *Б. М. Меліоранскій. Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ, два малоизвѣстныхъ борца за православіе въ VIII вѣкѣ. С.-Петербургъ, 1901, с. 96.*

пѣвцевъ“,--а второе, изложенное іерусалимскимъ патріархомъ Іоанномъ Меркурополомъ, называется „Житіе... Іоанна Дамаскина и Космы 1)“.

Для насъ очень интересно свидѣтельство греческаго житія о томъ, что въ его основаніе было положено жизнеописаніе Іоанна Дамаскина, „грубо составленное“ на арабскомъ языкѣ. т. е. на простомъ арабскомъ языкѣ, и написанное арабскими буквами 2). Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ, не имѣемъ ли мы въ изданіи Баша первоначальный арабскій текстъ, о которомъ говорить греческое житіе. Уже это одно обстоятельство должно вызвать извѣстный интересъ у византинистовъ къ нашему тексту. Самъ издатель вѣритъ въ это и озаглавливаетъ свое изданіе такъ: „Основное житіе св. Іоанна Дамаскина. Сочиненіе монаха Михаила антиохійца, изъ монастыря св. Симеона“.

Обратимся къ написанному по-арабски предисловію Константина Баша (с. 3—6).

Издатель, въ предисловіи, сказавъ нѣсколько словъ о жизни Іоанна Дамаскина, замѣчаетъ, что, несмотря на великое значеніе его личности и дѣятельности, болѣе или менѣе обстоятельная исторія жизни Іоанна появилась долгое время спустя послѣ его смерти. Только въ XI вѣкѣ, когда Антиохія была завоевана сельджуками, монахъ монастыря св. Симеона, въ окрестностяхъ Антиохіи, Михаилъ, знакомый съ греческимъ и арабскимъ языкомъ, написалъ по-арабски житіе Іоанна Дамаскина, на основаніи различныхъ полезныхъ исторій, о чемъ онъ самъ говоритъ во введеніи къ нашему арабскому тексту житія.

Немного времени спустя, житіе это было переведено на греческій языкъ съ большими измѣненіями Іоанномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, который, по мнѣнію издателя произведеній Іоанна Дамаскина, извѣстнаго Лекіена (въ 1712 г.), жилъ въ X вѣкѣ. Мнѣніе послѣдняго было принято почти всѣми европейскими учеными, но, какъ думаетъ Константинъ Баша, безъ достаточныхъ основаній. Такъ напр., монахъ Агапіи критскій, авторъ сочиненія „Спасеніе грѣшниковъ“, жившій въ XVI вѣкѣ.

1) 'Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας... ὑπὸ Ἀ. Παπαδόπουλου—Κεραιμῆς σ. IV, ἐν Πετροῦπόλει, 1897, σ. 270—350; поправки и дополненія въ т. V, 1898. с. 405—407.

2) *Migne. Pat. gr., t. 94. col. 433* (с. III): Τοῦτου τοίνυν τὸν βίον, ὡς ἐτυχεν ἐσχεδιασμενὸν ἀγροῦκιστὶ, παρορατέον, καὶ μᾶλλον μόνον διαλέκτῳ καὶ γραμμασί τοῖς Ἀρβίκοις; col. 439 (с. XXXIX): ἐφ' οἷς τοῦτον κалὸν ἔρανον ἄλλου πεποιηκότος, ὡς εἶχεν ὁ ἄνθρωπος, ἀφελῶς αὐτὸς εὐρηκῶς, καὶ διαλέκτῳ Ἀράβων καὶ γραμμασί κείμενον. ὁ ἡμωνιμῶν σο... μετέβηλον. 'Ανάλεκτα, IV, σ. 350: αὐτὸς εὐρηκῶς ἐγὼ κατὰ δύναμιν ἔραψα καὶ διαλέκτῳ Ἀράβων καὶ γραμμασί κείμενον ὁ ἡμῶν θιατέρῳ συνωνυμῶν εἰς τὸ τοῦ λόγου τοῦδε εἶδος μετέβηλον...

въ третьемъ томѣ говорить, что житіе написано Іоанномъ. патриархомъ антиохійскимъ. Это сочиненіе Агапія было въ XVII вѣкѣ переведено на арабскій языкъ священникомъ Іосифомъ ал-Мусавиръ изъ Алеппо ¹⁾. Затѣмъ Георгій Паладопулосъ въ своей книгѣ о греческой музыкѣ, вышедшей въ свѣтъ въ Афинахъ въ 1890 году, въ примѣчаніи къ стр. 156, говорить, что въ бібліотекѣ монастыря св. Діонисія на Аѳонѣ, подъ № 173, онъ видѣлъ греческое житіе Іоанна Дамаскина, приписанное Іоанну, патриарху антиохійскому, но счелъ это ошибкою переписчика ²⁾.

Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, К. Баша нашелъ въ Хомсѣ (Эмессѣ) древнюю арабскую рукопись, въ которой не доставало нѣсколькихъ листовъ; въ этой рукописи онъ нашелъ часть житія св. Іоанна Дамаскина, и эта часть не имѣла вида перевода, такъ что издателю казалось, что онъ видитъ здѣсь арабскій первоначальный текстъ; но въ послѣднемъ все-таки увѣренъ онъ не былъ.

Немного времени спустя, въ деревнѣ Кафарбу, въ области Хамата (Хама), Баша нашелъ еще арабскую рукопись 1646 года, прекрасно написанную рукою Гавріила, сына Константина изъ Хамата, сына Григорія, хаматскаго митрополита. Въ этой рукописи Григорія, заключающей въ себѣ житія нѣкоторыхъ знаменитыхъ восточныхъ святыхъ, Баша нашелъ житіе Іоанна Дамаскина, которое, по сравненію съ выше упомянутою рукописью изъ Хомса, оказалось лишь сокращеніемъ текста послѣдней; кромѣ того, въ рукописи хаматской не оказалось двухъ листовъ.

Наконецъ, въ Ватиканской бібліотекѣ Баша въ одной рукописи 1223 года, написанной Пименомъ Лавріотомъ (изъ лавры св. Саввы), среди знаменитыхъ „Ста главъ“ Іоанна Дамаскина, нашелъ арабскій текстъ его житія, оказавшійся по сравненію съ другими рукописями наиболѣе полнымъ и правильнымъ, если не считать сокращенія предисловія автора житія. На этомъ-то ватиканскомъ текстѣ Баша и обосновалъ свое настоящее изданіе,

¹⁾ Баша здѣсь имѣетъ въ виду Агапія (въ міру Аѳанасія) Ланда (Λάνδος), умершаго ранѣе 1664 г. Вотъ полное заглавіе упомянутого нашимъ издателемъ сочиненія Агапія: Βιβλίον ὡραϊότατον καλούμενον Ἀραρατωλῶν Σωτήρια μετὰ πλείστης ἐπιμελείης συντεθέν ἐν κοινῇ τῶν Γραικῶν διαλέκτῳ. παρὰ Ἀγαπίου Μοναχοῦ τοῦ Κρητοῦ, τοῦ ἐν τῷ ἀγωνίῳμῳ ὄρει τοῦ Ἁθῶ ἀσκήσαντος... Ἐνετίησι. φημά. См. *E. Legrand. Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au dix-septième siècle. I. Paris 1894, p. 413; II, 1894, p. 185; III, 1895, p. 531.*

²⁾ Здѣсь Баша имѣетъ въ виду книгу Г. Γ. Παπαδοπούλου—Συμβολαίαι: τὴν ιστορίαν τῆς παρ' ἡμῶν ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Ἀθήναι, 1890.

прибѣгая иногда въ неясныхъ и испорченныхъ мѣстахъ къ двумъ выше названнымъ рукописямъ; однако, различіе между ними и ватиканскимъ спискомъ оказалось настолькоъ незначительнымъ, что издатель счелъ даже бесполезнымъ эти различія отмѣтить.

Кончаетъ Баша свое предисловіе такими словами: извѣстно, что патріархъ алеппскій Макарій читалъ полную арабскую копию житія Іоанна Дамаскина съ предисловіемъ, какъ онъ самъ не разъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ; при чемъ въ одномъ мѣстѣ онъ приписываетъ житіе монаху Михаилу, въ другомъ мѣстѣ ему же при содѣйствіи Іоанна, патріарха антиохійскаго.

Таково содержаніе предисловія Баша.

Какъ видно, нѣмера ватиканской рукописи, легшей въ основаніе его изданія, Баша не даетъ. Въ мою бытность лѣтомъ 1913 года въ Ватиканѣ я эту рукопись имѣлъ въ рукахъ. Въ каталогѣ арабскихъ ватиканскихъ рукописей Анджелио Май она находится подъ № LXXIX и содержитъ въ себѣ различныя сочиненія Іоанна Дамаскина, напр. 53 главы Діалектики, Изложеніе и объясненіе вѣры, Разсужденіе противъ несторіанъ, Сто главъ о православной вѣрѣ и нѣк. др. ¹⁾ А. Май даетъ такое общее опредѣленіе этого кодекса: *Opera philosophica et theologica e graeca lingua in arabicam ab Abdallah-ben-Alphadeli, metropolitae Melchitarum conversa*. На fol. 317 находится записъ, упоминаемая лишь у Баша. Записъ гласитъ слѣдующее: Написалъ эту книгу Абуларам-ибн-Ганаим-ибн-Абрахамъ, монахъ Биминъ Лавріотъ, въ дамасской церкви блаженной Владычицы Дѣвы Маріи, въ дни аввы Іоанна, архіепископа того же города, и аввы Симеона, сына Абу-Сайбеха, патріарха антиохійскаго. Дополнена эта книга въ послѣднюю декаду мѣс. адара, отъ сотворенія міра 6731, что соотвѣтствуетъ послѣдней декадѣ мѣс. сафара, въ годъ хиджры 620 (т. е. въ концѣ марта 1223 г. отъ Р. X.). Начиная съ fol. 328 идетъ анонимное житіе Іоанна Дамаскина, которымъ и пользовался Баша.

Въ ватиканской рукописи предисловіе житія, которое, въ изданіи Баша, сообщаетъ данныя о его авторѣ, совершенно отсутствуетъ, такъ что кардиналъ Май былъ вполне правъ, назвавъ это житіе, на основаніи даннаго ватиканскаго списка, анонимнымъ. Баша приводитъ предисловіе, очевидно, на основаніи своихъ восточныхъ рукописей.

Для насъ, между тѣмъ, очень интересно предисловіе къ нашему тексту, авторомъ котораго является монахъ Михаилъ, попав-

¹⁾ См. *Catalogus codicum Bibliothecae Vaticanae arabicarum edente Angelo Maio*. Romae, 1831, p. 172—178.

щій въ плѣнъ къ румскому (малоазіатскому) сельджукиду Сулейман-ибн-Кутулмышу при взятіи послѣднимъ Антиохіи въ 1084 году ¹⁾).

Отсюда явствуетъ, что нашъ арабскій текстъ принадлежитъ концу XI вѣка, т. е. написанъ болѣе чѣмъ триста лѣтъ спустя послѣ смерти Іоанна Дамаскина. Судя по введенію нашего издателя Константина Баша, онъ склоненъ считать изданный имъ арабскій текстъ житія болѣе древнимъ, чѣмъ извѣстная его греческая редакція, приписываемая Іоанну, патриарху іерусалимскому. Хотя въ учебной литературѣ мы часто встрѣчаемъ утверженіе, что здѣсь рѣчь идетъ объ Іоаннѣ іерусалимскомъ, современникѣ императора Никифора Фоки, т. е. о второй половинѣ X вѣка (963—969 г.) ²⁾, тѣмъ не менѣе можно отмѣтить и нѣкоторыя сомнѣнія и колебанія относительно личности этого патриарха ³⁾. Изданный Пападопуло-Керамевсомъ греческій текстъ житія называетъ его автора архіепископомъ и патриархомъ іерусалимскимъ Іоанномъ Меркурополомъ. Пападопуло-Керамевсъ полагаетъ, что для X вѣка доказательствъ нѣтъ, и находитъ двухъ патриарховъ іерусалимскихъ Іоанновъ, изъ которыхъ одинъ жилъ въ началѣ XI вѣка, другой же во второй половинѣ XII в.; при чемъ онъ отождествляетъ Іоанна іерусалимскаго ранѣе извѣстнаго греческаго текста съ Іоанномъ Меркурополомъ ⁴⁾, занимавшимъ патриаршій престолъ въ Іерусалимѣ отъ 1156 по 1166 г. Интересно отмѣтить, что наши славянскія Великія Минеи Четин, подъ 4 декабря, даютъ житіе Іоанна Дамаскина, написанное Іоанномъ, патриархомъ антиохійскимъ ⁵⁾.

Полная оцѣнка нашего арабскаго текста, относящагося къ 1085 году, возможна будетъ лишь тогда, когда хронологически будетъ точно опредѣлено его отношеніе къ греческому тексту.

¹⁾ См. *F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène. Paris, 1900, p. 96—97. Streck* въ его статьѣ *Antakya* въ *Encyclopédie de l'Islam. 6-me livraison, Leyde-Paris, 1910, p. 364*; тамъ же библиографія по исторіи Антиохіи.

²⁾ См., напр., *Langen, op. cit., S. 15. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. 2-e Auflage. München, 1897, S. 71.*

³⁾ См., напр., нѣкоторыя колебанія у *Лекіена (Migne. Patr. Gr., t. 94, col. 429—430)*; въ *Acta Sanctorum. Maii t. II, p. 108*; въ новѣйшее время у *Kattenbusch'a: Der oben genannte ἴω; ist verfasst von einem Patriarchen Johannes von Jerusalem, wahrscheinlich dem um 970 gestorbenen (Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. 3 Auflage. B. IX. 1901, S. 287).*

⁴⁾ 'Αχιλακτα, IV, с. 9'—'.

⁵⁾ Великія Минеи Четин. Декабрь, дни 1—5. Москва, 1901 (Изд. Археологической Коммисіи), с. 104.

Отмѣтимъ, что въ XI вѣкѣ всѣ сочиненія Іоанна Дамаскина были переведены на арабскій языкъ ¹⁾. Въ половинѣ XI вѣка процвѣталъ, напр., въ Антиохіи мелкитскій діаконъ, позднѣе митрополитъ Абу-л-Фатх-Абдаллах-ибн-ал-Фадль, который перевелъ философскія и богословскія сочиненія Іоанна Дамаскина, а именно: 1) первыя 53 главы „Источника знанія“; 2) „Изложеніе и объясненіе вѣры“; 3) Извлеченія изъ второй части „Источника знанія“ (противъ ересей); 4) „Книга о православной вѣрѣ“ (третья часть „Источника знанія“); 5) „Трактатъ о православной вѣрѣ“; 6) „Канонъ исповѣданія вѣры“ ²⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и житіе Іоанна Дамаскина появилось на арабскомъ языкѣ также въ XI вѣкѣ.

Въ Петербургѣ, въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ, есть также рукописи съ арабскими переводами сочиненій Іоанна Дамаскина, напр., „Изложеніе православной вѣры“, „Диалектика“ и нѣкоторыя другія ³⁾.

Въ Ватиканѣ, кромѣ уже отмѣченной рукописи, находится еще нѣсколько рукописей съ сочиненіями Іоанна Дамаскина на арабскомъ языкѣ, напр., № 78 (*Paradisus intellectualis*), № 177 (53 главы Диалектики, e graeca lingua in arabicam conversa ab Antonio monasterii sancti Simeonis in monte Antiochiae abbate; 100 главъ о православной вѣрѣ), № 178 (*Liber dialecticae ex graeco in arabicum idioma ab anonymo conversus*), № 179 (*Liber dialecticae ad Cosmam episcopum civitatis Maiumae*) ⁴⁾.

Считаю не лишнимъ также отмѣтить, что въ Вѣнѣ существуетъ греческій палимпсестъ, гдѣ минускульнымъ письмомъ XI вѣка, по опредѣленію Сп. Ламвроса, написано житіе Іоанна Дамаскина, приписываемое Іоанну, патриарху Іерусалимскому, и напечатанное у Миня ⁵⁾. Вопросъ лишь въ томъ, правильно ли датировано Ламвросомъ письмо палимпсеста, относимое имъ, какъ мы видѣли, къ XI вѣку.

Въ настоящій моментъ, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я имѣю намѣреніе лишь предложить въ возможно болѣе

¹⁾ См. *Un Traité des oeuvres arabes de Th. Abou—Kurra*. Par le P. C. Bacha. Tripoli de Syrie. p. 5, n. 1.

²⁾ G. Graf. *Die christlich-arabische Literatur*. Freiburg im Breisgau. 1905, S. 68—69.

³⁾ *Le baron Victor Rosen*. *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique*. St.-Petersbourg, 1881, p. 4—5. Здѣсь же можно найти нѣкоторыя указанія на западно-европейскія рукописи.

⁴⁾ *Catalogus... A. Maio*, p. 172, 319—325.

⁵⁾ *Spyr. P. Lambros*. *Ein griechisches Palimpsest in Wien*. *Byzantinische Zeitschrift*. V. (1896), S. 566.

дословномъ переводѣ изданную Константиномъ Баша арабскую версію житія св. Іоанна Дамаскина. Какихъ-либо изслѣдованій въ области его исторіи я пока не берусь дѣлать.

Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить мою сердечную благодарность приватъ-доценту Петербургскаго Университета П. Ю. Крачковскому, который, съ присущей ему всегда товарищескою готовностью, помогъ мнѣ разобраться въ затруднительныхъ для меня мѣстахъ даннаго арабскаго текста житія Іоанна Дамаскина.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единого Бога. Аминь! Стр. 7.

Повѣствованіе о житіи отца нашего, выдающагося среди блаженныхъ, знаменитаго среди лучшихъ святыхъ, аввы Іоанна Дамаскина, пресвитера, по прозванію Златоточивый (Χρσοτόχης): то, что легко было собрать изъ данныхъ о его исторіи. Да поможетъ намъ Богъ его молитвами. Аминь!

Вотъ что побудило и заставило меня рассказать и написать житіе Отца нашего блаженнаго, святаго аввы Іоанна Дамаскина, пресвитера, по прозванію Златоточивый. Да помилуетъ насъ Богъ въ его молитвахъ. Сулейман-ибн-Кутулмышъ осадилъ городъ Великую Антиохію и сталъ громить ее съ расположенной на востокъ горы, которая называется ал-Каисакилъ, въ воскресенье, перваго числа мѣсяца Кануна I, въ восьмой индикціонъ, въ лѣто 6593 отъ сотворенія міра (т. е. 1084). Въ теченіе трехъ дней онъ овладѣлъ городомъ: изъ жителей его не осталось въ живыхъ никого, кромѣ тѣхъ, которые въ бѣгствѣ взобрались на гору въ городскую крѣпость. Въ тотъ день я, бѣдный Михаилъ, монахъ, пресвитерь,—а это былъ вторникъ,—находился въ городѣ, спасся отъ турокъ бѣгствомъ и спрятался въ одномъ темномъ помѣщеніи. Богъ, по Своей волѣ, укрылъ меня отъ ихъ взора и спасъ меня отъ нихъ. Когда наступила ночь и я увидѣлъ, что городъ оставленъ жителями, на меня напали страхъ и безпокойство: я прицалъ себя за то, что остался позади нихъ и не поднялся на гору вмѣстѣ съ населеніемъ моего города. Потомъ въ полночь я всталъ и началъ взбираться на гору, такъ что къ утру достигъ воротъ крѣпости. Въ то время, какъ я старался войти въ нее, изъ нея выѣхала на коняхъ толпа жителей города и съ ними отрядъ | турокъ ¹⁾, которыхъ они призывали на помощь изъ крѣ-

¹⁾ Здѣсь разумѣются турки-сельджуки, враги иконійскихъ турокъ Сулеймана.

ности Артахъ и дали имъ много денегъ съ тѣмъ, чтобы они помогли имъ противъ врага ихъ Сулеймана; и они быстро спустились. Въ то время, какъ я обращался направо и налево, чтобы войти въ крѣпость, я увидѣлъ, что они возвращаются въ бѣгство, а турки Сулеймана ихъ преслѣдуютъ. Меньше чѣмъ въ часъ, они погнали всѣхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которые находились на стѣнѣ, на горѣ, въ крѣпости и ея окрестностяхъ, а сверхъ того верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, и заставили спуститься внизъ. Я былъ въ числѣ плѣнныхъ и упрекалъ себя въ неблагоразуміи. Всякій разъ, какъ я вспоминалъ объ этомъ очень печальномъ происшествіи, глаза мои проливали потоки слезъ, | потому что это было чрезвычайно страшное и ужасное бѣдствіе, подобнаго которому въ столь короткое время никогда не случалось. Когда ихъ люди гнали насъ по склону горы и мы были въ смущеніи и отчаявались въ жизни, я вспомнилъ о днѣ— а это была среда четвертаго числа упомянутаго мѣсяца—и о томъ, что я прежде видѣлъ въ этотъ день въ населеніи Аптіохіи: радость, веселье, великое ликованіе и торжество; великолѣпнѣйшее платье ихъ и одѣяніе; большое число лицъ, ѣдущихъ верхомъ на верблюдахъ и мулахъ; присутствіе въ церкви святой Варвары и ежегодное празднованіе ея памяти вмѣстѣ съ патриархомъ, церковнымъ клиромъ, правителемъ и главными представителями власти. Тогда я обратился къ ней съ мольбою о заступничествѣ и помощи передъ Богомъ и повторилъ моленіе тому, кто участвуетъ съ нею въ совершеніи праздника своего въ тотъ же самый день, т. е. аввѣ Іоанну Дамаскину, пресвитеру. Я умолялъ его во все время моего спуска съ горы, напоминалъ ему объ усердіи его въ дѣлѣ христіанской вѣры и просилъ защитить и избавить народъ отъ той гибели, среди которой онъ очутился, его молитвами и заступничествомъ; (я такъ молился), пока мы не очутились въ долину. Мы усѣлись на землю, и вотъ глашатаи кричать громкимъ голосомъ, говоря, что Сулейманъ разрѣшилъ плѣннымъ жителямъ города спокойно и безбоязненно возвратиться въ свои жилища. Всѣ возблагодарили Бога,—да будетъ благословенно Его имя!—Который помогъ имъ въ эту минуту своею милостивою любовью и своимъ сокровеннымъ благимъ промысломъ. Это была милость отъ Творца,—да будетъ онъ славенъ!—для описанія качествъ Котораго языки слабы.

Когда прошелъ годъ и наступилъ день двухъ праздниковъ, т. е. праздника святой Варвары и блаженнаго Іоанна, значить на второй годъ въ мѣсяцѣ Канунѣ I, я пожелалъ услышать исторію | святого Іоанна, но отъ всѣхъ узналъ, что подробной исторіи его не существуетъ ни на греческомъ, ни на арабскомъ

языкъ. Я удивился, какимъ образомъ небрежность его современниковъ заставила ихъ забыть его исторію, несмотря на его славу, величіе, обиліе совершенства и почета передъ другими; вѣдь рѣчи его произносятся всѣми христіанами, собирающимися въ церквахъ, ночью и днемъ уже въ продолженіи многихъ лѣтъ. И я не нашель, кто бы мнѣ объяснилъ причину пренебреженія исторіей Іоанна. Я уже раньше слышалъ о немъ отдѣльные рассказы и нашель очень краткія упоминанія, записанныя во многихъ исторіяхъ отцовъ, его современниковъ, и отдѣльныя части. Я собралъ все это, кое-что выпустилъ, такъ какъ нашель, что эта часть исторіи не соотвѣтствуетъ ея основному характеру, и сдѣлалъ изъ этого одинъ связанный рассказъ. Кто внимательно отнесется къ нему, тотъ проститъ меня, что я дерзнулъ на то, что превышаетъ мои силы, и опередилъ ученыхъ, которые были до меня, хотя они и въ этомъ отношеніи, и въ другихъ краснорѣчивѣе меня; но я пожелалъ приблизиться къ нему вслѣдствіе той пользы, которая, какъ я ощущаю, пришла отъ него ко мнѣ. Поэтому я собралъ изъ данныхъ о его исторіи то, что легко было собрать; а это немногое изъ многого. Богъ же воздастъ каждому по силѣ его разумѣнія и труда. Ему подабаютъ слава во вѣки. Аминь!

Для большинства людей¹⁾, желающихъ ознакомиться съ исторіей божественныхъ мужей и блаженныхъ святыхъ отцовъ, слава которыхъ превышаетъ другихъ достойныхъ и ученыхъ,—столповъ церкви, укрѣпленной на скалѣ правой вѣры, и защитниковъ истинной религіи,—для этихъ-то людей нѣтъ ничего лучше и важнѣе чтенія рассказовъ о святыхъ, | которое доставляетъ на- 11
слажденіе, превосходящее всякое другое наслажденіе, и душевную и тѣлесную сладость. Особенно же часто это случается, когда проходитъ послѣ ихъ жизни много времени, и не бываетъ ни связнаго рассказа объ ихъ житіи, ни рассказа, записаннаго на бумагѣ, который раздавался бы въ ушахъ вѣрующихъ христіанъ, собравшихся для поминовенія святыхъ. Извѣстія о нихъ общаются одно за другимъ, въ немногихъ словахъ, по слуху и по преданію; потомъ, въ моментъ наслажденія и пріятной сладости вкушенія рассказа, сообщеніе прерывается, такъ какъ у рассказчика нѣтъ источниковъ для изученія святаго, подобно драгоценнымъ камнямъ, рассыпаннымъ въ различныхъ мѣстахъ и разныхъ мѣстностяхъ; когда же эти разсѣянные жемчуга и дорогіе разбросанные камни будутъ собраны и составятъ нанизанное ожерелье, гдѣ камни, въ надлежащемъ порядкѣ, слѣдуютъ

¹⁾ Отсюда начинается ватиканская рукопись.

одинъ за другимъ, тогда взоры усердно направляются на ихъ созерцаніе и сердца, съ великимъ хотѣніемъ и желаніемъ, устремляются къ слушанію ихъ съ начала до конца; и это для нихъ лучше, чѣмъ драгоценныя камни или мощная, крѣпкая слава. Среди нихъ тогда паходился одинъ, наиболѣе выдающійся по своему значенію и вліянію—блаженный Іоаннъ Дамаскинъ, разсказь о которомъ находится въ настоящее время у насъ, по прозванію Златоточивый, украшающій храмы Господа нашего Христа Всевышняго, восхваляющій Владычицу нашу Дѣву Матерь Его пѣснями, канонами и псалмами, пѣснопѣніями всякаго рода, которыя поетъ народъ въ православныхъ церквахъ въ Господніе праздники и въ торжества святыхъ мучениковъ, написавшій еще многочисленныя книги и возраженія противъ сомнѣвающихся и противорѣчащихъ ему, знающему наизусть книги Ветхаго и Новаго Завѣта послѣ изученія имъ свѣтскихъ наукъ логики и философіи. А блаженной памяти Косьма, исторія котораго извѣстна, епископъ Маюмскій, являлся ему сотрудникомъ въ большинствѣ 12 его сочиненій и псалмовъ вслѣдствіе ихъ совмѣстнаго обученія | и общей жизни, такъ какъ Косьма воспитывался въ домѣ отца Іоанна, и вслѣдствіе ихъ одинаковыхъ въ позднѣйшее время благочестія и монашескаго житія, высокаго по достоинству.

Блаженный Іоаннъ, мѣсто рожденія и воспитанія котораго было въ извѣстномъ городѣ Дамаскѣ, былъ сыномъ Мансура, извѣстнаго подъ названіемъ Иби-Серджунъ (Сергій); послѣдній занималъ почетное мѣсто среди населенія города, крѣпко держалъ бразды управленія имъ, а именно былъ василикомъ, т. е. правителемъ всей его области и собирателемъ съ нея денегъ; онъ слѣдовалъ по пути петипной добродѣтели и похвальной религіозности, боялся Великаго Бога, исполнялъ Его заповѣди и, будучи богато одаренъ мудростью, любилъ знаніе. Поэтому, по Божескому внушенію, онъ озаботился образованіемъ своего сына Іоанна и вознесъ его до наивысшихъ ступеней знанія при помощи его учителя, монаха Косьмы, философа, калабрійца.

Не думай, мой слушатель, изъ-за совпаденія именъ, что это—Косьма, епископъ Маюмы, воспитанный съ Іоанномъ въ домѣ его отца. Это—другой Косьма, зрѣлаго возраста, сильный въ знаніи, отъ котораго они оба (т. е. Іоаннъ и Косьма) получили свое философское образованіе; онъ, т. е. Косьма калабріецъ, прибылъ въ городъ Дамаскъ въ толпѣ многочисленныхъ плѣнныхъ для продажи въ рабство; морскіе разбойники захватили ихъ въ плѣнъ съ одного изъ иностранныхъ судовъ. Если кого изъ плѣнныхъ не покупали и не соглашались на его цѣну, тому они грозили отрубить голову. И каждый изъ нихъ, который

отправлялся на казнь, приходилъ раньше къ Косьмѣ калабрійцу, монаху и философу, находившемуся съ ними въ плѣну и рабствѣ, бросался къ его ногамъ и просилъ его вспомнить о немъ въ своей молитвѣ и помолиться за него, чтобы онъ обладалъ терпѣніемъ и твердостью во время своего страданія и чтобы ему было даровано прощеніе и отпущеніе въ будущей жизни.

Когда морскіе разбойники увидѣли, что Косьма пользуется у плѣнныхъ такимъ большимъ почетомъ и первенствомъ, они сказали ему: „Развѣ ты патріархъ христіанъ? И поэтому они тебѣ удѣляютъ такое большое мѣсто и великое достоинство“? Отвѣчалъ онъ имъ: „Не патріархъ я и не глава, но бѣдный монахъ—философъ“. При этомъ его отвѣтѣ имъ, изъ глазъ его потекли обильнѣйшія слезы. Мансуръ, отецъ Іоанна, увидѣлъ его въ такомъ положеніи, плачущимъ и рыдающимъ; онъ быстро подошелъ къ нему и сказалъ: „Человѣкъ! Что заставляетъ тебя плакать? Твой видъ указываетъ на твое отреченіе отъ міра“. Косьма отвѣчалъ ему: „Не плачу я ни о мірской жизни, ни о ея трудности, ни о mnogой измѣнчивости ея, ни о ея великихъ печаляхъ. Но скорблю я о тѣхъ знаніяхъ, которымъ я обучался съ малыхъ лѣтъ, надъ которыми я трудился въ продолженіе моей жизни, но не воспользовался ими во время моего существованія и не былъ въ состояніи передать ихъ тѣмъ, кто просилъ бы Бога помиловать меня послѣ моей смерти“.

Правитель Мансуръ сказалъ ему: „Какія же изъ паукъ ты усвоилъ“?

И сказалъ ему (Косьма): „Изучилъ и узналъ я ихъ всѣ, такъ что ни одна изъ нихъ отъ меня не укрылась“.

Услышавъ отъ него это, Мансуръ быстро поднялся къ эмиру и просилъ его подарить Косьму; затѣмъ онъ привелъ его въ свой домъ и утѣшилъ сердце его рѣчами, сказавъ ему слѣдующее: „Теперь ты у меня не будешь рабомъ; но, ради Господа, будь свободнымъ. И вотъ, я помѣщу тебя въ моемъ домѣ, сдѣлаю тебя участникомъ въ моихъ деньгахъ и имуществѣ и сравняю тебя со мною въ жизни и питѣ. Но я желаю отъ тебя, чтобы ты обучалъ моего родного сына Іоанна и Косьму, моего сына духовнаго, сироту, моего теперь воспитанника, изъ Іерусалима, тому твоему знанію, о которомъ ты мнѣ разсказалъ“.

И отвѣчалъ ему (Косьма): „Слушаю и повинуюсь твоему приказанію, господинъ мой“!

И началъ онъ обучать ихъ, не разлучаясь съ ними ни днемъ, ни ночью. При ихъ счастливыхъ, т. е. благословенныхъ способностяхъ, они въ короткое время выучились отъ него всѣмъ наукамъ и дошли въ нихъ до предѣла (знанія): эти науки—

грамматика, философія, астрономія и геометрія. Они не оставили ни одной книги, которую бы внимательно не изучили или заботливо не прочли: они усвоили весь всеобщій циклъ (наукъ) греческихъ и старались проникнуть въ глубь Священнаго Писанія, насколько это надлежало. Ихъ превосходство было очевидно для всѣхъ, кто ихъ зналъ. Испытаніе возможно для того, кто пожелалъ бы провѣрить то, что мы рассказали, и узнать ихъ совершенство во всѣхъ наукахъ: если онъ прочтетъ приписываемые имъ пѣснопѣнія, каноны и сочиненія, то узнаетъ, сколь сплсны они были въ знаніи и благочестіи; когда же они пожелали пойти по пути болѣе славному по положенію и болѣе высокому по достоинству, они облеклись въ монашеское одѣяніе и восприняли его ярмо.

Мы dokonчимъ рассказъ объ этомъ въ своемъ подходящемъ для этого мѣстѣ, а теперь возвратимся къ тому, съ чего мы начали раньше.

Когда обученіе ихъ было закончено, Косьма, монахъ-философъ, явился и сказалъ своему господину Мансору: „Твой сынъ Іоаннъ уже изучилъ всѣ науки, и знаетъ онъ не меньше меня. Тоже самое и Косьма. Я и прошу тебя отпустить меня. Я отправлюсь въ Іерусалимъ, поклонюсь святымъ мѣстамъ, поселюсь, съ помощью Божьей, въ монастырѣ св. Саввы, посвящу себя Богу и буду служить Ему остатокъ моей жизни; за твои же милости и благодѣянія буду благодаренъ тебѣ и | буду молиться за тебя“.

И отвѣчалъ ему Мансуръ слѣдующими словами: „Я исполненъ скорби вслѣдствіе разлуки съ тобою и пѣтъ границъ печали моей изъ-за твоего удаленія. Но если ты желаешь отдаться Богу,—да будетъ Онъ славенъ,—покинуть насъ и разстаться съ нами, то я не считаю возможнымъ удерживать тебя отъ этого или препятствовать тебѣ въ этомъ. Иди съ миромъ по хорошему и въ молитвѣ своей вспоминай о насъ“. Онъ отпустилъ его въ путь, какъ Косьма желалъ, и далъ ему все, въ чемъ у него могла быть нужда. И жилъ Косьма калабріецъ въ монастырѣ св. Саввы, согласно своему желанію и избранію, до своей смерти.

Послѣ этого умеръ Мансуръ, и сынъ его Іоаннъ сдѣлался первымъ секретаремъ областного правителя, обладателемъ его тайныхъ и явныхъ помысловъ, его приказаній и запрещеній. Въ это время Константинъ, по прозванію Навозникъ (= Копро-нимъ), сынъ Льва Исавра, возставшаго на божественныя иконы, овладѣлъ городомъ Константинополемъ. Онъ смутилъ всѣ церкви и открылъ гоненіе на твердыхъ въ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа Всевышняго, возставъ на святыхъ изображе-

нія Его, а также на изображенія Матерн Его Св. Дѣвы и вообще на всѣ изображенія святыхъ; онъ ненавидѣлъ разсуждающихъ о естествѣ Бога,—да будетъ велико имя Его!—т. е. посвятившихъ себя аскетической жизни монаховъ, которые слѣдовали по пути житія ангельскаго. Онъ называлъ ихъ одѣтыми въ платье мрака. Милостивый и мудрый Іоаннъ отличался своимъ усердіемъ въ вѣрѣ и своимъ прямыми и твердыми взглядами. Онъ не занималъ никакой опредѣленной должности въ святой церкви и не принадлежалъ къ лицамъ, обладавшимъ церковными кафедрами и церковными властями; но онъ былъ извѣстенъ своей перепиской со всѣми близкими и далекими странами по вопросу объ укрѣпленіи церквей и о приверженности къ достойному прославленію исповѣдыванію поклоненія святымъ иконамъ; перепискою, отличающеюся твердымъ изложеніемъ | и краснорѣчивымъ увѣщаніемъ; при чемъ онъ въ доказательство приводилъ наилучшія слова святаго Василія Великаго, который говоритъ, что почитаніе иконы восходитъ къ ея первообразу. 16

Когда императоръ Левъ, ненавидѣвшій святыхъ иконы, узналъ о его энергичныхъ и чистыхъ дѣяніяхъ и о его перепискѣ, то онъ заскрежеталъ своими зубами и клякми, какъ дикая свинья, и сталъ строить противъ него козни такого рода.

Онъ позвалъ писцовъ изъ канцеляріи, показалъ имъ одно изъ писемъ Іоанна и приказалъ имъ въ совершенствѣ поддѣлать его почеркъ, отнюдь не отступая отъ него по сходству, уподобиться ему по языку и написать подобное письмо, которое имѣло бы видъ посланія отъ него къ императору, гдѣ онъ объяснялъ императору, изъ расположенія къ нему и общности религіи, что большая часть городовъ области Сиріи не занята и свободна; въ нихъ нѣтъ защиты противъ врага, который бы на нихъ устремился, и у нихъ нѣтъ средствъ отразить отъ себя того, кто пожелалъ бы захватить ихъ; легко исполнимо намѣреніе того, кто пожелалъ бы овладѣть ими, и тому подобное въ такомъ же духѣ и родѣ.

Потомъ Левъ написалъ еще другое письмо отъ себя къ правителю Дамаска, гдѣ онъ говорилъ: „Для скрѣпленія любви и мира, которые существуютъ между нами, я, не желая нарушать договоры, на основаніи которыхъ утверждены наши мирныя отношенія, посылаю тебѣ одно письмо, пришедшее въ наше государство отъ твоего секретаря Іоанна, гдѣ онъ подстрекаетъ насъ устремиться на твою область и воспользоваться удобнымъ случаемъ овладѣть твоею страной, такъ какъ она лишена людей для своей защиты и доступна для того, кто пожелалъ бы ею овладѣть. Когда я прочелъ письмо и удостовѣрился въ немъ, я

позналъ искренность любви къ тебѣ съ нашей стороны; а сила твоего значенія у насъ высока. Привѣтъ“!

И отправилъ онъ посла къ нему съ письмомъ императора-еретика и съ письмомъ, поддѣланымъ | сообразно (почерку и слогу) блаженнаго Іоанна.

Когда посолъ прибылъ къ эмиру, онъ собственпоручно вручилъ ему оба письма и объяснилъ передъ нимъ суть письма его министра Іоанна, чтобы оно не попало въ руки послѣдняго и не было имъ скрыто. Эмиръ позвалъ Іоанна, вручилъ ему сначала письмо, въ которомъ былъ поддѣланъ его почеркъ, и сказалъ ему: „Узнаешь-ли, Іоаннъ, этотъ почеркъ и того, кто написалъ это“? И сказалъ ему (Іоаннъ): „Эмиръ! Дѣйствительно, этотъ почеркъ похожъ на мой почеркъ; но это не моя рука, а словъ его не говорили мои губы. Письмо это никогда не было въ моихъ рукахъ, и глаза мои видятъ его лишь (впервые) въ настоящій моментъ, когда я стою передъ тобою“. Затѣмъ (эмиръ) далъ ему письмо византійскаго императора; и тотъ прочелъ его. Когда (Іоаннъ) окончилъ читать его, эмиръ приговорилъ его къ немедленному отсѣченію руки. Іоаннъ много умолялъ его и усердно просилъ его отерочить его казнь, чтобы обнаружить ему козни, благодаря которымъ императоръ послалъ ему письмо. Но эмиръ не внялъ его словамъ и не далъ ему возможности дальше оправдываться: его правая рука была отсѣчена и повѣшена въ центрѣ города Дамаска.

Когда наступилъ вечеръ, Іоаннъ послалъ сказать эмиру: „Эмиръ! У меня въ рукѣ сильнѣйшая боль; и, куда ладонь ея виситъ въ воздухѣ, боль ея вовсе не успокоится. Но, если ты заблагоразсудишь мнѣ дать ее для погребенія въ землѣ, тогда, можетъ быть, эта боль прекратится“. Тогда (эмиръ) приказалъ вручить ему отрѣзанную часть руки. Когда Іоаннъ получилъ ее, онъ вошелъ въ свою молельню и всѣмъ тѣломъ своимъ палъ на землю передъ иконою славной Владычицы и неотклонимой Заступницы; затѣмъ онъ приложилъ | отрѣзанную ладонь свою къ кисти руки и взмолился къ Ней изъ глубины своего сердца; глаза его наполнились горячими слезами, падавшими на его грудь. Онъ говорилъ: „О, святая, чистая Владычица, Мать Бога нашего. Слова Предвѣчнаго по воплощенію Его изъ Твоей чистой крови! Во имя великой любви Его къ человѣческому роду, прошу Тебя обратиться къ Нему съ мольбою за меня и заступиться передъ Нимъ ради обилія скорби моей и силы страданія моего, такъ какъ Онъ знаетъ то, что постигло меня, и до чего я доведенъ былъ иконоборцами, которыхъ я открыто изобличалъ въ лживости и пустотѣ мерзостнаго ихъ вѣ-

рованія вслѣдствіе великой вѣры моеи и любви моеи къ Богу Господу нашему Іисусу Христу Живому Предвѣчному. И вотъ, врагъ челоувѣческой возбудилъ противъ меня козни, и мнѣ отрубили руку. Теперь я стираю ее Тебѣ, чтобы Ты укрѣпила ее тамъ, гдѣ она была прежде цѣлою, свободною отъ всякой боли, чтобы отрѣзанная часть зажила и чтобы Ты показала на рабѣ Твоемъ обиліе Твоего состраданія для того, чтобы языкъ мой не переставалъ хвалить Тебя, пока я буду жить. Вѣдь Ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ я Тебя прошу, благодаря силѣ Воплотившагося отъ Тебя Творца всего міра, его Держателя и Управителя, Которому подабаютъ Слава во вѣки вѣковъ. Аминь!“

Когда онъ молился въ такомъ родѣ и въ такой формѣ, слезы обильно текли изъ глазъ его отъ пыланія сердца его и внутренностей. Онъ тотчасъ задремалъ и увидѣлъ во снѣ Милосердную, въ Ея видѣ и образѣ, Которая взирала на него Своими глазами и говорила: „Рука твоя исцѣлена. Сдержи свое слово Богу твоему и не откладывай обѣщанія своего“. Іоаннъ проснулся въ радости и веселіи, сталъ на ноги съ благодарственной молитвой и тотчасъ запѣлъ то, что подобало быстротѣ отвѣта на его мольбу и полному исцѣленію въ самое короткое время, подобно древнимъ, извѣстнымъ чудесамъ, описаннымъ въ прошедшія времена. Онъ совершалъ свою молитву въ продолженіи ночи, непрестанно находясь въ своей комнатѣ, | благода 19
даря Всевышняго Бога и возглася о Его блестящихъ чудесахъ и обиліи прекрасныхъ милостей. Но дѣло Іоанна не укрылось отъ враговъ его, которые наклеветали на него эмиру, будто у Іоанна не была отрѣзана рука; но онъ далъ денегъ, и была отрѣзана рука другого челоувѣка, а не его, такъ какъ онъ въ своемъ домѣ очень радуется своему состоянію.

И позвалъ его эмиръ. Когда же онъ разсмотрѣлъ слѣдъ отрѣзанной части на его рукѣ, онъ удивился случаю съ нимъ и сказалъ ему: „Какой врачъ лечилъ тебя и что ты употреблялъ для своего излеченія?“ И отвѣтилъ ему Іоаннъ громкимъ голосомъ и съ восторгомъ, превосходящимъ проповѣдника, слѣдующее: „Мой Христосъ—искусный врачъ. Онъ можетъ сдѣлать все, что ни пожелаетъ. Поэтому для Него не трудно было исцѣлить меня, и Онъ быстро исполнилъ мое дѣло“.

И сказалъ ему эмиръ: „Какъ кажется моей мысли, ты свободенъ отъ подозрѣнія, въ которомъ мы тебя держали. Мы просимъ у тебя прощенія за него и за то, что мы столь поспѣшно пошли ему на встрѣчу. Возвращайся на свою службу и на свою должность. Съ этого дня мы не будемъ поступать безъ твоего приказанія и не будемъ противодѣйствовать твоему сужденію и совѣту“.

Тогда Іоаннъ упалъ на землю передъ нимъ, оставался въ такомъ положеніи долгое время и просилъ его простить его и отпустить его по пути Господа его, по тому пути, который онъ избралъ и который угоденъ Богу. Послѣ большого всилія и труда, онъ согласился отпустить его. И отправился (Іоаннъ) тотчасъ въ свой домъ и раздѣлилъ большую часть своего имущества бѣднымъ и нуждающимся. Потомъ онъ пустился въ путь въ Іерусалимъ и направился въ монастырь св. Савы, въ сопровожденіи Косьмы, который воспитывался въ домѣ отца его и былъ соучастникомъ его въ наукѣ и образованіи; вслѣдствіе стремленія ихъ пойти по пути болѣе славному по положенію и болѣе высокому по достоинству, они должны были облечься въ почетное монашеское одѣяніе и пріять его честное легкое бремя. |

Когда Іоаннъ обратился къ настоятелю монастыря съ просьбою (разрѣшить ему) поселиться у него и принять монашество, тотъ очень обрадовался его приходу и усерднѣе хвалилъ его стремленіе. Вслѣдствіе его великой славы, возвышеннаго положенія и почитанія его, (настоятель) желалъ, чтобы одинъ изъ выдающихся и совершенныхъ старцевъ принялъ къ себѣ Іоанна для руководительства его жизнью сообразно съ почетомъ, котораго онъ заслуживалъ и который ему подобалъ, и чтобы онъ научилъ Іоанна монашескому житію безъ тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, которые связываются съ путями святыхъ отцовъ и совершенныхъ подвижниковъ. Но старецъ уклонился принять Іоанна и просилъ настоятеля поручить его другому. Послѣ того какъ настоятель переговорилъ съ большинствомъ старцевъ по этому вопросу, они не склонились къ его желанію, но приводили ему основанія, говоря слѣдующее: „Этотъ мужъ высокъ по положенію, богатъ совершенствами и великъ значеніемъ, такъ что ему нельзя покоряться нашимъ приказаніямъ и подчиняться нашимъ велѣніямъ. И мы просимъ тебя, чтобы ты избавилъ насъ отъ него“. Когда вопросъ о немъ принялъ такое положеніе и затянулся, пришелъ къ настоятелю одинъ изъ духовныхъ, простыхъ старцевъ и сказалъ ему: „Я возьму на себя руководство Іоанномъ“. И поручилъ настоятель ему Іоанна.

Когда онъ прошелъ съ нимъ въ его келлію, старецъ началъ наставлять его, говоря слѣдующее: „Я ставлю тебѣ, мой духовный сынъ, условіемъ, чтобы ты отбросилъ отъ себя всѣ мірскіе образы и ихъ суетныя, ввергающія въ заблужденіе превратности. Все то, что ты будешь видѣть, что дѣлаю я, то же самое, подобно мнѣ, дѣлай и ты. И не возносись знаніемъ, которое ты приобрѣлъ: знаніе монашеское и подвижническое не ниже его, но гораздо выше его по своему положенію и мудрости. Старайся

порвать съ твоими увлеченіями и дѣлать то, что противорѣчить твоему удовольствію. Не дѣлай никакого дѣла безъ моего указанія и совѣта. Не пиши никому писемъ. О мірскихъ наукахъ, которыя ты изучилъ, не говори и не вспоминай вовсе“. Іоаннъ склонилъ передъ нимъ свою голову, поклонился ему и обѣщалъ въ совершенствѣ и вполне слѣдовать его завѣту и указанію.

Послѣ того, какъ онъ остался у него продолжительное время, 21 наставникъ его пожелалъ испытать его повиновеніе и испытывать, до какой степени доходитъ онъ въ своей добродѣтели. Онъ сказалъ ему: „Духовный сынъ мой! Я узналъ, что работа наша, т. е. корзинки, требуется въ Дамаскѣ: а у насъ ихъ набралось много. Встань, пойди въ городъ, продай ихъ и деньги за нихъ принеси, такъ какъ мы въ нихъ нуждаемся на наши расходы“. Послѣ этого (наставникъ) велѣлъ ему нести корзины и назначилъ ему за нихъ двойную цѣну, чтобы онъ не могъ быстро и легко ихъ продать. Когда (Іоаннъ), придя съ ними въ Дамаскъ, ходилъ по площади съ корзинками и не находилъ покупателя вслѣдствіе большой цѣны ихъ и его прибавки къ ихъ настоящей цѣнѣ, то увидѣлъ его одинъ изъ рабовъ, служившихъ ему раньше. Онъ узналъ (Іоанна), но не показалъ ему, что онъ узналъ его; онъ почувствовалъ къ нему состраданіе, пожалѣлъ его и далъ ему всю цѣну, которую тотъ просилъ. (Іоаннъ) взялъ отъ него деньги и возвратился къ своему наставнику, увѣчивъ себя вѣнцомъ побѣды, одержавъ верхъ надъ демономъ гордости и высокомерія.

Однажды умеръ старецъ-монахъ, бывшій сосѣдомъ наставника Іоанна. У него былъ родной братъ, который сильно печалился вслѣдствіе разлуки съ нимъ и не могъ удержаться отъ плача и скорби всякій разъ, какъ вспоминалъ о немъ. И просилъ (братъ) авву Іоанна составить для него благозвучный тропарь въ видѣ утѣшенія въ его скорби, чтобы онъ его произносилъ и утѣшался, когда будетъ читать его и отвлекаться имъ отъ рыданій, которыя для него бесполезны. И отвѣчалъ ему Іоаннъ, усиленно уклоняясь (отъ этого), слѣдующими словами: „Я боюсь порицанія со стороны старца, моего наставника, (за нарушение) того, въ чемъ я ему обязался въ началѣ моего монашества“. И сказалъ ему монахъ, который просилъ его: „Я не сообщу о немъ и не буду произносить его иначе, какъ наединѣ“. И сочинилъ ему (Іоаннъ) тропарь, который до сего дня читается при погребеніи и которымъ постоянно пользуются, — (тропарь) прелестный, прекрасный, изящный, красивый, начало котораго таково: „Поистинѣ, | всѣ вещи суетны и преходящи“. Іоаннъ началъ 22 пѣть его и заканчивать. Въ то время, какъ онъ громко читалъ

тропарь, засталъ Іоанна его наставникъ и сказалъ ему: „Развѣ я это тебѣ приказалъ? Развѣ я повелѣлъ тебѣ пѣть вмѣсто того, чтобы плакать?“. И сообщилъ ему (Іоаннъ) о просьбѣ монаха, его сосѣда, и просилъ простить ему нарушение его приговора. Но тотъ отвѣтилъ ему: „Тебѣ не подобаетъ жить со мною. Уходи поскорѣе отъ меня!“.

И вышелъ Іоаннъ отъ него опечаленный и пошелъ къ монастырскимъ старцамъ, чтобы они попросили его наставника разрѣшить ему возвратиться къ нему и простить ему его грѣхъ. Когда старцы пришли къ его наставнику, онъ не принялъ ихъ просьбы. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „Развѣ у тебя нѣтъ эпитиміи, чтобы наказать его, а затѣмъ принять нашу просьбу и отпустить ему его грѣхъ?“.

И сказалъ онъ имъ: „Если онъ вычиститъ лопатою отхожія мѣста старцевъ-монаховъ и покажетъ мнѣ на этой работѣ свое повиновеніе, я возвращу его въ его келлію“. И ушли (старцы)—опечаленные и смущенные.

Увидѣвъ ихъ, блаженный Іоаннъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, поклонился имъ и сталъ спрашивать ихъ о томъ, что по его дѣлу приказалъ старецъ, его наставникъ. И отвѣчали они ему: „Поистинѣ, намъ оказалось такъ трудно склонить старца, твоего наставника, какъ мы и не ожидали; а именно, онъ согласился на эпитимію, о которой мы никогда не слышали и не знали“. И сказалъ имъ (Іоаннъ): „Какая же это?“ И сказали они ему: „Вычистишь ли ты лопатою отхожія мѣста старцевъ?“. И отвѣтилъ имъ (Іоаннъ), съ быстротою своего повиновенія и совершенною пріятностью своего нрава, | слѣдующими словами: „Для меня это легко сдѣлать и не трудно выполнить“. Тотчасъ взялъ онъ лопату и корзинку и началъ работу въ келліи, которая примыкала къ ихъ жилищу.

Когда увидѣлъ старецъ быстроту его поступка и обиліе его смиренія, онъ поспѣшилъ къ нему немедленно, не далъ ему окончить работы, схватилъ его за обѣ руки, цѣловалъ въ голову и глаза его и сказалъ: „Довольно, сынъ мой, довольно! Ты въ совершенствѣ высказалъ смиреніе, и даже больше, чѣмъ смиреніе. Тебѣ не нужно упражняться въ иной добродѣтели. Иди сюда, въ твою келлію, съ привѣтомъ и довольствомъ, съ совершеннымъ почетомъ и миромъ!“.

Немного дней спустя, наставнику его явилась во снѣ Владычица, которая ему сказала: „Зачѣмъ это ты преграждаешь источникъ и мѣшаешь ему течь и литься. Поистинѣ, Іоаннъ предназначенъ, чтобы своими пѣснопѣніями украшать церкви и праздники святыхъ, и чтобы вѣрующіе наслаждались пріят-

постью его словъ. Позволь ему говорить все, что онъ хочетъ и желаетъ: Духъ Утѣшителя говорить языкомъ его“. Когда настало утро, старецъ сказалъ блаженному Іоанну: „Сынъ мой духовный! Если отнынѣ къ тебѣ придетъ слово, которое ты скажешь, то никто не будетъ тебя отъ него удерживать, такъ какъ Богъ одобряетъ и любитъ это. Открой уста твои и говори о всемъ, что тебя будетъ вдохновлять. Мое же запрещеніе тебѣ объясняется моимъ невѣжествомъ и малознапіемъ“. Тогда Іоаннъ началъ составлять каноны на святое Воскресеніе со стихирами и тропарями. Блаженный Косьма также занимался тѣмъ же, чѣмъ онъ. Они соревновали другъ съ другомъ въ рѣчахъ своихъ обиліемъ и крѣпостью божественной любви, и никогда, на протяжении ихъ жизни, на нихъ не нападали ни зависть, ни высокомеріе.

Что касается преславнаго Косьмы, то, послѣ того какъ онъ прожилъ значительное время въ лаврѣ св. Саввы, епископы, жившіе въ Іерусалимѣ, обратились къ нему съ усердною просьбою | и посвятили его во епископы города Майюмы, извѣстнаго 24 теперь подъ названіемъ Мимасъ. Онъ управлялъ хорошо и угодно Богу и пасъ паству свою на пастбищѣ спасенія; онъ достигъ возраста крайней старости и удалился ко Господу.

Что же касается до блаженнаго Іоанна, то патріархъ святого города призвалъ его къ себѣ и посвятилъ его въ діаконы безъ его желанія; но благодаря силѣ своего настоянія передъ нимъ, патріархъ отвратилъ Іоанна отъ его точки зрѣнія. Когда послѣдній вернулся отъ него въ лавру, то еще съ большимъ усердіемъ предался исполненію религіозныхъ обрядовъ и подвижничеству и занялся сочиненіемъ своихъ рѣчей, которыя распространились до крайнихъ предѣловъ вселенной.

Къ числу ихъ (надо отнести) исторію Варлаама и Іосафа, въ которой онъ высказалъ всю божественную и человѣческую мудрость. Что касается до рѣчей его „О правой вѣрѣ и о воплощеніи Предвѣчнаго Слова“, о его выступленіи противъ враговъ-иконоборцевъ и другихъ схизматиковъ, то, если кто изъ людей, преданныхъ знанію, внимательно познакомится съ ними, тотъ познаетъ истину рѣчей его, силу обилія словъ его и ревность его въ христіанской вѣрѣ. Свидѣтелемъ того, что я сказалъ, я приведу лицо, въ пользу свидѣтельства котораго нѣтъ сомнѣнія,—это святой Стефанъ Новый, | исповѣдникъ за иконы 25 въ царствованіе Константина Копронима.

Упрямый Константинъ сильно желалъ, чтобы блаженный Стефанъ отдалился отъ своего справедливаго взгляда на почитаніе иконъ, и въ своемъ желаніи дошелъ до крайней степени.

Но такъ какъ онъ не могъ измѣнить его образъ мыслей, несмотря на то, что старался вліять на него всякими хитростями и различными непріятностями, которыя онъ доставлялъ Стефану,—послѣдній же оставался твердъ въ своемъ сознаніи,—тогда Константинъ приказалъ изгнать его на одинъ изъ острововъ, послѣ его перваго изгнанія и прежде чѣмъ заключить его въ темницу Преторій, гдѣ находились въ заключеніи 340 отцовъ, члены которыхъ носили слѣды жестокихъ отсѣченій, многочисленныхъ ударовъ и мученій за поклоненіе иконамъ. Когда же изгнаніе его на этомъ островѣ продолжалось нѣкоторое время, тогда устремились къ нему настоятели монастырей и славнѣйшіе изъ монаховъ, извѣстныхъ своею набожностью, жившихъ въ странахъ Европы, Византіи, Вивиніи и въ области Абрусія (Прусіады-Бруссы). Всѣ они пришли къ блаженному Стефану, какъ къ любимому отцу и избранному руководителю, съ просьбою указать имъ путь и дать совѣтъ къ спасенію. Стефана, вслѣдствіе его изгнанія, охватила сильная печаль: онъ проливалъ обильныя слезы изъ-за гоненія на церковь. И сказали ему они: „Скажи намъ, отецъ, что намъ нужно дѣлать, такъ какъ мы тонемъ въ смущеніи“.

Когда блаженный увидѣлъ, что къ нему толпами приходятъ отцы, онъ выдралъ свои сѣдые ангелоподобные волосы и сказалъ: „Дѣти и почтенные братья! Нѣтъ ничего лучше рѣшенія избрать совершенное благочестіе, и нѣтъ ничего сильнѣе души, которая не пожелаетъ служить злу. Я убѣжденъ, на основаніи вашего смиренія, что вы предохранены и отъ того, и отъ другого. Поэтому скорѣе вы будьте мнѣ совѣтниками и руководителями, такъ какъ *„оскудѣша очи мои въ слезахъ, смутися сердце | мое о сокрушеніи дщере людей моихъ“*,—говорю я вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей ¹⁾; вѣдь вижу я невѣсту Господа грубо и горько осажденною злымъ, лживымъ и издавна ведущимъ борьбу съ нашей природою демономъ и сильно плачу я и рыдаю о туманѣ, лежащемъ на пастыряхъ и паствѣ“.

Когда блаженный Стефанъ обратился къ нимъ съ этими словами и еще другими въ собраніи именитыхъ монаховъ, которые устремились къ нему, проливали обильныя слезы, били себя въ грудь и стонали, онъ отвѣтилъ имъ слѣдующими словами: „Такъ какъ для насъ есть лишь три части, которыя не приобщились къ этому растлѣвающему ученію, то я совѣтую вамъ туда направиться; вѣдь изъ мѣстъ, находящихся подѣ

¹⁾ *Плачь Іереміевъ*, II, 11. См. Vita S. Stephani. Migne. Patr. gr., t. C, col. 1113—1116.

властью этого діавола, не осталось другого мѣста, гдѣ бы не повиновались его приказанію и ученію“.

И сказали они ему: „Гдѣ же эти области, чтобы мы отпра- вились туда“?

И отвѣчалъ онъ имъ такими словами: „Области это тѣ, которыя находятся въ предѣлахъ Понта Евксинскаго и прилегающей области Херсона; а также области, лежащія по Парѣнѣйскому морю и прилегающія къ Южному заливу, до склоновъ древняго Рима, до области Тибра, рѣки Рима, и до предѣловъ нижней приморской части Ликии и другихъ мѣстностей на берегу; а также островъ Кипръ и расположенные за нимъ Триполи, Тиръ и Яффа. Нѣтъ нужды намъ говорить о главенствующихъ патріархахъ Рима, Антиохіи, Іерусалима и Александріи, которые не только презирали вѣрованія иконосожигателей, но проклинали ихъ, изрекали противъ нихъ анаѹему и не переставали разсылать посланія, позорящія (ихъ вѣрованія), поносящія императора-обманщика, виновника этого растлѣвающего ученія; при чемъ они называли его еретикомъ и главою раскола. Изъ тѣхъ, кто наиболѣе поносилъ императора, былъ многославный Іоаннъ Дамаскинъ, называемый мятежнымъ тираномъ Мансуръ¹⁾, а нами—чистый, святой и богоносный. Этотъ святой Іоаннъ не переставалъ писать императору, называя его главою шутовъ, безумцевъ, иконосожигателемъ и ненавистникомъ святыхъ; епископовъ же, которые были на сторонѣ императора, онъ называлъ почитателями брюха и слѣдующими мнѣнію животныхъ; особенно же (разумѣлъ онъ) любителей конныхъ ристалищъ и зрѣлищъ: Бастилу, Трикакафа, епископа Наколія и Азсикія, называя ихъ за это новыми Зивомъ, Зевеемъ, Салманомъ и Даваномъ, а подчиненныхъ имъ—собраніемъ Авирона²⁾).

Когда блаженный Стефанъ сказалъ это и еще много душеполезнаго, отцы, прощаясь съ нимъ, зарыдали, цѣловали его, покинули его и направились въ мѣста безопасныя для бѣгства, не изъ боязни мученичества, а боясь козней | тирана и своей малой опытности, потому что тотъ, кто не имѣетъ опыта, не совершенень.

Борьба аввы св. Іоанна въ защиту святыхъ иконъ и православной вѣры дошла до такихъ предѣловъ, что онъ сталъ поносить императоровъ и главныхъ представителей духовенства

¹⁾ Vita: ὁ παρὰ τοῦ τερίνου τούτου Μανσοῦρ ἐπονιχταίς (col. 1120).

²⁾ Vita: Μιλίτζι τοὺς ἱπποδρομικοὺς φιλόγωνας καὶ φιλοδαίμονας. Πατριλᾶν καὶ Τρικκακᾶρον, Νικολαίτην τε καὶ τὸν φιλοδαμόν 'Ατζύλιον, ὡς νεοὺς 'Φρήβ, Ζήβ, Ζεβεῆ, Σαλμανὶν τε καὶ Δαδῖν, καὶ τοὺς ὑπ' αὐτοῦς ὡς τὴν συνγωγὴν 'Αβειρῶν ἀπεκάλεσεν (col. 1120). См. Числа XVI, XXVI, 9; Второзаконіе, XI, 6; Псал. IXXXII, 12; CV, 17.

и правительства изъ-за его блестящаго усердія и такой прямоты вѣры, что его слава и совершенства были провозглашены во всѣхъ далекихъ и отдаленныхъ областяхъ, и онъ сдѣлался образцомъ, по слѣдамъ котораго идутъ вслѣдствіе великой борьбы его и обилія его подвижничества.

Сколь нужно намъ теперь, христіанское собраніе, почитать память его, достойную всякой славы, божеской и человѣческой, такъ какъ почти ни въ какое время нельзя обойтись безъ многополезныхъ его сочиненій, постоянно радующихъ вѣрующихъ! И часто льется изъ обильнаго источника нѣчто болѣе сладкое, чѣмъ медъ, капающій съ медовыхъ пряниковъ, и часто болѣе пріятное, чѣмъ его вкушаніе, потому что сочиненія Іоанна превосходны во всякомъ мѣстѣ, во всѣхъ смыслахъ для всякаго желанія; они извѣстны, очевидны, ясны.

Когда же Іоаннъ достигъ глубокой старости, богатой добрыми дѣлами, онъ освободился изъ условій міра и удалился къ желанному Христу, у Котораго успокоилась его душа, витая въ небесномъ Царствѣ, гдѣ находятся селенія высокія, блестящія, исполненныя всѣхъ радостей и счастья, которыя превыше описаній въ прославленіи Троицы и святыхъ со стороны херувимовъ и въ ликованіи серафимовъ, въ вознесеніи славы и хвалы.

Я прошу тебя, отецъ нашъ блаженный Іоаннъ, чтобы ты заступился за мое смиреніе и отъ малаго знанія моего и великаго ничтожества принялъ сей небольшой рассказъ, который я составилъ на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій о твоихъ добродѣтеляхъ многочисленныхъ и обильныхъ. Мнѣ не было извѣстно о всей ихъ многочисленности: я только собралъ изъ книгъ отдѣльныя, разбросанныя части, которыя нашель вмѣстѣ съ житіями отцовъ твоего времени, записанными вмѣстѣ съ тѣмъ, что было присоединено по слухамъ и по преданію въ разномъ порядкѣ. Я связалъ одно съ другимъ, такъ что (рассказъ) сталъ единымъ ожерельемъ, пригоднымъ для духовнаго пользованія тому, кто захочетъ питаться имъ и извлечь пользу, ознакомившись съ нимъ; вмѣстѣ съ этимъ читающаго вполне удовлетворить польза отъ него; онъ познаетъ величіе твоей мудрости и заботливости, до какого предѣла онъ дошли. Вмѣстѣ съ тѣмъ я пылалъ желаніемъ и старался, по мѣрѣ возможности, чтобы этотъ незначительный отрывокъ ничтожной рѣчи изучался въ славный день твоего поминовенія, приходящійся на 4-е число Кануна І, и чтобы твой славный годовой зѣло радостный праздникъ не былъ лишенъ вознесенія хвалы и прославленія Св. Троицы: Отцу, Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

А. Васильевъ.

Греческое житіе св. Іоанна Дамаскина.

I. Обыкновенно люди почитаютъ священныя изображенія тѣхъ мужей, которые сохранили образъ Божій незапятнаннымъ и неповрежденнымъ—являлся ли онъ таковымъ съ начала, или былъ восстановленъ послѣ того, какъ прежде не разъ изглаживался и загрязнялся. А кто хочетъ обнаружить въ отношеніи нихъ особенное почтеніе, тѣ, изображая черты святыхъ, щедрою на всякое великолѣпіе рукою употребляютъ лучшіе и изящные матеріалы, полагая, что этимъ они оказываютъ большую честь святымъ. Итакъ, если (люди) въ такой степени заботятся объ изяществѣ изображеній святыхъ, то неужели слѣдуетъ повѣстовать объ ихъ дѣяніяхъ, допускать, чтобы рѣчь были небрежна и не изящна? Никоимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, невѣжественнымъ людямъ простиительно, если они, какъ могутъ, необработанными словами рассказываютъ о дѣяніяхъ угодившихъ Христу. Но тѣмъ, у кого слово было предметомъ изученія, непростиительно слагать житія святыхъ небрежно, какъ попало, и особенно о такихъ мужахъ, которые дышали и жили для науки и которые своимъ словомъ очищали умъ отъ невѣдѣнія и забвенія, а душу отъ всякаго страстнаго движенія.—и которыми укрощается вселенная, и всякій умъ просвѣтился писаніями, надъ которыми они трудились и которые не внѣшней только премудрости имѣютъ сладость, но и издають обильный свѣтъ Утѣшителя.

432

II. Однимъ изъ нихъ и изъ первыхъ между ними является великій Іоаннъ, получившій наименованіе отъ своего отечественнаго города Дамаска. Онъ былъ не малое свѣтило на церковномъ небосклонѣ, но весьма великое и весьма блестящее. Онъ блисталъ не только во тьмѣ ереси, всюду распространившейся, но онъ разгонялъ всякую ночь неправаго ученія своими посланіями. Въ самомъ дѣлѣ, повсюду во вселенной распространилась ночь, по-

мрачая свѣтлыя черты почитаемыхъ иконъ, и мракъ былъ глубокъ. Тотъ же, который его распространялъ и производилъ, не простой былъ человекъ, который сѣялъ бы зло лишь въ одной части вселенной, но этотъ въ рукахъ держалъ, такъ сказать, предѣлы вселенной, ибо онъ обладалъ скипетромъ римской имперіи. Поэтому и великъ былъ тотъ, чье дыханіе всюду вѣяло, и который со страшною силою искоренялъ священныя изображенія; а тѣхъ, которые почитали ихъ, этотъ государь, бывшій по имени и по духу Львомъ, однихъ сдѣлалъ себѣ пищу, *яко левъ восхитаяя и рыкаяя* (Пс. XXI, 14), другихъ же православныхъ своимъ рыканіемъ разсѣялъ по различнымъ странамъ и заставилъ ихъ скрываться въ подземныхъ убѣжищахъ. И многіе предпочитали обитать со львами и драконами. чѣмъ жить вмѣстѣ съ нимъ и его пособниками. Иные же, подѣ дѣйствіемъ страха, бѣжали въ отдаленныя предѣлы вселенной, *ибо левъ возреветъ, и кто не убоится* (Амос. III. 8)—и убѣгали отъ него, какъ отъ лица змѣя.

III. Этотъ же мужъ, исполненный духовной благодати и соименный ей ¹⁾, воспыла въ гнѣвомъ противъ единаго этого змѣя, такъ что и гнѣвъ сталъ ревностью и добродѣтелью. Не во Фракіи живя въ то время, убѣжалъ онъ къ савроматамъ, и не изъ Византіи удалился къ геркулесовымъ столбамъ, и не изъ царскихъ чертоговъ ушелъ въ пустыни, испуганный рыканіемъ льва; но проводя время сначала въ Дамаскъ, а затѣмъ въ Палестинѣ и подвизаясь въ пустынномъ мѣстѣ, онъ благороднѣйшимъ образомъ вступилъ въ борьбу противъ Льва, и, несмотря на столь великое разстояніе, мой трижды сильный борецъ своими книгами, выкованными на огнѣ Утѣшителя и закаленными водою жизни, пронзилъ, словно трехконечнымъ копьемъ, сердце царя. Но объ этомъ въ соответствующемъ мѣстѣ пространнѣе и лучше изложить наше слово. Итакъ, неужели слѣдуетъ допустить, чтобы жизнь такого мужа была написана, какъ попало, грубыми словами, и притомъ еще на арабскомъ языкѣ и арабскими письменами? Ни въ коемъ случаѣ. Посему должно рассказать, отъ какого благороднаго корня произошелъ этотъ цвѣтушій отпрыскъ и какое отечество хвалится тѣмъ, что его произвело.

IV. Этимъ отечествомъ былъ городъ Дамаскъ. Подобно тому, какъ этотъ городъ хвалится Павломъ, ибо первый увидалъ восхищеннаго на небо, когда тотъ оставилъ нечестіе и изъ недруга Христа сдѣлался Его другомъ, такъ онъ прекрасно и славно хвалится и этимъ мужемъ (Іоанномъ), ибо онъ пришелъ сюда не изъ другихъ странъ и не изъ другой вѣры перешелъ

¹⁾ Еврейское имя Іоаннъ значитъ „благодать Господня“.

къ православної, но городъ этотъ произвелъ его, повилъ его болѣе для благочестія, нежели для тѣлеснаго существованія, и, вскормивъ его наукою, сильно хвалится своей отраслью. Этотъ городъ гордится и радуется этимъ мужемъ болѣе, чѣмъ другими своими славными достопримѣчательностями, напимѣръ, умѣренностью своего климата, сладкими и прозрачными водами притока, которыя его обильно орошаютъ. Этотъ городъ превозносится и гордится не обиліемъ благородныхъ плодовъ, а тѣмъ, что въ немъ произрасло это прекрасное и благородное дерево, воспитанное *при истодищихъ водѣ* (Пс. I, 3) и давшее плоды духа 436 во время свое; и нѣкоторые изъ его плодовъ все время остаются у насъ свѣжими, пріятными для взора и сладкими для вкуса. И тѣхъ, кто касается ихъ и вкушаетъ, они не только услаждаютъ, но и питаютъ, и способствуютъ росту вкушающаго, и возводятъ, и совершаютъ его въ мужа совершеннаго въ Св. Духѣ. Такимъ образомъ, городъ Дамаскъ этимъ своимъ порожденіемъ славился болѣе, чѣмъ всѣми другими своими благами и удовольствіями, которыми онъ изобиловалъ; таковъ былъ городъ, изъ котораго произошелъ этотъ мужъ.

V. Его предки были благочестивы, и только одни соблюли среди терній цвѣтъ благочестія и благоуханіе Христова званія. Только они сохранили названіе христіанъ, какъ нѣкоторое славное и неотъемлемое наслѣдіе, ничѣмъ не запятнавъ православной вѣры, съ гѣхъ поръ какъ потомки Агари овладѣли городомъ. Отсюда, за свою добродѣтель, они сдѣлались славными среди невѣрныхъ, такъ какъ ихъ добродѣтель почитали и враги,—или, лучше сказать, подобно тому, какъ Богъ прославилъ Давида у ассиріянь за обнаруженное имъ благочестіе (Дан. II, 48), а Иосифа въ Египтѣ (Быт. XLII, 41), изъ плѣнниковъ сдѣлавъ ихъ начальниками и господами среди чужихъ и враговъ, такъ и здѣсь предковъ Іоанна Онъ сдѣлалъ правителями дѣлъ у самихъ сарацинь. Такимъ образомъ и здѣсь благочестивые плѣнники стали управлять плѣнившими ихъ невѣрными. О, великія чудеса Божіи и поразительныя знаменія! Нѣтъ ничего выше добродѣтели! нѣтъ ничего цѣннѣе и выше благочестія! ибо какъ *знамя на холмѣ* (Пс. XXX, 17), или лучше сказать, какъ свѣтильникъ ночью, какъ сѣмя Израилю (Ис. I, 9), какъ искра въ пеплѣ, такъ родъ предковъ Іоанна остался въ Дамаскѣ, чтобы произвести этотъ блестящій свѣтильникъ, который долженъ освѣтить предѣлы земли; таковы были предки у восхваляемаго (мужа).

VI. Отецъ его, исходя отъ столь добраго корня, старался благочестіемъ и прочими добродѣтелями превзойти своихъ родителей, обнаруживая особенную любовь къ Богу: ибо надлежало,

чтобы столь славный мужъ, который долженъ былъ достигнуть вершинъ добродѣтели, имѣлъ ближайшимъ виновникомъ своего бытія такого человѣка, который былъ бы выше своихъ предковъ, чтобы восхождение на высоту совершалось правильно, какъ бы чрезъ постепенное поступательное движенія. Такимъ образомъ казалось, что въ отношеніи этого великаго и славнаго мужа божественнымъ Промышленіемъ свыше все устрояется такъ же, какъ прежде въ отношеніи Іоанна Крестителя. Такъ какъ долженъ былъ возсіяты бѣльшіи бывшихъ до него пророковъ и совершить тайну всего предшествовавшего ему священства, именно, крещеніе Господа, то Промышленіемъ было устроено такъ, что онъ произошелъ не отъ простыхъ людей, но вышелъ изъ священнической семьи, и родитель его былъ пророкъ. Такъ и здѣсь родителемъ Іоанна божественное Провидѣніе избираетъ человѣка въ высшей степени благочестиваго и человѣколюбиваго; ибо, будучи поставленъ за превосходство своей добродѣтели и за другія преимущества своей жизни распорядителемъ общественныхъ дѣлъ во всей странѣ, онъ собранныя имъ обильныя богатства употреблялъ не на гулянья и пиры и бесполезныя траты, но то, что имѣлъ золотомъ и другимъ (движимымъ) имуществомъ, употреблялъ на выкупъ плѣнныхъ христіанъ. Что же касается его недвижимыхъ имѣній, большая часть которыхъ находилась въ 440 Іудеѣ и Палестинѣ, то онъ предоставлялъ ихъ для отдыха и пропитанія тѣмъ выкупленнымъ имъ христіанамъ, которые селились въ этихъ мѣстахъ; другихъ же онъ отпускалъ, свободно позволяя имъ идти, куда хотятъ. Такова была человѣколюбивая добродѣтель этого мужа. Имѣя много, онъ какъ будто не имѣлъ ничего, и день и ночь отдавая свое богатство Богу.

VII. Будучи таковымъ, онъ получаетъ въ качествѣ награды не за страннолюбіе, какъ Авраамъ, а за человѣколюбіе дивное дитя, родившееся, если не по обѣтованію, то по божественному предвѣдѣнію и предопредѣленію; ибо Богъ, предвидя, какимъ будетъ Іоаннъ, предопредѣлилъ, чтобы онъ родился отъ этого мужа въ награду за его постоянное человѣколюбіе къ тѣмъ, которые лишались свободы и попадали въ ужасное рабство. Итакъ, у него рождается это славное дитя, и его, еще младенцемъ, отецъ дѣлаетъ сыномъ свѣта чрезъ возрожденіе отъ духовной матери. Этимъ онъ совершаетъ дѣло въ то время весьма нелегкое, на которое не многіе могли осмѣлиться, живя среди язычниковъ. Послѣ этого, заботою отца отрока было не то, чтобы научить его искусно ѣздить верхомъ, ловко владѣть копьемъ, мѣтко стрѣлять изъ лука или сражаться со звѣрями и, вмѣсто естественной кротости, сообщить ему звѣрскую жесто-

кость, которая обыкновенно бывает удѣломъ большинства тѣхъ, чей духъ часто возмущается гнѣвомъ и кто привыкъ производить дикія и неистовыя движенія. Поэтому отцу Іоанна не требовался другой Хиронъ, воспитанный на горахъ, который бы вскормилъ своего ученика мозгами оленей; но ему нуженъ былъ всесторонне образованный мужъ, который бы зналъ всякую науку, который бы отъ сердца своего отрыгалъ благія слова (Ис. XLIV, 2), чтобы онъ и сына его воспиталъ этою пищею и этими лакомствами. И Богъ исполняетъ священное желаніе мужа, и ищущій находитъ того, кого онъ искалъ. Образъ же обрѣтенія желаемаго таковъ.

VIII. Дамасскіе варвары, сдѣлавъ обычный набѣгъ на приморскія страны, увели въ плѣнъ многихъ христіанъ. Затѣмъ, отправившись на корабляхъ въ море, они плѣнили еще многихъ. Приведя послѣ того плѣнныхъ въ свой городъ, однихъ они выставили на продажу, а другихъ повлекли, чтобы дать пищу мечу. Среди послѣднихъ былъ одинъ мужъ, одѣтый въ монашескую одежду, родомъ изъ Італіи, прекрасный (*κόσμος*) по виду, еще болѣе прекрасный (*κοσμιώτερος*) душой, и по имени Косьма (*Κοσμάς*). Нѣкоторая величавость его вишняго вида свидѣтельствовала о его внутреннихъ качествахъ. Влекоме на казнь припадали къ ногамъ его, просили его умилосердить о нихъ Бога и помолиться, чтобы они пашли у человѣколюбиваго Бога прощеніе своихъ согрѣшеній. Варвары, видя то почтеніе, которое обреченные на смерть оказывали этому величественному мужу, подойдя, спросили у него, какую онъ должность занималъ у христіанъ и какими почестями пользовался. Онъ же отвѣчалъ имъ такими словами: „Никакой мірской должности я не занималъ, а облеченъ только священническимъ помазаніемъ; я простой монахъ, предавшійся занятію философіей не только нашей и боголюбивой, но и той, которой учили языческіе мудрецы“. Когда же онъ сказалъ это, глаза его наполнились слезами. 144

IX. Невдалекъ стоялъ отецъ Іоанна, и, увидя плачущаго мужа, онъ подошелъ къ нему, чтобы утѣшить его въ несчастіи, и сказалъ: „почему же ты, человѣкъ Божій, оплакиваешь потерю, какъ я этого міра, ты, который уже давно отказался отъ него и умеръ вижу по твоему платью“. А монахъ ему отвѣчалъ: „я оплакиваю потерю не этой жизни: я, какъ ты сказалъ, для міра умеръ, но меня печалитъ то, что я постигъ всю человѣческую мудрость и тотъ кругъ наукъ, который лежитъ въ ея основаніи. Риторикой я изощрилъ свой языкъ, діалектическими приемами и доказательствами воспиталъ свой умъ, нравственную науку изучилъ такъ, какъ предали ее Стагирить [Аристотель] и сынъ Ари-

444 стона [Платона]; учение о природѣ мною было усвоено въ такой мѣрѣ, въ какой это доступно человѣку; я изучилъ основы ариѳметики и въ геометріи достигъ вершины знанія; музыкальныя созвучія и пропорціи я въ достаточной степени изслѣдовалъ; не оставилъ я безъ вниманія также и того, что касается небснаго движенія и вращенія свѣтилъ, чтобы изъ величія и красоты творенія почерпать, въ мѣру моего знанія, созерцаніе Творца. Ибо кто пріобрѣтаетъ болѣе ясное познаніе твореній, тотъ и болѣе ясно мыслить и дивясь выше цѣнить Того, Кто ихъ создалъ. Отсюда я перешелъ къ тайнамъ богословія, какъ того, которое намъ предали сыны эллиновъ, такъ и того, которому безошибочно учили наши богословы. Напитавшись этими познаніями, я еще не успѣлъ передать проистекающую изъ нихъ пользу другимъ и не успѣлъ родить сына въ философін, подобнаго своему отцу: ибо подобно тому, какъ большинство людей желаетъ имѣть естественныхъ дѣтей, полагая, что чрезъ это сохраняется преемство ихъ рода, такъ и тѣ, которые занимаются философіей, желаютъ родить дѣтей чрезъ наученіе и посвященіе, чтобы златой родъ философовъ сохранялся въ жизни все время. И тѣ, кто рождаетъ такого дивнаго сына, пріобрѣтаютъ безсмертную славу. Кромѣ того, благиости свойственно, что она и другимъ сообщаетъ тѣ блага, которыми сама богата. Тотъ же, кто не таковъ и не желаетъ этого, тотъ пребываетъ не въ добрѣ, но во злѣ, такъ какъ исполненъ превозношенія и зависти, не желая подѣлиться съ другими тѣмъ благомъ, которое самъ получилъ. Поэтому и *еже мнитъя имѣти*, берется у него, какъ у того раба, который не отдалъ своего таланта торжникамъ (Мѳ. XXV, 29). Я же избралъ благую часть и усиленно стремился сообщить присущую мнѣ мудрость другимъ. А такъ какъ я не достигъ того, чего желалъ, чтобы мнѣ занять мѣсто среди вѣрныхъ рабомъ, удвоившихъ свои таланты, отдавъ ихъ на пользованіе другимъ, и такъ какъ я не имѣю сына въ философін и ухожу, такъ сказать, бездѣтнымъ, то потому я, какъ ты видишь, печаленъ, обливаю лицо слезами и страшно скорблю.

X. Услыхавъ эти слова, (отецъ Іоанна), который искалъ такого сокровища, отвѣчалъ ему: „полно, блаженный мужъ, ободрись, можетъ быть Господь исполнить желанія сердца твоего“. Съ этими словами отецъ Іоанна поспѣшно пошелъ къ сарацинскому князю и, припавъ къ его ногамъ, просилъ себѣ прекраснаго Косѣму. И его просьба не была отвергнута. Онъ получаетъ даръ, который подлинно стоилъ дорого. И отвѣдя мужа въ свой домъ, онъ утѣшалъ его и старался разсѣять его печаль. При этомъ онъ присовокупилъ еще такія слова: „ты не только

отнынѣ свободенъ, но я тебя дѣлаю сообщникомъ моего дома, господиномъ вмѣстѣ со мною, соучастникомъ всякой моей радости и печали. Отъ тебя же, почтенный мужъ, я прошу только одного, чтобы ты тщательнѣйшимъ образомъ воспитать и научилъ моего сына по крови, Іоанна, а также этого другого отрока, у котораго одно съ тобой имя, котораго я сдѣлалъ своимъ духовнымъ сыномъ и который происходитъ изъ Іерусалима и съ младыхъ лѣтъ потерялъ своихъ плотскихъ родителей, всякой, какую ты знаешь, наукъ и философіи, какъ внѣшней, такъ и той, въ которую благодать Духа посвятила достойныхъ“. Философъ же, слыша эти слова, былъ подобенъ коню, порвавшему узду и бѣгущему по равнинѣ, или оленю, жаждущему и выпущенному на источники водные (Ис. ХLI, 2). Ты сказалъ бы, что это нѣкоторый мидянинъ, нашедшій великія сокровища золота. Съ такою ревностію къ дѣлу онъ принимаетъ юношей и становится ихъ учителемъ.

XI. При превосходствѣ своей природы и при ревности своей воли, Іоаннъ былъ словно орелъ, летающій въ небѣ, какъ будто у него были крылья. Его же духовный братъ и соученикъ Косьма былъ подобенъ кораблю, окрыленному парусами, или торговому судну, плывущему по водѣ, когда будетъ попутный вѣтеръ и тихо вѣетъ въ его корму. Такъ, благодаря превосходству ихъ дарованій и ревности, они въ короткое время овладѣли всѣмъ труднѣйшимъ знаніемъ, какъ грамматикой, такъ діалектикой и искусствомъ доказательствъ. Въ нравственной же философіи онѣ успѣли настолько, что не только украсили свой умъ ея изученіемъ, но и смирили душевныя страсти. И подобно тому, какъ орелъ смотритъ на солнце, такъ и они пристальнымъ взоромъ взирали на основы природы. Ариѳметическія пропорціи они усвоили такъ же хорошо, какъ какіе-нибудь Пифагоры или Діофанты, а геометрическія доказательства ими были настолько изучены, что они могли показаться какими-то Эвклидами или подобными ему. Въ музыкальномъ искусствѣ они достигли такого совершенства, какое свѣдущіе люди находятъ въ созданныхъ ими божественныхъ пѣснопѣніяхъ. Что касается астрономіи, то, хотя Іоаннъ, сообразуясь съ ограниченномъ познаніемъ простыхъ людей, и мало писалъ о разстояніи, фигурахъ и пропорціяхъ разстояній, однако, каковъ былъ онъ въ знаніяхъ этого рода, его писанія ясно показываютъ. Таковъ же былъ, несомнѣнно, и Косьма. Но рѣчь о немъ я предоставляю другимъ,—ибо Іоаннъ—предметъ нашихъ похвалъ.

XII. Что касается богословія и точнаго выраженія догматовъ, то кто не признаетъ здѣсь его достоинствъ и не подивится имъ

на основаніи его основоположительной книги или, лучше сказать, совершеннѣйшей въ догматахъ вѣры книги, которую если кто назоветъ законоположеніемъ всего праваго ученія и Моисеевыми скрижалями, не погрѣшитъ противъ истины. Впрочемъ, я знаю, что объ этой книгѣ мнѣ еще предстоитъ говорить съ похвалою далѣе, а не теперь; но мы сказали объ этомъ, чтобы показать, какое образованіе онъ получилъ и какъ разумно и точно изучилъ онъ всякую науку. И удивительно то, что онъ не гордился знаніемъ, но подобно тому, какъ благородныя вѣтви растеній, отягченныя обильнымъ плодомъ, склоняются внизъ, къ землѣ, такъ и великій Іоаннъ, несмотря на умноженіе плодовъ его знанія, склонялся книзу. Однако, его взоръ склонялся не къ землѣ, но къ глубочайшему философскому морю, по которому онъ еще плавалъ, какъ бы на нѣкоторомъ кораблѣ мірскаго пристрастія. Но онъ хотѣлъ покинуть и корабль этого міра и совершенно сбросить одежды плотскаго пристрастія и такъ обнаженнымъ умомъ переплыть море и погрузиться въ глубину, дабы найти лежащую тамъ многоцѣнную жемчужину. Такъ, желая этого и къ этому стремясь, онъ склонялся къ самому дву пучины. И онъ не надмевался знаніемъ, но смирялся любовію къ таинственной мудрости. Такимъ образомъ, мысленная лампада души была у него наполнена елеемъ мірскаго мудрости, чтобы невещественный свѣтъ, сойдя свыше на эту лампаду, зажегъ ее и чтобы Іоаннъ весь просвѣтился свѣтомъ.

449 XIII. Послѣ этого его учитель, повидимому, приведенный къ этому желанію успѣхами ученика, является къ отцу отрока и говоритъ: „вотъ твое желаніе исполнилось, и отроки превосходятъ меня самого въ мудрости, ибо они не удовольствовались тѣмъ, что сравнялись съ учителемъ, но, благодаря превосходству своихъ дарованій и своимъ трудамъ, а можетъ быть, и благодаря тому, что Богъ умножилъ имъ даръ мудрости, стали совершеннѣе меня парить, поднимаясь въ высь философій. Поэтому я болѣе имъ не нуженъ, и пусть наградою за трудъ мнѣ будетъ то, что ты позволишь мнѣ итти въ монашескую обитель и тамъ разумно искать высшей мудрости; ибо философія, которой и прежде занимался, приводитъ меня къ этой мудрости. Кромѣ того, лучше, если я буду избобловать двумя благами и къ прежней мудрости пріобрѣту (новую), совершенно отрѣшенную отъ всего вещественнаго, превышающую всякую мысль и воспринимаемую лишь чистымъ умомъ, совершенно отрѣшившимся отъ тѣла“. Рѣчь философа была горька отцу Іоанна, однако онъ не могъ удержатъ его, чтобы не показалось, что онъ зломъ хочетъ воздать ему за наученіе (сына) наукамъ, но, снабдивъ его всѣмъ са-

мымъ необходимымъ, отпустилъ его съ миромъ. Косьма же, уйдя въ пустыню, въ лавру св. Саввы, и пребывъ тамъ до смерти, отошелъ къ Богу, Который есть сама мудрость. Умеръ и отецъ Іоанна. Сарацинскій же князь, призвавъ къ себѣ Іоанна, хотѣлъ назначить его своимъ первымъ совѣтникомъ. Онъ же отказывался, ибо его влекло въ другую сторону; однако, подѣ дѣйствіемъ настойчиваго принужденія, онъ не могъ болѣе противиться и былъ поставленъ въ болѣеи должности, нежели его родитель.

XIV. Въ это время римской имперіей правилъ Левъ Исаврянинъ, который въ отношеніи почитаемыхъ иконъ и всей православной церкви былъ *яко левъ восхищайи и рыкайи* (Пс. XXI, 14): иконы онъ сжигалъ въ своемъ дикомъ безумствѣ огнемъ, а тѣхъ, которые имъ поклонялись, хваталъ, губилъ и безжалостно терзалъ зубами своего тираническаго нечестія. Это дошло до слуха Іоанна, и онъ послѣдуетъ ревности Ілии и обличенію одноименнаго съ нимъ (Іоанна Крестителя), какъ будто Духъ невидимо помазалъ его прежде помазанія противника нечестія, и издаетъ книгу, какъ бы нѣкоторый мечъ духовный заостренное оружіе, которое должно отсѣчь, словно голову, ученіе этого звѣроправнаго. Именно, онъ послалъ знавшимъ его православнымъ посланіе въ защиту почитанія чтимыхъ иконъ, въ которомъ весьма 452
453
глубокомысленно доказывалъ необходимость поклоненія божественнымъ изображеніямъ. И ихъ онъ убѣждалъ другимъ говорить то же самое и всѣмъ показать его письма. Такъ новый поборникъ истинны всячески старался, чтобы его письма, переходя изъ рукъ въ руки, распространялись среди вѣрныхъ и укрѣпляли православное ученіе, и, по примѣру Павла, хотѣлъ кругомъ исходить (всю) вселенную, если не ногами, то тѣмъ, что въ письмахъ возвѣщалъ истину.

XV. Объ этомъ услышалъ царь Левъ, и, не будучи въ состояніи сносить обличенія своего нечестія, о которомъ весьма ясно возвѣщали писанія Іоанна, призвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ единомышленниковъ и приказалъ имъ, принявши личину благочестія, путемъ разспросовъ и разговоровъ, постараться найти собственноручное посланіе Іоанна. Пособники же нечестія, соблюдая всякую осторожность и скрывая свой коварный замыселъ, искали то, что имъ было приказано, и найдя вручили царю. Царь же, позвавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ писцовъ, далъ имъ образцы писаній Іоанна для подражанія какъ характеру его письма, такъ и въ отношеніи смысла, и въ отношеніи выраженій. Найдя же, что могущихъ послужить въ этомъ достаточно, онъ повелѣваетъ имъ написать, какъ бы отъ лица Іоанна, письмо къ нему, злоименному царю, такого содержанія: „радуйся, царь, и я

сораднуюсь силѣ твоей, ибо у насъ одна и та же вѣра. Я имѣю къ твоему царскому величеству расположеніе и должное почтеніе. въ силу котораго и объ этомъ довожу до твоего свѣдѣнія: нашъ городъ совсѣмъ безопасно охраняется и находящееся здѣсь агарянское войско слабо и легко можетъ быть исчислено. Сжался же, ради Бога, надъ этимъ городомъ и пошли неожиданно храбрый и многочисленный отрядъ, сдѣлавъ видъ, что онъ отъправляется въ другую сторону. Ты легко завладѣешь городомъ, 456 ибо я съ своей стороны немало тебѣ помогу въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ мнѣ подвластна вся эта страна и городъ“.

XVI. Изготовивъ это письмо, нечестивый царь съ одинаковымъ коварствомъ пишетъ другое письмо князю сарацинскому въ Дамаскъ. Письмо это было такого содержанія: „Такъ какъ я знаю, что нѣтъ ничего блаженнѣе мира и счастливѣе дружбы и что соблюдать мирныя договоры похвально и угодно Богу, то я выше всего ставлю сохранять нерушимо тѣ мирныя дружескіе союзы, которые я заключилъ съ твоимъ благородіемъ. Однако, одинъ изъ находящихся подъ твоею властью христіанъ своими многочисленными посланіями призываетъ меня тайно нарушить дружбу съ тобой и коварно преступить договоръ. При этомъ онъ увѣряетъ, что весьма поможетъ мнѣ овладѣть твоимъ городомъ, если только я пошлю противъ него многочисленное войско. А въ подтвержденіе того, о чемъ я тебѣ написалъ, посылаю тебѣ одно изъ его писемъ ко мнѣ, чтобы ты убѣдился, насколько я въ своихъ союзахъ истиненъ и непоколебимъ, и чтобы ты узналъ также зломысліе и хитрость того, кто осмѣлился написать мнѣ это“.

XVII. Оба эти письма соименный льву, по хитрости же зміенравный послалъ черезъ одного изъ своихъ людей къ варвару. Послѣдній, получивъ ихъ, призываетъ Іоанна и показываетъ ему это коварное писаніе. Іоаннъ, прочитавъ его, признаетъ, что почеркъ писанія похожъ на его. то же, что въ немъ заключается, ему совершенно не извѣстно и никогда не приходило на умъ. Отъ Іоанна, по прочтеніи письма, не укрылись хитрость и коварство царя; но князь эготъ, ненавистникъ Христа, къ словамъ Іоанна былъ столь же невнимателенъ, какъ, говоря словами басни, осель къ игрѣ на лирѣ, и онѣмѣлъ къ словамъ благимъ и истиннымъ, и не замолчалъ до тѣхъ поръ, пока не произнесъ неправаго приговора: немедленно приказываетъ отсѣчь правую руку Іоанна. Іоаннъ просилъ дать ему краткое время для оправданія и для объясненія безумной ярости противъ него нечестиваго царя; но варваръ не позволилъ и не допустилъ, сдѣлавшись совершенно внѣ себя отъ неистоваго гнѣва. Такъ отсѣчена была

правая рука, которая своими писаніями составляла для православныхъ силу Божию; отсѣчена правая рука, избличавшая непавидящихъ Господа, и вмѣсто чернилъ, которыми она прежде орошалась, когда писала слово о поклоненіи иконамъ, орошается своею кровію. Итакъ, эту отсѣченную правую руку, такъ сказать, самого Господа повѣсили на площади.

XVIII. Съ наступленіемъ вечера, когда, по предположенію Іоанна, гнѣвъ тирана уже стихъ, онъ послалъ къ нему посольство, умоляя его и говоря слѣдующее: „Боль моя усиливается и стала невыносимой; острое страданіе не стихнетъ до тѣхъ поръ, пока отсѣченная рука моя виситъ въ воздухѣ. Прикажи ее отдать мнѣ, чтобы я скрылъ ее подъ землею и избавился отъ сильнѣйшей боли“. Тиранъ тотчасъ склонился на эту просьбу, и праведнику выдается его рука. Онъ же, взявъ ее, удалился въ свою домашнюю молельню и, павъ ницъ предъ священной иконою, изображающей божественныя черты Богоматери, приставилъ свою правую руку на прежнее мѣсто и изъ глубины сердца молился милосердной, взывая къ Ней со стenanіями и слезами:

Владычице, Пресвятая Матерь, родившая Бога моего!
 Ради божественныхъ иконъ отсѣчена моя правая рука.
 Ты знаешь причину, по когорой возъярился Левъ;
 Испѣвши скоро и исцѣли руку мою.
 Десница Вышняго, которая отъ Тебя восприняла плоть,
 Совершаетъ многія силы чрезъ Твое предстательство.
 Пусть Онъ, по Твоимъ молитвамъ, исцѣлитъ теперь десницу
 мою эту,
 Дабы она даруемая Тобою пѣснопѣнія въ честь Твою и
 Воплотившагося отъ Тебя
 Написала въ стройныхъ созвучіяхъ, Богородице,
 И содѣлалась пособницею православнаго богослуженія,
 Ибо, какъ Магеръ Божія, Ты можешь сдѣлать, что Тебѣ
 угодно.

Прознося со слезами эти слова. Іоаннъ заснулъ и видитъ во снѣ святую икону Богоматери, которая смотритъ на него милостивыми и свѣтлыми очами и говоритъ: „вотъ рука твоя стала здоровой, не медли болѣе, но сдѣлай ее *тостью книжника сьоронисца* (Ис. XLV, 2), какъ ты сейчасъ обѣщала мнѣ“.

XIX. Когда онъ исцѣленный проснулся, то оцупалъ свою отрубленную руку и, увидавъ, что она исцѣлена, возрадовался духомъ о Богѣ, Спасителѣ своемъ, и о Матери Его, *яко сотвори ему величіе Сильный* (Лук. I, 47). И ставъ на ноги, онъ простеръ свои руки вверху и воспѣлъ божественную пѣснь, которая

наиболѣе соотвѣтствовала случаю. И всю ночь со всѣмъ домою своимъ онъ радовался и воспѣвалъ новую благодарственную пѣснь Богу. Онъ пѣлъ такъ: „Десница Твоя, Господи, прославилась въ силѣ, десница Твоя мою пораженную десницу исцѣлила, и черезъ нее поразишь враговъ, не почитающихъ честной иконы Твоей и родившей Тебя, и множествомъ славы Твоей рукою моею сотрешь противныхъ иконоборцевъ“. И была эта ночь для него днемъ и свѣтомъ, а не тьмою (Амос. V, 18); и—если допустить 460 перестановку въ словахъ пророка—былъ тамъ шумъ свѣтлый празднующихъ и *гласъ радованія* (Ис. XLII, 5) въ домѣ праведнаго мужа.

И это совершалось не въ тайнѣ и не въ молчаніи, но этотъ дивный звукъ и это звучное ликованіе доходило до сосѣдей и окрестъ. И тотчасъ нѣкоторые изъ ненавидящихъ христіанъ сарацинъ пошли къ своему князю, говоря ему, что правая рука у Іоанна не отсѣчена, а (отсѣчена) у кого-то другого, можетъ быть, у его раба или у кого-либо изъ его служащихъ, который по расположенію къ господину, отдалъ, вмѣсто его, свою руку; а тѣ, которымъ было приказано отсѣчь (руку), вмѣсто наказанія, взяли деньги; ибо Іоаннъ сидитъ дома и такъ поетъ и ликуетъ, что ты сказала бы, что онъ празднуетъ бракъ и составляетъ свадебную пѣснь, или лучше сказать, его радость, кажется, превышаетъ и такое ликованіе.

XX. Когда это, такимъ образомъ, было доведено до свѣдѣнія (князя), онъ призвалъ Іоанна и, по его приходѣ, приказалъ ему показать отсѣченную правую руку. Когда онъ показалъ се, явилась нѣкоторая линія отсѣченія—это устроила Богоматерь—подтверждая, что отсѣченіе было неложнѣйшее. Послѣ этого варваръ сказалъ: „какой врачъ исцѣлилъ тебя, Іоаннъ, и какія лѣкарства даны были тебѣ“? Онъ же свѣтлымъ и громкимъ голосомъ возвѣстилъ о совершившемся чудѣ. „Господь мой, сказалъ онъ, всемогущій врачъ, который имѣетъ силу, равную Его хотѣнію“. Варваръ отвѣтилъ ему: „Какъ я вижу, человекъ, ты потерпѣлъ несправедливо то, что потерпѣлъ, и прости намъ, что мы подвергли тебя наказанію на основаніи нашего необдуманнаго и неразумнаго приговора. Итакъ, занимай прежнюю должность, и ты будешь первымъ изъ моихъ совѣтниковъ. И впредь я ничего не буду дѣлать безъ твоего мнѣнія и совѣта“.

XXI. Онъ же, упавъ на землю, поклонился ему и, лежа расprostертымъ на землѣ, долгое время просилъ (князя) отпустить его и позволить ему идти другимъ путемъ, болѣе ему любезнымъ, и послѣдовать за Тѣмъ, Кто сказалъ: *Азъ есмь путь* (Іоанн. XIV, 6). Но варваръ не давалъ своего согласія, и каза-

лось, это были единоборцы, какъ сказалъ бы кто-либо: варваръ и праведный мужъ. Первый многими способами боролся, желая удержать Іоанна въ узахъ міра: второй же напрягалъ всѣ силы, чтобы порвать ихъ и улетѣть на крыльяхъ ангеловъ. И (предъ сражающимися) открывалось тогда великое поле, предсѣдателемъ (состязанія) былъ подвигоположникъ Христосъ, а зрителями ангелы. Справедливо сказалъ бы кто-либо, что и злые духи стояли по правую сторону варвара и научали его, какъ убѣдить Іоанна. Но съ великою славою побѣждаетъ мой единоборецъ, и всѣ убѣжденія противника онъ считалъ какъ бы дѣтскими стрѣлами. И 461 онъ уходитъ побѣдителемъ съ блестящей повязкой на головѣ, и съ радостнымъ лицомъ въ свой домъ входитъ тотъ, кто прежде покинулъ его печальнымъ.

XXII. Іоаннъ имѣлъ предъ собою двѣ заповѣди Владыки: одну, которая повелѣваетъ продать имѣніе и раздать нищимъ (Лук. XVIII, 22), и другую, которая требовала оставить домъ, поля и все прочее, ради имени Владыки (Мѣ. XIX. 21. 29), но онъ не занялся исполненіемъ ни первой, можетъ быть, затѣмъ, чтобы не вышло промедленія, ни второй, чтобы, какъ это обыкновенно бываетъ, не произошло множества споровъ и раздоровъ между близкими ему по крови, когда одинъ признаетъ справедливымъ получить одно, а другой другое. Онъ избираетъ средній путь между той и другой (заповѣдью), раздѣливъ все, какимъ владѣлъ, имѣніе нищимъ, плѣннымъ рабамъ своимъ, которыхъ и свободы удостоилъ, родственникамъ и посвятивъ на божественные храмы. Какъ нагимъ вышелъ онъ изъ чрева матери своей, такъ нагимъ удалился и изъ міра, не имѣя ничего, кромѣ необходимыхъ одеждъ. Придя въ Іерусалимъ и воздавъ должное поклоненіе этимъ священнымъ мѣстамъ, какъ олень, жаждущій Бога (Пс. XLII, 1), онъ удаляется въ пустыню и приходитъ въ лавру богоноснаго Саввы, имѣя соучастника его какъ въ ученіи, такъ и въ воспитаніи Косьму не только спутникомъ въ дорогѣ, но и сообщникомъ его намѣреній. Можно сказать, что это была священная пара, и они спѣшили подъ Христово бремя, чтобы подъять Его (αὐτοῦ) яремъ.

XXIII. Итакъ Іоаннъ, который составляетъ предметъ моей книги, входитъ въ этотъ божественный дворъ овчій, припадаетъ къ ногамъ пастыря, настойчиво прося принять его какъ одну изъ находящихся здѣсь овецъ, называя себя погибшею овцою, возвратившеюся изъ пустынныхъ горъ къ пастырю Христу. Пред- 461 стоятель паствы обрадовался ему и ублажалъ его намѣреніе. Воздавъ похвалу ему за жизнь и превосходство запай, онъ рѣшилъ поручить новаго пришлеца одному изъ величайшихъ стар-

цевъ, чтобы, находясь подъ его руководствомъ, онъ шелъ правильнымъ путемъ, путемъ Божиимъ. Первымъ онъ призываетъ того, котораго считалъ выдающимся среди монаховъ обители во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, и рѣшилъ вручить ему Іоанна. Но (старецъ) отказывался, говоря, что неспособенъ руководить столь великимъ мужемъ, снискавшимъ великую славу въ мудрости. Пастыреначальникъ отпустилъ этого старца и призываетъ послѣ него другого; но и другой сказалъ то же, что первый. Послѣ нихъ приведенъ былъ третій иной, а послѣ тѣхъ немало другихъ. И всѣ они въ одинъ голосъ отказывались руководить Іоанномъ.

XXIV. Послѣ многихъ старцевъ былъ приведенъ, наконецъ, новый старецъ, простой нравомъ, но обильный познаніемъ и ревностный. Принявъ ревностнаго Іоанна, онъ удалился съ нимъ въ свою келлію. И прежде всего онъ заложилъ ему прочное основаніе, повелѣвъ ничего не дѣлать по собственной волѣ, жертвовать Богу потъ лица своего въ молитвахъ отъ продолжительности усердія къ нимъ и для того, чтобы очистить пятна прежней жизни, источать изъ глазъ слезы, которыя цѣпляются Христомъ, какъ чистая жертва, выше всякаго другого куренія. Это первое относится къ тому, что совершается чрезъ тѣло. Въ отношеніи же душевнаго: не слѣдуетъ живописать никакого мірскаго мечтапія, не представлять въ душѣ образовъ вещей непристойныхъ и соблюдать умъ отъ всякаго тщетнаго превозпошенія, не гордиться богатствомъ знанія и не думать, что въ тѣхъ наукахъ, которыя онъ изучилъ, все постигнуто имъ. не стремиться также къ нѣкоторымъ видѣніямъ и откровеніямъ тайнъ, не впадать въ чрезмѣрную самонадѣянность, т. е. не думать, будто, до разлученія души съ тѣломъ, можно достигъ безошибочнаго знанія, но знать, что его *помысленія боязливы* и его *умышленія погрѣшительны* (Прем. IX, 14). Стараться о томъ, чтобы не позволять разсѣиваться мысли, но тщательнѣйшимъ образомъ сосредоточивать ее, чтобы такимъ образомъ духъ напитался божественнымъ свѣтомъ, душа очистилась, тѣло освятилось и, наконецъ, тѣло, душа и умъ такъ сочетались бы между собою, чтобы эти три, соединившись съ простѣйшею Троицею, стали чѣмъ-то простымъ, и человекъ сдѣлался бы не тѣлеснымъ, не душевнымъ, но совершенно духовнымъ, когда разумнымъ произволеніемъ двѣ первыя части обратятся въ третью и первичную—разумѣю умъ. Такъ совѣтывалъ отецъ сыну, учитель ученику и къ этому прибавилъ еще и слѣдующее, говоря: „ни къ кому не посылай писемъ и не говори ни съ кѣмъ ни слова о мірскомъ знаніи, старательно упражняйся въ молчаніи, ибо ты знаешь, что это—правило не только

нашихъ философовъ, но и извѣстный Пифагоръ самосскій предписывалъ многолѣтнее молчаніе своимъ ученикамъ, новопосвященнымъ въ тайны философіи. И ты не думай, что прекрасно не во время говорить хорошія вещи. Въ этомъ тебя долженъ убѣдить Давидъ, который говоритъ; *азъ умолчаю отъ благъ* (Пс. XXXVIII, 3), а что отсюда произошло, послушай говорящаго: *Согрѣя сердце мое во мнѣ* (Пс. XXXVIII, 4), несомнѣнно, огнемъ любви къ Богу, ибо чрезъ усиленные размышленія этотъ огонь возгорѣлся въ пророкѣ.

XXV. Такія наставленія преподалъ старецъ Іоанну, и онъ не на водѣ писалъ и не на скалѣ сѣялъ, но сѣялъ въ добрую землю. Итакъ, прошло довольно много времени, какъ Іоаннъ воспитывался у старца, подвергался всякимъ видамъ испытанія, во всемъ обнаруживая безукоризненное послушаніе. И со стороны Іоанна не было противорѣчій тому, что ему приказывалось; не было ропота на языкѣ его и *размышленія* въ сердцѣ его, и онъ совершенно не судилъ внутри себя о томъ, что ему приказывалъ наставникъ. Но въ глубинѣ его духа было запечатлѣно, словно на нѣкоторой скрижалѣ, что, при исполненіи всякаго дѣла и всякаго приказанія, должно дѣлать такъ, какъ завѣщаетъ Павелъ, безъ ропота и разсужденій исполняя приказанное. Ибо какая польза дѣлающему что-либо доброе, если на устахъ его ропотъ, а въ сердцѣ, какъ змѣя, скрывается дурная мысль? Какъ улучшится душа того, который такъ служить? Какъ онъ преуспѣетъ и достигнетъ лучшаго? Отсюда происходитъ, что многіе съ большимъ стараніемъ трудятся, повидимому, для добродѣтели, но трудятся тщетно, не успѣвая и не подвигаясь впередъ.

XXVI. Такъ упражняя подвижника всякими видами послушанія, что же придумываетъ старецъ? Онъ связалъ много корзины для рыбъ, которыя самъ выдѣлывалъ, и подъ этимъ предлогомъ обращается къ Іоанну съ такими словами: „Я слышалъ, дитя мое, что въ Дамаскѣ корзины продаются дороже, чѣмъ въ палестинскихъ странахъ; а ты знаешь, что у насъ много нужды: возьми ихъ всѣ и, какъ можно скорѣе, пойди туда и продай ихъ тамъ не за иную цѣну и не за меньшую, чѣмъ я тебѣ назначу“. И онъ опредѣлилъ за нихъ цѣну вдвое большую (дѣйствительной) стоимости. Послушный же до смерти ничего не возразилъ на слово приказавшаго; но, окрыленный послушаніемъ, онъ возлагаетъ на свои плечи ношу, и прежде выдающійся входитъ въ Дамаскъ нищенски одѣтый, худой и грязный, Онъ обходитъ площадь, продавая корзины. Такъ какъ онъ цѣнилъ ихъ слишкомъ высоко, то возбуждалъ смѣхъ, и всѣ преслѣдовали его оскорбленіями и поношеніями. Наконецъ, одинъ

изъ тѣхъ, которые служили ему въ то время, когда онъ былъ славенъ въ этомъ городѣ. стоя неподалеку, вспомнилъ его лицо, и призналъ, кто этотъ столь жалкій и столь нищенски одѣтый мужъ и къмъ онъ былъ прежде. Со стѣсненнымъ сердцемъ онъ подошелъ къ нему и, какъ бы ничего не зная, купить корзины, давъ ему ту цѣну, какую онъ просилъ. Онъ же, взявъ деньги, возвращается къ пославшему, словно нѣкоторый побѣдитель, храбро повергшій на землю противника, каковымъ былъ родоначальникъ тщеславія и превозношенія.

XXVII. Среди сосѣдей наставника Іоанна былъ одинъ монахъ, который оставилъ земное жилище, переселившись въ обитель небесную и отоидя къ Богу. У него былъ братъ по плоти. Послѣдній, удрученный несчастіемъ, совершенно не могъ молчать о смерти брата. Іоаннъ утѣшалъ брата и, насколько могъ, словами разсѣвалъ его скорбь. Скорбящій же настойчиво упрямиваетъ его сложить ему пѣснь, которая бы утѣшила его скорбь и успокоила его душу. Но Іоаннъ боялся заповѣди старца и не соглашался на его просьбу. Однако просящій не переставалъ просить. „Неужели, говорилъ онъ, ты не пожалѣешь души скорбящаго человека и неужели ты ему не предложишь маленькаго лѣкарства, утишающаго его боль? Если бы ты былъ тѣлеснымъ врачомъ, а меня бы терзала тѣлесная боль, неужели ты не предложилъ бы мнѣ сильнаго лѣкарства? и если бы я страшно страдалъ и, можетъ быть, былъ близокъ къ смерти, то неужели ты не понесъ бы наказанія отъ Бога за свое небреженіе? И теперь, допуская меня страдать въ еще большей степени, не понесешь ли ты и большаго наказанія? Если же ты боишься заповѣди старца, то знай, что о дѣлѣ никому не будетъ сказано и никто о немъ не услышитъ“. Эти рѣчи склонили Іоанна, и онъ составилъ монаху благозвучное пѣснопѣніе объ умершемъ братѣ, которое доннѣ устами всѣхъ поется, именно, пѣснопѣніе: „Все суета человѣческая“.

469

XXVIII. Однажды, наставникъ Іоанна отлучился изъ келліи, а онъ, находясь въ келліи, согласно пѣль упомянутый тропарь, старецъ же, извнѣ подойдя, слышитъ этотъ пріятный звукъ и съ великимъ гнѣвомъ говоритъ Іоанну: „такимъ образомъ ты забылъ о своихъ данныхъ вначалѣ обѣщаніяхъ и вмѣсто того, чтобы печалиться и скорбѣть, сидишь радостный и наслаждаешься пѣснопѣніемъ?“ Онъ же объяснилъ старцу причину и обратилъ его вниманіе на скорбь того человѣка, который заставилъ его (сложить пѣснопѣніе), и, павъ ницъ на землю, просилъ прощенія. Но старецъ стоялъ подобно камню и, нисколько

не тронувшись его просьбами, тотчас же изгналъ его изъ своей келліи.

XXIX. Дивный же этотъ мужъ тотчасъ вспоминаеть о прародительскомъ преслушаніи и о послѣдовавшемъ за него изгнаніи изъ рая. Онъ не зналъ, какъ ему быть и куда обратиться, и былъ исполненъ скорби болѣе, чѣмъ потерявшій брата, обращающій къ себѣ съ такими словами: „Тотъ челоуѣкъ потерялъ брата, я же свою собственную душу погубилъ преслушаніемъ“. Наконецъ, онъ идетъ къ другимъ старцамъ, которыхъ онъ зналъ, какъ выдающихся среди другихъ въ добродѣтели, и посылаетъ ихъ предстателями къ старцу, чтобы молить и просить его смягчиться и простить Іоанну его преступленіе. Они ушли и настойчиво молили его, но онъ не уступалъ, словно статуя, и не позволялъ своему ученику войти въ его келлію.

XXX. Тогда одинъ изъ монаховъ въ отвѣтъ ему сказалъ: „ты можешь дать согрѣшившему другую заповѣдь, а не лишать его сожителства съ тобою“. На это старецъ отвѣтилъ: „я опредѣляю Іоашпу такую заповѣдь; если онъ желаетъ, чтобы ему было прощено его преслушеніе, то онъ долженъ обойти всю площадь лавры и своими руками очистить въ келліяхъ монаховъ мѣста нечистотъ“. Они, услыхавъ это и стыдясь его словъ, ушли съ печалью, удрученные суровостью старца. Іоаннъ, выйдя имъ навстрѣчу и воздавъ обычное почтеніе, спросилъ, что опредѣлилъ ему отецъ. Они же отвѣтили, что поражены суровостью старца и стыдятся передать его отвѣтъ. Но онъ настойчиво умолялъ ихъ открыть ему. Наконецъ, уступивъ его просьбамъ, они говорятъ ему объ этой унижительной очисткѣ. Онъ же, услышавъ эти слова, вопреки всякому ихъ ожиданію, сильно возрадовался и сказалъ, что ему это легко и въ высшей степени пріятно. И онъ тотчасъ идетъ и, испросивъ орудія очистки, приходитъ въ келлію монаха, жившаго по сосѣдству со старцемъ, и, войдя въ нее, началъ грязнить нечистотами тѣ руки, которыя онъ прежде обливалъ благовоніями, и не поколебался погрузить въ нечистоты—о дивное смиреніе мужа!—свою правую руку, исцѣвленную Христомъ.

XXXI. Старецъ, узнавъ о великой ревности Іоанна въ послушаніи и о глубинѣ или, лучше сказать, о высотѣ его истиннаго и великаго смиренія, послѣшно придя къ нему, обнялъ его, палъ на его шею, лобызая его руки, его глаза и плечи. „О, сказалъ онъ, какого великаго подвижника блаженнаго послушанія родилъ я во Христѣ!“ Іоаннъ же, весьма смущенный словами старца, палъ ницъ предъ нимъ, какъ предъ лицомъ самаго Бога, и орошалъ своими слезами землю. Ибо онъ не воз

гордился отъ словъ отца, и похвалы старца не возбудили въ немъ превозношенія; но опъ еще болѣе смирился, и его умъ былъ весьма удрученъ. Такъ разумные мужи отъ похвалъ смиряются и прославленіемъ удручаются, возносясь умомъ своимъ къ Богу. Послѣ этого отецъ поднялъ сына и, взявъ его за руку, радостно удалился въ свою келью. И, глядя на Іоанна, можно было сказать, что онъ теперь возвращается въ райскій Эдемъ. Изобразивъ сначала въ себѣ древняго Адама преслушаніемъ, онъ затѣмъ изобразилъ въ себѣ и новаго Адама, т. е. Христа, своимъ высшимъ послушаніемъ.

XXXI. Спустя немного времени, старцу во снѣ является воспѣтая и чистѣйшая Богоматерь и говоритъ ему: „Зачѣмъ ты заградилъ источникъ, могущій изливать воду столь пріятную, столь прозрачную, столь обильную и живительную,—воду, дающую утѣшеніе душамъ, воду, превосходящую ту, которая чудеснымъ образомъ въ пустынѣ истекла изъ скалы (Числ. XX, 21), воду которую желать пить Давидъ (Пс. XII, 1), воду, которую обѣщала самарянкѣ Христосъ (Іоан. IV, 10). Пусть течетъ источникъ; онъ будетъ течь обильно и пройдетъ по всей вселенной, чтобы обиліемъ своихъ водъ покрыть моря ересей. И онъ измѣнитъ эти моря, придавъ имъ дивную сладость. И жаждущіе должны идти поспѣшно къ водѣ этой, и кто не имѣетъ сребра чистой жизни, тѣ, продавъ свои страсти, должны купить у Іоанна безупречную чистоту въ ученіи и дѣлахъ (Іс. LV, 1). Онъ возьметъ также пророческую кивару и псалтырь Давида и воспоетъ новыя пѣсни, пѣсни Господу Богу. Онъ своими пѣснопѣніями превзойдетъ пѣснь Моисея и хоровое пѣснопѣніе Маріамъ (Исх. XV, 1 и 20). Басней окажутся суетныя пѣсни Орфея. Онъ воспоетъ духовную и небесную пѣснь. Онъ будетъ подражать херувимскимъ пѣснямъ и всѣхъ дочерей Іерусалима сдѣлаетъ своими дѣвами тимпанницами (Пс. LXVII, 26), воспѣвающими новую пѣснь Богу, которая возвѣститъ смерть Христа и воскресеніе. Онъ дастъ правильное опредѣленіе догматовъ вѣры и обличитъ неправоту и павращенность всякой ереси. Отъ сердца своего онъ отрыгнетъ благія слова и скажетъ дѣла царя предивнаго“ (Пс. XLIV, 1).

XXXII. Получивъ это откровеніе, старецъ утромъ призываетъ Іоанна и говоритъ ему: „О, чадо послушанія Христу, открой уста твои, дабы привлечь Духъ (Пс. CXVIII, 131). И то, что воспринялъ ты въ сердцѣ своемъ, отрыгни устами твоими: *уста твои возглаголютъ премудрость*, ибо ты имѣешь попеченіе въ сердцѣ твоемъ о разумъ многомъ (Пс. XLVIII, 4). Открой уста твои, но не въ притчахъ (Пс. LXXVII, 2), а въ истинахъ,

и не въ загадкахъ, но въ ученіяхъ. Изреки среди Іерусалима, видящаго Бога, т. е. среди Его мирной церкви, изреки не слова пустыя, растекающіяся по воздуху, но тѣ слова, которыя Духъ начерталъ въ сердцѣ твоемъ. Ты поднялся на гору Сіонъ, гору боговидѣній и откровеній въ то время, какъ смирилъ себя до глубины великаго смиренія. Теперь поднимись *на гору* церкви и возвѣсти, *благовѣствуя*, Іерусалиму, *возвыси крѣпостію голосъ* (Пс. ХІ, 9), ибо славное сказала мнѣ о тебѣ Богоматерь. Мнѣ же ты прости, если я тебѣ въ чемъ препятствовалъ, такъ какъ я это дѣлалъ по своему невѣжеству“.

XXXIII. Съ этихъ поръ Іоаннъ началъ составлять божественныя пѣснопѣнія. Онъ воспѣлъ сладчайшія пѣсни, которыя возвеселили церковь и сдѣлали ее мѣстомъ скинии Божіей, гдѣ слышится свѣтлый шумъ празднующихъ (Пс. ХІІ, 5). Кромѣ 476 этого, онъ написалъ еще рѣчи, посвященныя свѣтлымъ праздникамъ, а также священную книгу и, такъ сказать, богоначертанную скрижаль, которая служитъ немалымъ утѣшеніемъ всѣмъ какъ мудрымъ, такъ и простымъ, и является дверью вхожденія въ тайны богословія и прочіе догматы святой вѣры, а равно заключаетъ въ себѣ въ сжатомъ видѣ познаніе о всемъ существующемъ, какъ мыслимомъ, такъ и воспринимаемомъ чувствомъ. Я бы назвалъ эту книгу небомъ, которое блистаетъ, словно звѣздами, правильными доказательствами, заимствованными какъ отъ природы, такъ и отъ писаній, при чемъ и тѣ, и другія весьма учены. И тотъ, кто не поднимаетъ своего взора къ этому небу и не видитъ находящихся въ немъ красотъ, и не наслаждается его свѣтомъ, тотъ или слѣпецъ, или находится во тьмѣ. И я назвалъ бы несчастнымъ того, кто закрываетъ глаза предъ этимъ божественнымъ блескомъ. Кромѣ этого, Іоаннъ составилъ пространныя слова—и снова о почитаніи божественныхъ 477 иконъ. И насколько въ немъ самомъ первоначальная красота образа Божія стала прекраснѣе выражена, настолько и о почитаніи божественныхъ иконъ онъ разсуждалъ теперь возвышеннѣе и изящнѣе, чѣмъ (прежде).

XXXIV. Въ этихъ трудахъ ему оказывалъ помощь братскими совѣтами тотъ, кого онъ имѣлъ братомъ во Святомъ Духѣ, именно прекрасный Косьма, раздѣлявшій и его ученіе, и его подвижничество. Косьма также составлялъ пѣснопѣнія, умѣло подражая духовнымъ трудамъ Іоанна. Кромѣ того, и самъ онъ въ церкви воспѣвалъ согласныя пѣснопѣнія на кнѣарѣ и голосомъ псалма, превративъ свое собственное тѣло черезъ умерщвленіе страстей въ тимпанъ Богу, содѣлавъ всего себя какъ бы новой десятиструнной псалтирю и искусно, и мудро напрягая

480 всѣ пять тѣлесныхъ чувствъ и одинаковое число душевныхъ силъ. Но Косьма рукополагается патріархомъ іерусалимскимъ во епископа города Майюмы, рукополагается не по доброй волѣ, но уступивъ принужденію. Затѣмъ хорошо пася свое стадо и какъ то угодно Богу, онъ, *препитанъ въ старости доброй* (Быт. XV, 15), отошелъ къ своимъ отцамъ или, лучше сказать, отошелъ къ Богу. Что же касается Іоанна, то управляющій іерусалимской 481 церковью, по внушенію свыше, призвалъ его къ себѣ и рукоположилъ во пресвитера, чтобы на кафедрѣ пресвитеровъ онъ прославлялъ Господа.

XXXV. Онъ же, возвратившись въ лавру богоноснаго Саввы и, такъ сказать, высокопарящимъ орломъ войдя опять въ свое гнѣздо, не вспомнилъ объ наставленіи Апостола, что пресвитеры сподобляются сугубой чести (I Тим. V, 17); но, измѣнивъ это изреченіе по своему, говорилъ, что пресвитеры должны заботиться о двойномъ смиреніи, что пресвитеры должны вдвое под- 484 визаться, чѣмъ прежде, что пресвитеры должны вести двойную борьбу, сражаясь не только съ тѣлесными страстями, но и со страстями душевными и тайными, которыя часто бываютъ незамѣтны для подвижниковъ, если только они не бодрствуютъ усиленно. Поэтому и не чувствуя ихъ, человекъ можетъ коснѣть въ нихъ. Эти страсти суть: коварство, зависть, самомнѣніе, скрытая гордость, тщеславіе подъ видомъ смиренія, озабоченность чужими дѣлами, къ которой относятся многіе виды зла, происходящаго отъ языка, превозношеніе, мечтательность, испорченный нравъ, превозношеніе смиреніемъ тѣла, воздержаніе соединенное съ сладострастіемъ, утвержденіе собственной воли, корыстное пристрастіе къ ничтожнымъ вещамъ, отступленіе отъ принятой одежды, вслѣдствіе чего возникаетъ обособленіе отъ братьевъ и скрытая приманка къ превозношенію.

XXXVI. Стараясь все это съ корнемъ вырвать изъ своей души, Іоаннъ къ трудамъ прилагаетъ труды и особенно труды духовные: онъ напрягъ весь свой умъ и, собравъ все то, что прежде написалъ, просмотрѣлъ это, упорядочивая, украшая и исправляя, чтобы придать большую точность выраженіямъ. смыслу, объему и плану; и гдѣ встрѣчалась чрезмѣрная цвѣтливость и какъ бы нарушалась мѣра, тамъ онъ благоразумно старался сообщить большую важность, чтобы въ его книгахъ не было ничего показного и пустого. Поэтому кто обратитъ вниманіе на его произведенія, тотъ увидитъ высоту его ученія и красоту его слова, соединенную съ величіемъ. А его ревности о благочестіи кто не усмотритъ изъ его книги? Кто такъ же не замѣтитъ того, какъ онъ всѣмъ раздавалъ богатства

мудрости своей, такъ что полученный имъ талантъ знанія онъ не вдвое умножилъ, но вдесятеро? Не хочу увеличивать число, чтобы не показалось, что я выхожу за евангельскіе предѣлы, ибо не хорошо безъ всякаго повода говорить неумѣренныя вещи.

XXXVII. Божественная ревность побудила его къ тому, что, выступивъ на защиту божественныхъ установленій, онъ сначала въ Дамаскѣ, а затѣмъ въ Палестинѣ боролся противъ тѣхъ, которые въ Константинополѣ уничтожали и оскорбляли честныя иконы. Поэтому-то сынъ великаго города Антіохіи, называвшійся, подобно первомученику, Стефаномъ, и какъ и тотъ, побитый камнями—только не за Христа, а за его икону, упоминаетъ о книгахъ Юанна и далѣе о его борьбѣ противъ нечестивыхъ, называя его богоноснымъ мужемъ, хотя Юаннъ и не имѣлъ архіерейскаго помазанія ¹⁾. Однако, нельзя отрицать истины, что голова Юанна была украшена вѣнцомъ мученичества, ибо вслѣдствіе его ревности о благочестіи, благочестивый мужъ подвергся клеветѣ, изъ-за которой была отсѣчена его рука. 485 488

XXXVIII. Такъ совершивъ теченіе своей жизни и своего подвига, сохранивъ вѣру или скорѣе расширивъ ее своими книгами и укрѣпивъ своимъ ученіемъ и до сего времени своими трудами укрѣпляя ее, содѣйствуя ей и сохраняя ее, онъ отошелъ ко Христу, Котораго возлюбилъ. И теперь онъ видитъ Его не на иконѣ и поклоняется Ему не въ изображеніи, но Самого Его созерцаетъ лицомъ къ лицу, взирая съ непокрытымъ лицомъ на славу блаженной Троицы. Поэтому-то и слѣдовало мнѣ посильными словами прославить подвижника, украшеніе церкви, вождя истины—вождя какъ въ подвигахъ, такъ и въ ученіи, наставника неразумныхъ, учителя непосвященныхъ. Это я сдѣлалъ не съ тѣмъ, чтобы прибавить что-либо къ его славѣ, но чтобы онъ вспомнилъ о насъ на небѣ и чтобы мы, еще пребывающіе на землѣ, наполнились его небесной славою, тою небесною славою, о которой свидѣтельствуетъ Давидъ въ отношеніи дочери царя и царской души, говоря: *вся слава дщери цареви внутри* (Пс. XLIV, 14). 489

XXXIX. Прости меня, трижды блаженный мужъ, и будь моимъ ревностнымъ и твердымъ предстателемъ предъ Богомъ послѣ того, какъ я, носящій твое имя, по любви къ тебѣ и по твоему внушенію и даже, если это нужно, по твоему порученію, передѣлалъ это прекрасное приношеніе, сдѣланное другимъ

¹⁾ Miguc, P. gr., t. C, coll. 1113—1116.

просто, какъ онъ могъ, и написанное арабскимъ языкомъ и арабскими словами. И ты сдѣлай меня также поклонникомъ Троицы, поклонникомъ, отрѣшеннымъ отъ всего вещественнаго и освобожденнымъ отъ тѣла, погруженнымъ въ созерцаніе, посвященнымъ цѣликомъ всеожжецію божественной любви, чтобы послѣ того, какъ утихнутъ тѣлесныя страсти, я вмѣстѣ съ тобою сталъ дерзновенно предъ лицомъ Бога, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ЮАННА ДАМАСКИНА

521

ИСТОЧНИКЪ ЗНАНІЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

БЛАГОЧЕСТВІВѢЙШЕМУ и богобоязненному отцу Косьмѣ, святѣйшему епископу Майюмы, привѣтъ о Господѣ отъ малѣйшаго монаха и пресвитера.

Сознавая ограниченность своего разума и неискusstво своего языка, я, блаженный, не рѣшался, подобно какому-нибудь гордецу и смѣльчаку, взяться за то, что превышаетъ мои силы, и отважиться на невозможное, ибо я вижу опасность, угрожающую тѣмъ, кто берется за что-либо подобное. Если божественный этотъ Моисей, законодатель, отрѣшившійся отъ всякаго человѣческаго зрѣнія, оставившій тревоженія жизни, освободившійся отъ всякихъ тѣлесныхъ проявленій, очистившій духовное зрѣніе и чрезъ то сдѣлавшійся способнымъ созерцать Бога; если удостоившійся видѣть человѣколюбивое нисхождение къ намъ Бога Слова и Его сверхъестественное воплощеніе—(видѣть) въ купинѣ и невещественномъ огнѣ, которыми горѣлъ и пламенѣлъ терновникъ, но такъ, что, воспринимая блескъ огня, не сожигался, не уничтожался имъ и не лишался свойственной ему природы; если тотъ, кто первый уразумѣлъ имя сущаго—и подлинно сущаго превыше всякой сущности,—получившій отъ Бога представительство своихъ соплеменниковъ, называлъ себя гугнивымъ и косноязычнымъ (Исх. 1, 10) и поэтому не могущимъ послужить божественной волѣ, объявить ее (всенародно) и стать посредникомъ между Богомъ и человекомъ, то какъ же я, скверный, запятанный всякимъ видомъ грѣха, носящій въ самомъ себѣ страшное смятеніе мыслей, не очистивъ своего ума и разсудка, чтобы служить зеркаломъ Бога

524

и Божественныхъ явленій, не владѣющій словомъ, которое въ достаточной степени могло бы выразить мои мысли,—какъ же я стану говорить о Божественномъ и неизреченномъ, превосходящемъ постиженіе всякой разумной твари? Размышляя объ этомъ, я не рѣшался (приступить) къ слову и боялся порученаго, чтобы, правду сказать, не подвергнуться двоякому осмѣянію, съ одной стороны, за свое невѣжество, а съ другой—что всего тяжелѣе—за свое безуміе, ибо вина невѣжества еще простительна, если она не отъ нерадѣнія происходитъ. Но при невѣжествѣ воображать, что имѣешь знаніе, это тяжкая вина, которая заслуживаетъ порицанія, недостойна никакого снисхожденія и является признакомъ гораздо большаго, чтобы не сказать, самаго крайняго невѣжества. Но такъ какъ плодъ преслушанія—смерть, тогда какъ смиренный и послушный подражатель Христовъ до конца восходитъ на высоту и пріобрѣтаетъ отъ Бога свѣтводящую благодать и, отверзая уста, исполняется духа, очищаетъ сердце, просвѣтляетъ разумъ и, едва открывъ уста, начинаетъ говорить, не заботясь о томъ, что скажетъ, являясь органомъ говорящаго чрезъ него Духа,—то, повинувшись Христу, Который священноначальствуетъ въ вашемъ лицѣ, подчиняюсь повелѣнію и открываю уста, надѣясь, что силою вашихъ молитвъ, они исполнятся духа и я изреку слова, которыя будутъ не плодомъ моего разума, но плодомъ Духа, умудряющаго слѣпцовъ. Воспринимая то, что Онъ дастъ, это я и буду возвѣщать.

И прежде всего я предложу то, что есть самаго лучшаго у эллинскихъ мудрецовъ, зная, что если есть что-либо благое у нихъ, то оно даровано имъ свыше отъ Бога. Ибо *всякое даваніе благо и всякъ даръ совершонъ свыше стъ, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. I, 17). Если же что противно истинѣ, то это—темное изобрѣтеніе сатанинскаго заблужденія и измышленіе погибшаго разума, какъ сказалъ великій въ богословіи Григорій ¹⁾. Подражая образу пчелы, воспользуюсь тѣмъ, что близко къ истинѣ и отъ самихъ враговъ получу плодъ—спасеніе; напротивъ, отвергну все, что негодно и заключаетъ въ себѣ лжеименное знаніе. Затѣмъ, я изложу суетныя ученія этихъ богоненавистныхъ ересей, чтобы, познавъ ложь, мы крѣпче держались истины. Послѣ этого съ помощью Бога и его благодати раскрою истинное ученіе, искоряющее заблужденіе и отгоняющее ложь, изукрашивъ и убравъ его, какъ бы нѣкоей золотою отдѣлкой, словами богодухновенныхъ пророковъ, богонаученныхъ рыбарей и богоносныхъ пастырей и учителей. Слава этой истины, извнутри сіяя, просвѣщаетъ своими лучами

¹⁾ Tu sancta lumina. Переводъ моск. дух. Академіи. Ч. III (М. 1869), 209.

тѣхъ, кто подходитъ къ ней съ должнымъ очищеніемъ, отрѣшившись отъ суетныхъ помысловъ. Что же касается меня, то моего, какъ я сказалъ, здѣсь нѣтъ ничего, а по возможности совокупивъ воедино добытое трудами наиболѣе надежныхъ учителей, кратко изложу это, во всемъ слѣдуя вашему повелѣнію. Но я прошу васъ, богочтимые, быть снисходительными ко мнѣ, повинующемуся вашимъ повелѣніямъ, и, принимая отъ меня послушаніе, воздать мнѣ подаяніемъ вашихъ молитвъ.

ФИЛОСОФСКІЯ ГЛАВЫ ¹⁾.

Точное оглавленіе этой книги.

I. О познаніи.	VIII. Объ опредѣленіи.
II. Какая цѣль (этого произведенія)?	IX. О родѣ.
III. О философіи.	X. О видѣ.
IV. О сущемъ, субстанціи и акциденціи.	XI. Объ индивидуѣ.
V. О звукѣ.	XII. О разности.
VI. О раздѣленіи.	XIII. Объ акциденціи.
VII. О томъ, что по природѣ существуетъ прежде.	XIV. О свойствѣ.
	XV. О сказуемыхъ.
	XVI. О сказуемомъ синонимическомъ и омонимическомъ.

¹⁾ „Философскія главы“, обычно называемыя „Діалектикой“, св. Іоанна Дамаскина составлены главнымъ образомъ на основаніи „Введенія къ категоріямъ Аристотеля“ Порфирія и самыхъ „Категорій“ Аристотеля. „Введеніе“ Порфирія излагается въ гл. IX—XXX, а „Категорій“ Аристотеля въ гл. XXXI—XL. Что касается восьми началвыхъ и восьми послѣднихъ главъ, то и онѣ, несомнѣнно, написаны Дамаскинымъ не самостоительно, такъ какъ во введеніи къ „Источнику знанія“ онъ прямо заявляетъ, что не намѣренъ вносить въ это твореніе ничего своего, а имѣетъ въ виду лишь изложить въ сжатомъ видѣ добытое трудами другихъ (стр. 47). Но указать источники, на основаніи которыхъ составлены названныя главы, не легко; для этого требуется специальное изслѣдованіе.

Свои главные источники: Порфирія и Аристотеля, Дамаскинъ воспроизводитъ довольно точно. Онъ вноситъ въ нихъ лишь нѣкоторыя измѣненія и дополненія, съ цѣлью привести ихъ въ соотвѣтствіе съ христіанскимъ ученіемъ и приспособить къ потребностямъ христіанской догматики. Такъ онъ не принимаетъ Аристотелевскаго дѣленія субстанціи на „первую“ и „вторую“. Въмѣсто выраженія „первая субстанція“ онъ употребляетъ термины: ипостась и индивиду, разумья подъ ними всякій единичный предметъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ вводитъ въ свое изложеніе такія добавленія, въ которыхъ логическимъ

- XVII. О сказуемыхъ, отвѣчающихъ на вопросъ, что есть предметъ? и каковъ онъ?
- XVIII. Сходства и различія пяти словъ.
- XIX. Сходство и различіе между родомъ и разностью.
- XX. Сходство и различіе между родомъ и видомъ.
- XXI. Сходство и различіе между родомъ и свойствомъ.
- XXII. Сходство и различіе между разностью и видомъ.
- XXIII. Сходство и различіе между разностью и свойствомъ.
- XXIV. Сходство и различіе между разностью и акциденціей.
- XXV. Сходство и различіе между разностью и акциденціей.
- XXVI. Сходство и различіе между видомъ и свойствомъ.
- 528 XXVII. Сходство и различіе между видомъ и акциденціей.
- XXVIII. Сходство и различіе между свойствомъ и неотдѣлимой акциденціей.
- XXIX. Объ ипостаси, ипостасномъ (*ἐνυποστάτου*) и неипостасномъ (*ἀνυποστάτου*).
- XXX. О сущности, природѣ и формѣ; объ индивидѣ, лицѣ и ипостаси.
- XXXI. Объ омонимахъ.
- XXXII. О синонимахъ.
- XXXIII. О полионимахъ.
- XXXIV. О предметахъ различныхъ (*ἑτέρων*) и предметахъ равноименныхъ (*ἰσωνύμων*).
- XXXV. О паронимахъ.
- XXXVI. О десяти самыхъ общихъ родахъ.
- XXXVII. Объ однородномъ и принадлежащимъ къ одному и тому же виду, и однородномъ и разнородномъ и разнородномъ и различающемся числомъ.
- XXXVIII. О томъ, что находится въ другомъ.
- XXXIX. О субстанціи.
- XL. О природѣ.
- XLI. О формѣ.
- XLII. Объ ипостаси.
- XLIII. О лицѣ.
- XLIV. Объ ипостасномъ.
- XLV. О неипостасномъ.
- XLVI. Раздѣленіе сущаго.
- XLVII. Раздѣленіе субстанціи.
- XLVIII. Еще объ однородномъ и принадлежащемъ къ одному и тому же виду; о

методомъ изслѣдуетъ основныя понятія христіанской догматики. Отсюда открывается богословское значеніе „Діалектики“ Дамаскина: въ ней мы находимъ точное строго логическое объясненіе почти всѣхъ тѣхъ богословскихъ терминовъ, которые употреблялись восточными отцами, какъ въ догматическихъ, такъ и въ ихъ полемическихъ, направленныхъ противъ еретиковъ сочиненіяхъ.

Рукописные кодексы, въ которыхъ содержится Діалектика Іоанна Дамаскина, значительно разнятся между собою не только числомъ главъ, но и ихъ контекстомъ и изложеніемъ. Повидимому, нужно допустить двѣ редакціи „Діалектики“ св. Іоанна Дамаскина—пространную и сокращенную, при чемъ объ онѣ, можно думать, ведутъ свое начало отъ Іоанна Дамаскина. Изданія Лекьева и Миня слѣдуютъ пространной редакціи „Діалектики“, однако въ нихъ напечатаны тѣ главы сокращенной редакціи, которыя разнятся отъ соотвѣствующихъ главъ пространной редакціи. Въ нашемъ переводѣ, сдѣланномъ по изданію Миня, эти взятыя изъ сокращенной редакціи главы приводятся подъ строкой.

<p>разнородномъ и разнородномъ; объ единопо-
стасномъ и различаю-
щемся численно.</p> <p>XLIX. О количественномъ и ко-
личествѣ.</p> <p>L. О томъ, что относится
къ чему-либо.</p> <p>LI. О качественномъ и каче-
ствѣ.</p> <p>LII. О дѣйствіяхъ и страданіи.</p> <p>LIII. О положеніи.</p> <p>LIV. О мѣстѣ.</p> <p>LV. О времени.</p> <p>LVI. О состояніи.</p> <p>LVII. О прогнвоположномъ.</p> <p>LVIII. О владѣніи и лишеніи.</p> | <p>LIX. О предъидущемъ и послѣ-
дующемъ.</p> <p>LX. О томъ, что вмѣстѣ.</p> <p>LXI. О движеніи.</p> <p>LXII. О состояніи.</p> <p>LXIII. О сужденіи, предложеніи,
утвержденіи и отрицаніи.</p> <p>LXIV. О терминѣ, посылкѣ и
силлогизмѣ.</p> <p>LXV. Различныя опредѣленія.</p> <p>LXVI. Объ ипостасномъ соеди-
неніи.</p> <p>LXVII. Шесть опредѣленій фило-
софіи.</p> <p>LXVIII. О четырехъ диалектиче-
скихъ приемахъ.</p> |
|--|--|

Гл. I. *О познаніи.* Нѣтъ ничего болѣе цѣннаго, чѣмъ познание, ибо познание есть свѣтъ разумной души. Наоборотъ, незнание есть тьма. Какъ лишеніе свѣта есть тьма, такъ и отсутствіе познанія есть помраченіе разума. Неразумнымъ существамъ свойственно незнание, разумнымъ—познание. Поэтому, кто, будучи отъ природы способенъ къ познанію и вѣдѣнію (*ἐπιστημονικῶς*), не имѣетъ его, тотъ, хотя онъ отъ природы и разуменъ, тѣмъ не менѣе по нерадивости и слабости души бываетъ хуже неразумныхъ. Что касается познанія, то подъ нимъ я разумѣю истинное познание сущаго, ибо знанія касаются сущаго. Ложное познание, которое есть какъ бы познание не сущаго, болѣе незнание, чѣмъ знаніе, ибо ложь есть не что иное, какъ не сущее. Такъ какъ мы живемъ не одной душой, но душа наша, какъ бы сокрытая завѣсой—плотію, имѣетъ подобіе ока—видящій и познающій умъ, воспринимающій познание и вѣдѣніе сущаго, при чемъ это познание и вѣдѣніе она имѣетъ не съ самаго начала, но нуждается въ обучающемъ, то приступимъ къ целожному учителю—*истиннѣ*. Христосъ же есть ипостасная мудрость и истина, *въ немъ же вся сокровища разума сокровенна* (Кол. II, 3), Который есть Бога и Отца мудрость и слава (1 Кор. I, 24). Поэтому послушаемъ голоса Его, говорящаго намъ чрезъ Священныя Писанія, и научимся истинному познанію всего сущаго. Приступая же, станемъ приближаться прилежно и съ чистымъ сердцемъ, не позволяя страстямъ притуплять мыслен-

ное око нашей души. Ибо едва ли кто будетъ въ состояніи даже самымъ чистымъ и самымъ яснымъ окомъ явственно созерцать истину. *Аще збо свѣтъ*, который въ насъ, т. е. умъ нашъ, *тъма*, то *тъма кольми* (Мѣ. VI, 23)? Приступимъ всею душею и всѣмъ помышленіемъ ¹⁾. Ибо подобно тому, какъ невозможно, чтобы глазъ, часто переводимый съ одного предмета на другой и обращающийся то туда, то сюда, ясно созерцалъ видимое, но необходимо, чтобы око пристально наблюдало подлежащій разсмотрѣнію предметъ, такъ и мы, отрѣшившись отъ всякаго волненія ума, несорочно (*αἰώς*) приступимъ къ истинѣ. А приступая и достигнувъ вратъ, не ограничимся этимъ, но громко постучимъ, чтобы, когда намъ откроются двери покоя, увидѣть его внутреннюю красоту. Итакъ, писаніе — врата; находящійся же за вратами покой означаетъ скрытую въ писаніи красоту мыслей, т. е. Духъ истины. Громко постучимся, т. е. прочтемъ разъ, два, будемъ часто читать, и такъ углубляясь, найдемъ сокровище знанія и будемъ изобиловать богатствомъ. Будемъ искать, изслѣдовать, высматривать, спрашивать. *Всякъ бо просяи пріемлетъ и ищай обрѣтаетъ и толкушему отвѣрзется* (Мѣ. VII, 8). А также: *вопроси отца твоего и возвѣститъ тебѣ, и старцы твоя въ знаніи и рекуть тебѣ* (Вт. XXXII, 7). Поэтому если будемъ любознательны, то будемъ и знать многое; ибо все достигается стараніемъ и трудами, а также—и это прежде всего и послѣ всего—благодатію дарующаго Бога.

Съ другой стороны, такъ какъ апостоль говоритъ: *вся же искушающе добрая держите* (1 Тесс. V, 21), будемъ изслѣдовать также и ученія языческихъ мудрецовъ. Можетъ быть, и у нихъ мы найдемъ что-либо пригодное и приобрѣтемъ что-либо душеполезное: ибо всякій художникъ нуждается въ нѣкоторыхъ инструментахъ къ совершенію устрояемаго. И царицѣ свойственно пользоваться услугами слуганокъ. Поэтому мы позаимствуемъ такія ученія, которыя являются служителями истины, но отвергнемъ нечестіе, жестоко владѣвшее ими и не воспользуемся дурно хорошимъ, и не употребимъ искусства доказательствъ для оболъщенія простецовъ. Хотя истина и не нуждается въ разнообразныхъ доказательствахъ, тѣмъ не менѣе мы воспользуемся ими для опроверженія нечестныхъ противниковъ и лжеименнаго знанія.

Съ этого мы и начнемъ, какъ съ буквъ, именно съ того, что приличествуетъ имѣющимъ еще нужду въ молокъ, призвавъ руководителемъ Христа, ипостасное Слово Божіе, Которымъ подается *всяко даваніе благо и всякъ даръ совершенъ* (Іак. I, 17).

¹⁾ Ср. Василія Великій, hom. in illud: „Attende tibi ipsi“. Переводъ моск. дух. Академіи, ч. IV (Сергіевъ Посадъ 1892), 31.

Тѣ, кто будетъ читать эту книгу, должны направлять свой умъ къ блаженной цѣли, состоящей въ томъ, чтобы чрезъ чувства восходить къ тому (*πρός τόν*), Кто выше чувства и воспріятія, Кто есть Виновникъ всего, Творецъ и Устроитель. Ибо *отъ красоты созданій* своихъ сравнительно *рододѣлатель изъ познавается* (Прем. XIII, 5), и *невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20). Поэтому мы достигаемъ желаемого, стремясь къ познанію нетщеславнымъ и смиреннымъ умомъ. Ибо вы не можете вѣрвать въ Меня, сказалъ Христосъ—истина, *славу отъ людей пріемлюще* (Іоан. V, 44). А также: *всякъ возносяйся смирится, и смиряйся вознесется* (Іук. XIV, 11).

Гл. II. *Какая цѣль (этого произведенія)?* Такъ какъ всякій, кто принимается за дѣло безъ опредѣленной цѣли, какъ бы во тьмѣ блуждаетъ; такъ какъ трудящійся безъ цѣли нищенствуетъ во всемъ,—поэтому мы прежде всего скажемъ о поставленной для этой книги цѣли, чтобы то, о чемъ въ ней говорится, легче усвоилось. Цѣль же эта заключается въ томъ, чтобы начать философіей и вкратцѣ предначертать въ этой книгѣ по возможности всякаго рода знанія. Поэтому ее должно назвать „Источникомъ знанія“. Итакъ, я ничего не буду говорить отъ себя, но въ связномъ видѣ изложу то, о чемъ въ различныхъ мѣстахъ сказано у божественныхъ и мудрыхъ мужей. И лучше прежде всего опредѣлить, что такое философія.

Гл. III. *О философіи.* Философія есть познаніе сущаго, какъ такового, т. е., познаніе природы сущаго. И снова: философія есть познаніе божественныхъ и человѣческихъ вещей, т. е. видимаго и невидимаго. Кромѣ того, философія есть помышленіе о смерти, какъ произвольной, такъ и естественной. Ибо жизнь двухъ видовъ бываетъ: естественная, которой мы живемъ, и произвольная, въ силу которой мы со страстію привязываемся къ настоящей жизни. Двухъ видовъ бываетъ и смерть: смерть естественная, которая есть отдѣленіе души отъ тѣла, и смерть произвольная, по которой мы, пренебрегая настоящей жизнію, стремимся къ будущей. Затѣмъ, философія есть уподобленіе Богу. Уподобляемся же мы Богу чрезъ мудрость, т. е. чрезъ истинное познаніе добра, а также чрезъ справедливость, которая каждому воздастъ свое и нелицепріятно судитъ; наконецъ, черезъ святость, которая выше справедливости, т. е. чрезъ добро и воздаяніе добромъ обидящимъ. Философія есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ. Ибо философія есть начало вся-

каго искусства: ея всякое искусство было изобрѣтено и всякая наука. Искусство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, кое-въ-чемъ погрѣшаетъ; наука же не погрѣшаетъ ни въ чемъ; но одна только философія не погрѣшаетъ (вообще). По мнѣнію другихъ, искусство есть то, что исполняется при помощи рукъ. Наукою же будетъ всякое умственное искусство: грамматика, риторика и тому подобное. Кромѣ того, философія есть любовь къ мудрости; Богъ же есть истинная мудрость. Такимъ образомъ любовь къ Богу есть истинная философія.

Философія раздѣляется на теоретическую и практическую. Теоретическая, въ свою очередь, раздѣляется на богословіе, физиологію и математику, а практическая—на этику, экономику и политику. Теоретической философіи свойственно украшать знаніе. При этомъ богословію свойственно разсматривать безтѣлесное и невещественное: прежде всего Бога, поистинѣ невещественнаго, а затѣмъ ангеловъ и души. Физиологія есть познаніе матеріальнаго и непосредственно намъ доступнаго, напр., животныхъ, растеній, камней и т. п. Математика есть познаніе того, что само по себѣ безтѣлесно, но созерцается въ тѣлѣ, т. е. чиселъ, говорю, и гармоніи звуковъ, и, кромѣ того, фигуръ и движенія свѣтилъ. При этомъ разсмотрѣніе чиселъ составляетъ ариметику, разсмотрѣніе звуковъ—музыку; разсмотрѣніе фигуръ—геометрію; наконецъ, разсмотрѣніе свѣтилъ—астрономію. Все это занимаетъ среднее мѣсто между тѣлами и безтѣлесными вещами. Дѣйствительно, число само по себѣ безтѣлесно, но разсматривается въ тѣлѣ,—въ хлѣбѣ, напр., или въ винѣ, или въ чемъ-либо подобномъ. Практическая философія занимается добродѣтелями; ибо она упорядочиваетъ нравы и учитъ, какъ слѣдуетъ устроить свою жизнь. При этомъ, если она предлагаетъ законы одному человѣку, она называется этикой; если же цѣлому дому—экономикой; если же городамъ и странамъ,—политикой.

Нѣкоторые пытались устранить философію, говоря, что ея нѣтъ, равно нѣтъ никакого знанія или постиженія. Такимъ мы скажемъ: на какомъ основаніи вы говорите, что нѣтъ философіи, нѣтъ знанія или постиженія? Потому ли, что это было вами познано и постигнуто, или потому, что не было познано и постигнуто? Если потому, что было постигнуто, то вотъ вамъ познаніе и постиженіе; если же потому, что не было познано, никто вамъ не повѣритъ, такъ какъ вы разсуждаете о такомъ предметѣ, о которомъ не получили никакого познанія.

Итакъ, въ виду того, что есть философія и есть познаніе сущаго, мы скажемъ о сущемъ. Но должно знать, что сперва

мы будемъ заниматься логическою частью философіи: послѣдняя—скорѣе орудіе философіи, чѣмъ ея часть, ибо (философія) пользуется ею при всякомъ доказательствѣ. Итакъ, мы будемъ сначала разсуждать о простыхъ словахъ, которыя чрезъ простыя значенія обозначаютъ простыя вещи. А объяснивъ прежде значеніе словъ (ἀξιῶν), разсмотримъ такимъ же образомъ и относительно рѣчей.

Гл. IV. *О сущемъ, субстанціи и акциденціи.* Сущее (τὸ ὄν) есть общее имя для всего существующаго. Оно раздѣляется на субстанцію и акциденцію. Субстанція (οὐσία) есть нѣчто самое важное, такъ какъ она имѣетъ существованіе въ себѣ самой, а не въ другомъ. Акциденція (συμβεβηκός) же есть то, что не можетъ существовать въ самомъ себѣ, а созерцается въ субстанціи. Субстанція есть подлежащее (ὑποκείμενον), какъ бы матерія вещи. Акциденція же есть то, что созерцается въ субстанціи, какъ подлежащемъ, напимѣръ: мѣдъ и воскъ—субстанціи, а фигура, форма, цвѣтъ—акциденціи; и тѣло—субстанція, а его цвѣтъ—акциденція. Не тѣло находится въ цвѣтѣ, а цвѣтъ въ тѣлѣ, и не душа—въ знаніи, но знаніе—въ душѣ, и не мѣдъ и воскъ—въ фигурѣ, но фигура—въ воскѣ и мѣди. Не говорятъ: тѣло цвѣта, но цвѣтъ тѣла; не душа знанія, но знаніе души; не воскъ фигуры, но фигура воска. И цвѣтъ, и знаніе, и фигура измѣняются, тѣло же, душа и воскъ остаются тѣми же самыми, такъ какъ субстанція не мѣняется. Кромѣ того, субстанція и матерія тѣла одна; цвѣтовъ же много. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и со всѣмъ остальнымъ: подлежащее есть субстанція; то же, что созерцается въ подлежащемъ, т. е. субстанціи, есть акциденція.

537

Опредѣляютъ же субстанцію такимъ образомъ: субстанція есть самосуцая вещь, не нуждающаяся для своего существованія въ другой. Акциденція, напротивъ, есть то, что не можетъ существовать въ самомъ себѣ, но имѣетъ свое бытіе въ другомъ. Такимъ образомъ субстанціей будетъ Богъ и всякое твореніе, хотя Богъ есть пресущественная субстанція. Есть же и существенныя качества, о которыхъ мы будемъ говорить ¹⁾.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ кодексахъ эта глава читается такъ: *О сущемъ, субстанціи и акциденціи.* Сущее есть общее имя для всего существующаго. Сущее раздѣляется на субстанцію и акциденцію. Субстанція есть самосуцая вещь, не нуждающаяся для своего существованія въ другомъ, т. е. существующая сама въ себѣ, а не имѣющая своего бытія въ другой вещи. Акциденція же есть то, что не можетъ существовать въ самомъ себѣ, но имѣетъ свое бытіе въ другомъ. Субстанція есть подлежащее (ὑποκείμενον), какъ бы матерія вещи; акциденція же есть то, что созерцается въ субстанціи, напр., тѣло и цвѣтъ,

540

Гл. V. *О звукѣ*. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду разсуждать о всякомъ чисто (ἀπλῶς) философскомъ звукѣ (φωνή), то намъ необходимо прежде опредѣлить, съ какимъ звукомъ философія имѣетъ дѣло. Начиная свою рѣчь съ разсмотрѣнія звука, мы говоримъ: звукъ бываетъ или незначаменательный (ἄσημος) или значаменательный (σημαντική). Незначаменательный звукъ—тотъ, который ничего не обозначаетъ; значаменательный—тотъ, который что-либо обозначаетъ. Далѣе, незначаменательный звукъ, въ свою очередь, бываетъ или нечленораздѣльный, или членораздѣльный. Нечленораздѣльный звукъ—тотъ, который не можетъ быть написанъ; членораздѣльный же—тотъ, который можетъ быть написанъ. Такимъ образомъ бываетъ нечленораздѣльный и незначаменательный звукъ, какъ, на примѣръ, тотъ, который производится камнемъ или деревомъ: ибо онъ не можетъ быть записанъ и ничего не означаетъ. Бываетъ звукъ незначаменательный и членораздѣльный, на примѣръ, скиндапсъ: ибо онъ можетъ быть написанъ, но ничего не обозначаетъ: скиндапса и не было, и нѣтъ. Философіи нѣтъ дѣла до незначаменательнаго звука, какъ нечленораздѣльнаго, такъ и членораздѣльнаго. Въ свою очередь, значаменательный звукъ бываетъ или членораздѣльный, или нечленораздѣльный. Нечленораздѣльнымъ значаменательнымъ звукомъ будетъ, на примѣръ, лаф собакъ: онъ обозначаетъ собаку, такъ какъ есть голосъ собаки; равнымъ образомъ онъ обозначаетъ и что-то присутствіе; но это нечленораздѣльный звукъ, поэтому онъ не пишется. И до этого звука философіи нѣтъ дѣла. Членораздѣльный значаменательный звукъ бываетъ или общимъ или частнымъ [единичнымъ]. Общимъ звукомъ будетъ, на примѣръ, „человѣкъ“; частнымъ—Петръ, Павелъ. И до частнаго звука философіи нѣтъ дѣла. Но (философія имѣетъ дѣло) съ звукомъ значаменательнымъ, членораздѣльнымъ, соборнымъ, т. е. общимъ, высказываемымъ въ примѣненіи ко многимъ предметамъ.

Этотъ звукъ, въ свою очередь, бываетъ или существеннымъ

540

ибо не тѣло находится въ цвѣтѣ, но цвѣтъ въ тѣлѣ. Поэтому тѣло—субстанція, цвѣтъ же—акциденція. То же самое нужно сказать о душѣ и разумѣніи, ибо не душа находится въ разумѣніи, но разумѣніе—въ душѣ. Поэтому не говорятъ: тѣло цвѣта, но цвѣтъ тѣла, или душа разумѣнія, но разумѣніе души. Поэтому душа есть субстанція а разумѣніе — акциденція. Устраивая душу, мы устраиваемъ и разумѣніе, ибо если нѣтъ души, то гдѣ будетъ разумѣніе? Устраивая же разумѣніе, мы вовсе не устраиваемъ души, ибо душа можетъ существовать независимо отъ разумѣнія. Подобнымъ же образомъ и во всемъ сущемъ то, что имѣетъ бытіе въ самомъ себѣ, а не въ другомъ, есть субстанція; то же, что не можетъ существовать само по себѣ, а имѣетъ свое бытіе въ другомъ, есть акциденція.

(ὀνσιώδης) или прилагаяемымъ къ сущности (ἐκονσιώδης). Существеннымъ называется тотъ звукъ, который выражаетъ субстанцію, или природу вещей; прилагаяемымъ же къ сущности—тотъ, который выражаетъ акциденціи. Напримѣръ: человекъ есть смертное, разумное животное. Все это будутъ существенные звуки. 541 Ибо если что-нибудь изъ этого отнимешь у человека, онъ не будетъ человекомъ. И если скажешь, что онъ не животное, то онъ уже не человекъ; и если скажешь, что онъ не разуменъ, то онъ уже—не человекъ; подобнымъ образомъ, если скажешь, что онъ не смертецъ, онъ не—человекъ; ибо всякій человекъ есть и животное, и разумное, и смертное. Потому (эти звуки) называются существенными, что они восполняютъ природу человека, и невозможно, чтобы человекъ существовалъ внѣ ихъ. Подобнымъ образомъ и въ каждой вещи существеннымъ называется то, что составляетъ ея природу; прилагаяемымъ же къ сущности—акциденціи, которыя могутъ быть и не быть въ подлежащемъ: человекъ или лошади, или въ чемъ либо другомъ таковомъ,—напримѣръ, бѣлое. Ибо будетъ ли кто бѣлымъ, или чернымъ, онъ тѣмъ не менѣе останется человекомъ. Это и подобное называется прилагаяемымъ къ сущности или акциденціями, которыя мы можемъ имѣть то эти, то противоположныя имъ.

Существенный звукъ обозначаетъ или что есть вещь, или какова эта вещь. Напримѣръ, отвѣчая на вопросъ, что такое человекъ, мы говоримъ: животное. Затѣмъ спрошенные, какое животное, говоримъ: разумное, смертное. Существенный звукъ, показывающій, каковъ есть предметъ, называется разностию (διαφορά): показывающій же, что есть предметъ, обозначаетъ или многіе виды и составляетъ родъ, или же многіе индивидуумы, различающіеся между собою числомъ, но ни въ коемъ случаѣ не видомъ, и составляетъ видъ. Первое, т. е. родъ, есть, напримѣръ, субстанція, ибо субстанція обозначаетъ и человекъ, и лошадь, и вола, потому что каждое изъ этихъ существъ называется и есть субстанція, но одно составляетъ одинъ видъ, другое—другой. Второе же, т. е. видъ, есть, напримѣръ, человекъ, ибо это слово обозначаетъ многихъ, вѣрнѣе всѣхъ отдѣльныхъ людей, которые различаются другъ отъ друга числомъ—ибо одинъ—Петръ, а другой—Павелъ, и они не суть одно, но два—видомъ же, т. е. по природѣ, они не различаются. Въ самомъ дѣлѣ всѣ они и называются, и суть люди.

Такимъ образомъ есть частнѣйшее [индивидуальное, въ противоположность роду и виду], различающееся между собою

числомъ, напр., Петръ, индивидъ, а также лицо и ипостась (*πρόσωπον καὶ ὑπόστασις*). Оно обозначаетъ кого-либо опредѣленнаго. Такъ, когда насъ спрашиваютъ: „кто этотъ (человѣкъ)“, мы говоримъ: „Петръ“. Это же обозначаютъ и выраженія: „другой“—ибо одинъ есть Петръ и другой—Павелъ—„оный“, „этотъ“, „тотъ“—они прилагаются къ индивиду, который [*ἕκαστος—ἄτομον*] существуетъ самъ по себѣ—и подобныя имъ. Напротивъ, то, что заключаютъ въ себѣ индивиды, называется видомъ и имѣетъ большую общность, чѣмъ индивидъ, такъ какъ обнимаетъ многіе индивиды,—напримѣръ, „человѣкъ“. Это слово обнимаетъ и Петра, и Павла, и всѣхъ единичныхъ людей. Видъ у святыхъ отцовъ называется природою (514 *φύσις*) и сущностью (*οὐσία*), и формою (*μορφή*). То же, что обнимаетъ множество видовъ, называется родомъ,—напримѣръ, „животное“, ибо (это слово) обнимаетъ человѣка, вола, лошадь и является болѣе общимъ, чѣмъ видъ. Святые же отцы какъ видъ, такъ и родъ называютъ природою, формою, образомъ, сущностью. Черезъ видъ,—иначе сказать, природу, сущность, форму—полагается не тотъ или другой индивидъ, не то или другое различіе, но та или иная субстанція. Такъ человѣка мы называемъ одною сущностью, лошадь другою, но не однимъ или другимъ индивидомъ. Въ отношеніи же вида говорится: это, оно, то и подобное,—т. е. отвѣчающее на вопросъ: „что есть предметъ?“ Разность (*διαφορά*) полагаетъ различіе между предметами,—инаково животное разумное и инаково животное неразумное,—и „такое“, и „какое“, и „каково“. Что касается прилагаемаго къ сущности, то оно принадлежитъ или одному виду, или многимъ. Если оно принадлежитъ одному виду, то называется свойствомъ; напримѣръ, способность смѣяться, которая принадлежитъ одному человѣку, способность ржать, которая принадлежитъ одной лошади. Если же оно принадлежитъ многимъ видамъ, то оно составляетъ акциденцію,—напримѣръ, бѣлизна, ибо она принадлежитъ и человѣку, и лошади, и собакѣ и многимъ другимъ видамъ. Таковы тѣ пять названій, къ которымъ сводится всякое философское названіе. И намъ нужно знать, что каждое изъ нихъ обозначаетъ, и въ чемъ они сходны другъ съ другомъ, и въ чемъ различаются. Эти названія суть: родъ, видъ, разность, свойство и акциденція.

Родъ есть то, что высказывается, т. е. говорится и называется, въ отношеніи многихъ предметовъ, различающихся между собою по виду, на вопросъ: что есть предметъ? Ибо высказываться значитъ быть сказану о чемъ-либо. Видъ есть то, что высказывается въ отношеніи многихъ предметовъ, различаю-

щихся между собою числомъ, на вопросъ: что есть предметъ? Разность есть то, что высказывается въ отношеніи многихъ предметовъ, различающихся между собою по виду, на вопросъ: каковъ предметъ? и принимается въ опредѣленіе, въ качествѣ существеннаго признака. Разность не можетъ быть и не быть въ одномъ и томъ же видѣ, но необходимо должна быть въ томъ видѣ, которому принадлежитъ. Находясь въ немъ на лицо, она его сохраняетъ; отсутствуя, разрушаетъ. Точно такъ же невозможно, чтобы въ одномъ видѣ совмѣщались и разность, и противоположное ей. Напримѣръ, разумность не можетъ не принадлежать человѣку, ибо неразумное существо уже не человѣкъ. Находясь на лицо, разумность составляетъ природу человѣка, а отсутствуя, разрушаетъ; ибо неразумное существо уже не человѣкъ. Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что разность называется существенной, естественной (*φυσική*), составляющей (*επιστατική*), раздѣляющей, а также видовой разностью, существеннымъ качествомъ и естественнымъ свойствомъ природы. Философы весьма мѣтко называютъ ее разностію, такъ какъ она наиболѣе особенна и является выразительницею той сущности, которой принадлежитъ. Свойство есть то, что принадлежитъ одному виду, всему и всегда, и допускаетъ обращеніе [можетъ помѣняться мѣстомъ съ подлежащимъ],—напримѣръ, способность смѣяться. Въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ способенъ смѣяться, и всякое существо, способное смѣяться, 545 есть человѣкъ. Акциденція есть то, что высказывается относительно многихъ предметовъ, различающихся по виду, на вопросъ: каковъ предметъ? Она не принимается въ опредѣленіе, но можетъ и принадлежать предмету и не принадлежать ему. Акциденція, присутствуя въ предметѣ, не сохраняетъ его, и отсутствуя не разрушаетъ. Акциденція называется несущественной (*ἐπιρροήδης*) разностію и качествомъ. Акциденція бываетъ или отдѣлимой, или неотдѣлимой. Отдѣлимой акциденціей называется то, что въ одномъ и томъ же лицѣ то присутствуетъ, то отсутствуетъ, какъ, напримѣръ, сидѣніе, летаніе, стояніе, болѣзнь, здоровье. Неотдѣлимой акциденціей называется то, что не входитъ въ составъ сущности, такъ какъ не созерцается въ цѣломъ видѣ.—однако, коль скоро оно принадлежитъ извѣстному лицу, то уже не можетъ быть отдѣлено отъ него. Таковы, напримѣръ, приплюснутость или горбатость носа, синева глаза и т. п. Такая не отдѣлимая акциденція называется отличительною особенностію (*χαρακτηριστικὸν ἰδίωμα*), ибо это различіе составляетъ ипостась, т. е. индивидуумъ.

Что касается индивидуума, то онъ слагается изъ субстанцій

(ὄσσια) и акциденціи и существуетъ самъ по себѣ, различаясь отъ подобныхъ ему по виду числомъ и показывая не „что“, но „кого“. Но съ этимъ мы, съ Божьей помощію, обстоятельнѣе познакомимся потомъ.

Гл. VI. *О раздѣленіи.* Раздѣленіе есть первое расчлененіе вещи; на примѣръ, животное раздѣляется на разумное и неразумное. Дополнительное раздѣленіе (ἐπιδιαίρεσις) есть второе расчлененіе той же вещи. На примѣръ, животное дополнительно раздѣляется на безногое, двуногое и четвероногое: безногое—рыба, двуногое—человѣкъ и птица, четвероногое—волъ, лошадь и подобное. Подраздѣленіе есть расчлененіе выдѣленной части. На примѣръ, животное раздѣляется на разумное и неразумное, разумное же—на смертное и бессмертное. Такимъ образомъ первый предметъ (животное) раздѣляется на два члена: разумное и неразумное; а раздѣленіе одного изъ этихъ членовъ, говорящее: разумное раздѣляется на смертное и бессмертное, есть подраздѣленіе. Однако дѣленіе и дополнительное раздѣленіе бывають не всегда, но въ томъ случаѣ, когда первымъ раздѣленіемъ обнимается не все. На примѣръ, животное раздѣляется на разумное и неразумное. Но какъ въ разумныхъ, такъ и неразумныхъ животныхъ усматривается признакъ: двуногое. Поэтому необходимо дополнительное раздѣленіе, т. е. мы производимъ второе дѣленіе того же самага предмета, именно животнаго, и говоримъ: животное раздѣляется на безногое, двуногое и четвероногое.

Способовъ раздѣленія восемь и по слѣдующему основанію. Все, подлежащее раздѣленію, раздѣляется или само по себѣ, т. е. сообразно своей субстанціи, или сообразно своимъ акциденціямъ. Если что-либо раздѣляется само по себѣ, то оно раздѣляется или какъ вещь, или какъ названіе. Если какъ вещь, то или какъ родъ на виды, какъ это бываетъ при раздѣленіи животнаго на разумное и неразумное, или какъ видъ на индивиды, какъ это имѣетъ мѣсто при раздѣленіи человѣка на Петра, Павла и прочихъ отдѣльныхъ людей, или какъ цѣлое на части. При этомъ послѣднее раздѣленіе двоякаго рода: или на подобныя части, или на неподобныя. Предметъ состоитъ изъ подобныхъ частей, когда его части принимаютъ названіе и опредѣленіе какъ цѣлаго, такъ и другъ друга,—на примѣръ, мясо раздѣляется на много кусковъ мяса, и каждый кусокъ называется мясомъ и принимаетъ опредѣленіе мяса. Наоборотъ, предметъ состоитъ изъ не подобныхъ частей, когда выдѣленные части не принимаютъ ни названія, ни опредѣленія ни цѣлаго, ни другъ друга,—на примѣръ, если раздѣлить Сократа на руки, ноги и голову. Въ самомъ дѣлѣ, нога

или голова, отдѣленная отъ Сократа, уже не называется Сократомъ; равнымъ образомъ нога Сократа не принимаетъ опредѣленія Сократа или опредѣленія головы. Или какъ омонимное названіе—на обозначаемыя различія. Это раздѣленіе опять бываетъ двоякаго рода, такъ какъ названіемъ обозначается или нѣчто цѣлое, или часть. Цѣлое, какъ, на примѣръ, названіе песь. Это названіе обозначаетъ нѣчто цѣлое, ибо оно употребляется и въ приложеніи земнаго пса, и небеснаго, и морского, изъ которыхъ каждый есть нѣчто цѣлое, а не часть животнаго. Часть, когда, напр., названіе языка прилагается и къ верхней части сандалій, и къ верхней части флейты, и къ вкусовому органу животныхъ: все это суть части, а не цѣлыя. Такъ производится раздѣленіе, когда предметъ дѣлится самъ по себѣ. Собразно же акциденціямъ (раздѣленіе производится) или тогда, когда субстанція дѣлится на акциденціи,—напр., когда я о людяхъ скажу, что одни изъ нихъ бѣлые, другіе черные, ибо люди—субстанція, а бѣлый цвѣтъ и черный—акциденціи; или въ томъ случаѣ, когда акциденція дѣлится на субстанціи,—напр., когда я скажу, что одни изъ бѣлыхъ предметовъ одушевленные, другіе неодушевленные, ибо бѣлый цвѣтъ—акциденція, одушевленные же и неодушевленные предметы—субстанціи; или въ томъ случаѣ, когда акциденція раздѣляется на акциденціи,—напримѣръ, когда я скажу: одни изъ холодныхъ предметовъ бѣлые и сухіе, другіе черные и сырые, ибо холодъ, бѣлый цвѣтъ, черный, сырость, сухость—все это акциденціи.

Есть и другой способъ раздѣленія, именно, на предметы, происходящіе отъ одного предмета и относящіеся къ одному предмету. Отъ одного, именно, отъ медицины, происходятъ и медицинская книга и медицинскій инструментъ, ибо они названы медицинскими отъ одного предмета—медицины. Къ одному предмету относятся полезное для здоровья лѣкарство и полезная для здоровья пища, ибо они имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же предметъ здоровье. Что касается предметовъ, происходящихъ отъ одного и того же предмета, то одни изъ нихъ получаютъ свое названіе отъ извѣстной причины,—напр., изображеніе человѣка получаетъ названіе отъ истинной причины, т. е. человѣка; другіе—потому, что они изобрѣтены кѣмъ-либо,—напр., медицинскій ножъ и тому подобные предметы.

Таково общее раздѣленіе предметовъ, по которому можетъ быть раздѣлено все, что допускаетъ раздѣленіе: или какъ родъ на виды, или какъ видъ на индивидуы, или какъ цѣлое на части, или какъ омонимное названіе на обозначаемыя различія, или какъ субстанція на акциденціи, или какъ акциденція на суб-

станции, или какъ акциденція на акциденціи, или на предметы, принадлежащія и относящіяся къ одному и тому же предмету. Впрочемъ, нѣкоторые не признають дѣленія вида на индивидуы за раздѣленіе, предпочитая называть его исчисленіемъ, потому что раздѣленіе имѣетъ два, три, очень рѣдко четыре члена; видъ же раздѣляется на безконечное множество членовъ; ибо отдѣльныхъ людей, напр., безконечное множество.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ способъ раздѣленія [за исключеніемъ послѣдняго] не даетъ возможности видѣть, что въ членахъ дѣленія является предшествующимъ по природѣ и что послѣдующимъ, а также что выше и что ниже. Но при дѣленіи по происхожденію отъ одного и того же предмета или по отношенію къ одному и тому же предмету, можно видѣть, что является предшествующимъ по природѣ и что послѣдующимъ, а также что выше и что ниже, откуда ведетъ свое начало и названіе ¹⁾).

¹⁾ Въ сокращенной редакціи Діалектики Дамаскина глава *О раздѣленіи* помѣщена послѣ главы XI и излагается нѣсколько иначе.

Раздѣленіе есть первое расчлененіе вещи; напр., животное раздѣляется на разумное и неразумное. Подраздѣленіе же есть расчлененіе и раздѣленіе одного члена дѣленія на (дальнѣйшія) двѣ части. Такъ, раздѣливъ животное на разумное и неразумное, одинъ изъ этихъ членовъ—именно, разумное—мы раздѣляемъ на смертное и бессмертное. Дополнительное дѣленіе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда, произведя раздѣленіе извѣстнаго предмета, мы еще производимъ дѣленіе того же самаго предмета. Такъ, человекъ раздѣляется на мужчину и женщину; это будетъ раздѣленіе. Съ другой стороны, человекъ раздѣляется на душу и тѣло; это будетъ уже дополнительное раздѣленіе. Раздѣленіе и дополнительное раздѣленіе не всегда имѣютъ мѣсто, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда первымъ раздѣленіемъ обнимается не все. Такъ и мужчинѣ, и женщинѣ припадлежитъ душа и тѣло.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что два вида, на которые дѣлится одинъ и тотъ же родъ, называются противными членами дѣленія. Такъ, животное раздѣляется на разумное и неразумное; разумное и неразумное и будутъ называться противными членами дѣленія.

Способовъ раздѣленія восемь. Предметы дѣлятся или какъ родъ на виды, какъ это имѣетъ мѣсто при дѣленіи животнаго на разумное и неразумное, или какъ видъ на индивидуы, какъ это имѣетъ мѣсто при дѣленіи человека на Петра, Павла и прочихъ отдѣльныхъ людей, или какъ цѣлое на части. Послѣднее дѣленіе двоякаго рода: или на подобныя части, или на неподобныя. На подобныя части, когда онѣ принимаютъ названіе и опредѣленіе какъ цѣлаго, такъ и другъ друга. Такъ, если мы раздѣлимъ мясо на много кусковъ, то каждый кусокъ называется мясомъ и принимаетъ опредѣленіе мяса. На неподобныя части въ томъ случаѣ, если эти части не принимаютъ ни названія, ни опредѣленія, какъ цѣлаго, такъ и другъ друга. Такъ, если мы раздѣлимъ Сократа на голову, руки и ноги, то ни голова, ни руки, ни ноги не принимаютъ какъ имени, такъ и опредѣленія Сократа или другъ друга. Или какъ омонимное названіе—на обозначаемыя различія. И это дѣленіе бываетъ двоякаго рода: (подлежащее раздѣленію дѣлится) или какъ цѣлое, или какъ часть.

Гл. VII. *О предшествующемъ по природѣ.* Предшествующимъ по природѣ называется то, что полагается вмѣстѣ съ другимъ, но не полагаетъ его, что вмѣстѣ съ собою устраняетъ и другое, но не устраняется вмѣстѣ съ нимъ. Напримѣръ, животное по природѣ предшествуетъ человѣку, ибо, разъ устраняется и не существуетъ животное, то необходимо не будетъ существовать и человѣкъ, такъ какъ человѣкъ есть животное. Если же уничтожится и не будетъ существовать человѣкъ, существованіе животнаго возможно, ибо будетъ существовать лошадь, собака и подобныя существа, являющіяся животными. Съ другой стороны, если полагается человѣкъ, то непременно полагается и животное, ибо человѣкъ есть животное. Если же полагается животное, то человѣкъ не полагается непременно, но можетъ полагаться и лошадь, и собака, и что-либо подобное, ибо и онѣ суть животныя. Поэтому Петръ не предшествуетъ по природѣ Павлу или животное разумное неразумному, ибо когда устраняется и не будетъ существовать Петръ, Павелъ будетъ существовать; и когда полагается Павелъ, не полагается вмѣстѣ и Петръ, равно какъ, когда полагается Петръ, не полагается вмѣстѣ и Павелъ. Точно также Петръ не болѣе, т. е. не въ болѣе полной степени является человѣкомъ или животнымъ, чѣмъ Павелъ, равно какъ Павелъ не болѣе, чѣмъ Петръ. Но одно лѣкарство бываетъ дѣйствительнѣе другого, и одна медицинская книга полезнѣе другой.

Какъ цѣлое, напр., названіе песь.—ибо оно употребляется и въ примѣненіи къ земному псу, и къ небесному, и къ морскому; и первый, и второй, и третій представляютъ собою нѣчто цѣлое, а не часть животнаго. Какъ часть, когда, напр., названіе языка прилагается и къ верхней части сандалія, и къ верхней части флейты, и къ вкусовому органу животныхъ: все это суть части, а не цѣлыя. Или какъ субстанція—на акциденціи,—напр., когда я о людяхъ скажу, что одни изъ нихъ бѣлыя, другіе черныя. Или какъ акциденціи на субстанціи,—напр., когда и скажу, что одни изъ бѣлыхъ предметовъ одушевленные, другіе неодушевленные. Или какъ акциденція—на акцидентіи, напр., когда я скажу—одни изъ холодныхъ предметовъ сухіе, другіе влажныя. Или на то, что отъ одного предмета происходитъ или къ одному предмету относится. Отъ одного предмета, напр. отъ медицины, происходятъ медицинская книга и медицинскій инструментъ. Къ одному предмету относятся здоровое лѣкарство и здоровая пища, ибо они имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же предметъ—здоровье. Подобнымъ же образомъ и сущее (τὸ ὄν) раздѣляется на субстанцію и акциденцію.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ способовъ дѣленія, за исключеніемъ дѣленія по происхожденію и по отношенію, не даетъ возможности видѣть, что въ членахъ дѣленія является предыдущимъ по природѣ и что послѣдующимъ, а также что выше и что ниже.

Гл. VIII. *Объ опредѣленіи*. Опредѣленіе есть краткая рѣчь, выражающая природу подлежащаго, т. е. рѣчь обозначающая эту природу немногими словами. Напримѣръ: человекъ есть животное разумное, смертное, способное къ разумѣнію и постиженію. Многие изъ людей составили о природѣ человека словеса широкія, т. е. протяженныя и напыщенныя, но такъ какъ они не отличаются краткостію, то по этому и не суть опредѣленія. Съ другой стороны, есть и краткія слова, какъ, напримѣръ, изреченія (*ἀποφθέγματα*), но такъ какъ ими не выражается природа вещи, то они не являются опредѣленіями. И имя, хотя оно часто и выражаетъ природу подлежащей вещи, однако не есть опредѣленіе, ибо имя есть одно слово (*ἄξις*), опредѣленіе же есть рѣчь (*λόγος*), а рѣчь слагается, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ различныхъ словъ. [Терминъ есть имя объясненное, имя же есть терминъ въ сжатомъ видѣ].

Опредѣленіе составляется изъ рода и изъ образующихъ (*συστητικῶν*), т. е. существенныхъ (*ὀυσιαστικῶν*) разностей. Это можно видѣть на опредѣленіи животнаго: животное есть одушевленная субстанція, обладающая способностію воспріятія. Въ этомъ опредѣленіи субстанція есть родъ, а одушевленность и способность воспріятія — образующія разности. Составляется (опредѣленіе) изъ матеріи и формы. Напримѣръ: статуя есть то, что дѣлается изъ мѣди и изображаетъ человека. Итакъ, мѣдь есть матерія а „изображаетъ человека“—форма статуи. При этомъ матерія соотвѣтствуетъ роду, форма же разности. Составляется опредѣленіе также изъ изучаемаго предмета и цѣли. Напримѣръ: медицина есть искусство, имѣющее своимъ предметомъ человѣческія тѣла, а ставитъ своею цѣлью здоровье. Здѣсь предметъ медицины—человѣческія тѣла, цѣль же ея—здоровье.

Описаніе же слагается изъ несущественныхъ признаковъ, т. е. свойствъ и акциденцій. Напримѣръ: человекъ есть животное, способное смѣяться, имѣющее прямую походку и плоскіе ногти. Все это—несущественные признаки. Поэтому описаніе и называется (по-гречески) *ὑπογραφή*, такъ какъ оно даетъ какъ бы тѣнь предмета и выражаетъ не существенное бытіе, но то, что ему сопутствуетъ. Описательное опредѣленіе смѣшано изъ существенныхъ и несущественныхъ признаковъ предмета. Напримѣръ: человекъ есть животное разумное, имѣющее прямую походку и плоскіе ногти.

Опредѣленіе (по-гречески) называется *ὀρισμός* отъ метафоры съ земельными границами. Какъ граница отдѣляетъ собственность каждаго человека отъ собственности другого, такъ и опредѣленіе отдѣляетъ природу каждой вещи отъ природы другой.

Достоинство опредѣленія заключается въ томъ, чтобы не быть скуднымъ и не изобиловать словами. Недостаткомъ же его является скудость или избытокъ словами. Совершеннымъ опредѣленіемъ будетъ такое, которое допускаетъ обращеніе съ опредѣляемымъ предметомъ; не совершеннымъ — такое, которое не допускаетъ обращенія. Опредѣленіе скудное словами не допускаетъ обращенія. Когда опредѣленіе изобилуетъ словами, то оно уже опредѣляемой вещи; когда же оно скудно словами, то изобилуетъ предметами. [Такимъ образомъ можно сказать, что природа изобрѣла удивительное приспособленіе: скудость изобилующую и богатство, скрывающее скудость]. Напримѣръ, совершеннымъ опредѣленіемъ человѣка будетъ такое опредѣленіе: человѣкъ есть животное разумное, смертное. Это опредѣленіе допускаетъ обращеніе, ибо всякое животное разумное, смертное есть человѣкъ, и всякій человѣкъ есть животное разумное, смертное. Если же въ этомъ опредѣленіи опустить одно слово, то оно будетъ уже шире опредѣляемаго предмета,—напримѣръ: человѣкъ есть разумное животное. Въ этомъ опредѣленіи опущено одно слово, такъ какъ я не добавилъ: смертное. Поэтому оно изобилуетъ предметами, ибо не одинъ человѣкъ есть разумное животное, но и ангелъ; поэтому же оно не допускаетъ обращенія. Если же я скажу: человѣкъ есть животное разумное, смертное и ученое, то это опредѣленіе тоже не допускаетъ обращенія, ибо оно изобилуетъ словами, такъ какъ сказано: ученое. Поэтому оно уже опредѣляемаго предмета, ибо опредѣляетъ не всякаго человѣка, но только ученыхъ. Дѣйствительно всякое животное, разумное, смертное и ученое есть человѣкъ; но не всякій человѣкъ есть животное разумное, смертное и ученое, ибо не всякій человѣкъ—ученый.

Итакъ, совершенными будутъ тѣ опредѣленія, которыя допускаютъ обращеніе съ опредѣляемымъ предметомъ. Но такъ какъ и свойство допускаетъ обращеніе съ тѣмъ предметомъ, которому оно принадлежитъ,—ибо если извѣстное существо есть человѣкъ, то оно и способно смѣяться. и если оно способно смѣяться, то оно и человѣкъ,—поэтому мы должны, прибавляя къ данному раньше опредѣленію, сказать, что совершенныя опредѣленія суть тѣ, которыя составляются изъ рода и образующихъ разностей, въ которыхъ сказано не болѣе и не менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и которыя допускаютъ обращеніе съ опредѣляемымъ. Равнымъ образомъ (совершенными опредѣленіями) будутъ тѣ, которыя составляются изъ предмета и цѣли, а также изъ матеріи и формы. Иногда (совершенными являются) и такія опредѣленія, которыя состоятъ изъ одного предмета,—именно, когда предметъ

557 не подлежитъ другому искусству, какъ, напр., стекло — стекольному искусству—и изъ одной цѣли, когда эта цѣль не можетъ быть цѣлю другихъ искусствъ, какъ, напр., это имѣетъ мѣсто въ отношеніи караблестроенія. Изъ всего этого слѣдуетъ слѣлать выводъ, что совершенство опредѣленія заключается въ его способности къ обращенію.

Названіе „опредѣленіе“ (*ὁρισμός*) отличается отъ названія „терминъ“ (*ὄρος*) тѣмъ, что первое уже, а второе шире. Въ самомъ дѣлѣ, „терминъ“ (*ὄρος*) обозначаетъ и земельную границу, и рѣшеніе, напр., когда говоримъ *ὄρισεν ἑαυτοῦς* (царь рѣшилъ). Точно также онъ означаетъ то, на что разлагается посылка, какъ мы это. съ Божьей помощью, узнаемъ потомъ. Обозначаетъ оно и опредѣленіе; опредѣленіе же означаетъ только краткую рѣчь, выражающую природу подлежащей вещи.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что опредѣленіе возможно только въ отношеніи субстанции и ея видовъ. Что же касается индивида и акциденцій, то въ отношеніи ихъ опредѣленіе невозможно, а только описаніе, такъ какъ опредѣленіе составляется изъ рода и образующихъ разностей, описаніе же — изъ несущественныхъ признаковъ.

Гл. IX. *О родѣ*. Въ отношеніи омонимовъ слѣдуетъ донскиваться отвѣта на слѣдующіе три вопроса: является ли извѣстное названіе омонимомъ, столько предметовъ оно обозначаетъ и о какомъ изъ нихъ идетъ рѣчь. Но прежде нужно сказать, что такое омонимъ. Съ омонимомъ мы имѣемъ дѣло тогда, когда два предмета или большее число ихъ имѣютъ одно имя; при этомъ каждый изъ нихъ означаетъ вѣчто различное и имѣетъ различную природу, принимая различныя опредѣленія. Такъ обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ въ отношеніи рода, ибо родъ принадлежитъ къ числу омонимовъ. Во-первыхъ, родъ употребляется для обозначенія происхожденія изъ опредѣленнаго отечества и отъ опредѣленнаго родителя, при чемъ и въ томъ и другомъ случаѣ понимается двояко: въ близкомъ и отдаленномъ смыслѣ. Слово родъ употребляется для обозначенія близкаго отечества: напримѣръ, происходящій изъ Іерусалима, называется іерусалимляниномъ; для обозначенія происхожденія изъ дальняго отечества: напримѣръ, происходящій изъ Палестины называется палестинскимъ. Подобнымъ же образомъ родъ употребляется для обозначенія происхожденія отъ близкаго родителя: напримѣръ, когда Ахиллесъ, бывшій сыномъ Пелея, называется Пелидомъ, и для обозначенія происхожденія отъ отдаленнаго предка, напримѣръ, когда тотъ же Ахиллесъ по дѣду Эаку

называется Эакидомъ, ибо Эакъ былъ отцомъ Пелея. Далѣе родомъ называется отношеніе родоначальника ко многимъ происшедшимъ отъ него людямъ: напримѣръ, всѣ ведущіе свое происхожденіе отъ Израиля, называются израильтянами. Разсмотрѣнные значенія слова родъ философіи не касаются.

Далѣе, родомъ называется то, чему подчиняется видъ. Напримѣръ, животному подчиняются человѣкъ, лошадь и другіе виды. Поэтому животное есть родъ. Объ этомъ-то родѣ и говорятъ философы. Опредѣляя его, говоримъ: родъ есть то, что сказывается въ отношеніи многихъ и различающихся по виду предметовъ и отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? Напримѣръ, животное, какъ родъ, сказывается въ отношеніи человѣка, лошади, вола и многихъ другихъ существъ, различающихся между собою по виду, и отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? Въ самомъ дѣлѣ, одинъ видъ человѣка, другой лошади и третій вола. Родъ высказывается на вопросъ: что есть предметъ? Когда насъ спрашиваютъ, что такое человѣкъ, мы отвѣчаемъ: животное. Также обстоитъ дѣло и съ лошадью, ибо когда насъ спрашиваютъ, что такое лошадь, мы говоримъ: животное. Такимъ образомъ, родъ есть то, чему подчиняется видъ [и снова: родъ есть то, что раздѣляется на виды]. Въ самомъ дѣлѣ, родъ раздѣляется на виды, является болѣе общимъ, чѣмъ видъ, обнимаетъ виды и есть высшее въ сравненіи съ ними понятіе.

Нужно замѣтить, что болѣе общее понятіе называется высшимъ. Напротивъ, менѣе общее, именно подлежащее въ отношеніи своего сказуемаго, называется низшимъ. Ибо есть подлежащее въ отношеніи существованія, именно субстанція, такъ какъ она служитъ основаніемъ для существованія акциденціи, поскольку акциденція находится въ ней. И есть подлежащее въ отношеніи сказыванія—именно менѣе общее, ибо сказывается родъ въ отношеніи вида и видъ въ отношеніи индивидовъ. Ясно, что родъ имѣетъ большую общность чѣмъ видъ, и видъ—большую общность, чѣмъ индивиды. (Ибо всемъ этомъ мы болѣе обстоятельно, съ Божьей помощью, узнаемъ потомъ. Теперь же, говоря о родѣ, скажемъ и о видѣ.

Гл. X. *О видѣ.* Видъ принадлежитъ къ числу омонимовъ и употребляется въ двухъ смыслахъ. Видомъ называется форма, а также фигура каждой вещи, напримѣръ: видъ статуи. Сообразно съ этимъ говорится: первый видъ достойный царства. Видомъ, съ другой стороны, называется то существенное, что подчиняется роду. И снова: видомъ называется то, о чемъ сказывается родъ въ формѣ отвѣта на вопросъ, что есть предметъ, или то, что высказывается въ такой же формѣ о многихъ и различающихся.

численно предметахъ. Но два первыя опредѣленія вида различаются между собою лишь относительно, какъ направленіе вверхъ и направленіе внизъ, и подходятъ ко всякому виду. Третье же, совершенное, опредѣленіе подходитъ лишь къ самому низшему виду, ближайшему къ индивидуамъ общему понятію, обнимающему единичныя сущности; въ этомъ смыслѣ мы, напримѣръ, говоримъ: видъ человѣка.

561 Мы сказали, что названіе родъ употребляется въ трехъ смыслахъ: въ смыслѣ происхожденія отъ родителя, въ смыслѣ происхожденія изъ отечества — въ томъ и другомъ случаѣ въ двоякомъ смыслѣ (близкомъ и отдаленномъ) — и, въ-третьихъ, родъ означаетъ то, чему подчиняется видъ. Подобно этому и видъ имѣетъ два значенія: во-первыхъ, видъ означаетъ фигуру каждой вещи и, во-вторыхъ, то, въ отношеніи чего сказывается родъ и что подчиняется роду, какъ членъ его дѣленія. Объ этомъ родѣ и видѣ и говорятъ философы.

Такъ какъ, разсуждая о родѣ, мы упомянули о видѣ, говоря: родъ есть то, что раздѣляется на виды, и снова: разсуждая о видѣ, мы упомянули о родѣ, говоря: видъ есть то, на что раздѣляется родъ, поэтому слѣдуетъ замѣтить, что подобно тому какъ, говоря объ отцѣ, мы необходимо упоминаемъ и о сынѣ—ибо отцомъ является тотъ, у кого есть сынъ, а говоря о сынѣ, необходимо упоминаемъ и объ отцѣ, ибо сынъ—тотъ, кто имѣетъ отца, такъ и въ данномъ случаѣ нельзя разсуждать о родѣ, не касаясь вида, или о видѣ, не касаясь рода. Ибо родъ непрерывно раздѣляется на виды, и то, что не имѣетъ видовъ, на которые оно дѣлится, не есть родъ; равно и виды суть то, на что дѣлится родъ, и то, что не имѣетъ рода, не есть видъ.

Первый человѣкъ, т. е. Адамъ, не называется сыномъ, такъ какъ не имѣлъ отца, но называется отцомъ, такъ какъ имѣлъ сыновей. Снѣ же называется и сыномъ въ отношеніи родившаго его—ибо онъ имѣлъ отца—Адама—и отцомъ въ отношеніи родившагося отъ него, ибо онъ родилъ Эноса. Напротивъ, Авель называется сыномъ, ибо онъ имѣлъ отца Адама, но не называется отцомъ, ибо не имѣлъ сына. То же самое нужно сказать и въ отношеніи рода и вида. Первый родъ, поскольку онъ не есть то, на что дѣлится другой родъ, и не имѣетъ предшествующаго ему рода, является только родомъ и не бываетъ уже видомъ; этотъ родъ называется самымъ общимъ родомъ (*γενικώτατον γένος* — *genus generalissimum*), и, опредѣляя его, говоримъ: самымъ общимъ родомъ будетъ тотъ, который, будучи родомъ, не есть въ то же время видъ, не имѣя надъ собою высшаго рода. Что же касается членовъ дѣленія этого рода, имѣющихъ подъ собою другіе виды, на которые они раздѣляются, то эти

члены въ отношеніи того, что имъ предшествуетъ, т. е. того, чему они подчинены и что на нихъ раздѣляется, будутъ видами, а въ отношеніи того, на что они сами раздѣляются, т. е. низшихъ понятій.—родами; поэтому они и называются подчиненными родами и видами. Последніе же и низшіе виды, которые не имѣютъ подъ собою другихъ видовъ, т. е. которые обнимаютъ не виды, а индивидуы, или ипостаси (*ὑποστάσεις*), уже не называются родомъ, но только видомъ. Основаніе для этого то, что, какъ я сказалъ, они не имѣютъ подъ собою другихъ видовъ, на которые дѣлятся: ибо нельзя назвать родомъ то, что не обнимаетъ видовъ или не имѣетъ подъ собою видовъ, на которые дѣлится. Поэтому заключающее въ себѣ не виды, но ипостаси (*ὑποστάσεις*) называется низшимъ видомъ, ибо, будучи видомъ, оно не есть въ то же время и родъ, подобно тому, какъ родъ, не служащій въ то же время и видомъ, называется высшимъ родомъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что виды необходимо принимаютъ какъ наименованіе, такъ и опредѣленіе рода, а родъ наименованіе и опредѣленіе своего рода и такъ далѣе до рода высшаго; но одинъ видъ не можетъ принимать опредѣленіе другого вида. А чтобы сказанное стало болѣе яснымъ, мы обратимся къ такимъ примѣрамъ. Субстанція есть первый и высшій родъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя сущее (*ὄν*) и раздѣляется на субстанцію (*οὐσία*) и акциденцію (*συμβεβηκός*), однако сущее не будетъ для нихъ родомъ, такъ какъ имя сущаго они принимаютъ, а опредѣленія не принимаютъ. Сущее есть или вещь самосущая, не нуждающаяся въ другой для своего существованія, или вещь, не могущая существовать сама по себѣ, но имѣющая свое существованіе въ другой. Субстанція же есть только самосущая вещь, не нуждающаяся для своего существованія въ другой. Такимъ образомъ, субстанція не принимаетъ всего опредѣленія сущаго. Въ силу этого сущее не есть родъ субстанціи, равно какъ и субстанція не есть видъ сущаго, ибо видъ принимаетъ все опредѣленіе своего рода безъ остатка. Но и акциденція не есть видъ сущаго. Въ самомъ дѣлѣ, она принимаетъ не все опредѣленіе сущаго, но половину, ибо акциденція есть только вещь, не могущая существовать сама по себѣ, а нуждающаяся для своего существованія въ другой. Такимъ образомъ, ни субстанція, ни акциденція не принимаютъ всего опредѣленія сущаго, но субстанція принимаетъ одну половину, а акциденція другую. Поэтому хотя сущее и раздѣляется на субстанцію и акциденцію, однако оно не составляетъ ихъ рода. Субстанція, въ свою очередь, раздѣляется на тѣло и существо безтѣлесное. Здѣсь тѣло и безтѣлесное существо суть виды субстанціи, ибо каждое изъ

564

нихъ принимаетъ наименованіе и опредѣленіе субстанціи. Отсюда слѣдуетъ, что субстанція не есть видъ, такъ какъ не имѣетъ надъ собою рода, но она есть первый и высшій родъ. Въ свою очередь, тѣло раздѣляется на одушевленное и неодушевленное. Здѣсь опять тѣло, будучи видомъ въ отношеніи субстанціи, является родомъ для одушевленного и неодушевленного. Одушевленное опять раздѣляется на ощущающее и не ощущающее. Ощущающее есть животное, которое имѣетъ жизнь и ощущающую способность. Не ощущающее есть растеніе, такъ какъ оно не имѣетъ ощущающей способности. А одушевленнымъ растеніе называется потому, что оно способно къ питанію, возрастанію и размноженію. Животное опять раздѣляется на разумное и неразумное; разумное— на смертное и бессмертное; смертное— на человѣка, лошадь, вола и т. д.; изъ нихъ нѣкоторыя уже не раздѣляются на другіе виды, но раздѣляются на индивидуы, или ипостаси. Такъ, человѣкъ раздѣляется на Петра, Павла, Іоанна и прочихъ отдѣльныхъ людей, которые уже не суть виды, но ипостаси. Въ самомъ дѣлѣ, виды, какъ мы сказали, не принимаютъ опредѣленія другъ друга: напр., тѣло не принимаетъ опредѣленія безтѣлеснаго существа, человѣкъ не принимаетъ опредѣленія лошади. Петръ же, Павелъ и Іоаннъ принимаютъ одно опредѣленіе, опредѣленіе человѣка. Подобнымъ же образомъ дѣло обстоитъ и съ прочими отдѣльными людьми, такъ что они не суть виды человѣка, но индивидуы, или ипостаси.

565 Затѣмъ видъ, при раздѣленіи, сообщаетъ тому, что ему подчинено, и имя, и опредѣленіе. Петръ же, если его раздѣлить на душу и тѣло, ни душѣ, ни тѣлу не сообщаетъ своего имени и опредѣленія, ибо Петръ не есть только душа или только тѣло, но то и другое въ соединеніи.

Кромѣ того, всякое раздѣленіе рода на виды достигаетъ двухъ, трехъ, рѣдко четырехъ видовъ; такъ какъ не можетъ быть того, чтобы родъ раздѣлялся на пять и болѣе видовъ. Человѣкъ же раздѣляется на всѣхъ отдѣльныхъ людей, которыхъ безграничное число. Поэтому нѣкоторые отказываются назвать дѣленіе вида на индивидуы раздѣленіемъ, а называютъ его исчисленіемъ (*κατάριθμον*). Отсюда ясно, что Петръ, Павелъ и Іоаннъ не суть виды, но индивидуы, или ипостаси. Равнымъ образомъ и человѣкъ не есть родъ Петра и прочихъ ипостасей, но видъ. Вслѣдствіе этого человѣкъ есть низшій видъ. Онъ есть видъ въ отношеніи высшаго, поскольку обнимается имъ, и видъ въ отношеніи низшаго, поскольку онъ обнимаетъ его, ибо то, что обнимается родомъ, есть видъ, равно какъ видомъ является и то, что обнимаетъ индивидуы, т. е. ипостаси. Такимъ обра-

зомъ низшимъ видомъ будетъ такой видъ, который служить ближайшимъ высшимъ понятіемъ для индивидовъ, почему его и опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: низшій видъ есть то, что сказывается въ отношеніи многихъ и различающихся численно предметовъ, отвѣчая на вопросъ: что есть предметъ? Подобнымъ образомъ и лошадь и собака, и др. животныя суть низшіе виды. То же, что лежитъ между самымъ общимъ родомъ и низшимъ видомъ, суть подчиненные роды и виды—виды въ отношеніи вышаго и роды въ отношеніи низшаго.

Они же составляютъ существенныя и естественныя разносги и качества, которыя называются, съ одной стороны, раздѣляющими, а, съ другой — образующими; раздѣляющими они называются въ отношеніи высшихъ понятій, а образующими въ отношеніи низшихъ. Такъ, тѣло и безтѣлесное существо раздѣляютъ субстанцію; подобнымъ образомъ одушевленное и неодушевленное раздѣляютъ тѣло; подобнымъ же образомъ ощущающее и не ощущающее раздѣляютъ одушевленное. Но тѣ же понятія образуютъ животное. Въ самомъ дѣлѣ, если я возьму субстанцію одушевленную, ощущающую, то получу животное, ибо животное есть субстанція одушевленная, ощущающая. Если же возьму субстанцію неодушевленную, не ощущающую, то получу растеніе. Датье, разумное и неразумное раздѣляютъ животное, смертное и бессмертное раздѣляютъ разумное. Поэтому, если я возьму животное, которое служить для этихъ понятій рокомъ, а также разумное и смертное, то образую человѣка, ибо человѣкъ есть животное разумное, смертное. А если я возьму животное и прибавлю: неразумное, смертное, земное, то образую лошадь, собаку и т. п. А если возьму животное и присоединю: неразумное, смертное, водяное, то образую рыбу. Существенными же и естественными разностями эти понятія называются потому, что чрезъ нихъ одинъ видъ различается отъ другого вида и одна сущность отъ другой сущности и природы ¹⁾.

568

¹⁾ Въ краткой Діалектикѣ Дамаскина двѣ послѣднія главы: *О родѣ* и *видѣ* излагаются болѣе сжато и соединяются въ одну подъ такимъ заглавіемъ: *О самомъ общемъ родѣ и о самомъ низшемъ видѣ и подчиненныхъ*.

568

Слово „родъ“ употребляется въ трехъ смыслахъ. Во-первыхъ, для обозначенія происхожденія по рожденію; напримѣръ, происшедшіе отъ Израиля называются израильтянами. Во-вторыхъ, для обозначенія происхожденія изъ извѣстнаго отечества; напримѣръ, тѣ, кто родомъ изъ Іерусалима, называются іерусалимлянами; а тѣ, кто родомъ изъ Палестины, называются палестинянами. Въ-третьихъ, родомъ называется то, что раздѣляется на виды. Объ этомъ родѣ и говоритъ философы. Опредѣляя родъ въ этомъ смыслѣ, говорятъ: родъ есть то, что сказывается о многихъ и различающихся по виду предметахъ, и отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ?

Видъ имѣетъ два значенія: видомъ называется фигура и форма; напр.,

573

Гл. XI. *Объ индивидъ.* Слово индивидъ употребляется въ четырехъ значеніяхъ. Индивидомъ называется то, что не разсѣкается и не дѣлится, напрімѣръ: точка, теперь, единица: подобные предметы называются также неколичественными [т. е. не имѣющими количества]. Индивидомъ называется и то, что съ трудомъ дѣлится или рассыпается, напрімѣръ: алмазь и под. Индивидомъ называется видъ, не дѣлящійся уже на другіе виды, т. е. самый низшій видъ, напрімѣръ: человѣкъ, лошадь и т. п. Въ собственномъ же смыслѣ индивидомъ называется то, что, хотя и раздѣляется, однако послѣ дѣленія не сохраняетъ своего первоначальнаго вида. Напрімѣръ: Петръ дѣлится на душу и тѣло. Но ни душа сама по себѣ не есть уже полный

видъ статуи; видомъ, съ другой стороны, называется то, что подчиняется роду, т. е. то, на что дѣлится родъ. О видѣ въ этомъ смыслѣ и говорятъ философы.

Такъ какъ, разсуждая о родѣ, мы упоминали о видѣ, говоря: родъ есть то, что раздѣляется на виды, а разсуждая о видѣ, мы упоминали о родѣ, говоря: видъ есть то, на что раздѣляется родъ, то поэтому слѣдуетъ замѣтить, что подобно тому, какъ говоря объ отцѣ, мы необходимо упоминаемъ о сынѣ—ибо отцомъ является тотъ, у кого есть сынъ,—и говоря о сынѣ, необходимо упоминаемъ и объ отцѣ,—ибо сынъ—тотъ, кто имѣетъ отца,—такъ и въ данномъ случаѣ нельзя разсуждать о родѣ, не касаясь вида, или о видѣ, не касаясь рода. Ибо родъ, непременно, раздѣляется на виды, и то, что не имѣетъ вида, на которые оно дѣлится, не есть родъ, равно и виды суть то, на что дѣлится родъ, и то, что не имѣетъ рода, не видъ.

Первый человѣкъ, т. е. Адамъ, не называется сыномъ, такъ какъ не имѣлъ отца, но называется отцомъ, такъ какъ имѣлъ сыновей. Сие же называется и сыномъ въ отношеніи родившаго его, ибо онъ имѣлъ отца—Адама—и отцомъ въ отношеніи родившагося отъ него, ибо онъ родилъ сына. Напротивъ, Авель называется сыномъ, ибо онъ имѣлъ отца—Адама,—но не называется отцомъ, ибо не имѣлъ сына. То же самое нужно сказать и въ отношеніи рода и вида. Первый родъ, поскольку онъ не есть то, на что дѣлится другой родъ, и не имѣетъ предшествующаго ему рода, является только родомъ и не бываетъ уже видомъ; этотъ родъ называется самымъ общимъ родомъ (*γένος γενικώτατον*) и, опредѣляя его, говорятъ: самымъ общимъ родомъ будетъ тотъ, который, будучи родомъ, не есть въ то же время видъ, не имѣя надъ собою высшаго рода. Что же касается членовъ дѣленія этого рода, имѣющихъ подъ собою другіе виды, въ которые они раздѣляются, то эти члены въ отношеніи того, что имъ предшествуетъ, т. е. того, чему они подчинены и что на нихъ раздѣляется, будутъ видами, а въ отношеніи того, на что они сами раздѣляются, т. е. низшихъ понятій—родами; поэтому они и называются подчиненными родами и видами. Последніе же и низшіе виды, которые не имѣютъ подъ собою другихъ видовъ, уже не называются родами, но только видами. Основаніе для этого то, что они не имѣютъ подъ собою другихъ видовъ, на которые дѣлятся; ибо нельзя назвать родомъ то, что не имѣетъ подъ собою видовъ, на которые дѣлится. Поэтому видъ, который не есть родъ, называется низшимъ видомъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что виды необходимо принимаютъ какъ наименованіе, такъ и опредѣленіе своего рода, а родъ—наименованіе и опре-

569

человѣкъ или полный Петръ, ни тѣло. Философы и говорятъ объ индивидѣ въ этомъ смыслѣ, согласно которому онъ обозначаетъ основывающуюся на субстанціи ипостась.

Гл. XII. *О разности.* Разность, качество и свойство въ отношеніи предмета—нѣчто единое; въ отношеніи же ихъ дѣйствія они различаются. Такъ разумность называется и качествомъ, и свойствомъ, и разностию человѣка, но при этомъ она берется различнымъ образомъ. Если она берется, какъ нѣчто создающее и какъ бы образующее субстанцію, то она называется качествомъ. Далѣе, если она берется, какъ нѣчто, ставшее свойственнымъ этой субстанціи, то называется свойствомъ. А если она берется, по сравненію къ неразумному, скажемъ. волу, мулу или собакъ,

дѣленіе своего рода и такъ далѣе до рода высшаго; но виды не могутъ принимать опредѣленіе другъ друга. Субстанція есть первый и высшій родъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя сущее и раздѣляется на субстанцію и акциденцію, однако сущее не будетъ для нихъ родомъ, такъ какъ имя сущаго они принимаютъ, а опредѣленія не принимаютъ. Сущее опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: сущее есть или вещь самосушая, не нуждающаяся въ другой для своего существованія, или вещь, не могущая существовать сама по себѣ, но имѣющая свое существованіе въ другой. Субстанція же есть только самосушая вещь, не нуждающаяся для своего существованія въ другой. Равно и акциденція есть только вещь, не могущая существовать сама по себѣ, а нуждающаяся для своего существованія въ другой. Такимъ образомъ, ни субстанція, ни акциденція не принимаютъ всего опредѣленія сущаго, но субстанція принимаетъ одну половину, а акциденція—другую; между тѣмъ какъ виды должны принимать какъ имя, такъ и полное опредѣленіе рода. Поэтому хотя сущее и раздѣляется на субстанцію и акциденцію, однако оно не составляетъ ихъ рода. Отсюда субстанція не есть видъ, такъ какъ она не имѣетъ надъ собою рода, но есть первый и высшій родъ.

Субстанція, въ свою очередь, раздѣляется на тѣло и безтѣлесное. Тѣло и безтѣлесное—виды субстанціи. Въ свою очередь, тѣло раздѣляется на одушевленное и неодушевленное. Здѣсь тѣло, будучи видомъ въ отношеніи субстанціи, въ свою очередь является родомъ для одушевленнаго и неодушевленнаго. Одушевленное опять раздѣляется на ощущающее и не ощущающее. Ощущающее есть животное, которое имѣетъ жизнь и ощущающую способность. Не ощущающее есть растеніе, такъ какъ оно не имѣетъ ощущающей способности. Одушевленнымъ же растеніе называется потому, что оно способно къ питанію, возрастанію и размноженію. Животное опять раздѣляется на разумное и неразумное: разумное—на смертное и бессмертное; смертное—на разумнаго человѣка и неразумныя животныя: лошадей, собаку и т. у., которыя уже не раздѣляются на другіе виды, но раздѣляются на индивиды, или ипостаси. Такъ, человѣкъ раздѣляется на Петра, Павла, Юанна и прочихъ отдѣльныхъ людей, которые уже не суть виды. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ видъ, какъ мы сказали, не принимаетъ опредѣленія другого вида: напримѣръ, тѣло не принимаетъ опредѣленія безтѣлеснаго существа, человѣкъ не принимаетъ опредѣленія лошади. Петръ же, Павелъ, Юаннъ принимаютъ одно опредѣленіе, опредѣленіе человѣка. Подобнымъ же образомъ дѣло обстоитъ и съ прочими

то называется разностию: ибо ею человекъ отличается отъ неразумныхъ.

Разность, въ свою очередь, употребляется въ трехъ смыслахъ: общемъ, собственномъ и исключительномъ (*ιδιαιτητα*). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя найти двухъ предметовъ, которые въ какомъ-либо отношеніи не отличались бы другъ отъ друга. Такъ видъ отъ вида отличается однимъ, ипостась отъ ипостаси того же вида и субстанціи—другимъ, и ипостась отъ себя самой—третьимъ. Напримѣръ, видъ человекъ и видъ лошади различаются между собою разумностию и неразумностию; поэтому разумность и неразумность несятъ названіе существенной разности. Подобнымъ же образомъ все, чѣмъ различается видъ отъ вида, называется естественною, существенною, образующею (*ουσιαιτική*), видо-

отдѣльными людьми, такъ что они не суть виды человекъ, но индивидуы или ипостаси.

Затѣмъ видъ, при раздѣленіи, сообщаетъ тому, что ему подчинено, свое имя и свое опредѣленіе. Петръ же, если его раздѣлить на душу и тѣло, ни душѣ, ни тѣлу не сообщаетъ своего имени и опредѣленія, ибо Петръ есть не только душа или только тѣло, но то и другое въ соединеніи. Кромѣ того, всякое раздѣленіе рода на виды достигаетъ двухъ, трехъ, рѣдко четырехъ видовъ, такъ какъ не можетъ быть того, чтобы родъ раздѣлялся на пять и болѣе видовъ. Человекъ же раздѣляется на всѣхъ отдѣльныхъ людей, которыхъ безграничное число. Поэтому нѣкоторые отказываются называть дѣленіе вида на индивидуы раздѣленіемъ, а называютъ его исчисленіемъ (*ἀκρίβησις*). Отсюда ясно, что Петръ, Павелъ, Іоаннъ не суть виды, но индивидуы, или единичныя сущности. Равнымъ образомъ и человекъ не есть родъ Петра и прочихъ ипостасей, но видъ. Вслѣдствіе этого человекъ есть низшій видъ. Онъ есть видъ въ отношеніи высшаго и видъ въ отношеніи низшаго. Подобнымъ образомъ и лошадь, и собака, и др. животныя суть виды, но не роды, а потому они относятся къ низшимъ видамъ. То же, что лежитъ между самымъ общимъ родомъ и низшимъ видомъ, суть подчиненные роды и виды—виды въ отношеніи высшаго и роды въ отношеніи низшаго. Они же составляютъ существенныя и естественныя разности и качества, которыя называются раздѣляющими въ отношеніи высшихъ понятій и образующими въ отношеніи низшихъ. Такъ тѣло и безтѣлесное существо раздѣляютъ субстанцію; одушевленное и неодушевленное раздѣляютъ тѣло: ощущающее и не ощущающее раздѣляютъ одушевленное. Но тѣ же разности образуютъ животное. Въ самомъ дѣлѣ, если я возьму субстанцію одушевленную, ощущающую, то получу животное, ибо животное есть субстанція одушевленная, ощущающая. Если же возьму субстанцію неодушевленную, не ощущающую, то получу растеніе. Датье разумное и неразумное раздѣляютъ животное; смертное и бессмертное раздѣляютъ разумное. Поэтому, если я возьму животное, которое служить родомъ, а также разумное и смертное, то я образую человекъ, ибо человекъ есть разумное, смертное животное. А если я возьму животное и прибавлю: неразумное, смертное, то образую лошадь, собаку и т. п. Существенными же и естественными разностями эти понятія называются потому, что ими одинъ видъ различается отъ другого вида и одна сущность отъ другой сущности и природы.

вой (εἰδωποιός) разностию, или качеством [а также естественнымъ свойствомъ, которое неизмѣнно присуще всему виду], которое у философовъ называется разностию въ собственнѣйшемъ смыслѣ (ἰδιαιτάτης), такъ какъ она сроднѣ природѣ предмета и является ея выразительницею. Далѣе, человѣкъ отличается отъ челоуѣка, лошадь отъ лошади, собака отъ собаки [т. е. индивидъ отъ индивида, принадлежащаго къ одному съ нимъ виду]: такъ одинъ высокаго роста, другой малъ; одинъ старъ, другой юнъ; [у одного носъ плоскій, у другого горбатый]; одинъ уменъ, другой глупъ. Всѣ эти признаки называются несущественными свойствами и качествами и принадлежатъ къ акциденціямъ, о которыхъ мы теперъ и будемъ говорить.

Гл. XIII. *Объ акциденціи.* Акциденція есть то, что въ предметахъ и бываетъ, и отсутствуетъ, не разрушая предмета. И снова: акциденція есть то, что можетъ одному и тому же предмету какъ принадлежать, такъ и не принадлежать. Такъ человѣкъ можетъ быть бѣлымъ, а также высокимъ, умнымъ, съ приплюснутымъ носомъ. [Будучи на лицо, ни одинъ изъ этихъ признаковъ не сохраняетъ вида—ибо не принимается въ опредѣленіе вида,—и отсутствуя, не разрушаетъ его. Такъ, хотя эѳіопъ и не бѣлъ, однако это не мѣшаетъ тому, чтобы существовалъ человѣкъ. Такимъ образомъ, присутствуетъ ли этотъ признакъ, или отсутствуетъ, онъ не наноситъ ущерба подлежащей субстанціи, ибо мы сказали, что субстанція есть подлежащее акциденціи, нѣкая матерія ихъ].

Акциденція бываетъ двухъ видовъ: разность въ общемъ смыслѣ и разность въ собственномъ смыслѣ. Разностию въ общемъ смыслѣ будетъ отдѣлимая акциденція, напримѣръ: одинъ сидитъ, а другой стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, разности между сидящимъ и стоящимъ допускаютъ отдѣленіе, и одна можетъ занимать мѣсто другой, что и произойдетъ, если сидящій встанетъ, а стоящій сядетъ. Равнымъ образомъ, говоря о различіи отъ самихъ себя, мы имѣемъ въ виду отдѣлимую акциденцію, ибо отъ самихъ себя мы различаемся тѣмъ, что сидимъ или встаемъ, бываемъ молоды или старѣемъ, болѣемъ или находимся въ добромъ здравіи. Что касается разности въ собственномъ смыслѣ, то такую разностию будетъ неотдѣлимая акциденція, напримѣръ: плоскій носъ. Плоскаго носа уже нельзя отнять у челоуѣка, равно какъ и синеватыхъ глазъ и под. Такими неотдѣлимыми акциденціями и различаются индивидъ отъ индивида, т. е. одна ипостась отъ другой ипостаси. Но сами отъ себя этими акциденціями мы никогда не отличаемся. Для опредѣленія неотдѣ-

лимья акциденціи не имѣютъ значенія, ибо человѣкъ можетъ имѣть плоскій носъ, а можетъ и не имѣть плоскаго носа. И если у человѣка глаза не имѣютъ сишвы, онъ тѣмъ не менѣе остается человѣкомъ.

Гл. XIV. *О свойствѣ*. Свойство употребляется въ четырехъ смыслахъ. Во-первыхъ, свойствомъ называется то, что принадлежитъ только одному виду, но не всему, какъ, на примѣръ, человѣку—быть геометромъ. Одинъ только человѣкъ—геометръ, 577 однако не всякій человѣкъ бываетъ геометромъ. Во-вторыхъ, то, что принадлежитъ всему виду, но не одному ему, какъ, на примѣръ, двѣ ноги. У всякаго человѣка двѣ ноги, но не одинъ человѣкъ имѣетъ двѣ ноги, а также и голубь, и подобныя. Въ-третьихъ, то, что принадлежитъ всему виду и одному этому виду, но не всегда, какъ, на примѣръ, сѣдина—человѣку. Сѣдина можетъ быть у всякаго человѣка и у одного только человѣка, но не всегда, а лишь въ старости. Въ-четвертыхъ, то, что имѣетъ мѣсто при совпаденіи трехъ первыхъ случаевъ, т. е. когда что-либо принадлежать всему виду, одному этому виду и всегда допускаетъ обращеніе. Такъ, напр., способность смѣяться принадлежитъ человѣку, способность ржанія—лошади и тому подобное. Одинъ только человѣкъ имѣетъ способность смѣяться, притомъ всякій человѣкъ и всегда, хотя онъ и не всегда пользуется ею. [И если какое-либо существо есть человѣкъ, то оно, непременно, способно смѣяться, и если оно способно смѣяться, то, непременно, есть человѣкъ, въ этомъ и состоитъ обращеніе. Философы понимаютъ свойство въ этомъ послѣднемъ смыслѣ]. Опредѣляя его, мы говоримъ: свойство есть то, что принадлежитъ всему виду, одному этому виду и всегда. Но свойства бываютъ трехъ родовъ: одни заимствуются отъ способа организаціи [т. е. отъ формъ членовъ организма], на примѣръ: плоскіе ногти [а также прямая походка]—у человѣка. Другія заимствуются отъ способности, на примѣръ, у огня нестись вверхъ; третьи заимствуются отъ силы: на примѣръ, мы говоримъ, что огню принадлежитъ согрѣвающая сила, превосходящая теплоту другихъ тѣлъ.

Свойство называется несущественнымъ (*ἐπιουσιώδες*) или сопутствующимъ сущности (*ἐπεσοσιώδες*).

Гл. XV. *О сказуемомъ*. Всякое сказуемое или шире подлежащаго, или равно ему; но уже подлежащаго оно никогда не бываетъ. Сказуемое бываетъ шире подлежащаго въ томъ случаѣ, когда болѣе общее высказывается о менѣ общемъ; болѣе же общими являются высшія понятія, а менѣе общими—низшія. Самое общее изъ всѣхъ понятій есть сущее;

поэтому оно и высказывается обо всемъ. Въ самомъ дѣлѣ, и субстанція называется сущимъ, и акциденція называется сущимъ. Но мы не можемъ сказать, что сущее есть субстанція, ибо не только субстанція есть сущее, но и акциденція. Равнымъ образомъ и роды высказываются о видахъ, такъ какъ они болѣе общи, виды же не высказываются о ихъ родахъ. Виды менѣе общи, чѣмъ роды. Поэтому, субстанція высказывается о животномъ, а животное о человѣкѣ, ибо и животное есть субстанція, и человѣкъ есть субстанція. Но эти сужденія не допускаютъ обращенія, ибо всякій человѣкъ есть животное, но не всякое животное есть человѣкъ: и лошадь, и собака будутъ тоже животныя. Равнымъ образомъ не всякая субстанція есть животное, ибо и камень, и дерево — субстанціи, но они не животныя. Подобнымъ же образомъ и видъ высказывается объ обнимаемыхъ имъ индивидахъ, т. е. ипостасяхъ, такъ какъ ему принадлежитъ большая общность, чѣмъ имъ. Но индивидъ, или ипостась, не высказывается о видѣ, ибо ипостась имѣетъ меньшую общность, чѣмъ видъ. Поэтому и Петръ есть человѣкъ, и Павелъ есть человѣкъ; но не всякій человѣкъ — Петръ или Павелъ: есть и другія ипостаси вида человѣкъ. Что касается разностей, то онѣ высказываются и о видахъ, которымъ принадлежать, и объ индивидахъ этихъ видовъ, ибо разностямъ принадлежать большая общность, чѣмъ видамъ. Такъ „разумное“ имѣетъ большую общность, чѣмъ видъ человѣкъ: всякій человѣкъ разуменъ, но не всякое разумное существо — человѣкъ; такъ, напримѣръ, ангель, хотя и разуменъ, тѣмъ не менѣе онъ не человѣкъ. Таковымъ бываетъ сказуемое, когда оно шире подлежащаго.

Сказуемое равно по объему съ подлежащимъ, когда оно допускаетъ обращеніе. Такъ, свойства высказываются о видахъ, коимъ они принадлежать; и виды сказываются о своихъ свойствахъ. Всякій человѣкъ обладаетъ способностью смѣяться, и всякій, обладающій способностью смѣяться, есть человѣкъ. Ибо хотя и говорятъ объ обезьянѣ, что она смѣется, однако она не смѣется сердцемъ, а лишь по наружному виду, такъ какъ она раздражательное животное. Такимъ образомъ, когда родъ высказывается о видѣ, разность о видѣ, видъ — объ индивидѣ, то сказуемое бываетъ шире подлежащаго. Когда же высказываются свойства, то сказуемое бываетъ равно съ подлежащимъ. Такое сказуемое называется чисто обращаемымъ и допускающимъ взаимное съ подлежащимъ предикатированіе.

Гл. XVI. *О сказуемомъ синонимическомъ и омонимическомъ.*
Сказуемое бываетъ синонимическимъ тогда, когда подлежащее

принимаетъ и названіе. и опредѣленіе самаго имени. Напримѣръ. животное высказывается о человѣкѣ, и человѣкъ принимаетъ какъ названіе, такъ и опредѣленіе животнаго. Въ самомъ дѣлѣ, животное есть субстанція одушевленная, чувствующая, и человѣкъ принимаетъ это опредѣленіе, ибо человѣкъ есть субстанція и одушевленная, и чувствующая.

Сказуемое бываетъ омонимическимъ тогда, когда подлежащее пмя принимаетъ, а опредѣленія нѣтъ. Напримѣръ, изображеніе человѣка принимаетъ названіе человѣка, опредѣленія же человѣка не принимаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣленіе человѣка таково: животное разумное, смертное, способное къ разумѣнію и познанію. Напротивъ, изображеніе и не животное (ибо оно не одушевлено), и не разумно, и не способно къ разумѣнію и познанію.

581 Слѣдуетъ замѣтить, что все, что синонимически высказывается о какомъ-либо предметѣ, какъ подлежащемъ, будетъ высказываться и о томъ предметѣ, которое служитъ подлежащимъ въ отношеніи перваго. Напримѣръ, животное синонимически высказывается, какъ о подлежащемъ. о человѣкѣ, а человѣкъ сказывается о Петрѣ, ибо Петръ есть подлежащее въ отношеніи человѣка. Поэтому животное высказывается и о Петрѣ, такъ какъ и Петръ—животное.

Подлежащее употребляется въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ основы существованія и въ смыслѣ предмета высказыванія. Въ смыслѣ основы существованія субстанція, напримѣръ, лежитъ подъ акциденціями: на ней онѣ имѣютъ свое бытіе и помимо нея не существуютъ. Подлежащимъ въ отношеніи высказыванія является менѣе общее, ибо менѣе общее лежитъ въ отношеніи сказыванія подъ болѣе общимъ, когда это болѣе общее сказывается о менѣе общемъ. Напримѣръ, животное сказывается о человѣкѣ. Объ общемъ говорить, что оно относится къ подлежащему, а о болѣе частномъ, что оно есть подлежащее въ отношеніи сказыванія. Равнымъ образомъ объ акциденціи говорится, что она находится въ субстанціи, какъ подлежащемъ, а о субстанціи, что она есть подлежащее, составляя основу существованія.

Гл. XVII. *О сказуемомъ, отвѣчающемъ на вопросъ: что есть предметъ? и каковъ предметъ?* Сказуемое, отвѣчающее на вопросъ: что есть предметъ? отлично отъ сказуемаго, отвѣчающаго на вопросъ: каковъ предметъ? Сказуемое перваго рода имѣетъ мѣсто, напримѣръ, тогда, когда, отвѣчая на вопросъ: что есть предметъ? мы говоримъ: животное. Сказуемое втораго рода имѣетъ мѣсто тогда, когда, отвѣчая на вопросъ: какое животное, мы го-

воримъ: разумное, смертное. Такимъ образомъ и родъ, и видъ отвѣчаютъ на вопросъ: что есть предметъ? Разность же, существенная и несущественная, т. е. акциденція и свойство, отвѣчаетъ на вопросъ: каковъ предметъ. А ипостась не выражаетъ ни что есть предметъ, ни каковъ онъ, но кто. Ибо, отвѣчая на вопросъ, кто это такой, мы говоримъ: Петръ. Затѣмъ, отвѣчая на вопросъ, какой человѣкъ,—мы говоримъ: большого роста, на-примѣръ. или малаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что о предметахъ, различающихся по природѣ, говорить: одно и другое. Такъ мы говоримъ: человѣкъ—одно (*ἄλλο*), а лошадь—другое (*ἄλλο*): другое, разумѣется, по природѣ, ибо человѣкъ составляетъ одинъ видъ, а лошадь другой. О предметахъ же, различающихся лишь численнымъ порядкомъ, 584 говорить: одинъ и другой. Такъ мы говоримъ: Петръ одинъ (*ἄλλος*), а Павелъ другой (*ἄλλος*). Но мы не можемъ сказать, что Петръ одно (*ἄλλο*), а Павелъ другое (*ἄλλο*), иначе солжемъ, ибо по природѣ они единое, по числу же не составляютъ одного.

Слѣдуетъ замѣтить что о субстанціи говорится „одно“ (*ἄλλο*). То же самое нужно сказать и о существенныхъ разностяхъ. Но объ акциденціи говорятъ: одного, другого качества (*ἄλλοῖον*), потому что существенныя разности рассматриваются относительно вида или природы и образуютъ ее, акциденція же рассматривается относительно индивида, такъ какъ акциденціи составляютъ ипостась. Поэтому человѣкъ одно, а лошадь другое. Петръ же одного свойства (*ἄλλοῖος*) и одинъ (*ἄλλος*), а Павелъ другого свойства (*ἄλλοῖος*) и другой (*ἄλλος*). Но всякая разность, существенная и несущественная, полагаетъ различіе (*ἕτεροῖον ποιεῖ*), ибо подъ различіемъ нужно разумѣть какъ другое по природѣ, такъ и другое со стороны качества (*ἄλλοῖον*).

Природа означаетъ, что есть предметъ, а ипостась—кто это такой или что это такое; всякая же разность—каковъ предметъ.

Гл. XVIII. *Сходства и различія пяти названій.* Слѣдуетъ замѣтить, что пять названій имѣютъ между собою то сходство, что всѣ они сказываются о многихъ предметахъ. Различаются же они другъ отъ друга тѣмъ, что родъ сказывается о многихъ предметахъ, различающихся между собою по виду, и отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? видъ сказывается о многихъ предметахъ, различающихся между собою числомъ, и отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? разность же и акциденція сказываются о многихъ различающихся между собою по виду предметахъ и отвѣчаютъ на вопросъ: каковъ предметъ? свойство сказывается о многихъ предметахъ, различающихся между собою

числовымъ порядкомъ, т. е. сказывается объ одномъ видѣ и подчиненныхъ ему индивидахъ, и отвѣчаетъ на вопросъ: каковъ предметъ? Отличается же разность отъ акциденціи тѣмъ, что разность есть существенное качество, т. е. является частію подлежащей субстанціи. акциденція же есть не часть субстанціи, но несущественное ея качество.

Гл. XIX. *Сходство и различіе между родомъ и разностію.* Сходство между родомъ и разностію состоитъ въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другая обнимаютъ видъ и синонимически сказываются о видахъ и индивидахъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что то, что синонимически сказывается о чемъ-либо, какъ о подлежащемъ, будетъ синонимически сказываться и о подлежащемъ этого подлежащаго; напротивъ, то, что сказывается синонимически, никогда. Различіе же рода отъ разности состоитъ въ томъ, что родъ шире подчиненныхъ ему разностей и трехъ другихъ названій; что родъ обнимаетъ разности силою; что родъ по природѣ первѣе разностей; что родъ отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ, а разность — каковъ предметъ? что ближайшій родъ—одинъ, а разностей много; что родъ соотвѣтствуетъ матеріи, разность же—формѣ.

Гл. XX. *Сходство и различіе между родомъ и видомъ.* Сходство между родомъ и видомъ состоитъ въ томъ, что и тотъ, и другой сказываются о многихъ предметахъ и отвѣчаютъ на вопросъ: что есть предметъ? что и тотъ, и другой по природѣ предшествуютъ подчиненнымъ имъ понятіямъ; что и тотъ и другой есть нѣчто цѣлое (*ἅλον τι*). Различіе же между родомъ и видомъ состоитъ въ томъ, что роду принадлежитъ большая общность, чѣмъ виду; что у вида болѣе разностей, чѣмъ у рода; что родъ синонимически сказывается о видѣ, видъ же не сказывается о родѣ; что не можетъ быть самаго низшаго рода (*γένος εἰδικώτατον*), ни самаго высшаго вида (*εἶδος γενικώτατον*), равно какъ самое низшее понятіе не будетъ родомъ.

Глава XXI. *Сходство и различіе между родомъ и свойствомъ.* Сходство между родомъ и свойствомъ состоитъ въ томъ, что какъ родъ, такъ и свойство слѣдуютъ видамъ, т. е. сказываются о нихъ, что какъ родъ, такъ и свойство совпадаютъ по объему со своимъ подлежащимъ; что и родъ, и свойство сказываются синонимически.

Разница же между родомъ и свойствомъ та, что родъ сказывается о многихъ видахъ, свойство же—объ одномъ; что свой-

ство допускаетъ обращеніе съ видомъ, родъ же—нѣтъ; что свойство принадлежитъ только одному виду, родъ же не только одному.

Гл. XXII. *Сходство и различіе между родомъ и акциденціей.* Сходство между родомъ и акциденціей состоитъ въ томъ, что и родъ, и акциденція сказываются о многихъ предметахъ. Разница же между ними состоитъ въ томъ, что родъ предшествуетъ тѣмъ видамъ, которымъ принадлежатъ акциденціи, акциденціи же являются по отношенію къ видамъ послѣдующими; что родъ принадлежитъ всѣмъ видамъ въ одинаковой степени, акциденціи же не въ одинаковой; что акциденція прежде всего принадлежитъ индивидуамъ, а затѣмъ уже видамъ,—родъ же—наоборотъ; что родъ въ сказуемомъ отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? акциденція же на вопросъ: каковъ предметъ? или въ какомъ состояніи находится предметъ?

Гл. XXIII. *Сходство и различіе между разностию и видомъ.* Сходство между разностию и видомъ то, что и разность, и видъ принадлежатъ предмегамъ въ одинаковой степени; что они всегда бываютъ на лицо у тѣхъ предметовъ, коимъ принадлежатъ. Особенности разности и вида состоятъ въ томъ, что разность въ сказуемомъ отвѣчаетъ на вопросъ: каковъ предметъ? видъ же на вопросъ: что есть предметъ? что разность обнимаетъ множество видовъ, а также же индивидовъ, видъ же обнимаетъ лишь подчиненные ему индивиды: что разность по природѣ предшествуетъ видамъ; что одна разность сочетается съ другою разностию, видъ же съ видомъ никогда не сочетается.

388

Гл. XXIV. *Сходство и различіе между разностию и свойствомъ.* Сходство между разностию и свойствомъ то, что и разность, и свойство сказываются о тѣхъ предметахъ, коимъ они принадлежатъ, что они присущи имъ всегда и притомъ всему виду. Особенности же разности и свойства состоятъ въ томъ, что разность обнимаетъ множество видовъ, свойство же только одинъ, что разность не допускаетъ обращенія съ видомъ, свойство же допускаетъ.

XXV. *Сходство и различіе между разностию и акциденціей.* Сходство между разностию и акциденціей состоитъ въ томъ, что и та, и другая сказываются о многихъ предметахъ и отвѣчаютъ на вопросъ: каковъ предметъ? а также въ томъ, что и разность и неотдѣлимая акциденція всегда принадлежатъ тѣмъ предметамъ, о которыхъ онѣ высказываются. Различіе же разности и акци-

денціи состоитъ въ томъ, что разности обнимаютъ (*περιέχουσιν*) другія понятія, сами же не обнимаются ничѣмъ другимъ, а акциденціи обнимаются. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разность, такъ и акциденція обнимаютъ виды, поскольку онѣ высказываются о многихъ видахъ. Но разность не обнимается видами, такъ какъ одинъ и тотъ же видъ не принимаетъ противныхъ разностей. Акциденція же обнимается другими понятіями, такъ какъ одинъ и тотъ же видъ и одинъ и тотъ же индивидъ принимаетъ множество акциденцій, которыя часто бываютъ даже противоположными другъ другу. [Далѣе разность и акциденція различаются между собою тѣмъ], что разность не бываетъ болѣе или менѣе, акциденціи же бываютъ; что противныя разности не соединены между собою, противныя же акциденціи соединяются другъ съ другомъ.

Гл. XXVI. *Сходство и различіе между видомъ и свойствомъ.* Сходство между видомъ и свойствомъ то, что они взаимно сказываются другъ о другъ или допускаютъ обращеніе другъ съ другомъ; что они въ одинаковой степени принадлежатъ индивидамъ, такъ какъ одинъ индивидъ не участвуетъ въ нихъ болѣе или менѣе другого индивида. Различіе же между видомъ и свойствомъ состоитъ въ томъ, что видъ есть существенное въ предметѣ, свойство же несущественное; что видъ всегда актуаленъ, свойство же всегда потенциально и [не всегда] актуально: что, имѣя различныя опредѣленія, они и сами, разумѣется, являются различными.

Гл. XXVII. *Сходство и различіе между видомъ и акциденціей.* Сходство между видомъ и акциденціей состоитъ въ томъ, что и видъ, и акциденція сказываются о многихъ предметахъ. Различіе же между ними то, что видъ въ сказуемомъ отвѣчаетъ на вопросъ: что есть предметъ? акциденція же на вопросъ: каковъ предметъ? что предметъ можетъ принадлежать лишь къ одному виду, акциденціи же у него можетъ быть нѣсколько; что видъ по природѣ предшествуетъ акциденціи; что видъ принадлежитъ индивидамъ въ одинаковой степени, акциденція же можетъ принадлежать и въ большей, и въ меньшей степени.

Гл. XXVIII. *Сходство и различіе между свойствомъ и неотдѣлимой акциденціей.* Сходство между свойствомъ и неотдѣлимой акциденціей состоитъ въ томъ, что предметы, коимъ они принадлежатъ, не могутъ безъ нихъ существовать, а также въ томъ, что оба они принадлежатъ предметамъ всегда. Различіе же между свойствомъ и акциденціей состоитъ въ томъ, что свойство при

надлежитъ одному виду, акциденція же многимъ видамъ; что свойство допускаетъ обращеніе съ видомъ, акциденція же нѣтъ; что акциденція допускаетъ опредѣленіе: болѣе или менѣе, свойство же никогда.

Гл. XXIX. *Объ ипостаси, ипостасномъ и неипостасномъ.* Слово „ипостась“ (*ὑπόστασις*) имѣетъ два значенія. Взятое въ общемъ смыслѣ (*ἀπλῶς*), оно означаетъ субстанцію вообще. Въ собственномъ же смыслѣ „ипостась“ означаетъ индивидъ, а также всякое отдѣльное лицо. Подобнымъ же образомъ и слово „ипостасное“ (*ἐνυπόστατον*) имѣетъ два значенія, ибо оно означаетъ и сущее вообще—въ этомъ смыслѣ мы называемъ ипостаснымъ не только субстанцію вообще, но и акциденцію; но оно означаетъ и отдѣльную ипостась, или индивидъ. Слово „неипостасное“ (*ἀνυπόστατον*) также имѣетъ два значенія. Неипостаснымъ пазывается и то, что никогда и никакимъ образомъ не существовало; неипостаснымъ слова называется и акциденція, такъ какъ акциденція не имѣетъ самостоятельнаго существованія, но существуетъ въ субстанціи.

Гл. XXX. *О сущности, природѣ и формѣ; объ индивидѣ, лицѣ и ипостаси.* Языческіе философы, какъ уже было сказано, различали субстанцію (*οὐσία*) и природу (*φύσις*). Именпо, субстанціей они называли бытіе вообще, природой же субстанцію, опредѣленную ея существенными разностями и соединявшую съ бытіемъ вообще качественную опредѣленность бытія: разумную или неразумную, смертную или бессмертную, или, какъ сказали мы, неизмѣнное и непреложное начало, причину, силу, вложенную въ каждый видъ Творцомъ для движенія: ангеламъ—для разумѣнія и сообщенія другъ другу своихъ мыслей, безъ помощи произносимаго слова; людямъ—для разумѣнія, размышленія и сообщенія другъ другу, при помощи произносимаго слова, своихъ внутреннихъ мыслей; у перазумныхъ животныхъ—силу жизни ощущенія и дыханія; у растеній—способность питанія, произрастанія и рожденія; у камней—способность нагрѣваться и охлаждаться, а также свойственное неодушевленнымъ предметамъ перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто, подъ дѣйствіемъ другого движенія. Это они назвали *природою*, т. е. самыя низшіе виды (*τὰ εἰδικωτάτα εἶδη*), напримѣръ: ангела, человѣка, лошадь, собаку, вола и т. п.,—которые отличаются болѣшею общностію, чѣмъ ипостаси, и обнимаютъ ихъ, заключаясь въ каждой обнимаемой ими ипостаси равнымъ и неизмѣнимымъ образомъ. Такимъ образомъ, ипостасью они назвали болѣе частное; болѣе же общее и обни-

мающее ипостаси они назвали природою; наконецъ, существованіе вообще они назвали субстанціей.

593 Но святые отцы, отказавшись отъ бесполезныхъ словопреній, общее и о многихъ предметахъ высказываемое, т. е. низшій видъ назвали субстанціей (*οὐσίαν*), природою (*φύσιν*) и формою (*μορφήν*),—напримѣръ, ангела, человѣка, собаку и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, (слово) *οὐσία*—субстанція—происходитъ отъ (глагола) *εἶναι*, а *φύσις*—природа—отъ глагола *πεφυκέναι*; но *εἶναι* и *πεφυκέναι* означаютъ одно и то же—быть, существовать. Равнымъ образомъ слова *εἶδος*—видъ и *μορφή*—форма—имѣютъ значеніе одинаковое съ словомъ *φύσις*—природа. Единичное же (*μερικόν*) они назвали индивидуомъ (*ἄτομον*), лицомъ, ипостасью, напримѣръ, Петра, Павла. Ипостась же должна имѣть субстанцію съ акциденціями, 596 существовать сама по себѣ и созерцаться чрезъ ощущение, или актуально (*ἐνεργεία*). Двѣ ипостаси не могутъ не различаться между собою акциденціями, разъ онѣ различаются другъ отъ друга числомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что характеристическія свойства, это—акциденціи, характеризующія ипостась.

Главы изъ Аристотеля. Существуетъ ли что-либо; что существуетъ; какииъ оно существуетъ; по причинамъ чего существуетъ?

Гл. XXXI. *Объ омонималъ.* Омонирами называются предметы, имѣющіе одно и то же названіе, но различающіеся между собою опредѣленіемъ или описаніемъ. Напримѣръ, собака есть омонимъ. ибо это названіе означаетъ и земную, и морскую собаку. Но собака земная имѣетъ одно опредѣленіе, а собака морская—другое, такъ какъ природа той и другой собаки различна. Опредѣляютъ же омонимы такъ: омонимирами называются такіе предметы, которые имѣютъ только общее имя (*ἓνομα*), но у которыхъ понятіе сущности (*ὁ λόγος τῆς οὐσίας*), относящееся къ имени, различно. Подъ понятіемъ (*λόγος*) здѣсь разумѣется опредѣленіе или описаніе. Слова же: „соотвѣтствующее имени“ (*κατὰ τὸ ὄνομα*), указываютъ на то, что существуетъ и другое опредѣленіе того же самаго имени, въ силу чего и образуются омонимы. Напримѣръ, земная и морская собаки въ отношеніи названія: собака, омонимы. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто пожелалъ дать опредѣленіе земной и морской собаки, поскольку каждая изъ нихъ называется собакой, то онъ далъ бы земной собакѣ одно опредѣленіе, а морской собакѣ—другое. При этомъ онѣ могутъ имѣть общее и въ имени, и въ опредѣленіи, ибо и та, и другая собака называются животными и принимаютъ опредѣленіе животного. Однако, въ отношеніи имени животного онѣ не суть омонимы, а скорѣе синонимы. Въ отношеніи омонимовъ

слѣдуетъ искать разрѣшенія слѣдующихъ трехъ вопросовъ: принадлежатъ ли извѣстные предметы къ числу омонимовъ? Сколько предметовъ обозначается однимъ именемъ? О какомъ изъ обозначаемыхъ предметовъ идетъ рѣчь?

[По мнѣнію древнихъ, подобіе (*ὁμοίότης*) употребляется въ четырехъ смыслахъ и относится только къ качеству; но, по мнѣнію новѣйшихъ, оно касается прежде всего, преимущественно и субстанціи, и качества: субстанціи. на примѣръ. когда мы говоримъ, что люди подобны (*ὁμοίους*) ангеламъ. вмѣсто: равны имъ, хотя со стороны своихъ качествъ они совершенно различны другъ отъ друга,—подобнымъ же образомъ мы говоримъ и о лошадяхъ, и о лебедяхъ, и проч. Такъ какъ подобіе въ этомъ смыслѣ иногда не имѣетъ никакого различія, а иногда имѣетъ нѣкоторое различіе, то еретики, желая умалить достоинство Сына, называли его подобнымъ Отцу и, благодаря неопредѣленности обозначенія, увлекали къ дурному простыхъ людей. Поэтому и великій Василій говоритъ: „и я принимаю [выраженіе „подобное по сущности“], если къ нему присоединяется: „безъ различія“¹⁾. Таково подобіе со стороны субстанціи. Подобіе же со стороны качества имѣетъ мѣсто не въ отношеніи лишь того или другого качества, но въ отношеніи всякаго качества, т. е. фигуры, формы, цвѣта, искусства, добродѣтели и всего, что подходитъ подъ понятіе качества.

Самое подобіе (*ὁμοίότης*) бываетъ четырехъ родовъ: или въ одномъ видѣ и въ отношеніи одного качества; какъ мы называемъ подобными другъ другу членовъ одного и того же вида,—напримѣръ. эѳіоповъ мы называемъ подобными другъ другу въ отношеніи чернаго цвѣта, а лебедей, въ свою очередь, въ отношеніи бѣлаго. Такимъ образомъ, одни и тѣ же предметы оказываются въ двоякомъ отношеніи подобными другъ другу: и со стороны субстанціи, и со стороны наружности, на примѣръ, по цвѣту. Или въ различныхъ видахъ, но въ отношеніи одного и того же качества; такъ, напр., перецъ бѣлый и перецъ черный подобны другъ другу въ отношеніи качества. Или въ однихъ и тѣхъ же видахъ, но съ различными качествами,—напримѣръ, дикій голубь подобенъ домашнему по своей бѣлой, коричневой и черной окраскѣ, а равно и въ другихъ отношеніяхъ; но качество того и другого различно. Четвертое подобіе есть подобіе изображенія и оригинала. на примѣръ, подобіе между животнымъ нарисованнымъ и живымъ. Въ этомъ смыслѣ, говорятъ, и мы подобны Богу. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, [наше подобіе Богу]

¹⁾ Письмо 9-ое къ Максиму философу. Переводъ моск. дух. Академіи, ч. VI (1892), стр. 43.

совершенно отлично [отъ этого вида подобія], ибо изображеніе и оригиналь не имѣютъ ничего общаго, кромѣ имени и фигуры. Человѣкъ же въ самой дѣйствительности имѣетъ общее съ Богомъ—разумѣю благость, мудрость и силу—хотя и не въ одинаковой степени: Богъ обладаетъ этими свойствами по природѣ, мы же—по Его соизволенію, при чемъ одинъ въ одной степени, а другой въ другой. Поэтому мы не только отъ Бога безгранично отличаемся, по соответствующимъ образомъ отличаемся и другъ отъ друга. Итакъ, подобіе имѣетъ мѣсто какъ между тѣми предметами, которые происходятъ отъ одного предмета, такъ и между тѣми, которые стоятъ въ отношеніи къ одному предмету].

Гл. XXXII. *О синонимахъ.* Синонимы суть такіе предметы, которые имѣютъ какъ общее имя, такъ и общее опредѣленіе или описаніе этого имени. Напримѣръ, „животное“ означаетъ и человѣка, и лошадь. Въ отношеніи этого имени, т. е. животного, они суть синонимы, ибо каждое изъ нихъ принимаетъ какъ имя, такъ и опредѣленіе животного. Опредѣляютъ же синонимы такъ: синонимами называются такіе предметы, у которыхъ и имя, и соответствующее имени понятіе сущности суть общія.

Гл. XXXIII. *О полионимахъ.* Полионимы суть такіе предметы, которые по опредѣленію совпадаютъ, а по имени различаются. Это, именно, бываетъ въ томъ случаѣ, когда одинъ и тотъ же предметъ называется многими именами. Напримѣръ: ножъ, мечъ широкій и узкій, кинжалъ, клинокъ. Всѣ эти названія принимаютъ одно опредѣленіе, именно такое: обоюдоострое желѣзо. т. е. желѣзо, отточенное съ обѣихъ сторонъ. Опредѣляютъ полионимы такъ: многія имена, прилагаемая къ одному и тому же предмету.

Гл. XXXIV. *О различныхъ и разноименныхъ предметахъ.* Предметы, различающіеся между собою въ обоихъ отношеніяхъ, т. е. какъ по имени, такъ и по опредѣленію, или имѣютъ одну основу и называются разноименными (етеронимами), напримѣръ: восхождение и нисхождение, ибо они имѣютъ одну общую основу—лѣстницу; или же не имѣютъ одной основы и называются различными, напримѣръ. субстанція и акциденція; ибо онѣ имѣютъ и различное наименованіе, и различное опредѣленіе и не имѣютъ одной общей основы.

Опредѣленіе тѣхъ и другихъ, т. е. какъ разноименныхъ, такъ и различныхъ таково: „у которыхъ и названіе, и опредѣленіе различны“.

Гл. XXXV. *О паронимахъ.* Есть такіе предметы, которые занимаютъ среднее положеніе между омонимами и синонимами и какъ по имени, такъ и по опредѣленію отчасти совпадаютъ, отчасти различаются. Они называются паронимами, т. е. производными: такъ отъ грамматики производится грамматикъ. Грамматикъ и грамматика имѣютъ общее въ наименованіи, но различаются окончаніемъ наименованія, т. е. послѣднимъ слогомъ. Точно также и со стороны опредѣленія они и совпадаютъ, и различаются: грамматика есть знаніе, а грамматикъ—существо, которому это знаніе принадлежитъ. Итакъ, паронимы суть такіе предметы, которые получаютъ названіе отъ другого названія, отличаясь отъ него своимъ окончаніемъ, т. е. окончаніемъ названія.

Слѣдуетъ замѣтить, что грамматика, музыка, справедливость не суть паронимы, а паронимами будутъ музыкантъ, грамматикъ, справедливый; ибо грамматикъ производится отъ грамматики, музыкантъ—отъ музыки, справедливый—отъ справедливости.

Слѣдуетъ также замѣтить, что паронимы обнимаютъ тѣ предметы, отъ которыхъ они получили свое названіе: такъ грамматику присуща грамматика, справедливому — справедливость. Тѣ же предметы, которые получили названіе по происхожденію отъ опредѣленнаго предмета,—никогда, ибо медицинскій инструментъ не обнимаетъ медицины.

Гл. XXXVI. *О десяти самыхъ общихъ родахъ.* Все то, что говорится, говорится (или) просто и безъ связи, на примѣръ: субстанція, акциденція и т. под., (или) въ связи, на примѣръ: лошадь бѣжитъ, Сократъ философствуетъ. Изъ всего, что говорится просто, безъ связи, одно обозначаетъ субстанція, на примѣръ: человекъ, лошадь; другое — количество, на примѣръ: два, три, двойной, тройной; третье—отношеніе, на примѣръ: отецъ, сынъ; четвертое—качество, на примѣръ: бѣлый, черный; пятое—мѣсто, на примѣръ: на кораблѣ, на площади; шестое — время, на примѣръ: въ прошломъ году, вчера, сегодня; седьмое — положеніе, на примѣръ: стоять, сидѣть; восьмое — состояніе, на примѣръ: быть одѣтымъ, быть обутомъ; девятое — дѣйствіе, на примѣръ: течь, рѣзать; десятое — страданіе, на примѣръ: подвергаться жженію, рѣзанію. Эти десять видовъ названій именуется категоріями, т. е. сказуемыми, поскольку они говорятся относительно чего-либо—ибо сказывать (*τὸ ἀγορεύειν*) значить говорить.

Должно знать, что каждая изъ этихъ десяти категорій есть самый общій родъ. Но изъ этихъ десяти категорій, самыхъ общихъ родовъ, только одна—субстанція; остальные же девять—

акциденціи. Перечень катигорій таковъ: 1) субстанція, 2) количество, 3) отношеніе, 4) качество, 5) время, 6) мѣсто, 7) положеніе, 8) состояніе, 9) дѣйствіе, 10) страданіе.

604 Гл. XXXVII. *Объ однородномъ и принадлежащемъ къ одному и тому же виду, о разнородномъ, разнovidномъ и различающемся числомъ.* Однородны тѣ предметы, которые находятся подъ одной и той же катигоріей [напримѣръ, человѣкъ и лошадь]. Разнородны тѣ предметы, которые находятся подъ различными катигоріями [напримѣръ, животное и знаніе], ибо эти предметы различаются между собою родомъ. Къ одному и тому же виду принадлежатъ тѣ предметы, которые подчинены одному и тому же виду и имѣютъ общее въ опредѣленіи сущности, напримѣръ: Петръ и Павелъ. Разнovidны тѣ предметы, которые различаются другъ отъ друга видомъ, т. е. тѣ, которые различаются опредѣленіемъ сущности, напримѣръ: человѣкъ, лошадь. Числомъ же различаются тѣ предметы, свойство (*ιδιότης*) ипостаси которыхъ опредѣляется чрезъ сочетаніе акциденціи и которые получили самостоятельное бытіе, т. е. индивиды, какъ Петръ и Павелъ и каждый изъ людей.

У всѣхъ разнородныхъ предметовъ и разности бываютъ различными въ отношеніи вида, — напримѣръ, разности животнаго и знанія. Въ самомъ дѣлѣ животное подчинено катигоріи субстанціи, а знаніе—катигоріи качества. У животнаго разности—образующія: одушевленность, чувствительность; раздѣляющія: разумное, неразумное, крылатое, земное, водяное. У знанія образующія разности: принадлежность существамъ одушевленнымъ и разумнымъ, а также неизмѣнность; раздѣляющія: грамматика. философія. Къ какой катигоріи принадлежитъ родъ, къ той же катигоріи принадлежитъ и видъ, и разность этого вида. Но что касается подчиненныхъ родовъ и видовъ, то ничто имъ не мѣшаетъ имѣть тѣ же самыя разности, хотя и не всѣ, напримѣръ: для животнаго невозможно произвести не животнаго. Подъ разностями здѣсь я разумѣю такія, которыя образуютъ роды и виды.

Слѣдуетъ знать, что каждая изъ девяти катигорій—не считая субстанціи, — хотя она и есть акциденція, однако имѣетъ образующія и раздѣляющія разности; каждая (*ἐκάστη*, а не *ἐκάστῃ*) изъ нихъ является самымъ высшимъ родомъ и имѣетъ виды, подчиненные роды и самыя низшіе виды. Ибо несомнѣнно, что, гдѣ родъ, тамъ и виды и раздѣляющія разности, такъ какъ, именно, послѣднія раздѣляютъ родъ на виды. Равно какъ, гдѣ виды, тамъ и образующія разности, ибо онѣ образуютъ виды.

Названіе „одно“ (τὸ ἓν) употребляется въ трехъ смыслахъ: или въ отношеніи рода; напримѣръ, — челоуѣкъ и лошадь со стороны рода суть одно и то же, ибо они подчиняются одному роду—животное. Или въ отношеніи вида: такъ мы говоримъ, что Сократъ и Платонъ, принадлежащіе къ одному виду—челоуѣкъ, со стороны вида одно и то же. Или въ отношеніи числа: напр., о Сократѣ мы говоримъ, что самъ по себѣ онъ есть одинъ, отличаясь отъ прочихъ людей.

Гл. XXXVIII. *О томъ, что находится въ другомъ.* То, что находится въ другомъ, находится въ немъ одиннадцатю различными способами: 1) какъ родъ въ видѣ, — напримѣръ, животное въ опредѣленіи челоуѣка. 2) Какъ видъ въ родѣ—напримѣръ, челоуѣкъ въ раздѣленіи животнаго. 3) Въ смыслѣ мѣста,—напримѣръ священникъ въ храмѣ. 4) Въ смыслѣ времени, — напримѣръ, Ной во время потопа. 5) Въ смыслѣ сосуда,—напримѣръ, вино въ чашѣ. 6) Какъ цѣлое въ частяхъ,—напримѣръ, Сократъ въ его членахъ: головѣ, рукахъ, ногахъ. Впрочемъ, цѣлое здѣсь находится не въ другомъ, а въ другихъ. 7) Какъ часть въ цѣломъ,—напримѣръ, голова, рука въ Сократѣ. 8) Какъ форма въ веществѣ,—напримѣръ, форма статуи въ мѣди. 9) Какъ въ производящей причинѣ, — напримѣръ, все — въ Богѣ. 10) Какъ въ конечной причинѣ, — напримѣръ, ложе въ отдыхѣ людей, ибо ради этого отдыха готовится ложе. 11) Какъ въ основномъ субстратѣ, напримѣръ, бѣлье на тѣлѣ. Должно знать, что „части цѣлаго“ говорятъ. „цѣлое же части“ никогда, но „цѣлое въ частяхъ“.

Гл. XXXIX. *Еще о субстанціи.* Субстанція есть самосушая вещь, не нуждающаяся для своего существованія ни въ чемъ другомъ; и снова: субстанція есть то, что въ самомъ себѣ является ипостаснымъ (αὐτοπύστατον) и не имѣетъ своего бытія въ другомъ, т. е. то, что существуетъ не чрезъ другое и не въ другомъ имѣетъ свое бытіе и не нуждается въ другомъ для своего существованія; но существуетъ само по себѣ,—въ чемъ и акциденція получаетъ свое бытіе. Цвѣтъ существуетъ ради тѣла, чтобы окрашивать его, а не тѣло ради цвѣта. Равнымъ образомъ цвѣтъ имѣетъ свое бытіе въ тѣлѣ, а не тѣло въ цвѣтѣ, почему и говорятъ „цвѣтъ тѣла“, а не „тѣло цвѣта“. Поэтому при частыхъ перемѣнахъ и измѣненіяхъ цвѣта субстанція, т. е. тѣло, не измѣняется, но остается той же самой.

(По-гречески) субстанція называется οὐσία—отъ εἶναι, существовать [по преимуществу; акциденція же—συμβεβηκός отъ συμ-

ζαίνειν—случаться и иногда быть, а иногда не быть, потому что опредѣленный предметъ можетъ имѣть одну и ту же акциденцію, можетъ и не имѣть ея. но имѣть противоположную].

Гл. XI. *О природѣ.* Природа есть начало движенія и покоя каждой вещи. Такъ земля движется, въ смыслѣ произведенія растений: покоится, въ смыслѣ перехода съ мѣста на мѣсто, ибо она не движется съ одного мѣста на другое. Итакъ, начало и причина движенія и покоя, коими свойственно вещи двигаться и покоиться, свойственно по существу, или по природѣ, а не случайно,—называется природой, поскольку она такъ создана и такъ существуетъ. Природа есть не что иное, какъ субстанція; 608 ибо отъ субстанція вещь имѣетъ такую способность, т. е. способность движенія и покоя, и субстанція есть причина опредѣленнаго движенія и покоя.

[Греческое названіе природы] φύσις происходитъ отъ γενέσθαι—родиться.

Гл. XII. *О формѣ.* Форма (μορφή) есть субстанція, формированная и специализированная существенными разностями (διαφορά); это, именно, и есть самый низшій видъ. Такъ, субстанція, формированная и специализированная признаками тѣла одушевленнаго и чувствующаго и составляющая животное, если къ ней присоединить еще признаки разумности и смертности, составитъ видъ человѣка. Этотъ самый низкій видъ называется формой, въ качествѣ формированной субстанціи.

Святые отцы самому низшему виду прилагаютъ названіе и субстанціи. и природы. и формы, утверждая, что субстанція, природа, форма, самый низшій видъ одно и то же. Поэтому ангелы, подчиненные одному и тому же самому низшему виду, у нихъ называются единосущными, имѣющими одну природу, одинъ видъ, одинъ родъ и одну форму. Различными же 609 по сущности, природѣ, виду, роду и формѣ они называютъ самые низшіе виды. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы одинъ видъ въ отношеніи другого вида, одна природа въ отношеніи другой природы, или субстанціи, не были различны и по сущности, и по природѣ, и по формѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ двухъ субстанцій, или природъ, не можетъ образоваться одна сложная; ибо невозможно, чтобы въ одной и той же вещи находилась образующія разности противоположнаго свойства. Но изъ различныхъ природъ можетъ образоваться одна ипостась (ὑπόστασις): такъ человѣкъ составленъ изъ души и тѣла. Хотя природа людей и называется единой, тѣмъ не менѣе каждый въ отдѣльности человѣкъ не назы-

вается существомъ единой природы. Сложная природа людей называется единой потому, что всѣ сложные ипостаси людей сводятся къ одному виду. Но каждый отдѣльный человекъ не называется существомъ единой природы, такъ какъ каждая ипостась людей состоитъ изъ двухъ природъ, именно: души и тѣла; при чемъ она сохраняетъ ихъ въ себѣ неслиянными, доказательствомъ чего служитъ раздѣленіе, происходящее вслѣдствіе смерти.

Гл. XLII. *Объ ипостаси.* Названіе: „ипостась“, имѣетъ два значенія. Иногда оно означаетъ простое бытіе. Согласно этому значенію, субстанція и ипостась одно и то же. Поэтому нѣкоторые изъ святыхъ отцевъ говорили: „природы, или ипостаси“. Иногда же названіе: ипостась, обозначаетъ бытіе само по себѣ, бытіе самостоятельное. Согласно этому значенію, подъ нимъ разумѣется индивидъ, отличающійся отъ другихъ лишь численно, напримѣръ: Петръ, Павелъ, какая-либо опредѣленная лошадь.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни субстанція не существуетъ сама по себѣ безъ вида, ни существенная разность, ни видъ, ни акциденція, но однѣ только ипостаси, или индивиды. Въ нихъ созерцаются (θεωροῦνται) и субстанціи, и существенныя разности, и виды, и акциденціи. При этомъ простая субстанція созерцается одинаково во всѣхъ ипостасяхъ: въ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, въ разумныхъ и неразумныхъ, въ смертныхъ и бессмертныхъ. Напротивъ, существенныя разности у неодушевленныхъ иныя, чѣмъ у одушевленныхъ; у разумныхъ иныя, чѣмъ у неразумныхъ; у бессмертныхъ иныя, чѣмъ у смертныхъ. Однимъ словомъ, ипостасямъ каждаго самаго низшаго вида свойственны однѣ и тѣ же существенныя разности, которыя, съ одной стороны, соединяють ихъ другъ съ другомъ чрезъ понятіе субстанціи, съ другой, отдѣляютъ ихъ отъ ипостасей другого вида. Подобнымъ же образомъ созерцаются въ нихъ, т. е. въ ипостасяхъ, и акциденціи, обособляя каждую ипостась отъ ипостасей того же вида. Поэтому индивидъ и называется по преимуществу именемъ ипостаси, ибо (только) въ немъ получаетъ дѣйствительное существованіе (ἐνεργεῖν ὑπάρταται) субстанція вмѣстѣ съ ея акциденціями.

Гл. XLIII. *О лицѣ.* Лице есть то, что въ своихъ дѣйствіяхъ и свойствахъ обнаруживается яснымъ и опредѣленнымъ образомъ, отличнымъ отъ способа обнаруженія однородныхъ существъ. Напримѣръ, Гавріилъ, бесѣдуя съ Пресвятой Богородицей, былъ однимъ изъ ангеловъ, но непосредственно бесѣдовалъ

съ ней только онъ одинъ, отличающаея отъ еднотелныхъ съ нимъ ангеловъ присутствіемъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и тѣмъ, что онъ бесѣдовалъ. И Павелъ, когда онъ держалъ рѣчь на лѣстницѣ (Дѣян. XXI, 40), былъ однимъ изъ числа людей. по своимъ свойствамъ и дѣйствіями онъ выдѣлялся изъ всѣхъ другихъ людей.

Слѣдуетъ замѣтить, что святые отцы названіями: ипостась, лице и индивидъ, обозначали одно и то же: именно, то, что, состоя изъ субстанціи и акциденціи, существуетъ само по себѣ и самостоятельно, различается числомъ и выражаетъ извѣстную особь, напримѣръ, Петра, Павла, опредѣленную лошадь.

Названіе ипостась, ἰποστάσις, происходитъ отъ ἵσταναι, стоять въ основаніи чего-либо.

616

Гл. XLIV. *Объ ипостасномъ.* Названіе „ипостасный“ также иногда обозначаетъ простое бытіе. Въ этомъ смыслѣ ипостасной мы называемъ не только чистую субстанцію, но и акциденцію. Однако, послѣдняя, собственно говоря, не ипостасна, а етеропостасна. Иногда же оно означаетъ самосущую ипостась, т. е. индивидъ. Однако, послѣдній въ строгомъ смыслѣ не есть нѣчто ипостасное, но есть самая ипостась и называется такъ. Въ собственномъ смыслѣ ипостаснымъ называется то, что не существуетъ само по себѣ, но созерцается въ ипостасяхъ: такъ видъ, или природа людей не созерцается въ собственной ипостаси, но въ Петрѣ, Павлѣ и въ прочихъ человѣческихъ ипостасяхъ,—или то, что соединяется съ другимъ, субстанціально различнымъ, въ нѣчто цѣлое и образуетъ одну сложную ипостась. Такъ человѣкъ составленъ изъ души и тѣла, при чемъ ни душа, ни тѣло, взятыя въ отдѣльности, не называются ипостасями. но ипостасными; то же, что образуется соединеніемъ обонхъ, называется ихъ ипостасью, ибо ипостасью въ собственномъ смыслѣ называется то, что существуетъ само по себѣ и самостоятельно.

617

Кромѣ того, ипостасной называется природа, воспринятая другою ипостасью и въ ней получившая свое бытіе. Отсюда и плоть Господа, не существовавшая самостоятельно ни въ одинъ моментъ времени, не есть ипостась, а скорѣе нѣчто ипостасное; ибо, будучи воспринята ипостасью Бога Слова, она въ ней существуетъ и имѣла, и имѣетъ ее своей ипостасью.

Гл. XLV. *О неипостасномъ.* И названіе „неипостасный“ употребляется въ двухъ различныхъ смыслахъ: иногда оно означаетъ то, чего никогда абсолютно не было, т. е. несущее, а иногда то, что не имѣетъ бытія въ самомъ себѣ, а имѣетъ свое существованіе въ другомъ, т. е. акциденцію.

Гл. XLVI. *Раздѣленіе сущаго*. Сущее раздѣляется на субстанцію и акциденцію, но не какъ родъ на виды, а какъ омонимное названіе или какъ то, что происходитъ отъ одного предмета и находится къ нему въ опредѣленномъ отношеніи.

Гл. XLVII. *Раздѣленіе субстанціи*. Субстанція есть самый общій родъ. Она раздѣляется:

на тѣло		и безтѣлесное;	
	тѣло		620
на одушевленное		и неодушевленное;	
	одушевленное		
на чувствующее, животное,	животно-растительное и не чувствующее; животное, чувствующее	и не чувствующее; растеніе;	
на разумное		и неразумное;	
	разумное		
на смертное		и бессмертное;	
	смертное		
на человѣка, вола, лошадь, собаку и т. п.;			
	человѣкъ		
на Петра, Павла и прочихъ единичныхъ людей, которые суть индивидуи, ипостаси, лица.			

Итакъ, субстанція есть самый общій родъ, тѣло—видъ субстанціи и родъ одушевленнаго; одушевленное—видъ тѣла и родъ чувствующаго; чувствующее животное—видъ одушевленнаго и родъ разумнаго; разумное—видъ животнаго и родъ смертнаго; смертное—видъ разумнаго и родъ человѣка; человѣкъ же есть самый низшій видъ, ибо человѣкъ есть видъ въ отношеніи смертнаго и видъ же въ отношеніи Петра и Павла. По святымъ отцамъ, это, именно, и есть природа, форма и субстанція.

Тѣ члены дѣленія, которые находятся между самымъ общимъ родомъ, т. е. субстанціей, и самыми низшими видами, т. е. человѣкомъ, волкомъ,—суть подчиненные роды и виды. Они называются существенными и естественными разностями, а также качествами, — раздѣлительными по отношенію къ высшимъ членамъ, образующими въ отношеніи низшихъ членовъ и специфическими (εἰδοποιῶν) въ отношеніи самыхъ низшихъ видовъ, такъ какъ онѣ образуютъ ихъ и обособляютъ одну природу отъ другой. Природа же опредѣляется изъ самаго низшаго вида.

Итакъ, сказано, что такое субстанція, природа, форма и что такое ипостась, индивидуи, лицо, ипостасное и неипостасное, и какое различіе между субстанціей и акциденціями, и что суб-

станція важнѣ акциденціи, такъ какъ акциденціи въ ней имѣютъ свое существованіе. Сказано и о раздѣленіи субстанціи и тѣмъ она отличается отъ существенныхъ разностей,—именно тѣмъ, что образуемая ими субстанція получаетъ опредѣленный видъ и дѣлается такой, а не иной. Сказано и о томъ, что такое природа, форма, ипостась, лице, индивидуъ, какъ думали объ этомъ языческіе мудрецы и какъ опредѣлили святые отцы, ученики и учителя истины и подлинной философіи. Теперь же мы скажемъ и о свойствахъ субстанціи.

421 Свойство субстанціи заключается въ томъ, что она не существуетъ въ какомъ-либо субстратѣ. Напротивъ, она сама составляетъ основу существованія акциденцій и не имѣетъ своего бытія въ другомъ. Это свойство принадлежитъ и существеннымъ разностямъ. Ибо то, что имѣетъ свое существованіе въ какомъ-либо субстратѣ, не сохраняетъ вещи, присутствуя въ ней, и не разрушаетъ ея, отсутствуя, почему и не вносится въ опредѣленіе, такъ какъ является несомнѣнной акциденціей. Существенныя же разности не суть акциденціи. Будучи налицо, онѣ сохраняютъ вещь, отсутствуя разрушаютъ. Поэтому онѣ и вносятся въ опредѣленіе.

Свойство субстанціи заключается и въ томъ, что она называется синонимически, т. е. передаетъ и имя, и опредѣленіе и не имѣетъ ничего противоположнаго себѣ—ибо камню, т. е. самой субстанціи камня, нѣтъ ничего противоположнаго—и не принимаетъ опредѣленія „болѣе“ и „менѣе“. Это свойство принадлежитъ и существеннымъ разностямъ. Такъ, человѣкъ не болѣе лошади есть субстанція или животное, равно какъ и лошадь не болѣе человѣка. Наконецъ, субстанція имѣетъ то свойство, что она принимаетъ противоположныя опредѣленія, каждое порознь, не оставаясь при этомъ тою же самой, но подвергаясь измѣненію. Подъ противоположными опредѣленіями я разумѣю акциденціи. Существенныя же противоположныя качества никогда не принимаются субстанціей. Такъ, разумное не допускаетъ неразумнаго. Но тѣло нагрѣвается, а измѣняясь дѣлается холоднымъ. Равно и душа усваиваетъ иногда добродѣтель, а иногда порокъ.

Гл. XLVIII. *Еще объ однородномъ и принадлежащемъ къ одному и тому же виду; о разнородномъ и разнovidномъ; объ единоиностиномъ и различающемся численно.* Однородны тѣ предметы, которые подчиняются одной и той же категоріи; на примѣръ, предметы, подчиненныя субстанціи. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и въ отношеніи прочихъ девяти категорій. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣхъ категорій или самыхъ общихъ родовъ десять, и къ нимъ

сводится всякое названіе, употребляемое независимо отъ другихъ названій. Категоріи эти слѣдующія: 1, субстанція, напримѣръ, камень; 2, количество, напр., два, три; 3, отношеніе, напр., отецъ, сынъ; 4, качество, напр., бѣлое, черное; 5, гдѣ, напр., въ Дамаскѣ: это указываетъ мѣсто; 6, когда, напр., вчера, завтра: это указываетъ время; 7, имѣніе, напр., носить одежду; 8, положеніе, напр., стоять, сидѣть; 9, дѣйствіе, напр., жечь; 10, страданіе, напримѣръ, подвергаться жженію.

Разпородны тѣ предметы, которые относятся къ различнымъ категоріямъ. Такъ, человѣкъ и лошадь будутъ однородны, ибо и тотъ и другая относятся къ категоріи субстанціи. Напротивъ, человѣкъ и знаніе—разнородны, ибо человѣкъ относится къ категоріи субстанціи, знаніе же къ категоріи качества.

Одного вида тѣ предметы, которые относятся къ одному и тому же виду и совпадаютъ между собою въ понятіи ихъ сущности,—напримѣръ, Петръ и Павелъ. Оба относятся къ одному и тому же виду—виду человѣкъ. Разновидны же тѣ предметы, которые различаются другъ отъ друга видомъ, т. е. понятіемъ сущности, напримѣръ, человѣкъ и лошадь. 624

Святыя же отцы однородны и принадлежащія къ одному виду предметы принимаютъ за одно и то же—за предметы единосущныя, т. е. за ипостаси одного и того же вида.

Предметы бываютъ единопостасными (*μονοπρόστατα*), когда двѣ природы соединяются въ одной ипостаси и производятъ одну сложную ипостась и одно лице; таковы, напримѣръ, душа и тѣло. Разнопостасны и численно различны тѣ предметы, свойство сущности которыхъ опредѣляется чрезъ сочетаніе акциденцій, иначе сказать, которые другъ отъ друга отличаются акциденціями и имѣютъ отдѣльное и самостоятельное существованіе; таковы, напр., индивидуи—Петръ и Павелъ, ибо одинъ—одно лицо, другой—другое.

Гл. XLIX. *О количественномъ и количествѣ.* Количество есть совокупность единицъ, самую же единицу не называютъ количествомъ. Когда одна единица соединяется съ другой единицей, то образуется число—два. Такимъ образомъ, количество есть не раздѣленіе, но совокупность, сочетаніе единицъ, ибо раздѣленіе имѣетъ мѣсто тогда, когда мы два разлагаемъ на составляющія его единицы; когда же говоримъ, что одинъ и одинъ составляютъ два, то это скорѣе будетъ сочетаніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что количество есть самая мѣра и число, т. е. то, чѣмъ производится измѣреніе и исчисленіе; количественное же есть то, что подлежитъ числу и мѣрѣ, т. е.

измѣряемое и исчисляемое. Что касается количественнаго, то оно бываетъ раздѣльное и непрерывное (связное). Непрерывное количественное имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда измѣряемое одно; напримѣръ, одно дерево бываетъ въ два локтя, три локтя, или камень, или что-либо подобное. Раздѣльное количественное состоитъ изъ отдѣльныхъ другъ отъ друга предметовъ; напримѣръ, десять камней или десять финиковъ: и камни, и финики суть отдѣльные другъ отъ друга предметы. О такомъ количественномъ говорятъ, что оно исчисляется, если только оно, вслѣдствіе незначительной величины и множества составляющихъ его предметомъ, не измѣряется модіемъ ¹⁾ или подобною мѣрою, какъ зерновой хлѣбъ и что-либо подобное.

Непрерывныя величины опредѣляютъ, какъ такія величины, части которыхъ связываются между собой въ какой-либо общей границѣ. Если, напр., существуетъ дерево двухъ локтей, т. е. имѣющее два локтя, то въ немъ конецъ одного локтя и начало другого совпадаютъ, ибо они соединены и связаны вмѣстѣ и не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Раздѣльныя же величины опредѣляются, какъ такія, части которыхъ не соединяются въ какомъ-либо общемъ предѣлѣ, какъ, напр., у десяти камней. Въ самомъ дѣлѣ, если отсчитать пять и пять камней, то они не будутъ имѣть общаго предѣла, который бы ихъ связывалъ. Если же что-нибудь вставить между пятью и пятью, то будетъ уже одиннадцать, а не десять. На это указываетъ и само имя величинъ: непрерывной и раздѣльной.

625

Къ раздѣльному количеству относится число и рѣчь. Число въ данномъ случаѣ мы называемъ исчисляемымъ, ибо исчисляемое, какъ было показано выше, непремѣнно является раздѣльной величиной. Рѣчь тоже раздѣльная величина, ибо она исчисляется словами и не имѣетъ общаго предѣла, соединяющаго ея части. Такъ, если рѣчь состоитъ изъ десяти словъ и если ее раздѣлить на пять и пять словъ, то они не будутъ имѣть общаго, соединяющаго ихъ предѣла. Если же между этими частями вставить что-либо, то ихъ будетъ уже одиннадцать, а не десять. Подобнымъ же образомъ и слово, исчисляемое при помощи слоговъ, не имѣетъ общаго, соединяющаго предѣла. Напримѣръ, слово Сократъ: между слогомъ Со и слогомъ кратъ нѣтъ общаго, соединяющаго ихъ предѣла.

Непрерывныхъ величинъ пять видовъ: тѣло, поверхность, линія, мѣсто, время. Слѣдуетъ замѣтить, что точка не имѣетъ величины, ибо она не измѣряется и не исчисляется, такъ какъ

¹⁾ Хлѣбная мѣра—полмѣры, полведра.

не имѣть ни одного измѣренія. Линія имѣть одно измѣреніе, ибо она представляетъ собой длину, не имѣющую ширины. Линія принадлежитъ къ непрерывнымъ величинамъ, ибо, будучи едина, она измѣряется, и части ея имѣютъ общій предѣлъ, которымъ онѣ между собою соединяются, именно находящуюся между ними точку. Поверхность есть наружная часть тѣла: [по-гречески она называется ἐπιφάνεια] отъ ἐπιφάνωμι. Поверхность имѣть два измѣренія: длину и ширину. Будучи единой, поверхность измѣряется, и части ея имѣютъ общій предѣлъ, коимъ они соединяются между собою, именно проходящую между ними линію. Слѣдуетъ замѣтить, что гладкая и ровная поверхность называется плоскостію, негладкая же и искривленная—просто поверхностью. Тѣло имѣть три измѣренія: длину, ширину и глубину, или толщину. Будучи единымъ, оно измѣряется, и части его имѣютъ общій предѣлъ, коимъ онѣ соединяются—именно поверхность. Мѣсто есть поверхность воздуха. Напримѣръ, твое мѣсто есть поверхность или предѣлъ окружающаго тебя воздуха. Какъ поверхность, мѣсто относится къ непрерывнымъ величинамъ. Время также измѣряется, раздѣляясь на прошедшее и будущее, при чемъ эти части времени имѣютъ общій предѣлъ—настоящее. Само же настоящее не имѣть величины. Такимъ образомъ не имѣютъ величины единица, точка и настоящее. Величинами же въ собственномъ смыслѣ называются всѣ семь слѣдующихъ предметовъ: 1) число, 2) рѣчь, 3) время, 4) мѣсто, 5) линія, 6) поверхность, 7) тѣло.

Въ несобственномъ смыслѣ мы называемъ величинами то, что въ нихъ разсматривается—дѣйствіе, движеніе, цвѣтъ и т. п. Такъ, если дѣйствіе и движеніе происходитъ въ большемъ количествѣ предметовъ, то мы говоримъ, что дѣйствія много и движенія много; если же въ небольшомъ, то мало. Подобнымъ же образомъ, встрѣчая бѣлизну во многихъ частяхъ тѣла, мы говоримъ, что много бѣлизны; встрѣчая же въ немногихъ,—мало.

Кромѣ того, одна величина имѣть предѣлъ, другая же безпредѣльна. Величина, имѣющая предѣлъ, можетъ измѣряться и исчисляться. Безпредѣльная же величина превосходитъ всякую мѣру и всякое число. Ее безразлично называютъ и многою и великою: такъ, напримѣръ, мы говоримъ о многомъ милосердіи Божіемъ, о великой тайнѣ домостроительства Бога Слова.

Слѣдуетъ замѣтить, что Аристотель великое и малое, многое и немногое, большее и меньшее, менѣе многочисленное и болѣе многочисленное, двойное и половину и т. п. причисляетъ къ отношеніямъ. Такимъ образомъ мы говоримъ, что возможно, что одна и та же вещь, разсматриваемая съ различныхъ сторонъ,

будеть относиться къ различнымъ катгоріямъ. Въ самомъ дѣлѣ, разнѣ перечисленныя названія, поскольку они выражаютъ число и мѣру, относятся къ величинамъ; а поскольку они имѣютъ опредѣленное отношеніе другъ къ другу и поскольку они употребляются въ отношеніи другъ друга, постольку они принадлежатъ къ отношеніямъ, ибо большее называется большимъ въ отношеніи малаго, двойное въ отношеніи половинны; подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ прочимъ. Но тѣло, разсматриваемое, какъ физическое тѣло, относится къ катгоріи субстанціи. А по скольку оно есть математическое тѣло, т. е. подлежитъ измѣренію, къ катгоріи количества. Кромѣ того, количественное раздѣляется на величину и множество: величина измѣряется, множество исчисляется. Величина отвѣчаетъ на вопросъ: какъ велико? множество же на вопросъ: сколько?

Количество имѣетъ три свойства, которыя называются сопутствующими свойствами (*παράκολληθήματα*). Первое свойство состоитъ въ томъ, что само по себѣ оно не имѣетъ ничего противоположнаго себѣ. Такъ тѣло само по себѣ не имѣетъ ничего противоположнаго себѣ; поскольку же оно бываетъ бѣлымъ, имѣетъ противоположное себѣ, именно тѣло черное.

Слѣдуетъ замѣтить, что число два не имѣетъ другого противоположнаго ему числа. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это имѣло мѣсто, то такихъ чиселъ было бы много, именно всѣ числа были бы противоположны числу два. И тогда природа оказалась бы несправедливой, противопоставивъ одному и тому же множество противоположностей, ибо множество противоположностей для одного и того же есть нѣчто недопустимое.

Второе свойство количества состоитъ въ томъ, что оно не принимаетъ опредѣленій—болѣе и менѣе. Такъ два финника не въ большей степени два, чѣмъ два человекъ. Что не имѣетъ противоположнаго себѣ, то и не принимаетъ опредѣленій—болѣе и менѣе.

Третье свойство, принадлежащее какъ отдѣльнымъ видамъ количества, такъ и всему количеству, состоитъ въ томъ, что оно бываетъ равнымъ и неравнымъ. Такъ, одна линія бываетъ равна и неравна другой линіи.

Гл. I. *О предметахъ относительныхъ.* Относительными являются тѣ предметы, о которыхъ говорится, что то, что они есть, принадлежитъ другому предмету или находится въ какомъ-либо иномъ отношеніи къ нему. Принадлежитъ, говорятъ, другому. Напримѣръ, отецъ сыну, ибо объ отцѣ всегда говорятъ, какъ объ отцѣ сына. Относится къ другому, напримѣръ, большое къ малому,

многое къ немногому, ибо не говорятъ: многое немногаго, но многое въ отношеніи немногаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что, когда что-либо разсматривается само по себѣ, то оно не есть относительный предметъ. Объ отношеніи говорятъ тогда, когда что-либо стоитъ въ отношеніи къ другому. Такимъ образомъ бытіе и ипостась (ὁπὸστασις) относительныхъ предметовъ состоитъ въ томъ, чтобы называться въ виду другого или находиться въ отношеніи къ этому другому, ибо этимъ взаимнымъ отношеніемъ и производятся относительные предметы.

Изъ относительныхъ предметовъ одни называются однимъ и тѣмъ же именемъ, наprimѣръ: другъ—другъ друга, врагъ—врагъ врага; другіе различными именами, наprimѣръ, отецъ—отецъ сына, учитель—учитель ученика.

Затѣмъ, одни относительные предметы паходятся другъ къ другу въ отношеніи превосходства, наprimѣръ, бѣльшій—бѣльшій, чѣмъ меньшій; другіе въ отношеніи судящаго и подлежащаго сужденію;—наprimѣръ, знаніе есть знаніе того, что можетъ познаваться, ибо знаніе судить о томъ, что подлежитъ познанію; подобнымъ же образомъ ощущеніе есть оощеніе оощаемаго, положеніе—положеніе положеннаго, стояніе—стояніе поставленнаго, возлежаніе—возлежаніе возлежащаго и т. п. Третьи относительные предметы паходятся другъ къ другу въ отношеніи силы и безсилія. Въ отношеніи силы—наprimѣръ, согрѣвающее и согрѣваемое; въ отношеніи недостатка силы,—наprimѣръ, когда мы говоримъ, что зрѣніе безсильно видѣть беззвѣздное небо. Четвертые паходятся другъ къ другу въ отношеніи причины и произведеннаго причиной,—наprimѣръ, отецъ—отецъ сына.

Свойство относительныхъ предметовъ состоитъ въ томъ, что они могутъ быть обращаемы. Наprimѣръ, одинъ другъ называется другомъ друга, и другой тоже—другомъ друга; учитель пазывается учителемъ ученика, и ученикъ—ученикомъ учителя. [Второе свойство относительныхъ предметовъ состоитъ въ томъ, что] они по природѣ существуютъ вмѣстѣ. Существованіе же вмѣстѣ означаетъ, что, когда полагается или устраниается одинъ предметъ, то полагается или устраниается и другой. Такъ, если есть отецъ, то несомнѣнно будетъ и сынъ, и если нѣтъ отца, то не будетъ и сына, ибо чей онъ будетъ сынъ, если нѣтъ отца? И если не будетъ сына, то не будетъ и отца, ибо не имѣющій сына уже не будетъ отцемъ. Такимъ образомъ, съ устраниеніемъ отца, устраниается и сынъ, и, съ устраниеніемъ сына, устраниается и отецъ. Но при этомъ устраниается не ипостась того и другого, но отношеніе, ибо хотя и остается тотъ, кто называется сыномъ, однако

онъ уже не сынъ: какъ будетъ сыномъ тотъ, у кого нѣтъ отца? Если мы и говоримъ о сынѣ умершаго, то или говоримъ это не въ строгомъ смыслѣ, но переносномъ, или же имѣемъ въ виду то, что отецъ, въ силу безсмертія души, не погибъ и не отошелъ въ небытіе.

Слѣдуетъ замѣтить, что каждая катигорія есть самый общій родъ и имѣетъ подчиненные и роды, и виды, и разности, раздѣляющія для родовъ и образующія для видовъ, и самые низшіе виды, и индивиды. Но образующія разности не называются существственными, если онѣ не относятся къ одной субстанціи, и индивиды не называются ипостасями, если они не принадлежать къ одной только субстанціи.

Должно знать, что сама субстанція, такъ какъ она есть родъ и имѣетъ отношеніе къ другому, возводится подъ катигорію отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, родъ есть родъ видовъ, и виды суть виды рода и принадлежать къ числу тѣхъ предметовъ, которые относятся къ чему-либо.

Далѣе, предметы относительные и допускающіе обращеніе бываютъ или самостоятельными и имѣютъ опредѣленное отношеніе, т. е. являются субстанціями, или несамостоятельными, т. е. акциденціями. Если они самостоятельны, то свойственное имъ отношеніе бываетъ или естественное, какъ, напримѣръ, отношеніе отца къ сыну, или же неестественное. Когда отношеніе бываетъ неестественнымъ, то оно зависитъ или отъ судьбы, какъ, напр., отношеніе раба и господина, или отъ искусства, какъ, напр., отношеніе учителя и ученика, или отъ расположенія, какъ, напр., другъ и другъ, врагъ и врагъ. Если же относительные предметы не самостоятельны, но являются акциденціями, то принадлежащее имъ отношеніе бываетъ или естественное, какъ, напр., отношеніе двойного и половины, или неестественное, [какъ, напр., отношеніе большого и малаго; послѣднее скорѣе зависитъ отъ случая, чѣмъ отъ природы. Впрочемъ, случай и расположеніе въ несамостоятельныхъ предметахъ не имѣютъ мѣста, за исключеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, когда что-либо представляется имѣющимъ отношеніе къ чему-либо другому самостоятельному и случайно опредѣляемому со стороны акциденціи].

Относительные предметы сперва необходимо подвести подъ другую катигорію, рассматривая ихъ сами по себѣ, а затѣмъ уже, поскольку у нихъ есть отношеніе къ другому предмету, подвести подъ катигорію относительныхъ предметовъ: ибо сперва надлежитъ установить, что извѣстный предметъ существуетъ безотносительно, а затѣмъ уже рассматривать присущее ему отношеніе.

Отношеніемъ (*συζωσις*) называется состояніе или свойство существственныхъ или несуществственныхъ предикатовъ одного пред-

мета въ отношеніи къ другому. Отношенія устанавливаются или природою, или судьбою, или искусствомъ, или расположеніемъ.

Гл. II. *О качественномъ и качествахъ.* Качество есть то, благодаря чему о предметахъ говорится, какого они качества. И снова: качество есть то, отъ чего получаютъ свое названіе причастные къ нему предметы. Такъ, отъ благоразумія получаетъ названіе благоразумнаго тотъ, кто имѣетъ благоразуміе; и теплымъ называется тотъ, кто причастенъ теплотѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что качественное обладаетъ большею общностью, чѣмъ качество. Въ самомъ дѣлѣ, качественное означаетъ качество, а также причастное къ нему, т. е. къ качеству, какъ, напр., теплое означаетъ имѣющее теплоту, ибо качественнымъ называется то, что имѣетъ качество,—какъ, напр., имѣющіе теплоту предметы называются теплыми. Итакъ, теплые — качественные, теплота же качество. Часто и само качество называется качественнымъ. Подобнымъ же образомъ дѣло обстоитъ и съ количественнымъ, и съ количествомъ. 633

Одни качества находятся въ одушевленныхъ и разумныхъ существахъ, каковы: знанія и добродѣтели, болѣзни и здоровье. Такія качества называются свойствами (ἕξεις) и состояніями (διαθέσεις). Другія качества существуютъ и въ одушевленныхъ, и въ неодушевленныхъ тѣлахъ, каковы: тепло и холодъ, форма и фигура, сила и безсиліе. Изъ этихъ качествъ одни присущи вещамъ потенциально, другія актуально. Если потенциально, то производятъ силу и безсиліе; если актуально, то производятъ качества, которыя или распространяются на весь предметъ, какъ теплота распространяется на весь огонь, бѣлизна — на все молоко и на весь снѣгъ, и даютъ страданіе и страдательное качество; или ограничиваются поверхностію и образуютъ фигуру и форму. Такимъ образомъ существуетъ четыре вида качествъ: свойство и состояніе, сила и безсиліе, страданіе и страдательное качество, фигура и форма.

Свойство отличается отъ состоянія тѣмъ, что свойство мало измѣнчиво и болѣе длительно—напр., благоразуміе: ибо не скоро переходитъ кто-либо отъ благоразумія къ неразумію. Также и знаніе: если кто-либо имѣетъ точное знаніе, то это знаніе не подается въ немъ забыванію. Свойствами являются также и мужество, и умѣренность, и справедливость. Состоянія, наоборотъ, подвижны и легко мѣняются, напр.: теплота, холодъ, болѣзнь, здоровье и тому подобное, ибо, сообразно съ ними, человѣкъ находится въ томъ или иномъ состояніи. Легко измѣняется чело- вѣкъ, изъ теплаго дѣлаясь холоднымъ, изъ большого—здоровымъ.

Впрочемъ, и самыя эти состоянія, какъ здоровье, болѣзнь и под., относятся къ свойствамъ, если они пріобрѣтаютъ устойчивость и становятся мало измѣнчивыми. Состояніе имѣетъ болѣшую общность, чѣмъ свойство, ибо и то и другое называются состояніями, такъ какъ они выражаютъ, въ какомъ положеніи, соотвѣтственно имъ, находится человекъ; но второе есть состояніе мало измѣнчивое, первое же—состояніе просто.

Второй видъ качества есть сила и безспіе, не получившія выраженія въ дѣйствіи. Но они представляютъ собою естественное расположеніе и силу, или нерасположеніе. Такъ, мы говоримъ о ребенкѣ, что онъ имѣетъ способность къ музыкѣ, ибо, хотя въ дѣйствительности музыка ему не присуща, однако онъ имѣетъ расположеніе къ ея воспріятію. Напротивъ, животное мы называемъ неспособнымъ къ музыкѣ, поскольку оно музыкой не владѣетъ и не способно къ ея воспріятію. Подобнымъ же образомъ твердое тѣло имѣетъ способность не скоро раздѣляться.

636

Третій видъ качества есть страдательное качество и страданіе, каковы: теплота, холодъ, бѣлизна, чернота и т. под. Страданіе, подобно состоянію, является легко устранимымъ,—напримѣръ, если кто-нибудь изъ-за стыда краснѣетъ, а по причинѣ, напримѣръ, страха блѣднѣетъ. Напротивъ, страдательное качество неподвижно и мало измѣнчиво. При этомъ нѣкоторыя изъ страдательныхъ качествъ образовались не въ силу страданія, т. е. они имѣютъ свое начало не въ другомъ, но существенно присущи предмету,—напр., огню принадлежитъ теплота и меду—сладость. Въ самомъ дѣлѣ, тепло для огня не является пріобрѣтеннымъ качествомъ, а сладость для меда. Нельзя сказать, что прежде огонь и медъ не имѣли этихъ качествъ, а затѣмъ восприняли теплоту и сладость. Что касается нашего чувства, то на него эти качества производятъ то же дѣйствіе, какое испытываютъ сами. Такъ огонь, будучи теплымъ, согрѣваетъ насъ, а медъ, будучи сладкимъ, даетъ намъ ощущеніе сладости. Напротивъ, нѣкоторыя страдательныя качества образовались въ силу нѣкаго страданія или смѣшенія (*κρίσιμος*) и иногда вызываютъ въ нашемъ чувствѣ страдательное состояніе, но это состояніе и это качество не то, какое они сами имѣютъ. Таковы цвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, бѣлый цвѣтъ образовался вслѣдствіе нѣкаго страданія или смѣшенія, и въ нашемъ зрѣніи онъ вызываетъ страдательное состояніе, т. е. различеніе, расширеніе и освѣщеніе; но при этомъ онъ не дѣлаетъ насъ самихъ бѣлыми. Страдательное качество, если оно не является пріобрѣтеннымъ, принадлежитъ или цѣлому виду, какъ теплота принадлежитъ всякому огню безъ исключенія, или не всему виду, какъ черный цвѣтъ—эіопамъ, ибо не всѣ люди

чернаго цвѣта. Все это имѣетъ мѣсто не только въ отношеніи тѣла, но и въ отношеніи души.

Четвертый видъ качества составляютъ фигура и форма: фигура принадлежитъ какъ одушевленнымъ, такъ и неодушевленнымъ тѣламъ, форма же только одушевленнымъ. Если же названіе „форма“ высказывается о предметахъ неодушевленныхъ или если ихъ называютъ прекрасными по формѣ, то въ этомъ случаѣ слово употребляется не въ собственномъ смыслѣ, а переносномъ. Фигурѣ принадлежитъ бѣлая общность, чѣмъ формѣ, такъ какъ и форма называется фигурой, тогда какъ фигура предметовъ неодушевленныхъ не называется формой. Къ качествамъ относятся также прямота, или правильность, и искривленность, или изогнутость.

Слѣдуетъ замѣтить, что предметы, обладающіе качествами, по большей части получаютъ свое названіе отъ этихъ послѣднихъ,—такъ отъ теплоты предметъ называется теплымъ. Но нѣкоторые предметы называются тѣмъ же именемъ, [какъ и самое качество]: напр., музыкальное искусство и музыкальная женщина, т. е. женщина, владѣющая музыкальнымъ искусствомъ. Нѣкоторые же предметы, хотя и очень немногіе, называются совершенно другимъ именемъ, [нежели ихъ качество]. Такъ, напримѣръ, тотъ, кому свойственна добродѣтель, получаетъ имя ревностнаго (σπουδαῖος), ибо добродѣтельный человекъ называется и ревностнымъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что страданіе бываетъ двухъ видовъ. Страданіемъ называется или уже перенесенное страданіе, и оно возводится подъ категорію качества—такъ, уже выбѣленная одежда называется бѣлой,—или страданіемъ называется страданіе, претерпѣваемое въ настоящій моментъ, и оно возводится подъ категорію страданія,—напр., одежда, еще не выбѣленная, но подвергающаяся бѣленію въ настоящій моментъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что качества не суть тѣла, но безтѣлесны, ибо, если бы они были тѣлами, то подходили бы подъ категорію субстанціи. Равнымъ образомъ всѣ акциденціи безтѣлесны и не существуютъ сами по себѣ, созерцаясь только въ субстанціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что существенныя качества относятся къ категоріи субстанціи, ибо эти качества суть части субстанціи, на которыя она раздѣляется, и вносятся въ опредѣленіе ея видовъ; а подъ какую категорію подводится цѣлое, подъ ту же категорію должны подводиться и ея части. Такъ, тяжелое и легкое созерцаются или въ тяжестяхъ (βῆχος), какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи всего подлежащаго взвѣшиванію, и возводятся подъ категорію количества;—или въ субстанціи, напримѣръ,

въ стихіяхъ, т. е. огнѣ, землѣ, и возводятся подѣ катигорію субстанціи, какъ существенныя качества. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло съ плотнымъ и рѣдкимъ, т. е. тонкимъ. Эти качества или по существу созерцаются въ основныхъ элементахъ и относятся къ катигоріи субстанцій, или же случайно, какъ бы въ одеждахъ, и тогда относятся къ катигоріи положенія (*κρίσισις*), ибо представляютъ собою порядокъ частей.

Качество обладаетъ слѣдующими тремя особенностями, или свойствами (*παράχαρακτήματα*). Во-первыхъ, оно допускаетъ противоположеніе: такъ, теплое противоположно холодному, бѣлое—черному. Во-вторыхъ, принимаетъ опредѣленія: болѣе и менѣе, такъ какъ, гдѣ имѣетъ мѣсто противоположеніе, тамъ бываютъ налицо и опредѣленія: болѣе и менѣе. „Болѣе“ означаетъ усиленіе, а „менѣе“—ослабленіе. Поэтому можно сказать, что данный видъ болѣе бѣль, чѣмъ другой, или менѣе холоденъ, чѣмъ другой. Третьей особенностью, составляющей главное свойство качества, является то, что оно допускаетъ сходство и несходство.—Слѣдуетъ имѣть въ виду, что фигура не допускаетъ противоположенія.

[Слѣдуетъ принять во вниманіе, что не всѣ лишенія (*στέρησις*) выражаются чрезъ отрицаніе; есть и такія лишенія, которыя выражаются утвердительно, каковы: слѣпота и глухота. Съ другой стороны, не всякій видъ выражается утвердительно, но и отрицательно.—Напримѣръ, невоздержаніе (*ἀκολασία*) есть видъ, однако оно получило не утвердительное, а отрицательное наименованіе. Ибо положительное сужденіе называется утвержденіемъ, напримѣръ: онъ красивъ; а отрицательное—отрицаніемъ,—напримѣръ, онъ не красивъ. Когда же говоримъ: незаконный (*ἀνομος*), то *α* обозначаетъ отрицаніе, какъ *οὐ*.]

640 Когда объ одномъ бѣломъ говорятъ, что оно равно другому бѣлому, то они берутся не какъ качества, а какъ количества, и равенство имѣетъ мѣсто между поверхностью перваго предмета и поверхностью втораго. Равнымъ образомъ и о мѣстѣ говорятъ, какъ о подобномъ и неподобномъ, не посколькы оно есть количество, а посколькы участвуетъ въ качествахъ.

Гл. III. *О дѣйствіи и страданіи*. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣйствіе и страданіе, т. е. сила дѣйствующая и сила страдательная, отвоятся къ катигоріи качества. Напротивъ, то, что дѣйствуетъ, и то, что страдаетъ, есть опредѣленная субстанція, дѣйствующая опредѣленнымъ образомъ. Дѣйствовать значитъ въ самомъ себѣ имѣть причину дѣйствія; страдать же значитъ имѣть причину страданія и въ себѣ, и въ другомъ; напримѣръ, творецъ и творимое. Тотъ, кто творитъ, въ самомъ себѣ имѣетъ

причину творенія; творимое же въ творцѣ имѣеть причину творенія, въ самомъ же себѣ — способность къ воспріятію страданія. Подъ творцемъ въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ ремесленника, напр., плотника; подъ творимымъ же—тотъ матеріаль, съ которымъ имѣеть дѣло ремесленникъ,—напр., дерево, ибо оно подлежитъ (обработкѣ) плотника.

О дѣйствиіи и страданіи иногда говорятъ просто въ такомъ же смыслѣ, какъ это имѣеть мѣсто въ отношеніи производительныхъ ремеслъ, напр., плотничьяго, кузнечнаго и под., которыя отличаются тѣмъ, что продуктъ работы остается и съ прекращеніемъ дѣйствія; такъ, когда архитекторъ пересталъ строить, построенное остается,—а иногда говорятъ „творить“ въ отношеніи такихъ случаевъ. когда дѣлаемое не сохраняется съ прекращеніемъ дѣятельности. Такъ, если играющій на флейтѣ перестанетъ играть, то не сохранится, а исчезнетъ и игра на флейтѣ. Иногда же говорятъ „творить“ въ смыслѣ созерцанія,—напр., заниматься астрономіей, геометрией, размышлять и т. под. Есть и другіе виды дѣйствія, которые находятся въ неодушевленныхъ предметахъ: огонь, камень, деревья и т. п. Первые три вида дѣйствія свойственны разумнымъ предметамъ; послѣдніе же—неодушевленнымъ и неразумнымъ. Въ этомъ случаѣ предметъ дѣйствуетъ не постольку, поскольку онъ имѣеть душу, но поскольку одно тѣло приближается къ другому.

(Разсматриваемая катгорія) имѣеть два свойства. Во-первыхъ, она допускаетъ противоположеніе; такъ, нагрѣваніе противоположно охлажденію. Во-вторыхъ, она принимаетъ опредѣленія: болѣе и менѣе, ибо возможно болѣе нагрѣть и менѣе охладить, равно какъ и болѣе нагрѣться и менѣе охладиться.

Во всѣхъ катгоріяхъ можно находить дѣйствіе и страданіе: въ субстанціи—рождать и рождаться, въ количествѣ—исчислять и исчисляться, въ отношеніяхъ—удвоять и удвояться, въ качествѣ—бѣлить и бѣлиться, въ положеніи—помѣщать и помѣщаться, въ состояніи (ἔχειν) нести и быть несому, въ катгоріи мѣста—содержать и содержаться, въ катгоріи времени—содержать и содержаться въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени.

Гл. ЛШ. *О положеніи (κείσθαι)*. Положеніе есть состояніе предмета въ отношеніи другого предмета. Такъ, мы говоримъ о положеніи тѣла, имѣя въ виду его опредѣленное состояніе. каковы: возлежаніе, сидѣніе, стояніе. Положеніе бываетъ трехъ видовъ: стояніе, сидѣніе, возлежаніе. Когда человѣкъ находится въ прямомъ положеніи, тогда имѣеть мѣсто стояніе; когда онъ

отчасти лежить, отчасти стоять—сидѣніе: когда же онъ совершенно лежить, тогда имѣетъ мѣсто возлежаніе. Положеніе не означаетъ ни предмета, ни мѣста, но выражаетъ самое положеніе предмета въ отношеніи мѣста.

Изъ предметовъ, находящихся въ опредѣленномъ положеніи, одни по своей природѣ находятся въ этомъ положеніи, какъ стихіи въ свойственныхъ имъ мѣстамъ, — напр., земля, вода, воздухъ, огонь и т. п.; другіе потому, что они были приведены въ это положеніе въ силу искусства, какъ, напр., статуя, колона и т. п. Существуетъ и другое подраздѣленіе предметовъ со стороны ихъ положенія. По этому подраздѣленію одни предметы неподвижны, напр., земля; другіе подвижны, напр., небесныя тѣла. Кромѣ того, одни предметы находятся въ опредѣленномъ положеніи потенциально, напр., существа, могущія переходить съ мѣста на мѣсто; другіе находятся въ опредѣленномъ положеніи актуально, когда они дѣйствительно гдѣ-либо помѣщаются.

Гл. LIV. *О мѣстѣ*. Категорія, отвѣчающая на вопросъ: гдѣ? обозначаетъ мѣсто. Если насъ спросятъ: гдѣ находится такой-то, мы говоримъ: въ домѣ, въ городѣ. Все это обозначаетъ мѣсто. Виды разсматриваемой категоріи опредѣляются различіемъ мѣстъ: вверху, внизу, направо, налево, впереди и позади.

Гл. LV. *О времени*. Категорія, отвѣчающая на вопросъ: когда? обозначаетъ мѣсто. Если насъ спрашиваютъ, когда было то-то, мы говоримъ: въ прошломъ, въ позапрошломъ году. Все это обозначаетъ время. Видовъ разсматриваемой категоріи столько же, сколько различій имѣетъ время, а таковыхъ три: настоящее, прошедшее, будущее.

Гл. LVI. *Объ имѣніи* (τοῦ ἔχειν). Имѣніе бываетъ тогда, когда одна субстанція обладаетъ другою. Оно означаетъ, что одна вещь объемлетъ или объемлется, но не составляетъ части предмета. Объемлетъ хитонъ, оружіе и подобное; объемлется кольцо и что-либо подобное другое незначительное. Какъ объемлемое, такъ и объемлющее должны быть субстанціями, такъ какъ, если одно будетъ субстанціей, а другое акциденціей, напр., наука и ученый, то ихъ уже нельзя будетъ подвести подъ категорію имѣнія. Различія, свойственныя категоріи имѣнія, соотвѣтствуютъ различіямъ сущаго. Последнее бываетъ или одушевленнымъ, или неодушевленнымъ, и подъ имѣніемъ разумѣютъ имѣніе одушевленныхъ предметовъ, напр., сына, лошади и т. п., и имѣніе неодушевленныхъ предметовъ, напр., кольца, сандалій и т. п.

Имѣніе употребляется омонимически и во многихъ другихъ значеніяхъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ. 644

Гл. LVII. *О противоположномъ*. Все противоположаемое противопологается или какъ вещь, или какъ мысль. Если какъ мысль—мысли, то получается утверженіе и отрицаніе. Утверженіе есть рѣчь о томъ, что принадлежитъ какому-либо предмету; напр., онъ красивъ. Отрицаніе есть рѣчь о томъ, что не принадлежитъ какому-либо предмету; напр., онъ не красивъ. И то, и другое называются сужденіемъ. (Если противоположаемое) противопологается какъ вещь, то—или взаимнообрацаемымъ предметамъ и образуетъ отношенія, которыя взаимно или соединяютъ ихъ другъ съ другомъ, или устраняютъ, или такимъ, которые не обращаются взаимно и не имѣютъ между собою отношенія. И эти или измѣняются другъ въ друга, но однако остаются сообразными природѣ и производятъ противоположное, какъ теплота и холодъ,—или одно измѣняется въ другое, другое же не измѣняется въ первое. При этомъ одно изъ нихъ соотвѣтствуетъ природѣ, другое природѣ противно, и получается противоположность лишенія и имѣнія,—напр., зрѣніе и слѣпота; ибо зрѣніе есть имѣніе, поскольку оно обусловливается имѣніемъ, слѣпота же есть лишеніе имѣнія, т.-е. зрѣнія.

Что касается противныхъ противоположностей, то однѣ изъ нихъ не имѣютъ средняго, другія имѣютъ среднее. Средняго не имѣютъ тѣ противныя противоположности, изъ которыхъ двухъ какое-нибудь, именно одно, необходимо должно быть налицо въ ихъ субстратѣ, или въ томъ предметѣ, о которомъ онѣ сказываются,—напр., болѣзнь и здоровье, имѣющія субстратомъ тѣло животнаго. Совершенно необходимо, чтобы въ тѣлѣ были налицо или болѣзнь, или здоровье. Болѣзню мы называемъ всякое разстройство (*παράτροπή*) природы. Среднее имѣютъ тѣ противныя противоположности, изъ коихъ одна не необходимо должна находиться въ ихъ субстратѣ или томъ предметѣ, о которомъ онѣ сказываются. Таковы, напр., бѣлое и черное. Бѣлое и черное противоположны другъ другу, однако не является необходимымъ, чтобы всякое тѣло было бѣлымъ или чернымъ, ибо тѣла бываютъ также сѣрыя и красныя. Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда одна изъ противоположностей принадлежитъ какой-либо вещи по природѣ, какъ теплота огню и холодъ снѣгу. Изъ противоположностей, имѣющихъ среднее, однѣ имѣютъ [для этого средняго] названія—такъ, среднее между бѣлымъ и чернымъ называется сѣрымъ; другія не имѣютъ названій—такъ, среднее между справедливымъ и несправедливымъ не имѣетъ названія, но опредѣ-

ляется посредством отрицанія, какъ нѣчто промежуточное, именно: и несправедливо, и не несправедливо.

645 Противнымъ противоположностямъ принадлежатъ слѣдующія свойства. Во-первыхъ: добру необходимо противопоставляется зло; злу же можетъ противопоставляться какъ добро, такъ и другое зло. Умѣренности [противопоставляется неумѣренность; неумѣренности—иногда умѣренность], иногда слабоуміе. Но слабоуміе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда отсутствуютъ и не возбуждаются страсти. Такимъ образомъ, неумѣренность есть недостатокъ умѣренности, а слабоуміе—чрезмѣрный избытокъ (*ὑπερβολή*), избытокъ же противоположенъ недостатку. Во-вторыхъ, противныя противоположности не могутъ принадлежать однимъ и тѣмъ же индивидамъ въ одномъ и томъ же отношеніи. Такъ, Сократъ не можетъ одновременно быть и здоровымъ, и больнымъ, одинъ и тотъ же его членъ не можетъ одновременно и нагрѣваться, и охлаждаться. Въ-третьихъ, противныя противоположности находятся въ одномъ и томъ же субстратѣ: или родѣ, или видѣ, или индивидуумѣ (*ἀρτιμῶ*). Въ родѣ,—напр., въ тѣлѣ вообще бѣлое и черное; въ видѣ,—напр., въ тѣлѣ животнаго здоровье и болѣзнь; въ индивидуумѣ—это ясно, ибо одно и то же тѣло, вслѣдствіе испытываемыхъ имъ измѣненій, оказывается способнымъ къ принятію противоположностей. Въ-четвертыхъ, противныя противоположности бывають подчинены или одному и тому же роду, какъ бѣлое и черное—цвѣту, или противоположнымъ родамъ, какъ справедливость и несправедливость—добру и злу, которыя противоположны другъ другу, или, наконецъ, сами являются противоположными родами, какъ противоположными родами являются добро и зло.

Гл. LVIII. *О принадлежности и лишеніи*. Принадлежностью называютъ дѣйствіе какъ того предмета, который имѣютъ, такъ и того, который имѣетъ, какъ оружія, такъ и вооруженнаго, или какъ платья, такъ и одѣтаго въ платье; во-вторыхъ, отличающіяся устойчивостью, приобрѣтенныя дѣйствія, какъ физическія, такъ и психическія: физическія, напр., теплота въ нагрѣтыхъ тѣлахъ; психическія, напр., знаніе; въ-третьихъ, то, что еще не имѣетъ дѣйствія, но обладаетъ способностію къ его воспріятію—это и составляетъ первое значеніе термина „потенціальный“ (*τὸ δυνάμει*); въ-четвертыхъ, физическое качество, или физическое состояніе,—напр., теплота огня и зрѣніе спящаго—это составляетъ второе значеніе термина „потенціальный“: ибо огонь можетъ жечь, но на дѣлѣ не жжетъ, и первое термина „актуальный“ (*τὸ ἐνεργείᾳ*); въ-пятыхъ, полное дѣйствіе: напримѣръ, зрѣніе, уже видящее, теплота, уже согрѣвающая.

Лишеніе есть утрата принадлежности. Итакъ, первому значенію принадлежности противоплагается отсутствіе оружія или одежды; второму—утрата пріобрѣтенныхъ состояній, когда, напр., нагрѣтое охладится; третьему—то, что весь родъ, къ которому принадлежитъ вещь, по природѣ своей не можетъ имѣть извѣстнаго дѣйствія; такъ ребенка мы называемъ способнымъ къ музыкѣ, смоковницу же ни въ коемъ случаѣ. Такимъ образомъ смоковницѣ недостаетъ опредѣленныхъ свойствъ, такъ какъ родъ растеній не имѣетъ способности къ воспріятію музыки. Или же родъ имѣетъ опредѣленную способность, а какой-либо изъ видовъ не имѣетъ ея. Такъ, животное имѣетъ способность видѣть, между тѣмъ кротъ, являющійся видомъ животнаго, не имѣетъ способности видѣть. Четвертому значенію соотвѣтствуетъ утрата способности, соединенной съ обладаніемъ; пятому—утрата полного дѣйствія; этотъ случай выше мы назвали противоположностью противнаго со стороны принадлежности и лишенія, т. е. силы—дѣятельной или страдательной. Этотъ случай характеризуется слѣдующими тремя признаками: что свойственно вещи и чего она совершенно не имѣетъ, но вполне лишена; когда вещь по природѣ имѣетъ извѣстную принадлежность, и гдѣ она имѣетъ ее? Такъ, мы не называемъ камень слѣпымъ, ибо ему не свойственно имѣть зрѣніе. 648
Равно новорожденнаго щенка собаки мы не называемъ слѣпымъ, новорожденнаго младенца беззубымъ, такъ какъ и тому и другому въ это время не свойственно имѣть эти принадлежности. Точно такъ же и ногу мы не называемъ слѣпой, ибо животному не свойственно въ ногѣ имѣть зрѣніе. Итакъ, о лишеніи мы говоримъ тогда, когда вещь въ этихъ трехъ смыслахъ способна имѣть извѣстную принадлежность, но не имѣетъ ея.

Гл. LIX. *О предыдущемъ и послѣдующемъ.* Предыдущее имѣетъ четыре различныхъ значенія, и въ собственномъ смыслѣ оно есть предыдущее по времени. При точномъ словоупотребленіи, въ примѣненіи къ одушевленнымъ существамъ предыдущее называется старшимъ, а въ примѣненіи къ неодушевленнымъ—болѣе древнимъ; при неточномъ же одно слово употребляется вмѣсто другого.

Второй видъ предыдущаго есть предыдущее по природѣ, т. е. то, что полагается вмѣстѣ съ другимъ, но не полагаетъ другого, и что какъ устраняетъ другое, такъ и само устраняется имъ. Такъ, животное есть предыдущее въ отношеніи человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если есть животное, то человѣка еще не будетъ; ибо человѣкъ есть одно изъ животныхъ. Наоборотъ, если

нѣтъ человѣка, то животное будетъ, такъ какъ и лошадь, и собака—животныя. Равнымъ образомъ, если есть человѣкъ, то непременно будетъ и животное, ибо человѣкъ есть животное. Если же нѣтъ животнаго, то, несомнѣнно, не будетъ и человѣка, равно какъ не будетъ и лошади, собаки и т. п., такъ какъ и онѣ животныя. [Это слѣдуетъ сказать о второмъ видѣ]. Третій видъ предыдущаго есть предыдущее со стороны порядка. Такъ алфу мы называемъ первую, виту вторую; то же самое имѣетъ мѣсто въ отношеніи словъ и избирательныхъ голосовъ.

Четвертый видъ предыдущаго есть предыдущее со стороны достоинства. Такъ мы говоримъ: сперва епископъ, а затѣмъ пресвитеръ. Впрочемъ, нѣкоторые не признаютъ этого вида предыдущаго, такъ какъ возможно, что первый въ порядкѣ будетъ послѣднимъ по достоинству.

Пятый, наконецъ, видъ предыдущаго и послѣдующаго есть причина (*αἴτιον*) и дѣйствіе причины (*αἰτιατόν*). Такъ, Сократъ предшествуетъ собственному изображенію, такъ какъ онъ является его причиною. Точно также отецъ предшествуетъ сыну и больше (*μεῖζον*) его, такъ какъ отецъ является виновникомъ сына, ибо отъ отца рождается сынъ. Поэтому и блаженный Григорій въ этомъ смыслѣ понимаетъ изреченіе Господа Нашего въ евангеліяхъ: *Отецъ мой болѣе мене есть* (Ив. XIV, 28).

Другіе къ этимъ видамъ присоединяютъ еще предыдущее со стороны мысли и намѣренія. Такъ стѣна предшествуетъ фундаменту. Но этотъ видъ сводится къ четвертому виду—предыдущему со стороны достоинства, такъ какъ что въ отношеніи мысли бываетъ прежде, то на дѣлѣ бываетъ впослѣдствіи. Сколько различныхъ значеній имѣетъ предыдущее, столько же значеній имѣетъ и послѣдующее. Предыдущее и послѣдующее, равно какъ и выраженія: больше и меньше, не принадлежатъ къ числу омонимовъ, но къ тѣмъ словамъ, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ одного предмета.

Гл. LX. *О томъ, что вмѣстѣ*. Въ собственномъ смыслѣ слово „вмѣстѣ“ (*ἄμα*) прилагается къ тѣмъ предметамъ, происхожденіе которыхъ относится къ одному и тому же времени,—напр., два какіе-либо человѣка родились въ одинъ и тотъ же моментъ. Въ этомъ смыслѣ „вмѣстѣ“ противоположно первому значенію предыдущаго. Второе значеніе слова „вмѣстѣ“ прилагается къ такимъ предметомъ, которые существуютъ совмѣстно другъ съ другомъ, но не являются одинъ для другого причиною и дѣйствіемъ,—напр., двойное и половина, ибо они существуютъ совмѣстно другъ съ другомъ и другъ друга предполагаютъ. Въ

этомъ смыслѣ „вмѣстѣ“ противоположно второму и пятому значенію предыдущаго. Въ самомъ дѣлѣ, при второмъ значеніи предыдущаго предыдущее и послѣдующее не предполагаютъ и не устраниаютъ другъ друга вмѣстѣ; а при пятомъ первое является причиной, второе—ея дѣйствіемъ. Въ третьемъ своемъ значеніи слово „вмѣстѣ“ примѣняется къ видамъ, находящимся между собою въ отношеніи противоположности. Находящимися въ отношеніи противоположности называются тѣ виды, которые произошли отъ одного и того же дѣленія; напр., разумное и неразумное произошли отъ раздѣленія животнаго. „Вмѣстѣ“ въ этомъ значеніи противоположно первому, второму и до нѣкоторой степени тремъ остальнымъ значеніямъ предыдущаго.

Гл. LXI. *О движеніи.* Движеніе есть осуществленіе потенціи, какъ таковой. Такъ, мѣдъ потенциально есть статуя, ибо мѣдъ можетъ принять видъ статуи. Осуществленіе же, свойственное мѣди, которая потенциально есть статуя, состоитъ въ отливаніи, формованіи, полированіи: все это—движенія. Въ какихъ катигоріяхъ созерцается потенція, въ такихъ же должно созерцаться и движеніе; а въ какихъ катигоріяхъ нѣтъ ничего потенциальнаго, въ тѣхъ не должно быть и движенія. Потенциальное созерцается въ субстанціи, въ количествѣ, въ качествѣ, въ катигоріи мѣста. Въ субстанціи—происхожденіе и разрушеніе; въ количествѣ—увеличеніе и уменьшеніе; въ качествѣ—измѣненіе; въ катигоріи мѣста—движеніе по кругу, называемое вращеніемъ, а также движеніе по прямой, называемое прямолинейнымъ движеніемъ. Движеніе по прямой имѣетъ шесть видовъ: вверхъ, внизъ, внутрь, наружу, направо, налево. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ вращательнымъ движеніемъ, существуетъ семь видовъ мѣстнаго движенія. Все измѣняется или само по себѣ, или въ отношеніи чего-либо находящагося въ немъ, или въ отношеніи чего-либо, находящагося вокругъ него. И если предметъ измѣняется самъ по себѣ, то имѣетъ мѣсто происхожденіе и разрушеніе; если въ отношеніи чего-либо находящагося въ немъ самомъ, то измѣненіе происходитъ или въ отношеніи количества—и тогда имѣетъ мѣсто увеличеніе и уменьшеніе—или въ отношеніи ка-

652

чества—и тогда имѣетъ мѣсто измѣненіе. Если же перемѣна происходитъ въ отношеніи окружающаго, то тогда возникаетъ измѣненіе въ отношеніи мѣста, ибо мѣсто не есть само двигающееся и не то, что находится въ движущемся, но сопровождаетъ движущееся и находится вокругъ него.

Происхожденіе и разрушеніе различаются слѣдующимъ образомъ. Происхожденіе есть переходъ изъ небытія въ бытіе, такъ

какъ происходитъ то, чего прежде не было. Разрушеніе, наоборотъ, есть измѣненіе изъ бытія въ небытіе. Что касается увеличенія и уменьшенія, то увеличеніе есть движеніе къ большому, а уменьшеніе—движеніе къ меньшему. При измѣненіи опять имѣютъ мѣсто противоположныя страдательныя состоянія: теплота противоположна холоду, бѣлому—черное. Такимъ образомъ, происхожденію противоположно разрушеніе, увеличенію—уменьшеніе, измѣненію противоположное состояніе и покой: такъ нагрѣванію противоположно охлажденіе, а также покой, ибо, когда нагрѣваемое тѣло достигнетъ предѣла нагрѣванія и достигнетъ высшей степени теплоты, то оно докоится и перестаетъ нагрѣваться. Равнымъ образомъ и опредѣленному мѣстному измѣненію противоположно противное движеніе, съ одной стороны, и покой, съ другой: противное движеніе,—напр., движеніе вверхъ противопологается движенію внизъ; покой, если, напр., при бросаніи камня вверхъ, камень не прежде начнетъ движеніе внизъ, чѣмъ достигнетъ нѣкотораго состоянія покоя. Однако небесному движенію нѣтъ движенія противнаго. Повидимому, измѣненіе (*ἀλλοίωσις*) связано со всѣми другими родами движенія. Въ самомъ дѣлѣ, и происходящее, и разрушающееся, и увеличивающееся, и уменьшающееся, и движущееся въ отношеніи мѣста, несомнѣнно, измѣняются. При физическихъ движеніяхъ, хотя мы и находимъ соотвѣтствующее прочимъ движеніямъ измѣненіе, однако возможно измѣненіе безъ другаго рода движенія,—напр., въ отношеніи камня. Камень нагрѣвается и охлаждается, но не увеличивается и не прекращаетъ своего существованія. Также обстоитъ дѣло и съ остальнымъ. Такимъ образомъ, хотя измѣненіе и соотвѣтствуетъ другимъ видамъ движенія, однако возможно разсматривать его само по себѣ. Отсюда дѣлается яснымъ его различіе отъ нихъ.

Аристотель не называетъ движенія перемѣною. Именно въ пятой книгѣ „Чтеній по физикѣ“ онъ доказалъ, что происхожденіе и разрушеніе суть перемѣны, движенія же не суть перемѣны, такъ какъ движеніе происходитъ въ то время, когда вещь остается въ своемъ прежнемъ видѣ. Если же мы говоримъ, что измѣненію и перемѣнѣ мѣста соотвѣтствуютъ двѣ противоположности—противное движеніе и покой, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что у одного предмета въ различныхъ отношеніяхъ могутъ быть двѣ противоположности. Покой противоположенъ перемѣнѣ, какъ состояніе и лишеніе—принадлежности; противное же движеніе, какъ охлажденіе нагрѣванію.

Гл. LXII. *Объ имѣніи.* Слово „имѣніе“ употребляется въ восьми смыслахъ. Или въ отношеніи принадлежности и состоянія или какого другого качества. Такъ о насъ говорятъ, что мы имѣемъ знаніе и добродѣтель. Или въ примѣненіи къ количеству. Такъ о деревѣ говорятъ, что оно имѣетъ толщину въ три локтя. Или въ примѣненіи къ одной субстанціи въ ея отношеніи къ другой. Этотъ случай представляетъ собою высшій родъ, распадающійся на слѣдующіе виды. Онъ имѣетъ мѣсто или въ отношеніи цѣлаго тѣла,—напр., когда говорятъ о платьѣ, или въ отношеніи части,—напр., когда говорятъ о кольцѣ на пальцѣ; или въ отношеніи части, находящейся въ цѣломъ; такъ о насъ говорится, что мы имѣемъ руку; или въ отношеніи сосуда,—напр., когда говоримъ, что сосудъ имѣетъ вино; или въ отношеніи къ имуществу: говорится, что мы имѣемъ домъ или поле. Говорится также, что мы имѣемъ жену, равно какъ и то, что жена имѣетъ мужа: однако, повидимому, этотъ смыслъ является не свойственнымъ слову „имѣть“, такъ какъ здѣсь возможно обращеніе. То, что мужъ имѣетъ жену, означаетъ не болѣе, чѣмъ то, что жена имѣетъ мужа. Никто изъ нихъ не владѣетъ другимъ, но оба стоятъ другъ къ другу въ одинаковомъ безъ различія отношеніи. Правда, владѣлецъ имѣетъ имущество, и имущество—владѣльца, и здѣсь возможно обращеніе; однако не въ томъ смыслѣ, какъ мужъ имѣетъ жену, и жена—мужа, ибо владѣлецъ есть самостоятельный и высшій распорядитель имущества. Поэтому предпочитаютъ въ отношеніи владѣльца говорить, что онъ имѣетъ, а въ отношеніи имущества, что его имѣютъ.

Ясно, что слово „имѣть“ принадлежитъ къ числу омонимовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слову „имѣть“ свойственно столько же разновидностей, сколько дѣйствию и страданію. Подобно тому, какъ то, что дѣйствуетъ, и то, что страдаетъ, бываетъ или одушевленнымъ, или неодушевленнымъ, точно такъ же и здѣсь тотъ, кто имѣетъ, и то, что имѣютъ, бываетъ или одушевленнымъ, или неодушевленнымъ. Но какъ у различныхъ родовъ могутъ быть тѣ же самыя разновидности? На это можно отвѣтить, что имѣніе прилагается или къ цѣлому тѣлу, или къ части, и при томъ или въ отношеніи того, что служить для защиты, или въ отношеніи того, что служить для украшенія.

Гл. LXIII. *О сужденіи, утвержденіи и отрицаніи.* Слѣдуетъ замѣтить, что какъ утвержденіе, такъ и отрицаніе называются сужденіемъ. Утвержденіе показываетъ, что принадлежитъ какому-либо предмету, т. е. чѣмъ является какой-либо предметъ: напр., Сократъ мудръ, Сократъ прогуливается. Отрицаніе, напро-

тивъ, показываетъ, что не принадлежитъ какому-либо предмету, т. е. чѣмъ какой-либо предметъ не является: напримѣръ, такой-то не мудръ, такой-то не прогуливается.

Всякому утверженію соотвѣтствуетъ противоположное ему отрицаніе, равно какъ и всякому отрицанію — противоположное ему утверженіе. Отрицаніе, противоположное утверженію, и утверженіе, противоположное отрицанію, называется противорѣчіемъ. Одно изъ нихъ необходимо ложно, а другое необходимо истинно.

656 Гл. LXIV. *О терминѣ, посылкѣ и силлогизмѣ.* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что логика имѣетъ своею задачею разсуждать о доказательствѣ. Доказательство есть силлогизмъ. Силлогизмъ состоитъ изъ двухъ истинныхъ посылокъ и заключенія. Напри- мѣръ, желая доказать, что душа безсмертна, я говорю: *все, что находится въ непрерывномъ движеніи, вѣчно.* Это первая посылка. Далѣе я высказываю вторую посылку: *душа находится въ непрерывномъ движеніи.* Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе: *слѣдовательно, душа безсмертна.*

Каждое слово посылки называется терминомъ, терминомъ же называется то, на что раздѣляется посылка. Напримѣръ, посылка гласитъ: *все, что находится въ непрерывномъ движеніи, есть безсмертно.* Все называется терминомъ, поскольку оно есть часть посылки. Подобнымъ же образомъ называется терминомъ и выраженіе: *что находится въ непрерывномъ движеніи* (τὸ ἀεὶκίνητον). Равно называется терминомъ и *безсмертно*, и *есть*.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что посылки необходимо должны быть истинными, а заключеніе соотвѣтствовать посылкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если окажется, что одна изъ посылокъ или заключеніе ложно, то будетъ паралогизмъ, а не силлогизмъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду также и то, что простое названіе, имя, слово, реченіе, терминъ—всѣ эти пять различныхъ словъ по предмету ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, различіе ихъ заключается только въ отношеніи. Напримѣръ, „человѣкъ“, какъ простое обозначеніе, именуется простымъ словомъ, какъ подлежащее—именемъ, какъ занимающее мѣсто сказуемаго—глаголомъ (ῥῆμα), какъ часть утверженія и отрицанія—реченіемъ (φάσις), какъ часть посылки и силлогизма—терминомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ посылкѣ, будь она утвердительной или отрицательной, подлежащее называется именемъ, сказуемое же—глаголомъ. Возьмемъ, напр., утверженіе: *человѣкъ прогуливается*; здѣсь *человѣкъ* есть подлежащее и называется именемъ; *прогуливается* занимаетъ положеніе сказуемаго и назы-

вается глаголомъ. *Сократъ прекрасенъ* (*καλός ἐστι*). *Сократъ* есть подлежащее и называется именемъ; *прекрасенъ* занимаетъ положеніе сказуемаго и называется глаголомъ, какъ часть утвержденія. Хотя у грамматиковъ *прекрасенъ* называется именемъ, но, говоря вообще, то, что сопровождается словомъ *есть*, является глаголомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что слѣдующія пять названій: сужденіе, посылка, вопросъ, возраженіе, заключеніе, нисколько между собой не различаются. Въ самомъ дѣлѣ, когда я просто высказываю, что *душа безсмертна*, то это называется сужденіемъ. Когда же выраженіе: *душа безсмертна*, берется, какъ часть силлогизма, то оно называется посылкой. Когда кто-нибудь возражаетъ противъ данной посылки, говоря: *откуда видно, что душа безсмертна?* то это называется возраженіемъ. Когда затѣмъ мы снова обращаемся къ изслѣдованію и спрашиваемъ: *дѣйствительно ли душа безсмертна?* то это называется вопросомъ. Наконецъ, когда изъ посылокъ дѣлается выводъ, то этотъ выводъ называется заключеніемъ. Напримѣръ: *душа находится въ непрерывномъ движеніи; то, что находится въ непрерывномъ движеніи, безсмертно*. Изъ этихъ посылокъ выводится: *слѣдовательно, душа безсмертна*; это и будетъ заключеніе.

Гл. LXV. *Различныя опредѣленія*. Посылка (*πρότασις*) есть рѣчь, выражающая или отсутствіе у извѣстнаго предмета какого-либо признака, каково, напр., отрицаніе: *Сократъ не смѣется*, или присутствіе этого признака, каково, напр., утверженіе: *Сократъ смѣется*. Терминъ есть составная часть посылки. Силлогизмъ есть такая рѣчь, въ которой, если полагается или допускается одно, съ необходимостью изъ допущеннаго вытекаетъ и другое и, именно, благодаря сдѣланному допущенію, ибо заключеніе получается благодаря допущеннымъ посылкамъ и не нуждается въ какомъ-либо другомъ подтвержденіи совнѣ.

Вопросъ (*πρόβλημα*) есть изслѣдованіе, приводящее или къ опредѣленному выбору, или къ уклоненію отъ него, т. е. или къ отрицанію, или къ утверженію, иначе—знанію и созерцанію. Разспрашиваніе (*πύσις*) есть вопросъ, требующій обстоятельнаго или пространнаго отвѣта. Вопросъ отличается отъ разспрашиванія тѣмъ, что за вопросомъ слѣдуетъ быстрый, составленный въ немногихъ словахъ, отвѣтъ, за разспрашиваніемъ же—продолжительный и многословный. Рѣчь называется діалогической, когда она состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ. Возраженіемъ называется то, что съ самаго начала опровергаетъ разсужденіе. Опроверженіе (*ἀντιπαράστασις*) же имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда

сказанное противникомъ принимается, какъ справедливое, но при этомъ доказывается, что это не наноситъ никакого ущерба выставленному положенію. Лемма (λημμάτιον) есть то, что принимается какъ общеприпятое въ какихъ-либо опредѣленныхъ цѣляхъ. Ересъ (αἵρεσις) есть мысль или мнѣніе значительнаго числа людей, которые согласны между собою, но не согласны съ другими. Общепринятою же мыслью называется та, относительно которой согласны всѣ. Такова, напр., мысль, что существуетъ солнце. Тезисъ (θέσις) есть отклоняющееся отъ общепринятаго мнѣнія утвержденіе какого-либо извѣстнаго философа, необычная мысль, какъ ученіе Парменида, что сущее едино, а равно и ученіе Гераклита, что все движется.

Общее есть то, что созерцается во многомъ или высказывается въ отношеніи многаго. Общее говорятъ въ четырехъ различныхъ смыслахъ. Общимъ называется или то, что допускаетъ дѣленіе на части,—напр., дѣлимая между наслѣдниками земля, или то, что, не допуская дѣленія, находится въ общемъ пользованіи, только не одновременно,—напр., одинъ рабъ или одна лошадь, находящіеся у двухъ господъ и исполняющіе приказаніе этотъ разъ одного, другой разъ—другого; или то, что, хотя въ самый моментъ пользованія и принадлежитъ только одному, однако предоставляется всякому, напр., мѣсто въ театрѣ или въ банѣ; или то, что, будучи недѣлимо, предлагается къ общему и тождественному пониманію, напр., голосъ глашатая. Въ этомъ смыслѣ принадлежитъ понимать слово *общее* въ отношеніи омонимовъ и синонимовъ, имѣющихъ *общее* имя. Само по себѣ (καθ' αὐτό) существуетъ то, что принадлежитъ чему-либо исперва и субстанціонально (κατ' οὐσίαν), а не случайно (κατὰ συμβεβηχός), какъ, напр., свойство разумности принадлежитъ человѣку. Всеобщимъ (καθόλου) называется то, что означаетъ многіе предметы, напр., человѣкъ, животное, субстанція. Случайно то, что можетъ и принадлежать какому-либо предмету, и не принадлежать ему; какъ, напр., человѣку принадлежать болѣзнь и здоровье. Слово „производить“ употребляется въ отношеніи производительныхъ искусствъ, у которыхъ сохраняется продуктъ, какъ это, на примѣръ, имѣетъ мѣсто въ плотничьемъ искусствѣ и под. ему. Такъ кровать остается и послѣ того, какъ она сдѣлана. Слово „дѣлать“ употребляется и въ отношеніи такихъ искусствъ, въ которыхъ сдѣланное, или продуктъ, не сохраняется; это имѣетъ мѣсто, напр., при игрѣ на флейтѣ и при танцахъ. Созерцать (θεωρεῖν) значить размышлять при занятіи астрономіей, геометріей и под. науками.

Слово ἐπίνοια, при правильномъ его пониманіи, имѣетъ два значенія. Во-первыхъ, это есть какъ бы нѣкое размышленіе и

углубленіе, упрощающее и проясняющее цѣлостный и нерасчлененный взглядъ на вещи и знаніе о нихъ. Такъ, то, что для чувствъ представляется простымъ, тщательному изслѣдованію открывается, какъ сложное и разнообразное: напримѣръ, человекъ, непосредственно кажущійся простымъ, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи, понимается двухсоставнымъ, состоящимъ изъ души и тѣла. Во-вторыхъ, это есть вымыселъ создающій, путемъ соединенія чувства и фантазіи, изъ существующаго не существующее и судящій на основаніи перваго и послѣдняго. Таковы, напр., баснословныя сказанія о кентаврахъ, сиренахъ, трагелафахъ. Заимствуя у цѣлаго его части и изъ частей образуя нѣчто иное, эти сказанія, примѣняя широкой произволъ и ничѣмъ не стѣпяясь, создали то, что никогда не встрѣчается въ дѣйствительности,—создали сначала въ умѣ и разсудкѣ, а затѣмъ, давъ измышленному матеріальное выраженіе, превратили его въ образъ. Ἐπίνοια въ этомъ смыслѣ называется простою (ψιλή) ἐπίνοια.

[Пустословіе имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если кто-либо содержащееся въ извѣстномъ предметѣ высказываетъ о содержащемъ предметѣ. Такъ, въ человекѣ содержатся свойства животнаго двуногаго, равно какъ въ Сократѣ содержатся свойства бѣлизны и музыкальности. Итакъ, если кто-либо будетъ эти свойства высказывать о человекѣ или Сократѣ, говоря: человекъ есть двуногое животное, а Сократъ обладаетъ музыкальнію и бѣлизною, то такой человекъ пустословитъ, много разъ говоря одно и то же. Это въ самомъ дѣлѣ есть пустословіе, такъ какъ 661 упомянутыя свойства заключаются въ человекѣ и Сократѣ, и тотъ, кто назоветъ послѣднихъ, тѣмъ самымъ выразитъ и первыхъ.

Отношеніе есть близость, любовь или дружба, владѣніе, участіе, союзъ. Отношеніемъ мы называемъ связь съ извѣстною вещью, привычку къ ней, расположеніе къ ней, а равно и страпственную связь между вещами, когда тѣ или направляются въ одно мѣсто, или появляются изъ одного мѣста, или находятся въ одномъ мѣстѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что между четырьмя людьми возможно шесть отношеній: между первымъ и тремя остальными—получается три отношенія; между вторымъ и двумя остальными — получается пять отношеній; наконецъ, между третьимъ и четвертымъ. Такимъ образомъ получается, что между четырьмя людьми существуетъ шесть отношеній. У пяти же человекъ будетъ десять отношеній].

Соединеніе (ἔνωσις) происходитъ различными способами: или чрезъ замѣшиваніе, какъ въ отношеніи различныхъ сортовъ муки, замѣшиваемыхъ и смѣшиваемыхъ между собой; или чрезъ спаиваніе, какъ въ отношеніи мѣди и свинца; или чрезъ сгла-

живаніе, какъ въ отношеніи камней и дерева; или чрезъ сплавъ какъ въ отношеніи топящихся веществъ и металловъ — топящихся веществъ: напр., воска, смолы и т. п., металловъ: напр., золота, серебра и т. п.; или чрезъ смѣшиваніе, какъ въ отношеніи жидкостей. напр., вина и воды или вина и меда; или чрезъ срастаніе, какъ въ отношеніи того, что отторгается отъ своей основы, а потомъ воссоединяется съ нею; такъ свѣтильникъ происходитъ отъ огня и снова воссоединяется съ нимъ.

114 Что касается соединенія чрезъ сочетаніе (*κατὰ σύνθεσιν*), то оно состоитъ въ подлѣположеніи частей, безъ какого-либо ущерба для каждой изъ нихъ; таково соединеніе души и тѣла, которое нѣкоторые называли смѣшеіемъ (*σύνκρσις*) или сращеніемъ (*συνφύσις*). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ отцовъ не принимали термина *смѣшеніе* (*κράσις*) въ примѣненіи къ тайнѣ Христа, тогда какъ терминъ *чрезъ сочетаніе* (*κατὰ σύνθεσιν*) принимали всѣ. Единство чрезъ сочетаніе есть единство со стороны ипостаси. Итакъ, ипостасно едино то, что состоитъ изъ различныхъ природъ. И снова: ипостасно едино то, что, состоя изъ двухъ вещей, познается въ одномъ лицѣ. Равнымъ образомъ ипостасное единство имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда природа присоединяется къ другой ипостаси.

Смѣшеніе же состоитъ въ подлѣположеніи тѣлъ и взаимномъ перенесеніи качествъ одного тѣла на другое. Съ другой стороны, смѣшеніе есть сочетаніе тѣлъ, взаимно обмѣнивающихся между собою своими качествами. Смѣшеніе есть совмѣстное существованіе различныхъ другъ отъ друга субстанцій и взаимное перенесеніе свойствъ одной на другую.

Бываетъ единство и чрезъ простое подлѣположеніе и, по-видимому, также и чрезъ приспособленіе.

Далѣе, единство называется личнымъ, когда кто-либо, принимая лицо другого человѣка, говоритъ вмѣсто него. Наконецъ, бываетъ единство отношенія, напр., другъ къ другу. Несторій же измыслилъ и другіе виды единства, именно по достоинству, по равночестности, по тождеству воли, по благоволенію и по единству наименованія.

665 Слѣдуетъ имѣть въ виду, что при ипостасномъ соединеніи не только духовное соединяется съ тѣмъ, что его способно принять, но также и тѣльное. Но соединившись оно остается неслитнымъ, неразрушимымъ, неизмѣннымъ, подобно тому, съ чѣмъ оно соединилось; ибо такова природа духовнаго.

Гл. LXVI. *Еще объ ипостасномъ соединеніи.* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что ипостасное соединеніе даетъ одну сложную ипо-

стась вошедшихъ въ соединеніе природъ, въ которой сохраняются неслитно и неизмѣнно участвующія въ соединеніи природы, ихъ разности и присущія имъ естественныя свойства. Ипостась же въ отношеніи самой себя не имѣетъ никакой ипостасной разности, ибо на нее переносятся разности каждой изъ входящихъ въ соединеніе природъ—разности, которыми каждая изъ нихъ отдѣляется отъ вещей одного съ ней вида. Такъ, напр., обстоитъ дѣло съ душой и тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ души и тѣла получается одна сложная ипостась, скажемъ, Петра или Павла, но при этомъ въ ней сохраняются обѣ полныя природы—природа души и природа тѣла, а равно не смѣшиваются и ихъ видовыя разности и не сливаются ихъ свойства. Въ ней заключаются отличительныя свойства каждой природы: свойство души, которыми она обособляется отъ прочихъ душъ, и свойства тѣла, которыя обособляютъ его отъ прочихъ тѣлъ, но которыя несколько не обособляютъ душу отъ тѣла, а, напротивъ, соединяютъ и связываютъ ее съ нимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, эти отличительныя свойства обособляютъ единую составленную изъ нихъ ипостась отъ остальныхъ ипостасей одного и того же вида. Если природы въ опредѣленной моментъ ипостасно соединились между собой, то онѣ навсегда остаются неотдѣлимыми другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, хотя со смертію душа и отдѣляется отъ тѣла, тѣмъ не менѣе ипостась ихъ остается одна и та же, ибо ипостась есть изначальный, самостоятельный источникъ всякаго бытія. Такимъ образомъ и тѣло, и душа всегда удерживаютъ одно и то же начало своего бытія и ипостаснаго единства, хотя и разлучаются другъ съ другомъ. 668

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что какъ природы могутъ соединяться между собою ипостасно, такъ возможно и природѣ быть воспринятой ипостасью и въ ней имѣть свое существованіе. И то, и другое мы видимъ во Христвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Немъ и природы, божественная и человѣческая, соединились, и одушевленная плоть Его получила свое бытіе въ существовавшей прежде ипостаси Бога Слова и имѣетъ ту же ипостась. Но совершенно невозможно, чтобы изъ двухъ природъ образовалась одна сложная природа, или изъ двухъ ипостасей—одна ипостась. 669 Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы противныя существенныя разности находились въ одной природѣ, ибо ихъ дѣло отдѣлить другъ отъ друга тѣ природы, которымъ онѣ присущи. Съ другой стороны, невозможно, чтобы то, что однажды существовало само-по-себѣ, имѣло другое начало своего ипостаснаго существованія, ибо ипостась есть, именно, существованіе само по себѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи къ Святой Троицѣ ипо-

стась обозначаетъ безначальный образъ вѣчнаго существованія каждаго лица.

Надлежитъ имѣть въ виду, что, когда образуется сложная природа, то ея части должны быть одновременными, а равно она должна различаться отъ составляющихъ ее элементовъ, не сохраняя ихъ, а скорѣе превращая и измѣняя. Такъ, когда тѣло образуется изъ четырехъ элементовъ, то оно становится отличнымъ отъ нихъ, такъ что оно уже не есть огонь или какой-либо другой элементъ и не называется имъ. Равнымъ образомъ отъ козла и ослицы происходитъ лошакъ, который уже не есть ни конь, ни осель и не называется ни первымъ, ни вторымъ; онъ отличается отъ обоихъ и не сохраняетъ въ пелитномъ и неизмѣнномъ видѣ природы ни одного изъ тѣхъ, отъ кого онъ произошелъ.

Гл. LXVII. *Шесть опредѣленій философіи.* Философія есть познаніе сущаго, какъ такового, т. е. природы сущаго. Философія есть познаніе божественныхъ и человѣческихъ вещей. Философія есть помысленіе о смерти произвольной и естественной. Философія есть уподобленіе Богу въ возможной для человѣка степени. Мы уподобляемся Богу чрезъ справедливость, святость и добро. Справедливость состоитъ въ правильномъ распредѣленіи, т. е. въ томъ, чтобы не паносить обидъ, никого не судить, но каждому воздавать по его дѣламъ. Святость выше справедливости и совпадаетъ съ добромъ, состоя въ томъ, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикамъ и даже благотворить имъ. Философія есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ. Ибо философія есть начало всякаго искусства, такъ какъ ею было изобрѣтено всякое искусство. Философія есть любовь къ мудрости, а истинная Премудрость есть Богъ. Такимъ образомъ любовь къ Богу—вотъ истинная философія.

Философія раздѣляется на теоретическую и практическую; теоретическая философія раздѣляется на богословіе, математику и физиологію. Математика раздѣляется на арифметику, музыку, геометрію и астрономію. Практическая философія раздѣляется на этику, экономіку и политику. Теоретическая философія имѣетъ своею задачею разсматривать безтѣлесное, нематеріальное, т. е. Бога, Который прежде всего и въ собственномъ смыслѣ безтѣлесенъ и нематеріаленъ, затѣмъ ангеловъ, демоновъ и души.

Послѣдніе [т. е. ангелы, демоны и души] по отношенію къ тѣлу называются нематеріальными, по отношенію же къ нематеріальному въ строгомъ смыслѣ, т. е. къ Божеству, они являются

матеріальними. Итакъ, все это составляетъ предметъ богословія. Теоретическая философія имѣетъ своей задачей разсмотрѣніе также и природы матеріальнаго, т. е. животныхъ, растений, камней и под.—это составляетъ фізіологію, а равно и того, что занимаетъ среднее мѣсто между нематеріальнымъ и матеріальнымъ, что иногда разсматривается въ матеріи, а иногда независимо отъ матеріи—это составляетъ математику. Въ самомъ дѣлѣ, число само по себѣ нематеріально, разсматривается же въ матеріи, напр., въ хлѣбѣ или винѣ, ибо мы говоримъ: десять модіевъ хлѣба, десять кружекъ вина. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ другими видами математики.

Практическая же философія упорядочиваетъ нравы и учитъ, какъ слѣдуетъ устроить свою жизнь. При этомъ, если она воспитываетъ одного только человѣка, то называется этикой; если—цѣлую семью, то называется экономикой; если же цѣлый городъ, то называется политикой.

Гл. LXVIII. *О четырехъ діалектическихъ приѣмахъ.* Слѣдуетъ имѣть въ виду, что существуетъ четыре діалектическихъ или логическихъ приѣма: раздѣлительный, который раздѣляетъ родъ на виды чрезъ промежуточные разности; опредѣлительный, который, исходя отъ рода и разностей, выдѣленныхъ раздѣлительнымъ приѣмомъ, опредѣляетъ подлежащій предметъ; аналитическій, разлагающій болѣе сложный предметъ на простѣйшія составныя части, т. е. тѣло на соки, соки на плоды, плоды на четыре стихіи, стихіи на матерію и форму; доказательный, который доказываетъ выставленное положеніе чрезъ посредство средняго термина. Напр., мнѣ нужно доказать, что душа безсмертна. Я беру какой-нибудь средній терминъ. напр., *находящееся въ постоянномъ движеніи*, и построю такой силлогизмъ: *душа находится въ непрерывномъ движеніи; то, что находится въ непрерывномъ движеніи, безсмертно; слѣдовательно, душа безсмертна.*

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что силлогизмы составляютъ часть доказательства. Слѣдуетъ замѣтить, что анализъ бываетъ трехъ видовъ. Есть анализъ физическій, на подобіе того, о которомъ говорилось выше. Есть анализъ логическій, когда мы расчленяемъ данный силлогизмъ, подводя его подъ соответствующую фигуру. Есть анализъ математическій, когда мы, принявъ искомое за извѣстное, доходимъ до чего-либо несомнѣннаго, заключая отсюда къ истинѣ подлежащаго доказательству положенія. Пусть искомымъ будетъ у насъ положеніе: *безсмертна ли душа?* Я принимаю это искомое за извѣстное и говорю: если душа безсмертна, то существуетъ воздаяніе за дурныя и добрыя дѣла. А если су-

673 шествуеъ въздаяніе, то естъ судимый и судящій. Если же естъ судимый и судящій, то естъ Промыслитель и промышленіе. Такимъ образомъ, мы дошли до промышленія. Отсюда, наконецъ, соединяя все вмѣстѣ, говорю: такъ какъ естъ промышленіе и Судья, то естъ и въздаяніе; а такъ какъ естъ въздаяніе, то естъ и судимый. Если же естъ судимый, то необходимо, чтобы душа была безсмертною.

Объясненіе словъ. Необходимость естъ причина силы. Стихія вообще естъ то, изъ чего что-либо первоначально происходитъ и въ то же, наконецъ, разрѣшается. Въ частности же стихія естъ то, изъ чего происходитъ тѣло и въ то же разрѣшается, т. е. огонь, вода, воздухъ, земля. Огонь—тѣло тончайшее и самое горячее, и самое сухое; земля—тѣло самое сухое и самое тяжелое; вода—тѣло влажное и очень холодное; воздухъ—тѣло самое влажное и мягкое. Рожденіе—движеніе по существу изъ не сущаго къ бытію. Ростъ—движеніе въ количествѣ въ отношеніи увеличенія. Убыль—движеніе въ количествѣ въ отношеніи уменьшенія. Перемѣна—движеніе въ качествѣ для измѣненія. Ношеніе—движеніе съ мѣста на мѣсто. Обношеніе—движеніе на томъ же мѣстѣ. Самодвиженіе—движеніе души и въ животныхъ. Время—мѣра движенія и число раннѣйшаго и позднѣйшаго въ движеніи. День естъ ношеніе солнца надъ землею или время въ теченіе котораго солнце несется надъ землею. Ночь естъ тѣнь земного тѣла или время, въ продолженіе котораго солнце несется подъ землею. День и ночь естъ обращеніе міра вокругъ. Мѣсяць—время отъ соединенія луны съ солнцемъ до слѣдующаго соединенія. Годъ—время, въ теченіе котораго солнце проходитъ кругъ зодіака. Благовременіе (*χαρμός*)—время успѣха. Безвременіе естъ отсутствіе времени, необходимаго для достиженія предмета желаній ищущаго. Время (*ώρα*)—четвертая часть года или двѣнадцатая часть дня, цвѣтущая пора души или расцвѣтъ тѣла. Весна—время, когда господствуетъ влажность; лѣто—время, когда господствуетъ теплота; осень—время, когда господствуетъ суша; зима—время, когда господствуетъ холодъ. „Бородатая звѣзда“ (*Πωγωνία*, *barbata stella*)—звѣздовидное собраніе огня, имѣющее впереди лучи. Комета естъ огневидное собраніе звѣздъ, наподобіе волосъ на головѣ, испускающее вокругъ себя лучи. *Δοκία* естъ звѣздоводный шестъ, или бревно, испускающее огненный лучъ вверхъ. Факель (*Λαμπία*) естъ пламя и собраніе огня. Радуга (*ίρις*) естъ священное отраженіе солнца на выпукломъ и влажномъ облакѣ, являющееся на сводѣ небесномъ въ видѣ круга. Образуется она чрезъ сгущеніе воздуха. „Побочное солнце“ (*Παρήλιος*) естъ круглое облако, плотное, подобное солнцу, или отраженіе

солнца на плотномъ и ровномъ облакъ. Громъ есть спиралеобразный духъ, производящій огненное движеніе, несущійся сверху внизъ пламеннымъ огнемъ и воспламеняющій кругомъ. Ураганъ есть спиралеобразное движеніе мрачнаго воздуха, направленное сверху на землю. Буря (*πρηστῆρ*) есть спиралеобразное движеніе прозрачнаго воздуха, несущееся сверху. Гроза (*σκηπτός*) есть громъ безъ облаковъ. Градь (*χάλαζα*) есть замерзшая вода, сжавшаяся надъ землей. Ледъ есть вода, замерзшая на землѣ. Снѣгъ есть полузамерзшая вода, нисходящая изъ облаковъ на землю. Иней есть замерзшая вода, прикрѣпленная къ землѣ другимъ влажнымъ предметомъ. Ливень (*ὄμβρος*) есть масса воды, выдѣляющейя изъ облаковъ; дождь (*ὕετός*) есть собраніе капель. Капля (*Ψεχάς*) есть влага множества мелкихъ капель. Облако есть стеченіе тучъ. Паръ есть множество испареній на землѣ. Озеро есть множество воды, пріятной и собранной въ одно мѣсто, благодаря скату и наклону находящейся въ состояніи покоя. Море есть вода соленая и горькая, наполняющая углубленія самой нижней земли. Ключъ есть начало тайнаго источника или вода, появляющаяся и вытекающая при измѣненіи земли. Землетрясеніе есть движеніе воздуха, происходящее подъ землей и принуждающее ее наклоняться. Пирократъ есть устье подземнаго огня, который течетъ наружу, и отдушина. Лира есть основа, снабженная струнами.

О ЕРЕСЯХЪ

ВКРАТЦѢ.

Откуда онѣ начались и почему произошли.

ВСѢХЪ ересей матерей и первообразовъ четыре, именно: 1) варваризмъ, 2) скинизмъ, 3) эллинизмъ, 4) юдаизмъ. Отъ нихъ произошли всѣ остальные ереси.

1. *Варваризмъ*: ересь, которая сама по себѣ продолжалась отъ дней Адама до десятого рода, (до временъ) Ноя. Варваризмомъ же она названа потому, что жившіе въ то время люди не имѣли у себя какого-либо вождя или одного согласія, но то, какъ каждый распоряжался собою, въ предпочтеніи своей воли, служило для него закономъ.

2. *Скинизмъ*: отъ дней Ноя и въ послѣдующее время до построения столпа вавилонскаго и послѣ столпотворенія въ теченіе немногихъ лѣтъ, т. е. до Фалека и Рагава. Нѣкоторые, уклонившись въ страну Европы, поселились въ области скинскаго и присоединились къ тамошнимъ племенамъ со временъ Тирааса, отъ котораго произошли аракіяне, и позднѣе.

3. *Эллинизмъ*: онъ начался со временъ Серуга идолослуженіемъ; и такъ какъ въ то время каждый жилъ суевѣріемъ, то при значительно большей общественности и при установившихся обычаяхъ племена человѣческія начали устанавливать законы и относительно идоловъ, и тѣхъ, за которыми нѣкогда шли, обоготворили. Въ началѣ расписывали красками и изображали подобія чтимыхъ ими или тирановъ, или чародѣевъ, или сдѣлавшихъ въ жизни что-либо кажущееся достойнымъ памяти, или уважаемыхъ за силу и тѣлесную крѣпость. Потомъ же, со временъ Фарры, отца

Авраама, который ввелъ идолослуженіе, почтили праотцевъ своихъ изваяніями, сперва съ помощью гончарнаго искусства, а затѣмъ примѣнительно ко всякому искусству: строители домовъ—обтесывающія каменья, серебрянники же и золотари — обдѣлывая свой матеріалъ, также и столяры и прочіе. Египтяне же, а вмѣстѣ и вавилоняне, фригійцы и финикіяне были первыми учредителями этого богопочтенія, дѣланія статуи и совершенія таинствъ. Отъ нихъ большая часть учрежденій была перенесена къ эллинамъ во времена Кекропса и послѣ него. Въ послѣдствіи же и гораздо позднѣе были провозглашены богами Кронъ и Рея, Зевесъ и Аполлонъ и прочіе. Эллина же названы такъ отъ нѣкоего Елена (Ἐλένου), 681 одного изъ обитавшихъ въ Элладѣ, а какъ говорятъ другіе, отъ маслины (ἐλαία), росшей въ Афинахъ. Вождями этихъ, какъ показываетъ точная исторія, были іоняне, происшедшіе отъ Іована (Быт. X, 2), одного изъ строившихъ столпъ, когда языки всѣхъ раздѣлились. По этой причинѣ, отъ раздѣлившейся (μεμερισμένη) рѣчи, всѣ и названы μέρορες. Въ послѣдствіи же, въ болѣе позднія времена, эллинизмъ перешелъ въ ереси,—разумью ересь пнеагорейцевъ, стоиковъ, платониковъ и эпикурейцевъ. Однако, образъ (истиннаго) благочестія, а вмѣстѣ и естественный законъ жизни, удалившись отъ этихъ народовъ, отъ сложенія міра и до послѣднихъ временъ сохранялись среди варваризма и эллинизма, пока не соединились съ богочестіемъ Авраама.

4. *Иудаизмъ*: со временъ Авраама получилъ знакъ обрѣзанія и Моисеемъ, седьмымъ по Авраамѣ, посредствомъ даннаго Богомъ закона, записанъ; отъ Іуды, четвертаго сына Іакова, прозваннаго Израилемъ, чрезъ Давида, перваго царя изъ колѣна этого Іуды, наслѣдовалъ, наконецъ, имя іудаизма. Ясно объ этихъ четырехъ ерессяхъ выразился апостолъ, сказавъ: *о Христѣ Исусѣ нѣсть варваръ и скивъ, эллинъ ни іудей* (Кол. III, 11), *но нова тварь* (II Кор. V, 17).

Различныя ереси у эллиновъ.

5. *Пнеагорейцы или перипатетики*. Пнеагоръ училъ о монадахъ и промышленности, училъ не дозволять приносить жертвы, разумѣтся, богамъ, принимать въ пищу одушевленныхъ существъ, воздерживаться отъ вина. Утверждалъ, что на лунѣ и выше ея все безъ 684 смертно, а ниже все смертно, допускалъ переселеніе душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія, даже въ тѣла животныхъ и дикихъ звѣрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ училъ упражняться въ продолженіе пяти лѣтъ въ молчаніи. Наконецъ, самъ именовалъ себя Богомъ.

6. *Платоники* полагали, что существуетъ Богъ, матерія, форма и міръ сотворенный и тлѣнный, и что душа не сотворена, безсмертна

и божественна, что въ ней три части: разумная, раздражительная и пожелательная. Платонъ училъ, чтобы жены у всѣхъ были общія, и никто не имѣлъ собственной своей супруги, но желающіе жили бы съ желающими. Онъ также допускалъ переселеніе душъ въ тѣла даже дикихъ звѣрей. вмѣстѣ съ тѣмъ училъ, что и многіе боги происходятъ отъ одного.

7. *Стоики*: они учатъ, что все есть тѣло, и чувственный этотъ міръ признаютъ Богомъ. Нѣкоторые же утверждали, что Богъ имѣетъ свою природу изъ огненной сущности. Они опредѣляютъ, что Богъ есть умъ и какъ бы душа всего сущаго на небѣ и землѣ; все же—тѣло Его, какъ я сказалъ, и свѣтила — очи. Плоть же гибнетъ, и душа всѣхъ переселяется изъ тѣла въ тѣло.

8. *Эпикурейцы*: они утверждали, что атомы и недѣлимыя тѣла, состоящія изъ подобныхъ частей и безконечныя по числу являются началомъ всѣхъ вещей, и учили, что цѣль блаженства—удовольствіе, и что ни Богъ, ни промысленіе не управляютъ дѣлами.

9. *Самаритизмъ*, и отъ него самариты. Онъ произошелъ отъ іудеевъ прежде, чѣмъ у эллиновъ появились ереси, и прежде, чѣмъ составились ихъ ученія; но только, по установленіи богопочитанія у эллиновъ, распространился, и среди іудаизма получилъ признаніе отъ временъ Навуходоносора и плѣна іудеевъ. 885 Переселенные въ Іудею ассиряне, получивъ пятокнижіе Моисея, такъ какъ царь прислалъ имъ его изъ Вавилона со священникомъ, по имени Ездрую, все имѣли общее съ іудеями, кромѣ того, что гнушались язычниками и не прикасались къ нимъ, и кромѣ того, что отрицали воскресеніе мертвыхъ и другія пророчества, бывшія послѣ Моисея.

Толковъ же самаритовъ четыре.

10. *Горейцы*: совершаютъ праздники въ иныя времена, по сравненію съ севуеями.

11. *Севуеи*: въ отношеніи праздниковъ разнятся съ горейцами.

12. *Ессинь*: не противятся ни тѣмъ, ни другимъ, но безразлично празднуютъ, съ кѣмъ придется.

13. *Досиеи*: руководятся тѣми же обычаями, какъ и самариты, пользаются обрѣзаніемъ, и иными уставами, и пятокнижіемъ, строже другихъ соблюдаютъ правило воздерживаться [отъ употребленія въ пищу] одушевленнаго и проводятъ жизнь въ непрестанныхъ постахъ. Пребываютъ въ дѣвствѣ, нѣкоторые изъ

нихъ воздерживаются; есть и такіе, которые вѣрують въ воскресеніе мертвыхъ, что чуждо для самаритовъ.

У іудеевъ ересей ссмь.

14. *Книжники*: они были законниками и толкователями преданій ихъ старцевъ, съ излишнею ревностію соблюдали обряды, которымъ не изъ закона научились они, но сами для себя признали предметами уваженія и дѣлами оправданія внѣ закона.

15. *Фарисеи*: по значенію слова, отщепенцы: ведутъ самую высокую жизнь и болѣе другихъ уважаемы. Имъ, какъ и книжниками, признается воскресеніе мертвыхъ, бытіе ангеловъ и Св. Духа. Жизнь ихъ различна; [ими соблюдаются] до времени воздержаніе и дѣвство, постъ чрезъ субботу, очищенія кувшиновъ, блюдь и чашь, какъ и у книжниковъ, десятины. начатки, непрерывныя молитвы, наружный видъ одежды, состоявшей изъ ризы и далматиковъ, или одежды безъ рукавовъ, съ рааширеніемъ хранилицъ т. е. полосъ изъ багряницы, воскрилій и пуговицъ на воскриліяхъ ризы, что служило знакомъ соблюдаемаго ими до времени воздержанія. Они ввели ученіе о рожденіи (γένεσις) и судьбѣ (εἰσαρέτην). 688

16. *Саддукеи*, по значенію имени, праведнѣйшіе: родъ вели отъ самаритовъ и вмѣстѣ отъ священника, по имени Садока; отрицали воскресеніе мертвыхъ, не принимали ни ангела, ни Духа; во всемъ же (остальномъ) были іудеи.

17. *Имероваптиты*: они по всему были іудеи, утверждали же, что никто не достигнетъ жизни вѣчной, если не будетъ каждый день креститься.

18. *Осины*, что значить „самые дерзкіе“: они исполняли все по закону, но послѣ закона пользовались и другими писаніями, большую же часть позднѣйшихъ пророковъ отвергали.

19. *Нассареи*, по значенію слова „необузданные“: запрещаютъ всякое яденіе мяса, совершенно не вкушаютъ одушевленнаго. Святыми именами патріарховъ въ пятокнижїи до Моисея и Иисуса Навина пользуются и вѣрятъ въ нихъ, разумью Авраама, Исаака, Іакова и старѣйшихъ, и самага Моисея, Аарона и Иисуса. Учатъ, что книги пятокнижїя—не Моисеевы писанія, и утверждаютъ, что у нихъ есть другїя. 689

20. *Продіане* во всемъ были іудеи, но Христа ожидали въ лицѣ Прода, и ему воздавали честь и имя Христа.

Вотъ первое отдѣленіе, заключающее въ себѣ все эти двадцать ересей; въ немъ же [содержится и разсужденіе] о пришествіи Христа.

21. *Симоніанс*: названіе свое получили отъ Симона волхва, современнаго апостолу Петру, изъ селенія Гиттонъ въ Самаріи. Онъ отдѣлился отъ самаритовъ, принявъ только имя христіанина. Училъ постыдному и скверному смѣшенію, неразличешю тѣлъ. Отвергаетъ воскресеніе и утверждаетъ, что міръ не отъ Бога. Свое изображеніе, въ видѣ Зевеса, и блудницы своей, по имени Елены, въ образѣ Аѳины, передалъ ученикамъ своимъ для поклоненія. Называлъ же себя самаритамъ—отцемъ, а іудеямъ—христомъ.

22. *Менандріанс*: получили начало отъ Симона чрезъ нѣкоего Менандра и въ кой-чемъ отличались отъ симоніанъ. Они говорили, что міръ сотворенъ ангелами.

23. *Сартурниліанс*: усилили въ Сиріи безстыдство симоніанъ, но, къ большому изумленію, проповѣдуютъ и иное, по сравненію съ симоніанами. Они получили начало отъ Сатурнила и, подобно Менандру, говорили, что міръ сотворенъ ангелами, но только семью, по мысли отца.

692 24. *Василидіанс*: въ тѣ же безстыдныя дѣла посвящены Василидомъ, который вмѣстѣ съ Сатурниломъ учится у симоніанъ и менандріанъ, держится одинаковаго съ ними образа мыслей, но въ кой-чемъ и отличается отъ нихъ. Онъ утверждаетъ, что небесъ триста шестьдесятъ пять, и придаетъ имъ ангельскія имена. Поэтому и годъ состоитъ изъ столькихъ дней, и слово: аврасаксъ (*Ἀβρασάξ*) означаетъ число 365 ¹⁾ и есть, говоритъ Василидъ, святое имя.

25. *Николаиты*: отъ Николая, поставленнаго апостолами при вдовицахъ, который изъ ревности къ супругѣ своей училъ своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ другими, совершать безстыдныя дѣла и говорилъ о Кавлакахъ, Пруникѣ и другихъ варварскихъ именахъ, вводя ихъ въ міръ.

693 26. *Гностики*: приняли тѣ же ереси, но больше всѣхъ этихъ ересей съ неистовствомъ совершаютъ безстыдныя дѣла. Въ Египтѣ они называются стратіотиками и фивіонитами, въ верхнихъ частяхъ Египта—сократитами, у иныхъ же—закхеями. Одни называютъ ихъ коддіанами, другіе же зовутъ ихъ ворворитами. Они съ гордостью говорятъ о *Варвело* (*Βαρβέλω*) и *Веро* (*Βερώ*).

¹⁾ α=1, ζα=3, β=2, ξ=60, ρ=100, σ=200,

27. *Карпократіане*: отъ нѣкоего Карпократа изъ Азіи. Онъ училишь совершать всякое безстыдство и всякое грѣховное дѣло. Если кто, говорилъ онъ, не пройдетъ чрезъ все и не выполнитъ воли всѣхъ демоновъ и ангеловъ, то онъ не можетъ взойти на высочайшее небо и стать выше Началъ и Властей. Онъ же говорилъ, что Іисусъ воспринялъ душу разумную, но зналъ возвѣщать здѣсь горнее; и, если кто совершитъ подобное Іисусу, то онъ не ниже Его. Законъ вмѣстѣ съ воскресеніемъ мертвыхъ Карпократъ отрицалъ, подобно симоніанамъ и другимъ ересямъ, о которыхъ доселѣ шла рѣчь. Его послѣдовательницей была Маркеллина въ Римѣ. Въ тайнѣ сдѣлавъ изображенія Іисуса, Павла, Омира (Гомера) и Пифагора, Карпократъ кадилъ и поклонялся имъ.

28. *Кириинфіане*, они и миринфіане: это ученики Кириноа и Миринноа, нѣкіе іудеи, которые хвалились обрѣзаніемъ. Они говорили, что міръ сотворенъ ангелами и что Іисусъ за преуспѣяніе названъ Христомъ.

29. *Назорей*: исповѣдуютъ Іисуса Христомъ, Сыномъ Божіимъ, 696
во всемъ же живутъ по закону.

30. *Евѣионей*: близки къ названнымъ раньше кириноіанамъ и назорейамъ; съ ними же соприкасается въ кой-чемъ ересь сампсеевъ и елкесеевъ. Они говорятъ, что Христосъ и Св. Духъ созданы на небѣ, что Христосъ обиталъ въ Адамѣ, и по временамъ совлекался этого Адама и снова облекался въ него. Это самое, говорятъ они, совершилъ Христосъ и при Своемъ пришествіи во плоти. Будучи іудеями, они пользуются евангеліями. Отвращаются яденія мяса. Воду имѣютъ вмѣсто Бога. О Христѣ же, какъ я сказалъ, говорятъ, что въ плотскомъ Своемъ пришествіи Онъ облекся въ челоуѣка. Постоянно крестятся въ водахъ: и лѣтомъ, и зимою, именно для очищенія, какъ самариты.

31. *Валентиніане*: они отрицаютъ воскресеніе плоти, отвергаютъ Ветхій Завѣтъ, но пророковъ читаютъ и иное, что можно истолковать сходно съ ихъ ересью, принимаютъ. Другія нѣкія баснословія привносятъ, говоря, что наипменованія тридцати эоновъ мужеско-женскаго пола вмѣстѣ произошли изъ Отца всяческихъ, и ихъ называютъ богами и эонами. О Христѣ же говорятъ, что Онъ принесъ тѣло съ неба и прошелъ чрезъ Марію, какъ чрезъ трубу. 697

32. *Секундіане*: съ ними стоятъ въ связи Епифанъ и Исидоръ, и они пользуются тѣми же сиэнгіями, мудрствую подобно

Валентину, пное же толкуя нѣскольکو отличнo отъ нихъ. Они также отрицають плоть (у Христа).

33. *Птолемейи*. они также ученики Валентина; въ связи съ ними стоитъ Флора. И они говорятъ о сизигіяхъ то же, что Валентинъ и секундіане; но въ кой-чемъ и разнятся съ ними.

Это оглавленіе тринадцати ересей во второмъ отдѣленіи первой книги.

Въ этомъ третьемъ отдѣленіи, въ которомъ содержится тринадцать ересей, порядокъ слѣдующій.

34. *Маркосеи*. Нѣкій Маркъ былъ соученикомъ Колорваса. Онъ также вводитъ два начала. Отвергаетъ воскресеніе мертвыхъ. Черезъ посредство какихъ-то представлений, при помощи заклинаній измѣняя цвѣтъ сосудовъ въ синій и багряный, тайноводствовалъ обманываемыхъ женщинъ, и, подобно Валентину, желаетъ производить все отъ двадцати четырехъ стихій.

35. *Колорвасеи*. И этотъ Колорвасъ, такимъ же образомъ излагая то же самое, въ кое-чемъ и отличался отъ другихъ ересей,—разумѣю ереси Марка и Валентина: онъ ипаче училъ о порожденіяхъ (*профоллі*) и огдоадахъ.

36. *Ираклеониты*. И они, кажется, баснословятъ объ огдоадахъ, но иначе, по сравненію съ Маркомъ, Птолемеемъ, Валентиномъ и другими. Кромѣ того, умирающихъ у нихъ, при кончинѣ, подобно Марку, искупаютъ елеемъ, благовоннымъ масломъ и водою, приговаривая надъ главою какъ бы искупаемаго какія-то призыванія, состоящія изъ еврейскихъ реченій.

37. *Офиты*. Они славятъ змѣя и его считаютъ за Христа, сохраняя естественную змѣю, пресмыкающуюся, въ какомъ-то ящикѣ.

701 38. *Кайяне* (каиниты). Вмѣстѣ съ другими ересями, которыя отвергаютъ законъ и Говорившаго въ законѣ, и они думаютъ то же самое: отрицають воскресеніе плоти, прославляютъ Каина, говоря, что онъ—потомокъ высшей силы; вмѣстѣ съ тѣмъ и Іуду обожаютъ, также и бывшихъ съ Кореемъ, Давааномъ и Авирономъ и содомлянъ.

39. *Сивіане*. Эти, наоборотъ, прославляютъ Сива, утверждая, что онъ происходитъ отъ вышней Матери, раскаявшейся въ томъ, что произвела Каина. Послѣ того, какъ Каинъ былъ отверженъ и Авель убитъ, она сошлась съ вышнимъ Отцемъ и произвела

чистое сѣмя—Снеа, отъ котораго потомъ произошелъ весь чело-
вѣчскій родъ. И они также учатъ о началахъ и властяхъ, и о
другомъ подобномъ.

40. *Аргоптити*: эти опять отпосыатъ все ко многимъ князьямъ
(ἀργοντας) и говорятъ, что сотворенное отъ нихъ получило бытiе.
Уличаются и въ нѣкоемъ безстыдствѣ. Отрицаютъ воскресенiе
плоти и отвергаютъ Ветхiй Завѣтъ. Но пользуютя и Ветхимъ
и Новымъ Завѣтомъ, каждое реченiе приспособляя къ своему
разумѣнiю,

41. *Кердонiанс*: они происходятъ отъ Кердона, принявшаго
участiе въ заблужденiи Ираклеона и прибавившаго къ его об-
ману. Переселившись изъ Сирiи въ Римъ, онъ излагалъ свое
ученiе въ послѣднiя времена епископа Игина. Онъ проповѣдуетъ
два начала, враждебныя другъ другу, и что Христосъ не рож-
денъ. Подобнымъ же образомъ онъ отвергаетъ воскресенiе мерт-
выхъ и Ветхiй Завѣтъ.

42. *Маркiониты*. Маркiонъ, родомъ изъ Понта, былъ сынъ 704
епископа, но, растливъ дѣвицу, бѣжалъ, потому что былъ отлу-
ченъ своимъ отцемъ отъ церкви. Придя въ Римъ, онъ просилъ
затѣмъ покаянiя у начальствовавшихъ въ то время надъ цер-
ковью (ἡγουμένων τῆς ἐκκλησίας), но, не успѣвъ въ этомъ, превознесся
противъ вѣры и сталъ учить отъ трехъ началахъ: добромъ, справед-
ливомъ и зломъ, и о томъ, что Новый Завѣтъ чуждъ Ветхаго и
Говорившаго въ немъ. Онъ и его маркiониты отвергаютъ вос-
кресенiе плоти, допускаютъ не одно только крещенiе, но и два,
и три, послѣ паденiй. За умершихъ оглашаемыхъ у нихъ кре-
щаются другiе. У нихъ и женщинамъ безпрепятственно разрѣ-
шается преподавать крещенiе.

43. *Лукiанисты*. Нѣкiй Лукiанъ, не тотъ, который теперь во
времена Константина жилъ. но болѣе древнiй, о всемъ училъ
согласно съ Маркiономъ. Кромѣ того, училъ, конечно, и коф-
чему другому, помимо Маркiона.

44. *Апеллианс*. И этотъ Апеллисъ училъ, подобно Маркiону
и Лукiану: осуждаютъ всю тварь и Сотворившаго. Но онъ ввелъ
не три начала, подобно тѣмъ, а одно. и признавалъ единаго
Бога, высочайшаго и неизреченнаго, и что этотъ Единый сотво-
рилъ другаго. А этотъ, говоритъ, приведенный въ бытiе, ока-
зался злымъ и по своей злобѣ сотворилъ мiръ

45. *Севирiанс*. Нѣкто Севиръ, слѣдуя Апеллису, опять от-
вергаетъ вино и виноградъ. баснослavia, будто они произошли

705 отъ драконовиднаго сатаны и земли, совокупившихся между собою. И отъ женщины отрекается, говоря, что она имѣеть начало отъ злой (*ἀριστεράς*) силы. Вводитъ какія-то наименованія квязей и тайныя книги. Подобно другимъ еретикамъ, отвергаетъ воскресніе плоти и Ветхій Завѣтъ.

46. *Татіане*. Татіанъ былъ современникомъ святѣйшаго мученика и философа Іустина. Послѣ кончины святого Іустина, онъ растлился догматами Маркіона и училъ одинаково съ нимъ, приложивъ и иное, помимо Маркіона. Говорили, что онъ происходилъ изъ Месопотаміи.

Это—тринадцать ересей перваго отдѣленія второй книги.

Въ этомъ третьемъ отдѣленіи второй книги содержится восемнадцать слѣдующихъ ересей.

47. *Енкратиты*: являясь отломкомъ ереси Татіана, они отвергають и бракъ, утверждая, что это—дѣло сатаны. Они запрещаютъ всякое употребленіе въ пищу одушевленнаго.

708 48. *Катафригасты*, они же и монтеписты и аскодругиты. Они принимаютъ Ветхій и Новый Завѣтъ; но вводятъ другихъ пророковъ: похваляются нѣкимъ Монталомъ и Прискиллою.

49. *Пепузіане*, они же и квинтилліане, съ которыми стоятъ въ связи артоириты: это двѣ ереси. Нѣкоторые изъ нихъ—катафригасты, но учатъ другому, по сравненію съ ними. Обоже-
709 ствляютъ какой-то городъ Пепузу, между Галатією, Каппадокією и Фригією, и считаютъ его Іерусалимомъ. Есть, впрочемъ, и другая Пепуза. Женщинамъ предоставляютъ начальство и священнослуженіе. Посвящая кого-либо, прободають малаго ребенка мѣдными иглами, какъ и катафригасты, и замѣсивъ его кровью муку и сдѣлавъ хлѣбъ, вкушаютъ, какъ приношеніе (*προσφορᾶν*). Баснословятъ, что тамъ, въ Пепузѣ, Христось открылся Квинтиллѣ или Прискиллѣ въ видѣ женщины. Пользуются также Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, передѣлывая по собственному своему разумѣнію.

50. *Четырнадцатьяники*. Эти въ одинъ и тотъ же день года совершаютъ Пасху, и въ какой день ни придется четырнадцатый день луны, т. е. въ субботу ли, или въ день Господень, тотъ день, постясь, а также совершая бдѣніе, празднують.

51. *Алоги*: такъ названные нами, они отвергають Евангеліе отъ Іоанна и его Апокалипсисъ, потому что не принимаютъ пришедшаго отъ Отца Бога Слова, вѣчно сущаго.

52. *Адаміане*: такъ называемые отъ нѣкоего Адама, они содержатъ ученіе болѣе достойное осмѣянія, чѣмъ истинное. Бываетъ же у нихъ нѣчто такое: нагимъ, какъ изъ (чрева) матери, мужчины и женщины сходятся въ одно мѣсто и такъ совершаютъ чтенія, молитвы и все такое. Какъ будто ведутъ жизнь монашескую и воздержную и не принимаютъ брака; церковь свою считаютъ раемъ.

53. *Самтсеи и елжесви*: они еще и доселѣ обитаютъ въ Аравіи, лежащей выше Мертваго моря. Они введены въ обманъ нѣкимъ лже-пророкомъ Елксаемъ: изъ его рода и доселѣ еще существовали женщины: Марѹсъ и Марѣина, которымъ эта ересь поклоняется, какъ богинямъ. Они имѣютъ все близкимъ къ ученію евіонеевъ.

54. *Феодотіане*, послѣдователи Феодота, византійскаго кожевника. Онъ стоялъ высоко въ эллинской образованности, но, будучи вмѣстѣ съ другими схваченъ въ дни тогдашняго гоненія, одинъ только отпалъ, тогда какъ остальные приняли мученіе за Бога. Такъ какъ его порицали за бѣгство, то онъ, въ виду обвиненія въ томъ, что отрекся отъ Бога, измыслилъ говорить о Христѣ, что Онъ простой человѣкъ. 712

55. *Мелхиседекіане*: эти почитаютъ Мелхиседека, утверждая, что онъ нѣкая сила, а не простой только человѣкъ, и осмѣлились все возводить къ его имени.

56. *Вардесіане*. Этотъ Вардесіанъ (*Βαρδηςανός*) происходилъ изъ Месопотаміи; сперва держался истинной вѣры и блисталъ философіею, но, уклонившись отъ истины, училъ близко къ Валентину, за исключеніемъ нѣкоторыхъ положеній, въ которыхъ разнится отъ Валентина.

57. *Нонтіане*. Этотъ Нонтъ (*Νόντος*) былъ изъ Смирны асійской. На колесницѣ (гордости) вознесшись вмѣстѣ съ другими, онъ сталъ говорить, что Христосъ—Сыноотецъ (*υιοπάτορ*), училъ что одинъ и тотъ же и Отецъ, и Сынъ, и Святой Духъ. Самого же себя онъ называлъ Моисеемъ, а брата своего Аарономъ.

58. *Валисѣи*. Эти, какъ мы слышали, населяютъ Вакаѹ, главное селеніе Филадельфій арабской. Приходящихъ къ нимъ и пользующихся у нихъ гостепрѣимствомъ они оскопляютъ. Очень много и между ними скопцы, обрѣзанные. Учатъ и кой-чему другому, исполненному ереси: отвергаютъ законъ и пророковъ и вводятъ нѣкія другія безстыдства. 713

59. *Каоары*. Эти, стоя въ связи съ Новатомъ римскимъ, со-
всѣмъ отвергають второбрачныхъ и не принимаютъ покаянія.

60. *Ангслики*. Эти совсѣмъ пчезли. Они наименованы такъ
или потому, что похвалялись, что имѣють ангельской чинъ, или
потому, что назывались ангелами.

61. *Апостолики*, они же и апотактики: эти еретики—въ Пи-
сидіи только; они принимаютъ только апотактиковъ. Очень при-
ближаются къ енкратитамъ: но мудрствуютъ иное, по сравненію
съ ними.

62. *Савелліане*. Мнятъ подобное Нонту, кромѣ того, что не
говорять, будто Отецъ пострадалъ; о Слово же учать, что Оно
произносится (*профорикосъ*) и снова возвращается назадъ.

716 63. *Оригенисты*: отъ нѣкоего Оригена. Это — безстыдники,
дѣлающіе то, о чемъ и говорить не позволительно, и предающіе
свои тѣла растлѣнію.

64. *Оригенисты* другіе: отъ писателя Оригена, который зо-
вется и адамантовымъ. Они отвергають воскресеніе мертвыхъ:
учать, что Христосъ и Святой Духъ—твари; рай, небеса и все
иное толкують иносказательно; пустословяють, будто Царство Хри-
стово нѣкогда прекратится, и прекратится вмѣстѣ съ Ангелами;
также, будто Христосъ съ дьяволомъ будутъ находиться подъ
одной властью и лгутъ, что Христосъ распятъ бѣсами.

Это—восемнадцать ересей четвертаго отдѣленія второй книги.

*Въ пятомъ отдѣленіи второй книги содержится пять слѣдую-
щихъ ересей.*

717 65. *Павліанисты*: отъ Павла самосатскаго. Этотъ Павелъ
утверждаетъ, что Христосъ почти не существуетъ, вообразивъ, что
Онъ есть произносимое (*профорикосъ*) слово, но отъ Маріи и здѣсь
Онъ существуетъ. Въ Божественныхъ писаніяхъ пророчески было
возвѣщено о Немъ, какъ объ имѣющемъ (бытіе), еще въ то время,
когда Онъ не существовалъ; но отъ Маріи и здѣсь, со времени
воплощенія, Онъ имѣетъ бытіе.

66. *Манихеи*, они же и акониты: это—ученики перса Ма-
неса. Они Христа называютъ призракомъ, почитаютъ солнце и
луну, молятся звѣздамъ, силамъ и демонамъ; вводятъ два на-
чала—злое и доброе, вѣчно существующія. Говорять, что Хри-
стосъ призрачно явился и пострадалъ. Велхій Завѣтъ и глаго-

давшего въ немъ Бога хулять. Утверждаютъ, что не весь міръ, но только часть его произошла отъ Бога.

67. *Геракиты*: эти—отъ Герака, нѣкоего учителя изъ Леонтополя египетскаго. Они отвергаютъ воскресеніе плоти, но пользуются Ветхимъ и Новымъ Заветомъ; совершенно отвергаютъ бракъ, монашествующихъ же и дѣвственницъ, воздержниковъ и вдовъ принимаютъ. Они говорятъ, что дѣти, еще не достигшія зрѣлаго возраста, не причастны Царствію, потому что не подвизались. 720

68. *Мелетіане* (мелитіане): въ Египтъ они составляютъ расколъ, а не ересь. Они не молились съ падшими во время гоненія; теперь же соединились съ аріанамъ.

69. *Аріане*, они же аріоманиты и діатомиты. Они называютъ Сына Божія тварію, а Духа Святаго тварію твари; утверждаютъ, что Христосъ принялъ отъ Маріи только плоть, а не и душу.

Это—пять ересей пятаго отдѣленія второй книги.

Въ первомъ отдѣленіи третьей книги содержится семь славящихъ ересей.

70. *Авдіане*: расколъ и отщепенство, но, конечно, не ересь. Они имѣютъ благоустроенный образъ жизни и поведеніе, во всемъ держатся той же вѣры, какъ и католическая церковь. Большинство изъ нихъ живетъ въ монастыряхъ и не со всѣми молится. Болѣе всего пользуются апокрифами, чрезмѣрно порицаютъ нашихъ богатыхъ епископовъ, а другихъ за другое. Пасху празднуютъ особо, вмѣстѣ съ іудеями. Имѣютъ они нѣчто своеобразное и любятъ спорить, весьма грубо изъясняя выраженіе: *по образу*. 721

71. *Фотиніане*. Фотинъ этотъ, будучи родомъ изъ Сиріи, мудрствовалъ подобное Павлу самосатскому, но въ кой-чемъ и отличался отъ него. Онъ утверждаетъ, что Христосъ получилъ начало отъ Маріи и здѣсь.

72. *Маркелліане*: отъ Маркелла изъ Анкиры галатійской. Извѣстно, что въ началѣ онъ мудрствовалъ близко къ Савеллію. Хотя онъ часто защищалъ себя и защищалъ письменно, тѣмъ не менѣе другіе обвиняли его въ томъ, что онъ остался при тѣхъ же мнѣніяхъ. Возможно, что, перемѣнивъ свои мнѣнія, или онъ самъ, или его ученики исправлись, ибо въ защиту его книгъ выступали нѣкоторые православные.

73. *Полларіане*: признаютъ Христа тварію, но называютъ Его такъ не въ точномъ смыслѣ и не какъ одну изъ тварей.

Они говорятъ, мы называемъ Его Сыномъ; но чтобы чрезъ рожденіе Сына не приписать Отцу страданія, мы называемъ Его сотвореннымъ. Точно также и о Святомъ Духѣ вполнѣ опредѣленно учать, что Онъ тварь. Отвергая единосущіе (τὸ ὁμοούσιον) Сына, хотятъ называть Его подобосушнымъ (ὁμοιωσίον). Иные же изъ нихъ отвергали и подобосушіе.

724 74. *Духоборцы.* О Христѣ они прекрасно говорятъ, кромѣ кой-чего; но хулятъ Святаго Духа, называя Его тварію, и учать что Онъ, не будучи изъ Божества, но скорѣе въ переносномъ смыслѣ, по Своей дѣятельности, названный (Духомъ Божиимъ), сотворенъ. Они утверждаютъ, что Онъ есть только освящающая сила.

75. *Аэріане.* Этотъ Аэрій происходилъ изъ Понта; еще до сихъ поръ онъ является искушеніемъ по своей жизни. Онъ былъ пресвитеромъ при епископѣ Евстаѳіи, оклеветанномъ аріанами. Когда этотъ Аэрій не былъ поставленъ епископомъ, то онъ началъ учить многому, вопреки церкви. По вѣрѣ онъ совершеннѣйшій аріанинъ, (но учить и излишнему, по сравненію съ аріанами: не должно дѣлать приношеній за усопшихъ, воспрещаетъ поститься въ среду, пятокъ и четырехдесятницу, праздновать Пасху, проповѣдуетъ отреченіе отъ міра, безбоязненно пользуется всякаго рода мясояденіемъ и наслажденіями. Если кто изъ его послѣдователей желаетъ поститься, тотъ, говоритъ онъ, пусть постится не въ установленные дни, но когда хочетъ, ибо ты, говоритъ, не подъ закономъ. Утверждаетъ также, что пресвитеры ничѣмъ не отличаются отъ епископа.

725 76. *Аэтіане:* отъ Аэтія, киликійца, бывшаго діакономъ при Георгіи, аріанскомъ епископѣ Александріи. Они же называются аномеями, а отъ нѣкоторыхъ и евноміанами изъ-за нѣкоего Евномія, бывшаго ученикомъ Аэтія. Къ нимъ принадлежалъ и Евдоксій, но онъ изъ страха, конечно, предъ царемъ Константиномъ отдѣлился отъ нихъ и даже отлучилъ Аэтія. Тѣмъ не менѣе остался аріанствующимъ, хотя и не по ученію Аэтія. Эти аномеи и аэтіане совершенно отчуждаютъ Христа и Святаго Духа отъ Бога Отца, утверждая, что (Сынъ Божій) есть тварь, и говорятъ, что Онъ не имѣетъ никакого подобія (Отцу). Они хотятъ изъяснить Божество при помощи аристотелевскихъ и геометрическихъ силлогизмовъ и такимъ образомъ доказать, что Христосъ не могъ произойти отъ Бога. Происшедшіе отъ нихъ евноміане перекрещиваютъ всѣхъ приходящихъ къ нимъ не только [православныхъ], но и аріанъ, обращая ноги крещаемыхъ кверху надъ головой. Впасть во что-либо: блудъ, или другой грѣхъ, ничего

ужаснаго, говорить, не представляет собой, ибо ничего не требует Богъ, кромѣ того, чтобы кто-либо пребывалъ въ этой признаваемой ими вѣрѣ.

Это—семь ересей перваго отдѣленія третьей книги.

Во второмъ же отдѣленіи, въ третьей книгѣ, содержится четыре ереси.

77. *Димириты*, они же и аполинаристы: исповѣдуютъ не- 728
совершенное явленіе, т. е. вочеловѣченіе, Христа. Изъ нихъ нѣкоторые дерзнули сказать, что тѣло единосущно Божеству; другіе же отрицали и это, что Христосъ воспринялъ и душу; третьи же, опираясь на изреченіе: *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14), отрицали, что Онъ принялъ плоть отъ созданной плоти, т. е., отъ Маріи, но упорно говорили одно, что Слово сдѣлалось плотію. Наконецъ, по какому соображенію, не могу сказать, начали говорить, что Онъ не воспринялъ ума.

78. *Антидикомаріаниты*: они говорятъ, что Святая Марія Приснодѣва, послѣ рожденія Спасителя, сожительствовала съ Іосифомъ.

79. *Коллиридіане*, во имя той же Маріи приносящіе въ одинъ опредѣленный день года какіе-то хлѣбы (*коллоріда*), отъ которыхъ мы и дали названіе коллиридіанъ.

80. *Массалиане*, что значить „молящіеся“. Къ нимъ примы- 729
каютъ и изъ прежде бывшихъ эллинскихъ ересей такъ называемыя евфимиты, мартиріане и сатаніане.

Вотъ оглавленіе седьмого отдѣленія.

Главы нечестиваго ученія массалианъ, взятыя изъ изъ книги.

1. Сатана ипостасно (*ἐνυποστάτως*) сообитаеть человѣку и во всемъ господствуетъ надъ нимъ.

2. Сатана и демоны имѣютъ умъ человѣка, и природа людей имѣетъ общее съ природою духовъ злобы.

3. Сатана и Духъ Святой сообитаютъ въ человѣкѣ, и даже апостолы не были чисты, когда эта сила дѣйствовала въ нихъ.

4. Не крещеніе дѣлаетъ человѣка совершеннымъ, и не участіе въ божественныхъ таинствахъ очищаетъ душу, но одна только молитва, ревностно совершаемая ими.

5. Человѣкъ и послѣ крещенія оскверняетъ грѣхомъ.

6. Не чрезъ крещеніе получаетъ вѣрный нетлѣнное и божественное одѣяніе. но чрезъ молитву.

7. Должно хранить безстрастіе (*ἀπάθειαν*), и причастіе Святаго Духа будетъ во всякомъ чувствѣ и полнотѣ.

732

8. Должно, чтобы душа чувствовала такое общеніе съ небеснымъ женихомъ, какое испытываетъ жена при соединеніи съ мужемъ.

9. Духовные видятъ грѣхъ впутри и извѣтъ, равно и благодать дѣйствующую и производящую.

10. Откровеніе совершается въ чувствѣ и божественной ипостаси, какъ и въ ученіи.

11. Огонь—творецъ міра.

12. Душа, не имѣющая Христа въ чувствѣ и всякой дѣятельности, есть жилище змѣи и свирѣпыхъ дикихъ звѣрей, т. е. враждебной силы.

13. Зло существуетъ по природѣ.

14. Прежде преступленія Адамъ безстрастно вступалъ въ общеніе съ Евой.

15. Сѣмя и Логось упали въ Марію.

16. Говорятъ, что человѣкъ долженъ пріобрѣтать двѣ души: одну, общую со всѣми людьми, а другую небесную.

17. Говорятъ, что для человѣка возможно чувственно воспринимать ипостась Святаго Духа во всякой полнотѣ и всякой дѣятельности.

18. Молящимся можетъ явиться во свѣтѣ Спаситель. Въ одно время найденъ былъ человѣкъ, стоящій у алтаря жертвеннаго, и Ему принесли три хлѣба, замѣшанные на елѣѣ.

Кромѣ того, они и работу отвергаютъ отъ рукъ своихъ, какъ неприличную христіанамъ. Въ частности, они вводятъ и безчеловѣчіе по отношенію къ нищимъ, утверждая, что не просящими публично или оставленными вдовами и не тѣми, которыхъ постигаютъ несчастія или поврежденіе тѣлъ, или болѣзнь, или суровые заимодавцы, или нападенія разбойниковъ или варваровъ, и не тѣми, которые подпадаютъ другимъ подобнымъ несчастіямъ, прилично довольствоваться отрехшимся отъ міра или тѣмъ, которые цѣликомъ отдались благотворительности, но должно все доставлять имъ, ибо массалиане говорили, что именно они суть подлинно нищіе духомъ.

Къ этому массалиане приложили еще пренебреженіе церквами и жертвенниками. Они учили, что аскетамъ надлежитъ не оставаться въ церковныхъ собраніяхъ, но довольствоваться молитвами въ своихъ модельняхъ. Они говорили, что молитва имѣетъ такую силу, что имъ и научившимся у нихъ Духъ Святыи является чувственно. Они болтаютъ, что желающіе спасенія должны только молиться, совершенно ничего другого не дѣлая, пока не почувствуютъ, что грѣхъ какъ бы пѣкій дымъ или огонь,

733

или драконъ, или какой-либо подобный дикій звѣрь изгоняется

молитвой и выходить чрезъ молитвы. Когда же Духъ Святыи, въ свою очередь, чувственно входитъ, то они также имѣютъ ясное чувство вхожденія Св. Духа. И это есть истинное пріобщеніе христіанъ. Въ церковномъ крещеніи или при возложеніи рукъ клириковъ крещаемые совершенно не получаютъ Духа Святаго, если не будутъ участвовать въ ихъ молитвахъ, и кто-либо можетъ получить общеніе Святаго Духа и безъ крещенія, если пожелаетъ остаться у нихъ и научиться ихъ догматамъ. Когда пресвитеры говорили имъ: исповѣдуемъ, что имѣемъ Духа Св. вѣрой, а не чувственнымъ воспріятіемъ, то они отвѣтили, что чрезъ молитву съ ними и они получаютъ участіе въ чувственномъ воспріятіи Духа. Гордыня ихъ хвастовства столь велика, что тѣ изъ нихъ, которые будто бы получили участіе въ чувственномъ воспріятіи Духа, ублажаются ими, какъ совершенные и свободные отъ всякаго грѣха и самые лучшіе, и почитаются, какъ не подпавшіе еще опасностямъ грѣха.

Однако у нихъ царить распутство и свобода въ пищѣ, есть и всякіе тѣлохранители, и почетъ, роскошь, такъ что многіе изъ нихъ и послѣ такого у нихъ свидѣтельства совершенства являются для виѣшнихъ педостойными и называться христіанами, впавшими въ различныя безстыдства, кражи имущества и прелюбодѣянія.

Кромѣ сказаннаго, многое и другое лгутъ они, именно, спокойно расторгаютъ законные браки; уклонившихся отъ браковъ принимаютъ и ублажаютъ какъ аскетовъ; отцовъ и матерей убѣждаютъ не заботиться о воспитаніи дѣтей, но прельщаютъ все приносить имъ. Рабовъ, убѣгающихъ отъ господъ, охотно принимаютъ и согрѣшающихъ и къ нимъ приходящихъ безъ какого-либо плода покаянія, помимо власти священника, безъ ступеней, установленныхъ канонами церкви, тотчасъ объявляютъ чистыми отъ всякаго грѣха, если только кто-либо, выучивъ у нихъ ихъ знаменитую молитву, дѣлается близко посвященнымъ въ ихъ обманъ. Нѣкоторыхъ изъ таковыхъ грѣшниковъ они до освобожденія отъ грѣховъ приводятъ для рукоположенія въ клирики, хитро убѣждая епископовъ возложить на нихъ руки или (ѣ) прельщая ихъ свидѣтельствомъ тѣхъ, которые у нихъ считаются за аскетовъ. Объ этомъ они заботятся не потому, что считаютъ степени клириковъ почетными—они и самими епископами пренебрегаютъ, когда желаютъ—по потому, что такимъ образомъ они пріобрѣтаютъ себѣ господство и власть. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, что они не пріобщались бы тайнъ, если бы не ощущали чувственно явленія Духа, которое бываетъ въ то время. Нѣкоторые изъ нихъ позволяютъ желающимъ отсѣкать ихъ естественные члены. Легко пренебрегаютъ они и отлученіями. Безстрашно клянутся они и заклинаютъ, тайно же и свою ересь проклинаятъ.

Еще относительно названной ереси массапанъ, называющихся болѣе всего въ монастыряхъ, изъ исторіи Феодорита ¹⁾.

Во времена Валентина и Валента появились ересь массапанъ. Перелагающіе это имя на греческій языкъ называютъ ихъ евхитами. Впрочемъ, они имѣютъ и другое названіе, заимствованное отъ дѣла; ибо они называются энтузіастами, потому что получаютъ содѣйствіе какого то демона, и это содѣйствіе принимаютъ за дѣйствіе Духа Святаго. Совершенно зараженные этой болѣзью избѣгаютъ труда рукъ, какъ зла, и, предаваясь сну, грезы сновидѣній называютъ вдохновеніями. Вождями этой ереси были: Дадои, Савва, Адельфій, Ерма. Симеонъ и, кромѣ этихъ, другіе. Они не удалялись отъ церковнаго общенія, утверждая, что Божественная пища, о которой Христосъ говоритъ: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь живъи будетъ во вѣки* (Іоан. VI, 54)— не вредитъ и не приноситъ пользы. Стараясь скрывать свою болѣзнь, они и послѣ обличенія безстыдно отрицаются и отказываются отъ тѣхъ, которые думаютъ то же, что и они посятъ въ своихъ душахъ. Нѣкій Литой, управляющій церковью мелитинской, украшенный божественною ревностью, увидѣвъ, что этой болѣзью заразились многіе монастыри, верите вертепы разбойниковъ, сжегъ ихъ и изгналъ волковъ изъ стада. Также всехвальный Амфилохій, которому вѣрена была митрополія Ликаоніи и который управлялъ всѣмъ народомъ, узнавъ, что эта язва и сюда обрушилась, возсталъ противъ нея и пасомое имъ стадо освободилъ отъ этой заразы. Знаменитый же Флавіанъ, антиохійскій архіерей, узнавъ, что въ Эдессѣ они живутъ, заражая своимъ ядомъ сосѣдей, созвавъ множество монаховъ, привелъ въ Антиохію и отрицавшихся въ своей болѣзни избличилъ сѣдующимъ образомъ. Онъ сказалъ, что ихъ обвинители клеветуютъ, а свидѣтели лгутъ. Тасково позвавъ Адельфія, который былъ уже въ глубокой старости, сѣсть близко возлѣ него, Флавіанъ сказалъ: „мы, старикъ, проживъ большую жизнь, тщательно изучили и природу чловѣка и узнали ухищренія противоположныхъ демоновъ, и на самомъ опытѣ научены помощи благодатной. Эти же, молодые, не зная хорошо ничего такого, не охотно слушаютъ болѣе духовныя рѣчи. Итакъ, скажи мнѣ, въ какомъ смыслѣ вы говорите, что враждебный духъ удаляется и благодать Духа Всесвятаго поселяется? Очарованный этими словами, тотъ старикъ извергнулъ весь скрытый свой ядъ и говоритъ, что отъ крещенія не бываетъ никакой пользы сподобляющимся

¹⁾ Церковная исторія, IV. II. Русскій перев. Петерб. дух. Академіи (1852), стр. 251—254.

его, но что одна только усердная молитва изгоняетъ обитающаго въ человѣкѣ демона. Каждый изъ рождаемыхъ, говорилъ онъ, заимствовалъ отъ прародителя какъ природу, такъ и рабство демонамъ. Но когда они изгоняются усердною молитвою, то поселяется Всесвятый Духъ, ощутительнымъ и видимымъ образомъ показывая свое присутствіе, а именно: освобождая тѣло отъ волненія страстей и совершенно отвлекая душу отъ склонности ко злу; такъ что нѣтъ уже никакой нужды ни въ постѣ для обузданія тѣла, ни въ ученіи для удержанія человѣка и внушенія ему добропорядочнаго поведенія. Кто достигъ этого, тотъ не только освобождается отъ плотскихъ похотей, но и ясно провидитъ будущее, и (тѣлесными) очами созерцаетъ Божественную Троицу. Когда такимъ образомъ божественный Флавіанъ раскопалъ смрадный источникъ и открылъ потокъ нечестія, то сказалъ несчастному старику: „о ты, поспѣдѣвшая въ злѣ голова!—ты обличена теперь не мною, а собственными устами; противъ тебя свидѣтель—твое же слово“. Послѣ такого открытія ихъ они были выгнаны изъ Сиріи и, удалившись въ Памфилію, наполнили ее своею заразою.

Это—ереси до Маркіана. Отъ Маркіана же и затѣмъ не много позже, до Льва, появились эти ереси.

71. *Несторіане*: они учатъ, что обособленно и отдѣльно существуетъ Богъ Слово и отдѣльно Его человѣкъ, и болѣе низкое изъ сдѣланнаго Господомъ во время Его пребыванія среди насъ усвояютъ одному только человѣку Его, болѣе же возвышенное и богоприличное—одному только Богу Слову и не приписываютъ того и другого одному и тому же лицу (проеѡпѣ).

72. *Евтихіане*, получившіе имя этой ереси отъ Евтиха. Они не говорятъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ получилъ плоть отъ святой Присподѣвы Маріи, но утверждаютъ, что Онъ воплотился какимъ-то болѣе божественнымъ образомъ.

Они не поняли, что человѣка повиннаго грѣху праотца ихъ Адама, этого изъ Дѣвы Маріи соединилъ въ Себѣ Богъ Слово, Который, *совесть начала и власти, изведе въ позоръ дерзновствіе ихъ, изблнчнвъ ихъ въ себѣ* (Кол. II, 15),—тѣ начала и власти, которыя вошли въ міръ преступленіемъ первозданнаго.

73. *Египтяне*, они же схизматики и монофиситы. Подъ предлогомъ халкидонскаго опредѣленія они отдѣлились отъ православной церкви. Египтянами названы потому, что египтяне первые начали этотъ видъ ереси при царяхъ Маркіанѣ и Валентиніанѣ. Во всемъ остальномъ они православныя. Изъ привязан-

744 ности къ Диоскору александрійскому, который былъ осужденъ халкидонскимъ соборомъ, какъ защитникъ ученій Евтихія, они противостали собору и составили тысячи порицаній противъ него, которыя—заранѣ говоря—въ этой книгѣ мы достаточно опровергли, показавъ, что монофиситы невѣжественны и легкомысленны. Ихъ вожди: Феодосій александріецъ, отъ котораго—еодосіане, Іаковъ сиріецъ, отъ котораго—яковиты. Ихъ свидѣтели, поручители и защитники: Севиръ, губитель антиохійцевъ, и тщетно трудившійся Іоаннъ тритенсть, отвергающіе тайну общаго спасенія.

Многое изъ халкидонскаго боговдохновеннаго ученія шестисотъ тридцати отцевъ они приняли, но и сами приложили для погибающихъ къ губельной ихъ ереси много и сѣтей, какъ обыкновенно говорятъ, и препятствій на пути. Когда же они учатъ о частныхъ субстанціяхъ (*μερικὰς οὐσίας*), то этимъ совершенно уничтожаютъ тайну домостроительства. Мы полагаемъ, что должно вкратцѣ разсмотрѣть ихъ ересь, вставляя небольшія замѣчанія, для изобличенія ихъ безбожной и прескверной ереси. Поэтому я изложу ученія, скорѣе пустую болтовню ихъ защитника Іоанна, которой они болѣе всего хвастаются.

О природѣ и ипостаси, какъ думаютъ севириане и какъ они учатъ о частныхъ субстанціяхъ изъ четвертаго слова «Судіи» (Ματῦτος) Іоанна грамматика, тритеиста, называемаго филипонемимъ.

Общій и всеобщій смыслъ природы человѣка, хотя самъ по себѣ онъ одинъ, но такъ какъ существуетъ во многихъ субстрактахъ, то поэтому является многимъ, цѣликомъ, а не отчасти присутствуя въ каждомъ. Какъ и планъ судна, будучи однимъ у кораблестроителя, умножается, существуя во многихъ субстрактахъ,—такъ и наученіе учителя, будучи однимъ въ его умѣ, когда бываетъ въ тѣхъ, кого учатъ, вмѣстѣ съ ними умножается, цѣликомъ существуя въ каждомъ. Кромѣ того, и образъ пальца одинъ, но существуя во многихъ отискахъ, цѣликомъ въ каждомъ, онъ и есть и называется многимъ. Такимъ образомъ многія судна, многіе люди, многіе оттиски и понятія многихъ учениковъ въ индивидуумахъ и по числу являются многими, но они раздѣлены и несоединимы. По общему виду многіе люди одно, и многія судна одно, также и понятія, и оттиски по тождеству изображенія являются одними. Такимъ образомъ все это въ отношеніи одного является многимъ и раздѣленнымъ, въ отношеніи же другого—соединеннымъ и единымъ.

745 Хотя и въ примѣненіи къ постояннымъ величинамъ мы часто пользуемся числомъ, говоря, напримѣръ, дерево въ два

локтя, но относительно единого мы говоримъ, что оно двойное только потенціально, а не актуально, ибо въ дѣйствительности существуетъ только единое, а не два; о томъ же, что можетъ чрезъ раздѣленіе сдѣлаться двойнымъ, объ этомъ мы говоримъ, что оно состоитъ изъ двухъ.

ГЛАВА VII.

Изъ Судбы (ἐκ τῆς δικητῆτος).

Это седьмое слово, которое на основаніи того, что предлагаютъ мыслящіе противоположное, впечатлѣваетъ собственную истину. Принимающіе, что въ Христѣ двѣ природы, утверждаютъ, что въ Немъ одна только ипостась, т.-е. лицо; равнымъ образомъ они отвергаютъ тѣхъ, которые полагаютъ, что во Христѣ одна природа послѣ соединенія или что у него двѣ ипостаси. Но прежде, чѣмъ перейти къ опроверженію этого положенія, я считаю умѣстнымъ напередъ опредѣлить, что разумѣтъ ученіе Церкви подъ словомъ природа (φύσις), что—подъ словомъ лицо (πρόσωπον) и ипостась (ὑπόστασις). Полагаютъ, что природа есть общее опредѣленіе бытія вещи одной и той же сущности,—напримѣръ, опредѣленіе всякаго человѣка, какъ животнаго разумнаго, смертнаго, обнаруживающаго умъ и пониманіе, ибо ни одинъ человѣкъ въ этомъ отношеніи не отличается (отъ другого). Естество и природу считаютъ за одно и то же; ипостасью же, т.-е. лицомъ, называютъ самостоятельное существованіе каждой природы или, такъ сказать, описаніе, составленное изъ такихъ особенностей, которыми различаются между собою предметы одной и той же природы, или, кратко сказать, то, что перипатетики привыкли называть индивидуумомъ. Ими, т.-е. индивидуумами, заканчивается раздѣленіе общихъ родовъ и видовъ.

Это учителя Церкви назвали ипостасями, а также лицами. Когда животныя раздѣляются на разумное и неразумное и когда разумное, въ свою очередь,—на человѣка и ангела, и демона, то индивидуумомъ называютъ то, на что раздѣляется каждый изъ этихъ послѣднихъ видовъ: человѣкъ, напримѣръ, на Петра и Павла; ангелъ—на Газріила, напримѣръ, и Михаила, и cadaго изъ остальныхъ ангеловъ,—потому что каждому изъ этихъ существъ невозможно уже раздѣляться на другія, сохраняя и послѣ раздѣленія свою природу единой. Поэтому перипатетики обычно называютъ такія существа индивидуумами. Церковное же ученіе назвало ихъ ипостасями потому, что въ нихъ родъ и видъ получаютъ бытіе, ибо, хотя животное, напримѣръ, и чело-

вѣкъ,—изъ которыхъ первое есть родовое понятие, а второе видовое—имѣютъ собственное опредѣленіе бытія, однако они получаютъ существованіе только въ индивидуумахъ, т.-е. въ Петрѣ и Павлѣ: внѣ ихъ они не существуютъ. Итакъ, что такое ипостась и что такое природа по церковному ученію—мы сказали.

748

Итакъ, эта общая природа, напримѣръ, природа человѣка, которой ни одинъ человѣкъ не отличается отъ другого, существуя въ каждомъ изъ индивидуумовъ, является его собственной природой и не имѣетъ общаго ни съ какимъ другимъ предметомъ, какъ мы установили это въ четвертой главѣ. Ибо разумное, смертное животное во мнѣ не имѣетъ общаго ни съ какимъ другимъ животнымъ. Когда страдаетъ, напримѣръ, какой-либо человѣкъ или быкъ, или лошадь, то возможно, что однородные съ нимъ индивидуумы остаются безстрастными. И когда умиралъ Павелъ, то могло случиться, что никто изъ прочихъ людей въ то время не умеръ. И когда родился Петръ и приведенъ былъ къ бытію, то послѣдующіе люди еще не существовали. Итакъ, каждая природа не въ одинаковомъ смыслѣ опредѣляется, какъ то, что есть, но въ двоякомъ. Въ одномъ смыслѣ, когда мы говоримъ объ общемъ значеніи каждой природы, созерцаемомъ само по себѣ, напримѣръ, природа человѣка, лошади, и не существующемъ ни въ какомъ индивидуумѣ. Въ другомъ смыслѣ, когда мы видимъ эту самую общую природу, существующей въ индивидуумахъ и получающую въ каждомъ изъ нихъ болѣе частное бытіе, соответствующее не какому-либо другому, но именно этому индивидууму и только ему одному. Ибо животное разумное, смертное во мнѣ не является общимъ ни одному изъ животныхъ другихъ людей; природа животнаго въ этой лошади не можетъ существовать въ какой-нибудь другой, какъ это мы недавно доказали. Что такіа, именно, мысли о природѣ и ипостасяхъ людей содержатъ церковное ученіе, ясно изъ того, что мы исповѣдуемъ одну природу Отца и Сына, и Св. Духа, но признаемъ три ипостаси, т.-е. лица, изъ которыхъ каждое различается отъ прочихъ какою либо особенностью. Что же есть единая природа Божества, какъ не общій смыслъ природы Божества, самъ по себѣ созерцаемый и мыслью объ особенностяхъ каждой ипостаси раздѣляемый? Что мы признаемъ, въ свою очередь, и болѣе частное опредѣленіе природы, созерцая общій смыслъ природы сдѣлавшимся достояніемъ каждаго изъ индивидуумовъ или каждой изъ ипостасей, ясно изъ того, что мы признаемъ во Христѣ двѣ природы—разумную божескую и человѣческую. Мы не говоримъ, что воплотилась общая для Св. Троицы умопостигаемая природа Божества. Въ такомъ случаѣ

мы признали бы вочеловѣченіе и Св. Духа. Равнымъ образомъ мы не признаемъ, что съ Богомъ Словомъ соединилась общая природа человѣческая, ибо въ такомъ случаѣ справедливо говорилось бы, что Слово Божіе соединилось съ людьми, бывшими до пришествія Слова, и со всѣми имѣющими быть послѣ пришествия. Ясно, что природою Божества мы называемъ здѣсь природу общаго Божества въ ипостаси Слова, поэтому мы и исповѣдуемъ *единую природу Бога Слова воплощенную*. Этой прибавкой: *Бога Слова*, мы ясно различаемъ природу Слова отъ природы Отца и Святаго Духа. Такимъ образомъ, разумѣя общую природу Божества, сдѣлавшуюся собственной природою Бога Слова, мы говоримъ здѣсь, что природа Бога Слова воплотилась; и снова мы говоримъ, что природа человѣческая соединилась съ Логосомъ, т. е. то частное бытіе, которое одно только изъ всѣхъ воспринялъ Логосъ. При этомъ пониманіи слова природа, природа и ипостась обозначаютъ одно и то же, кромѣ того, что слово ипостась заключаетъ въ себѣ мыслимыя и существующія помимо общей природы особенности каждой ипостаси, по которымъ онѣ отличны другъ отъ друга. Отсюда возможно, что многіе изъ нашихъ безразлично говорятъ, что произошло единеніе природы, или ипостасей. Ипостась, какъ мы показали, обозначаетъ отдѣльное и индивидуальное бытіе; но разъ они попеременно пользовались этими словами, то ясно, что этими словами они желали обозначить намъ лишь индивидуальную природу.

749

Какъ настоящая бесѣда, такъ и словоупотребленіе тѣхъ, которые разсуждали о подобныхъ предметахъ, показываютъ, что у всѣхъ есть обычай называть человѣкомъ и общій смыслъ природы. Напр., говорятъ, что *человѣкъ* есть видъ животнаго, хотя ни одинъ изъ индивидуумовъ не есть видъ, подчиненный роду, и не называется таковымъ. Мы говоримъ также, что *человѣкъ* отличается отъ лошади,—говоримъ, разумѣя, конечно, ихъ общія природы. Но съ другой стороны, мы говоримъ, что Петръ и Павелъ, и Іоаннъ суть люди и что родился *человѣкъ* и умеръ, единственный, конечно,—говоримъ потому, что онъ заключаетъ въ себѣ общій смыслъ природы *человѣка*. И снова уместнымъ является отмѣтить, что имена: *лицо* и *ипостась*, часто имѣютъ у насъ одно и то же значеніе, какъ если бы кто-нибудь одинъ и тотъ же предметъ назвалъ и мечемъ, и кипжаломъ. Такимъ образомъ въ отношеніи Св. Троицы мы безразлично говоримъ: и три лица, и три ипостаси, чрезъ каждое изъ этихъ двухъ выраженій одинаковымъ образомъ обозначая одно и то же. Но часто *лицо* различаютъ отъ *ипостаси*, называя *лицемъ* отношеніе какихъ-либо предметовъ къ другимъ, такъ какъ обычное словоупотребленіе

752 знаетъ и это значеніе термина „лицо“. Ибо мы говоримъ, что нѣкто принялъ на себя мое лицо и что нѣкто противостоялъ ему въ лицо; равно мы говоримъ, что префектъ замѣняетъ (πρὸςωποῦ ἔχειν) царя. Поэтому и повинующіеся догматамъ Несторія воздерживаются говорить и объ одной природѣ во Христѣ, и объ одной ипостаси, такъ какъ они не признаютъ соединенія ипостасей самихъ по себѣ, но полагаютъ, что отъ Маріи родился простой человѣкъ, воспринявшій въ себя божественное озареніе и такимъ образомъ отличающійся отъ остальныхъ людей, такъ какъ въ каждомъ изъ тѣхъ божественное озареніе было значительно меньше. Тѣмъ не менѣе они съ высшей дерзостью осмѣливаются утверждать, что лицо Христа едино, называя отношеніе Бога Слова къ человѣку Маріи единымъ лицомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ совершалъ всякое божественное домоостроительство вмѣсто божества Бога Слова, и что поэтому справедливо переносить поношеніе человѣка на Бога, такъ какъ и честь, оказываемая префекту подчиненными, и поношеніе переносятся на самого царя. И наименованіе Христа, говорятъ они, служить выраженіемъ такого отношенія. Поэтому они не колеблются называть и Христа единымъ, такъ какъ отношеніе, такъ сказать едино, хотя въ немъ участвуютъ многіе. Итакъ, я полагаю, что для тѣхъ, кто благочестиво мыслить относительно воплощенія Спасителя, ясно, что, говоря, что лицо Христа едино, мы пользуемся выраженіемъ „лицо“ не такъ, какъ это казалось друзьямъ Несторія, не въ смыслѣ обозначенія простого отношенія Бога къ человѣку. Такимъ образомъ мы говоримъ, что лицо Христа едино, какъ едина ипостась человѣка, напр., Петра или Павла.

Послѣ другого должно намъ обсудить и это: человѣчество Христа не существовало внѣ единенія съ Логосомъ даже и самое незначительное время, но получило вмѣстѣ и начало вступленія въ бытіе, и единеніе съ Логосомъ; но мы не говоримъ, что эта природа не ипостасна: она имѣла самостоятельное, по сравненію съ прочими людьми, бытіе, отличающееся отъ общей природы прочихъ людей нѣкоторыми особенностями. Мы недавно показали, что слово ипостась обозначаетъ, именно, это. Итакъ, какъ въ отношеніи Божества Христа мы исповѣдуемъ и природу его, и ипостась, такъ и въ отношеніи Его человѣчества необходимо исповѣдывать какъ природу, такъ и собственную ея ипостась. Чтобы эта природа не была непостасной, какъ я сказалъ, мы принуждены говорить такъ. Ибо одно ясно, что среди индивидуумовъ, принадлежащихъ къ общей природѣ, находится и человѣчество Спасителя.

Послѣ того, какъ мы такимъ образомъ ясно и, думаю, согласно со всѣми обсудили это, пусть тѣ, которые полагають, что во Христѣ двѣ природы, но одна ипостась, скажутъ намъ слѣдующее: такъ какъ каждое изъ соединенныхъ, какъ показало наше слово, необходимо имѣло природу вмѣстѣ съ ипостасью, то признають ли они, что единеніе произошло одинаково изъ природъ и ипостасей, или же полагають, что болѣе соединились ипостаси, такъ какъ изъ двоихъ произошла одна ипостась, меньше же природы, почему онѣ остались двѣ и послѣ единенія.

Послѣ другихъ замѣчаній, въ которыхъ Іоаннъ филопонскій устанавливаетъ, что *существо* не допускаетъ выраженій: *болѣе* или *менѣе*, онъ снова говоритъ. Я полагаю, что одна природа, существующая во многихъ ипостасяхъ, видима во всѣхъ. Такимъ образомъ, исповѣдуя, что природа Божества едина, мы признаемъ, что ипостаси у ней три. И у людей одна природа, хотя по числу ипостаси этой природы простираются почти до безконечности,—и такъ и въ другихъ случаяхъ. Невозможно, чтобы двѣ природы, сохраняя въ отношеніи числа двоицу, имѣли одну ипостась. И этому должно вѣрить не только на основаніи наведенія относительно отдѣльных предметовъ (ибо какъ возможна одна ипостась, т. е. индивидуумъ, камня, дерева, или быка, или лошади), но и изъ самаго дѣйствія разума. Ибо если каждая природа получаетъ бытіе въ ипостасяхъ (т. е. въ индивидуумахъ), то необходимо, чтобы, гдѣ двѣ природы, было, по крайней мѣрѣ, и двѣ ипостаси, въ которыхъ природы получали бы свое бытіе. Ибо невозможно, чтобы существовала природа, не будучи созерцаемой въ какомъ-либо индивидуумѣ; индивидуумъ же есть то же, что и ипостась, какъ недавно мы установили. Такимъ образомъ тѣ, которые говорятъ, что не только ипостась, но и природа единая произошла чрезъ соединеніе, являются согласными и между собой, и съ истиной. Тѣ же, которые говорятъ, что ипостась одна, природъ же двѣ, являются несогласными и между собой, и съ истиной.

Но такъ какъ, говорятъ, и человѣчество Христа въ Логосѣ имѣло ипостась и не существовало прежде соединенія съ Логосомъ, поэтому мы и говоримъ, что ипостась Христа едина. Итакъ, скажемъ мы имъ: считаете ли вы, что природа и ипостась обозначаютъ одно и то же, различаясь между собою, какъ имена одного и того же предмета, на примѣръ: кинжалъ и мечъ, или природа значитъ одно, а ипостась другое? Если одно и то же, то въ виду того, что ипостась одна, необходимо, чтобы и природа была одна, какъ необходимо, чтобы, разъ кинжалъ одинъ,

то и мечь былъ одинъ. Или: если два естества, то необходимо будетъ и двѣ ипостаси. Если же имя естества обозначаетъ одно, а имя ипостаси другое, то причиной того, что во Христѣ единая ипостась, они считаютъ то, что ипостась человѣка, т. е. лицо, не существовало прежде единенія съ Логосомъ. Если во Христѣ двѣ природы, то необходимо, чтобы природа человѣка существовала ранѣе соединенія съ Логосомъ; но, если частная природа, соединенная съ Логосомъ, существовала ранѣе, то необходимо, чтобы и ипостась человѣческая существовала ранѣе, ибо невозможно, чтобы существовала одна изъ нихъ, когда другой нѣтъ, разумѣю: частную природу безъ собственной ея ипостаси (*ὄκλι-στὴν*). Ибо въ субъектѣ обѣ онѣ (природа и ипостась) составляютъ одно, почему пользующіеся этими словами часто отождествляютъ ихъ, какъ мы немного выше показали. Если какъ ипостась, такъ и природа, соединившіяся съ Логосомъ, не существовали прежде соединенія съ Нимъ, то тѣмъ самымъ они признаютъ, что ипостась Христа едина, поэтому должны признать, что и природа Его едина. Ибо, если они не различаютъ (ипостасей) послѣ соединенія, то пусть не различаютъ послѣ этого и природу.

84. *Афвартодокиты*: происходятъ отъ Юліана галикарнасскаго и Гайява александрійскаго; называются и гайянитами. Во 756 всемъ остальномъ они согласны съ севирианами; отличаются же отъ нихъ въ томъ, что севириане говорятъ, что различіе естествъ, при соединеніи ихъ во Христѣ, было призрачнымъ; юліанисты же и гайяниты не только отрицаютъ различіе двухъ естествъ во Христѣ, но и учатъ, что тѣло Христа съ самаго своего образованія было нетѣльнымъ, и исповѣдуютъ, что Господь претерпѣлъ страданія, разумѣю: голодь и жажду, и утомленіе; но не говорятъ, что Онъ претерпѣлъ ихъ такимъ же образомъ, какъ мы. Ибо мы переносимъ страданія по естественной необходимости, Христось же, говорятъ они, переносилъ ихъ добровольно и не рабствовать законамъ естества.

85. *Агноиты*, они же и ѳемистіане: безбожно утверждаютъ, что Христось не зналъ дня суда, и приписываютъ Ему страхъ. Они составляютъ секту ѳеодосіанъ. ѳемистій, который былъ ересіархомъ у нихъ, признавалъ во Христѣ единую сложную природу.

86. *Варсануфиты*, они же и семидалиты: согласны съ гайянитами и ѳеодосіанами, но имѣютъ нѣчто и большее. Они примѣшиваютъ пшеничную муку къ дарамъ, принесеннымъ будто бы Діоскоромъ, и, коснувшись верхнимъ пальцемъ, отвѣдываютъ

муки и принимаютъ это вмѣсто таинства (евхаристіи), такъ какъ евхаристіи они вообще не совершаютъ. Взявъ, какъ сказано, причащеніе Діоскора, они примѣшиваютъ къ нему пшеничную муку, чтобы оно расходовалось понемногу, и это служитъ имъ вмѣсто причащенія.

87. *Икеты*: это—монахи; православные во всемъ остальномъ, но живутъ въ монастыряхъ вмѣстѣ съ женщинами, возносятъ гимны Богу, водятъ хоры и съ пляской, какъ бы подражая 757 хору тѣхъ, который составилъ во времена Моисея, при гибели египтянъ, имѣвшей мѣсто въ Черномъ морѣ.

88. *Гносимахи*: они отвергаютъ необходимость для христіанства всякаго знанія. Они говорятъ, что напрасное дѣло дѣлаютъ тѣ, которые ищутъ какихъ-либо знаній въ божественныхъ писаніяхъ. ибо Богъ не требуетъ отъ христіанина ничего другого, кромѣ добрыхъ дѣлъ. Итакъ, хорошо, чтобы кто-либо жилъ возможно проще и не заботился ни о какомъ догматѣ, относящемся къ знанію.

89. *Иліотропиты*: они говорятъ, что такъ называемые іліотропныя растенія, поворачивающіяся къ лучамъ солнца, заключаютъ въ себѣ нѣкую божественную силу, которая совершаетъ въ нихъ такія круговращенія, поэтому они желаютъ почитать ихъ, не понимая, что подмѣненное въ нихъ движеніе естественно

90. *Онитопсигиты*: они признаютъ человѣческую душу подобной душѣ домашняго скота и утверждаютъ, что она погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

91. *Агониклиты*: во всякое время молитвы не желаютъ преклонять колѣно, но всегда стоя совершаютъ молитвы.

92. *Осокатогносты*, они же и богохульники. Они, будучи людьми дерзкими и богохульными, пытаются въ нѣкоторыхъ словахъ и дѣлахъ Господа найти осужденіе, какъ для возлежавшихъ съ Нимъ святыхъ лицъ, такъ и для божественныхъ писаній.

93. *Христомиты*: говорятъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ оставилъ на землѣ Свое одушевленное тѣло и только съ однимъ Божествомъ возшелъ на небеса.

94. *Зенофроны*: слѣдуютъ обычаямъ язычниковъ, кое-вѣчемъ являются христіанами, они вводятъ рожденіе, удачу и судьбу, принимаютъ всякую астрономію и астрологию, всякую

мантику и птицегаганіе. предаются ауспиціямъ, предсказаніямъ, знаменіямъ, заклинаніямъ и прочимъ баснямъ нечестивыхъ, равнымъ образомъ придерживаются и другихъ обычаевъ языческихъ, почитая нѣкоторые языческіе праздники, соблюдая опять же дни и мѣсяцы, времена и лѣта.

7:0 95. *Донатисты*: происходятъ отъ нѣкоего Доната въ Африкѣ. Онъ передалъ имъ нѣкую кость, которую они, взявъ въ руки, сперва цѣлуютъ и затѣмъ приступаютъ къ приношенію святыхъ тайнъ, если они должны приноситься.

96. *Пенкопроскопты*: въ нравахъ, т. е. въ практической жизни, они погрѣшаютъ и нѣкоторыя ученія, достойныя похвалы, осуждаютъ; нѣкоторымъ же, достойнымъ порицанія, слѣдуютъ, какъ полезнымъ.

97. *Парерминевты*: они истолковываютъ нѣкоторыя главы божественныхъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта и по своему усмотрѣнію ихъ понимаютъ, но, будучи враждебно настроены въ отношеніи ко многимъ изъ точныхъ и безукоризненныхъ толкованій, они, по вѣкоторой простотѣ и неразборчивости, терпятъ то, что, даже не подозрѣвая, укрѣпляютъ при этомъ нѣкоторые изъ еретическихъ догматовъ.

98. *Лампетіане*: названы такъ отъ нѣкоего Лампетія. Они разрѣшаютъ каждому желающему жить въ отдѣльности или проводить жизнь въ общежительныхъ монастыряхъ, избирать тотъ образъ жизни, какой онъ желаетъ, и одѣваться въ такую одежду, въ какую хочетъ, ибо, говорятъ они, христіанинъ ничего не дѣлаетъ по принужденію, такъ какъ написано: *волею пожру тебѣ* (Пс. LIII, 8). И снова: *волею моею исповѣмся ему* (Пс. XXVII, 7). Они позволяютъ, какъ сообщаютъ нѣкоторые, давать мѣсто и естественнымъ страстямъ и не противостоятъ имъ, такъ какъ природа этого требуетъ. Говорятъ, что они признаютъ и нѣчто другое, что близко тѣмъ, которые называются аріанами. Изъ ихъ среды вышелъ нѣкій Евстафій, отъ котораго произошли евстафіане.

Это ереси до времени Ираклія.

Отъ Ираклія же и до настоящаго времени произошли слѣдующія ереси.

99. *Моноелиты*: получили начало отъ Кира александрійскаго, благодаря же Сергію константинопольскому утвердились. Они признаютъ двѣ природы во Христѣ и одну ипостась, учатъ объ одной волѣ и одной дѣятельности, отвергая черезъ это двойство природъ и сильно приближаясь къ ученію Аполлинарія.

[100. *Автоприсконты* во всемъ православные, но дерзко отсѣкаютъ самихъ себя отъ вселенской церкви и общенія по благовидному поводу, стремясь будто бы къ (соблюденію) каноническихъ правилъ. Они не имѣютъ ни епископовъ, ни даже предстоятелей народа, но только какихъ-то простецовъ. Такимъ образомъ, они сами впадаютъ въ то, въ чемъ другихъ обвиняютъ; открыто сожительствуютъ съ женами, удерживаютъ у себя чужихъ женъ, занимаются торговлей,—надувательствомъ и другими житейскими дѣлами. Неразумно живутъ, разрушая на дѣлѣ то, что на словахъ стремятся укрѣпить, будучи преступниками, по слову Апостола. Монахи и клирики, они на словахъ чтутъ Бога, на дѣлѣ же безславятъ Его. Нѣкоторые люди слѣдуютъ за ними, какъ бы изумленные, идя по своей простотѣ. Питомцы же церкви чтутъ священные каноны и то, что связано съ ними, и, 764
повинуясь епископамъ и предстоятелямъ, на самомъ дѣлѣ очень заботятся о нихъ, оказывая имъ должное почтеніе].

101. Есть еще и донынѣ господствующій, служа предтечей антихриста, блуждающій народъ, тѣнь измаилитовъ. Онъ происходитъ отъ Измаила, рожденнаго Авраамомъ отъ Агаря, поэтому они называются агарянами и измаилитами. Саракинами же ихъ называютъ отъ словъ *Σάρρα κενή ηε ἀπέλοθεν*, потому что Агарь сказала ангелу: *Σάρρα κενή ηε ἀπέλοθεν* (Сарра отпустила меня пустой). Они идолослужили и поклонялись утренней звѣздѣ и Афротидѣ, которую на своемъ языкѣ называли *Хабаръ*, что значитъ *великая*. Итакъ, до времени Праклія саракины явно идолослужатъ; отъ его же времени и доселѣ у нихъ появился лже-пророкъ, называемый Мамедомъ (Магометомъ). Онъ случайно познакомился съ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, равнымъ образомъ побесѣдовалъ 765
будто бы съ аріанскимъ монахомъ и затѣмъ составилъ собственную ересь. Расположивъ къ себѣ народъ видомъ благочестія, онъ пустословитъ, что ему ниспослано съ неба писаніе. Написавъ въ своей книгѣ нѣкоторыя измышленія, достойныя смѣха, онъ передалъ ее имъ для почитанія.

Магометъ говоритъ, что единый Богъ есть творецъ всего, что Онъ и не рожденъ и не родилъ никого. Онъ говоритъ, что Христосъ есть Слово Божіе и Духъ Его, твореніе и рабъ, что Онъ родился безсѣменно отъ Маріи, сестры Моисея и Аарона. Ибо, говоритъ онъ, Слово Божіе и Духъ вошелъ въ Марію и родилъ Иисуса, пророка и раба Божія. Беззаконные іудеи восхотѣли распять Его и схвативъ распяли тѣнь Его. Самъ же Христосъ, говоритъ Магометъ, не былъ распятъ и не умеръ. Богъ ваялъ Его къ себѣ на небо, потому что Онъ любилъ Его. И это гово-

рить Магометъ: когда Христось восшелъ на небеса, Богъ спросилъ Его, говоря: „Иисусъ, Ты говорилъ, что „Я есмь Сынъ Божій и Богъ?“ и отвѣтилъ, сказано, Иисусъ: „Будь милостивъ ко мнѣ, Господи! Ты знаешь, что я не говорилъ, и я не стыжусь быть Твоимъ рабомъ. Но грѣшныя люди написали, что я говорилъ это слово и солгали обо мнѣ и заблудились“. И сказалъ Ему Богъ: „знаю, что Ты не говорилъ этого слова“. И многое другое пустословя въ этой книгѣ, достойной смѣха, Магометъ хвастается, что она ниспослана ему отъ Бога. Мы же говоримъ: „Но кто же свидѣтель, что Богъ далъ ему писаніе, и кто изъ пророковъ предсказалъ, что возстанеть такой пророкъ?“ И когда они затруднятся отвѣтить, мы скажемъ, что Моисей получилъ законъ, когда Богъ явился на горѣ Синай предъ лицомъ всего народа въ облакахъ и огнѣ, мракѣ и дымѣ, и что всѣ пророки, начиная отъ Моисея и далѣе предсказывали относительно явленія Христа и о томъ, что Богъ Христось и Сынъ Божій придетъ во плоти и будетъ распятъ, умретъ и воскреснетъ, и что этотъ будетъ судьей живыхъ и мертвыхъ. Мы скажемъ имъ: „Почему же вашъ пророкъ не пришелъ такъ, чтобы другіе свидѣтельствовали о немъ? И почему Богъ, Который далъ законъ Моисею на дымящейся горѣ въ виду всего народа, не въ вашемъ присутствіи далъ и ему писаніе, о которомъ вы говорите, чтобы и вы были увѣрены въ этомъ“. Они отвѣчаютъ, что Богъ дѣлаетъ то, что хочетъ. Это и мы, скажемъ, знаемъ, но мы спрашиваемъ, какимъ образомъ писаніе низошло къ вашему пророку, и они отвѣчаютъ, что писаніе низошло на него сверху въ то время, когда онъ спалъ. Мы скажемъ въ примѣненіи къ нимъ слѣдующую шутку: „такъ какъ онъ принялъ писаніе соннымъ и не почувствовалъ дѣйствія Божія, то на немъ исполнилось слово народной пословицы“ Снова мы спрашиваемъ: „почему вы, когда Магометъ въ вашемъ писаніи приказываетъ вамъ ничего не дѣлать и не принимать безъ свидѣтелей, не сказали ему: прежде всего самъ подтверди черезъ свидѣтелей, что ты пророкъ, что отъ Бога пришелъ и какія писанія свидѣтельствуютъ о тебѣ?“ Стыдися, они молчатъ. „Такъ какъ вамъ не позволено безъ свидѣтелей ни жениться, ни продавать, ни приобретать, и такъ какъ и вы сами не принимаете безъ свидѣтелей осла или скота, то вы получаете и женъ, и имущество, и ословъ, и все прочее при свидѣтеляхъ, одну же только вѣру и писаніе безъ нихъ, пбо передавшій вамъ это писаніе ничѣмъ не подтвердилъ, и не только нѣтъ никого, кто свидѣтельствовалъ бы о немъ, но и самъ онъ получилъ писаніе во снѣ. Они называютъ насъ етеріастами потому, говорятъ, что мы къ Богу присоединяемъ дру-

гого Бога, говоря, что Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ. Мы скажемъ имъ, что это передали пророки и писаніе, вы же, какъ утверждаете, принимаете пророковъ. Если мы ложно говоримъ, что Христосъ Сынъ Божій, то этому они научили и передали намъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что мы ложно приписываемъ это пророкамъ, аллегорически истолковывая ихъ. Другіе же говорятъ, что евреи изъ ненависти къ намъ ввели насъ въ заблужденіе, написавъ это какъ-бы отъ имени пророковъ, съ тою цѣлью, чтобы мы погибли.

Снова мы говоримъ съ нимъ: такъ какъ вы говорите, что Христосъ есть Слово Божіе и Духъ, то почему вы ругаете насъ этеріастами, вѣдь слово и духъ неотдѣлимы отъ того, въ комъ они существуютъ. Итакъ, если въ Богѣ существуетъ Его слово, то ясно, что и оно есть Богъ; если же оно находится внѣ Бога, то Богъ по вашему безсловесный есть и бездушный. Итакъ, избѣгая того, чтобы Богъ имѣлъ другого Бога, вы убили Его. Ибо лучше было бы вамъ сказать, что Онъ имѣетъ другого, чѣмъ убить Его или сдѣлать какъ камень, или что-либо иное изъ безчувственныхъ предметовъ. Такимъ образомъ вы ложно называете насъ этеріастами, мы же (справедливо) называемъ васъ убійцами Божиими.

Они обвиняютъ насъ, какъ идолослужителей, потому что мы поклоняемся кресту, котораго они гнушаются; а мы скажемъ имъ: почему же вы прикасаетесь къ камню, который находится въ Гаваѣ вашей, и цѣлуете его обнимая? Нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что на немъ Авраамъ совокуплялся съ Агарью; другіе же говорятъ, что здѣсь онъ привязалъ верблюда, намѣреваясь принести въ жертву Исаака. На это мы имъ отвѣтимъ: „Писаніе говоритъ, что гора была лѣсистая и (тамъ были) деревья, изъ которыхъ сдѣлавъ вязанку, Авраамъ возложилъ ее на Исаака, и что ословъ онъ оставилъ со слугами. Откуда же вы болтаете этотъ вздоръ“?

769

Вѣдь тамъ тернистые кустарники находятся, и ослы не могутъ пройти. Сарацины стыдятся, тѣмъ не менѣе они говорятъ, что это—камень Авраама. Но мы скажемъ имъ: пусть тотъ камень, о которомъ вы болтаете, будетъ камнемъ Авраама. Итакъ, обнимая его потому только, что на немъ Авраамъ совокуплялся съ женой или потому, что къ нему онъ привязалъ верблюда, вы не стыдитесь, какъ же обвиняете насъ въ томъ, что мы поклоняемся кресту Христа, которымъ сила демоновъ и блужданья дьявола были уничтожены? То же, что они называютъ камнемъ—есть глава Афродиты, которой они поклоняются, называя ее Хаветъ. На этомъ камнѣ и доселѣ виденъ для того, кто внимательно всматривается, слѣдъ высѣченной головы.

Этотъ Магометъ, составивъ много вздорныхъ басенъ, каждой изъ нихъ дать особое названіе, напримѣръ: писаніе *О женѣ*. Въ немъ Магометъ устанавливаетъ, что можно открыго взять сорокъ женъ и, если можешь, тысячи наложницъ—сколько можешь содержать, помимо сорока женъ. Но что можно, если пожелаешь, одну отпустить, а другую, если захочешь, взять, это Магометъ установилъ по слѣдующему поводу. Магометъ имѣлъ сотрудника, по имени Зидъ, у этого была красивая жена, которую любилъ Магометъ. Когда они сидѣли, Магометъ сказалъ: „Богъ приказалъ мнѣ взять твою жену“. Тотъ отвѣтилъ: „ты апостоль, дѣлай такъ, какъ сказалъ тебѣ Господь; возьми мою жену“. Вѣрнѣе,—вмѣсто того, что мы сказали выше, Магометъ говорилъ ему: „Богъ заповѣдалъ мнѣ, чтобы ты отпустилъ жену свою“. Тотъ отпустилъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Магометъ говоритъ: „но Богъ заповѣдалъ, чтобы я взялъ ее себѣ“. Затѣмъ онъ, взявъ и прелюбодѣйствовавъ съ нею, установилъ такой законъ: желающій пусть отпустить жену свою. Если же отпустивъ обратится къ ней снова, то пусть другой на ней женится, ибо невозможно взять ее обратно, если на ней не женится другой. Если даже братъ отпустить, то на ней прижеланіи можетъ жениться и братъ его. Въ томъ же сочиненіи, онъ слѣдующее предписываетъ: „воздѣлывай землю, которую Богъ далъ тебѣ, и обрабатывай ее и дѣлай то-то и такъ-то“, чтобы не говорить, какъ тотъ, всего постыднаго.

772 Снова, есть писаніе *О верблюдицѣ Божіей*, о которой говорится, что была верблюдица Божія, выпивала цѣлую рѣку и не могла пройти между двухъ горъ, потому что не было достаточно мѣста. Итакъ, говоритъ Магометъ. въ томъ мѣстѣ былъ народъ, и одинъ день воду пилъ этотъ народъ, а на слѣдующій—верблюдица. Испивъ воды, верблюдица питала ихъ, доставляя вмѣсто воды молоко. Возсталъ, говоритъ, тѣ мужи, такъ какъ они были злые, и убили верблюдицу, но у той было дитя—маленькая верблюдица, которая, сказано, когда мать убили, воззвала къ Богу, и Богъ взялъ ее къ себѣ. Имъ мы скажемъ: откуда этотъ верблюдъ? Они говорятъ, что отъ Бога. Мы спросимъ: съ ней совокуплялся другой верблюдъ? Они говорятъ: нѣтъ. Откуда же, спрашиваемъ, она родила? Ибо мы видимъ, что вашъ верблюдъ безъ отца и безъ матери, и безъ родословной. Родившая его зло пострадала, но и тотъ, кто совокупился съ ней, не является, и малая верблюдица взята на небо. Почему же вашъ пророкъ, съ которымъ, по вашимъ словамъ, говорилъ Богъ, не узналъ относительно верблюдицы, гдѣ пасется она и кто вскормилъ ее молокомъ. Или, быть можетъ, и она сама, какъ мать, была убита, или же она вошла въ рай вашимъ предте-

честі. И изъ нея будетъ для васъ молочная рѣка, о которой вы говорите. Вѣдь вы говорите, что три рѣки текутъ для васъ въ рай: изъ воды, вина и молока. Если предтеча вашъ—верблюдъ находится внѣ рая, то ясно, что онъ высохъ отъ голода и жажды или другіе воспользуются его молокомъ. Напрасно вашъ пророкъ болтаетъ, что онъ бесѣдовалъ съ Богомъ, ибо даже тайна верблюда не была открыта ему. Если же онъ находится въ рай, то снова пьетъ воду, и вы страдаете отъ недостатка воды среди наслажденій рая. Если же захотите вина изъ протекающей рѣки, то, испивъ его несмѣшаннымъ, въ виду отсутствія воды (ибо верблюдъ выпилъ все), воспаменяетесь, подвергаетесь опьяненію и спите.

Чувствуя же тяжесть послѣ сна и хмѣль отъ вина—забываете объ удовольствіяхъ рая. Какъ же пророкъ вашъ не позаботился, чтобы этого не случилось съ вами въ рай наслажденія? Почему онъ не подумалъ относительно верблюда, гдѣ онъ теперь находится? Но вы не спросили его объ этомъ, когда онъ рассказываетъ вамъ какъ бы во снѣ о трехъ рѣкахъ. Мы же возвѣщаемъ вамъ открыто, что удивительный вашъ верблюдъ раѣе васъ вошелъ въ души ословъ, гдѣ будете и вы жить, подобно скотамъ. Тамъ мракъ крайній и безконечное наказаніе, огонь шумящій, червь неусыпный и адскіе демоны.

Снова въ писаніи *О трапезѣ* Магометъ говоритъ, что Христосъ просилъ у Бога трапезы и она была дана ему. Богъ, говоритъ, сказалъ ему: Я далъ Тебѣ и тѣмъ, кто съ Тобой, безсмертную трапезу.

Кромѣ того, онъ сочиняетъ писаніе *О бычкѣ* и нѣкоторыя другія бредни, достойныя смѣха, которыя въ виду ихъ множества, я думаю, должно опустить. Онъ установилъ, чтобы саракины съ женами обрѣзывались, и приказалъ не соблюдать субботъ и не креститься, одно изъ дозволеннаго въ законѣ ѣсть, а отъ другого воздерживаться; винопитіе же совсѣмъ запретилъ. 773

102. *Христіаноклеветники* и есть и называются такъ потому, что, когда христіане служатъ единому живому и истинному Богу, въ Троицѣ воспѣваемому, они обвинили ихъ въ томъ, что они служили честнымъ иконамъ Господа Нашего Иисуса Христа, непорочной госпожи нашей и святой Богородицы, святыхъ ангеловъ и святыхъ его, какъ Богамъ, подобно эллинамъ. Иконоборцами же они называются потому, что, показывая всѣмъ нечестивый примѣръ, предали уничиженію и огню святыхъ и честныхъ иконы, равнымъ образомъ и тѣ, которыя изображены были на стѣнахъ, однѣ скоблили, другія же покрыли известью и краской.

Епимолеонтами (Ἐπιμολέοντες) же они называются потому, что, достигнувъ власти вооружили ересь гнѣвомъ (ὄργη) и ударами и мученіями безмѣрно наказывали тѣхъ, которые принимали иконы. Кромѣ того, это названіе они получили и отъ импери ересіарха [Льва Исаврянина].

- 776 Сто третья же ересь—*апохристы*, они же и доксаріи. Ища собственной славы, не подчиняются правдѣ Божіей и Его священникамъ. Сочувствуя ереси автопроскоптовъ, стремятся къ соблюденію каноническихъ установленій, но, не имѣя ни епископовъ, ни предстоятелей народа, а имѣя какихъ-то рядовыхъ мірянъ, отдѣляются отъ католической церкви. Подражая евхитамъ, или массалианамъ, они говорятъ, что аскетамъ не должно оставаться въ церковныхъ собраніяхъ, но довольствоваться своими молитвами въ келліяхъ. Но они отличаются также и другъ от друга, ибо ложь многообразна.

- 777 Удалившись отъ церковнаго общенія, они притворяются точными (въ соблюденіи дисциплины), другъ предъ другомъ стараясь показать себя лучше. Одни не принимаютъ божественнаго крещенія и не участвуютъ въ божественномъ причащеніи; другіе не почитаютъ недавно сдѣланнаго образа честнаго креста или честной иконы и такъ какъ считаютъ себя выше всѣхъ людей, то—что самое главное изъ золъ—не принимаютъ священника, но лицемѣрно, какъ это свойственно лжецамъ, имѣя свою совѣсть сожженной, состязаются въ словахъ не о чемъ-либо полезномъ, но собираютъ себѣ *дрова, сѣно, тростіе* (1 Кор. III, 12) для вѣчнаго огня. Пусть же одинаково исчезнуть и наглость иконоборцевъ и сумасшествіе апохристовъ, которыя различно (ἐκ διαμέτρου) злы, но одинаковы по нечестію.

Эти описанныя ереси описаны, [хотя и] вкратцѣ, потому, что онѣ родительницы прочихъ ересей. Всѣхъ ихъ по числу сто.

Святая и католическая церковь, избѣгающая ихъ всѣхъ, какъ волчьихъ ямъ, и умудренная Святой Троицей, научаетъ прямо и благочестиво и взываетъ:

Вѣруемъ въ Отца и Сына, и Святаго Духа, единое Божество въ трехъ ипостасяхъ, одно хотѣніе, одно дѣйствіе, но равнымъ образомъ въ трехъ лицахъ, безтѣлесную мудрость, незданную, бессмертную, непостижимую, безначальную, недвижимую, неизмѣнную, неразрушимую, неопишемую, равной славы, равнаго могущества, равнаго величія, равной силы, одной природы, пресущественную, преблагую, тресвѣтлую, тресолнечную, тресіяющую. Отецъ—свѣтъ, Сынъ—свѣтъ, Духъ Святой—свѣтъ. Отецъ—мудрость, Сынъ—мудрость, Духъ Святой—мудрость. Единъ Богъ, а не три Бога. Единъ Господь—Святая Троица, въ трехъ ипо-

стасяхъ познаваемая. Отець—Отець и не сотворенный; Сынъ— Сынъ, рожденный, но не сотворенный, ибо Онъ—изъ Отца. Духъ Святой не рожденъ, но исходитъ, ибо—изъ Отца. Ничего тварнаго, ничего перво-второго, ничего господственно-рабскаго. Но единица есть и Троица,—и была, и есть, и будетъ во вѣки; вѣроу познаваемая и покланяемая—вѣроу, а не изысканіемъ, и не изслѣдованіемъ, и не доказательствомъ. Ибо чѣмъ болѣе изслѣдуется, тѣмъ болѣе не познается и, чѣмъ болѣе вызываетъ любопытство, тѣмъ болѣе скрывается. Итакъ, вѣрные пусть поклоняются Богу простымъ разумомъ. Вѣруй, что Богъ въ трехъ ипостасяхъ. Но какъ, это выше всякаго образа, ибо Богъ не постижимъ. Не говори, какъ Троица существуетъ Троицей! Ибо Богъ не изслѣдимъ. Если же любопытствуешь относительно Бога, то прежде всего скажи мнѣ о самомъ себѣ и о томъ, что касается тебя самого. Какъ существуетъ твоя душа? Какъ движется твой умъ? Какъ рождаешь ты слово? Какъ существуешь ты смертный и въ то же время бессмертный. Если ты не знаешь того, что внутри тебя находится, то какъ не содрогаешься изслѣдовать высшее небесъ. Мысли Отца, какъ источникъ жизни; Сына, какъ рѣку рождающую; Духа Святаго, какъ море, ибо и источникъ, и рѣка, и море суть одна природа (φύσις). Мысли Отца, какъ корень, Сына, какъ вѣтвь, Духа Святаго, какъ плодъ, ибо въ трехъ Нихъ одна природа. Отець—солнце, имѣющее лучъ—Сына, тепло—Духа Святаго. Святая Троица много выше всякаго образа и очертанія. Услыжавъ о рожденіи отъ Отца, не думай о тѣлесномъ рожденіи. Услыжавъ о Словѣ, не понимай Его въ смыслѣ тѣлеснаго слова. Услыжавъ о Духѣ Божіемъ, не разумѣй вѣтра или дыханія. Творецъ познается по аналогіи съ Его твореніями. Вѣруя, что домостроительство во плоти Сына Божія изъ Дѣвы произошло безъ сѣмени и истлѣнія и что Онъ неслитно и неизмѣнно есть Богъ и человѣкъ. думай и о томъ, что все это Онъ сотворилъ ради тебя, и воздавай Ему поклоненіе и служеніе благими дѣлами. Поклоняйся и почитай преблагую Богородицу и приснодѣву Марію, какъ истинную Матерь Божію, и всѣхъ святыхъ, какъ Его слугъ. Такъ поступая, ты будешь правымъ чителемъ святой и неслиянвой Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа, единаго Божества, Которому слава и честь, и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Глава I.

О томъ, что Божество непостижимо и что не должно съ излишними любопытствомъ доискиваться того, что не предано намъ святыми пророками, апостолами и евангелистами.

БОГА никтоже видѣ николиже. Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда (Юан. I, 18). Итакъ Божество непереченно и непостижимо; ибо никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ, ни Сына, токмо Отецъ (Мате. XI, 1, 26). Также и Духъ Святой вѣдаетъ Божіе, подобно тому какъ духъ человѣческій знаетъ то, что въ человѣкѣ (I Кор. II, 11). Кромѣ же самаго перваго и блаженнаго Существа, никто никогда не позналъ Бога, развѣ только тотъ, кому Онъ самъ открылъ, — никто не только изъ людей, но даже и изъ премірныхъ Силъ, изъ самихъ, говорю, Херувимовъ и Серафимовъ.

Однако, Богъ не оставилъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи; ибо познаніе о томъ, что Богъ есть, Онъ Самъ насадилъ въ природѣ каждаго. И самое созданіе міра, его сохраненіе и управленіе возвѣщаютъ величіе Божества (Премуд. XIII, 5). Сверхъ того, Богъ, сперва чрезъ законъ и пророковъ, потомъ чрезъ Единороднаго Сына своего. Господа и Бога, и Спасителя нашего, Иисуса Христа, сообщилъ намъ познаніе о Себѣ, какое мы можемъ вмѣстить. Поэтому все, что предали намъ законъ и пророки, апостолы и евангелисты, мы принимаемъ, познаемъ и почитаемъ¹⁾; а выше того, ничего не испытумъ. Ибо если Богъ благу,

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, I. Migne, s. gr., t. III. coll. 609—613.

то Онъ и податель всякаго блага, и непричастенъ ни зависти, ни другой какой страсти ¹⁾; ибо зависть несродна естеству Божию, какъ безстрастному и единому благому. А поэтому Онъ, какъ всевъдушій и промысляющій о благѣ каждаго, то, что намъ нужно знать, открылъ намъ, а чего не можемъ понести, о томъ умолчалъ. Этимъ мы и должны быть довольны, въ этомъ пребывать и не преступать предѣловъ вѣчныхъ (Прит. XXII, 28) и преданія Божія.

Г л а в а II.

О томъ, что можно выразить словами и чего нельзя, что можно познавать и что превосходитъ познание.

Кто хочетъ говорить или слушать о Богѣ, тотъ долженъ знать, что не все касательно Божества и Его домостроительства (σκηνοποιία) невыразимо, но и не все удобовыразимо, не все непознаваемо, но и не все познаваемо; ибо иное значитъ познаваемое, а иное—выразимое словомъ, такъ какъ иное дѣло говорить, а другое—знать. Такимъ образомъ многое изъ того, что мы неясно познаемъ о Богѣ, не можетъ быть выражено во всемъ совершенствѣ; но какъ намъ свойственно, такъ мы и бываемъ принуждены говорить о томъ, что выше насъ;—такъ, говоря о Богѣ, мы [приписываемъ Ему] сонъ, гнѣвъ, беспечность, руки, ноги, и тому подобное ²⁾.

Что Богъ безначаленъ, безконеченъ, вѣченъ, присносущенъ, несозданъ, неизмѣняемъ, непреложенъ, простъ, несложенъ, безтѣлесенъ, невидимъ, неосязаемъ, неограниченъ, безпредѣленъ, невѣдомъ, непостижимъ, благъ, праведенъ, всемогущъ, вседержитель, всевидецъ, всепромыслитель, всевладыка и судія,—это мы и знаемъ и исповѣдуемъ, равно какъ и то, что Богъ есть единъ, т. е. одно существо: что Онъ познается и есть въ трехъ ипостасяхъ (лицахъ), т. е. въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ; что Отецъ и Сынъ и Духъ Святой суть едино по всему, кромѣ перожденія, рожденія и исхожденія; что Единородный Сынъ, и Слово Божіе, и Богъ, по благоутробію Своему, ради нашего спасенія, по благоволенію Отца и содѣйствіемъ Святаго Духа, безсѣменно зачавшись, нетлѣнно родился отъ Святыя Дѣвы и

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 28. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 40. Перев. моск. дух. Академіи, ч. III (1889), стр. 21.

²⁾ Діонисій Ареоц., Объ именахъ Божіихъ, 1. Григорій Богословъ, слово 31. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 156—157. Переводъ, стр. 99—100.

Богородицы Маріи чрезъ Духа Святаго, и содѣлался изъ нея 793 совершеннымъ человѣкомъ; и что Онъ вмѣстѣ есть и Богъ совершенный, и человѣкъ совершенный, изъ двухъ естествъ, Божества и человѣчества, и (познается) изъ обоихъ естествъ, одаренныхъ умомъ и волею, дѣятельныхъ и самовластныхъ, кратко сказать, совершенныхъ по опредѣленію и понятію каждаго, т. е. Божества и человѣчества, но въ одной сложной ипостаси. Что Онъ, сверхъ того, и алкалъ, и жаждалъ, и утруждался, и распялся, и дѣйствительно пріялъ смерть и погребеніе, и воскресъ тридневенъ, и восшелъ на небеса, откуда къ намъ приходилъ, и опять придетъ,—объ этомъ свидѣтельствуеть и Божественное Писаніе, и весь соборъ Святыхъ.

Что же есть существо Божіе, или какъ Онъ есть во всемъ, или какимъ образомъ Единородный Сынъ и Богъ, уничиживъ Себя, содѣлался человѣкомъ изъ дѣвственныхъ кровеі, т. е. инымъ сверхъестественнымъ закономъ, или, какъ Онъ ходилъ по водамъ немокрыми ногами; того мы не знаемъ и изречь не можемъ. Итакъ мы не можемъ ни сказать чего-либо о Богѣ, ни даже подумать, кромѣ того, что самимъ Богомъ намъ изречено, сказано или открыто въ Божественныхъ Писаніяхъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта ¹⁾).

Г л а в а III.

Доказательство, что Богъ есть.

Что Богъ есть, въ этомъ не сомнѣваются тѣ, которые принимаютъ Священное Писаніе, то-есть Вѣтхій и Новый Завѣтъ, равно какъ и многіе изъ эллиновъ; ибо, какъ мы уже сказали, знаніе, что Богъ есть, намъ отъ природы всѣяно. Но злоба лукаваго такъ возобладала естествомъ человѣческимъ, и нѣкоторыхъ повергла въ такую ужасную и худшую всѣхъ золь бездну погибели, что стали говорить, будто нѣтъ Бога. Ихъ безуміе обличая, тайнозритель Давидъ, сказалъ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). Поэтому-то ученики и апостолы Господа нашего, умудренные Всесвятымъ Духомъ и Его силою и благодатію производившіе божественныя знаменія, свѣтію чудесъ своихъ извлекли такихъ людей изъ глубины невѣдѣнія къ свѣту Богопознанія. Подобнымъ образомъ и преемники ихъ благодати и сана, пастыри и учителя, пріявъ просвѣщающую благодать 796

¹⁾ Діонисій Ареопа., Объ именахъ Божіихъ, 1—2.

Духа, и силою чудесъ, и словомъ благодати просвѣщали омраченныхъ и обращали заблуждающихъ. А мы, не получивъ ни дара чудесъ, ни дара учительства—ибо, пристрастившись къ чувственнымъ удовольствіямъ, оказались недостойными этого.—призвавъ въ помощь Отца и Сына, и Свягаго Духа, скажемъ теперь объ этомъ предметѣ нѣчто, хотя немногое изъ того, что преподавали намъ пророки благодати ¹⁾).

Всѣ существа или сотворены, или не сотворены. Если сотворены, то, безъ сомнѣнія, и измѣняемы; ибо чего бытіе началось переменною, то необходимо и будетъ подлежать переменѣ, или истлѣвая, или измѣняясь по произволу. Если же не сотворены, то по самой послѣдовательности умозаключенія, конечно, и неизмѣняемы; ибо чего бытіе противоположно, того и образъ бытія противоположенъ, то-есть его свойства. Кто же не согласится, что всѣ существа, не только подлежащія нашему чувству, по и ангелы, измѣняются, переимчиваются и многообразно преобразуются; такъ, напр. существа мысленныя, то-есть ангелы, души и духи, по волѣ своей больше или меньше преуспѣвая въ добрѣ и удаляясь отъ добра; а прочія существа, измѣняясь и по своему рожденію, и по исчезновенію, по увеличенію и умаленію, по измѣненію свойствъ и по движенію мѣстному? А что измѣняется, то, конечно, и сотворено, а что сотворено, то, безъ сомнѣнія, сотворено кѣмъ-нибудь. Творецъ же долженъ быть существо несотворенное; ибо если бы и онъ былъ сотворенъ, то, конечно, кѣмъ-нибудь, и такъ далѣе, пока не дойдемъ до чего-нибудь несотвореннаго. Поэтому Творецъ, будучи несотворенъ, безъ сомнѣнія, есть и неизмѣняемъ; а кто же это другой, какъ не Богъ?

И самый составъ, сохраненіе и управленіе тварей показываютъ намъ, что есть Богъ, Который все это сотворилъ, содержитъ, сохраняетъ и обо всемъ промышляетъ. Ибо какимъ бы образомъ могли враждебныя между собою стихіи, какъ-то: огонь, вода, воздухъ, земля, соединиться для составленія одного міра, и пребывать въ совершенной нераздѣльности, если бы нѣкая всемогущая сила не соединила ихъ и не сохраняла ихъ всегда нераздѣльными ²⁾?

Кто это расположилъ по извѣстнымъ мѣстамъ все то, что на небѣ и что на землѣ, что въ воздухѣ и что въ водѣ, и что

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 28.

²⁾ Аванасій александ., Противъ язычниковъ. Migne, s. gr., t. XXV, coll. 69—77. Переводъ моск. дух. Акад., ч. III (1902), стр. 171—177.

предшествуетъ всему этому: небо и землю, воздухъ и природу какъ огня, такъ и воды? Кто все это соединилъ и раздѣлилъ? Кто сообщилъ имъ движеніе и стремленіе непрестанное и непрепятственное? Не художникъ ли этого. положившій всѣмъ вещамъ законъ, по которому все дѣлается и все управляется? Кто же этого художникъ? Не тотъ ли, который все это сотворилъ и привелъ въ бытіе? Мы не можемъ приписать такой силы слѣпому случаю (τῷ αὐτομάτῳ), ибо пусть это произошло отъ случая; но кто привелъ все въ такой порядокъ?—уступимъ, если угодно, и это случаю: кто же соблюдаетъ и сохраняетъ по тѣмъ же законамъ, по которымъ все прежде создано?—Кто-либо другой, конечно, а не слѣпной случай. Но кто это другой, какъ не Богъ ¹⁾?

Г л а в а IV.

О томъ, что есть Богъ? О томъ, что Божество невозможно постигнуть.

Итакъ, что Богъ есть, это очевидно. Но чтò есть Онъ по сущности и естеству, — это совершенно непостижимо и невѣдомо. Что Онъ безтѣлесенъ, это ясно. Ибо какъ можетъ быть тѣломъ то, что безконечно и безпредѣльно, не имѣетъ образа, не подлежитъ осязанію, невидимо, просто и несложно? Ибо какъ можетъ быть неизмѣняемо то, что ограничено и подвержено страстямъ (παθητόν)? И какъ можетъ не подлежать страсти то, что составлено изъ стихій и на нихъ опять разрѣшается?—Ибо соединеніе есть пачало брани, брань—пачало раздѣленія, раздѣленіе—разложенія; но разложеніе—совершенно чуждо Бога ²⁾.

Какъ исполнится и то, что Богъ пропикаетъ и наполняетъ все, какъ говорится въ Писаніи: *Еда небо и землю не Азъ наполняю, рече Господь* (Іер. XXIII, 24). Ибо невозможно, чтобы тѣло проходило сквозь тѣла, не раздѣляя ихъ и само не раздѣляясь, не смѣшиваясь и не соединяясь съ ними, подобно какъ жидкости вмѣстѣ сливаются и растворяются ³⁾.

Если же допустить, какъ нѣкоторые говорятъ, тѣло нематеріальное, подобное тому, которое у греческихъ мудрецовъ называется пягымъ тѣломъ, что, впрочемъ, невозможно: то оно, конечно, будетъ движимо, какъ и небо; ибо его-то и называютъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 45—47. Перев., ч. III, стр. 25—26. Аванасій александ., О воплощеніи Слова. Migne, s. gr., t. XXV, coll. 97—100. Перев., ч. I, стр. 193.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 28. Migne, s. gr., t. XXXVI, coll. 33. Перев., ч. III, стр. 17.

³⁾ Тамъ же. Migne, 36; перев., 18.

пятымъ тѣломъ. Но кто движеть это тѣло? [Конечно, другое существо]—ибо все движимое приводится въ движеніе отъ другого. Кѣмъ же движется и это другое? И такъ въ безконечность, пока не встрѣтимъ чего-либо недвижимаго. Но перводвижающее есть недвижимое, каковъ и есть Богъ. Если бы же Онъ былъ движимъ, то какъ не былъ бы ограниченъ мѣстомъ? Поэтому одинъ только Богъ недвижимъ и своею неподвижностію движеть все. Итакъ должно необходимо признать, что Божество безтѣлесно ¹⁾.

Однако же это не опредѣляетъ еще Его сущности, равно какъ—ни нарождаемость, ни безначальность, ни неизмѣняемость, ни нетлѣнность, ни все то, что говорится о Богѣ или о Его бытіи. Ибо все это показываетъ не то, что есть Богъ, но то, что Онъ не есть. Кто же хочетъ выразить сущность какой-нибудь вещи, тотъ долженъ сказать, что она есть, а не то, что не есть. Впрочемъ, нельзя сказать о Богѣ, что Онъ есть по существу: но гораздо свойственнѣе говорить о Немъ чрезъ отрицаніе всего (ἐκ τῆς ἀπύκτων φηρέσεως). Ибо Онъ не есть что-либо изъ числа вещей существующихъ, не потому, чтобы вовсе не существовалъ, но потому, что выше всего существующаго, выше даже самаго бытія (ὅτι ἐπὶ τὸ τὸ εἶναι ὄν). Ибо если познаніе имѣеть предметомъ своимъ вещи существующія: то уже то, что выше познанія, копечно, выше и бытія, и снова: то, что превышаетъ бытіе, то выше и познанія ²⁾.

Итакъ Богъ безпредѣленъ и непостижимъ и одно въ Немъ постижимо—Его безпредѣльность и непостижимость. А то, что мы говоримъ о Богѣ утвердительно, показываетъ намъ не естество Его, но то, что относится къ естеству. Ибо назовемъ ли Бога благимъ, или праведнымъ, или премудрымъ, или чѣмъ другимъ, выразимъ не естество Его, а только то, что относится къ естеству. А иногда то, что утвердительно говорится о Богѣ, имѣеть силу преимущественнаго отрицанія; такъ, напр., говоря о Богѣ, мы употребляемъ слово: *мракъ*, разумѣя не мракъ, а то, что не есть свѣтъ, но выше всякаго свѣта: или употребляемъ слово: *сотьтъ*, разумѣя, что не есть мракъ.

Г л а в а V.

Доказательство, что единъ есть Богъ, а не многіе.

Итакъ, достаточно доказано, что Богъ есть, и что существо Его непостижимо. А что Богъ единъ есть, а не многіе, это несомнѣнно для вѣрующихъ Божественному Писанію. Ибо Господь

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 28. Migne, 36. Перев. 18.

²⁾ Григорій Богословъ, сл. 23. Migne, 36—37. Перев., 19.

въ началѣ своего законоположенія говорить: *Азъ—есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли Египетскія, да не будутъ тебѣ боги инии развѣ Мене* (Исх. XX, 2); и снова: *Слыши Израилью: Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. VI, 4); и у Исаин пророка: *Азъ Богъ первый и Азъ по сихъ, кромѣ Мене нѣтъ Богъ* (Ис. XLI, 4)—*Прежде Мене не бысть иже Богъ, и по Мнѣ не будетъ... и нѣтъ развѣ Мене* (Ис. XLIII, 10. 11). И Господь въ святыхъ Евангеліяхъ такъ говоритъ къ Отцу: *Се есть животоу вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3).

Съ тѣми же, которые не вѣрятъ Божественному Писанію, мы такъ будемъ разсуждать: Богъ есть совершенъ и не имѣеть недостатковъ и по благодсти, и по премудрости, и по силѣ,—безначаленъ, безконеченъ, присносущенъ, неограниченъ, и, словомъ сказать, совершенъ по всему. Итакъ, ежели допустимъ многихъ боговъ, то необходимо будетъ признать различіе между этими многими. Ибо если между ними нѣтъ никакого различія, то уже одинъ, а не многіе: если же между ними есть различіе, то гдѣ совершенство? Если будетъ недоставать совершенства или по благодсти, или по силѣ, или по премудрости, или по времени, или по мѣсту, то уже не будетъ и Богъ. Тожество же во всемъ указываетъ скорѣе единаго Бога, а не многихъ.

Сверхъ того, если бы много было боговъ, то какъ бы сохранилась ихъ неопикуемость? Ибо гдѣ былъ бы одинъ, тамъ не былъ бы другой.

Какимъ же образомъ многими управлялся бы міръ и не разрушился и не разстроился ли бы, когда между управляющими произошла бы война? Потому что различіе вводитъ противоборство. Если же кто скажетъ, что каждый изъ нихъ управляетъ своею частію; то что же ввело такой порядокъ, и сдѣлало между ними раздѣлъ? Этотъ-то собственно и былъ бы Богъ. Итакъ, единъ есть Богъ, совершенный, неопикуемый, Творецъ всего, Содержитель и Правитель, выше и прежде всякаго совершенства (*ὑπερταλῆς καὶ προταλειος*) ¹⁾.

Къ этому должно присоединить, что и по самой естественной необходимости единица есть начало двойцы ²⁾.

Г л а в а VI.

О Словѣ и Сынѣ Божіемъ; доказательство изъ разума (σολλογιστική).

Итакъ, этотъ единый и единственныи Богъ не безъ Слова. Если же Онъ имѣеть Слово, то должепъ имѣть Слово не безъипостасное,

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29. Migne, 76. Перев. 43.

²⁾ Діонисій Ареопа, Объ именахъ Божіихъ. Migne, 820. 841

304 начавшее быть и имѣющее престать. Ибо не было времени, когда Богъ былъ безъ Слова (ὁ Θεὸς λόγος). Напротивъ, Богъ всегда имѣеть Слово Свое, Которое рождается отъ Него и Которое не таково, какъ наше слово—неипостасное и въ воздухѣ разливающееся, но есть ипостасное, живое, совершенное, не внѣ Его (Бога), но всегда въ Немъ пребывающее. Ибо гдѣ Ему быть внѣ Бога? Но такъ какъ естество наше временно и удобообразуемо; то и слово наше неипостасно. Богъ же, какъ присносущный и совершенный, и Слово будетъ имѣть также совершенное и ипостасное, Которое всегда есть, живетъ и имѣеть все, что имѣеть Родитель (γεννήτωρ). Наше слово, происходя изъ ума, не есть ни совершенно тождественно съ умомъ, ни совершенно различно; ибо, будучи изъ ума, оно есть нѣчто иное въ отношеніи къ нему; но такъ какъ оно обнаруживаетъ умъ, то и не есть совершенно отличное отъ ума, но будучи по естеству—одно съ нимъ, различается отъ него какъ особое подлежащее: такъ и Слово Божіе, поскольку существуетъ само по себѣ (τῷ ὑφ'ἑαυτὸν καθ'ἑαυτὸν), различается отъ того, отъ кого имѣеть ипостась (τῆν ὑπόστασιν), поскольку же проявляетъ въ себѣ то же самое, что есть въ Богѣ; то по естеству есть одно съ нимъ. Ибо какъ въ Отцѣ усматривается совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, такъ видно то же и въ рожденномъ отъ Него Словѣ ¹⁾.

Глава VII.

О Духѣ Святомъ; доказательство изъ разума.

Для Слова должно быть и дыханіе; ибо и наше слово не безъ дыханія. Но наше дыханіе отлично отъ нашего существа;—
 305 оно есть вдыханіе и выдыханіе воздуха, втягиваемаго и выдыхаемаго для существованія тѣла. При произношеніи слова, оно дѣлается звукомъ, обнаруживающимъ собою силу слова. И въ Божіемъ естествѣ, простомъ и несложномъ, должно благочестно исповѣдывать бытіе Духа Божія, потому что Слово Его не есть недостаточнѣе нашего слова; но было бы нечестіемъ думать, что въ Богѣ Духъ есть нѣчто отънѣ приводящее, какъ это бываетъ въ насъ, существахъ сложныхъ. Напротивъ, какъ слыша о Словѣ Божіемъ, не признаемъ Его безъипостаснымъ или такимъ, которое приобрѣтается ученіемъ, произносится голосомъ, разливается въ воздухъ и исчезаетъ, но такимъ, которое ипостасно суще-

¹⁾ Григорій Нисскій, Большое огласительное слово, глава I. Переводъ моск. дух. Акад., ч. IV, стр. 5—9.

ствуешь (ὁμοῦς ὕφετῶτα), имѣть свободную волю,—дѣятельно и всеисильно: такъ узнавъ, что Духъ Божій сопутствуетъ Слову и проявляетъ Его дѣйствіе, мы не почитаемъ Его дыханіемъ непо-стаснымъ; ибо такимъ образомъ мы унизили бы до ничтожества величіе Божественнаго естества, если бы о Духѣ, Который въ Немъ, имѣли такое же разумѣніе, какое имѣемъ о нашемъ духѣ; но почитаемъ Его силою, дѣйствительно существующею (δύναμιν ὁμοῦς), созерцаемую въ собственномъ ея и особенномъ лич-номъ бытіи (ἰδιζούσῃ ὑποστάσει), исходящею отъ Отца, почиваю-щей въ Словѣ и Его проявляющею, которая поэтому не можетъ отдѣляться ни отъ Бога, въ Которомъ Она есть, ни отъ Слова, которому сопутствуетъ, и которая не такъ обнаруживается, чтобы исчезнуть, но, подобно Слову, существуетъ лично (καθ' ὑπόστασιν), живетъ, имѣть свободную волю, сама собою движется, дѣятельна, всегда хочетъ добра, во всякомъ изволеніи силою сопровождаетъ хотѣніе, и не имѣетъ ни начала, ни конца; ибо ни Отецъ ни-когда не былъ безъ Слова, ни Слово—безъ Духа.

Такимъ образомъ, единствомъ естества совершенно опровер-гается (ἐξαρριζεταί) многобожіе эллиновъ; а принятіемъ Слова и Духа отвергается ученіе іудеевъ; и отъ тѣхъ и другихъ остается то, что полезно (τὸ χρήσιμον); то-есть, изъ ученія іудеевъ—единство естества: а изъ эллинизма—одно различіе по ипо-стасямъ ¹⁾.

Если іудейъ станетъ противорѣчить привятію Слова и Духа, то должно обличить его и заградить ему уста Божественнымъ Писаніемъ. Ибо о Словѣ Божественный Давидъ говоритъ: *Во вѣкъ Господи Слово Твое пребываетъ на небеси* (Псал. СХVIII, 89); и въ другомъ мѣстѣ: *Посла Слово свое, и исцѣли я* (Псал. СVI, 20);—но слово, произносимое устами, не посылается и не пребываетъ во вѣкъ. И о Духѣ тотъ же Давидъ говоритъ: *Последи Духи Твоего, и созиждутся* (Псал. СIII, 30); и въ другомъ мѣстѣ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила и гъ* (Псал. XXXII, 6); также и Іовъ: *Духъ Божій сотворивый мя, ды-жаніе же Вседержителяго поучающее мя* (Іов. XXXIII, 4);—но Духъ посылаемый, созидающій, утверждающій и сохраняющій не есть дыханіе исчезающее, равно какъ и уста Божія не членъ тѣлес-ный: но то и другое должно разумѣть богопрплично ²⁾.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 31, 38. 41. Migne, v. gr., t. XXXVI, coll. 137, 320, 441 etc. Переводъ, ч. III, стр. 86, 198 и др. Григорій Нисскій, Большое огласительное слово, 2—3. Переводъ, ч. IV, стр. 9—12.

²⁾ Грэгорій Нисскій, тамъ же. Василій Великій, О Св. Духѣ къ Амфи-лохію. Переводъ моск. дух. Академіи, ч. III (1891), стр. 245.

Глава VIII.

() Святой Троицѣ.

Итакъ, вѣруемъ во единого Бога, единое начало, безначальнаго, несозданнаго, нерожденнаго, нетлѣннаго, равно и безсмертнаго, вѣчнаго, безконечнаго, неопикуемаго, безпредѣльнаго. всемогушаго, простаго, несложнаго, безтѣлеснаго, чуждаго истеченія (*ἀρρεστον*), безстрастнаго, неизмѣняемаго и непремѣняемаго, невидимаго (*ἀόρατον*)—, источника благодати и правды, свѣтъ умственный и неприступный,—въ силу никакою мѣрою неопредѣлимую и только собственною волею измѣряемую,—ибо все, что восхошетъ, можетъ, всѣхъ тварей, видимыхъ и невидимыхъ, создательницу, все объемлющую и сохраняющую, обо всемъ промысляющую, вседержительную, надъ всѣмъ начальствующую и царствующую царствіемъ нескончаемымъ и безсмертнымъ, не имѣющую никакого соперника, все наполняющую, ничѣмъ не объемлемую, но все объемлющую, содержащую и все превышающую, которая проникаетъ всѣ сущности, сама оставаясь чистою, пребываетъ внѣ предѣловъ всего и изъята изъ ряда всѣхъ существъ, какъ пресущественная и выше всего сущая; пребожественную, преблагую, преполненную, которая устлавливаетъ всѣ начальства и чины, а сама выше всякаго начальства и чина, выше сущности, жизни, слова и разумѣнія, которая есть самъ свѣтъ, сама благодать, сама жизнь (*αὐτοζωόν*), сама сущность, такъ какъ не имѣетъ отъ другого ни бытія, ни чего-либо изъ того, что есть, но сама есть источникъ бытія для всего существующаго, жизни— для всего живущаго, разума— для всего разумнаго, причина всѣхъ благъ для всѣхъ существъ,—въ силу, которая знаетъ все прежде бытія всего, единую сущность, единое божество, единую силу, единое хотѣніе, единое дѣйствіе, единое начало, единую власть, единое господство, единое царство, въ трехъ совершенныхъ ипостасяхъ познаваемую и покланяемую единымъ поклоненіемъ. вѣруемую и почитаемую отъ всякой словесной твари (въ ипостасяхъ), неслитно соединенныхъ и нераздѣльно раздѣленныхъ, что и непостижимо, — въ Отца и Сына и Духа Святаго. во имя Которыхъ мы и крестились, ибо такъ Господь заповѣдалъ крестить Апостоламъ, сказавъ: *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мат. XXVIII, 19) ¹⁾.

(Вѣруемъ) во единого Отца, начало всего и причину, не отъ кого-либо рожденнаго, Который одинъ только не имѣетъ причины и не рожденъ, Творца всего, но Отца, по естеству, одного

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 22, 42, 6, 31 и 40.

Единороднаго Сына Его, Господа же и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа; и въ изводителя (*προβλεψα*) всесвятаго Духа. И во единого Сына Божія, Единороднаго, Господа нашего, Иисуса Христа, рожтеннаго отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло. Говоря о Немъ: *прежде всѣхъ вѣковъ*, мы показываемъ, что Его рожденіе—безвре- 812
менно и безначально; ибо не изъ не сущаго (*οὐ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος*) приведенъ въ бытіе Сынъ Божій, сіяніе славы и образъ Ипостаси Отчей (Евр. 1, 3), живая премудрость и сила, Слово ипостасное (*ἑνωπόστατον*), существенный, совершенный и живой образъ невидимаго Бога; но Онъ присно былъ съ Отцемъ и въ Отцѣ, изъ Котораго родился вѣчно и безначально. Ибо Отецъ никогда не существовалъ, когда не было бы Сына, но вмѣстѣ Отецъ, вмѣстѣ и Сынъ, отъ Него рожденный. Ибо Отецъ безъ Сына не назывался бы Отцемъ: если бы существовалъ когда-либо безъ Сына, то не былъ бы Отцемъ, и если послѣ сталъ имѣть Сына, то также послѣ сдѣлался Отцемъ, не будучи прежде Отцемъ, и подвергся бы измѣненію въ томъ, что, не бывъ Отцемъ, сталъ Имъ, а такая мысль есть ужаснѣе всякаго богохульства, ибо нельзя сказать о Богѣ, чтобы Онъ не имѣлъ естественной силы рожденія, а сила рожденія состоитъ въ способности родить изъ себя, т. е. изъ собственной сущности, существо, подобное себѣ по естеству ¹⁾).

Итакъ, нечестиво было бы утверждать о рожденіи Сына, что оно произошло во времени, и что бытіе Сына началось послѣ Отца. Ибо мы исповѣдуемъ рожденіе Сына отъ Отца, то-есть изъ Его естества. И если мы не допустимъ, что Сынъ изначала существовалъ вмѣстѣ съ Отцемъ, отъ Котораго Онъ рожденъ, то введемъ измѣненіе ипостаси Отца въ томъ, что Отецъ, не будучи Отцемъ, послѣ сдѣлался Отцемъ. Правда, тварь произошла послѣ, но не изъ существа Божія; а волею и силою Божіею приведена изъ небытія въ бытіе, и поэтому не произошло никакого измѣненія въ ествѣ Божіемъ. Ибо рожденіе состоитъ въ томъ, что изъ сущности раждающаго производится раждаемое, подобное по сущности; твореніе же и созданіе состоитъ въ томъ, что творимое и созидаемое происходитъ изъ ниѣ, а не изъ сущности творящаго и созидающаго, и есть совершенно неподобно по естеству ²⁾).

Поэтому въ Богѣ, Который одинъ только безстрастенъ, не- 913
измѣняемъ, непреложенъ и всегда одинаковъ, безстрастно какъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово, 29, 30. Кириллъ александрійскій, Сокровище, 4—5.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 20.

рожденіе, такъ и твореніе. Ибо,—будучи по естеству безстрастенъ и чуждъ истеченія, потому что простъ и несложенъ, Онъ не можетъ подлежать ни страданію, ни истеченію ни въ рожденіи, ни въ твореніи и не имѣеть нужды ни въ чьемъ содѣйствіи. Но рожденіе (въ Немъ) безначально и вѣчно, такъ какъ оно есть дѣйствіе Его естества и происходитъ изъ Его существа, иначе раждающій потерпѣлъ бы измѣненіе, и былъ бы Богъ первый и Богъ послѣдующій, и произошло бы пріумноженіе. Твореніе же у Бога, какъ дѣйствіе хотѣнія, не совѣчно Богу. Ибо приводимое изъ небытія въ бытіе не можетъ быть совѣчно Безначальному и всегда Сущему. Богъ и человѣкъ творять неодинаково. Человѣкъ ничего не приводитъ изъ не сущаго въ бытіе, но, что дѣлаетъ, дѣлаетъ изъ прежде существовавшей матеріи, не только пожелавъ, но и прежде обдумавъ и представивъ въ умѣ то, что хочетъ сдѣлать, потомъ уже дѣйствуетъ руками, принимаетъ труды, утомленіе, а часто не достигаетъ цѣли, когда усердное дѣланіе не выходитъ такъ, какъ хочется; Богъ же, только восхотѣвъ, вывелъ все изъ не сущаго въ бытіе: равнымъ образомъ не одинаково и раждаютъ Богъ и человѣкъ. Богъ, будучи безлѣтнымъ и безначальнымъ, и безстрастнымъ, и свободнымъ отъ истеченія, и безтѣлеснымъ, и единымъ только, и безконечнымъ и раждаетъ безлѣтно и безначально, и безстрастно, и безъ истеченія, и внѣ сочетанія, и непостижимое Его рожденіе не имѣеть ни начала, ни конца. Безначально раждаетъ Онъ, потому что неизмѣняемъ;—безъ истеченія потому, что безстрастенъ и безтѣлесенъ;—внѣ сочетанія потому, что опять и безтѣлесенъ и есть единъ только Богъ, не имѣющій нужды въ комъ-либо другомъ;—безконечно же и непрестанно потому, что и безлѣтенъ, и безвремененъ, и безконеченъ, и всегда одинаковъ, ибо, что безначально, то безконечно, а что безконечно по благодати, то отнюдь не безначально, какъ, напр., Ангелы ¹⁾).

816 Итакъ, присносущный Богъ раждаетъ Слово Свое, совершенное, безначально и нескончаемо, чтобы не рождалъ во времени Богъ, имѣющій высшія времени и естество, и бытіе. Человѣкъ же, какъ очевидно, раждаетъ противнымъ образомъ, потому что подлежитъ и рожденію, и истлѣнію, и истеченію, и размноженію, и облеченъ тѣломъ, и въ естествѣ человѣческомъ заключается полъ мужскій и женскій, и мужъ имѣеть нужду въ пособіи жены. Но да будетъ милостивъ Тотъ, Который выше всего и Который превосходитъ всякую мысль и разумѣніе ²⁾).

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 20, 29. Кириллъ ал., Сокровище, 5, 6, 7, 16, 18.

²⁾ Григорій Богословъ, посланіе къ Евagriю.

Итакъ, святая Каѳолическая и Апостольская Церковь учить вмѣстѣ и объ Отцѣ, и о Единородномъ Его Сынѣ, изъ Него рожденномъ безлѣтно, безъ истеченія, безстрастно и непостижимо такъ, какъ вѣдаетъ это одинъ только Богъ всяческихъ. Какъ вмѣстѣ существуютъ и огонь, и свѣтъ, изъ него происходящій,—не прежде огонь, а потомъ уже свѣтъ, но вмѣстѣ—и какъ свѣтъ, всегда раждающійся изъ огня, всегда есть въ огнѣ и никогда отъ него не отдѣляется,—такъ и Сынъ раждается изъ Отца, никакъ не отдѣляясь отъ Него, но всегда пребывая въ Немъ. Но свѣтъ, неотдѣлимо раждающійся отъ огня и всегда въ немъ пребывающій, не имѣетъ собственной, по сравненію съ огнемъ, ипостаси, ибо онъ есть природное свойство огня; Сынъ же Божій Единородный, изъ Отца рожденный нераздѣльно и неразлучно и въ Немъ всегда пребывающій, имѣетъ Свою собственную ипостась, сравнительно съ ипостасью Отца ¹⁾).

Итакъ, Сынъ называется Словомъ и *сіяніемъ*, потому что рождень отъ (ѣз) Отца безъ всякаго сочетанія и безстрастно, и безлѣтно, и безъ истеченія, и неразлучно; (пазывается) же *Сыномъ* и образомъ Отчей ипостаси потому, что Онъ совершенъ, ипостасенъ и во всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденности (*ἀγεννησία*); (называется) *Единороднымъ* потому, что Онъ одинъ только отъ одного Отца рожденъ единственнымъ образомъ, ибо никакое другое рожденіе не подобно рожденію Сына Божія, и нѣтъ другого Сына Божія. Духъ Святой, хотя исходитъ отъ Отца, но не по образу рожденія, а по образу исхожденія. Здѣсь другой образъ бытія, также непостижимый и невѣдомый, какъ и рожденіе Сына (Божія). Поэтому все, что имѣетъ Отець, имѣетъ и Сынъ, кромѣ нерожденности, которая означаетъ не различіе въ сущности или въ достоинствѣ, а образъ бытія—подобно тому какъ Адамъ, который не рожденъ, ибо онъ—твореніе Божіе, и Снѣъ, который рожденъ, ибо онъ—сынъ Адамовъ, и Ева, которая вышла изъ ребра Адамова, ибо она не была рождена, различаются другъ отъ друга не по природѣ, ибо они—люди, но образомъ бытія ²⁾).

Должно знать, что слово *ἀγέννητος*, когда пишется чрезъ одно *ν* (*ἀγέννητος*), означаетъ нѣчто несотворенное, т. е. не происшедшее; когда же чрезъ два *νν* (*ἀγεννητος*), то означаетъ неро-

¹⁾ Григорій Нпскій, Противъ Евномія, кн. 1-ая. Переводъ моск. дух. Академіи, ч. V (1863), стр. 136—150. Кирилль ал., Сокровище, 5.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 25, 29, 30, 31, 39. Аванасій александр., Изложеніе вѣры. Міне, s. gr., t. XXV. coll. 200—208. Перев. моск. дух. Акад., ч. 1 (1902), стр. 264—267.

жденное (μὴ γεννηθέν). II по первому значенію слова сущность отъ сущности различается: ибо иное есть сущность несотворенная, означаемая словомъ *γενήτων* съ однимъ *ν*, и иное, — сущность произведенная (*γεννητή*), или сотворенная. По второму же значенію сущность отъ сущности не различается. Ибо первая ипостась всякаго вида животныхъ не рождена (*ἀγέννητος*), а не несотворена (*οὐκ ἀγέννητος*); ибо всѣ онѣ сотворены Создателемъ и приведены въ бытіе Словомъ; но не родились, ибо прежде не существовало другого однороднаго существа, изъ котораго онѣ могли бы родиться.

Итакъ, что касается перваго значенія, то слово *ἀγέννητος* приличествуетъ тремъ пребожественнымъ ипостасямъ Святого Божества, ибо онѣ единосущны и несозданны; второе же значеніе (*αγέννητος*)—никакъ. Ибо одинъ только Отецъ нерожденъ, потому что Онъ имѣеть бытіе не изъ другой какой-либо ипостаси; и одинъ только Сынъ рожденъ, потому что изъ сущности Отца родился безначально и безлѣтно: и одинъ только Духъ Святый исходящъ, потому что изъ сущности Отца не раждается, но исходитъ. Такъ учить Божественное Писаніе, хотя образъ рожденія и исходященія пребываетъ для насъ непостижимымъ ¹⁾.

Должно знать и то, что наименованія отечества, сыновства и исходященія не отъ насъ перенесены на блаженное Божество, но, напротивъ, намъ переданы оттуда, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *сега ради преклоняю колѣни моя ко Отцу, изъ Него же всяко отечество на небесахъ и на земли* (Еф. III. 14. 15) ²⁾.

Если же говоримъ, что Отецъ есть начало Сына и больше Его (Іоан. XIV. 28), то этимъ не показываемъ, что Онъ первенствуетъ предъ Сыномъ по времени или по естеству: ибо чрезъ Него Отецъ *всѣми сотвори* (Евр. 1, 2). Не первенствуетъ и въ какомъ-либо другомъ отношеніи, если не въ отношеніи причины (*τὸ αἴτιον*); то-есть потому, что Сынъ родился изъ Отца, а не Отецъ изъ Сына, что Отецъ есть виновникъ Сына по естеству: подобно тому, какъ не говоримъ, что огонь происходитъ изъ свѣта, но, напротивъ, свѣтъ отъ огня. Итакъ, когда услышимъ, что Отецъ есть начало и больше Сына, то должны разумѣть Отца, какъ причину. II какъ не говоримъ, что огонь — одной сущности, а свѣтъ—другой: такъ нельзя говорить, что Отецъ—одной сущности, а Сынъ—иной: но (оба)—одной и той же. II какъ го-

¹⁾ Кириллъ ал., Сокровище, 1. Григорій Богословъ, слово 29.

²⁾ Кириллъ ал., Сокровище, 32. Діонисій Ареопа., Объ именахъ Божіихъ, 1.

воримъ, что огонь сіяетъ чрезъ выходящій изъ него свѣтъ, и не полагаемъ, что свѣтъ, происходящій изъ огня, есть служебный его органъ. а, напротивъ, есть естественная его сила; такъ говоримъ и объ Отцѣ, что все, что дѣлаетъ Отецъ, дѣлаетъ чрезъ Единороднаго Сына Своего не какъ чрезъ служебное орудіе, но какъ чрезъ естественную и ипостасную Силу; и какъ говоримъ, что огонь освѣщаетъ и, опять говоримъ, что свѣтъ огня освѣщаетъ: такъ все, что *творитъ* Отецъ и Сынъ *также творитъ* (Іоан. V, 19). Но свѣтъ не имѣетъ особенной отъ огня ипостаси; Сынъ же есть совершенная ипостась, неотлучная отъ Отчей ипостаси, какъ это мы выше показали. Невозможно, чтобы среди тварей былъ найденъ образъ, во всемъ сходно показывающій въ себѣ самомъ свойства Святой Троицы. Ибо сотворенное и сложное, скоротечное и измѣнчивое, описуемое и имѣющее образъ и тлѣнно—какъ въ точности объяснить чуждую всего этого пресущественную Божественную сущность? А извѣстно, что всякая тварь подчинена большей части такихъ свойствъ и по самому естеству подлежитъ тлѣнію ¹⁾.

Подобнымъ образомъ вѣруемъ и во единаго Духа Святаго, Господа животворящаго, изъ Отца исходящаго и въ Сынѣ почи- вающаго. Отцу и Сыну *спокланяема* и *славима*, какъ и едино- сущнаго и совѣчнаго; въ Духа отъ Бога, Духа *праваго*, влады- чествующаго, источника премудрости, жизни и освященія; въ Бога, со Отцемъ и Сыномъ сущаго и называемаго, несозданнаго, Полноту, Творца, Вседержителя, всесовершающаго, всесильнаго, безконечно могущественнаго, обладающаго всякою тварію и неподчиненнаго господству, въ Духа боготворящаго, и небоготворимаго; наполняющаго, не наполняемаго; сообщающаго, но ничего не заимствующаго: освящающаго и не освящаемого, Утѣшителя (*παράκλητον*), какъ принимающаго моленія всѣхъ; во всемъ подобнаго Отцу и Сыну; отъ Отца исходящаго, чрезъ Сына подаваемаго и *воспринимаемаго* всею тварію; чрезъ Себя Самого творящаго и осуществляющаго все безъ изъятія, освящающаго и сохраняющаго; ипостаснаго, существующаго въ Своей собственной ипостаси, неотлучнаго и неотдѣлимаго отъ Отца и Сына; имѣющаго все, что имѣетъ Отецъ и Сынъ, кромѣ нерожденности и рожденности; ибо Отецъ безвиновенъ и нерожденъ. потому что не есть отъ кого-либо, но Самъ отъ Себя имѣетъ бытіе и изъ того, что имѣетъ, ничего не имѣетъ отъ другого; напротивъ, Онъ Самъ есть для всего начало и причина того образа, какъ оно существуетъ отъ природы. Сынъ же отъ Отца—по образу

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 22, 37 и 31.

824 рожденія; Духъ же Святыи, хотъ также отъ Отца, но не по образу рожденія, а по образу исхожденія. Что, конечно, различіе между роженіемъ и исхожденіемъ есть, это мы узнали; но какой образъ различія. этого никакъ не постигаемъ. [Знаемъ только что] и роженіе Сына, и исхожденіе Святаго Духа происходятъ одновременно ¹⁾).

Итакъ все, что имѣеть Сынъ, и Духъ имѣеть отъ Отца, даже самое бытіе. И если что не—Отець, то не есть ни Сынъ, ни Духъ; и если бы чего не имѣлъ Отець, того не имѣеть Сынъ и Духъ; но чрезъ Отца, то есть, потому что существуетъ Отець, существуетъ Сынъ и Духъ, и чрезъ Отца имѣеть Сынъ, также и Духъ все, что имѣеть, потому, то-есть, что Отець имѣеть все это,—кромѣ нерождаемости и рожденія, и исхожденія. Ибо одними только ипостасными (ὁποστικαῖς) свойствами и различаются между собою три святыя ипостаси. нераздѣльно (ἀδιαιρέτως, individualiter) различаемыя не по сущности, а по отличительному свойству каждой ипостаси ²⁾).

825 Говоримъ же, что каждое изъ этихъ трехъ лицъ имѣеть совершенную ипостась, для того, чтобы намъ не принять совершенной природы за одну—сложенную изъ трехъ несовершенныхъ, но за единую простую сущность въ трехъ совершенныхъ ипостасяхъ, которая выше и впереди совершенства. Ибо все, составляемое изъ несовершеннаго, необходимо есть сложно; но изъ совершенныхъ ипостасей не можетъ произойти сложение; почему мы и не говоримъ, что видъ (εἶδος) изъ ипостасей, но—въ ипостасяхъ. Изъ несовершеннаго сказали, т. е. изъ того, что не представляетъ собою цѣлаго вида той вещи, которая изъ него составляется,—такъ камень, дерево и желѣзо—сами въ себѣ совершенны по своей природѣ, но въ отношеніи къ дому, который изъ нихъ строится, каждое несовершенно, потому что каждое, отдѣльно взятое, не есть домъ ³⁾).

Итакъ, мы называемъ ипостаси (Св. Троицы) совершенными, чтобы не ввести сложности въ Божеское естество, ибо сложение—начало раздора. И опять говоримъ, что три ипостаси находятся одна въ другой взаимно (ἐν ἀλλήλαις), чтобы не ввести множества и толпы боговъ. Исповѣдуя три ипостаси, признаемъ несложность и неслитность (въ Божествѣ); а исповѣдуя, что эти ипостаси единосущны одна другой, и признавая въ нихъ тождество воли, дѣйствія, силы, власти и, если можно сказать, движенія.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 31, 20.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 25 и посланіе къ Евагрію.

³⁾ Григорій Богословъ, слово 23, 20.

мы признаемъ ихъ нераздѣльность и то, что Богъ есть единъ: ибо Богъ, Слово и Духъ Его истинно одинъ Богъ ¹⁾).

О различіи трехъ ипостасей: и о дѣлѣ, и умѣ, и мысли.
Надобно знать, что иное есть разсматривать предметъ на самомъ дѣлѣ (πράγματι), и иное—умомъ и мыслию (λόγῳ καὶ ἐπινοίᾳ). Такъ мы на самомъ дѣлѣ видимъ различіе недѣлимыхъ во всѣхъ тваряхъ (ἡ τῶν ὑποστάσεων διίρεσις): на самомъ дѣлѣ Петръ представляется отличнымъ отъ Павла. Но общность, связь и единство созерцаются умомъ и мыслию; такъ мы умомъ постигаемъ, что Петръ и Павелъ одной и той же природы, имѣютъ одно общее естество. Ибо каждый изъ нихъ—животное разумное, смертное; и каждый есть плоть, одушевленная душою, какъ разумною, такъ и одаренною разсудительностью. Итакъ. эта общая природа постигается умомъ; ибо ипостаси (ὑποστάσεις, res singulares, individua) не существуютъ одна въ другой, но каждая особо и порознь, т. е. сама по себѣ, и каждая имѣетъ много такого, чѣмъ одна отъ другой отличается. Ибо онѣ и мѣстомъ отдѣляются, и временемъ различаются, и отличаются умомъ, силою, видомъ или образомъ, правомъ, темпераментомъ, достоинствомъ, поведеніемъ и всѣми характеристическими свойствами: болѣе же всего тѣмъ, что существуютъ не одна въ другой, но отдѣльно; поэтому и говорится: два, три человекъ и многіе ²⁾).

Это же можно видѣть и во всей твари; но въ Святой и пресущественной, и высшей всего, и непостижимой Троицѣ ипостасей: ибо здѣсь общность и единство усмагиваются на самомъ дѣлѣ по причинѣ совѣчности лицъ и тождества ихъ сущности, дѣйствія и воли, по причинѣ согласія познавательной способности и тождества власти и силы, и благодати—я не сказалъ: подобія, но тождества—также единства происхожденія движенія, потому что одна сущность, одна благодать, одна сила, одно хотѣніе, одно дѣйствіе, одна власть: одно и то же, не три, подобныя одно другому, но одно и то же движеніе трехъ ипостасей; ибо каждая изъ нихъ едина съ другой, не менѣе, какъ съ самой собою; ибо Отецъ и Сынъ, и Святой Духъ во всемъ едино, кромѣ нерожденности, рожденія и исхожденія; мыслию же раздѣленное; ибо мы знаемъ единого Бога, но замѣчаемъ мыслию различіе только по свойствамъ (ἡδίοτητα), т. е. отчеству, сыновству и исхожденію, какъ различаемъ причину (τὸ αἰτίον), зависящее отъ причины (τὸ αἰτιατόν) и совершенство (τὸ τέλειον) ипостаси, или образъ бытія. Ибо въ отношеніи къ неопишуемому Божеству мы не можемъ говорить

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 20, 28, 40.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 31.

ни о мѣстномъ разстояніи, какъ въ отношеніи къ намъ, потому
829 что ипостаси находятся одна въ другой, не сливаясь, впрочемъ,
по соединяясь, по слову Господа, сказавшаго: *Азъ во Отца и
Отець во Мнѣ* (Іоан. XIV, 11),—ни о различіи хотѣнія, или мысли,
или дѣйствія, или силы, или чего другого, что производитъ въ
насъ дѣйствительное и совершенное разтѣленіе. Поэтому объ
Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ говоримъ не какъ о трехъ Богахъ,
но, вѣрнѣе, какъ объ единомъ Богѣ, Святой Троицѣ, такъ какъ
Сынъ и Духъ возводятся къ одному Винovníку, но не слагаются
и не сливаются, какъ сливалъ Савелміи; ибо Они соединяются,
какъ мы говорили, не сливаясь, но совокупно другъ съ дру-
гомъ пребывая и другъ друга проникая (*περὶ ὁμοῦ ἐγγύου*) безъ
всякаго смѣшенія и сліянія, и такъ, что не существуютъ одинъ
внѣ другого (*οὐδὲ ἐξιστάμενων*) или не раздѣляются въ сущности,
согласно Аріеву раздѣленію: ибо, чтобы сказать кратко, Божество
нераздѣльно въ раздѣленномъ, подобно тому какъ въ трехъ солн-
цахъ, тѣсно другъ къ другу примыкающихъ и никакимъ раз-
стояніемъ нераздѣляемыхъ, одно и смѣшеніе свѣта, и сліяніе ¹.

Поэтому, когда смотримъ на Божество, на первую причину, на
единодержавіе, на единство и тождество Божества и, такъ ска-
зать, на движеніе и хотѣніе, на тождество сущности, силы, дѣй-
ствія и господства,—тогда воображаемъ себѣ одно. Когда же
смотримъ на то, въ чемъ есть Божество, или, чтобы сказать
точнѣе, что есть Божество, и на то, что оттуда—изъ первой
причины существуетъ вѣчно, равнославно и нераздѣльно, то-
есть, на ипостаси Сына и Духа,—то будетъ три, Коимъ покла-
няемся. Одинъ Отець—Отець и безначальный, т. е. безвпновный:
ибо Онъ—не отъ кого либо. Одинъ Сынъ—Сынъ, но не безна-
чальный, т. е. не безвпновный: ибо Онъ—отъ Отца; если же взять
начало во времени, то и безначальный; ибо Онъ—Творецъ вре-
менъ и не подчиненъ времени. Одинъ Духъ—Святой Духъ,
происходящій изъ Отца, но не по образу сыновнему (*ὁμοῦς*), а по
образу исхожденія. Такъ ни Отець не утратилъ нерожденія чрезъ
то, что родилъ, ни Сынъ—рожденія чрезъ то, что родился изъ
нерожденнаго—ибо какъ иначе?—ни Духъ не преложился ни въ
Отца, ни въ Сына чрезъ то, что Онъ произошелъ и потому, что Онъ
Богъ. Ибо свойство (*ιδιότης*) неизмѣняемо; иначе какъ бы оно оставалось
832 свойствомъ, если бы измѣнялось и прелагалось?—Если
Отець есть Сынъ, то уже не Отець въ собственномъ смыслѣ;
ибо въ собственномъ смыслѣ только одинъ Отець; и если Сынъ

¹) Григорій Богословъ, слово 20, 31, 39 и 40. Василій Великій, письмо 43. Діонисій Ар., Объ именахъ Божіихъ. 2.

есть Отець, то Онъ не есть въ собственномъ смыслѣ Сынъ; ибо одинъ въ собственномъ смыслѣ Сынъ: одинъ и Духъ Святой ¹⁾).

Должно же знать, что мы не говоримъ, что Отець происходитъ отъ кого-либо, но Самого называемъ Отцемъ Сына. Не говоримъ, что Сынъ—причина, не говоримъ и того, что Онъ Отець, но говоримъ, что Онъ и отъ Отца и Сынъ Отца. И о Святомъ Духѣ говоримъ, что Онъ отъ Отца и называемъ Его Духомъ Отца, но не говоримъ, что Духъ и отъ Сына, а называемъ Его Духомъ Сына, какъ говорить божественный Апостолъ: *аще кто Духа Христова не имать, сѣи нѣсть Еговъ* (Рим. VIII, 9), и исповѣдуемъ, что Онъ и открылся намъ, и преподается намъ чрезъ Сына; ибо сказано: *чину и глагола имѣ* (ученикамъ Своимъ): *примите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22); подобно тому, какъ лучъ и сіяніе (происходятъ) отъ солнца, ибо оно есть источникъ и луча и сіянія; во сіяніе чрезъ лучъ намъ сообщается, и оно освѣщаетъ насъ и пріемлется нами. О Сынѣ же не говоримъ ни того, что Онъ—Сынъ Духа, ни того, что Онъ—отъ Духа ²⁾).

833

Г л а в а IX.

О томъ, что приписывается Богу.

Божество просто и несложно. Но то, что слагается изъ многого и различнаго, то сложно. Итакъ, если и несозданность, и безначальность, и безсмертность, и вѣчность, и благодѣтельность, и творческую силу, и подобное мы назовемъ существенными свойствами Божиими; то существо, сложенное изъ такихъ свойствъ, не будетъ просто, но—сложно, что (говорить о Божествѣ) крайняя нелѣпость. Итакъ, о всякомъ свойствѣ, приписываемомъ Богу, должно такъ думать, что оно не означаетъ чего-либо существеннаго, но показываетъ или то, что Онъ не есть, или какое-либо отношеніе Его къ тому, что отъ Него отлично, или что-либо сопровождающее Его природу (τὸ τῶν παρεπόμενων τῇ φύσει), или — Его дѣйствіе.

836

Изъ всѣхъ именъ, усвояемыхъ Богу, кажется, самое высшее есть: *Сый* (ὁ ὢν), какъ и Самъ Онъ, отвѣчая Моисею на горѣ, говорить: *рцы сыномъ Израилевымъ, Сый посла мя* (Исх. III, 14). Ибо Онъ въ самомъ Себѣ заключаетъ все бытіе, какъ бы нѣкое море сущности (οὐσία)—неограниченное и безпредѣльное. [Святѣй же Діонисій говорить, что [первоначальное имя Бога есть] ὁ ἀρχαῖος—

¹⁾ Григорій Богословъ, слово, 20, 31. 39.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 31.

благій, потому что о Богѣ нельзя сказать, что въ Немъ прежде бытіе, а потомъ благодать.

Второе же имя есть Θεός (Богъ). Оно происходитъ или отъ *θεῖον* *блжтвть*, потому что Богъ все обтекаеть, или отъ *θεῖον* *жечь*, потому что Богъ есть огонь, поядающій всякое зло, или отъ *θεῖον* *видѣть*, потому что отъ Бога ничто не скрыто, и Онъ все видитъ. Пбо Онъ созерцалъ вѣ вещи *прежде бытія ихъ*, отъ вѣчности представляя въ умѣ Своемъ; и каждая вещь получаетъ бытіе свое въ предопредѣленное время, согласно съ Его вѣчной соединенной съ хотѣніемъ мыслию, которая есть предопредѣленіе. и образъ, и планъ ¹⁾.

Итакъ, первое изъ этихъ именъ показываетъ, что Богъ *естъ* (*τὸ εἶναι*), а не то, что Онъ *естъ* (*τὸ εἶναι*); второе же указываетъ на Его дѣйствіе (*ἐνεργεῖν*): а имена: безначальный, нетлѣнный, нерожденный, несотворенный, безтѣлесный, невидимый, и подобныя, показываютъ, что Онъ не *естъ* (*τὸ εἶναι*). то—*естъ*, что Онъ не имѣетъ начала бытію своему. не подлежитъ тлѣннѣ, не сотворенъ, не *естъ* тѣло, невидимъ. Благодать, праведность, святость и подобныя сопутствуютъ природѣ, а не выражаютъ самаго существа Его. Имена: Господь, Царь и подобныя, означаютъ отношеніе къ тому, что отлично отъ Бога; Господомъ называется Онъ того, надъ чѣмъ господствуетъ, Царемъ—надъ чѣмъ царствуетъ, Создателемъ—что Онъ создалъ, и Пастыремъ—что Онъ пасетъ ²⁾.

Г л а в а X.

О Божественномъ соединеніи и раздѣленіи.

Итакъ, все это должно быть принимаемо въ отношеніи ко всему Божеству и одинаковымъ образомъ, и просто, и нераздѣльно, и совокупно; имена же: Отецъ и Сынъ и Духъ, безвиновный и имѣющій причину, не рожденный, рожденный и исходящій, должно употреблять раздѣльно (*διακριτικῶς*, *discrete*): такая имена выражаютъ не существо, но взаимное отношеніе и образъ бытія Ипостасей Святыя Троицы.

Итакъ, зная это и какъ бы рукою восходя ведомые къ Божескому существу, мы постигаемъ не самое существо, но познаемъ только то, что относится къ существу (*τὰ περὶ τῆς οὐσίας*), равно какъ зная, что душа безтѣлесна и не имѣетъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 30. Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 2. 4.

²⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 5.

ни количества, ни образа, мы однако же не постигаемъ еще ея существа; или зная, что тѣло бѣло или черно, мы еще не знаемъ его существа, но познаемъ только то, что относится къ его сущности. Истинное же слово учить, что Божество просто и имѣеть одно простое, благое дѣйствіе, дѣйствуя все во всемъ, подобно лучу, который все согрѣваетъ и на каждую вещь дѣйствуетъ сообразно естественной ея способности и восприимчивости (*θεατικῆ δύναμις*), самъ, получивши таковую силу отъ Создателя своего, Бога.

Но отдѣльно есть то, что относится къ божественному и чело- 841
вѣколюбивому воплощенію божественнаго Слова. Ибо въ этомъ дѣлѣ ни Отець, ни Духъ не имѣли никакого участія, кромѣ благоволенія и кромѣ того неизреченнаго чудотворенія, которое производилъ Богъ Слово, сдѣлавшись подобнымъ намъ чело-
вѣкомъ, какъ неизмѣнный Богъ и Сынъ Божій ¹⁾.

Г л а в а X I.

О томъ, что говорится о Богѣ тѣлеснымъ образомъ.

Такъ какъ мы находимъ, что въ божественномъ Писаніи весьма многое символически сказано о Богѣ тѣлеснымъ образомъ,— то должно знать, что намъ, людямъ и облеченнымъ грубою плотію, невозможно иначе разумѣть или говорить о божественныхъ, высокихъ и невещественныхъ дѣйствіяхъ Божества, какъ только посредствомъ образовъ, типовъ и символовъ, намъ сообразныхъ. Поэтому то, что сказано о Богѣ очень тѣлеснымъ образомъ, сказано символически и содержитъ очень высокій смыслъ; такъ какъ Божество просто и не имѣеть формы ²⁾.

Итакъ, подь очами Божіими, *вѣждами* и *зрѣніемъ* должно разумѣть Его всеозерцающую силу и неизбѣжное (ни для какой твари) Его вѣдѣніе, такъ какъ и мы чрезъ это чувство пріобрѣтаемъ себѣ совершеннѣйшее познаніе и убѣжденіе. Подь *ушами* и *слухомъ*—Его благоволеніе и принятіе нашего моленія; такъ какъ и мы, когда насъ просятъ, милостивѣе склоняя ухо къ просящимъ, чрезъ это чувство проявляемъ къ нимъ нашу благосклонность. Подь *устами* и *рѣчью*—выраженіе Его воли, такъ какъ и мы устами и рѣчью обнаруживаемъ сердечные помыслы. Подь *пищею* и *питіемъ*—наше стремленіе къ Его волѣ, такъ какъ и мы чрезъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 34, 31 и посланіе къ Евагрію. Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 2.

²⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 1; О небесной іерархіи, 15. Григорій Богословъ, слово 31.

чувство вкуса удовлетворяемъ необходимой потребности нашей природы. Подъ *обоняніемъ*—то, что показываетъ направленную къ Нему нашу мысль, такъ какъ и мы посредствомъ обонянiя ощущаемъ благовоніе. Подъ *лицемъ* (*πρόσωπον*)—Его откровеніе и обнаруженіе Себя посредствомъ дѣйствiй, такъ какъ и наше лице служить 844 нашимъ выраженіемъ. Подъ *руками*—дѣятельную Его силу, такъ какъ и мы посредствомъ рукъ совершаемъ полезныя, особенно же благороднѣйшія наши дѣйствiя. Подъ *десницею*—Его помощь въ справедливыхъ случаяхъ, такъ какъ и мы, при совершенiи дѣлъ болѣе важныхъ, благородныхъ и большей силы требующихъ, дѣйствуемъ правою рукою. Подъ *осязаніемъ*—Его точнѣйшее познаніе и разумѣніе вещей малѣйшихъ и сокровенныхъ, такъ какъ и для насъ осязаемыя нами вещи не могутъ имѣть ничего въ себѣ сокровеннаго. Подъ *ногами* и *хожденіемъ*—Его пришествіе и присутствіе или для вспомошествованiя нуждающимся, или для отмщенiя врагамъ, или для другого какого-либо дѣйствiя, такъ какъ и мы посредствомъ ногъ приходимъ куда-либо. Подъ *клятвою*—непреложность Его рѣшенiя (*βουλή*), такъ какъ и мы взаимные договоры свои утверждаемъ клятвою. Подъ *гнѣвомъ* и *яростію*—Его ненависть и отвращеніе къ злу, такъ какъ и мы то, что не согласно съ нашею мыслию, ненавидимъ и на то гнѣваемся. Подъ *завненіемъ*, *сномъ* и *дреманіемъ*—отложеніе отмщенiя врагамъ и замедленіе обыкновенной помощи Своимъ друзьямъ. Кратко сказать, все, что говорится о Богѣ тѣлеснымъ образомъ, содержитъ въ себѣ нѣкій сокровенный смыслъ, научающій насъ чрезъ то, что для насъ обыкновенно, тому, что выше насъ; исключая только то, что говорится о тѣлесномъ пришествiи Бога Слова; ибо Онъ ради нашего спасенiя воспринялъ всего человѣка, т. е. душу разумную и тѣло, свойства (*ἰδιότητες*) человеческой природы и естественныя, непорочныя страсти (*πάθη*) ¹⁾.

Г л а в а XII.

О томъ же.

Итакъ, этому научаютъ насъ священныя изреченiя, какъ говорилъ божественный Діонисій Ареопагитъ: что Богъ—причина и начало всяческихъ; сущность (*οὐσία*) всего существующаго, жизнь—живущаго, разумъ—разумнаго, умъ—умнаго, возвращеніе и восстановление отпаднаго отъ Него, обновленіе и преображеніе растлѣннаго по существу, священная твердыня для колеблемыхъ какимъ-либо нечестивымъ сомнѣніемъ, безопасность

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 31.

для стоящихъ, путь и надежное руководство для идущихъ къ Нему. Прибавлю: Онъ есть Отецъ всего Имъ сотвореннаго; ибо Богъ, приведшій насъ изъ небытія въ бытіе, есть Отецъ нашъ преимущественнѣе нашихъ родителей, которые сами получили отъ Него и бытіе, и способность раждать. Онъ есть Пастырь для тѣхъ, которые Ему послѣдуютъ и Имъ пасутся: осіяніе для тѣхъ, которые посвящаются въ таинства; богочначаліе для тѣхъ, которые обожаются; миръ для имѣющихъ вражду; простота для любящихъ простоту; единство для стремящихся къ единству; пресущественное и преначальное Начало для всякаго начала; и благое сообщеніе сокровеннаго, т. е. познанія о Себѣ, всякому по достоинству и воспріемлемости каждаго ¹⁾).

845

Еще о божественныхъ именахъ подробнѣе.

Божество, будучи непостижимымъ, конечно, будетъ и безымянно. Не зная существа Его, не будемъ искать и имени Его существа. Ибо имена должны выражать свой предметъ. Богъ же, хотя благъ и для того, чтобы мы были участниками Его благодати, призвалъ насъ изъ небытія въ бытіе и сотворилъ насъ способными къ познанію (γνωστικός), тѣмъ не менѣе не сообщилъ намъ ни Своего существа (οὐσίας), ни познанія Его существа. Ибо невозможно, чтобы (низшая) природа совершенно познала лежащую выше ея природу. Притомъ, если знанія относятся къ тому, что существуетъ, то какъ можетъ быть познано пресущественное (ὑπερῶσιον)? Поэтому Богъ, по неизреченной благодати Своей, благоволитъ называться сообразно съ тѣмъ, что свойственно намъ, для того, чтобы намъ не остаться вовсе безъ познанія о Немъ, но имѣть о Немъ хотя бы темное представленіе. Итакъ, поколику Богъ—непостижимъ, Онъ и безымяненъ; какъ Виновникъ же всего и въ Самомъ Себѣ содержащій условія причины всего, что существуетъ, Онъ и называется сообразно всему, что существуетъ, даже противоположному одно другому, какъ, напримѣръ, свѣту и тьмѣ, огню и водѣ, для того, чтобы мы знали, что по существу Онъ не таковъ, но пресущественъ и безымянный, и что какъ Виновникъ всего, что существуетъ, Онъ принимаетъ (себѣ имена отъ всего Имъ произведеннаго (αἰτιατῶν).

Поэтому одни изъ божественныхъ именъ—*отрицательныя*, показывающія божественную пресущественность: таковы: *безсущественный*, *безлѣтний*, *безначальный*, *невидимый*,—не потому,

¹⁾ Аѳанасій александр., слово 2-ое Противъ арианъ.

что Богъ меньше чего-либо, или что Онъ лишенъ чего-либо, ибо все—Его, и отъ Него и чрезъ Него все произошло и въ Немъ состоится,—но потому, что все существующее Онъ превосходить преимущественнымъ образомъ; ибо Онъ не есть что-либо изъ того, что существуетъ (τῶν ὄντων), но—выше всего. Другія имена—*утвердительныя*, говорящія о Немъ, какъ о Виновникѣ всего. Какъ Виновникъ всего существующаго и всякаго существа, Онъ называется и сущимъ, и сущностью (ὄν καὶ οὐσία); какъ Виновникъ всякаго разума и мудрости, разумнаго и мудраго, и самъ называется Разумомъ и разумнымъ, Мудростью и мудрымъ; равно какъ—Умомъ и умнымъ, Жизнью и живущимъ, Силою и сильнымъ; подобнымъ образомъ Онъ называется и сообразно со всѣмъ остальнымъ. Наболѣе же свойственно Ему принимать названія отъ вещей благороднѣйшихъ (τιμιωτέρων) и болѣе къ Нему близкихъ. Такъ благороднѣе и ближе къ Нему невещественное, чѣмъ вещественное, чистое, чѣмъ нечистое, святое, чѣмъ скверное, такъ какъ и болѣе Ему свойственно (μετέλλουσι). Поэтому гораздо болѣе свойственно Ему называться солнцемъ и свѣтомъ, нежели тьмою, и днемъ, нежели ночью, и жизнью, нежели смертию, и огнемъ, и воздухомъ (πνεῦμα) и водою, какъ жизненными началами, нежели землею; преимущественно же и болѣе всего—благомъ, нежели зломъ, или, что—то же, сущимъ, нежели не сущимъ; ибо благо—бытiе и причина бытiя; зло же—лишенiе блага или бытiя. И это—отрицанiя и утвержденiя. Изъ тѣхъ и другихъ происходитъ прiятнѣйшее сочетанiе, какъ-то: пресущественное существо (οὐσία), пребожественное Божество, преначальное начало, и тому подобное. Есть и такiя имена, которыя, хотя приписываются Богу утвердительно, но имѣютъ силу превосходнаго отрицанiя, таково: *тьма*, не потому, что Богъ—тьма, но потому, что Онъ не есть свѣтъ, а—выше свѣта ¹⁾).

Итакъ, Богъ называется Умомъ, и Разумомъ, и Духомъ, и Мудростью, и Силою, какъ Виновникъ этого, какъ невещественный, вседѣтельный и всемогущий. И это, говоримое утвердительно и отрицательно, говорится вообще о всемъ Божествѣ, какъ и о каждой Ипостаси Святыя Троицы, одинаковымъ и такимъ же образомъ, и безъ всякаго уменьшенiя. Ибо всякiй разъ, какъ я думаю объ одной изъ Ипостасей, я понимаю ее совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ существомъ (οὐσίαν). А соединяя и исчисляя вмѣстѣ три Ипостаси, разумю единаго совершеннаго

¹⁾ Григорiй Богословъ, слово 30. Дiонисiй Ареопагитъ, Объ именахъ Божiихъ, 1.

Бога; ибо Божество не сложно, но въ трехъ совершенныхъ лицахъ единое, совершенное, нераздѣльное и несложное. Когда же думаю о взаимномъ отношеніи Ипостасей, разумѣю, что Отецъ есть пресущественное Солнце, Источникъ благодати, Бездна существа, разума (λόγου), мудрости, силы, свѣта, Божества; Источникъ рождающій и производящій сокровенное въ Немъ благо. Итакъ Онъ—Умъ, Бездна разума (λόγου), Родитель Слова (λόγου) и чрезъ Слово Изводитель Духа, Который Его открываетъ (ἐκφαντορικῶς); и, чтобы не говорить много, въ Отцѣ нѣтъ (другого) слова, премудрости, силы и желанія, кромѣ Сына, Который есть единственная сила Отца, предназначительная (προκαταρκτικῆ, primordialis), которой все сотворено, какъ совершенная Ипостась изъ совершенной Ипостаси рожденная такъ, какъ то вѣдаетъ Самъ Тотъ, Кто есть и называется Сыномъ. Духъ же Святыи есть сила Отца, проявляющая сокровенное Божество, изъ Отца чрезъ Сына исходящая, какъ знаетъ Самъ Онъ, но не чрезъ рожденіе (οὐ γεννητός); а потому и Духъ Святыи есть Совершитель (τελειουργόν) творенія всяческихъ. Итакъ, что прилично Вишовнику—Отцу, Источнику, Родителю, должно приличествовать одному Отцу. А что—произведенному (ἁπιατῶ), рожденному Сыну, Слово, Силѣ предназначающей, желанію, мудрости; то должно относить къ Сыну. Что же прилично произведенному (ἁπιατῶ), исходящему и открывающему, совершительной Силѣ, то должно относить къ Святому Духу. Отецъ есть Источникъ и Причина Сына и Святаго Духа; но Онъ—Отецъ одного только Сына и Изводитель (προβολεύς) Святаго Духа. Сынъ есть Сынъ, Слово, Премудрость, Сила, Образъ, Сіянiе, изображеніе Отца и отъ Отца. Но Духъ Святыи не Сынъ Отца, но Духъ Отца, отъ Отца исходящій. Ибо никакого возбужденія не бываетъ безъ Духа. Но Онъ—также и Духъ Сына, но не потому, что изъ Него, но потому, что чрезъ Него изъ Отца исходитъ. Ибо одинъ только Вишовникъ—Отецъ ¹⁾).

Г л а в а XIII.

О мѣстѣ Божіемъ, и о томъ, что одно только Божество неописуемо

Тѣлесное мѣсто есть предѣлъ содержащаго, въ которомъ содержится содержимое; напр. воздухъ содержитъ, а тѣло содержится. Но не весь содержащій воздухъ есть мѣсто тѣла содержащаго, а только предѣлъ содержащаго воздуха, объемлющій

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 5.

содержимое тѣло. Вообще же (должно знать), что содержащее не заключается въ содержимомъ.

Но есть и духовное (*νοητός*, мысленное) мѣсто, гдѣ представляется и находится духовная и безтѣлесная природа, гдѣ именно она присутствует и дѣйствуетъ; но содержится не тѣлесно, а духовно; ибо она не имѣетъ опредѣленнаго вида (*σχήμα*), чтобы могла содержаться тѣлесно.

Итакъ, Богъ, будучи невестественнымъ и неопикуемымъ, не находится въ мѣстѣ: Онъ мѣсто Самъ для себя, какъ все наполняющій, выше всего сущій и Самъ все содержащій. Однако говорится, что и Онъ находится въ мѣстѣ, и гдѣ Его дѣйствіе бываетъ явно, то и называется мѣстомъ—Божіимъ. Ибо Онъ Самъ, не смѣшиваясь ни съ чѣмъ, проникаетъ все и всему даетъ участвовать въ своемъ дѣйствіи, по достоинству и воспріемлемости каждаго: говорю же я о чистотѣ физической и нравственной. Ибо невестественное чище вещественнаго, и добродѣтельное—порочнаго. Итакъ, мѣстомъ Божіимъ называется то, что наиболѣе участвуетъ въ Его дѣйствіи и благодати. Поэтому небо Его престоль; ибо на небѣ Ангелы творятъ волю Его и всегда славятъ Его,—что и составляетъ Его покой; а земля *подножіе ногъ* Его, потому что на ней Онъ во плоти *съ челоуѣки поживе*. Ногою же Божіею названа святая Его плоть. Называется же мѣстомъ Божіимъ и церковь, потому что мы отдѣляемъ ее, какъ нѣкое священное мѣсто, на славословіе Богу; здѣсь же воасылаемъ къ Нему и наши молитвы. Равнымъ образомъ и другія мѣста, гдѣ только очевидно намъ дѣйствіе Его или во плоти, или безъ тѣла, называются мѣстами Божіими ¹⁾.

Должно же знать, что Божество недѣлимо, такъ что Оно все и вездѣ есть, и не часть въ части, раздѣляемая тѣлеснымъ образомъ, но все во всемъ и все выше всего.

О мѣстѣ ангела и души и о неопикуемомъ.

Что касается Ангела, то онъ, хотя тѣлеснымъ образомъ и не содержится въ мѣстѣ такъ, чтобы получалъ образъ и опредѣленный видъ; однако, о немъ говорится, что онъ находится въ мѣстѣ духовнымъ присутствіемъ и дѣйствіемъ, какъ это свойственно его природѣ, и не вездѣ присутствуетъ, но, гдѣ дѣйствуетъ, тамъ духовнымъ образомъ и ограничивается, потому что не можетъ дѣйствовать въ одно и то же время въ различ-

¹⁾ Григорій Богословъ. слово 28. Григорій нисскій, О душѣ и воскресеніи.

ныхъ мѣстахъ. Одному Богу свойственно дѣйствовать повсюду въ одно и то же время. Ибо Ангелъ дѣйствуетъ въ различныхъ мѣстахъ, по быстротѣ своей природы и по способности легко, т. е. скоро переходить: а Божество, будучи вездѣ и выше всего, дѣйствуетъ однимъ и простымъ дѣйствіемъ въ разныхъ мѣстахъ въ одно и тоже время.

Душа же соединяется—съ тѣломъ вся со всѣмъ, а не часть съ частью; и не содержится имъ, а его содержитъ, какъ огонь желѣзо, и, пребывая въ немъ, производитъ свойственныя ей дѣйствія.

Описуемо есть то, что объемлется или мѣстомъ, или временемъ, или пониманіемъ; неописуемо же есть то, что ничѣмъ таковымъ не объемлется. Итакъ, одно Божество неописуемо, какъ безначальное и безконечное, все содержащее и никакимъ понятіемъ необъемлемое; ибо оно необъемлемо и безпредѣльно, никому невѣдомо и вѣдомо только Самому Себѣ. Ангелъ же ограничивается и временемъ—ибо имѣетъ начало бытія своего, и мѣстомъ—хотя и въ духовномъ смыслѣ, какъ прежде мы сказали, и постижимостью—ибо (Ангелы) нѣкоторымъ образомъ знаютъ и природу другъ друга и совершенно ограничиваются Творцемъ. А тѣла ограничиваются и началомъ, и концемъ, и тѣлеснымъ мѣстомъ, и постижимостію ¹⁾).

Сводъ мыслей о Богѣ и Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ. И о Словѣ и Духѣ.

Итакъ, Божество совершенно, непреложно и неизмѣнно. Оно, по своему предвѣднію, предопредѣлило все не отъ насъ зависящее, назначивъ всему свойственное и приличное время и мѣсто. Поэтому-то Отецъ *не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22). Ибо судить, конечно, Отецъ и Сынъ, какъ Богъ, и Духъ Святыи; но одинъ Сынъ, какъ человекъ, тѣлеснымъ образомъ сидеть и *сидеть на престолѣ славы*, потому что только ограниченному тѣлу приличны схождение и сидѣніе, и будетъ судить вселенную *въ правдѣ*.

Все отстоитъ отъ Бога, но не мѣстомъ, а природою. Въ насъ благоразуміе, мудрость и рѣшеніе являются и исчезаютъ, какъ свойства; но не въ Богѣ: въ Немъ ничего не возникаетъ и не убываетъ; ибо Онъ неизмѣняемъ и непреложенъ; и Ему нельзя приписывать ничего случайнаго. Ибо благо Онъ имѣетъ сопутствующимъ Его существу.

Кто всегда стремится желаніемъ къ Богу, тотъ Его видитъ: 856

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 41.

ибо Богъ во всемъ; все сущее зависитъ отъ Сущаго, и ничто не можетъ существовать, что не имѣло бы бытія своего отъ Сущаго, потому что Богъ, какъ содержащій природу, соединенъ со всѣмъ; а со святою Своею плотію Богъ-Слово соединился ипостасно и съ нашею природою сблизился несліянно.

Никто не видитъ Отца, какъ только Сынъ и Духъ (Іоан. VI, 46).

Сынъ есть совѣтъ, мудрость и сила Отца. Ибо нельзя приписывать Богу качества, чтобы не сказать намъ, что Онъ сложенъ изъ существа и качества.

Сынъ—изъ Отца, и все, что имѣетъ, изъ Него имѣетъ (Іоан. V, 30); поэтому и не можетъ ничего дѣлать Самъ отъ Себя; ибо Онъ не имѣетъ дѣйствія особаго по сравненію съ Отцемъ ¹⁾.

Что Богъ, будучи невидимъ по естеству, видимымъ дѣлается по дѣйствіямъ, это намъ извѣстно изъ устройства міра и Его управленія (Прем. XIII, 5).

Сынъ есть образъ Отца, а образъ Сына—Духъ, чрезъ Котораго Христось, обитая въ человѣкѣ, даетъ ему то, что есть соотвѣтственно образу (Божію) (τὸ κατ' εἰκόνα) ²⁾.

Богъ—Духъ Святой—среднее между нерожденнымъ и рожденнымъ, и чрезъ Сына соединяется съ Отцемъ. Онъ называется Духомъ Божіимъ, Духомъ Христовымъ, Умомъ Христовымъ, Духомъ Господнимъ, Само-Господомъ (ἑαυτοκύριος), Духомъ сыноположенія, истины, свободы, премудрости, какъ производящій все это; Онъ все наполняетъ Своимъ существомъ и все содержитъ, наполняя Своимъ существомъ міръ, но не ограничиваясь міромъ по силѣ.

Богъ есть существо присносущное, неизмѣняемое, всесозидающее, покланяемое благочестивымъ умомъ (εὐσεβεῖ λογισμῷ).

Богъ есть Отецъ, всегда сущій, нерожденный, потому что ни отъ кого не родился, но родившій соприсносущнаго Сына. Богъ есть и Сынъ, всегда сущій со Отцемъ, изъ Котораго родился безвременно и вѣчно, внѣ истеченія, и безстрастно, и неразлучно. Богъ есть также и Духъ Святой, сила освятельная, ипостасная, отъ Отца исходящая неразлучно и въ Сынѣ почивающая, 857
единосущная со Отцемъ и Сыномъ.

Есть Слово, существенно всегда присущее Отцу. Слово есть и естественное движеніе ума, согласно съ которымъ онъ движется, мыслить, рассуждаетъ;—оно какъ бы отсвѣтъ и сіяніе ума. Опять есть слово внутреннее, произносимое въ сердцѣ.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 30.

²⁾ Василій Великій, Противъ Евномія, книга 5-ая.

Опять — слово произносимое есть вѣстникъ мысли. Итакъ, Богъ Слово есть и самостоятельно, и ипостасно; прочія же всѣ три слова суть силы души, не созерцаемыя въ ихъ собственной ипостаси; именно, первое есть естественное порожденіе ума, всегда естественно изъ него истекающее; второе называется внутреннимъ (ἐνδιάθετος), а третье произносимымъ (προφορικός).

И Духъ понимается многоразличнымъ образомъ. Есть Духъ Святой. И дѣйствія Духа Святаго называются духами. Духъ есть и благій Ангелъ; духъ—и демонъ; духъ есть и душа; иногда и умъ называется духомъ; духъ—и вѣтеръ; духъ—и воздухъ.

460

Г л а в а XIV.

Свойства Божескаго естества.

Богъ—существо несозданное, безначальное, безсмертное, безконечное и вѣчное; безтѣлесное, благое, вседѣтельное, праведное, просвѣтительное, неизмѣнное, безстрастное, неопикуемое, невѣстимое, неограниченное, безпредѣльное, невидимое, неопостижимое, вседовольное, самодержавное и самовластное, вседержительное, жизнедательное, всеильное, безпредѣльно мощное, освятительное и общительное, всеподдерживающее и сохраняющее, и обо всемъ промысливающее—такое есть Божество, Которое все это и тому подобное имѣетъ по самой природѣ, а не отъ инуду получило, но само сообщаетъ всякое благо Своимъ тварямъ,—каждой по ея пріемной силѣ.

Ипостаси пребываютъ и обитаютъ одна въ другой; ибо онѣ и неотлучны и неудалимы одна отъ другой, неслитно вмѣщаясь одна въ другой, но не такъ, чтобы онѣ смѣшивались или сливались, но такъ, что онѣ одна въ другой находятся. Ибо Сынъ въ Отцѣ и Духъ, и Духъ въ Отцѣ и Сынѣ, и Отецъ въ Сынѣ и Духѣ, безъ всякаго уничтоженія или смѣшенія, или сліянія. И одно и то же у нихъ движеніе; ибо едино есть устремленіе и едино движеніе трехъ Ипостасей;—чего въ сотворенной природѣ усмотрѣть невозможно ¹⁾.

Кромѣ того, божеское просіяніе и дѣйствіе, будучи едино, просто и нераздѣльно, пребываетъ простымъ и тогда, когда разнообразится по видамъ благъ, сообщаемыхъ отдѣльнымъ существамъ, и когда раздѣляетъ всѣмъ имъ то, что составляетъ собственную каждой вещи природу; но, нераздѣльно размножаясь въ отношеніи къ отдѣльнымъ существамъ, оно и самыя отдѣльныя существа воз-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 3, 22, 40.

водитъ и обращаетъ къ собственной своей простотѣ. Ибо всѣ существа стремятся къ Божеству и въ Немъ имѣютъ бытіе, такъ какъ Оно сообщаетъ всѣмъ бытіе, сообразное природѣ каждаго; и Оно есть бытіе вещей существующихъ, жизнь живущихъ, разумъ разумнаго и умъ умнаго; само между тѣмъ Оно выше ума, выше разума, выше жизни, выше существа ¹⁾).

Еще же должно присоединить и то, что Оно чрезъ все проникаетъ, ни съ чѣмъ не смѣшиваясь, но чрезъ Него Самого ничто не проникаетъ. Оно и все знаетъ простымъ вѣдѣніемъ, и все просто зрѣтъ божественнымъ, всеосозерцающимъ и невещественнымъ своимъ окомъ, все—и настоящее, и прошедшее, и будущее, прежде бытія ихъ. Оно безгрѣшно, и отпускаетъ грѣхи, и спасаетъ. Оно все, что хочетъ, можетъ; но не все, что можетъ, хочетъ; такъ, Оно можетъ погубить міръ, но не хочетъ ²⁾).

¹⁾ Діонисій Ареопа., Объ именахъ Божіихъ, 5.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 40.

Г л а в а I.

О вѣкъ.

БУЩІЙ прежде вѣковъ, Самъ сотворилъ вѣки. О Немъ божественный Давидъ говоритъ: *отъ вѣка и до вѣка Ты еси* (Псал. LXXXIX, 2). И божественный Апостоль: *Имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 2).

Однако, должно знать, что слово—вѣкъ—многозначуще: оно обозначаетъ очень многое. Ибо вѣкомъ называется и жизнь каждаго человѣка; вѣкомъ называется и тысячелѣтнее время. Также вѣкомъ именуется и вся настоящая жизнь, вѣкомъ—также и будущая, нескончаемая по воскресеніи (Матѣ. XII, 32; Лук. XX, 35). Вѣкомъ опять называется не время и не кака-либо часть времени, измѣряемая движеніемъ и теченіемъ солнечнымъ, т. е. составляемая днями и ночами, но то, что продолжается наравнѣ съ вѣчнымъ, какъ бы нѣкое временное движеніе и протяженіе, которое тянется подлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ что—вѣчно. Ибо что—время для временнаго, то вѣкъ—для вѣчнаго.

Считается семь вѣковъ этого міра, т. е. отъ сотворенія неба и земли до общаго конца и воскресенія людей. Ибо есть частный конецъ—смерть каждаго; но есть и общій, и совершенный конецъ, когда будетъ общее воскресеніе людей. А восьмой вѣкъ—будущій.

Прежде созданія міра, когда не было еще солнца, отдѣляющаго день отъ ночи, не было вѣка измѣряемаго; но было какъ бы нѣкоторое временное движеніе и протяженіе, которое тянулось подлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что—вѣчно. Въ этомъ смыслѣ вѣкъ одинъ; въ томъ же смыслѣ и Богъ называется вѣчнымъ, и даже предвѣчнымъ. ибо и самый вѣкъ Онъ сотворилъ; потому что Богъ одинъ только, будучи безначальнымъ, Самъ есть Творецъ всего, какъ вѣковъ, такъ и всего сущаго. Говоря же о Богѣ,

я, конечно, разумѣю здѣсь Отца и Единороднаго Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, и Всесвятаго Духа Его, — Единаго Бога нашего ¹⁾).

Говорятъ же о „вѣкахъ вѣковъ“, потому, что и семь вѣковъ настоящаго міра заключаютъ въ себѣ многіе вѣки, т. е. многія жизни человѣческія, и о томъ единомъ вѣкѣ, который, — какъ выше сказано, объемлетъ собою всѣ вѣки; также „вѣкомъ вѣка“ называется вѣкъ настоящей и будущей. А вѣчная жизнь и вѣчное мученіе обозначаютъ нескончаемость будущаго вѣка. Ибо время по воскресеніи уже не будетъ исчисляться днями и ночами, или лучше — тогда будетъ одинъ *невечерній* день; такъ какъ Солнце правды ясно будетъ свѣтить праведнымъ, а для грѣшныхъ настанетъ глубокая нескончаемая ночь. Поэтому, какимъ образомъ будетъ исчисляться тысячелѣтнее время оригеновскаго возстановленія? Итакъ, Богъ есть единый Творецъ всѣхъ вѣковъ, какъ все безъ изъятія создавшій и сущій прежде вѣковъ.

Г л а в а II.

О твореніи.

865 Такъ какъ благій и преблагій Богъ не удовольствовался созерцаемъ Себя Самого, но по избытку благодати Своей благоволилъ, чтобы произошло нѣчто, пользующееся Его благодѣяніями и причастное Его благодати, — то Онъ приводитъ изъ не сущаго въ бытіе, и созидаетъ все какъ видимое, такъ и не видимое, также и человѣка, состоящаго изъ видимаго и невидимаго. Онъ творитъ мыслю, и эта мысль, приводимая въ исполненіе Словомъ и совершаемая Духомъ, становится дѣломъ ²⁾.

Г л а в а III.

Объ Ангелахъ.

Самъ Онъ Создатель и Творецъ ангеловъ, приведшій изъ не сущаго въ бытіе и создавшій ихъ по образу Своему, безтѣлесными по естеству, подобными нѣкоторому духу (*οὐρανίου πνεύματος*) и огню невестественному, какъ говоритъ Божественный Давидъ: *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный* (Псал.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29. 38, 41, 45. Migne, s. gr., t. XXXVI, col. 77, 320 etc. Переводъ ч. III (1899), стр. 44, 197.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 38, 45, Діонисій Ареопагитъ, О церковной іерархіи, 4. Migne, s. gr., t. III, col. 177. Переводъ (1839), стр. 18.

СШ, 4),—описывая ихъ легкость и пламенность, и горячность, и пронизательность, и быстроту, съ какою они желаютъ Бога и служить Ему,—ихъ стремленіе къ горнему и свободу отъ всякаго вещественнаго представленія ¹⁾.

Итакъ, Ангель есть сущность, одаренная умомъ, постоянно движущаяся, свободная, безтѣлесная, служащая Богу, по благодати получившая для своего естества безсмертіе: одинъ только Творецъ знаетъ видъ и опредѣленіе этой сущности. Безтѣлесною же и невещественною она называется, по сравненію съ нами. Ибо все, по сравненію съ Богомъ, единымъ только несравнимымъ, оказывается и грубымъ, и вещественнымъ, потому что одно только Божество въ строгомъ смыслѣ (δύναμις) невещественно и безтѣлесно. 868

Итакъ, ангель есть природа разумная, одаренная умомъ и свободною волею, измѣняемая по желанію, т. е. добровольно измѣнчивая. Ибо все, что сотворено, и измѣнчиво; одно только то, что не сотворено, неизмѣнимо, и все разумное одарено свободною волею. Итакъ, ангельская природа, какъ разумная и одаренная умомъ, имѣетъ свободу; а какъ сотворенная, измѣняема, имѣя власть и пребывать и преуспѣвать въ добрѣ, и уклоняться къ злу.

Онъ неспособенъ къ покаянію потому, что безтѣлесенъ. Человѣкъ же получилъ покаяніе ради немощи тѣла ²⁾.

Онъ безсмертенъ не по природѣ, но по благодати; ибо все, что имѣло начало по естеству, имѣетъ и конецъ. Одинъ только Богъ присносущенъ, или вѣрнѣе: Онъ выше вѣчности (ὕπερ τὸ αἶψ); ибо Творецъ время не находится въ зависимости отъ времени, но—выше времени.

Ангелы—вторые свѣты, умные, заимствующіе свой свѣтъ отъ перваго и безначальнаго Свѣта, не имѣющіе нужды въ языкѣ и въ слухѣ, но безъ произносимаго слова сообщающіе другъ другу свои мысли и рѣшенія. 869

Далѣе, всѣ Ангелы сотворены чрезъ Слово и достигли совершенства отъ Святаго Духа посредствомъ освященія, по мѣрѣ достоинства и чина сдѣлавшись причастными свѣта и благодати ³⁾.

Они описуемы (περίγρητοι): ибо, когда они находятся на небѣ, ихъ нѣтъ на землѣ; и когда Богомъ посылаются на землю, они не остаются на небѣ, но они не удерживаются ни стѣнами, ни

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 38, 45.

²⁾ Немезій, О природѣ человѣка, I. Migne, s. gr., t. XL, col. 521. Переводъ Ѡ. Владимірскаго (Почаевъ 1904), стр. 31.

³⁾ Григорій Богословъ, слово 28.

дверьми, ни запорами, ни печатями. Ибо они неограничены (*ἀόριστοι*). Неограниченными же называю ихъ потому, что, являясь по волѣ Божіей достойнымъ людямъ, они являются не такими, каковы сами по себѣ, но преобразуются (*ἐν μετασχηματισμῷ*) сообразно тому, какъ смотрящіе могутъ видѣть ихъ. Ибо по естеству и въ собственномъ смыслѣ неограничено одно только несотворенное, ибо всякое созданіе опредѣляется сотворившимъ его Богомъ.

Освященіе они имѣютъ извнѣ, а не изъ собственнаго существа—отъ Духа: пророчествуютъ по благодати Божіей; не имѣютъ нужды въ бракѣ, такъ какъ они не суть смертны.

Такъ какъ они умы, то находятся и въ мѣстахъ, постигаемыхъ только умомъ, не тѣлеснымъ образомъ будучи описуемы,—ибо по природѣ не принимаютъ вида, какъ тѣла, и троякаго измѣренія—но тѣмъ, что духовно (*νοητός*) присутствуютъ и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно, и не могутъ въ одно время быть здѣсь и тамъ и дѣйствовать.

Равны ли они по существу, или различаются другъ отъ друга, мы не знаемъ. Знаетъ же одинъ сотворившій ихъ Богъ, Который и все знаетъ. Различаются же они другъ отъ друга 872 свѣтомъ и положеніемъ; или имѣя степень соотвѣтственно свѣту, или соотвѣтственно степени участвуя въ свѣтѣ, и просвѣщаютъ другъ друга по причинѣ превосходства чина, или естества. Но ясно, что высшіе ангелы сообщаютъ и свѣтъ и знаніе низшимъ ¹⁾.

Они сильны и готовы къ исполненію божественной воли и вслѣдствіе присущей ихъ природѣ быстроты тотчасъ повсюду являются, гдѣ бы ни повелѣло божественное мановеніе; и охраняютъ области земли, и управляютъ народами и странами, какъ повелѣно имъ Творцемъ, и распоряжаются нашими дѣлами, и помогаютъ намъ. Вообще же и по волѣ Божіей, и по опредѣленію Божію, они—выше насъ и всегда—окрестъ Бога ²⁾.

Они—неудобопреклонны ко злу, хотя и не непреклонны, но теперь даже и непреклонны,—не по природѣ, а по благодати и по привязанности къ одному только благу ³⁾.

Они созерцаютъ Бога, насколько для нихъ возможно, и имѣютъ это пищу.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 28. *Migne*, XXXVI. 72 Перев., 40. Кириллъ александр., Сокровище, 31. Діонисій Ареопагитъ, О небесной іерархїи, 3. *Migne* III, 165—168. Переводъ, 15—17.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 28. Діонисій Ареопагитъ, О небесной іерархїи, 9.

³⁾ Григорій Богословъ, слово 38. Василій Великій, О Святомъ Духѣ, 16. *Migne*, XXXII, coll. 136—137. Переводъ моск. дух. Акад., ч. III (Москва 1891), 235.

Будучи выше насъ, какъ безтѣлесные и свободные отъ всякой тѣлесной страсти, они однако не безстрастны, ибо безстрастно одно только Божество.

Принимають образъ, какой бы ни повелѣлъ Господь Богъ, и въ этомъ образѣ являются людямъ, и открываютъ имъ божественныя тайны.

Они живутъ на небесахъ, и одно у нихъ занятіе—пѣснословить Бога и служить Его божественной волѣ.

Какъ говорить святѣйшій, священнѣйшій и великій въ богословіи Діонисій Ареопагитъ, все богословіе, т. е. божественное Писаніе, именуется девять небесныхъ существей. Божественный священнотайникъ раздѣляетъ ихъ на три тройственныхъ класса: первый, какъ онъ говоритъ, всегда окрестъ Бога и, какъ предано ему, находится въ ближайшемъ и непосредственномъ единеніи съ Богомъ;—это классъ шестокрылыхъ Серафимовъ, и многоочитыхъ Херувимовъ, и святѣйшихъ Престоловъ. Второй классъ содержитъ въ себѣ Господства, Силы и Власти, а третій и послѣдній—Начала, Архангеловъ и Ангеловъ.

Нѣкоторые, конечно, говорятъ, что они получили бытіе прежде всякой твари—подобно тому, какъ говоритъ Григорій Богословъ: „прежде всего Богъ вымышляетъ ангельскія и небесныя силы, и мысль эта стала дѣломъ“. Другіе же говорятъ, что они произошли послѣ сотворенія перваго неба. Всѣ же согласны, что они сотворены прежде созданія человѣка. Я же соглашаюсь съ Богословомъ: ибо надлежало сотворить прежде всего умную существность, потомъ чувственную, и послѣ уже изъ той и другой существности человѣка.

Тѣ же, которые называютъ ангеловъ творцами, какой бы ни было существности, суть уста отца ихъ—дѣвола. Ибо, какъ твари, ангелы не суть создатели. Творецъ же всего, Промыслитель и Содержитель есть Богъ, одинъ только несозданный, воспѣваемый и прославляемый во Отцѣ, и Сынѣ, и Святомъ Духѣ¹⁾.

Г л а в а IV.

О дѣволѣ и дѣмонахъ.

Изъ этихъ ангельскихъ силъ тотъ ангелъ, который стоялъ во главѣ надземнаго (περὶ τοῦ) чина²⁾ и которому Богъ ввѣрилъ охране-

¹⁾ Нѣкоторые отцы церкви, напр. Меѳодій патарскій, Григорій нисскій, Іоаннъ Златоустъ, учили, что дѣволъ и его соучастники испати изъ числа тѣхъ ангеловъ, которымъ ввѣренъ былъ низшій міръ.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 2.

876 ние земли, не былъ созданъ злымъ по природѣ, но былъ добрымъ и созданъ для добра, и не получилъ въ себя отъ Создателя и слѣда зла. Но онъ не вынесъ свѣта и чести, которую ему даровалъ Творецъ; но по самовластному произволенію обратился отъ того, что согласно съ природой, къ тому, что противоестественно, и возгордился противъ Творца своего—Бога, восхотѣвъ возстать противъ Него, и первый, отступивъ отъ блага, впалъ въ зло. Ибо зло не есть что-либо иное, какъ лишеніе добра, подобно тому, какъ и тьма есть лишеніе свѣта, ибо благо есть духовный свѣтъ; равнымъ образомъ и зло есть духовная тьма. Итакъ, будучи созданъ отъ Творца свѣтомъ и бывъ благимъ,—ибо *видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло*,—онъ по свободной волѣ сдѣлался тьмою. Имъ увлечено, ему послѣдовало и съ нимъ ниспало безчисленное множество подчиненныхъ ему ангеловъ. Такимъ образомъ они, имѣя одинаковое съ ангелами естество, сдѣлались злыми, по произволенію, самовольно уклонившись отъ блага ко злу ¹⁾.

877 Поэтому они не имѣютъ ни власти, ни силы противъ кого-нибудь, если не получаютъ позволенія отъ Бога въ цѣляхъ домостроительства, какъ случилось съ Іовомъ и какъ написано въ евангеліи о свиньяхъ [гадаринскихъ]. При Божіемъ попущеніи они сильны, принимаютъ и перемѣняютъ, какой хотятъ, образъ, сообразно со своимъ воображеніемъ.

Ни Ангелы Божіи, ни демоны не знаютъ такимъ образомъ будущаго, однако предсказываютъ: Ангелы—когда Богъ открываетъ имъ и повелѣваетъ предсказывать; почему и сбывается то, что они говорятъ. Предсказываютъ же и демоны—иногда, прозрѣвая въ отдаленныя событія, а иногда, только догадываясь, почему они часто и лгутъ. Не должно имъ вѣрить, хотя они, какъ мы сказали, много разъ говорятъ и правду. Кромѣ того, они знаютъ и Писаніе.

Итакъ, всѣ пороки вымышлены ими, а также и нечистыя страсти; и хотя имъ позволено искушать челоуѣка, но они не могутъ никого принудить; такъ какъ отъ насъ зависитъ—выдержатъ или не выдержатъ ихъ нападеніе; поэтому діаволу, демонамъ его и послѣдователямъ его уготованъ огонь неугасимый и вѣчное мученіе.

880 Нужно знать, что паденіе для ангеловъ то же, что смерть для людей. Ибо послѣ паденія для нихъ нѣтъ покаянія, какъ и для людей оно невозможно послѣ смерти ²⁾.

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 4.

²⁾ Немезій, О природѣ челоуѣка, 1.

Г л а в а V.

860

О видимой твари.

Самъ Богъ нашъ, въ Троицѣ и Единицѣ прославляемый, сотворилъ *небо и землю, и вся, яже въ нихъ* (Псал. СXLV, 6), при-ведя все изъ не сущаго въ бытіе: иное изъ не бывшаго прежде вещества, какъ-то: небо, землю, воздухъ, огонь, воду; а другое изъ этихъ уже созданныхъ Имъ веществъ, какъ-то: животныхъ, расте-нія, сѣмена. Ибо это, по повелѣнію Создателя, произошло изъ земли, воды, воздуха и огня.

Г л а в а VI.

О небѣ.

Небо есть то, что объемлетъ твари какъ видимыя, такъ и невидимыя. Ибо въ немъ заключаются и пмъ ограничиваются и постигаемыя только умомъ силы ангеловъ, и все чувственное. Неописуемо же одно только Божество, Которое все наполняетъ и все объемлетъ, и все ограничиваетъ, такъ какъ Оно—выше всего и все сотворило.

Такъ какъ Писаніе говоритъ о небѣ и *небѣ небесе* (Псал. СXIII, 24. 23), и *о небесахъ небесъ* (Псал. СXLVIII, 4), и блаженный Павелъ говоритъ, что онъ *восхищенъ былъ до третіяго небесе* (II Кор. XII, 2); то мы утверждаемъ, что, при общемъ началѣ міра, какъ предаю намъ, сотворено то небо, которое языческіе (οὐρανός) мудрецы, присвоивъ себѣ ученіе Моисея, называютъ беззвѣднымъ шаромъ. Богъ назвалъ небомъ и твердь (Быт. I, 8), которой повелѣлъ быть *посредъ воды*, пазначивъ ей *разлучать между водою, яже бѣ надъ твердію, и между водою, яже бѣ подъ твердію*. Божественный Василій, по наставленію Св. Писанія, говоритъ, что естество этого неба тонко, какъ дымъ. Другіе же говорятъ, что оно имѣло видъ воды, такъ какъ было помѣщено *посредъ воды*. Иные говорятъ, что оно составлено изъ четырехъ стихій. Нѣкоторые говорятъ, что оно пятое тѣло (σφαῖρα), отличное отъ прочихъ четырехъ ¹⁾.

Нѣкоторые полагаютъ, что небомъ все окружено, и оно, бу- 881
дучи шарообразно, образуетъ для всего самую высокую часть; самая же середина обнимаемаго пмъ пространства составляетъ самую низкую часть. И легкія, и подвижныя тѣла, согласно этому мнѣнію, получили отъ Творца мѣсто въ самомъ верху, тѣла же

¹⁾ Василій Великій, Бесѣда на Шестодневъ 1-ая. Migne, s. gr., t. XXIX, col. 21, 25, 28. Переводъ моск. дух. Акад., ч. I. (Москва 1891), стр. 15, 18—20.

тяжелыя и стремящіяся книзу — въ самомъ низу, т. е. въ срединѣ. Изъ всѣхъ стихій наиболѣе легкая и наиболѣе стремящаяся (вверхъ)—огонь, о которомъ поэтому утверждаютъ, что онъ расположенъ непосредственно за небомъ. Этотъ огонь называютъ ээиромъ; за ээиромъ, ниже его, помѣщаютъ воздухъ. Земля же и вода, какъ стихія, наиболѣе тяжелыя и наиболѣе стремящіяся книзу, помѣщаются въ самой срединѣ, такъ что онѣ являются противоположными другъ къ другу, одинаково находясь внизу. Впрочемъ, вода легче земли, почему она и подвижнѣе послѣдней. Такимъ образомъ, получается, что надъ землею и водою кругомъ со всѣхъ сторонъ, на подобіе покровы, простирается воздухъ, воздухъ со всѣхъ сторонъ обнимается ээиромъ, а внѣ и вокругъ всего этого расположено небо.

Съ одной стороны, говорятъ, что небо движется кругообразно и сжимаетъ все, что находится внутри его, и, такимъ образомъ, все остается твердымъ и не распадается.

Сверхъ того, говорятъ, что небо имѣетъ семь поясовъ, одинъ выше другого, что оно представляетъ собою легкое вещество, на подобіе дыма, и что въ каждомъ поясѣ находится одна изъ планетъ, ибо обыкновенно признается семь планетъ: Солнце, Луна, Юпитеръ, Меркурій, Марсъ, Венера и Сатурнъ. При этомъ подъ Венерою разумѣютъ то утреннюю, то вечернюю звѣзду. Ихъ называютъ планетами потому, что онѣ совершаютъ свое движеніе противоположно движенію неба; ибо въ то время, какъ небо и прочія звѣзды движутся отъ востока къ западу, онѣ планеты имѣютъ движеніе отъ запада къ востоку. Это мы можемъ замѣтить по лунѣ, которая каждый вечеръ немного отступаетъ назадъ ¹⁾.

Итакъ, тѣ, которые утверждаютъ, что небо шарообразно, признаютъ, что оно находится на равномъ разстояніи отъ земли, какъ сверху, такъ съ боковъ и снизу. Я говорю: съ боковъ и снизу, приспособляясь къ нашему чувственному воспріятію; ибо 884 какъ видно изъ предыдущаго, небо повсюду занимаетъ самое верхнее мѣсто, а земля нижнее. Утверждаютъ также, что небо, на подобіе шара, окружаетъ землю и своимъ быстрѣйшимъ движеніемъ вращаетъ: солнце, луну и звѣзды; и, когда солнце находится надъ землею, то здѣсь бываетъ день, когда же—подъ землею,—ночь; когда же солнце зайдетъ подъ землю, то здѣсь бываетъ ночь, а тамъ день.

Другіе же представляли небо въ видѣ полушарія, основы-

¹⁾ Василій Великій. Бесѣда на Шестодневъ 3-ья. Migne, 57. Переводъ, 39—40.

ваясь на словахъ боговдохновеннаго Давида: *простирайя небо яко кожу* (Пс. СІІ, 2), т. е. какъ шатерьъ, а также на словахъ блаженнаго Исаи: *поставивый небо яко камару* (Ис. ХІ, 22). Также и потому, что солнце, луна и звѣзды заходя обходятъ землю кругомъ отъ запада къ сѣверу и такимъ образомъ опять возвращаются къ востоку. Впрочемъ, такъ ли это или иначе, по все произошло и утверждено божественнымъ повелѣніемъ и имѣеть своимъ незыблемымъ основаніемъ божественную волю и рѣшеніе; *яко Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася. Постави я въ вѣкъ, и въ вѣкъ вѣка: повелѣніе положи, и не мимо идетъ* (Пс. СХLVIII, 5—6).

Небомъ неба называется первое небо, находящееся надъ твердію. Такимъ образомъ получается два неба, такъ какъ и твердь Богъ назвалъ небомъ (Быт. 1, 8). Священное Писаніе и воздухъ обыкновенно называетъ небомъ, такъ какъ онъ видимъ вверху, ибо Писаніе говоритъ: *благословите вся птицы небесныя* (Дан. III, 80), разумѣя при этомъ птицъ воздушныхъ, ибо путемъ для птицъ служить воздухъ, а не небо. Такъ получаютъ три неба, о которыхъ говорилъ Божественный Апостоль (II Кор. XII, 2). А если бы кто захотѣлъ и семь поясовъ принимать за семь небесъ, то онъ нисколько бы не погрѣшилъ. И на еврейскомъ языкѣ небо обычно пазывается во множественномъ числѣ—небесами. Поэтому Священное Писаніе, имѣя въ виду сказать о небѣ неба, говоритъ: *небеса небесъ* (Пс. СХLVIII, 4), что означаетъ небо неба, т. е. небо надъ твердію. И въ словахъ: *вода, яже превыше небесъ*, небеса означаютъ или воздухъ и твердь, или семь поясовъ тверди, или одну твердь, которая на еврейскомъ языкѣ обыкновенно называется во множественномъ числѣ небесами.

По естественному порядку природы все, а слѣдовательно и небеса, подлежитъ разрушенію; но они держатся и сохраняются 885
благодатію Божіею.

Только Богъ безначальный по своей природѣ—не имѣеть предѣла существованія; поэтому и сказано: *та погибнуть, Ты же пребываеши* (Пс. СІ, 27). Впрочемъ, небеса исчезнуть не вполнѣ, ибо они обветшаютъ и совьются, какъ одежда, и измѣнятся (Пс. СІ, 27) и будетъ *небо ново и земля нова* (Апок. XXI, 1).

Небо гораздо болѣе земли, но не слѣдуетъ допытываться того, какова сущность неба, ибо она намъ неизвѣстна.

Никто не долженъ допускать, что небеса или свѣтила одушевлены, ибо они не имѣютъ души и чувства. Поэтому, когда божественное Писаніе говоритъ: *да возвеселятся небеса, и да радуется земля* (Пс. ХСV, II), оно призываетъ къ веселію ангеловъ на небѣ и людей на землѣ. Писаніе употребляетъ олице-

твореніе и о неодушевленномъ говорить, какъ объ одушевленномъ; напримѣръ: *море видѣ, и побѣже, Иорданъ возвратися вспять*; и далѣе: *что ти есть море, яко побѣгло еси; и тебѣ Иордане, яко возвратился еси вспять* (Пс. СХІІІ, 3, 5). Оно обращается съ вопросомъ и къ горамъ, и къ холмамъ, почему возрадовались они (Пс. СХІІІ, 4), подобно тому, какъ и мы обыкновенно говоримъ: собрался городъ, разумѣя здѣсь не зданія, а жителей города. *И небеса повѣдають славу Божию* (Пс. ХVІІІ, 2) не потому, что они издають голосъ, воспринимаемый тѣлеснымъ слухомъ, но потому, что они присущимъ имъ величіемъ показываютъ намъ могущество Творца: созерцая ихъ красоту, мы прославляемъ Творца, какъ наилучшаго художника¹⁾.

Глава VII.

О свѣтѣ, огнѣ, светилахъ, какъ о солнцѣ, такъ о лунѣ и звездахъ.

Огонь есть одна изъ четырехъ стихій; онъ легокъ, болѣе другихъ стихій стремится вверхъ, имѣетъ одновременно и силу жечь и силу освѣщенія. Огонь былъ созданъ Творцомъ въ первый день; ибо божественное Писаніе говоритъ: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I, 3). Огонь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть не что иное, какъ свѣтъ; однако, другіе утверждаютъ, что міровой огонь—называемый у нихъ эвромъ—находится выше воздуха. Итакъ, въ началѣ, т.е. въ первый день, Богъ создалъ свѣтъ—это убранство и украшеніе всего видимаго творенія. Въ самомъ дѣлѣ, отыми свѣтъ—и все останется во тьмѣ не различимымъ и не будетъ въ состояніи показать свойственной ему красоты. *И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт. I, 5). Тьма же не есть какая-либо субстанція, но акциденція. Въ самомъ дѣлѣ, она есть лишеніе свѣта, такъ какъ послѣдній не заключается въ существѣ воздуха. Итакъ, самое отсутствіе свѣта въ воздухѣ Богъ назвалъ тьмою: не субстанція воздуха составляетъ тьму, но тьму производитъ лишеніе свѣта, что скорѣе означаетъ акциденцію, чѣмъ субстанцію. И не ночь была названа первою, но день, такъ что день прежде, а ночь потомъ. Такимъ образомъ, ночь слѣдуетъ за днемъ: и отъ начала дня до другого дня—однѣ сутки; ибо въ Писаніи сказано: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. I, 5)²⁾.

Въ теченіе трехъ первыхъ дней день и ночь происходили, конечно, вслѣдствіе того, что свѣтъ по божественному повелѣнію

¹⁾ Василій Великій, Бесѣда на Шестодневъ 1 и 3.

²⁾ Василій Великій, Бесѣда на Шестодневъ 2 я.

то распространялся, то сжимался. На четвертый же день Богъ создалъ *свѣтило великое*, т.-е. солнце, въ начала и власть дне (Быт. I, 16, 17), такъ благодаря ему происходитъ день: день имѣеть мѣсто тогда, когда солнце находится надъ землею, и продолжительность дня опредѣляется теченіемъ солнца надъ землею отъ восхода до захода. Въ тотъ же день создалъ Богъ и *свѣтило меньшее*, т.-е. луну и звѣзды, въ начала и власть ночи (Быт. I, 16), чтобы освѣщать ее. Ночь же имѣеть мѣсто тогда, когда солнце находится подъ землею, и продолжительность ночи опредѣляется теченіемъ солнца подъ землею отъ захода до восхода. Такимъ образомъ, луна и звѣзды имѣють своимъ назначеніемъ освѣщать ночь. Однако и днемъ не всѣ звѣзды находятся подъ землею; ибо и въ теченіе дня на небѣ—надъ землею есть звѣзды, только солнце, скрывая ихъ вмѣстѣ съ луною своимъ болѣе яркимъ блескомъ, не позволяетъ ихъ видѣть ¹⁾).

Въ эти свѣтила Творецъ и вложилъ первосозданный свѣтъ. Это Онъ сдѣлалъ не потому, что у Него не было другого свѣта, но затѣмъ, чтобы этотъ первосозданный свѣтъ не оставался безъ употребленія; ибо свѣтило—не самый свѣтъ, но вмѣстиплице свѣта ²⁾).

Семь изъ этихъ свѣтилъ называютъ планетами, утверждая, что онѣ имѣють движеніе, противоположное движенію неба,—отчего ихъ и назвали планетами, т.-е. блуждающими, ибо небо говорятъ, движется отъ востока къ западу, планеты же—отъ запада къ востоку, Однако, такъ какъ движеніе неба болѣе быстрое, то оно своимъ вращательнымъ движеніемъ увлекаетъ съ собою и семь планетъ. Семь планетъ имѣють слѣдующія названія: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Утверждаютъ, что въ каждомъ небесномъ поясѣ есть одна изъ семи планетъ.

389

Въ первомъ, самомъ верхнемъ, находится	<i>Сатурнъ</i>	♄
Во второмъ	<i>Юпитеръ</i>	♃
Въ третьемъ	<i>Марсъ</i>	♂
Въ четвертомъ	<i>Солнце</i>	☉
Въ пятомъ	<i>Венера</i>	♀
Въ шестомъ	<i>Меркурій</i>	☿
Въ седьмомъ и низшемъ	<i>Луна</i>	☾

Планеты совершаютъ непрерывное теченіе, которое назначилъ имъ Творецъ, и соотвѣтственно тому, какъ Онъ основалъ ихъ, по слову божественнаго Давида: *луну и звѣзды, яже Ты основалъ*

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Василій В., Бесѣда 6-ая.

еси (Пс. VIII, 4); ибо словами: *Ты основалъ еси*, онъ обозначилъ твердость и неизмѣнность даднаго имъ Богомъ порядка и движенія. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ поставилъ ихъ *во времена и въ знаменія, и во дни, и въ лѣта* (Быт. I, 14); ибо отъ солнца происходятъ четыре перемѣны года. Первая перемѣна—весна, ибо весною Богъ сотворилъ весь мѣръ. На это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что и до сихъ поръ произрастаніе цвѣтовъ бываетъ весною. Весна, далѣе, есть равноденственное время года, ибо тогда и день, и ночь продолжаются по двѣнадцати часовъ. Весна имѣетъ мѣсто тогда, когда солнце восходитъ въ срединѣ востока; она отличается умѣренностью, умножаетъ кровь, будучи теплой и влажной. Она представляетъ собою переходъ отъ зимы къ лѣту, такъ какъ она теплѣе и суше, чѣмъ зима, но болѣе прохладна и болѣе влажна, чѣмъ лѣто. Это время года продолжается отъ 21 марта до 24 іюня. Затѣмъ, когда восходъ солнца подымается къ сѣверу, слѣдуетъ лѣтняя перемѣна года. Она занимаетъ среднее мѣсто между весною и осенью, соединяя въ себѣ и весеннюю теплоту, и осеннюю сухость; ибо лѣто есть теплое и сухое время года, способствующее развитію желтой желчи. Лѣтомъ бываетъ самый долгій день, въ пятнадцать часовъ, и весьма короткая ночь, длящаяся всего девять часовъ. Лѣто продолжается отъ 24 іюня до 25 сентября. Затѣмъ, когда солнце опять возвращается къ срединѣ востока, лѣтнее время года смѣняется осеннимъ, которое нѣкоторымъ образомъ занимаетъ среднее мѣсто между холодомъ и тепломъ, сухостью и влажностью, и которое составляетъ переходъ отъ лѣта къ зимѣ, соединяя въ себѣ лѣтнюю сухость и зимній холодъ; ибо осень есть холодное и сухое время года, способствующее развитію черной желчи. Осень есть, опять, равноденственное время года, когда и день, и ночь имѣютъ по двѣнадцати часовъ. Осень продолжается отъ 25 сентября до 25 декабря. Когда же солнце спускается къ наиболѣе короткому и низкому восходу, т. е. восходу южному, наступаетъ зимнее время года, которое холодно и влажно и составляетъ переходъ отъ осени къ веснѣ, соединяя въ себѣ осенній холодъ съ весеннею влажностью. Зимой бываетъ самый короткій день, имѣющій девять часовъ, и самая длинная ночь, имѣющая пятнадцать часовъ. Зима продолжается отъ 25 декабря до 21 марта. Такимъ образомъ, Творецъ мудро устроилъ такъ, чтобы мы, переходя отъ крайняго холода, или жара, или влажности, или сухости, къ другой противоположной крайности, не впали бы въ тяжелыя болѣзни; ибо разумъ учить, что внезапныя перемѣны—опасны ¹⁾).

¹⁾ Василий Великій, Бесѣда на Шестодневъ 6-ая.

Такъ солнце производитъ времена года, а чрезъ нихъ—годъ, а также дни и ночи: дни, восходя и оставаясь надъ землею, ночи, скрываясь подъ землею и уступая мѣсто свѣту прочихъ свѣтилъ—луны и звѣздъ.

Говорять, что на небѣ существуетъ двѣнадцатъ созвѣздій, или знаковъ зодіака, имѣющихъ движеніе, противное движенію солнца и луны и прочихъ пяти планетъ, и что семь планетъ проходятъ чрезъ эти двѣнадцатъ созвѣздій. Солнце на прохожденіе каждаго знака зодіака употребляетъ одинъ мѣсяць и въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ проходитъ чрезъ двѣнадцатъ созвѣздій. Названія двѣнадцати знаковъ зодіака и соотвѣтствующихъ имъ мѣсяцевъ слѣдующія:

♈ Овенъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць мартъ 21 дня.

♉ Телець, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць апрѣль 23 дня.

♊ Близнецы, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць маѣ, 24 дня.

♋ Ракъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць іюнь, 25 дня.

♌ Левъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць іюль, 25 дня.

♍ Дѣва, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць августъ, 25 дня.

♎ Вѣсы, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць сентябрь, 25 дня.

♏ Скорпіонъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць октябрь, 25 дня.

♐ Стрѣлецъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць ноябрь, 25 дня.

♑ Козерогъ, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць декабрь, 25 дня.

♒ Водолей, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць январъ, 25 дня.

♓ Рыбы, солнце вступаетъ въ этотъ знакъ въ мѣсяць февраль, 24 дня.

Луна же каждый мѣсяць проходитъ чрезъ двѣнадцатъ созвѣздій, такъ какъ она расположена ниже и проходитъ ихъ скорѣе; ибо подобно тому, какъ если начертить кругъ внутри другого круга, то лежащій внутри кругъ окажется меньшимъ, такъ и теченіе луны, лежащей ниже солнца, короче и совершается скорѣе.

893 Эллины говорятъ, что восхожденіемъ, захожденіемъ и сближеніемъ звѣздъ, а также солнца и луны управляются всѣ наши дѣла; этимъ и занимается астрологія. Мы же, напротивъ, утверждаемъ, что ими даются предзнаменованія дождя и бездождя, сырой и сухой погоды, а также вѣтровъ и под.; но предзнаменованіями нашихъ дѣйствій они никоимъ образомъ не бываютъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы, созданные Творцомъ свободными, являемся господами нашихъ дѣлъ. А если мы все дѣлаемъ въ силу теченія звѣздъ, то то, что мы дѣлаемъ, мы дѣлаемъ по необходимости. То же, что происходитъ по необходимости, не есть ни добродѣтель, ни порокъ. А если мы не имѣемъ ни добродѣтели, ни порока, то мы недостойны ни награды, ни наказаній, равно какъ и Богъ окажется несправедливымъ, подавая однимъ блага, другимъ скорби. Даже болѣе того: разъ все ведется и влечется необходимостью, то не будетъ ни управленія Божія въ мірѣ, ни промышленія Божія о твореніяхъ. Сверхъ того, и разумъ будетъ намъ не нуженъ, ибо, разъ мы не властны ни въ одномъ дѣйствіи, то намъ нѣтъ нужды что-либо обдумывать. Между тѣмъ разумъ намъ несомнѣнно данъ для обдумыванія нашихъ дѣйствій, почему всякое разумное существо въ то же время есть существо свободное ¹⁾).

Поэтому мы утверждаемъ, что звѣзды не бываютъ причиною ничего совершающагося въ мірѣ—ни возникновенія возникающаго, ни гибели гибнущаго, но скорѣе служатъ предзнаменованіемъ дождей и перемѣны воздуха. Иные, можетъ быть, скажутъ, что звѣзды являются если не причинами, то предзнаменованіями войнъ и что качество воздуха, зависящее отъ солнца, луны и звѣздъ, различнымъ образомъ производитъ различные темпераменты, навыки и расположенія; но навыки относятся къ тому, что находится въ нашей волѣ, ибо они подчиняются разуму и измѣняются подъ его руководствомъ ²⁾).

896 Часто появляются также кометы, которыя служатъ нѣкоторыми знаменіями, возвѣщающими, напимѣръ, о смерти царей. Кометы не принадлежатъ къ тѣмъ звѣздамъ, которыя были сотворены въ самомъ началѣ, но, по божественному повелѣнію, образуются въ соотвѣтствующее время и опять распадаются; ибо и звѣзда, явившаяся волхвамъ во время человѣколюбиваго и спасительнаго ради насъ рожденія по плоти Господа, не принадлежала къ числу тѣхъ звѣздъ, которыя были сотворены въ началѣ.

¹⁾ Василій Великій, Бесѣда на Шестодневъ 6-ая. Немезій. О природѣ человѣка, 36—37.

²⁾ Василій В., Бесѣда на Шестодневъ 6-ая.

Это ясно изъ того, что она совершала свое теченіе то отъ востока на западъ, то съ сѣвера на югъ, что она то скрывалась, то показывалась. Все это не соотвѣтствуетъ законамъ и природѣ звѣздъ ¹⁾).

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца. Это происходитъ не потому, что Богъ былъ не въ состояніи дать ей собственный свѣтъ, но для того, чтобы сообщить творенію тѣ стройность и порядокъ, какіе бывають тогда, когда одинъ начальствуетъ, а другой повинуется, а также и для того, чтобы и мы научились быть въ общеніи другъ съ другомъ, дѣлиться съ другими и подчиняться—подчиняться прежде всего Создателю, Богу Творцу и Владыкѣ, а затѣмъ и начальникамъ, которые Имъ поставлены; при этомъ мы не должны разслѣдовать, почему этотъ начальствуетъ, а я не начальствую, но принимать все исходящее отъ Бога съ благодарностію и благодушно.

Иногда происходятъ затменія солнца и луны, чѣмъ отличается безуміе тѣхъ, которые поклоняются *твари паче Творца* (Римл. I, 25), и доказываетъ, что солнце и луна подвержены превращеніямъ и измѣненіямъ. Все же измѣнчивое не есть Богъ, ибо все, что измѣняется, тлѣнно по своей природѣ.

Затменіе солнца происходитъ тогда, когда луна, дѣлаясь какъ бы промежуточною стѣною, даетъ тѣнь и не позволяетъ свѣту передаваться намъ. Поэтому сколько времени луна будетъ закрывать солнце, столько времени и будетъ продолжаться затменіе. Не слѣдуетъ удивляться тому, что луна, будучи меньше солнца, закрываетъ его; ибо нѣкоторые утверждаютъ, что солнце во много разъ болѣе земли, а святые отцы считаютъ его равнымъ землѣ, и однако часто его закрываетъ небольшое облако, или даже незначительный холмъ или стѣна.

Затменіе же луны происходитъ вслѣдствіе земной тѣни, когда лунѣ исполнится пятнадцать дней и когда солнце и луна окажутся на противоположныхъ концахъ прямой линіи проходящей чрезъ высочайшій центръ небснаго свода—солнце подъ землею, а луна надъ землею. Въ этомъ случаѣ земля даетъ тѣнь и солнечный свѣтъ не достигаетъ луны и не освѣщаетъ ее, отчего она и затмевается.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что луна была создана Творцомъ полною, т. е. такою, какою она бываетъ въ пятнадцатый день луннаго мѣсяца, ибо ей надобно произойти совершенною. Но на четвертый день, какъ мы сказали, было создано солнце. Слѣдовательно, луна опередила солнце на одиннадцать дней, ибо отъ четвертаго дня до 15-го одиннадцать дней. Поэтому въ каждомъ

¹⁾ Василій В., Слово на Рождество Христово.

897 году двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ одинадцатью днями менѣе двѣнадцати солнечныхъ мѣсяцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, двѣнадцать солнечныхъ мѣсяцевъ имѣютъ триста шестьдесятъ пять дней съ четвертію; а такъ какъ изъ сложения четвертей въ теченіе четырехъ лѣтъ, образуется одинъ день, который называется високоснымъ (*βίσετος*), поэтому тотъ годъ имѣетъ 366 дней. Напротивъ, лунные годы имѣютъ 354 дня, такъ какъ луна, народившись или обновившись, увеличивается, пока не достигаетъ возраста четырнадцати съ тремя четвертями дней; послѣ этого она начинаетъ уменьшаться, пока ей не исполнится 29 дней, когда она дѣлается совершенно темной. А потомъ, соединяясь съ солнцемъ, она возрождается и обновляется, давая намъ напоминаніе о нашемъ воскресеніи. Такъ получается, что луна ежегодно отстаётъ отъ солнца на одинадцать дней. Поэтому у евреевъ по прошествіи трехъ лѣтъ бываетъ вставочный мѣсяць, и третій годъ имѣетъ тринадцать мѣсяцевъ, вслѣдствіе прибавленія каждый годъ по одинадцати дней.

Ясно, что и солнце, и луна, и звѣзды сложны и по своей природѣ подлежатъ разрушенію. Однако, природы ихъ мы не знаемъ. Правда, нѣкоторые говорятъ, что огонь, если онъ не находится въ какомъ-либо веществѣ, бываетъ невидимъ, почему коль скоро его погасили, исчезаетъ; но другіе утверждаютъ, что огонь, будучи погашенъ, превращается въ воздухъ ¹⁾.

Зодіакальный кругъ движется по косої линіи и раздѣляется на двѣнадцать частей, называемыхъ знаками зодіака. Каждый знакъ имѣетъ тридцать градусовъ, изъ коихъ три главныхъ, по одному въ каждыхъ десяти градусахъ. Градусъ же состоитъ изъ шестидесяти минутъ. Такимъ образомъ, небо имѣетъ триста шестьдесятъ градусовъ, изъ нихъ 180 градусовъ въ полушаріи, находящемся надъ землею, и 180 градусовъ въ полушаріи, находящемся подъ землею.

Жилища планетъ: Овенъ и Скорпіонъ—жилище Марса; Телецъ и Вѣсы—Венеры; Близнецы и Дѣва—Меркурія; Ракъ—Луны; Левъ—Солнца; Стрѣлецъ и Рыбы—Юпитера; Козерогъ и Водолей—Сатурна.

Высоты: Овенъ—Солнца; Телецъ—Луны; Ракъ—Юпитера; Дѣва—Марса; Вѣсы—Сатурна; Козерогъ—Меркурія; Рыбы—Венеры.

Фазы луны: соединеніе—когда она находится въ одномъ градусѣ съ солнцемъ; рожденіе, когда она отстоитъ отъ солнца на пятнадцать градусовъ; восходъ,—когда она появляется; фаза

¹⁾ Немезій, О природѣ челоуѣка, 5.

серповидная, имбьющая мѣсто дважды,—когда луна отстоитъ отъ солнца на 60 градусовъ; двѣ полукружныя фазы,—когда луна отстоитъ отъ солнца на девяносто градусовъ; двѣ фазы двояковыпуклыя—когда луна отстоитъ отъ солнца на сто двадцать градусовъ; двѣ фазы неполнаго полнолунія и неполнаго свѣта—когда луна отстоитъ отъ солнца на сто пятьдесятъ градусовъ; полное полнолуніе—когда луна отстоитъ отъ солнца на сто восемьдесятъ градусовъ. Мы говорили о двухъ фазахъ, разумѣя фазу возрастанія и фазу ущерба. Каждый знакъ зодіака луна 900 проходитъ въ теченіе двухъ съ половиною дней.

Глава VIII.

О воздухѣ и вѣтрахъ.

Воздухъ есть очень легкая стихія, влажная и теплая, болѣе тяжелая, чѣмъ огонь, и болѣе легкая, чѣмъ земля и вода. Воздухъ служитъ причиною дыханія и звука. Онъ безцвѣтенъ, т. е. отъ природы не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта; прозраченъ, такъ какъ можетъ принимать свѣтъ. Воздухъ служитъ тремъ нашимъ чувствамъ, ибо при его посредствѣ мы видимъ, слышимъ и обоняемъ. Онъ можетъ принимать въ себя теплоту и холодъ, сухость и влажность. Ему принадлежатъ всѣ виды пространственнаго движенія: вверхъ, внизъ, внутрь, внѣ, вправо, влѣво, а равно и движеніе вращательное.

Самъ по себѣ воздухъ не имѣетъ свѣта, освѣщается солнцемъ, луною, звѣздами и огнемъ. Объ этомъ сказано въ Писаніи: *тма бѣ верху бѣадны* (Быт. 1, 2). Писаніе этимъ хочетъ показать, что воздухъ не самъ по себѣ имѣетъ свѣтъ, но существо свѣта иное.

Вѣтеръ есть движеніе воздуха. Иными словами: вѣтеръ есть теченіе воздуха и мѣняетъ свои названія въ зависимости отъ мѣстъ, откуда беретъ свое начало.

Мѣсто, въ свою очередь, есть нѣчто воздушное. ибо мѣстомъ виднаго тѣла служитъ то, что его обнимаетъ. Что же обнимаетъ тѣла. какъ не воздухъ? Мѣста, откуда происходитъ движеніе воздуха, различны: отъ этихъ различныхъ мѣстъ вѣтра и получили свои названія. Всѣхъ вѣтровъ двѣнадцать.

Говорятъ, что воздухъ есть потухшій огонь или испареніе нагрѣтой воды. Отсюда получается, что воздухъ по своей природѣ горячъ, но охлаждается вслѣдствіе близости къ водѣ и землѣ, такъ что его нижнія части—холодныя, верхнія же теплыя ¹⁾.

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 5.

Что касается различныхъ вѣтровъ, то съ лѣтнаго восхода солнца дуетъ *кекій*, или средній; съ восхода равноденственнаго-восточный вѣтеръ; съ востока зимняго—*эвръ*; съ запада зимняго—*ливъ*; съ запада лѣтнаго—*аргестъ* или *олимпій*, иначе называемый *япиксомъ*; затѣмъ вѣтры южный и сѣверный, дующіе одинъ навстрѣчу другому. Есть также вѣтеръ, средній между кекіемъ и сѣвернымъ—*борей*; между эвромъ и южнымъ вѣтромъ—*финиксъ*, называемый *эвронотомъ*; между южнымъ и ливомъ—*ливонотъ*, иначе *левконотъ*; между сѣвернымъ и аргестомъ—*эраскій*, иначе называемый окрестными жителями *кержіемъ*.

901

[Народы, населяющіе предѣлы земли, суть слѣдующіе: подъ эвромъ—Индійцы; подъ финиксомъ—Чермное море и Эіопія; подъ ливонотомъ—Гараманты, живущіе за Сиртомъ; подъ ливомъ—Эіопы и западные мавры; подъ западнымъ—[Геркулесовы] столпы и начальные предѣлы Ливіи и Европы; подъ аргестомъ—Иберія, нынѣ Испанія; подъ эраскіемъ—кельты и пограничныя съ ними племена; подъ сѣвернымъ вѣтромъ—Скиѣны, живущіе за Фракіей; подъ бореемъ—Понтъ, Мэотійское море и Сарматы; подъ кекіемъ—Каспійское море и Саки].

Глава IX.

О водахъ.

Вода также есть одна изъ четырехъ стихій, найпрекраснѣйшее созданіе Божіе. Вода представляетъ собою стихію влажную и холодную; она тяжела и стремится внизъ, легко разливаясь по поверхности. О ней и упоминаетъ Божественное писаніе, говоря: *и тма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды* (Быт. I, 2). Въ самомъ дѣлѣ, бездна не что иное, какъ множество воды, предѣлы котораго не доступны людямъ; ибо въ началѣ вода покрывала поверхность всей земли. И прежде всего Богъ сотворилъ твердь, служащую преградой *между водою. яже бѣ надъ твердію, и между водою, яже бѣ подъ твердію*—(Быт. I, 7): ибо, по Господню повелѣнію, твердь утвердилась въ срединѣ бездны водъ: Богъ сказалъ, чтобы образовалась твердь, и она образовалась. Но почему Богъ помѣстилъ воду *надъ твердію*. По причинѣ сильнѣйшаго жара, исходящаго отъ солнца и зѣира; ибо непосредственно за твердію простирается зѣиръ, а на тверди находятся солнце съ луною и звѣздами; и если бы сверху не было воды, то твердь отъ шара могла бы воспламениться.

Затѣмъ Богъ повелѣлъ водамъ собраться въ *собраніе едино* (Быт. I, 10). Слова: *собраніе едино*, не указываютъ на то, что воды

были собраны въ одномъ мѣстѣ, потому что вслѣдъ за этимъ говорится: *и собранія водъ нарече моря* (Быт. I, 10); упомянутыми словами обозначено то, что воды, будучи отдѣлены отъ земли, соединились между собою. Такъ воды собрались *въ собранія своя, и явися суша* (Быт. I, 9). Отсюда произошли два моря, обнимающія 904 Египеть, ибо онъ находится между двумя морями; къ нимъ принадлежатъ различныя меньшія моря, со своими горами, островами, мысами, пристанями, заливами, берегами низменными и утесистыми. Низменнымъ называется песчаный морской берегъ, утесистымъ же—каменистый, обрывистый, подлѣ котораго сразу начинается глубина. Подобнымъ же образомъ произошли и море восточное, называемое Индійскимъ, и море сѣверное, называемое Каспійскимъ. Такимъ же образомъ произошли и озера.

Что касается океана, то онъ представляетъ собою какъ бы нѣкоторую рѣку, окружающую всю землю; о немъ, какъ мнѣ кажется, сказано въ божественномъ Писаніи: *рѣка исходитъ изъ Эдема* (Быт. II, 10). Океанъ имѣетъ воду годную для питья и сладкую. Онъ доставляетъ воду морямъ, гдѣ она, пребывая долгое время и оставаясь неподвижной, дѣлается горькой, при чемъ ея легчайшія части постоянно извлекаются солнцемъ и смерчами. Отсюда образуются облака и происходятъ дожди, при чемъ вода, процѣживаясь, становится сладкой.

Океанъ раздѣляется на четыре канала (Быт. II, 10), или четыре рѣки. Имя одной рѣки Фисонъ (Быт. II, 11) т. е. индійскій Гангъ. Имя второй Геонъ (Быт. II, 13); это Ниль, текущій изъ Эіопіи въ Египеть. Имя третьей Тигръ (Быт. II, 14), а имя четвертой Евфратъ (Быт. II, 14). Есть весьма много и другихъ величайшихъ рѣкъ, изъ которыхъ однѣ изливаются въ море, другія теряются въ землѣ. Поэтому во всей землѣ имѣются скважины и проходы, какъ бы нѣкоторыя жилы, чрезъ которыя она принимаетъ воды изъ моря и испускаетъ источники.

Въ силу этого, отъ качества земли зависятъ и вода въ источникахъ, ибо морская вода процѣживается и очищается землею, и такимъ образомъ дѣлается сладкой. Если же мѣсто, откуда вытекаетъ источникъ, окажется горькимъ или соленымъ, то и вода выходитъ такая же. Часто же вода, будучи стѣсняема и съ силою вырываясь, пагрѣвается; вслѣдствіе чего и появляются самородныя теплыя воды ¹⁾).

Итакъ, по божественному повелѣнію, въ землѣ явились впа- 905 дины, и такимъ образомъ воды собрались *въ собранія своя* (Быт. I, 9);

¹⁾ Василій Великій, Бесѣда на Шестодневъ 4-ая.

вслѣдствіе этого образовались и горы. Затѣмъ водѣ, первой, Богъ повелѣлъ произвести *душу живу* (Быт. I, 20); ибо Онъ восхотѣлъ чрезъ воду и носившагося въ началѣ надъ водами Святаго Духа (I, 2) обновить челоуѣка: такъ говоритъ божественный Василій. И земля произвела животныхъ, малыхъ и великихъ, китовъ, драконовъ, рыбъ, плавающихъ въ водѣ, и птицъ пернатыхъ: такимъ образомъ чрезъ птицъ соединяются между собою вода, земля и воздухъ, ибо онѣ произошли изъ воды, живутъ на землѣ и летаютъ по воздуху.

Вода есть самая прекрасная изъ стихій и приноситъ много пользы; она очищаетъ отъ нечистоты, не только отъ нечистоты тѣлесной, но—если восприметь въ себя благодать Духа—и отъ нечистоты душевной ¹⁾.

О моряхъ.

За Эгейскимъ моремъ начинается Геллеспонтъ, простирающийся до Абиса и Сеста; затѣмъ слѣдуетъ Пропонтида, простирающаяся до Халкидона и Византіи, гдѣ находится проливъ, за которымъ начинается Понтъ; далѣе слѣдуетъ Мэотійское озеро. Затѣмъ, тамъ, гдѣ начинаются Европа и Ливія, находится Иберійское море, простирающееся отъ столповъ Геркулеса до Пиренейской горы, далѣе Лигурійское, простирающееся до предѣловъ Этруріи, затѣмъ—Сардинское, лежащее за Сардиніей и заворачивающее къ Ливіи; потомъ Тирренское, простирающееся до Сициліи и начинающееся отъ предѣловъ Лигурійской страны. Далѣе слѣдуютъ моря Ливійское, потомъ Критское, Сицилійское, Іонійское и Адриатическое, берущее свое начало отъ Сицилійскаго моря, называемаго Коринѣскимъ заливомъ или Алкіонидскимъ моремъ. Море, замыкаемое мысомъ Суніемъ и мысомъ Скиллеемъ, называется Сароникскимъ; за нимъ слѣдуютъ моря Миртойское и Икарійское, въ которомъ находятся Цикладскіе острова; далѣе простираются моря Карпаційское, Памфилійское и Египетское; выше же Икарійскаго моря лежитъ море Эгейское.

Водный путь вдоль береговъ Европы, начиная отъ устьевъ рѣки Танаиса и до столповъ Геркулеса, составляетъ 609,709 стадій; а водный путь вдоль береговъ Ливіи—отъ Тинга до Канобскаго устья—209, 252 стадій; наконецъ, водный путь вдоль береговъ Азіи—отъ Каноба до рѣки Танаиса, вмѣстѣ съ заливами,—908 1,111 стадій. Весь же морской берегъ земли, населенной въ настоящее время, вмѣстѣ съ заливами, имѣетъ длину 1,309,072 стадій.

¹⁾ Василій Великій, Беседа на Шестодневъ 8-ая.

Г л а в а X.

О землѣ и о томъ, что изъ нея.

Земля есть одна изъ четырехъ стихій, сухая, холодная, тяжелая и неподвижная, приведенная Богомъ изъ небытія въ бытіе въ первый день; ибо Писаніе говоритъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). На чемъ земля утверждена и основана никто изъ людей не въ состояніи объяснить. Такъ одни говорятъ, что она утверждается и укрѣпляется на водахъ, по слову божественнаго Давида: *утвердившему землю на водахъ* (Пс. СXXXV, 6); другіе полагаютъ, что она утверждается на воздухѣ; а третій говоритъ: *повышай землю ни на чемъже* (Іов. XXVI, 7). И въ другомъ мѣстѣ богоглаголивый Давидъ, какъ бы отъ лица Творца, говоритъ: *Азъ утвердихъ столпы ея* (Пс. LXXIV, 4), пазвавъ столпами поддерживающую ее силу. Слова же: *на моряхъ основаль ю естъ* (Пс. XXIII, 2), показываютъ, что водная стихія со всѣхъ сторонъ окружаетъ землю. Итакъ, допустимъ ли мы, что земля утверждена на себѣ самой, или на воздухѣ, или на водахъ, или ни на чемъ, не слѣдуетъ отступать отъ благочестиваго образа мыслей, по исповѣдывать, что все вмѣстѣ управляется и содержится силою Создавшаго.

Въ началѣ, какъ говоритъ Писаніе (Быт. 1, 2), земля покрывалась водами и была неупроена, или не приведена въ порядокъ. Но по повелѣнію Божію образовались водныя вмѣстилища; тогда же появились горы, и земля, по повелѣнію Божію, получила свойственное ей устройство, украсившись всякаго рода травами и растеніями, въ которыя Божественное повелѣніе вложило силу расти, питаться, производить сѣмена, или рождаютъ себѣ подобныхъ. Кромѣ того, земля произвела, по повелѣнію Творца, разные роды животныхъ — пресмыкающихся, звѣрей и домашній скотъ. Все это земля произвела для соответствующаго пользованія человѣку, но одни животныя предназначались для пищи, каковы: олени, овцы, козы и под.; другія для службы, каковы: верблюды, волы, лошади, ослы и под.: третьи — для развлеченія, каковы: обезьяны, а изъ птицъ — сороки, попугай и под. Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ растеніями, и травами. Одни изъ нихъ приносятъ плоды, другія употребляются въ пищу, третьи благоуханны и цвѣтущи и даны намъ для наслажденія — такова роза и под.; четвертыя служатъ для исцѣленія болѣзней. Нѣтъ ни одного животнаго или растенія, въ которое Творецъ не вложилъ бы какой-нибудь силы, полезной для человѣческихъ потребностей; ибо Богъ, *свѣдый вся прежде бытія*

ихъ (Дан. XIII, 42), предвидя, что человекъ самовольно преступить заповѣдь и будетъ преданъ тлѣннѣю, создалъ все, какъ на небѣ, такъ и на землѣ и въ водахъ такъ, чтобы оно служило для своевременнаго употребленія человекъ.

909

До преступленія заповѣди все было подвластно человекъ, ибо Богъ поставилъ его начальникомъ надъ всѣмъ, что на землѣ и въ водахъ. Даже змѣи былъ привязанъ къ человекъ и чаще другихъ животныхъ приближался къ нему и своими пріятными движеніями какъ бы бесѣдовалъ съ нимъ. Поэтому-то родоначальникъ зла, діаволь, и внушилъ чрезъ него нашимъ прародителямъ злѣйшій совѣтъ. Тогда и земля сама собою приносила плоды, дабы ими пользовались подвластныя человекъ животныя: и не было на землѣ ни дождя, ни зимы. Послѣ же преступленія, когда человекъ *приложися скотамъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Ис. XLVIII, 13), когда онъ предоставилъ неразумной похоти господствовать надъ разумной душою и сталъ послушникомъ заповѣди Господней, то подвластная тварь возстала противъ поставленнаго Творцомъ начальника, и ему было определено въ потѣ лица воздѣлывать землю, изъ которой онъ взять (Быт. III, 19) ¹⁾.

Но и теперь звѣри не бесполезны для насъ, такъ какъ они наводятъ на насъ страхъ и побуждаютъ вспоминать о Богѣ Творцѣ и взывать къ Нему о помощи. Равнымъ образомъ послѣ преступленія изъ земли, по слову Господа, стали произрастать тернии; съ этихъ поръ даже съ красотою и ароматомъ розъ стали неразлучно связаны шипы, напоминающіе намъ о преступленіи, вслѣдствіе котораго земля была осуждена производить намъ тернии и волчцы (Быт. III, 18).

Что это такъ, въ этомъ насъ удостовѣряетъ то обстоятельство, что все это и до настоящаго времени пребываетъ въ силу слова Господа, сказавшаго: *раститесь, множитесь и наполните землю* (Быт. I, 22, 28).

Нѣкоторые утверждаютъ, что земля шарообразна, другіе же признаютъ ее конусообразной. Но она меньше, даже несравненно меньше неба, являясь какъ бы нѣкоторой точкой, висящей въ центрѣ небесной сферы. Земля *прейdetъ* и памѣнится. И блаженъ тотъ, кто унаслѣдуетъ землю *кроткихъ* (Ме. V, 4), ибо та земля, которая приметъ святыхъ, безсмертна. Итакъ, кто достойно восхвалитъ безпредѣльную и непостижимую мудрость

¹⁾ Василий Великій (?), Беседа о раѣ. Migne, s. gr., t. XXX, coll. 61—72.

Творца, или кто воздастъ должное благодареніе Подателю столь великихъ благъ?

Извѣстныхъ намъ областей земли или сатрапій въ Европѣ находится 34, на великомъ же Азіатскомъ материкѣ—48, а такъ называемыхъ канонѣвъ—12.

Г л а в а XI.

О раѣ.

Рѣшивъ изъ видимой и невидимой природы создать по образу и подобію Своему человѣка — чтобы онъ былъ какъ бы нѣкоторымъ царемъ и начальникомъ всей земли и того, что на ней,—Богъ приготовилъ для него какъ бы нѣкоторый дворецъ, гдѣ обитая, онъ проводилъ бы блаженную и довольную жизнь. Это и былъ божественный рай, насажденный руками Божиими въ Эдемѣ, — хранилище веселія и всякой радости, ибо слово *Эдемъ* означаетъ наслажденіе. Онъ находился на востокѣ, возвышаясь надъ всею землею. Въ немъ было совершеннѣйшее благораствореніе. Тончайшій и чистѣйшій воздухъ окружалъ его: вѣчно цвѣтуція растенія украшали его. Онъ былъ насыщенъ благовоніемъ, наполненъ свѣтомъ и превосходилъ всякое представленіе чувственной прелести и красоты. Это была подлинно божественная страна и достойное жилище для созданнаго по образу Божію. Ни одно неразумное животное не обитало въ раю: въ немъ жилъ одинъ только человѣкъ, созданіе божественныхъ рукъ ¹⁾.

Посреди же рая Богъ насадилъ древо жизни и древо познанія. Древо познанія должно было служить нѣкоторымъ испытаніемъ и искушеніемъ для человѣка и упражненіемъ его послушанія и непослушанія. Поэтому оно и было названо *древомъ познанія добра и зла*. Впрочемъ, это названіе, можетъ быть, было дано ему потому, что оно сообщало вкушающимъ способность познавать свою собственную природу. Это было хорошо для совершенныхъ, но худо для не достигшихъ совершенства и одержимыхъ сладострастными влеченіями, подобно тому какъ твердая пища вредна для младенцевъ, имѣющихъ нужду въ молокѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сотворившій насъ Богъ не хотѣлъ, чтобы мы заботились и суетились о многомъ (Лук. X, 41) и чтобы мы были расчетливы и предусмотрительны касательно нашей собственной жизни. Но Адамъ это подлинно испыталъ: ибо вкусивъ онъ узналъ, что

¹⁾ Григорій нисскій, Объ устройствѣ человѣка, 2. Переводъ моск. дух. Акад., ч. I (1861), стр. 85.

916 былъ нагъ, и падѣлъ на себя опоясаніе, ибо, взявъ листья смоковницы, онъ опоясался ими (Быт. III, 7). До вкушенія же *бъста оба нага*, Адамъ и Ева — *и не стыдятся* (Быт. II, 25). И Богъ хотѣлъ, чтобы мы были столь же безстрастны—ибо это есть вершина безстрастія. Онъ хотѣлъ также, чтобы мы были свободны отъ заботъ и имѣли одно дѣло, свойственное ангеламъ, т. е. непрестанно и немолчно воспѣвали Создателя, наслаждались Его созерцаніемъ и возлагали на Него наши заботы. Это и возвѣстилъ онъ намъ чрезъ пророка Давида: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя пренимаетъ* (Пс. LIV, 23). И въ Евангеліи, поучая Своихъ учениковъ, Онъ говоритъ: *не печетесь душою вашею, что ясте, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся* (Мф. VI, 25). И потомъ: *ищите... царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (33 ст.). И Марфѣ Онъ сказалъ: *Марео! Марео! печеніиши и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу, Марія же благую часть избра, яже не отнимется отъ нея* (Лук. X, 41, 42), т. е. сидѣть у ногъ Его и слушать слова Его ¹⁾.

Что же касается древа жизни, то оно было или деревомъ, имѣвшимъ силу подавать жизнь, или деревомъ, отъ котораго могли питаться только достойные жизни и не подлежащіе смерти. Нѣкоторые представляли себѣ рай чувственнымъ, другіе духовнымъ. Мнѣ же кажется, что соотвѣтственно тому, какъ человѣкъ былъ созданъ вмѣстѣ и чувственнымъ, и духовнымъ, такъ и священнѣйшій его удѣлъ былъ вмѣстѣ и чувственнымъ, и духовнымъ, и имѣлъ двѣ стороны; ибо тѣломъ человѣкъ, какъ мы сказали, обиталъ въ божественнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ мѣстѣ, душою же жилъ въ мѣстѣ несравненно болѣе высокомъ и несравненно болѣе прекрасномъ, имѣя жилищемъ обитавшаго въ немъ Бога, и, облакаясь въ Него, какъ въ свѣтлую ризу, покрываясь Его благодатію и наслаждаясь, подобно какому-нибудь повому ангелу, только сладчайшимъ плодомъ Его лицезрѣнія и питаясь имъ: это и справедливо названо деревомъ жизни, ибо сладость божественнаго общенія сообщаетъ удостоившимся его жизнь, не прерываемую смертію. То же самое назвалъ Богъ и *всякимъ древомъ*, сказавъ: *отъ всякаго древа, еже въ Раи, съѣдои съѣси* (Быт. II, 16), ибо Самъ Онъ есть все, въ Которомъ и чрезъ Котораго *всяческая состоится* (Кол. I, 17) ²⁾.

А дерево познанія добра и зла есть распознаніе многообразнаго зрѣлища (*τῆς πολυτρόπου θεωρίας*), т. е. познаніе собственной природы. Это познаніе, пзъ себя самого раскрывая величіе Творца,

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 38 и 45.

²⁾ Немеzій, О природѣ человѣка, I, Migne, 512, 516. Переводъ, 25, 27.

прекрасно для совершенныхъ и утвердившихся въ божественномъ созерцаіи и не боящихся паденія, ибо они вслѣдствіе продолжительнаго упражненія пріобрѣли нѣкоторый навѣкъ въ такомъ созерцаіи. Но не хорошо оно для тѣхъ, которые еще неопытны и подвержены сладострастнымъ влеченіямъ. Такъ какъ они не укрѣпились въ добрѣ и еще недостаточно утвердились въ привязанности къ одному только прекрасному, то ихъ обыкновенно привлекаетъ къ себѣ и развлекаетъ забота о собственномъ тѣлѣ¹⁾.

917

Такимъ образомъ, я думаю, что божественный рай былъ двоякій, и поэтому одинаково правильно учили богоносные отцы—какъ тѣ, которые держались одного взгляда, такъ и тѣ, которые держались другого. Выраженіе же: *всякое древо*, возможно понять въ смыслѣ познанія силы Божіей, пріобрѣтаемаго изъ разсматриванія твореній, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *невидимая бо Бю отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть* (Рим. I, 20). Но выше всѣхъ этихъ мыслей и созерцаній—мысль о насъ самихъ, т. е. о напемъ составѣ, по слову божественнаго Давида: *удивися разумъ твой отъ мене* (Пс. CXXXVIII, 6), т. е. отъ моего устройства. Однако, для Адама, который былъ только-что сотворенъ, это познаніе было опасно по причинамъ, о которыхъ мы сказали.

Подъ деревомъ жизни можно разумѣть также то величайшее познаніе, которое мы почерпаемъ изъ разсмотрѣнія всего чувственнаго, и тотъ путь, которымъ мы чрезъ это познаніе восходимъ къ Родоначалнику, Творцу и Причинѣ всего существующаго. Это Богъ и назвалъ *всякимъ деревомъ*, т. е. полнымъ и нераздѣльнымъ, приносящимъ одну только привязанность къ добру. Древо же познанія добра и зла можно почитать въ смыслѣ чувственной, доставляющей удовольствіе пищи, которая хотя и кажется пріятною, однако по существу является для вкушающаго причиною зла; ибо Богъ говоритъ: *отъ всякаго древа, еще въ Раи, снѣдію снѣси* (Быт. II, 16), выражая этимъ, какъ я думаю, слѣдующее: отъ всѣхъ твореній восходи ко мнѣ—Творцу и со всѣхъ ихъ собери одинъ плодъ—Меня, истинную жизнь; пусть все приносить тебѣ, въ качествѣ плода, жизнь и общеніе со Мною полагай основой своего существованія; ибо такимъ образомъ ты будешь безсмертенъ. *Отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него. А въ оны же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17): ибо, согласно естественному по-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 38 и 45.

рядку, чувственная пища есть восполненіе утеряннаго, и она выбрасывается вонъ и истлѣваетъ; и нельзя остаться нетлѣннымъ тому, кто питается чувственной пищей.

Г л а в а XII.

О ч е л о вѣ кѣ.

Такъ создалъ Богъ духовную сущность, т. е. ангеловъ и всѣхъ 920 небесные чины, ибо ангелы, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ духовную и безтѣлесную природу. Впрочемъ, я говорю о безплотной природѣ ангеловъ, по сравненію съ грубою вещественностью матеріи, ибо по существу только Божество нематеріально и безтѣлесно. Кромѣ того, Богъ создалъ и чувственную сущность, т. е. небо, землю и то, что находится между ними. И первую сущность Богъ создалъ подобной Себѣ, ибо подобна Богу разумная природа, постигаемая только умомъ. Вторую же сущность Богъ создалъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма далекой отъ Себя, поскольку она вполне доступна чувству. Но надлежало, чтобы произошло также и смѣшеніе обѣихъ сущностей, которое свидѣтельствовало бы о высшей мудрости и щедрости въ отношеніи обѣихъ природъ, и, какъ говорить богоглаголивый Григорій, было бы нѣкоторою связью между видимой и невидимой природою. Я говорю: „надлежало“, разумѣя здѣсь волю Творца, ибо она есть самый совершенный уставъ и законъ. И никто не скажетъ Творцу: зачѣмъ ты сотворилъ меня такъ? ибо горшечникъ властенъ дѣлать изъ своей глины различные сосуды (Рим IX, 21), дабы показать свою мудрость ¹⁾.

Такимъ образомъ, Богъ изъ видимой и невидимой природы Своими руками творить челоуѣка по Своему образу и подобію. Изъ земли Онъ образовалъ тѣло челоуѣка, душу же разумную и мыслящую далъ ему Своимъ вдуновеніемъ. Это мы и называемъ образомъ Божиимъ, ибо выраженіе: *по образу*, указываетъ на способность ума и свободы; тогда какъ выраженіе: *по подобію*, означаетъ уподобленіе Богу въ добродѣтели, насколько оно возможно для челоуѣка.

921 Душа была создана вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, какъ пустословилъ Оригенъ, будто сначала была сотворена душа, а потомъ тѣло.

Итакъ, Богъ сотворилъ челоуѣка непорочнымъ, правымъ, любящимъ добро, свободнымъ отъ печали и заботъ, украшеннымъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 38 и 45.

всякою добродѣтелью, избилующимъ всеми благами, какъ бы нѣкоторый второй міръ—малый въ великомъ,—какъ новаго ангела, поклоняющагося Богу,—сотворилъ его смѣшаннымъ изъ двухъ природъ, созерцателемъ видимаго творенія, проникающимъ въ тайны творенія мысленнаго, царствующимъ надъ тѣмъ, что на землѣ и подчиняющимся вышней власти, земнымъ и небеснымъ, временнымъ и безсмертнымъ, видимымъ и умопостигаемымъ, какъ средину между величіемъ и ничтожествомъ;—сотворилъ его въ одно и то же время духомъ и плотію: духомъ по благодати, плотію—въ предупрежденіе гордости,—духомъ—за тѣмъ, чтобы онъ оставался неизмѣннымъ и прославлялъ Благодѣтеля, плотію—за тѣмъ, чтобы страдалъ и страдая памятовалъ о томъ, кто онъ, и, впадая въ гордость, вразумлялся; сотворилъ его живымъ существомъ, которое направляется здѣсь, т. е. въ настоящей жизни, и которое переселяется въ иное мѣсто, т. е. въ вѣкъ будущій;—сотворилъ его—что составляетъ предѣлъ тайнъ—въ силу свойственнаго ему тяготѣнія къ Богу, превращающимся въ Бога по причастию къ божественному озаренію, но не переходящимъ въ божественную сущность ¹⁾.

924

Онъ создалъ его по природѣ безгрѣшнымъ и по волѣ свободнымъ. Я говорю: безгрѣшнымъ, не потому, что онъ не былъ воспримчивъ ко грѣху—ибо только Божество не доступно грѣху,—но потому, что возможность грѣха заключалась не въ его природѣ, а скорѣе въ его свободной волѣ. Это значитъ, что, при содѣйствіи божественной благодати, онъ имѣлъ возможность пребывать и преуспѣвать въ добрѣ, а равно и, въ силу своей свободы, при поущеніи Божиемъ, оставить добро и оказаться во злѣ, ибо то, что дѣлается по принужденію, не есть добродѣтель ²⁾.

Душа есть сущность живая, простая и безтѣлесная: невидимая, по своей природѣ, тѣлесными очами, безсмертная, одаренная разумомъ и умомъ, не имѣющая опредѣленной фигуры; она дѣйствуетъ при помощи органическаго тѣла и сообщаетъ ему жизнь, возрастаніе, чувство и силу рожденія. Умъ принадлежитъ душѣ, не какъ что-либо другое, отличное отъ нея, но какъ чистѣйшая часть ея самой. Что глазъ въ тѣлѣ, то и умъ въ душѣ. Душа, далѣе, есть существо свободное, обладающее способностію хотѣнія и дѣйствованія; она доступна измѣненію и, именно, измѣненію со стороны воли, какъ это свойственно тварному

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 38 и 45.

²⁾ Аванасій Алекс., Противъ Аполлинарія книга первая. О воплощеніи Господа. Переводъ моск. дух. Акад., ч. III (1903). стр. 315—340.

925 существу. Все это душа получила естественно по благодати Создавшаго, по которой получила и бытіе, и опредѣленную природу ¹⁾).

О безтѣлесномъ гдѣ бы ни было. Безтѣлесное, невидимое, не имѣющее фигуры мы понимаемъ двоякимъ образомъ. Одно таково по своему существу, другое же по благодати; одно таково по природѣ, другое по сравненію съ грубою вещественностію матеріи. Итакъ, по природѣ безтѣлеснымъ называется Богъ; ангелы же, демоны и души получаютъ такое названіе по благодати и по сравненію съ грубой вещественностію матеріи.

Тѣломъ называется то, что имѣетъ три измѣренія, т. е. длину, ширину и глубину, или толщину. Каждое тѣло состоитъ изъ четырехъ стихій. Тѣла же животныхъ состоятъ изъ четырехъ влагъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что четыре стихіи—это земля—сухая и холодная, вода—холодная и влажная, воздухъ—влажный и теплый, огонь—теплый и сухой. Равнымъ образомъ и четыре влаги, соотвѣтствующія четыремъ стихіямъ,—суть черная желчь, которая соотвѣтствуетъ землѣ, такъ какъ она суха и холодна; слизь, соотвѣтствующая водѣ, ибо она—слизь—холодна и влажна; флегматическая влага, соотвѣтствующая воздуху, такъ какъ она влажная и теплая; желтая желчь, соотвѣтствующая огню, такъ какъ она теплая и сухая. Плоды образуются изъ стихій; влаги изъ плодовъ, тѣла же животныхъ—изъ влагъ, на которыя они разлагаются, такъ какъ все сложное разлагается на свои составныя части.

О томъ, что человекъ имѣетъ общее и съ неодушевленными вещами, и безсловесными существами, и съ одаренными разумомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что человекъ имѣетъ нѣчто общее съ неодушевленными существами, причастенъ жизни неразумныхъ и обладаетъ мышленіемъ разумныхъ. Съ неодушевленными человекъ имѣетъ сходство въ томъ, что обладаетъ тѣломъ и состоитъ изъ четырехъ стихій; съ растеніями въ томъ же самомъ и, кромѣ того, въ томъ, что имѣетъ способность питаться, расти, производить сѣмя и рождать; а съ неразумнымъ—во всемъ только что упомянутомъ и въ добавокъ въ томъ, что имѣетъ влеченія, т. е. доступецъ гнѣву и хотѣнію, что надѣленъ чувствомъ и способностію движенія по внутреннимъ побужденіямъ.

929 Чувствъ, конечно, пять: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе. Произвольное же движеніе состоитъ въ переходѣ съ мѣста на мѣсто, въ движеніи всего тѣла, въ произведеніи звука и дыханіи, ибо въ нашей власти дѣлать это и не дѣлать.

Съ существами безтѣлесными и духовными человекъ соприкасается посредствомъ разума,—разсуждая, составляя понятія

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, О душѣ. Migne. s. gr., t. XCI.

и сужденія о каждой вещи, стремясь къ добродѣтелямъ и любя то, что составляетъ вершину всѣхъ добродѣтелей—благочестіе; потому человѣкъ и есть малый міръ ¹⁾).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что только тѣлу свойственны раздѣленіе, истеченіе и измѣненіе. Измѣненіе состоитъ въ измѣненіи качества, т. е. въ нагрѣваніи, охлажденіи и т. под. Истеченіе состоитъ въ истощеніи, ибо истощенію подлежатъ и сухос, и влажное, и дыханіе, нуждающіяся въ восполненіи; отсюда и происходятъ естественныя, чувства, каковы: голодъ или жажда. Раздѣленіе состоитъ въ отдѣленіи одной влаги отъ другой, а также въ разложеніи на форму и матерію.

Душѣ же свойственны благочестіе и разумѣніе. Но одинаково какъ душѣ, такъ и тѣлу принадлежатъ добродѣтели, и именно потому, что онѣ относятся къ душѣ, поскольку тѣло служить потребностямъ души.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что разумныя силы господствуютъ надъ неразумными—ибо силы души раздѣляются на разумныя и неразумныя. Неразумныя силы бываютъ двухъ видовъ. Однѣ изъ нихъ не послушны разуму, т. е. не повинуются ему; вторыя же послушны и повинуются разуму. Непослушны разуму и не повинуются ему сила животная, называемая еще силою кровообращенія, сила произведенія сѣмени, или сила рожденія, сила растительная, называемая также силою питанія; видами этой силы являются сила возрастанія и сила образованія тѣлъ. Всѣ эти силы управляются не разумомъ, а природою. Послушныя же и повинующіяся разуму силы души суть гнѣвъ и хотѣніе. Вообще же неразумная часть души называется страдательною и пожелательною. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что произвольное движеніе принадлежитъ той части души, которая повинуется разуму.

Напротивъ, сила питанія, сила рожденія и сила кровообращенія относятся къ той части души, которая разуму не повинуется. Сила роста, питанія и рожденія называется растительной силою, а сила кровообращенія—животной.

Сила питанія состоитъ изъ четырехъ силъ: силы привлекающей, коей привлекается пища; силы удерживающей, которая удерживаетъ пищу и не допускаетъ, чтобы она тотчасъ же была извергнута; силы претворяющей, которая претворяетъ пищу во влагъ; силы отдѣляющей, которою лишнее выдѣляетъ и извергаетъ вонъ ²⁾).

Должно имѣть въ виду, что изъ тѣхъ силъ, которыя при-

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 1. Migne, 505—508. Переводъ, 21—22.

²⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 23. Migne, 693. Переводъ, 132.

сущи животному, однѣ суть силы душевныя, другія—растительныя, третьи животныя. Душевныя силы тѣ, которыя зависятъ отъ воли, каковы: произвольное движеніе и способность чувства. Произвольное движеніе состоитъ въ переходѣ съ мѣста на мѣсто, въ движеніи всего тѣла, въ произведеніи звука и дыханіи; ибо отъ насъ зависитъ дѣлать это и не дѣлать. Силы же растительныя и жизненныя не зависятъ отъ воли. Растительныя силы суть сила питанія, сила роста и сила произведенія сѣмени. Жизненная сила есть сила кровообращенія. Эти силы дѣйствуютъ какъ тогда, когда мы желаемъ этого, такъ и тогда, когда не желаемъ.

Слѣдуетъ припятъ къ свѣдѣнію, что однѣ вещи хороши, другія же дурны. Ожидаемое благо производитъ желаніе; наличное же благо—удовольствіе. Въ свою очередь, ожидаемое зло подобнымъ же образомъ производитъ страхъ, наличное же не-удовольствіе. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, говори здѣсь о благѣ, мы имѣли въ виду какъ дѣйствительное благо, такъ и благо мнимое. То же самое имѣетъ силу и въ отношеніи зла.

Г л а в а XIII.

Объ удовольствіяхъ.

Удовольствія бывають душевныя и тѣлесныя. Душевныя удовольствія—тѣ, которыя принадлежать только душѣ самой по себѣ; таковы, на примѣръ, удовольствія, доставляемыя знаніемъ и созерцаніемъ. Тѣлесныя удовольствія тѣ, въ которыхъ участвуютъ и душа, и тѣло и которыя отсюда получаютъ свое названіе; таковы, на примѣръ, удовольствія, доставляемыя пищею, плотскимъ соединеніемъ и т. п. Удовольствій же, свойственныхъ одному тѣлу, нельзя указать.

Съ другой стороны, одни удовольствія—истинныя, другія—ложныя. Тѣ удовольствія, которыя принадлежать одному разуму, проистекають отъ познанія и созерцанія; тѣ же удовольствія, въ которыхъ участвуетъ тѣло, имѣють свой источникъ въ чувствѣ. При этомъ, изъ удовольствій, въ которыхъ участвуетъ тѣло, одни естественныя и въ то же время необходимыя, безъ которыхъ невозможно жить, каковы: пища и необходимая одежда; другія—естественныя, но лишеныя свойства необходимости, каковы: половыя сношенія, естественныя или законныя; ибо хотя половыя сношенія и способствуютъ продолженію человѣческаго рода въ цѣломъ, однако можно жить и безъ нихъ—въ дѣвствѣ; третьи удовольствія—ни необходимыя, ни естественныя, каковы:

пьянство, сладострастіе, пресыщеніе. Эти удовольствія не содѣйствуютъ ни сохраненію нашей жизни, ни преемству рода и даже наоборотъ—вредятъ. Поэтому тотъ, кто живетъ въ согласіи съ волей Божіей, долженъ искать удовольствій необходимыхъ и вмѣстѣ естественныхъ; а на второмъ мѣстѣ полагать удовольствія естественныя, но необходимыя, допуская ихъ въ приличное время, приличнымъ образомъ и въ приличной мѣрѣ. Прочихъ же удовольствій слѣдуетъ всячески избѣгать.

Добрыми удовольствіями надлежитъ признавать тѣ, которыя не связаны съ неудовольствіемъ, не оставляютъ по себѣ повода къ раскаянію, не производятъ какого-либо другого вреда, не выходятъ изъ границъ умѣренности, не слишкомъ отвлекаютъ отъ важныхъ дѣлъ и не порабощаютъ себѣ.

Глава XIV.

О неудовольствіи.

Неудовольствіе бываетъ четырехъ видовъ: горестъ, грусть, зависть, состраданіе. Горестъ есть неудовольствіе, производящее потерю голоса; грусть—неудовольствіе, стѣсняющее сердце; зависть—неудовольствіе, испытываемое по поводу чужихъ благъ; состраданіе—неудовольствіе, испытываемое по поводу чужихъ несчастій ¹⁾).

Глава XV.

О страхѣ.

Страхъ также бываетъ шести видовъ: нерѣшительность, стыдливость, стыдъ, ужасъ, изумленіе, безпокойство. Нерѣшительность есть страхъ предъ будущимъ дѣйствіемъ. Стыдъ—страхъ предъ ожидаемымъ порицаніемъ; это—прекраснѣйшее чувство. Стыдливость—страхъ предъ совершеннымъ уже постыднымъ дѣяніемъ; и это чувство не безнадежно въ смыслѣ спасенія человѣка. Ужасъ—страхъ предъ какимъ-либо великимъ явленіемъ. Изумленіе—страхъ предъ какимъ-либо необычайнымъ явленіемъ. Безпокойство—страхъ предъ неуспѣхомъ или неудачею, ибо, опасаясь потерпѣть неудачу въ какомъ-либо дѣлѣ, мы испытываемъ безпокойство ²⁾).

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 19. Migne, 688. Переводъ, 127.

²⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 20. Migne, 688—689. Переводъ, 128.

Г л а в а XVI.

О гнѣвъ.

Гнѣвъ есть кипѣніе крови вокругъ сердца, происходящее отъ испаренія или возмущенія желчи; поэтому по-гречески гнѣвъ называется также *χολή* и *χόλος*, что значитъ желчь. Иногда гнѣвъ соединяется съ желаніемъ мщенія; ибо, будучи обижены или считая себя обиженными, мы гнѣваемся, такъ что въ этомъ случаѣ образуется чувство, смѣшанное изъ влеченія и гнѣва ¹⁾).

Существуетъ три вида гнѣва: раздраженіе—называемое также *χολή* и *χόλος*—злоба и мстительность. Раздраженіемъ называется гнѣвъ, начинающійся и возбуждающійся. Злобою - гнѣвъ длительный, или злопамятство; по-гречески такой гнѣвъ называется *μῆνις*—отъ *μένειν*—оставаться, пребывать и *μνησικαχία*—отъ *μνήμη* *παράδοξομαι*—держаться въ памяти. Мстительность есть гнѣвъ, выходящій случая для мщенія. По-гречески такой гнѣвъ называется *κότος*, отъ *κείσθαι*—лежать.

Гнѣвъ служить разуму и является защитникомъ желанія. Такъ, когда мы желаемъ исполнить какое-либо дѣло и кто-нибудь намъ въ этомъ препятствуетъ,—мы гнѣваемся на него, какъ подвергающіеся несправедливости, ибо для разума людей, охраняющихъ свое естественное право, такое препятствіе, очевидно, должно быть признано достойнымъ негодованія.

Г л а в а XVII.

О воображеніи.

Воображеніе есть сила неразумной души, дѣйствующая при посредствѣ органовъ чувствъ и называющаяся также чувствомъ. Воображаемымъ же и воспринимаемымъ чувствомъ называется то, что подлежитъ воображенію и чувству. Такъ, зрѣніе есть самая способность видѣть, видимымъ же будетъ то, что подлежитъ зрѣнію, напримѣръ, камень или что-либо подобное. Воспріятіе (*φαισάσις*) есть впечатлѣніе, производимое въ неразумной душѣ какимъ-нибудь чувственнымъ предметомъ. Мечта (*φάντασμα*) есть впечатлѣніе, происходящее въ неразумныхъ частяхъ души безъ всякаго чувственного предмета. Органомъ воображенія служитъ передній желудочекъ головного мозга ²⁾.

¹⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 21. Migne, 692. Переводъ, 130—131.

²⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 6. Migne, 632—633. Переводъ, 90—92.

Г л а в а XVIII.

О чувствѣ.

Чувство есть сила неразумной души, воспринимающая вещественные предметы или распознающая ихъ. Органы чувствъ суть орудія или члены, чрезъ посредство которыхъ мы чувствуемъ. Чувственными предметами называются предметы, подлежащія воспріятію чрезъ чувство. а чувственнымъ существомъ пазывается животное, обладающее чувствомъ. Чувствъ—пять, равно какъ пять и органовъ чувствъ.

Первое чувство—зрѣніе. Органами и орудіями зрѣнія служатъ выходящіе изъ мозга нервы и глаза. Зрѣніемъ прежде всего воспринимаются цвѣта; но вмѣстѣ съ цвѣтомъ зрѣніе распознаетъ и тѣло, окрашенное опредѣленнымъ образомъ, его величину, фигуру, занимаемое имъ мѣсто, взаимное разстояніе и число тѣлъ, а также движеніе, покой, шероховатость, гладкость, ровность, неровность, остроту, тупость и, наконецъ, составъ тѣла, опредѣляя, водянистое ли оно, или землистое, т.-е. влажное или сухое ¹⁾.

Второе чувство есть слухъ, при помощи котораго воспринимаются звуки и шумы. Слухъ распознаетъ, какъ они высоки, низки, плавны, неровны, сильны. Органомъ слуха служатъ нѣжные нервы головного мозга и уши со свойственнымъ имъ устройствомъ. Только у человѣка и обезьяны уши—неподвижны.

Третье чувство—обоняніе. Оно производится при помощи поздрей, направляющихъ запахи къ головному мозгу, и оканчивается у краевъ переднихъ желудочковъ головного мозга. Обоняніемъ ощущаются и воспринимаются испаренія. Самые главные виды запаховъ суть благовоніе и зловоніе, а также запахъ средней между тѣмъ и другимъ, т.-е. ни благовонный, ни зловонный, Благовоніе бываетъ, когда влажныя части тѣла вполне созрѣли; средней запахъ, когда онѣ созрѣли на половину; если же менѣе, чѣмъ на половину или совсѣмъ не созрѣли, то имѣетъ мѣсто зловоніе ²⁾.

Четвертое чувство есть вкусъ, которымъ ощущаются и воспринимаются вкусы. Органами вкуса служатъ языкъ, особенно конецъ языка, и верхняя часть рта, называемая нѣбомъ. Въ этихъ органахъ находятся идущіе отъ головного мозга и широко развѣтвляющіеся нервы, которые и передаютъ душѣ данное вос-

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 7. Migne, 644. Переводъ, 97.

²⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 10--11. Migne, 657--660. Переводъ, 106--107.

пріятіе или ощущеніе. Вкусовые качества вкушаемыхъ веществъ суть слѣдующія: сладость, горечь, кислота, острота, терпкость, горечь, соленость, маслянистость, вязкость.

Пятое чувство есть осязаніе, которое обще всѣмъ животнымъ. Оно дѣйствуетъ при помощи выходящихъ изъ головного мозга и расходящихся по всѣму тѣлу нервовъ; поэтому чувство осязанія принадлежитъ всему тѣлу, не исключая и другихъ органовъ чувствъ. Осязаніемъ воспринимаются теплое и холодное, мягкое и твердое, вязкое и жесткое, тяжелое и легкое. Все это познается однимъ осязаніемъ. Осязаніемъ же и зрѣніемъ вмѣстѣ познается шероховатое и гладкое, сухое и сырое, толстое и тонкое, верхъ и низъ, а также мѣсто и величина,—если она такова, что можетъ быть охвачена однимъ прикосновеніемъ—затѣмъ плотное и рѣдкое, или ноздреватое, а равно и круглое и другія фигуры, когда онѣ небольшихъ размѣровъ. Осязаніемъ также, съ помощью памяти и разсудка, мы воспринимаемъ приближающееся тѣло, и число предметовъ до двухъ и трехъ, если только эти предметы небольшихъ размѣровъ и ихъ легко схватить. Впрочемъ, число предметовъ болѣе воспринимается зрѣніемъ, чѣмъ осязаніемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ органы чувствъ, за исключеніемъ органа осязанія, устроены Творцомъ парными, дабы, при поврежденіи одного, потребность обслуживалась другимъ. Такъ, Онъ создалъ два глаза, два уха, два носовыхъ отверстія и два языка, при чемъ послѣдніе у однихъ животныхъ раздѣлены, какъ у змѣй, у другихъ соединены, какъ у человѣка. А чувство осязанія Онъ сообщилъ всему тѣлу, кромѣ костей, жилъ, когтей, роговъ, волосъ, связокъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ частей тѣла.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію также и то, что зрѣніе видитъ по прямымъ линіямъ, а обоняніе и слухъ дѣйствуютъ не только по прямой линіи, но повсюду. Наконецъ, осязаніе и вкусъ познаютъ предметы и не по прямой линіи, и не повсюду, но только въ томъ случаѣ, когда приближаются къ самымъ ощущаемымъ предметамъ ¹⁾).

Г л а в а XIX.

О мыслительной способности.

Къ мыслительной способности относятся сужденіе, одобреніе, стремленіе къ дѣйствию, а равно и отвращеніе, и уклоненіе

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 9, 8. Migne, 656, 652. Переводъ, 104—105. 101—102.

отъ него. Въ частности къ этой дѣятельности принадлежать воспріятія умопостигаемаго, добродѣтели, знанія, правила искусствъ, размышленіе предъ совершеніемъ дѣйствія, свободный выборъ ¹⁾. Эта же способность дѣйствуетъ въ сновидѣніяхъ, предвѣщая намъ будущее. Пифагорейцы, слѣдуя евреямъ, утверждаютъ, что такія сновидѣнія и являются единственнымъ истиннымъ прорицаніемъ. Органомъ способности мышленія служитъ средній желудочекъ головного мозга и находящійся въ немъ жизненный (φυχικόν) духъ ²⁾.

Г л а в а XX.

О способности памяти.

Способность памяти есть причина и хранилище памяти и воспоминанія. Память есть представленіе, оставшееся въ душѣ отъ какого-либо чувственнаго воспріятія (αἰσθησις) и какой-либо нашедшей себѣ дѣйствительное выраженіе мысли, иначе сказать, память есть сохраненіе воспріятія и мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чувственные предметы душа воспринимаетъ или ощущаетъ чрезъ посредство органовъ чувствъ,—и тогда возникаетъ представленіе (δῶξα): предметы же мысленные душа постигаетъ умомъ—и тогда образуется понятіе. Такимъ образомъ, когда душа сохраняетъ отпечатки представленій и мыслей, тогда мы говоримъ, что она помнитъ. 940

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что воспріятіе предметовъ мысленныхъ происходитъ не иначе, какъ чрезъ наученіе или прирожденныя идеи, ибо чрезъ чувственное ощущеніе такое воспріятіе не можетъ получиться. Въ самомъ дѣлѣ, чувственные предметы запоминаются сами собой, напротивъ, мысленные предметы мы хранимъ въ памяти тогда, когда что-либо о нихъ узнали. Впрочемъ, памяти о сущности этихъ предметовъ мы не имѣемъ.

Воспоминаніемъ называется возстановленіе утерянной подъ вліяніемъ забвенія памяти. Забвеніе же есть утрата памяти.

Итакъ, воображеніе, воспринимая чрезъ посредство чувствъ вещественные предметы, передаетъ полученныя впечатлѣнія мыслительной или разсудочной способности, (ибо и то и другое названіе) означаетъ одно и то же; а мышленіе, принявъ ихъ и обсудивъ, передаетъ способности памяти ³⁾.

¹⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 12. Migne, 660. Переводъ. 107—108.

²⁾ Григорій нисскій, Объ устройствѣ чловѣка, 12, 14 и 15.

³⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 13. Migne, 660, 661, 684. Переводъ. 108—111.

Органомъ способности памяти служить задній желудочекъ головного мозга -- называемый также мозжечкомъ -- и находящійся въ немъ жизненный духъ.

Г л а в а XXI.

О словѣ внутреннемъ и внѣшнемъ.

Разумная часть души, въ свою очередь, раздѣляется на слово внутреннее и слово внѣшнее. Внутреннее слово есть движеніе души, происходящее въ умѣ безъ какого-либо выраженія въ рѣчи. Поэтому бываетъ, что часто мы, молча, мысленно произносимъ цѣлую рѣчь или разсуждаемъ во снѣ. Въ отношеніи этого вида слова, преимущественно, мы и являемся словесными, или разумными, ибо и нѣмые отъ рожденія или потерявшіе способность рѣчи вслѣдствіе болѣзни тѣмъ не менѣе суть существа разумныя. Внѣшнее же слово имѣетъ дѣйствительное существованіе въ рѣчи и въ разныхъ языкахъ; иначе сказать: это -- слово, произносимое устами и языкомъ; отсюда оно и называется произносимымъ, или внѣшнимъ. Въ отношеніи этого внѣшняго слова мы и называемся имѣющими способность рѣчи.

Г л а в а XXII.

О страданіи и дѣйстви.

Слово страданіе имѣетъ различныя значенія. Есть страданіе тѣлесное, каковы: болѣзни и раны; есть, съ другой стороны, страданіе душевное, каковы: похоть и гнѣвъ. Говоря же вообще, страданіе живого существа есть такое состояніе, за которымъ слѣдуетъ удовольствіе и неудовольствіе. За страданіемъ слѣдуетъ неудовольствіе; но неудовольствіе не есть самое страданіе, ибо, когда страданію подвергаются предметы, лишеныя чувства, они боли не испытываютъ. Такимъ образомъ не страданіе болѣзненно, но ощущеніе страдательнаго состоянія. А чтобы такое ощущеніе имѣло мѣсто, страданіе должно быть заслуживающимъ вниманія, т.-е. значительнымъ по силѣ.

Душевыя страданія, или страсти, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: страсть есть движеніе волевой способности, ощущаемое душой и основывающееся на представленіи добраго или злаго; иначе: страсть неразумное движеніе души, вызываемое представленіемъ о добрѣ и злѣ. Представленіе добраго вызываетъ желаніе (*ἐπιθυμίαν*), а представленіе дурнаго -- раздраженіе (*θυρόν*).

Родовое же, или общее опредѣленіе страданія таково: страданіе есть движеніе въ одномъ предметѣ, производимое другимъ предметомъ. Въ противоположность этому, дѣйствіе есть дѣятельное движеніе. Дѣятельнымъ называютъ то, что движется собственными силами. Такъ, гнѣвъ есть дѣйствіе соотвѣтствующей ему способности души, но онъ бываетъ страданіемъ обоихъ частей души, а также всего тѣла, когда гнѣвъ насильственно увлекаетъ ихъ къ дѣйствию; ибо здѣсь движеніе въ одномъ производится другимъ, что и называется страданіемъ.

И въ другомъ отношеніи дѣйствіе называется страданіемъ: именно дѣйствіе есть движеніе, согласное съ природою, страданіе же—дѣйствіе противное природѣ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствіе называется страданіемъ, когда предметъ движется несообразно съ природою, — безразлично, исходитъ ли движеніе отъ самого него или отъ другого предмета. Поэтому движеніе сердца при правильномъ кровообращеніи, какъ естественное, есть дѣйствіе. Когда же сердце даетъ перебои, то любое движеніе, какъ неравномѣрное и противное природѣ, есть страданіе, а не дѣйствіе.

Не всякое движеніе страдательной части души называется страстью; это названіе получаютъ лишь движенія, болѣе сильныя и дѣлающіяся для души замѣтными. Малыя же движенія, остающіяся незамѣтными для души, не суть страсти; ибо страданіе должно имѣть достойную вниманія величину. Поэтому къ опредѣленію страсти прибавляется: *движеніе ощущаемое*, такъ какъ малыя движенія, не поддающіяся ощущенію, не производятъ страданія ¹⁾.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что наша душа имѣетъ двоякаго рода силы—познавательныя и жизненныя. Познавательныя силы суть умъ, разумокъ, мнѣніе, воображеніе, чувственное воспріятіе (*αἰσθητικὸς*); жизненныя, или волевыя—хотѣніе и свободный выборъ. А чтобы сказанное стало яснѣе, мы подробно разсмотримъ эти способности. Сначала скажемъ о способностяхъ познавательныхъ.

О воображеніи и чувственномъ воспріятіи было выше уже достаточно сказано. Какъ мы знаемъ, вслѣдствіе чувственнаго воспріятія, въ душѣ образуется впечатлѣніе, называемое представленіемъ; изъ представленія образуется мнѣніе; затѣмъ разумокъ, обсудивъ это мнѣніе, признаетъ его или истиннымъ, или ложнымъ; поэтому онъ и называется разумкомъ, — отъ разсуждать, обсуждать. Наконецъ, то, что обсуждено и признано за истину, называется умомъ ²⁾.

Если же говорить объ умѣ иначе и подробнѣе, то слѣдуетъ

¹⁾ Немезій, О природѣ чловѣка. Migne, 673, 676. Переводъ, 117—120.

²⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Письмо 1-ое, къ Марину. Migne, s. gr., t. XCI.

944 имѣть въ виду, что первое движеніе ума называется мышленіемъ. Мышленіе о какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ называется мыслию. Мысль, остающаяся въ душѣ продолжительное время и отпечатлѣвающая въ ней извѣстный мыслительный предметъ, называется обдумываніемъ (ἐνδύμησις). Когда же обсужденіе, сосредоточившись на одномъ и томъ же предметѣ, испытаетъ само себя и разсмотритъ сообразность души съ мыслимымъ предметомъ, то оно получаетъ названіе разумѣнія. Расширенное разумѣніе составляетъ разсужденіе, называемое внутреннимъ словомъ. Послѣднее же опредѣляютъ такъ: это есть полнѣйшее движеніе души, происходящее въ ея разумной части, безъ какого-либо выраженія въ рѣчи. Отъ внутренняго слова происходитъ, какъ обыкновенно говорятъ, слово внѣшнее, высказываемое посредствомъ языка. Сказавъ теперь о познавательныхъ силахъ, скажемъ о силахъ жизненныхъ, или волевыхъ.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что у души есть врожденная способность желать того, что согласно съ ея природою, и сохранять все то, что этой природѣ существенно принадлежитъ; эта способность называется волей. Въ самомъ дѣлѣ, всякое самостоятельное существо, стремясь къ свойственному его природѣ и полному бытію, желаетъ существовать, жить и двигаться согласно съ умомъ и чувствомъ. Поэтому такую естественную волю опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ: воля есть разумное и вмѣстѣ жизненное влеченіе, зависящее исключительно отъ естественныхъ условій. Такимъ образомъ, воля есть простая, недѣлимая сила, единое, себѣ тождественное, естественное влеченіе ко всему тому, что составляетъ природу волящаго; это влеченіе является одновременно и жизненнымъ, и разумнымъ, ибо влеченія животныхъ, какъ неразумныя, не называются волей.

Хотѣніе есть опредѣленное проявленіе естественной воли, иначе сказать: естественное и разумное влеченіе къ какому-либо предмету; ибо въ человѣческой душѣ заложена способность разумѣнія влеченій. Такимъ образомъ, когда такое разумное влеченіе естественно направляется къ какому-либо предмету, то оно получаетъ названіе хотѣнія, ибо хотѣніе есть разумное влеченіе и стремленіе къ какому-либо предмету ¹⁾.

Словомъ, хотѣніе обозначается какъ стремленіе къ тому, что въ нашей власти, такъ и стремленіе къ тому, что не въ нашей власти, т. е. какъ стремленіе къ возможному, такъ и стремленіе къ невозможному. Такъ часто мы хотимъ любодѣйствовать, соблюдать цѣломудріе, спать и т. под. Все это — въ нашей власти

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Письмо I, къ Марину.

и возможно. Но мы хотимъ также царствовать, что уже не въ нашей власти. Хотимъ мы, можетъ быть, и никогда не умирать; но это относится къ области невозможнаго.

Хотѣніе имѣеть въ виду цѣль, а не то, что ведетъ къ цѣли. Цѣлью служить предметъ хотѣнія, какъ, на примѣръ, царствовать, быть здоровымъ. Къ цѣли же ведутъ придумываемыя нами средства, на примѣръ, способъ, какъ достигнуть здоровья или сдѣлаться царемъ. За хотѣніемъ слѣдуетъ исканіе и изслѣдованіе. Затѣмъ, если предметъ хотѣнія—въ нашей власти, имѣеть мѣсто обсужденіе или обдумываніе. Обсужденіе есть желаніе, соединенное съ изслѣдованіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя находятся въ нашей власти; ибо обсужденіе касается того, слѣдуетъ ли браться за какое-либо дѣло, или не слѣдуетъ. Послѣ этого рѣшается, что лучше; это называется рѣшеніемъ. Затѣмъ, мы относительно того, что рѣшено, опредѣленнымъ образомъ настраиваемся, у насъ появляется любовь къ нему; это называется склонностью (γυφρη). А если мы рѣшились на что-либо, но не настроились къ нему опредѣленнымъ образомъ, или у насъ не появилось любви къ нему, то тогда ужъ не говорятъ о склонности. Затѣмъ, послѣ того, какъ у насъ явилось опредѣленное настроеніе, слѣдуетъ свободное избраніе или выборъ, ибо свободное избраніе состоитъ въ томъ, что изъ двухъ свободныхъ для насъ дѣйствій берется и выбирается одно предпочтительно предъ другимъ. Произведя выборы, мы затѣмъ стремимся къ дѣйствию; это называется стремленіемъ. Далѣе, достигнувъ предмета нашихъ желаній, мы имъ пользуемся; это называется пользованіемъ. Наконецъ, за пользованіемъ слѣдуетъ прекращеніе влеченія ¹⁾.

Въ неразумныхъ животныхъ, какъ скоро возникаетъ какое-либо влеченіе, тотчасъ же за нимъ слѣдуетъ стремленіе къ дѣйствию; ибо влеченіе неразумныхъ существъ неразумно, и они ведутся естественнымъ влеченіемъ. Поэтому влеченіе неразумныхъ существъ не называется ни волею, ни хотѣніемъ, такъ какъ воля есть разумное и свободное естественное влеченіе. Въ людяхъ, какъ существахъ разумныхъ, естественное влеченіе не столько управляетъ, сколько управляется; ибо оно дѣйствуетъ свободно и совмѣстно съ разумомъ, поскольку въ человѣкѣ силы познавательныя и силы жизненныя связаны между собой. Поэтому человѣкъ свободно влечется желаніемъ, свободно изслѣдуетъ и разсматриваетъ, свободно обдумываетъ, свободно рѣшаетъ, свободно опредѣленнымъ образомъ настраивается, свободно дѣлаетъ

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, s. gr., t. XCI. Письмо 1-ое къ Марину. Migne, s. gr., t. XCI.

выборъ, свободно стремится, свободно совершаетъ все, что согласно съ природой.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Богу мы приписываемъ хотѣнiе, но не приписываемъ Ему въ собственномъ смыслѣ выбора, ибо Богъ не обдумываетъ Своихъ дѣйствiй, поскольку обдумыванiе есть слѣдствiе невѣдѣнiя: никто не обдумываетъ того, что онъ знаетъ. Если же обдумыванiе есть слѣдствiе невѣдѣнiя, то несомнѣнно, то же самое нужно сказать и о выборѣ. А такъ какъ Богъ непосредственно (*ἀπλῶς*) знаетъ все, то Онъ и не обсуждаетъ Своихъ дѣйствiй ¹⁾.

948

Равнымъ образомъ и по отношенiю къ душѣ Господа Иисуса Христа мы не говоримъ о обдумыванiи и выборѣ; ибо ей не было свойственно невѣдѣнiе. Если Ему и принадлежала природа, не вѣдущая будущаго, однако, ипостасно соединившись съ Богомъ Словомъ, она облачала знанiемъ всего не по благодати, но, какъ было сказано, по ипостасному соединенiю; ибо одинъ и тотъ же былъ и Богомъ и человѣкомъ.

Вслѣдствiе этого же у него не было опредѣленныхъ склонностей воли. Правда, ему принадлежала простая естественная воля, какую мы одинаково усматриваемъ во всѣхъ ипостасяхъ человѣческаго рода. Но Его святая душа не имѣла склонности, или предмета хотѣнiя, противнаго предмету Его Божественной воли или отличнаго отъ предмета Его Божественной воли. Склонности въ отдѣльныхъ ипостасяхъ различны, за исключенiемъ ипостасей святого, простого, несложнаго и нераздѣльнаго Божества. Здѣсь ипостаси нераздѣльны и неразлучны, а потому нераздѣленъ и предметъ воли; здѣсь—одна природа, а потому и одна естественная воля; здѣсь ипостаси неразлучны, а потому и—единъ предметъ воли и едино движенiе трехъ Ипостасей. Что касается людей, то у нихъ, правда, одна естественная воля, ибо одна природа; но такъ какъ ихъ ипостаси раздѣлены и разлучены одна отъ другой, — мѣстомъ, временемъ, отношенiемъ къ предметамъ и очень многими другими обстоятельствами, то поэтому воли ихъ и склонности различны. Въ Господѣ же нашемъ Иисусѣ Христѣ природы различны, а потому различны и естественныя воли, или силы хотѣнiя, принадлежащiя, съ одной стороны, Его Божеству, а съ другой—Его человѣчеству. Но, съ другой стороны, въ Немъ одна ипостась, одинъ волящiй, а потому и одинъ предметъ воли, или одна склонность воли, ибо Его человѣческая воля, разумѣется, слѣдовала Его Божествен-

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Письмо 1-ое къ Марину. *Мigne, s. gr., t. XCI.*

ной волѣ и хотѣла того, чего требовала отъ нея Божественная воля ¹⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что воля, хотѣніе, предметъ хотѣнія, — способный хотѣть и хотящій — различаются между собою. Воля есть простая способность желать. Хотѣніе есть воля, устремленная къ опредѣленному предмету. Предметъ хотѣнія есть вещь, на которую направляется воля, или то, чего мы хотимъ. Допустимъ, на примѣръ, что у насъ появляется влеченіе къ ѣдѣ. Простое разумное влеченіе есть воля; влеченіе къ ѣдѣ есть хотѣніе; а самая пища — предметъ хотѣнія; способнымъ хотѣть называется тотъ, кто имѣетъ силу хотѣнія; хотящимъ же называется самъ пользующійся волей.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что слово воля (*θέλημα*) иногда означаетъ способность хотѣнія — и тогда она называется естественной волей, — а иногда означаетъ предметъ хотѣнія, — и тогда она называется волею разумной (*θέλημα γνομήζον*). 919

Г л а в а XXIII.

О дѣятельности (ἐνέργεια).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ разсмотрѣнныя выше силы, какъ познавательныя, такъ и жизненныя, какъ естественныя, такъ и искусственныя — называются дѣятельностями (*ἐνέργεια*). Дѣятельностями называются сила и движеніе, принадлежащія каждой отдѣльной сущности. Или по другому опредѣленію: естественная дѣятельность есть движеніе, связанное съ природою всякой отдѣльной сущности. Отсюда ясно, что вещамъ, имѣющимъ одну и ту же сущность, принадлежитъ одна и та же дѣятельность; наоборотъ, вещи, природы которыхъ различны, имѣютъ и различныя дѣятельности: ибо сущность не можетъ не обладать естественной дѣятельностію.

Дѣятельность, далѣе, опредѣляется, какъ естественная сила, выражающая каждую сущность. Опредѣляется дѣятельность также слѣдующимъ образомъ: дѣятельность есть естественная и первая всегда дѣйствующая сила разумной души, т. е. ея всегда дѣйствующій умъ, истекающій изъ нея естественно и непрестанно. Существуетъ, наконецъ, такое опредѣленіе дѣятельности: дѣятельность, это — принадлежащія каждой субстанціи естественныя сила и движеніе, безъ которыхъ возможно одно небытіе.

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Диалогъ съ Пирромъ.

Дѣятельностями называются, во-первыхъ, дѣйствія, напримеръ, говорить, гулять, ѣсть, пить и т. под. Во-вторыхъ, дѣятельностями часто называются и естественныя страдательныя состоянія, напримеръ, голодъ, жажда и т. под. Наконецъ, дѣятельностью называется также и произведеніе силы ¹⁾).

Въ двоякомъ смыслѣ употребляются также слова: въ возможности и въ дѣйствительности (τὸ δυνάμει καὶ τὸ ἐνεργείᾳ). Такъ, о грудномъ ребенкѣ мы говоримъ, что онъ—грамматикъ въ возможности, ибо онъ имѣетъ способность сдѣлаться грамматикомъ чрезъ обученіе. Также и о грамматикѣ мы говоримъ, что онъ грамматикъ въ возможности и въ дѣйствительности. Онъ—грамматикъ въ дѣйствительности, такъ какъ имѣетъ знаніе грамматики. Но онъ—грамматикъ и въ возможности, такъ какъ можетъ преподавать грамматику, въ дѣйствительности же не преподаетъ ея. И опять мы называемъ его въ дѣйствительности грамматикомъ, если онъ дѣйствуетъ, т. е. преподаетъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что второй случай, такимъ образомъ, является общимъ, какъ для возможности, такъ для дѣйствительности, именно, во-первыхъ, здѣсь имѣетъ мѣсто дѣйствительность и, во-вторыхъ, возможность.

Сама себя опредѣляющая, иначе сказать, разумная и свободная жизнь, составляющая преимущество человѣческаго рода, есть первая, единственная и истинная дѣйствительность нашей природы. И я не знаю, какъ называютъ Господа вочеловѣчившимся Богомъ тѣ, которые отрицаютъ въ Немъ эту дѣятельность.

Дѣятельность есть дѣятельное движеніе природы; дѣятельнымъ же называется то, что движется само собою.

Г л а в а XXIV.

О добровольномъ и невольномъ.

Такъ какъ и то, что добровольно, и то, что считается за ⁹⁵³ невольное, находятся въ томъ или другомъ поступкѣ, то нѣкоторые и о томъ, что дѣйствительно невольно, полагаютъ, что оно бываетъ не только въ страданіи, но и въ дѣйствіи. Въ противоположность этому, слѣдуетъ имѣть въ виду, что поступокъ есть разумная дѣятельность. Поступки сопровождаются или похвалою, или порицаемъ. При этомъ одни изъ нихъ совершаются съ удовольствіемъ, другіе—съ неудовольствіемъ; одни привлекательны для дѣйствующаго, другіе отвратительны. Далѣе изъ

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ.

числа привлекательныхъ поступковъ одни всегда привлекательны, другіе въ теченіе нѣкотораго времени. То же самое имѣеть мѣсто и въ отношеніи поступковъ отвратительныхъ. Кромѣ того, одни поступки милуются и удостаиваются снисхожденія, другіе же вызываютъ къ себѣ ненависть и наказываются. Такимъ образомъ, за добровольнымъ всегда слѣдуетъ или похвала, или порицаніе; добровольные поступки всегда совершаются съ удовольствіемъ и бывають для совершающаго привлекательны—привлекательны или всегда, или тогда, когда совершаются. Напротивъ, невольное отличается тѣмъ, что удостаивается снисхожденія и милости, совершается съ неудовольствіемъ, не привлекательно, и оно никогда бы не было допущено человѣкомъ, хотя бы онъ къ тому принуждался ¹⁾).

Невольное бываетъ двоякаго вида—невольное въ силу принужденія и невольное въ силу невѣдѣнія. Первое имѣеть мѣсто тогда, когда дѣйствующее начало, или причина, находится внѣ, т.-е. когда мы принуждаемся къ-либо другимъ, а сами нисколько на то не соглашаемся, не участвуемъ въ томъ собственнымъ расположеніемъ и ни мало тому не содѣйствуемъ, или когда мы по собственному почину совершаемъ то, къ чему вынуждаемся. Опредѣляя этимъ видъ невольнаго, мы говоримъ: невольное есть то, начало чего находится внѣ и въ чемъ подвергнувшійся принужденію не участвуетъ собственнымъ расположеніемъ; при этомъ подъ началомъ мы здѣсь разумѣемъ производящую причину. Невольное въ силу невѣдѣнія имѣеть мѣсто въ томъ случаѣ, когда мы не сами бываемъ причиною нашего невѣдѣнія, но когда наше невѣдѣніе случайно. Такъ, если кто въ состояніи опьяненія совершитъ убійство, то онъ совершилъ убійство по невѣдѣнію, но не невольно, ибо причину невѣдѣнія, т. е. пьянства, создалъ онъ самъ. А если кто, стрѣляя на обычномъ мѣстѣ, убилъ проходившаго мимо отца, о такомъ говорятъ, что онъ невольно это сдѣлалъ—по невѣдѣнію ²⁾).

Если, такимъ образомъ, невольное бываетъ двоякаго рода—въ силу принужденія и въ силу невѣдѣнія, то добровольное будетъ противоположно обоимъ этимъ родамъ невольнаго, ибо добровольное есть то, что совершается и не въ силу принужденія, и не въ силу невѣдѣнія. Итакъ, добровольное есть то, начало чего, или причина, находится въ самомъ дѣйствующемъ, подробно знающемъ все то, при посредствѣ чего совершается поступокъ и въ чемъ онъ состоитъ. Подробности эти у ораторовъ назы-

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 29. Migne, 717—720. Переводъ, 146—147.

²⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 30 и 31. Migne, 720—728. Переводъ, 147—150.

ваются обстоятельствами. Таковы: *кто?* т. е. кто совершившій какое-либо дѣйствіе? *кого?* т. е. кто воспринялъ это дѣйствіе? *что?* т. е. самое дѣйствіе, напримѣръ, убилъ; *чѣмъ?* т. е. какимъ орудіемъ? *гдѣ?* т. е. на какомъ мѣстѣ? *когда?* т. е. въ какое время? *какъ?* т. е. способъ совершенія дѣйствія, *почему?* т. е. по какой причинѣ ¹⁾).

956 Слѣдуетъ имѣть въ виду, что есть нѣчто среднее между добровольнымъ и невольнымъ. Такъ, желая избѣжать большого зла, мы рѣшаемся на непріятное и прискорбное, какъ, напримѣръ, во время кораблекрушенія выбрасываемъ находящійся на кораблѣ грузъ ²⁾).

Слѣдуетъ принять во вниманіе то, что дѣти и неразумныя животныя дѣйствуютъ добровольно, но не по свободному выбору. Равнымъ образомъ то, что мы дѣлаемъ въ раздраженіи, безъ предварительнаго обдумыванія, мы дѣлаемъ добровольно, однако не по свободному выбору. Точно также, если къ намъ неожиданно приходитъ другъ, мы принимаемъ его добровольно, однако здѣсь нѣтъ свободнаго выбора; или если кто неожиданно получить богатство, онъ получаетъ его добровольно, однако опять безъ свободы выбора. Все это принимается добровольно, ибо доставляетъ удовольствіе, однако здѣсь нѣтъ свободы выбора, такъ какъ нѣтъ предварительнаго обдумыванія. А какъ было сказано выше, обдумываніе всегда должно предшествовать выбору ³⁾).

Г л а в а XXV.

О томъ, что въ нашей власти, или о свободѣ.

Разсуждая о свободѣ, т. е. о томъ, что въ нашей власти, мы прежде всего встрѣчаемся съ такимъ вопросомъ: находится ли что-либо въ нашей власти? ибо многіе противъ этого спорятъ? Вторымъ вопросомъ будетъ вопросъ о томъ, что находится въ нашей власти и въ чемъ мы свободны? Наконецъ, въ третьихъ, мы должны выяснить причину, по которой сотворившій насъ Богъ сотворилъ насъ свободными. Начавъ съ перваго вопроса, прежде всего докажемъ, исходя изъ основаній, признаваемыхъ даже противниками, что есть нѣчто находящееся въ нашей власти. Мы поведемъ свою рѣчь такимъ образомъ.

957 Причиной всего совершающагося признають или Бога, или необходимость, или судьбу (εἰς ἀνάγκην), или природу, или счастье,

¹⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 32. Migne, 728—729. Переводъ, 151—152.

²⁾ Немезій, О природѣ чловѣка, 30. Migne, 720—721. Переводъ, 147—148.

³⁾ Немезій. О природѣ чловѣка. 33. Migne, 732. Переводъ, 154.

или случай. Но произведеніемъ Бога является сущность вещей и промышленіе; произведеніемъ необходимости—движеніе того, что существуетъ неизмѣнно; произведеніемъ судьбы—то, что ею производится съ необходимостью, ибо сама судьба есть выраженіе необходимости; произведеніемъ природы—рожденіе, возрастаніе, разрушеніе, животныя и растенія; произведеніемъ счастья—рѣдкое и неожиданное, ибо счастье опредѣляютъ, какъ совпаденіе и стеченіе двухъ причинъ, имѣющихъ свое начало въ свободномъ выборѣ, но производящихъ не то, что онѣ должны бы произвести. Такъ, напримѣръ, будетъ въ томъ случаѣ, если копающій яму найдетъ кладъ. Въ самомъ дѣлѣ, положившій кладъ клалъ его не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы другой его нашелъ: равнымъ образомъ этотъ послѣдній копалъ землю не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы найти кладъ. Но первый положилъ кладъ съ тѣмъ, чтобы взять, когда пожелаетъ, а второй копалъ съ тѣмъ, чтобы вырыть яму. Случилось же нѣчто другое. отличное отъ того, что хотѣли тотъ и другой. Наконецъ, произведеніемъ случая являются такія событія съ неодушевленными предметами и неразумными животными, которыя не зависятъ ни отъ природы, ни отъ искусства. Такъ говорятъ противники свободы. Подъ какую же изъ этихъ причинъ подведемъ мы человѣческія дѣйствія, если человѣкъ не есть причина и начало своего дѣйствія? Богу не прилично приписывать постыдныхъ и несправедливыхъ поступковъ, иногда допускаемыхъ людьми. Нельзя приписывать человѣческія дѣйствія необходимости, ибо они не принадлежатъ къ тому, что неизмѣнно. Нельзя ихъ приписывать судьбѣ, ибо произведеніемъ судьбы называютъ не случайное, но необходимое. Нельзя ихъ приписывать природѣ, ибо произведенія природы суть животныя и растенія. Нельзя ихъ приписывать счастью, ибо дѣйствія людей не есть что-либо рѣдкое и неожиданное. Нельзя ихъ приписывать случаю, ибо случайными событіями называются событія съ неодушевленными предметами и неразумными животными. Итакъ, остается допустить, что самъ дѣйствующій и производящій что-либо человѣкъ есть начало своихъ дѣйствій—и свободенъ ¹⁾.

Кромѣ того, если человѣкъ не есть начало ни одного своего дѣйствія, то ему будетъ не нужна способность обдумывать свои дѣйствія; ибо къ чему онъ приложитъ эту способность, если онъ не властенъ ни въ одномъ своемъ дѣйствіи? вѣдь, всякое обдумываніе имѣетъ въ виду дѣйствіе. Но признать не пужнымъ то, что есть самаго прекраснаго и цѣннаго въ человѣкѣ, было бы верхомъ нелѣпости. Поэтому, если человѣкъ обдумываетъ свои

¹⁾ Немезій, О природѣ человѣка, 39. Migne, 761—764. Переводъ, 172—174.

поступки. онъ дѣлаетъ это ради дѣйствія, ибо всякое обдумываніе имѣетъ въ виду дѣйствіе и обуславливается дѣйствіемъ.

Г л а в а XXVI.

О бывающемъ.

Изъ того, что бываетъ съ нами, одно находится въ нашей власти, другое же не находится въ нашей власти. Въ нашей власти находится то, что мы свободны и сдѣлать, и не сдѣлать, иначе сказать: все то, что нами дѣлается добровольно, ибо дѣйствіе не называется добровольнымъ. если оно не находится въ нашей власти. Словомъ, въ нашей власти находится все то, что сопровождается порицаніемъ и похвалою и къ чему относятся побужденіе и законъ. Въ собственномъ же смыслѣ въ нашей власти находится всякое внутреннее дѣйствіе и то, что нами обдумывается. Обдумываніе же имѣетъ мѣсто при равно возможныхъ дѣйствіяхъ. Дѣйствія равно возможны тогда, когда мы можемъ совершить какъ одно, такъ и другое, противоположное первому. Выборъ дѣйствія производится нашимъ умомъ, и потому онъ является началомъ дѣятельности. Такимъ образомъ, въ нашей власти находится все то, что мы одинаково можемъ и дѣлать и не дѣлать, напримѣръ, двигаться и не двигаться, стремиться и не стремиться, желать того, что не является необходимымъ, и не желать; лгать и не лгать; давать и не давать; радоваться или не радоваться, чему должно, а равно радоваться или не радоваться, чему не должно, и все тому подобное, въ чемъ состоятъ поступки добродѣтельные и порочные: ибо во всемъ этомъ мы свободны. Къ числу равно возможныхъ дѣйствій относятся и искусства, ибо въ нашей власти заниматься или не заниматься, какимъ угодно, искусствомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что выборъ дѣйствій всегда находится въ нашей власти: но дѣйствіе нерѣдко задерживается особымъ дѣйствіемъ Божественнаго Промышленія.

Г л а в а XXVII.

О томъ, въ силу чего мы свободны.

Мы утверждаемъ, что свобода связана съ разумомъ и что тварямъ свойственно измѣненіе и превращеніе. Въ самомъ дѣлѣ, все, что произошло отъ другого, — измѣняемо, такъ какъ необходимо должно быть измѣняемымъ то, что получило свое начало вслѣдствіе измѣненія, а измѣненіе и бываетъ въ томъ случаѣ, когда что-либо изъ небытія переходитъ въ бытіе или когда изъ даннаго вещества образуется что-либо другое. Но по

изложеннымъ здѣсь способамъ тѣлеснаго измѣненія измѣняются неодушевленные предметы и неразумныя животныя; разумныя же существа измѣняются по произволу. Разумному существу принадлежатъ двѣ способности — созерцательная и дѣятельная. Созерцательная способность постигаетъ природу сущаго; дѣятельная же способность обдумываетъ поступки и опредѣляетъ для нихъ правильную мѣру. Созерцательную способность называютъ разумомъ теоретическимъ, дѣятельную же — разумомъ практическимъ (λόγος); созерцательную способность называютъ также мудростію, дѣятельную же — благоразуміемъ. Итакъ, всякій, обдумывающій свои дѣйствія, такъ какъ выборъ дѣйствія зависитъ отъ него, обдумываетъ ихъ затѣмъ, чтобы рѣшенное при такомъ обдумываніи выбрать и, выбравъ, исполнить. Если же это такъ, то разумному существу съ необходимостью усвоится и свобода, ибо оно или не будетъ разумнымъ, или, если разумно, то будетъ господиномъ своихъ дѣйствій и свободнымъ ¹⁾).

Отсюда слѣдуетъ также то, что неразумныя существа не имѣютъ свободы, ибо они скорѣе управляются природою, чѣмъ сами управляютъ ею. Поэтому они не противодѣйствуютъ естественному пожеланію, но коль скоро пожелаютъ чего-либо, стремятся къ дѣйствию. Человѣкъ же, какъ разумное существо, скорѣе управляетъ природою, чѣмъ управляется ею. Поэтому, пожелавъ чего-либо, онъ, по произволу, имѣетъ возможность и подавить пожеланіе, и послѣдовать ему. По этой же причинѣ неразумныя существа не заслуживаютъ ни похвалы, ни порицанія; человѣка же и хвалятъ, и порицаютъ. Должно замѣтить, что ангелы, какъ существа разумныя, свободны и, какъ твари, измѣняемы. Это показалъ діаволь, который отъ Творца созданъ добрымъ, и отпадшіе вмѣстѣ съ нимъ силы, т. е. демоны, тогда какъ прочіе чины ангеловъ пребыли въ добрѣ.

Г л а в а XXVIII.

О томъ, что не въ нашей власти.

Изъ того, что не находится въ нашей власти, часть имѣетъ свое начало или свои причины въ томъ, что находится въ нашей власти — таковы воздаянія за наши дѣла, какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни, — все же прочее зависитъ отъ божественной воли, ибо бытіе всего имѣетъ свой источникъ въ Богѣ, тлѣніе же произошло потомъ вслѣдствіе нашего грѣха для нашего наказанія и вмѣстѣ для нашей пользы; *яко Богъ смерти не сотвори, ни весслится о погибели живыхъ* (Прем. I, 13). Вѣрнѣе

¹⁾ Немезій, 41. Migne, 773—776. Переводъ, 180—182.

смерть, а равно и другія казни — отъ человѣка, то-есть суть слѣдствія преступленія Адама. Все же прочее слѣдуетъ относить къ Богу, такъ какъ наше бытіе есть дѣло Его творческой силы; продолженіе бытія — дѣло Его содержащей силы; управление и спасеніе — дѣло Его промыслительной силы; вѣчное услажденіе благами — дѣло Его благодати къ тѣмъ, которые поступаютъ сообразно съ природою; на что мы и создашы.

А такъ какъ нѣкоторые отрицаютъ Промышленіе, то скажемъ теперь вкратцѣ и о Промышленіи.

Г л а в а XXIX.

О Промышленіи.

Промышленіе есть Божіе попеченіе о существующемъ. Другими словами: Промышленіе есть воля Божія, которой все существующее надлежащимъ образомъ управляется. Такъ какъ Промышленіе есть воля Божія, то совершенно необходимо, чтобы все, происходящее по Промышленію, было несомнѣнно самымъ прекраснымъ и самымъ достойнымъ Божества, такимъ, что не могло бы быть лучше. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо, чтобы одинъ и тотъ же былъ какъ Творцомъ сущаго, такъ и Промыслителемъ; ибо не прилично и не сообразно съ разумомъ, чтобы одинъ былъ Творцомъ, а другой Промыслителемъ. Вѣдь тогда бы очевиднымъ образомъ и тотъ, и другой оказались безсильными — одинъ безсильнымъ творить, другой — безсильнымъ промыслять. Такимъ образомъ, Богъ есть и Творецъ и Промыслитель, и Его творческой, содержащей и промыслительной силой является Его благая воля. Въ самомъ дѣлѣ, *вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли* (Ис. СXXXIV, 6), и воля Его не противится никто. Онъ восхотѣлъ, чтобы все произошло — и произошло. Онъ желаетъ, чтобы міръ сохранялъ свое бытіе, и сохраняетъ, и все бываетъ по Его хотѣнію ¹⁾.

А что Богъ промысляетъ и дивно промысляетъ, въ этомъ всего лучше можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Одинъ Богъ по природѣ благъ и мудръ. Какъ благой, Онъ промысляетъ, ибо не благъ тотъ, кто не промысляетъ. Вѣдь, и люди, и неразумныя животныя естественнымъ образомъ заботятся о своихъ дѣтяхъ, а кто не заботится, подвергается порицанію. Далѣе, какъ мудрый, Богъ печется о сущемъ наилучшимъ образомъ ²⁾.

¹⁾ Немезій, 42—43, Migne, 780—793. Переводъ, 186—193.

²⁾ Немезій, 44. Migne, 813. Переводъ, 205.

Принимая все это во вниманіе, мы должны дивиться всѣмъ дѣламъ Промышленія, всѣ ихъ прославлять и всѣ ихъ безъ пытливости принимать, хотя бы многимъ они казались и несправедливыми: ибо промышленіе Божіе для насъ невидимо и непостижимо, а наши мысли, дѣла и будущее вѣдомы одному Богу.

Все это, какъ я говорю, — не въ нашей власти; ибо то, что въ нашей власти, не есть дѣло Промышленія, а нашей свободной воли.

То, что зависитъ отъ Промышленія, происходитъ или по благоизволенію Божію, или по поущенію. По благоизволенію Божію происходитъ то, что безспорно—добро. По поущенію же—то, что не является безспорно добромъ. Такъ Богъ часто попускаетъ и праведнику впадать въ несчастія, дабы показать другимъ сокрытую въ немъ добродѣтель; такъ было, на примѣръ, съ Іовомъ. Иногда Богъ попускаетъ нѣчто странное, чтобы видимо несообразнымъ дѣйствіемъ совершить что-либо великое и дивное; такъ, крестомъ было совершено спасеніе людей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Богъ попускаетъ святому человѣку тяжело страдать, дабы не отпалъ святой отъ правой совѣсти или не впалъ онъ въ гордость по причинѣ данныхъ ему силы и благодати; такъ было съ Павломъ.

На время Богъ оставляетъ человѣка для исправленія другого, дабы другіе, смотря на него, исправлялись; такъ было съ Лазаремъ и богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, видя, что другіе страдаютъ, мы естественно смиряемся. Иного человѣка Богъ оставляетъ для славы другого, а не за его или родительскіе грѣхи; такъ слѣпой отъ рожденія былъ слѣпъ для славы Сына человѣческаго. Еще Богъ попускаетъ кому-либо страдать для возбужденія ревности въ другомъ, дабы, видя, какъ возвеличилась слава пострадавшаго, и другіе безбоязненно подвергались страданію въ надеждѣ на будущую славу и изъ-за желанія будущихъ благъ; такъ было съ мучениками. Иногда Богъ попускаетъ человѣку совершить постыдное дѣяніе, для исправленія другой еще худшей страсти. Такъ, допустимъ, что кто-либо превозносится своимъ добродѣтелями и праведностію; Богъ попускаетъ такому человѣку впасть въ блудъ, дабы онъ чрезъ это паденіе пришелъ къ сознанію своей слабости, смирился и пришелъ исповѣдался Господу ¹⁾.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что выборъ дѣлъ находится въ нашей власти, исходъ же ихъ зависитъ отъ Бога. При этомъ исходъ добрыхъ дѣлъ зависитъ отъ божественнаго содѣйствія,

¹⁾ Немезій, 44. Migne, 809—812. Переводъ, 203—204.

ибо Богъ, по Своему предвѣдѣнію, праведно содѣйствуемъ тѣмъ, которые по правой совѣсти избираютъ доброе. Исходъ же дурныхъ дѣлъ зависитъ отъ божественнаго поущенія, отъ того, что Богъ, опять по Своему предвѣдѣнію, праведно оставляетъ человѣка, предоставляя его собственнымъ силамъ ¹⁾).

Оставленіе человѣка Богомъ бываетъ двухъ видовъ: одно спасительное и вразумляющее, другое—означающее конечное отверженіе. Спасительное и вразумляющее оставленіе бываетъ или для исправленія, спасенія и славы терпящаго, или для возбужденія другихъ къ ревности и подражанію, или для славы Божіей. Совершенное оставленіе бываетъ тогда, когда человѣкъ, несмотря на то, что Богомъ все сдѣлано для его спасенія, остается, по собственному произволу, безчувственнымъ и неисцѣленнымъ, или, лучше сказать, неисцѣлимымъ. Тогда онъ предается конечной гибели, какъ Іуда. Да сохранить насъ Богъ и да избавить отъ такого оставленія.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что много путей божественнаго Промышленія, и ихъ нельзя ни выразить въ словѣ, ни постигнуть умомъ.

Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что всѣ горестныя событія, если люди принимаютъ ихъ съ благодарностью, посылаются имъ для спасенія ихъ и, безъ сомнѣнія, приносятъ имъ пользу.

969 Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Богъ прежде всего хочетъ всѣмъ спастись и достигнуть Его царства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ благой, Онъ создалъ насъ не затѣмъ, чтобы наказывать, а чтобы мы были причастниками Его благодати; но какъ правосудный. Онъ хочетъ, чтобы грѣшники были наказаны.

Первое Его хотѣніе называется предваряющей волею и благоизволеніемъ, и зависитъ только отъ Него. Второе же хотѣніе называется послѣдующей волею и поущеніемъ и имѣетъ свою причину въ насъ. При этомъ поущеніе, какъ мы выше сказали, бываетъ двухъ видовъ: поущеніе спасительное и вразумляющее и поущеніе, означающее отверженіе человѣка Богомъ и ведущее къ полному наказанію. Все это не находится въ нашей власти.

Что касается находящагося въ нашей власти, то добрыхъ дѣлъ Богъ хочетъ Своею предваряющею волею и благоволить имъ; дурныхъ же дѣлъ Онъ не хочетъ ни Своею предваряющей, ни Своею послѣдующей волею, но Онъ попускаетъ свободной волѣ творить зло; ибо то, что дѣлается по принужденію, не разумно и не является добродѣтельною.

Богъ промышляетъ о всѣхъ твореніяхъ, оказывая намъ бла-

¹⁾ Немеай, 37. Migne, 749—753. Переводъ, 166—168.

годѣянiя и вразумляя чрезъ посредство всякаго творенiя, даже чрезъ посредство самихъ демоновъ, какъ это видно изъ случившагося съ Ювомъ и свиньями.

Глава XXX.

О предвѣдѣнiи и предопредѣленiи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Богъ все предвидитъ, но не все предопредѣляетъ. Такъ, Онъ предвидитъ то, что находится въ нашей власти, но не предопредѣляетъ этого; ибо Онъ не хочетъ, чтобы явился порокъ, но не принуждаетъ силою къ добродѣтели. Такимъ образомъ, предопредѣленiе есть дѣло Божественнаго повелѣнiя, основаннаго на предвѣдѣнiи. Богъ, по Своему предвѣдѣнiю, предопредѣляетъ то, что не находится въ нашей власти; ибо Богъ уже предопредѣлилъ, по Своему предвѣдѣнiю, все такъ, какъ того требуютъ Его благость и справедливость. 972

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнiю то, что добродѣтель дана намъ Богомъ вмѣстѣ съ нашей природою и что Онъ самъ есть начало и причина всякаго блага. И безъ Его содѣйствiя и помощи для насъ невозможно ни хотѣть, ни дѣлать добра. Но въ нашей власти или остаться въ добродѣтели и послѣдовать Богу, Который къ ней призываетъ, или оставить добродѣтель, т. е. жить порочно и послѣдовать дiаволу, который — правда, безъ принужденiя—насъ къ этому призываетъ; ибо порокъ есть не что иное, какъ удаленiе отъ добра, подобно тому, какъ тьма есть удаленiе отъ свѣта. И такъ, оставаясь вѣрными нашей природѣ, мы живемъ добродѣтельно; уклоняясь же отъ своей природы, т. е. отъ добродѣтели, мы приходимъ въ противоположенное состоянiе и становимся порочными. 976

Раскаянiе есть возвращенiе, путемъ подвижнической жизни и трудовъ, изъ противоположеннаго состоянiя въ состоянiе естественное и отъ дiавола къ Богу.

Человѣка Богъ создалъ мужемъ, надѣливъ его Своею Божественною благодатию и чрезъ нее поставивъ его въ общенiе съ Самимъ Собою. Въ силу этой благодати, человѣкъ, какъ господинъ, далъ имена животнымъ, которыя ему были даны, какъ рабы; ибо онъ былъ созданъ по образу Божiю, одаренный разумомъ, мыслию и свободою, и потому естественно получилъ власть надъ земными существами отъ общаго всѣхъ Творца и Владыки.

Такъ какъ предвидящiй Богъ зналъ, что человѣкъ совершитъ преступленiе и подвергнется тлѣнiю, то Онъ создалъ изъ него жену, помощницу ему и подобную ему. Помощницей она

ему должна была быть въ томъ, чтобы родъ человѣческій и послѣ преступленія преемственно сохранился посредствомъ рожденія: ибо первоначальное образованіе человѣка называется твореніемъ (γένεσις), а не рожденіемъ. Какъ твореніе есть первое образованіе человѣка Богомъ, такъ рожденіе есть преемственное происхожденіе одного человѣка отъ другого со времени его осужденія на смерть за преступленіе.

977

Богъ поселилъ человѣка въ рай, который былъ духовнымъ и чувственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣлесно онъ пребывалъ въ чувственномъ раю, на землѣ, духовно же бесѣдовалъ съ ангелами, воздѣлывая божественные помыслы и ими питаясь. Онъ былъ нагъ, ибо былъ простъ сердцемъ и велъ невинную жизнь. Посредствомъ творенія онъ возвышался своею мыслию къ Единому Творцу, и Его созерцаніемъ услаждался и увеселялся.

А такъ какъ Богъ украсилъ человѣка свободною волею, то далъ ему законъ — не вкушать отъ древа познанія. Объ этомъ древѣ мы, сколько могли, достаточно сказали въ главѣ *О раѣ*. Богъ далъ человѣку эту заповѣдь съ такимъ обѣщаніемъ, что если сохранить достоинство своей души, т. е. если будетъ предоставлять побѣду разуму, не забудетъ Творца и сохранить Его повелѣніе, то будетъ причастникомъ вѣчнаго блаженства и будетъ жить во вѣкъ, ставъ выше смерти. А если онъ подчинитъ душу тѣлу и предпочтетъ тѣлесныя наслажденія и, не уразумѣвъ своего достоинства и уподобившись скотамъ несмысленнымъ, сброситъ съ себя ярмо Создавшаго, презритъ Его Божественную заповѣдь, то будетъ повиненъ смерти и подвергнется тлѣнью и труду, влача бѣдственную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка не было полезно, чтобы онъ неискушеннымъ и неиспытаннымъ получилъ нетлѣніе, дабы онъ не впалъ въ гордость и не подвергся осужденію, одинаковому съ діаволомъ; ибо послѣдній послѣ своего произвольнаго паденія, нераскаянно и неизмѣнно утвердился во злѣ. Соответственно этому и ангелы, произвольно избравъ добродѣтель, приобрѣли, при содѣйствіи благодати, незыблемую твердость въ добрѣ.

Поэтому нужно было, чтобы человѣкъ предварительно подвергся испытанію, ибо мужъ неиспытанный и неискушенный не имѣетъ никакой цѣны. Нужно было, чтобы, достигнувъ совершенства чрезъ испытаніе, состоявшее въ исполненіи заповѣди, онъ такимъ образомъ получилъ безсмертіе, какъ награду за добродѣтель. Въ самомъ дѣлѣ, будучи по своей природѣ чѣмъ-то среднимъ между Богомъ и веществомъ, человѣкъ, если бы онъ отрѣшился отъ всякаго естественнаго пристрастія къ сотворенному бытію и соединился любовію съ Богомъ, долженъ былъ бы

чрезъ соблюденіе заповѣди непоколебимо утвердиться въ добрѣ. Но когда онъ вслѣдствіе преступленія сталъ болѣе тяготѣть въ сторону вещества, и когда его умъ отвратился отъ своего Вино-
вика, т. е. Бога, то ему стало свойственно тлѣніе, онъ сдѣлался изъ безстрастнаго подверженнымъ страстямъ, изъ безсмертнаго смертнымъ, возымѣлъ нужду въ супружествѣ и плотскомъ ро-
жденіи, по пристрастію къ жизни привязался къ удовольствіямъ, какъ къ чему-то необходимому для жизни, а тѣхъ, которые пы-
тались лишить его этихъ удовольствій, сталъ упорно ненави-
дѣть. Его любовь вмѣсто Бога обратилась на вещество, а его гнѣвъ вмѣсто подлиннаго врага его спасенія—на подобныхъ ему
людей. Такъ человѣкъ былъ побѣжденъ завистью діавола, ибо за-
вистливый ненавистникъ добра—демонъ, который самъ за превоз-
ношеніе сверженъ былъ долу, не могъ терпѣть, чтобы мы до-
стигли вышнихъ благъ. Почему этотъ лжець и прельщаетъ не-
счастливаго [т. е. Адама] надеждою стать Богомъ и, возведя его
до своей собственной высоты гордости, низвергаетъ въ подобную
бездну паденія.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Глава I.

О Божественномъ домостроительствѣ и попеченіи въ отношеніи къ намъ, и о нашемъ спасеніи.

ИТАКЪ, этимъ нападеніемъ виновника зла—демона человѣкъ былъ прельщенъ, не соблюлъ заповѣди Творца, былъ лишенъ благодати, потерялъ дерзновеніе къ Богу, подвергся суровости бѣдственной жизни,—ибо это означаютъ листья смоковницы (Быт. III, 7),—облекся въ смертность, то-есть въ смертную и грубую плоть,—ибо это означаетъ облеченіе въ кожи (Быт. III, 21), по праведному суду Божию былъ изгнанъ изъ рая, осужденъ на смерть и сдѣлался подвластнымъ тлѣнію. Но (и въ такомъ состояніи) не презрѣлъ человѣка Милосердый, даровавшій ему бытіе и блаженное состояніе, но первоначально вразумлялъ его многими способами и призывалъ къ обращенію—стенаніемъ и трясеніемъ (Быт. IV, 14), воднымъ потономъ и истребленіемъ всего почти человѣческаго рода (Быт. VI, 13), смѣшеніемъ и раздѣленіемъ языковъ (Быт. XI, 4), руководствомъ Ангеловъ (Быт. XVIII, 2 и др.), сожженіемъ городовъ (Быт. XIX, 24 и др.), прообразовательными богоявленіями, войнами, побѣдами, пораженіями, знаменіями и чудесами, явленіемъ различныхъ силъ, закономъ и пророками. Всѣмъ этимъ имѣлось въ виду достигнуть истребленія грѣха, разлившагося многоразличными потоками, поработившаго себѣ человѣка и нагромоздившаго жизнь всякаго вида порокомъ, а также—и возвращеніе человѣка къ блаженному состоянію. Но такъ какъ чрезъ грѣхъ вошла въ міръ и смерть, пожирающая, подобно дикому и неукротимому звѣрю, жизнь человѣка; имѣющему же притти Искупителю надлежало быть безгрѣшнымъ и не подвластнымъ смерти, возникающей чрезъ грѣхъ; такъ какъ, притомъ, необходимо было подкрѣпить и обновить естество человѣческое, самымъ дѣломъ на-

ставить ее и научить пути добродѣтели, отводящему отъ тлѣнія и вѣдущему къ жизни вѣчной, что, наконецъ, открывается чело- вѣку великое море (Божія) челоѣколюбія. Самъ Творецъ и Гос- подь вступаетъ въ борьбу за свое созданіе и самымъ дѣломъ становится Учителемъ. И такъ какъ врагъ уловилъ челоѣка обѣщаніемъ ему божественнаго достоинства, то и самъ онъ уловляется тѣмъ, что Божество (въ Искупителѣ) является подъ покровомъ плоти. И въ этомъ открываются вмѣстѣ и благодать, и премудрость, и правда, и всемогущество Божіи. *Благодать*, по- тому что Богъ не презрѣлъ немощи Своего созданія, но сжалился надъ нимъ—павшимъ—и простеръ къ нему руку (помощи). *Правда*—потому что, когда челоѣкъ былъ побѣжденъ, Богъ не другого кого дѣлаетъ побѣдителемъ мучителя, и не силою по- хищаетъ челоѣка у смерти; но кого нѣкогда смерть поработила себѣ грѣхомъ, того Благій и Праведный снова содѣлалъ побѣди- телемъ и—что казалось невозможнымъ—подобнымъ спасъ по- добное. *Премудрость*—потому что Богъ нашелъ благоприличнѣй- шее разрѣшеніе безвыходнаго положенія. Ибо, по благоволенію Бога и Отца, едиnorodный Сынъ, Слово Божіе, и Богъ. *сый въ лонѣ* Бога и Отца (Юан. I, 18). единосущный Отцу и Святому Духу, предвѣчный, безначальный, Тотъ, Кто былъ въ началѣ, былъ у Бога и Отца, и (Самъ) былъ Богомъ, *во образъ Божіи сый* (Филипп. II, 6), преклоняетъ небеса и сходить, то-есть не уничи- жимую высоту свою неуничженно уничижаетъ, снисходитъ къ своимъ рабамъ неизреченнымъ и непостижимымъ снисхожде- ніемъ,—ибо это и значитъ *снисхождение*. Будучи совершеннымъ Богомъ, Онъ становится совершеннымъ челоѣкомъ,—и совер- шается изъ всего новаго самое новое и единственно новое подъ солнцемъ (Екклес. I, 10),—въ чемъ открывается безпредѣльное могущество Божіе. Что можетъ быть болѣе сего—Богъ содѣ- лался челоѣкомъ? И *Слово плоть бысть* непреложно—отъ Духа Святаго и Святой Маріи, Приснодѣвы и Богородицы. Зачавшись въ непорочной утробѣ Дѣвы не отъ желанія, или похоти, или соединенія съ мужемъ, или отъ сладострастнаго зарожденія, но отъ Святаго Духа и на подобіе перваго происхожденія Адамова— Богъ Слово, единый челоѣколюбивый, является посредникомъ между Богомъ и людьми, становится послушнымъ Духу, врачуетъ наше непослушаніе принятіемъ того, что подобно намъ и отъ насъ, и дѣлается для насъ примѣромъ послушанія, безъ коего невозможно получить спасеніе ¹⁾).

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 6 и 38; Григорій нисскій, Большое огла- сительное слово, 20.

Г л а в а П.

О томъ, какъ зичался Богъ—Слово; и о божественномъ Его воплощеніи.

Ангель Господень посланъ былъ ко святой Дѣвѣ, происшедшей изъ племени Давидова (Лк. I, 26). *Явь бо,—говорить божественный Апостоль,—яко отъ колѣна Іудова возсія Господь нашъ* (Евр. VII, 14), *отъ негоже никтоже приступи ко алтарю* (ст. 13),—о чемъ впослѣдствіи будемъ говорить подробнѣе. Благовѣствуя, Ангель сказалъ Ей: *радуйся, благодатная: Господь съ Тобою* (Лк. I, 28). *Она же смутися о словеси. И рече Ангель ей: не бойся, Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Исусъ* (Лк. I, 29—31). *Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѣ. I, 21). Отсюда имя Исусъ означаетъ—*Спаситель*. Когда же Она недоумѣвала: *како будетъ мнѣ сіе, идѣже мужа не знаю?* Ангель въ отвѣтъ говоритъ Ей: *Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осянитъ Тя. Тѣмже и раждаемое отъ Тебя свято наречется Сынъ Божій*. Она же говоритъ ему: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему* (Лк. I, 34—35, 38).

Дѣйствительно, послѣ того, какъ святая Дѣва выразила свое согласіе, по слову Господню, возвѣщенному Ангеломъ, сошелъ на нее Духъ Святый, очистилъ ее и даровалъ ей силу какъ принять въ себя Божество Слова, такъ и родить. Тогда осѣнили ее, какъ бы Божественное сѣмя, Сынъ Божій, ипостасная Премудрость и Сила Всевышняго Бога, единосушій Отцу, и изъ непорочныхъ и чистѣйшихъ ея кровей образовалъ Себѣ начатокъ нашего состава—плоть, оживленную душею мыслящею и разумною,—не чрезъ оплодотвореніе сѣменемъ, но творчески, чрезъ Святаго Духа. При этомъ человѣческой образъ не чрезъ постепенныя приращенія составлялся, но сразу совершился. Само Слово Божіе явилось для плоти ипостасью. Ибо Слово Божіе соединилось не съ такою плотію, которая бы прежде уже существовала лично сама по себѣ, но, вселившись въ утробѣ святой Дѣвы, Оно въ своей собственной ипостаси изъ чистыхъ кровей Приснодѣвы восприняло Себѣ плотъ, оживленную душею мыслящею и разумною. Воспринявъ Себѣ начатокъ человѣческаго состава, Само Слово содѣлалось (такимъ образомъ) для плоти ипостасью. Слѣдовательно, одновременно (съ тѣмъ, какъ образовалась) плотъ, она (была уже) плотью Бога Слова, и вмѣстѣ—
988 плотью одушевленной, мыслящею и разумною. Посему мы и говоримъ не о человѣкѣ обожествленномъ, но о Богѣ вочеловѣчившемся. Тотъ же Самый, Кто по естеству—совершенный Богъ, со-

дѣлался по естеству совершеннымъ челоувѣкомъ. Онъ не измѣнился въ естествѣ и не призрачно воплотился; но съ принятою отъ Святой Дѣвы плотію, оживленною мыслящею и разумною душою и въ Немъ Самомъ получившею свое бытіе,—ипостасно соединился неслитно, неизмѣнно и нераздѣльно, не измѣнивъ природы Божества Своего въ существо Своей плоти, ни существа Своей плоти—въ природу Своего Божества, и не составивъ одного сложнаго естества изъ Божескаго Своего естества и изъ естества челоувѣческаго, какое Онъ Себѣ воспринялъ ¹⁾.

Г л а в а III.

О двухъ естествахъ (во Христѣ), противъ монофиситовъ.

Два естества (во Христѣ) соединились между собой безъ превращенія и измѣненія, такъ что ни Божеское не лишилось свойственной Ему природы, ни челоувѣческое—какъ не превратилось въ Божеское естество, такъ и не перешло въ небытіе, равнымъ образомъ и изъ двухъ не составилось одного сложнаго естества. Пбо сложное естество, сдѣлавшись инымъ, какъ сложное изъ разныхъ естествъ, уже не можетъ быть единосущнымъ ни которому изъ тѣхъ естествъ, изъ какихъ оно сложилось. Напримѣръ, тѣло, сложное изъ четырехъ стихій, не называется ни единосущнымъ огню, ни огнемъ, ни воздухомъ, ни водою, ни землею, и не единосущно ни съ какою изъ этихъ стихій. Поэтому, если Христось, послѣ соединенія естествъ, сталъ одного сложнаго естества, какъ полагають еретики,— то Онъ изъ простаго естества превратился въ сложное, и уже не единосущенъ ни Отцу, Коего естество просто, ни Матери, ибо Она не состояла изъ Божества и челоувѣчества. Въ такомъ случаѣ и Христось не обладалъ бы ни Божествомъ, ни челоувѣчествомъ, и не могъ бы называться ни Богомъ, ни челоувѣкомъ, а только Христомъ, да и самое имя—*Христось*—согласно ихъ мнѣнію—было бы именемъ не Лица, а одного естества ²⁾

Мы же учимъ, что Христось—не изъ сложнаго естества. и не такъ, что изъ разныхъ естествъ произошло нѣчто иное, какъ, напримѣръ, изъ души и тѣла—челоувѣкъ, или изъ четырехъ стихій—тѣло; но Онъ состоитъ изъ разныхъ естествъ, остающихся тѣми же самими. Мы исповѣдуемъ, что одинъ и тотъ же (Христось) состоитъ изъ двухъ естествъ—Божества и челоувѣчества,

¹⁾ Василій Великій, Слово на Рождество Христово.

²⁾ Максимъ Исповѣдникъ, письмо къ Іоанну кубикулярію. Migne, s. gr. t., XCI

и въ двухъ естествахъ, и что Онъ есть и именуется и совершеннымъ Богомъ, и совершеннымъ человѣкомъ. Имя же *Христосъ* мы принимаемъ за имя лица и понимаемъ его не одно-сторонне, но какъ обозначеніе двухъ естествъ. Ибо Христосъ помазалъ Самъ Себя: какъ Богъ, Онъ былъ помазующимъ тѣло Божествомъ Своимъ; какъ человѣкъ же, Онъ былъ помазуемымъ; ибо Онъ есть и помазующій, и помазуемый. Помазаніемъ же для человѣчества служить Божество. А если Христосъ, будучи одного сложнаго естества, единосущенъ Отцу, то и Отецъ, въ такомъ случаѣ, былъ бы сложенъ (по Своему естеству) и единосущенъ съ плотію, что—нелѣпно и полно всякаго богохульства.

Да и какъ одно естество могло бы вмѣстить въ себѣ противоположныя существенныя свойства? Какъ возможно, чтобы одно и то же естество въ одно и то же время было и созданнымъ и не созданнымъ, смертнымъ и бессмертнымъ, описуемымъ и не описуемымъ?

992 Если же приписывающіе Христу одно естество назовутъ послѣднее простымъ, то должны будутъ или исповѣдывать Христа только Богомъ и допустить не вочеловѣченіе, а только призракъ вочеловѣченія, или, согласно съ ученіемъ Несторія, должны будутъ признать Христа простымъ человѣкомъ? И гдѣ будетъ та истина, что Христосъ совершенъ въ Божествѣ и совершенъ въ человѣчествѣ? Когда же Христосъ имѣлъ—по ихъ мнѣнію—два естества, если по соединеніи Онъ имѣлъ,—какъ они говорятъ—одно сложное естество? А что Христосъ прежде соединенія имѣлъ одно естество.—очевидно всякому.

Но еретиковъ вводитъ въ заблужденіе вотъ что: они признаютъ естество (φύσις) и ипостась за одно и то же. Хотя мы и говоримъ, что въ человѣкѣ—одно естество, но должно знать, что мы говоримъ такъ, не обращая вниманія на опредѣленіе души и тѣла. Ибо если сравнить душу и тѣло между собою, то нельзя сказать, что они—одного естества. Но такъ какъ, хотя и очень много человѣческихъ личностей (ὑποστάσεις), однако всѣ онѣ получаютъ одно опредѣленіе своей природы, ибо всѣ состоятъ изъ души и тѣла, всѣ получили естество души и имѣютъ тѣлесную сущность и одинаковую наружность, — то мы и говоримъ, что естество весьма многихъ и различныхъ личностей—одно,—между тѣмъ какъ каждая личность собственно имѣетъ два естества и состоитъ въ двухъ естествахъ, — я разумью естество души и тѣла ¹⁾.

¹⁾ Анастасій Синаитъ, Путеводитель, 9. Леонтій византійскій, Противъ несторіанъ и евтихіанъ.

Въ отношеніи же къ Господу нашему Иисусу Христу нельзя 993
 найти общій (съ людьми) видъ. Ибо и не было, и нѣтъ, и никогда не будетъ другого Христа, Который состоялъ бы изъ Божества и человѣчества, Который по Божеству и человѣчеству—одинъ и тотъ же былъ бы и Богомъ совершеннымъ, и человѣкомъ совершеннымъ. Поэтому о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ нельзя сказать, что въ Немъ —одно естество,—то-есть нельзя сказать, что какъ отдѣльная человѣческая личность сложена изъ души и тѣла, такъ же и Христосъ сложень изъ Божества и человѣчества. Ибо здѣсь берется личность, входящая въ составъ рода, Христосъ же не есть такая личность, потому что для Него нѣтъ общаго вида, подъ который бы Его можно было подвести. Поэтому и говоримъ, что во Христѣ произошло соединеніе двухъ совершенныхъ естествъ — Божескаго и человѣческаго — не по образу смѣшенія, или сляпнія, или примѣшиванія, или растворенія,—какъ говорили отверженный Богомъ Диоскоръ, Евтихій и Северъ и ихъ отлученные отъ Бога приверженцы. Равнымъ образомъ оно не было соединеніемъ и двухъ различныхъ лицъ, или соединеніемъ относительнымъ: или по достоинству, или по тождеству воли, или по равночестію, или по одноименности, или по благоволенію, какъ говорили—богоненавистный Несторій, Дюдоръ, Феодоръ мопсуэстійскій и демонское ихъ сборище. Напротивъ, это соединеніе совершилось по сочетанію, то есть въ единствѣ ипостаси, непреложно, неслиянно, неизмѣнно, нераздѣльно и неразлучно. И въ двухъ естествахъ, пребывающихъ совершенными, исповѣдуемъ одну ипостась Сына Божія воплотившагося, признавая въ Немъ ту же самую ипостась Божества и человѣчества Его, и исповѣдуя, что оба естества остаются въ Немъ цѣлыми по соединенію. Мы не полагаемъ каждое естество отдѣльно и порознь, но признаемъ ихъ взаимно соединенными въ одной сложной ипостаси. Мы признаемъ это соединеніе существеннымъ, то-есть истиннымъ, а не воображаемымъ. Существеннымъ же считаемъ не въ томъ смыслѣ, что два естества составили одно сложное естество, но въ томъ, что они соединились между собой въ одну сложную ипостась Сына Божія и сохранили свое существенное различіе. Ибо созданное осталось созданнымъ, и не созданное—не созданнымъ; смертное сохранилось смертнымъ и бессмертное—бессмертнымъ; описуемое—описуемымъ, неопикуемое—неопикуемымъ; видимое—видимымъ и невидимое—невидимымъ. „Одно блистаетъ чудесами, а другое подверглось оскорбленіямъ“¹⁾).

¹⁾ Леонтій визант., Противъ северіанъ и еutihianъ. Левъ Великій, письмо XXVIII-ое, къ Флавіану. гл. 4. Migne, s. lat. t. LIV. coll. 765—771.

996 Слово усваеетъ Себѣ человѣческія свойства, ибо все, что принадлежитъ святой Его плоти, есть вмѣстѣ и принадлежность Слова. Равнымъ образомъ и Само Слово даетъ плоти участвовать въ Своихъ свойствахъ по способу взаимной передачи, по причинѣ взаимнаго проникновенія и ипостаснаго соединенія естествъ и потому, что Одинъ и Тотъ же совершалъ и свойственное Богу, и свойственное человѣку въ томъ и другомъ образѣ (бытія), при взаимномъ общеніи того и другого (естества). Поэтому и говорится, что *Господь славы* былъ *распятъ* (1 Кор. II, 8), хотя и не страдало Божеское Его естество; и обратно о Сынѣ Человѣческомъ исповѣдуется, что Онъ до страданія былъ на небѣ,—какъ сказалъ Самъ Господь. Ибо Тотъ же Самый, Господь славы, по естеству и понстинѣ содѣлался Сыномъ Человѣческимъ, то-есть человѣкомъ, и мы признаемъ, что Ему принадлежатъ какъ чудеса, такъ и страданія, хотя чудеса Онъ творилъ по одному естеству, а страданія терпѣлъ Онъ же по другому естеству. Ибо знаемъ, что какъ одна въ Немъ ипостась, такъ и существенное различіе естествъ сохраняется. Но какъ сохранилось бы различіе, если бы не сохранилось то, что имѣетъ различіе между собой? Ибо различіе бываетъ въ томъ, что дѣйствительно различается между собой. Мы говоримъ, что въ томъ отношеніи, въ какомъ различаются между собой естества во Христѣ, то-есть въ отношеніи сущности, Христосъ соприкасается съ крайностями: по Божеству—со Отцемъ и Духомъ, по человечеству—съ Матеріею Своею и съ прочими людьми. А въ томъ отношеніи, въ какомъ соединены въ Немъ естества, Онъ,—говоримъ мы,—различается и отъ Отца, и отъ Духа, и отъ Матери Своей, и отъ остальныхъ людей, ибо естества Его соединены ипостасно, имѣя одну сложную Ипостась, по Коей Онъ различается какъ отъ Отца и отъ Духа, такъ и отъ Матери Своей и отъ насъ.

997

Г л а в а IV.

О взаимномъ сообщеніи свойствъ.

Мы уже много разъ говорили, что одно—сущность, а другое—ипостась, и что сущность означаетъ видъ общій, обнимающій ипостаси одного вида, какъ, напримѣръ—Богъ, человѣкъ, а ипостась обозначаетъ недѣлимое, напримѣръ—Отца, Сына, Духа Святаго,—Петра, Павла. Поэтому должно знать, что имена Божества и человечества указываютъ на сущности или на естества; имена же Богъ и человѣкъ употребляются и объ естествѣ, когда, напримѣръ, говоримъ, что Богъ есть существо непости-

жимое и что Богъ—одинъ,—но понимается оно и въ смыслѣ ипостасей, когда частное принимаетъ имя общаго, когда, напримѣръ, Писаніе говоритъ: *сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой* (Псал. XLIV, 8). Въ данномъ случаѣ именемъ Бога Писаніе обозначило Отца и Сына. Когда же Писаніе говоритъ: *человѣкъ нѣкій бяще во странѣ Асситидійстѣй* (Іов. I, 1), то подъ словомъ *человѣкъ* оно разумѣетъ одного только Іова.

Поэтому, признавая въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христа два естества и одну ипостась, сложенную изъ обоихъ естествъ,—когда имѣемъ въ виду естества, называемъ (ихъ) Божествомъ и человѣчествомъ; когда же разумѣемъ ипостась, составившуюся изъ (двухъ) естествъ, то называемъ Его или Христомъ—отъ обонхъ естествъ вмѣстѣ, также—Богочеловѣкомъ и Богомъ воплотившимся, или же—отъ одного изъ составляющихъ Его естествъ—называемъ Его то Богомъ и Сыномъ Божіимъ только, то человѣкомъ и Сыномъ Человѣческимъ только; въ однихъ случаяхъ—только отъ высшихъ, а въ другихъ—отъ низшихъ Его свойствъ. Ибо одинъ и тотъ же одинаково есть Сынъ Божій и Сынъ Человѣческій: Сыномъ Божіимъ пребываетъ вѣчно отъ Отца безвиновно, Сыномъ же Человѣческимъ сдѣлался напоследокъ по человѣколюбію ¹⁾.

Но, говоря о Божествѣ Его, мы не приписываемъ Ему свойствъ человѣчества. Такъ, мы не говоримъ, что Божество подлежитъ страданію или что Оно сотворено. Равнымъ образомъ, и говоря о плоти, или о человѣчествѣ Его, мы не приписываемъ имъ свойствъ Божества, не говоримъ, напримѣръ, что плоть Его, или человѣчество, не сотворена. Въ отношеніи же ипостаси,—даемъ ли ей наименованіе, заимствованное отъ обонхъ естествъ, ее составляющихъ, или же—отъ одной,—мы приписываемъ ей свойства обонхъ естествъ. Такъ Христосъ,—имя, означающее то и другое естество въ совокупности,—называется и Богомъ и человѣкомъ, и сотвореннымъ и не сотвореннымъ, и подверженнымъ страданію и не подверженнымъ. Также, когда Онъ по одному изъ составляющихъ Его естествъ (т. е. Божескому) именуется Сыномъ Божіимъ и Богомъ, тогда принимаетъ свойства соприсущаго естества, то-есть плоти. Такъ, Онъ называется Богомъ—страждущимъ, и Господомъ славы—распя- 1000
тымъ,—не поскольку Онъ—Богъ, но поскольку Онъ же Самъ
есть и человѣкъ. Равнымъ образомъ, когда Христосъ называется
человѣкомъ и Сыномъ Человѣческимъ, Онъ принимаетъ
свойства и отличія Божескаго естества и (именуется) предвѣч-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29.

нымъ Младенцемъ, безначальнымъ человѣкомъ,—не посколькѣ Онь—Младенецъ и Человѣкъ, но посколькѣ, будучи предвѣчнымъ Богомъ, сталъ на послѣдокъ Младенцемъ. И таковъ способъ взаимнаго сообщенія (свойствъ), когда каждое изъ обоихъ естествъ передаетъ другому свои свойства по причинѣ тождества ипостаси и взаимнаго проникновенія естествъ. Поэтому мы можемъ говорить о Христвъ: *Сей Богъ нашъ на земли явился, и съ чловѣчки поживе* (Вар. III. 36. 38); а также: человѣкъ этотъ не созданъ, не подверженъ страданію и неопикуемъ.

Глава V.

О числѣ естествъ.

Въ Божествѣ исповѣдуемъ одно естество, однако же говоримъ, что въ Немъ—дѣйствительно три ипостаси. Обо всемъ, что относится къ естеству и существу (Божества), мы утверждаемъ, что оно просто; различіе же ипостасей признаемъ единственно въ трехъ свойствахъ. Одна не имѣетъ причины Своего бытія и есть Отецъ. Вторая имѣетъ причину Своего бытія и есть Сынъ. Третья имѣетъ причину Своего бытія и исходитъ. При этомъ знаемъ, что эти ипостаси не отступны одна отъ другой, не раздѣльны между собой, но соединены, и одна другую несліянно проникаютъ. Онь и соединены безъ сліянія, ибо и по соединеніи остаются тремя ипостасями, и вмѣстѣ различны одна отъ другой безъ раздѣленія. Ибо хотя каждая ипостась Сама въ Себѣ самостоятельна, или есть совершенная ипостась и имѣетъ Свое собственное свойство, или Свой отличный образъ бытія; однако же три ипостаси соединены сущностію и естественными свойствами и, такъ какъ не отступаютъ и не удаляются отъ ипостаси Отца, то суть и именуется единымъ Богомъ. Такимъ же образомъ и въ божественномъ, неизреченномъ и превосходящемъ всякій умъ и пониманіе домостроительствѣ спасенія нашего мы исповѣдуемъ два естества—Божеское и человѣческое—одного изъ Лицъ Святыя Троицы, Бога Слова, Господа нашего Иисуса Христа, сблизившіяся и ипостасно соединившіяся между собой, но—одну ипостась сложную, составившуюся изъ (двухъ) естествъ. Утверждаемъ, далѣе, что два естества и по соединеніи въ одной сложной ипостаси, то-есть во единомъ Христвѣ, сохраняются въ цѣлости и существуютъ по-стинѣ, какъ и ихъ естественныя свойства; и что они какъ соединены безъ сліянія, такъ различаются между собой и исчисляются безъ раздѣленія. Какъ три Лица Святой Троицы соеди-

нены безъ сліянія и различаются, и исчисляются безъ раздѣленія, и число не производитъ въ Нихъ ни раздѣленія, ни разлученія, ни отчужденія, ни разсѣченія, ибо мы признаемъ Отца и Сына, и Святаго Духа единымъ Богомъ;—такъ и естества во Христѣ, хотя и соединены, но соединены неслитно; и хотя проникаютъ одно другое, но не допускаютъ какъ измѣненія, такъ и превращенія одного въ другое. Ибо каждое естество сохраняетъ свое естественное свойство неизмѣннымъ. Поэтому, хотя естества и исчисляются, но исчисленіе это не вводитъ раздѣленія, ибо одинъ Христосъ, совершенный и по Божеству, и по человечеству. Вѣдь, исчисленіе само по себѣ не бываетъ причиною раздѣленія или соединенія, но означаетъ только количество того, что исчисляется,—будетъ ли оно соединено между собой, или раздѣлено. Соединены,—когда говоримъ, напримѣръ, что извѣстная сгѣна состоитъ изъ пятидесяти камней; раздѣлены,—когда говоримъ, напримѣръ, что на извѣстномъ ровномъ мѣстѣ лежитъ пятьдесятъ камней: и еще,—съ одной стороны, соединены; напримѣръ, говоримъ, что въ горячемъ углѣ—два естества—разумѣется естество огня и дерева; съ другой же,—раздѣлены, потому что иное естество огня, иное естество дерева. При этомъ соединяетъ и раздѣляетъ ихъ другой способъ, а не число. Поэтому, какъ три ипостаси Божества, хотя онѣ и соединены между собой, нельзя назвать одною ипостасью безъ того, чтобы не допустить сліянія и не уничтожить различія ипостасей;—такъ и два естества во Христѣ, ипостасно соединенныя между собой, невозможно назвать однимъ естествомъ,—чтобы не допустить уничтоженія, сліянія и несуществованія въ дѣйствительности ихъ различія ¹⁾).

Г л а в а VI.

О томъ, что все Божеское естество въ одной изъ ипостасей Божества соединилось со всѣмъ человѣческимъ естествомъ, а не часть съ частию.

Общее и родовое оказывается таковымъ въ отношеніи къ тому частному, какое входитъ въ объемъ его. Поэтому сущность, какъ родъ, есть общее; а лицо (*ὑπόστασις*) есть частное. Однако оно—частное не потому, что одну часть естества имѣетъ, а другой не имѣетъ, но частнымъ оно является по числу, какъ лишь одно изъ недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ цѣлаго рода. О лицахъ говорится, что они различаются по числу, а не по есте-

¹⁾ Василій Великій, письмо 38 и О Св. Духъ, гл. 17. Migne, s. gr., t. XXXII, coll. 323—340. 143—148. Переводъ, ч. VI (1892), стр. 85—97; III (1891), 239—243.

ству. Приписывается же сущность личности потому, что въ каждой изъ однородныхъ личностей находится цѣлостная сущность. Почему личности не различаются другъ отъ друга по сущности, но по случайнымъ принадлежностямъ, которыя составляютъ отличительныя свойства, и притомъ отличительныя свойства личности, а не естества. Ибо ипостась опредѣляютъ какъ сущность, вмѣстѣ со случайными особенностями. Слѣдовательно, личность имѣетъ общее (родовое), вмѣстѣ съ отличительными особенностями, а также—самостоятельное бытіе; сущность же не имѣетъ самостоятельнаго бытія, но усматривается въ личностяхъ. Почему, когда страдаетъ одна изъ личностей, то обо всей сущности, страдающей постольку, поскольку пострадала эта личность, говорится, что она пострадала въ одной изъ своихъ личностей; однако же нѣтъ необходимости, чтобы и всѣ однородныя личности страдали вмѣстѣ со страдающею личностію.

Такимъ образомъ, мы исповѣдуемъ, что все естество Божеское совершеннымъ образомъ находится въ каждомъ изъ Лиць Божества: все—въ Отцѣ, все—въ Сынѣ, все—во Святомъ Духѣ. Потому и Отецъ есть совершенный Богъ, и Сынъ—совершенный Богъ. А также утверждаемъ, что и при вочеловѣченіи одного изъ Лиць Святой Троицы—Бога—Слова Божеское естество въ одномъ изъ Своихъ Лиць все и всецѣло соединилось со всѣмъ человѣческимъ естествомъ, а не часть съ частью. Дѣйствительно, божественный Апостоль говоритъ: *яко во Толь живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. II, 9), то-есть въ плоти Его.

1005 Также богоносный ученикъ Апостола Діонисій, многосвѣдущій въ божественныхъ вещахъ, говоритъ, что Божество въ одномъ изъ Своихъ лицъ всецѣло вошло съ нами въ общеніе. Впрочемъ, это не вынуждаетъ насъ утверждать, что всѣ, то-есть Три Лица Святаго Божества ипостасно соединились со всѣми личностями человѣчества. Ибо Отецъ и Духъ Святыи не участвовали въ воплощеніи Бога Слова никакимъ другимъ образомъ, какъ только благоволеніемъ и хотѣніемъ. Утверждаемъ же, что вся сущность Божества соединилась со всѣмъ человѣческимъ естествомъ. Богъ—Слово, создавшій насъ въ началѣ, ничѣмъ изъ того, что Онъ вложилъ въ наше естество, не пренебрегъ, но воспринялъ все,—тѣло, душу разумную и мыслящую, и ихъ свойства, ибо живое существо, лишенное одной изъ этихъ (принадлежностей), уже не человѣкъ. Ибо Онъ весь воспринялъ всего меня, и весь соединился со всѣмъ, чтобы даровать спасеніе цѣлому (человѣку). Иначе то, что не было бы принято, осталось бы неисцѣленнымъ ¹⁾.

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ, 2. Григорій Богословъ, 1-ое посланіе къ Кledonію.

Итакъ, Слово Божіе соединилось съ плотію чрезъ посредство ума, который занимаетъ посредствующее положеніе между чистотою Божества и грубостію плоти. Умъ владычествуетъ надъ душею и плотію, и самое чистое въ душѣ есть умъ, а надъ умомъ владычествуетъ Богъ. И умъ Христовъ являетъ свое владычество, когда получаетъ позволеніе отъ Вышшаго; но (вообще) покоряется и слѣдуетъ Высшему, и совершаетъ то, чего желаетъ воля божественная ¹⁾).

И умъ, какъ и плоть, сталъ вмѣстилищемъ ипостасно соединеннаго съ Нимъ Божества, а не сообитателемъ, какъ заблуждается проклятое мнѣніе еретиковъ, которые, рассуждая о невещественномъ чувственно, говорятъ: „не можетъ же одна мѣра вмѣстить двухъ мѣръ“. Какъ же можно было бы назвать Христа совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, единосущнымъ съ Отцемъ и съ нами, если бы въ Немъ соединилась 1008 часть Божескаго естества съ частью естества человѣческаго? ²⁾

Говоримъ же, что естество наше воскресло изъ мертвыхъ, вознеслось и возсѣло одесную Отца—не въ томъ смыслѣ, что всѣ человѣческія личности воскресли и возсѣли одесную Отца, но—въ томъ, что все естество наше воскресло и сидитъ одесную Отца въ ипостаси Христовой. Дѣйствительно, и божественный Апостолъ говоритъ: *совоскреси и спосади насъ во Христа* (Ефес. II, 6).

Утверждаемъ же это потому, что соединеніе произошло изъ общихъ сущностей. Ибо всякая сущность—обща тѣмъ лицамъ, кои объемлются ею, и нельзя найти частнаго, одному только лицу въ отдѣльности принадлежащаго естества или сущности. Иначе надлежало бы однѣ и тѣ же личности называть и единосущными, и разносущными. и Святую Троицу въ отношеніи Божества именовать и единосущною, и разносущною. Итакъ, въ каждой изъ ипостасей Божества созерцается одно и то же естество. И когда говоримъ, что естество Слова воплотилось, то, согласно съ ученіемъ блаженныхъ Аѳанасія и Кирилла, разумѣемъ, что съ плотію соединилось Божество. Почему и не можемъ сказать: естество Слова пострадало, ибо въ Немъ не Божество страдало. Говоримъ же, что пострадало во Христѣ человѣческое естество, не разумѣя при этомъ, конечно, что (пострадали) всѣ человѣческія личности, но исповѣдуемъ, что по естеству человѣческому пострадалъ Христовъ. Поэтому, говоря: *естество*

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 3, 38, 1-ое посланіе къ Клеоднію.

²⁾ Григорій Богословъ, 2-ое посланіе къ Клеоднію.

Слова,—обозначаемъ Самое Слово. Слово же имѣеть и общую (съ другими лицами Божества) сущность, и особенное личное свойство.

Г л а в а VII.

Объ одной сложной ипостаси Бога Слова.

Итакъ, мы говоримъ, что Божеская ипостась Бога Слова прежде всякаго времени и вѣчно существовала—простая, несложная, не созданная, безтѣлесная, невидимая, не осязаемая, неопикуемая, имѣющая все, что имѣеть Отець, какъ единосущная Отцу, отличающаяся отъ Отчей ипостаси образомъ рожденія и (личнымъ) свойствомъ, совершенная, никогда не отступающая отъ ипостаси Отчей. Напослѣдокъ же Слово. не отступивъ отъ пѣдръ Отчихъ, неопикуемо, безсѣменно и непостижимо, какъ Оно Само вѣдаетъ, вселилось въ утробѣ Святой Дѣвы и въ самой предвѣчной ипостаси восприняло Себѣ плоть отъ Святой Дѣвы.

И находясь во чревѣ Святой Богородицы, Богъ—Слово былъ, конечно, также во всемъ и выше всего, но въ ней (преимущественнѣе)—дѣйствиетъ воплощенія. Итакъ, Богъ—Слово воплотился, воспринявъ отъ Богородицы пачатокъ нашего состава—плоть, оживленную душою мыслящею и разумною, такъ что сама ипостась Бога Слова содѣлалась ипостатью для плоти, и, прежде бывшая простою, ипостась Слова содѣлалась сложною—именно сложенною изъ двухъ совершенныхъ естествъ—Божества и чело-вѣчества. И эта ипостась имѣеть въ Себѣ какъ характеристическое и отличительное свойство божественнаго Сыновства Бога Слова,—коимъ она различается отъ Отца и Духа, такъ имѣеть характеристическія и отличительныя свойства плоти, коими она отличается и отъ Матери и отъ прочихъ людей. Воплотившійся Богъ Слово имѣеть въ Себѣ и тѣ свойства Божескаго естества, коими соединенъ со Отцемъ и Духомъ, и тѣ признаки чело-вѣческаго естества, коими соединенъ и съ Матерію, и съ нами. И наконецъ, различается воплотившееся Слово какъ отъ Отца и Духа, такъ и отъ Матери Своей, и отъ насъ тѣмъ, что Оно—одно и то же—есть вмѣстѣ Богъ и чело-вѣкъ. Ибо это мы признаемъ самымъ отличительнымъ свойствомъ ипостаси Христовой.

Поэтому исповѣдуемъ, что Онъ есть единый Сынъ Божій и по воплощеніи: Онъ же Самый есть и Сынъ Человѣческой, единый Христосъ, единый Господь, одинъ только единородный Сынъ и Слово Божіе, Иисусъ—Господь нашъ. И чтимъ два Его рожденія: одно—отъ Отца, предвѣчное, которое—выше всякой при-

чины, слова, времени и естества; и другое—бывшее напоследокъ ради насъ, по подобію нашему и превыше насъ. Оно—ради насъ, потому что—ради нашего спасенія; по подобію нашему—потому что Богъ—Слово содѣлался человѣкомъ отъ Жены и родился въ обычное время послѣ зачатія; превыше насъ потому, что родился не отъ сѣмени, но отъ Духа Святаго и отъ Святыя Дѣвы Маріи превыше закона зачатія. И не проповѣдуемъ о Немъ 1012 ни какъ о Богѣ только, лишенномъ нашего человѣчества, ни какъ о человѣкѣ только, лишая Его Божества, ни какъ о Богѣ и человѣкѣ въ отдѣльности; но проповѣдуемъ, что Онъ—одинъ и тотъ же—есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ; весь Богъ и весь человѣкъ; одинъ и тотъ же—всецѣльный Богъ вмѣстѣ и съ плотію Его, и всецѣльный человѣкъ вмѣстѣ и съ пребожественнымъ Божествомъ Его. Называя Его совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, выражаемъ этимъ полноту и отсутствіе какого либо недостатка въ естествахъ; говоря же, что Онъ—весь Богъ и весь человѣкъ, обозначаемъ единичность и недѣлимость ипостаси.

Исповѣдуемъ также единое естество Бога—Слова воплотившеяся. Говоря—*воплотившеяся*, означаемъ сущность плоти, согласно съ ученіемъ блаженнаго Кирилла. Поэтому Слово и воплотилось, и не потеряло своей невестественности, и все воплотилось, и все остается неопишувемымъ (неограниченнымъ). По плоти Оно умалывается и ограничивается, а по Божеству остается неограниченнымъ, такъ какъ плоть Его не распространилась въ мѣру безпредѣльности Божества Его.

Христосъ весь есть совершенный Богъ, но не все въ Немъ Богъ; ибо Онъ—не только Богъ, но и человѣкъ. Равнымъ образомъ Онъ есть совершенный человѣкъ, но не все въ Немъ человѣкъ; ибо Онъ не только человѣкъ, но и Богъ. Слово *все* обозначаетъ естество, а слово *весь*—ипостась, равно какъ слово *иное* указываетъ на естество, слово же *иной*—на ипостась ¹⁾.

Надобно также знать, что хотя мы и говоримъ, что (оба) естества Господа проникаютъ одно другое, однако знаемъ, что проникновеніе принадлежитъ собственно естеству Божескому, ибо оно чрезъ все проходить и проникаетъ, какъ хочетъ, а чрезъ него ничто (не проходить и не проникаетъ). Оно сообщаетъ свои совершенства плоти, само оставаясь безстрастнымъ и непричастнымъ страстямъ плоти. Ибо если солнце, сообщая намъ свои дѣйствія, само не дѣлается причастнымъ нашихъ свойствъ; то тѣмъ болѣе—Творецъ и Господь солнца.

¹⁾ Григорій Богословъ, 1-ое посланіе къ Клеодію.

Глава VIII.

Тѣмъ, которые допытываются о томъ, — къ непрерывному ли, или разрозненному количеству слѣдуетъ относить естества въ Господѣ.

1013

Если же кто спрашиваетъ объ естествахъ Господа,—къ непрерывному ли, или разрозненному количеству слѣдуетъ ихъ относить?—отвѣчаемъ, что естества Господа не суть ни одно тѣло, ни одна поверхность, ни одна линія, ни время, ни мѣсто. чтобы ихъ можно было подводить подъ непрерывное количество. Ибо это исчисляется непрерывно. Должно также знать, что исчисленіе бываетъ только предметовъ, различающихся между собой, и нельзя считать предметы, ничѣмъ другъ отъ друга не отличающіеся. Въ какомъ отношеніи предметы между собой различаются, въ такомъ они и исчисляются. Напримѣръ, Петръ и Павелъ—поскольку они составляютъ одно—не исчисляются. Въ отношеніи своей сущности составляя одно, они не могутъ называться двумя естествами; различаясь же въ отношеніи ипостаси, они называются двумя личностями (*ὑποστάσεις*). Слѣдовательно, исчисленіе имѣетъ отношеніе къ предметамъ, различающимся между собой; и въ какомъ отношеніи различные предметы между собой различаются, въ такомъ они и исчисляются ¹⁾.

Итакъ, въ отношеніи ипостаси естества въ Господѣ неслитно соединены между собой, способомъ же и образомъ ихъ различія нераздѣльно раздѣлены. И въ какомъ отношеніи они между собою соединены, въ томъ не исчисляются, ибо не въ отношеніи къ ипостаси говоримъ, что во Христѣ—два естества. А въ какомъ отношеніи естества раздѣлены нераздѣльно, въ томъ они исчисляются, ибо во Христѣ—два естества, по способу и по образу ихъ различія. Будучи соединены ипостасно и имѣя взаимное проникновеніе, они соединены неслитно, при чемъ каждое изъ нихъ сохраняетъ въ цѣлости свое естественное отличіе. Поэтому, по образу ихъ различія и будучи исчисляемы въ одномъ только этомъ отношеніи, естества во Христѣ могутъ быть подведены подъ разрозненное количество.

Итакъ, одинъ есть Христосъ, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ. Ему поклоняемся со Отцемъ и Духомъ единымъ поклоненіемъ, вмѣстѣ и съ пречистою плотію Его. Не говоримъ, что плоть не достойна поклоненія, ибо поклоненіе ей воздается въ единой ипостаси Слова, которая и для плоти содѣлалась ипостасію. Не твари мы служимъ, ибо поклоняемся плоти

¹⁾ Леонтій византійскій, О сектахъ, отдѣлъ 3-ій.

Господа не какъ простой плоти, но какъ соединенной съ Божествомъ, и потому, что два естества Его возводятся къ одному лицу и одной ипостаси Бога Слова. Боюсь прикоснуться къ горящему углю, потому что съ деревомъ соединенъ огонь. Поклоняюсь совмѣстно обоимъ естествамъ во Христѣ, потому что съ плотію Его соединено Божество. Не прилагаю четвертаго лица къ Троицѣ,—да не будетъ!—но исповѣдую одно Лицо Бога-Слова 1016 и плоти Его. Троица осталась Троицею и по воплощеніи Слова ¹⁾).

Г л а в а IX.

Отвѣтъ на вопросъ: нѣтъ ли естества (во Христѣ) безъ ипостаси?

Хотя и нѣтъ естества, существующаго безъ ипостаси, и не бываетъ сущности безъ лица, ибо и сущность, и естество усма- 1017 триваются въ ипостасяхъ и лицахъ; однако же изъ этого не слѣдуетъ необходимо, что естества, соединенныя другъ съ другомъ ипостасно, должны имѣть—каждое особо—свою ипостась. Въ самомъ дѣлѣ, естества, соединяющіяся въ одну ипостась, могутъ и не быть безъипостасными, и не имѣть каждое особенной ипостаси, но оба естества могутъ имѣть одну и ту же ипостась. Одна и та же ипостась Слова, ставъ ипостасію обоихъ естествъ, не допускаетъ ни одному изъ нихъ быть безъипостаснымъ, равно не позволяетъ имъ быть—разноипостасными между собою; и не бываетъ она ипостасію то одного естества, то другого, но всегда пребываетъ ипостасію обоихъ естествъ нераздѣльно и неразлучно. Ипостась не дѣлится и не раздробляется на части, и не удѣляетъ одной части своей тому естеству, а другой—другому, но всегда пребываетъ ипостасію того и другого естества нераздѣльно и всецѣло. Ибо плоть Бога Слова не получила бытія въ своей особенной ипостаси и не стала ипостасію иною, по сравненію съ ипостасію Бога Слова; но, въ ней получивъ ипостась, стала, лучше сказать, принятою въ ипостась Бога Слова, а не существующею самостоятельно, въ своей особенной ипостаси. Потому она и не существуетъ безъипостасно, и не вводитъ въ Троицу иной ипостаси ²⁾).

Г л а в а X.

О Трисвятой пѣсни.

Отсюда и добавленіе, сдѣланное въ Трисвятой пѣсни суето 1020 мудрымъ Петромъ Кнафевсомъ, мы считаемъ богохульнымъ,

¹⁾ Кириллъ александрійскій, Апологетикъ противъ Θεодорита.

²⁾ Леонтій византійскій, О сектахъ, отдѣлъ 7-й.

такъ какъ оно вводитъ четвертое лицо и поставяетъ отдѣльно Сына Божія—ипостасную Силу Отца и отдѣльно Распятаго, какъ бы иного, по сравненію съ тѣмъ, Кто именуется *Сильнымъ*,—или допускаетъ страданіе Святой Троицы и сораспинаетъ Сыну Отца и Святаго Духа. Прочь сіе богохульное и произвольно внесенное пустословіе! Ибо мы слова: *Святый Боже*, разумѣмъ объ Отцѣ, (впрочемъ) не Ему одному только отдѣляя имя Божества, но исповѣдуя Богомъ (также) и Сына, и Духа Святаго. И слова: *Святый крѣпкій*, относимъ къ Сыну, не лишая *крѣпости* Отца и Духа Святаго. И слова: *Святый безсмертный*, прилагаемъ къ Святому Духу, однако же не поставляемъ внѣ безсмертія Отца и Сына; но всѣ божественныя наименованія просто и безусловно разумѣмъ о каждой ипостаси, подражая божественному Апостолу, говорящему: *но намъ единый Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и мы у Него, и единый Господь Иисусъ Христосъ, Имъ же вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. VIII, 6); и единый Духъ Святой, въ Которомъ—все, и мы—въ Немъ. Да и Григорій Богословъ въ одномъ мѣстѣ говорить такъ: (въ словахъ) *но намъ единый Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и единый Господь Иисусъ Христосъ, Имъ же вся, и единый Духъ Святой*, въ коемъ все—выраженія: *изъ Него же, Имъ же, въ Коемъ*—не разсѣкаютъ естества (φύσει), ибо (въ противномъ случаѣ) и тѣ предлоги, и тотъ порядокъ именъ не измѣнялись бы; но характеризуютъ свойства единого и несліяннаго естества. И это ясно изъ того, что (указанныя выраженія) въ другомъ мѣстѣ сводятся во едино,—если не безъ вниманія прочитать у того же Апостола слѣдующее: *изъ Того и Тѣмъ и въ Немъ всяческая. Тому слава во вѣки вѣковъ. Аминь* (Римл. XI, 36).

Ибо, что не въ отношеніи къ Сыну только изречено *Три-святое*, но въ отношеніи къ Святой Троицѣ,—свидѣтельствуютъ божественные и священные—Афанасій, Василій, Григорій, и весь сонмъ богоносныхъ отцовъ, а именно, что святые серафимы тройственнымъ *Святъ* возвѣщаютъ намъ три ипостаси пресущественнаго Божества, а единымъ (словомъ) Господь даютъ разумѣть единое существо и царство богочающей Троицы. Дѣйствительно, Григорій Богословъ говорить: Такъ, Святое Святыхъ. покрываемое серафимами и прославляемое троекратнымъ *Святъ*, сходящимся въ едино *господство* и *божество*...—о чемъ прекраснѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ образомъ любомудрствовалъ пѣкто прежде насъ.

И составители церковной исторіи повѣствуютъ, что въ то время, какъ народъ константинопольскій молебствовалъ ради нѣкоего ниспосланнаго Богомъ бѣдствія, совершившагося при архіепископѣ Проклѣ,—случилось, что нѣкій отрокъ былъ восхп-

ценъ изъ народа, и въ такомъ состояніи пѣкоторымъ ангельскимъ наученіемъ былъ наставленъ Трисвятой пѣсни: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!* И какъ только отрокъ былъ возвращенъ и возвѣстилъ то, чему онъ былъ наученъ, то весь народъ воспѣлъ гимнъ, и такимъ образомъ прекратилось угрожавшее бѣдствіе. А также передается, что на святомъ, великомъ вселепскомъ четвертомъ соборѣ, я разумѣю бывшій въ Халкидонѣ—Трисвятая пѣснь была воспѣта такимъ образомъ, ибо такъ повѣствуется въ дѣяніяхъ того же самага святого собора. Итакъ, поистинѣ смѣшно и забавно, что Трисвятую пѣснь, преподаванную чрезъ ангеловъ, удостовѣренную прекращеніемъ напасти, подкрѣпленную и утвержденную соборомъ столь многихъ святыхъ отцовъ, и еще прежде воспѣтую серафимами въ ознаменованіе Трипостаснаго Божества,—теперь своимъ безразсуднымъ мнѣніемъ поправль и будто бы исправиль Кнафевсъ, какъ если бы онъ превосходилъ серафимовъ! Какая же это дерзость, чтобы не сказать—какое безуміе! Мы же,—хотя бы демоны разрывались отъ досады,—произносимъ такъ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!*

Г л а в а X I.

Объ ествѣ, (которое усматривается въ цѣломъ) родѣ (существо) и въ недѣлимомъ (т. е. въ каждомъ отдѣльномъ существѣ извѣстнаго рода); о различіи между соединеніемъ и воплощеніемъ; и о томъ, какъ должно понимать выраженіе: „Единое естество Бога Слова воплощенное“.

Естество усматривается или чистымъ умозрѣніемъ, ибо само по себѣ оно не имѣетъ самостоятельности; или сообща во всѣхъ однородныхъ ипостасяхъ, какъ взаимно связующее ихъ, и (въ такомъ случаѣ) называется естествомъ, созерцаемымъ въ (извѣстномъ) родѣ (существо); или же совершенно то же самое (естество) съ присоединеніемъ случайныхъ принадлежностей въ единоличномъ существѣ и называется естествомъ, созерцаемымъ въ недѣлимомъ, будучи тождественнымъ съ тѣмъ, которое созерцается въ (цѣломъ) родѣ. Итакъ, Богъ—Слово, воплотившись, воспринялъ не то естество, какое усматривается въ чистомъ умозрѣніи, ибо это было бы не воплощеніе, но обманъ и призракъ воплощенія, а равно (воспринялъ Онъ) и не то естество, какое созерцается въ (цѣломъ) родѣ, ибо Онъ не воспринялъ всѣхъ личностей (человѣческаго) естества, но (Онъ воспринялъ) то, которое—въ недѣлимомъ, тождественное съ тѣмъ, которое—

въ родѣ. Ибо Онъ воспринялъ начатокъ нашего состава,—не такой, который самъ по себѣ существовалъ бы, и прежде назывался недѣлимымъ, и въ такомъ видѣ былъ бы Имъ принятъ, но —(наше естество), которое получило бытіе въ Его ипостаси. Ибо самая ипостась Бога Слова содѣлалась ипостасью для плоти, и въ этомъ смыслѣ *Слово плоть бысть* (Иоан. I, 14),—разумѣется, безъ превращенія, и плоть стала Словомъ—безъ измѣненія; и Богъ (содѣлался) человѣкомъ, ибо Слово есть Богъ, и человѣкъ—Богъ, ради ипостаснаго соединенія. Итакъ, одно и то же—сказать: „человѣческое естество Слова“ и „естество Слова въ недѣлимомъ“. Ибо это выраженіе въ собственномъ и исключительномъ смыслѣ не означаетъ ни недѣлимаго, то-есть лица, ни совокупности (τὸ κοινόν) лицъ, но—общее естество, созерцаемое и познаваемое въ одномъ изъ лицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одно—соединеніе, а другое—воплощеніе. Соединеніе собственно означаетъ только сочетаніе; а съ чѣмъ произошла эта связь, оно еще не показываетъ. Воплощеніе же, или—что то же—вочеловѣченіе, обозначаетъ сочетаніе съ плотью или—съ человѣкомъ,—подобно тому, какъ раскаленіе желѣза обозначаетъ соединеніе его съ огнемъ. Посему самъ блаженный Кириллъ, объясняя во второмъ посланіи къ Сукенсу выраженіе: *единое естество Бога Слова—воплощенное*, говоритъ такимъ образомъ: „если бы мы, сказавъ: *единое естество Слова*, умолкли, не прибавивъ слова *воплощенное*, какъ бы исключая домостроительство (воплощенія),—то, быть можетъ, и не оказалась бы неправдоподобною рѣчь тѣхъ, кои притворно спрашиваютъ: если (во Христѣ) вообще—одно естество, то гдѣ полнота (τὸ τέλειον) (Его) человѣчества? Или какимъ образомъ пребываетъ (въ Немъ) соотвѣтствующая нашей сущности? Но такъ какъ словомъ *воплотившееся* вносится указаніе и на полноту (τὸ τελειότης) человѣчества и на соотвѣтственную нашей сущности, то пусть перестанутъ опираться на тростниковый жезлъ“. Итакъ, здѣсь естество Слова онъ употребилъ вмѣсто естества. Ибо если бы онъ принялъ естество за ипостась, то не неумѣстно было бы сказать это, и не прибавляя слово *воплотившееся*, ибо, говоря просто объ единой ипостаси Бога Слова, мы не погрѣшаемъ. Подобнымъ же образомъ и Леонтій византійскій понялъ изреченіе въ отношеніи къ естеству, а не въ смыслѣ ипостаси. А блаженный Кириллъ въ Апологетикѣ, въ виду порицаній Θεодорита за второй анаеизмъ, говоритъ такъ: „естество Слова, то-есть ипостась, что есть (αὐτὸ Слово“. Поэтому выраженіе: естество Слова, не обозначаетъ ни одной только ипостаси, ни совокупности (τὸ κοινόν) ипостасей; но общее естество, всецѣло созерцаемое въ ипостаси Слова.

Итакъ, что естество Слова воплотилось, то-есть соединилось съ плотію,—(дѣйствительно) сказано; но чтобы пострадало естество Слова плотію, мы и понынѣ не слышали, научены же, что Христось пострадалъ плотію, такъ что выраженіе: естество Слова, не обозначаетъ лица. Остается поэтому сказать, что *воплотиться* значить соединиться съ плотію; а выраженіе: *Слово стало плотію*, означаетъ, что самая ипостасъ Слова непреложно содѣлялась ипостасію плоти. И что Богъ содѣлался человѣкомъ, и человѣкъ—Богомъ,—сказано, ибо Слово, будучи Богомъ, безъ измѣненія содѣлалось человѣкомъ. А что Божество содѣлалось человѣкомъ, или воплотилось, или вочеловѣчилось—мы никогда не слышали. Но, что Божество соединилось съ человѣчествомъ въ одной изъ Своихъ ипостасей,—мы научились; и что Богъ пріемлетъ образъ, то-есть чуждую сущность, а именно соотвѣтственную нашей—(дѣйствительно) говорится. Ибо имя *Богъ* присоединяется къ каждой изъ ипостасей, а *Божество* мы 102^c не можемъ сказать объ ипостаси. Ибо мы не слышали, что одинъ только Отецъ, или одинъ только Сынъ, или одинъ только Духъ Святой есть Божество, ибо слово: *Божество* обозначаетъ естество, а слово *Отецъ* (обозначаетъ) ипостасъ—подобно тому, какъ и слово: *человѣчество* (обозначаетъ) естество, а (имя) Петръ—ипостасъ. Слово же *Богъ* обозначаетъ и общность естества, и одинаково употребляется въ отношеніи къ каждой ипостаси—подобно тому, какъ и слово *человѣкъ*. Имѣющій божеское естество есть Богъ, и (имѣющій) человѣческое—человѣкъ.

Сверхъ всего этого, должно знать, что Отецъ и Духъ Святой не участвовали въ воплощеніи Слова ни въ какомъ иномъ отношеніи, какъ только въ отношеніи къ божественнымъ знаменіямъ и по благоволенію и хотѣнію ¹⁾).

Г л а в а XII.

О томъ, что Святая Дѣва—Богородица, противъ Несторіанъ.

Святую Дѣву мы прославляемъ какъ Богородицу въ собственномъ и истинномъ смыслѣ. Ибо какъ Родившійся отъ Нея—истинный Богъ, такъ и Родившая истиннаго Бога, отъ Нея воплотившагося,—истинная Богородица. Мы говоримъ, что Богъ родился отъ нея не въ томъ смыслѣ, что Божество Слова отъ нея получило начало, но въ томъ, что Само Божіе Слово, прежде вѣковъ, внѣ времени (*ἀγρόωτος*) отъ Отца рожденное, безначально

¹⁾ Дионисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ. 2. Migne, s. gr., t. III, col. 644.

и вѣчно со Отцемъ и Духомъ пребывающее въ *послѣдокъ днѣй* (Евр. I, 2) для нашего спасенія вселилось въ утробу святой Дѣвы, и отъ нея безъ измѣненія воплотилось и родилось. Ибо святая Дѣва родила не простаго человѣка, но Бога истиннаго,— не просто Бога, но Бога воплощеннаго, не съ неба принесшаго тѣло и прошедшаго чрезъ Нее, какъ бы чрезъ каналъ, но воспринявшаго отъ нея единосущную съ нами плоть и принявшаго ее въ Свою собственную ипостась. Ибо, если бы тѣло было принесено съ неба, а не взято отъ естества, одинаковаго съ нами, то какая была бы нужда въ воплощеніи? Вочеловѣченіе Бога Слова было для того, чтобы само согрѣшившее и павшее, и растлѣнное естество, побѣдило обольстившаго тирана и такимъ образомъ освободилось отъ тлѣнія, какъ говоритъ божественный Апостоль: *понеже человекъ съ смертью (бысть), и человекомъ воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV, 21). Если первое истинно, то и второе ¹⁾.

Если же и говорить (Апостоль): *первый Адамъ отъ земли престоупъ, второй же Адамъ Господь съ небесе* (1 Кор. XV, 47), то онъ не утверждаетъ того, что тѣло—съ неба, но только дѣлаетъ яснымъ, что Онъ—не простой человѣкъ. Ибо вотъ Апостоль назвалъ его и Адамомъ, и Господомъ, одновременно обозначая то и другое. Ибо слово *Адамъ* истолковывается: *земнородный*. Земнородный же ясно означаетъ естество человѣка, образованное изъ праха. Словомъ же *Господь* указывается на божественную сущность.

Еще говоритъ Апостоль: *посла Богъ Сына Своего Единороднаго, рождаемаго отъ жены* (Галат. IV, 4). Не сказалъ: чрезъ жену, но: *отъ жены*. Этимъ божественный Апостоль указалъ, что именно единородный Сынъ Божій и Богъ есть Тотъ, Кто произошелъ отъ Дѣвы, какъ человѣкъ, и что именно Рожденный отъ Дѣвы есть Сынъ Божій и Богъ. Родился же Онъ тѣлеснымъ образомъ, поскольку сдѣлался человѣкомъ, не въ прежде созданномъ человѣкѣ вселившись, какъ бы въ пророкѣ, но Самъ существенно и истинно сдѣлавшись человѣкомъ, то-есть въ Своей ипостаси давъ бытіе плоти, одушевленной душою словесною и разумною, и Самъ сдѣлавшись для нея ипостасью. Ибо это означаетъ выраженіе: *рождаемаго отъ жены*. Какъ же Само Слово Божіе оказалось бы подъ закономъ, если бы оно не сдѣлалось единосущнымъ намъ человѣкомъ?

Отсюда справедливо и истинно святую Марію называемъ Богородицею, ибо это имя содержитъ все таинство домострои-

¹⁾ Григорій Богословъ, 1-ое посланіе къ Кledonію.

тельства. Ибо если родившая—Богородица, то Рожденный от нея—непремѣнно Богъ, но непремѣнно и человѣкъ. Ибо, какъ *отъ жены* могъ бы родиться Богъ, имѣющій бытіе прежде вѣковъ, если бы Онъ не сдѣлался человѣкомъ? Если же именно Рожденный отъ жены есть Богъ, то, очевидно, одинъ и тотъ же есть и Рожденный отъ Бога Отца по божественной и безначальной сущности, и въ послѣднія времена Рожденный отъ Дѣвы по той сущности, которая получила начало и подлежить времени, то-есть по (природѣ) человѣческой. Это же обозначаетъ единую ипостась и два естества, и два рожденія Господа нашего Иисуса Христа. 1032

Христородицею же мы отнюдь не называемъ святую Дѣву, потому что это оскорбительное наименование избобрѣлъ нечистый, гнусный, по-иудейски мудрствующій Несторій, сосудъ поруганія, къ уничтоженію слова *Богородица* и къ лишенію чести Богородицы, которая одна поистинѣ превознесена честью выше всякой твари,—хотя бы Несторій съ отцомъ своимъ сатаною разрывался отъ досады. Ибо Христомъ, т. е. помазаннымъ (можетъ быть названъ) и Давидъ царь, и Ааронъ первосвященникъ,—потому что эти (служенія)—какъ царское, такъ и жреческое—сопровождались (при вступленіи на нихъ) помазаніемъ. Да и всякій богоносный человѣкъ можетъ быть названъ Христомъ, но не Богомъ по естеству,—въ каковомъ смыслѣ и отверженный Богомъ Несторій дерзнулъ назвать Рожденнаго отъ Дѣвы *Богососцемъ*. У насъ же да не будетъ, чтобы мы стали называть или мыслить Его Богососцемъ, но—Богомъ воплощеннымъ! Ибо Само Слово сдѣлалось плотію, будучи носимо во утробѣ Дѣвою, (исшелъ же изъ нея) Богъ вмѣстѣ съ воспринятымъ естествомъ человѣческимъ, такъ какъ и оно было обожествлено Словомъ, одновременно съ приведеніемъ его въ бытіе, такъ что одновременно совершились три событія: воспріятіе, бытіе, обоженіе челоуѣчества Словомъ. И такимъ образомъ святая Дѣва мыслится и называется Богородицею не только ради (божескаго) естества Слова, но и по причинѣ обожествленія человѣческой природы, коихъ одновременно и принятіе, и бытіе совершилось чудеснымъ образомъ: принятіе, конечно, Слова, бытіе же въ Самомъ Словѣ—плоти. Сама Богоматерь сверхъестественно послужила къ тому, что Создатель сдѣлался тварію, и Богъ и Творецъ всего воплотился, обожая воспринятое челоуѣчество, при чемъ. въ то же время, соединеніе сохраняетъ соединенныя естества такими же, какими они вошли въ соединеніе,—разумью не только Божество, но и челоуѣчество Христа; и то, что выше насъ. и то, что соотвѣтствуетъ намъ. Ибо не такъ, что (челоуѣчество),

бывшее прежде одинаковымъ съ нашимъ, впоследствии сдѣлалось выше насъ, но всегда—съ перваго момента бытія—существовало то и другое, потому что съ момента зачатія (человѣчество) получило бытіе въ Самомъ Словѣ. Человѣческое (въ человѣческой природѣ Христа) есть таково по собственной природѣ; свойственное же Богу и божественное—сверхъестественно. Онъ имѣлъ также и свойства одушевленной плоти, ибо ихъ приняло Слово по причинѣ воплощенія (*ὁικονομίᾳς λόγῳ*), какъ происходящія совершенно естественнымъ образомъ, въ порядкѣ естественнаго движенія ¹⁾).

1033

Г л а в а XIII.

О свойствахъ двухъ естествъ.

Исповѣдуя того же самаго Господа нашего Иисуса Христа какъ совершеннымъ Богомъ, такъ и совершеннымъ человѣкомъ, мы утверждаемъ, что именно Онъ имѣетъ все то, что имѣетъ Отецъ, кромѣ нерожденности, и имѣетъ все, что имѣлъ первый Адамъ, исключая одного только грѣха, то-есть тѣло и душу словесную и разумную. Утверждаемъ также, что, соотвѣтственно двумъ естествамъ, Онъ имѣетъ двойныя свойства, принадлежащія двумъ естествамъ: двѣ естественныя воли—божескую и человѣческую, и два естественныя дѣйствования—божеское и человѣческое, и двѣ единственныя свободы—божескую и человѣческую, также и мудрость, и вѣдѣніе—божескія и человѣческія. Будучи единосущенъ Богу и Отцу, Онъ свободно хочетъ и дѣйствуетъ, какъ Богъ. Но будучи единосущнымъ и намъ, Онъ же Самъ свободно хочетъ и дѣйствуетъ, какъ человѣкъ. Ибо Его—чудеса, Его же—и страданія.

Г л а в а XIV.

О (двухъ) воляхъ и свободныхъ дѣйствованияхъ Господа нашего Иисуса Христа.

Такъ какъ во Христѣ—два естества, то утверждаемъ, что въ Немъ—и двѣ естественныя воли и два естественныхъ дѣйствования. А такъ какъ ипостась двухъ естествъ Его—одна, то утверждаемъ, что Одинъ и Тотъ же хочетъ и дѣйствуетъ естественно—по обоимъ естествамъ, изъ коихъ, въ коихъ и коп—Христосъ Богъ нашъ; но желаетъ и дѣйствуетъ не раздѣльно, но соединенно, ибо желаетъ и дѣйствуетъ въ каждомъ изъ обо-

¹⁾ Кириллъ александр., Противъ Несторія, кн. 1-ая.

нихъ естество, съ участіемъ другого изъ нихъ. Ибо у кого сущность одна и та же, у того и желаніе, и дѣйствованіе—одни и тѣ же; у кого же различны сущность, у того различны и воля, и дѣйствованіе. И наоборотъ: у кого желаніе и дѣйствованіе—одни и тѣ же, у того и сущность—одна и та же; у кого же различны желаніе и дѣйствованіе, у того и сущность различна ¹⁾.

Потому-то во Отцѣ и Сынѣ, и Святомъ Духѣ изъ тождества дѣйствованія и воли познаемъ тождество естества. А въ божественномъ домостроительствѣ изъ различія дѣйствованій и воль познаемъ и различія естествъ; а зная о различіи естествъ, исповѣдуемъ вмѣстѣ и различіе воль и дѣйствованій. Ибо какъ число естествъ Того же Самаго и единаго Христа,—если о немъ мыслить и говорить благочестиво,—не раздѣляетъ единаго Христа; но удостоверяетъ сохраняющееся и въ самомъ соединеніи различіе естествъ,—такъ и число сущственно присутствующихъ Его естествамъ воль и дѣйствованій,—ибо Онъ же лалъ и дѣйствовалъ для нашего спасенія по обоимъ естествамъ,—не вводитъ раздѣленія,—да не будетъ!—но доказываетъ сохраненіе,—и только. Ибо воли и дѣйствованія мы называемъ естественными, а не ипостасными. Говорю же о самой силѣ желанія и дѣйствованія, по коей хочетъ и дѣйствуетъ хотящее и дѣйствующее. Если мы признаемъ воли и дѣйствованія личными свойствами, то вынуждены будемъ сказать, что три Лица Святой Троицы различаются между собою по волѣ и дѣятельности. 1036

Должно знать, что не одно и то же—хотѣть и хотѣть какимъ-либо (опредѣленнымъ) образомъ. Хотѣть вообще, какъ и видѣть вообще,—принадлежность естества, ибо свойственно всѣмъ людямъ. Хотѣть же какимъ-либо (опредѣленнымъ) образомъ—принадлежность уже не природы, но нашего свободного выбора,—какъ и видѣть такъ или иначе, хорошо или худо. Въ самомъ дѣлѣ, не всѣ люди одинаково хотятъ и не одинаково видятъ. То же будемъ принимать и относительно дѣйствованій. Ибо хотѣть, видѣть, дѣйствовать какимъ-либо (опредѣленнымъ) образомъ есть способъ употребленія воли, зрѣнія и дѣйствованія, свойственный одному только пользующемуся (этими способностями) и отдѣляющій его отъ прочихъ, соотвѣтственно тому или иному различію ²⁾.

Итакъ, хотѣть вообще называется волею, или способностію

¹⁾ Левъ Великій, письмо XXVIII. къ Флавіану, гл. 4. Migne, s. lat., t. LIV, col. 768. Василия Великій, письмо 189-ое. Migne, s. gr., t. XXXII, coll. 692—696. Переводъ моск. дух. Акад., ч. VII (1892), стр. 24—27.

²⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пипромъ. Migne, s. gr., t. XCI, col. 289, 292.

хотѣнія; и это есть разумное стремленіе и естественная воля. Хотѣть же какимъ-нибудь (опредѣленнымъ) образомъ, или то, что подлежить хотѣнію, (предполагаетъ) предметъ хотѣнія и хотѣніе по свободному выбору (*θέλημα γυωμικόν*). Что по природѣ способно хотѣть, то называется имѣющимъ свойство хотѣть (*θελητικόν*). Напримѣръ, естество божеское, какъ и человѣческое, способно хотѣть. Хотящій же есть тотъ, кто пользуется своею волею, или опредѣленное лицо,—напримѣръ, Петръ.

Поэтому, такъ какъ Христосъ—единъ, и ипостась Его—едина, то одинъ и тотъ же Хотящій и такъ, какъ свойственно Богу, и такъ, какъ свойственно человѣку. А такъ какъ Онъ имѣетъ два естества—способныя хотѣть, потому что они разумны, ибо все разумное и способно хотѣть (вообще), и имѣетъ свободу выбора (опредѣленныхъ предметовъ)—то мы скажемъ, что въ Немъ—двѣ воли или два естественныхъ хотѣнія. Онъ—Тотъ же Самый—способенъ хотѣть по обоимъ естествамъ Своимъ, ибо Онъ воспринялъ естественно присущую памъ силу хотѣнія. И такъ какъ Христосъ—одинъ и Хотящій соотвѣтственно каждому изъ двухъ естествъ—одинъ и тотъ же,—то мы должны сказать, что предметъ желанія въ Немъ—одинъ и тотъ же. И это не потому, что Онъ хотѣлъ только того, чего хотѣлъ по природѣ—какъ Богъ,—ибо не свойственно Божеству хотѣніе ѣсть и пить и подобное; но имѣлъ и такія хотѣнія, кои относились къ составнымъ принадлежностямъ природы человѣка, безъ противорѣчія свободѣ выбора. но вслѣдствіе свойства естествъ. Ибо тогда Онъ естественно хотѣлъ этого, когда хотѣла и Божественная воля Его, и позволяла плоти страдать и дѣлать то, что ей было свойственно.

А что хотѣніе присуще человѣку по природѣ, ясно изъ слѣдующаго. За исключеніемъ божественной жизни, есть три рода жизни: жизнь растительная, чувствующая и разумная. Жизни растительной свойственно движеніе, способствующее питанію, росту, рожденію. Жизни чувствующей свойственно движеніе, соотвѣтствующее природному влеченію; жизни разумной и разсуждающей — движеніе свободное. Итакъ, если растительной жизни по природѣ принадлежитъ движеніе, способствующее питанію, и чувствующей жизни — движеніе, соотвѣтствующее природному влеченію, то, слѣдовательно, по природѣ же жизни разумной и разсуждающей принадлежитъ движеніе свободное. Свободное же дѣйствование есть не что иное, какъ хотѣніе. Поэтому Слово, сдѣлавшись плотію одушевленной и разсуждающей, и имѣющею свободное дѣйствование, стало и способнымъ хотѣть¹⁾.

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, s. gr., t. XCI col. 301.

Далѣе. Чтѣ принадлежитъ природѣ, тому вѣтъ нужды учиться. Ибо никто не учится мыслить или жить, или испытывать голодъ или жажду, или спать. Но и хотѣтъ мы не учимся. Слѣдовательно, хотѣтъ — свойственно природѣ. И еще: если въ существахъ безсловесныхъ природа управляетъ, то въ человѣкѣ движущемся свободно, соотвѣтственно своему хотѣнію, — она (сама) служитъ началомъ управляемымъ. Слѣдовательно, человѣкъ способенъ къ хотѣнію по природѣ. И еще: если человѣкъ сотворенъ по образу блаженнаго и пресущественнаго Божества, а Божіе естество по природѣ имѣетъ способность свободнаго выбора и хотѣнія, — то, слѣдовательно, и человѣкъ, какъ образъ Его, по природѣ имѣетъ способность свободнаго выбора и хотѣнія. Ибо отцы опредѣлили способность свободнаго выбора, какъ хотѣніе.

Притомъ, если способность хотѣтъ присуща всѣмъ людямъ; и (нельзя сказать), что однимъ она присуща, а другимъ не присуща; а чтѣ усматривается во всѣхъ вообще, то характеризуетъ естество въ педѣлимыхъ того же рода, — то, слѣдовательно, человѣкъ по природѣ обладаетъ способностью хотѣнія ¹⁾.

И опять: если естество не терпитъ ни прибавленія, ни убавленія, способность же хотѣтъ принадлежитъ равно всѣмъ (людямъ), а не такъ, что однимъ — въ большей степени, а другимъ — въ меньшей, — то, слѣдовательно, человѣкъ имѣетъ способность хотѣнія по естеству. Отсюда, если человѣкъ имѣетъ способность хотѣнія по естеству, то и Господь не только какъ Богъ, но и, поскольку содѣлался человѣкомъ, имѣетъ способность хотѣтъ по естеству. Ибо, какъ воспріялъ Онъ наше естество, такъ воспріялъ въ естествѣ и нашу волю. И поэтому отцы выражались, что Онъ отпечатлѣлъ въ Себѣ Самомъ нашу волю.

Если воля не есть принадлежность естества, то она — или принадлежность личности, или противна естеству. Но если бы воля была принадлежностью личности, то Сынъ имѣлъ бы волю, отличающуюся отъ воли Отца, ибо личное свойство характеризуетъ только одно лицо. А если бы воля была противна естеству, то она означала бы выпаденіе изъ естества. Ибо тѣ, чтѣ противно естеству, разрушительно для того, чтѣ соотвѣтствуетъ естеству ²⁾.

Богъ и Отецъ всего имѣетъ хотѣніе или какъ Отецъ, или какъ Богъ. Но если бы Онъ имѣлъ хотѣніе, какъ Отецъ, то оно было бы инымъ, по сравненію съ хотѣніемъ Сына. Ибо Сынъ—

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, тамъ же. Migne, 304.

²⁾ Тамъ же. Migne, 304.

не Отецъ. Если же Онъ имѣеть хотѣніе какъ Богъ, а и Сынъ есть Богъ, и Духъ Святыи есть Богъ,—то, слѣдовательно, хотѣніе есть принадлежность естества, то-есть естественно.

Еще. Если въ чемъ,—какъ говорятъ отцы,—воля одна, въ томъ—и сущность одна, и если бы при этомъ во Христѣ была бы одна воля—какъ Божества Его, такъ и человѣчества,—то и сущность ихъ была бы одна и та же ¹⁾).

И наоборотъ: если,—какъ говорятъ отцы,—различіе естества не могло бы проявиться въ единомъ хотѣніи, то необходимо (одно изъ двухъ): или чтобы говорящіе о единомъ хотѣніи не полагали во Христѣ различія естествъ, или не говорили о единомъ хотѣніи.

И далѣе. Какъ говорить божественное Евангеліе, Господь, придя въ области Тира и Сидона и *вшедъ въ домъ, ни когоже зотяше, дабы его чуль: и не може утаитися* (Марк. VII, 24). Если божественное хотѣніе Его всемогуще, Онъ же не могъ утаиться, хотя и хотѣлъ, — то, слѣдовательно, Онъ не могъ, восхотѣвъ, какъ человѣкъ, и (вообще) имѣлъ способность хотѣнія, какъ человѣкъ ²⁾).

И еще говорить (Евангеліе): *пришедши на мѣсто, глагола: жажду. И даша Ему вино съ желчию смѣшано: и вкушъ, не зотяше пити* (Мѣ. XXVII, 34). Итакъ, если Онъ возжаждалъ, какъ Богъ, и *вкушъ, не зотяше пити*. то, слѣдовательно, и страданію Онъ былъ подверженъ, какъ Богъ, ибо жажда и вкушеніе — страдательное состояніе (*πάθος*). Если же Онъ возжаждалъ не какъ Богъ, то, безъ сомнѣнія,—какъ человѣкъ, и вообще, какъ человѣкъ, имѣлъ способность хотѣнія.

И блаженный Апостолъ Павелъ говоритъ: *послушивъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Филипп. II, 8). Послушаніе есть подчиненіе воли, которая существуетъ дѣйствительно, а не той, которая—не дѣйствительна. Ибо безсловесное животное мы не назовемъ послушнымъ или непослушнымъ. Сдѣлавшись же послушнымъ Отцу, Онъ сдѣлался (таковымъ) не какъ Богъ, но какъ человѣкъ. Ибо какъ Богъ Онъ ни послушенъ, ни непослушенъ, такъ какъ это свойственно подчиненнымъ существамъ, какъ говоритъ богоносный Григорій. Слѣдовательно, Христосъ какъ человѣкъ обладалъ способностью хотѣнія ³⁾).

Называя хотѣніе естественнымъ, мы разумѣемъ хотѣніе не вынужденное, но свободное. Ибо если оно — разумное, то непре-

¹⁾ Григорій нисскій, Антирретикъ противъ Апполинарія.

²⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. *Migne*, 321.

³⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. *Migne*, 321.

мѣнно и свободное. Не только божеское и несотворенное естество не терпитъ никакого принужденія, но также и разумное сотворенное. А это очевидно: Богъ, будучи по естеству благимъ, по естеству — Творцемъ, по естеству — Богомъ, не есть таковъ, вслѣдствіе необходимости. Ибо кто можетъ принуждать Его? ¹⁾).

Должно знать, что о свободѣ говорятъ въ различныхъ смыслахъ: иначе—въ отношеніи къ Богу, иначе—въ отношеніи къ ангеламъ, и (еще) иначе въ отношеніи къ людямъ. Ибо въ отношеніи къ Богу (это слово должно быть понимаемо) въ значеніи вышестественномъ. Въ отношеніи къ ангеламъ—такъ, что выполненіе слѣдуетъ непосредственно за склонностію, и совершенно не допускаетъ промежутка времени. Ибо въ самомъ дѣлѣ, имѣя свободу по природѣ, ангелъ пользуется ею безпрепятственно, не испытывая ни противодѣйствія со стороны тѣла, ни нападенія совнѣ. Въ отношеніи же къ людямъ—въ томъ смыслѣ, что по времени склонность мыслится прежде выполненія. Ибо, хотя человекъ и свободенъ, и свободу имѣетъ по природѣ, однако же имѣетъ и прираженіе со стороны діавола, и (противодѣйствующее) движеніе тѣла. Итакъ, по причинѣ этого прираженія и тяжести тѣла выполненіе у него запаздываетъ, по сравненію со склонностію. Итакъ, если Адамъ послушался (обольстителя) добровольно и вкусилъ потому, что захотѣлъ (этого), то, слѣдовательно, прежде всего въ насъ (отъ грѣха) пострадала воля. Если же прежде всего пострадала воля, а ея однако не восприняло, вмѣстѣ съ естествомъ, воплотившееся Слово, — то, слѣдовательно, мы не освободились отъ грѣха ²⁾).

Еще. Если способность свободного хотѣнія, свойственная нашему естеству, есть дѣло Его, а воплотившееся Слово ея не восприняло—то или потому, что пренебрегло своимъ созданіемъ, какъ нехорошимъ, или потому, что по зависти къ намъ не хотѣло укрѣпить этой способности, насъ лишая совершеннаго исцѣленія, а Себя Самого показывая подверженнымъ немощи (πάθος), такъ какъ или не хотѣло, или не могло совершенно спасти насъ.

Съ другой стороны, невозможно говорить о чемъ-либо одномъ, составленномъ изъ двухъ воль, подобно тому, какъ говоримъ объ (одной) ипостаси, состоящей изъ (двухъ) естествъ. Во-первыхъ—потому, что сложеніе допускаютъ предметы, существующіе самостоятельно (ἐν ἑποστάσει) и созерцаемые въ собственномъ, а не въ другомъ смыслѣ. Во-вторыхъ, — если допустимъ сложеніе воль и дѣйствованій, то будемъ вынуждены го-

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, 293.

²⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, 325.

ворить о сложении и другихъ естественныхъ свойствъ,--(напримѣръ), созданности и несозданности, видимости и невидимости, и тому подобнаго. Да и какъ назвать волю, сложенную изъ двухъ волей? Ибо невозможно сложенное называть именемъ тѣхъ предметовъ, изъ коихъ оно составлено. Ибо иначе и сложенное изъ (двухъ) естествъ должны будемъ называть естествомъ, а не ипостасію. Притомъ, если будемъ признавать во Христѣ единую сложную волю, то, въ отношеніи воли, различимъ Его отъ Отца, ибо воля Отца не сложна. Итакъ, остается одну только Ипостась Христа признать сложною и общею—какъ естествамъ, такъ и естественнымъ свойствамъ Его ¹⁾).

О свободномъ выборѣ и свободномъ рѣшеніи въ собственномъ смыслѣ въ отношеніи къ Господу говорить невозможно. Ибо свободный выборъ есть расположеніе къ тому, что подвергалось обсужденію, (наступающее) послѣ изслѣдованія и обдумыванія относительно невѣдомаго предмета, т. е. послѣ совѣщанія и сужденія (о немъ). За нимъ (слѣдуетъ) свободное рѣшеніе, которое выбираетъ для себя и предпочитаетъ одно другому. Господь же, будучи не простымъ человѣкомъ, но вмѣстѣ и Богомъ, и зная все, не имѣлъ нужды ни въ разсматриваніи, или въ изслѣдованіи, ни въ совѣщаніи, ни въ сужденіи. Онъ по природѣ имѣлъ склонность къ добру и отвращеніе ко злу. Такъ говоритъ и пророкъ Исаія: *прежде, неже разумѣти отрочати изволити злая избересть благое: зане, прежде неже разумѣти отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое* (Ис. VI, 15—16). Слово *прежде* показываетъ, что Опъ не какъ мы, вслѣдствіе изысканія и обдумыванія, но, будучи Богомъ и Божески ставъ существовать по плоти, то-есть ипостасно соединившись съ плотію, въ силу самаго бытія Своего и всевѣднія, владѣлъ благомъ по Своей природѣ. Ибо добродѣтели естественны и во всѣхъ естественно и равно находятся, хотя и не всѣ мы въ одинаковой степени дѣлаемъ то, что сообразно съ природой. Ибо чрезъ преступленіе мы испали изъ естественнаго состоянія въ противоестественное. Господь же снова возвелъ насъ изъ противоестественнаго состоянія въ естественное. Ибо это означаютъ слова: *по образу и по подобію*. Равнымъ образомъ и подвижничество, и подвижническіе труды измышлены не для пріобрѣтенія добродѣтели, какъ привносимой совнѣ, но для того, чтобы мы свергли съ себя чуждый и противный природѣ порокъ. Подобно этому, мы достигаемъ того, что проявляется естественный блескъ желѣза,—съ усиліемъ удаляя

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, 296.

ржавчину, находящуюся на желѣзѣ, которая для него не естественна, но произошла отъ нерадѣнія.

Впрочемъ, должно замѣтить, что слово *γνώμη* имѣеть много отгѣнковъ и значеній. Иногда оно значить увѣщаніе, наставленіе, какъ говоритъ божественный Апостоль: *о двѣахъ повелѣніяхъ Господня не имамъ, совѣтъ же (γνώμη) даю* (1 Кор. VII, 25). Иногда же означаетъ совѣщаніе,—напримѣръ, когда пророкъ Давидъ говоритъ: *на люди Твоя лукавноваша волю (γνώμη)*. Псал. LXXXII, 4), иногда же—приговоръ, какъ у Даниила: *о чесомъ изыде изреченіе (γνώμη) безстудное сіе* (Дан. II, 15). А иногда означаетъ вѣру, мнѣніе или образъ мыслей,—и вообще говоря, слово *γνώμη* употребляется въ двадцати восьми значеніяхъ ¹⁾.

Глава XV.

О дѣйствованіяхъ въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

Мы утверждаемъ, что въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ—также и дѣйствованія два. Какъ Богъ и единосущный Отцу, Онъ имѣлъ, одинаково (съ Нимъ), божеское дѣйствованіе, но, какъ содѣлавшійся человѣкомъ и единосущный намъ, имѣлъ дѣйствованіе, свойственное человѣческому естеству.

1048

Но должно знать, что одно—дѣйствованіе, и другое—то, что способно дѣйствовать, и иное—то, что произведено дѣйствованіемъ, и еще иное—дѣйствующій. Дѣйствованіе есть дѣятельное и самостоятельное (*ὀρθώδης*) движеніе естества. А то, что способно къ дѣйствованію, есть самое естество, изъ коего дѣйствованіе происходитъ; то же, что произведено дѣйствованіемъ, есть результатъ дѣйствования; дѣйствующій есть пользующійся дѣйствованіемъ, или лицо. Впрочемъ, и дѣйствованіе называется тѣмъ, что произведено, также и то, что произведено—дѣйствованіемъ, подобно тому, какъ и тварь (*τὸ κτίσμα*) называется твореніемъ (*κτίσις*). Такъ, мы говоримъ: *все твореніе (πᾶσα ἡ κτίσις)*, обозначая сотворенныя вещи (*τὰ κτίσματα*).

Должно также знать, что дѣйствованіе есть движеніе, и оно скорѣе производится, чѣмъ производитъ, какъ говоритъ Григорій Богословъ въ словѣ о Святомъ Духѣ... „если же есть дѣйствованіе, то. очевидно, оно будетъ производиться, а не производить и, лишь только будетъ совершено, прекратится“ ²⁾.

Должно еще замѣтить, что и самая жизнь есть дѣйствованіе, и притомъ первоначальное дѣйствованіе живого существа; также и всякое отправление живого существа. какъ способствующу-

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Диалогъ съ Пирромъ. *Migne*, 312.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 31.

щее питанію и росту, то-есть физическое, такъ и движеніе. со-
отвѣтствующее влеченію, то-есть проявленіе функціи чувствова-
тельной, такъ (наконецъ) и разумное, и свободное движеніе.
Дѣйствованіе же есть результатъ примѣненія силы. Итакъ, если
все это мы видимъ во Христѣ, то, слѣдовательно, должны утверж-
дать въ Немъ и человѣческое дѣйствованіе.

Дѣйствованіемъ называется [также и] то размышленіе, какое
прежде всего въ насъ происходитъ. И оно есть дѣйствованіе
простое и не проявляющееся во внѣ (*ἄσχετος*), такъ какъ умъ
самъ собою невидимо производитъ свои мысли, безъ которыхъ онъ
собственно и не могъ бы быть названъ умомъ. Дѣйствованіемъ
называется, въ свою очередь, также обнаруженіе и раскрытіе,
чрезъ произнесеніе слова, того, что добыто размышленіемъ. Такое
дѣйствованіе не есть уже--остающееся безъ обнаруженія вовнѣ
и простое, но совершается уже во внѣшнемъ обнаруженіи,
будучи составлено изъ мысли и слова. И самое отношеніе
(ἡ συστάς), какое дѣйствующій имѣетъ къ тому, что происхо-
дитъ,—есть дѣйствованіе. И самый результатъ дѣйствованія
(иногда) называется дѣйствованіемъ. Иное принадлежитъ одной
1049 душѣ, иное—душѣ, пользующейся тѣломъ, иное—тѣлу, одуше-
вленному разумной душой, иное, наконецъ,—результатъ. Ибо
умъ. предусмотрѣвъ, что будетъ, такъ и дѣйствуетъ чрезъ по-
средство тѣла. Потому владычество принадлежитъ душѣ; ибо
она пользуется тѣломъ, какъ орудіемъ, руководя имъ и направ-
ляя. Иное есть дѣйствованіе тѣла, управляемаго душою и при-
водимаго въ движеніе. Къ совершаемому же тѣломъ относится
прикосновеніе, удерживаніе и какъ бы обхватываніе того, что
дѣлается. Къ совершаемому же душою принадлежитъ составле-
ніе какъ бы образа и начертанія происходящаго. Такъ и въ отно-
шеніи къ Господу нашему Иисусу Христу сила чудотвореній была
дѣйствованіемъ Его Божества. Дѣла же рукъ и то, что Онъ
восхотѣлъ и сказалъ: *хочу, очистися* (Мѣ. VIII, 3)—было дѣй-
ствованіемъ Его человѣчества. Преломленіе хлѣбовъ. и то, что
1052 прокаженный услышалъ *хочу*—было результатомъ Его человѣче-
скаго дѣйствованія; а умноженіе хлѣбовъ и очищеніе прокажен-
наго было результатомъ дѣйствованія божескаго. Ибо тѣмъ и дру-
гимъ дѣйствованіемъ—душевымъ и тѣлеснымъ,—обнаруживалъ
Онъ одно и тождественное, одинаковое и равное Свое божествен-
ное дѣйствованіе. Какъ мы признаемъ (во Христѣ) естества со-
единенными и взаимно другъ друга проникающими и (однако)
не отвергаемъ ихъ различія, но (совмѣстно) и исчисляемъ, и
признаемъ ихъ нераздѣльными,—такъ и соединеніе воли и дѣй-
ствованій признаемъ, и различіе отмѣчаемъ, и исчисляемъ. И

раздѣленія не вводимъ. Какъ плоть (во Христѣ) и обожествлена, и не потерпѣла измѣненія своего естества,— такъ и воля, и дѣйствование и обожествлены, и не выступили изъ своихъ предѣловъ. Ибо одинъ есть, который вмѣстѣ есть Богъ и человекъ и Который тѣмъ и другимъ образомъ, то-есть свойственнымъ и Богу и человеку, хочетъ и дѣйствуетъ ¹⁾.

Поэтому, такъ какъ во Христѣ — два естества, необходимо говорить и о двухъ дѣйствованияхъ въ Немъ. Ибо въ комъ естества различны, въ томъ различны и дѣйствования; и въ комъ дѣйствования различны, въ томъ различны и естества. И наоборотъ: въ комъ естество — одно, въ томъ и дѣйствование — одно; и въ комъ дѣйствование одно, въ томъ и сущность одна,—по ученію богоглаголивыхъ отцовъ. Потому необходимо одно изъ двухъ: или чтобы тѣ, кои говорятъ объ одномъ дѣйствованіи во Христѣ, признали (въ Немъ) и одну сущность; или,—если мы дѣйствительно держимся истины и —согласно съ ученіемъ евангельскимъ и отеческимъ—исповѣдуемъ (въ Немъ) двѣ сущности,—то вмѣстѣ должны исповѣдывать въ Немъ и два дѣйствования, соотвѣтственнымъ образомъ имъ сопутствующія. Ибо, будучи единосущенъ Богу Отцу по божеству, Христосъ долженъ быть равенъ Ему и въ отношеніи дѣйствования. Онъ же Самый, будучи единосущенъ намъ по человечеству, долженъ быть равенъ (намъ) и по дѣйствованію. Блаженный Григорій, епископъ нисскій, говоритъ: „въ комъ дѣйствование одно, въ тѣхъ, безъ сомнѣнія, и сила одинакова“. Ибо всякое дѣйствование есть произведеніе силы. Но невозможно, чтобы одно было естество, или одна сила, или одно дѣйствование у несотворенной и сотворенной природы. Если же станемъ говорить объ одномъ дѣйствованіи во Христѣ, то Божеству Слова припишемъ страдательныя состоянія, свойственныя разумной душѣ,—я разумью страхъ, печаль, предсмертное бореіе ²⁾.

Если же скажутъ, что святые отцы, бесѣдуя о Святой Троицѣ, утверждали: „въ комъ сущность одна, у тѣхъ и дѣйствование одно, и въ комъ различна сущность, у тѣхъ различно и дѣйствование“, и что не должно относящагося къ ученію о Богѣ переносить на воплощеніе, то мы отвѣтимъ: если у отцовъ это сказано только въ отношеніи къ ученію о Богѣ, и если Сынъ послѣ воплощенія не имѣетъ одинаковаго съ Отцомъ дѣйствования, то Онъ не будетъ имѣть и тождественной (съ Нимъ) сущности. Но, въ такомъ случаѣ, къ кому мы отнесемъ слова: *Отецъ*

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, 2-ое посланіе къ Марину.

²⁾ Василій Великій, письмо 38.

Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. V, 17)? Еще: *аще ежес видитъ Отца творяща, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. V, 19). Также: *аще мнѣ не вручите, дѣломъ Моимъ вручите* (Іоан. X, 38). И: *дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. X, 25). Еще: *яко же Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хочетъ, живитъ* (Іоан. V, 21). Все это показываетъ, что Сынъ и по воплощеніи не только единосущенъ Отцу, но имѣетъ одно и то же съ Нимъ дѣйствованіе ¹⁾.

И опять: если промышленіе о мірѣ принадлежитъ не только Отцу и Святому Духу, но и Сыну, и по воплощеніи, это же (промышленіе) есть дѣйствованіе,—то, слѣдовательно, Онъ и по воплощеніи имѣетъ одно и то же дѣйствованіе съ Отцемъ.

Если изъ чудесъ мы узнали, что Христосъ единосущенъ Отцу, чудеса же суть дѣйствованіе Божіе,—то, слѣдовательно, и послѣ воплощенія Онъ имѣетъ одно и то же дѣйствованіе съ Отцемъ.

Если дѣйствованіе Божества и человѣчества (τῆς σαρκός) во Христѣ—одно, то оно было бы сложнымъ. И тогда получилось бы—или что Онъ имѣетъ дѣйствованіе, различное отъ Отца, или что и дѣйствованіе Отца сложное. Если бы же дѣйствованіе было сложнымъ, то очевидно, что и естество было бы также сложнымъ.

Быть можетъ, скажутъ, что, вмѣстѣ съ дѣйствованіемъ, вводится (отдѣльное) лицо. Тогда мы отвѣтимъ, что, если вмѣстѣ съ дѣйствованіемъ вводится лицо, то, по совершенно правильному обратному заключенію, вмѣстѣ съ лицомъ будетъ введено и дѣйствованіе. Но тогда, соотвѣтственно тремъ лицамъ или тремъ ипостасямъ Святой Троицы, должны будутъ допустить также и три дѣйствованія, или—въ соотвѣтствіе съ однимъ дѣйствованіемъ—признать одно и лицо, и одну ипостась. Но святые Отцы согласно учили, что имѣющимъ одну и ту же сущность свойственно и дѣйствованіе то же самое ²⁾.

Сверхъ того, если вмѣстѣ съ дѣйствованіемъ вводится лицо, то предписывающіе не говорить ни объ одномъ, ни о двухъ дѣйствованіяхъ во Христѣ, предписываютъ не говорить ни объ одномъ Его Лицѣ, ни о двухъ.

Въ раскаленномъ мечѣ сохраняются какъ два естества—огня и желѣза, такъ и два дѣйствованія, вмѣстѣ съ ихъ результатами. Желѣзо имѣетъ силу разсѣкать, а огонь—жечь, и разсѣченіе есть результатъ дѣйствованія огня. При чемъ различіе

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, 348—349.

²⁾ Тамъ же. Migne, 336—337.

того и другого сохраняется какъ въ разсѣченіи, сопровождаемомъ жженіемъ, такъ и въ жженіи, сопровождаемомъ разсѣченіемъ, хотя послѣ соединенія (жельза и огня) ни жженіе не можетъ быть безъ разсѣченія, ни разсѣченіе—безъ жженія. Ради двойственности естественнаго дѣйствованія (раскаленнаго меча), не говоримъ о двухъ раскаленныхъ мечахъ, равнымъ образомъ и изъ-за единства раскаленнаго меча не смѣшиваемъ существеннаго различія (производимаго имъ дѣйствованія). Такъ и во Христъ—Божеству Его свойственно божеское и всемогущее дѣйствованіе, человѣчеству же Его—дѣйствованіе, соотвѣтственное нашему. Результатомъ человѣческаго дѣйствованія Господа было то, что Онъ взявъ руку отроковицы и поднявъ, Божескаго же—возвращеніе ея къ жизни. Дѣйствія эти различны, хотя въ дѣйствованіи Богочеловѣка они нераздѣльны другъ отъ друга. Если же изъ-за того, что въ Господѣ—одно лицо, и дѣйствованіе признавать въ Немъ одно, тогда вслѣдствіе того, что въ Немъ—одно лицо,—слѣдовало бы допустить и сущность одну. Далѣе. Если будемъ говорить объ одномъ дѣйствованіи въ Господѣ, то должны будемъ назвать его или Божескимъ, или человѣческимъ, или ни тѣмъ, ни другимъ. Но если назовемъ его Божескимъ, то будемъ говорить о Немъ только какъ о Богѣ, не имѣющемъ нашего человѣческаго естества. Если же назовемъ человѣческимъ, то богохульно признаемъ Его простымъ человѣкомъ. Если же не назовемъ его ни Божескимъ, ни человѣческимъ, то не можемъ признать Господа ни Богомъ, ни человѣкомъ, не можемъ признать Его единосущнымъ ни Богу Отцу, ни намъ. Ибо ипостасное тождество произошло вслѣдствіе соединенія (естествъ),—но не такъ, чтобы этимъ уничтожилось различіе естествъ. Если же сохраняется различіе естествъ, то ясно, что должны сохраниться и дѣйствованія ихъ. Ибо не бываетъ естества, лишенаго дѣйствованія ¹⁾).

Если дѣйствованіе Владыки Христа—едино, то оно было бы или сотворенное, или не сотворенное. Средняго между ними дѣйствованія нѣтъ, какъ нѣтъ и средняго естества. Если бы оно было сотворено, то показывало бы (во Христвѣ) только одно сотворенное естество; а если бы было не сотвореннымъ, то характеризовало бы только не созданную сущность. Ибо принадлежащее естеству должно вполне соотвѣтствовать своему естеству, такъ какъ невозможно существованіе естества, въ коемъ бы не доставало естественныхъ свойствъ. Дѣйствованіе же, сообразное съ естествомъ, не получаетъ бытія отвнѣ; также оче-

¹⁾ Тамъ же. Migne, 337—340 и 341.

видно, что естество, безъ сообразнаго съ нимъ дѣйствованія, не можетъ ни существовать, ни быть познаваемо. Черезъ то, какъ дѣйствуетъ каждое существо, оно удостовѣряетъ свою собственную природу—съ той стороны, которая въ ней неизмѣнна.

Если бы дѣйствованіе во Христѣ было одно, то одно и то же дѣйствованіе производило бы и божескія, и человѣческія дѣла. Но ничто изъ существующаго, оставаясь въ границахъ, свойственныхъ естеству, не можетъ производить дѣйствій противоположныхъ. Такъ, напр., огонь не можетъ вмѣстѣ согрѣвать и охлаждать; вода—дѣлать влажнымъ и сушить. Какъ же Тотъ, Кто по естеству—Богъ и по естеству сталъ человѣкомъ, совершалъ чудеса и претерпѣвалъ страданія однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ?

Если Христосъ воспринялъ умъ человѣческій, то-есть душу разумную и мыслящую, то Онъ, несомнѣнно, мыслилъ и всегда будетъ мыслить. Размышленіе же—дѣйствованіе ума. Следовательно, Христосъ имѣетъ и всегда будетъ имѣть дѣйствованіе и какъ человѣкъ ¹⁾.

1057 Премудрый и великій святыи Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на „Дѣянія“, во второмъ словѣ, говоритъ такъ: „не погрѣшите, если кто и страданіе Его назоветъ дѣйствіемъ. Ибо тѣмъ, что все претерпѣлъ, совершилъ то великое и чудное дѣло—разрушивъ смерть и совершивъ все прочее“ ²⁾. Если всякое дѣйствованіе опредѣляется, какъ самостоятельное движеніе какого-либо естества,—какъ объяснили люди, свѣдущіе въ этомъ отношеніи,—то извѣстно ли кому-либо естество неподвижное или совершенно бездѣятельное, или можно-ли найти такое дѣйствованіе, которое не было бы движеніемъ естественной силы? А что естественное дѣйствованіе Бога и твари—одно, этого—какъ выражается блаженный Кириллъ—не можетъ допустить ни одинъ благомыслящій. Не человѣческое естество воскрешаетъ Лазаря, и не божеская сила проливаетъ слезы: слезы свойственны человѣчеству, жизнь—ипостасной жизни. Впрочемъ, и то, и другое обще обоемъ, по причинѣ тождества ипостаси. Единъ Христосъ, и едино лицо Его, или ипостась,—и однако Онъ имѣетъ два естества—божеское и человѣческое. Потому, съ одной стороны, естественно происходящая изъ Божества слава, по причинѣ тождества ипостаси, стала общею тому и другому естеству; съ другой стороны, и уничтожительное, происходящее изъ

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Тамъ же. Migne, 340, 341, 344.

²⁾ Іоаннъ Златоустъ, бесѣда I-ая на Дѣянія Апостоловъ. Русскій переводъ петерб. дух. Акад., т. IX, кн. I-ая, стр. 10

плоти, стало общимъ каждому изъ обоихъ естествъ. Ибо Тотъ, Кто есть и то, и другое, то-есть Богъ и человѣкъ, одинъ, и одному и тому же принадлежать свойства божескія и человѣческія. Божественныя знаменія творило Божество, но не безъ плоти; уничижительное же производила плоть, но не отдѣльно отъ Божества. Ибо и со страждущею плотію было соединено Божество, оставаясь безстрастнымъ, но содѣлывая страданія спасительными; и съ дѣйствующимъ Божествомъ Слова былъ соединенъ святой умъ, разумѣвшій и сознававшій то, что совершалось ¹⁾).

Божество, хотя сообщаетъ тѣлу Свои совершенства, Само непричастно страданіямъ плоти. Ибо нельзя сказать, что подобно тому, какъ при посредствѣ плоти дѣйствовало во Христѣ Божество, точно также и плоть Его испытывала страданія при посредствѣ Божества. Ибо плоть Его получила наименованіе орудія Божества. Итакъ, хотя съ перваго момента зачатія не было никакого раздѣленія между тѣмъ и другимъ естествомъ (μορφοῦσι), но во все продолженіе (земного бытія) дѣйствія того и другого естества принадлежали одному лицу,—однако же мы ни въ коемъ случаѣ не сливаемъ того, что было совершенно пераодѣльно, но изъ качества дѣль узнаемъ, что какому естеству принадлежало.

1060

Итакъ. Христось дѣйствуетъ по тому и другому изъ Своихъ естествъ, и каждое изъ двухъ естествъ дѣйствуетъ въ Немъ съ участіемъ другого: Слово по неограниченности и могуществу Божества совершаетъ то, что именно свойственно Слову—владычественное и царственное; тѣло же (совершаетъ свойственное ему), сообразно съ волею соединеннаго съ нимъ Слова, Коего оно стало собственностію. Ибо не само по себѣ устремлялось оно къ удовлетворенію естественныхъ потребностей и не само по себѣ удалялось и уклонялось отъ тягостнаго или терпѣло то, что отвнѣ приключалось, но приводилось въ движеніе сообразно своему естеству,—такъ, какъ Слово хотѣло и, въ цѣляхъ домостроительства, попускало тѣлу страдать и совершать свойственное ему, чтобы посредствомъ дѣль была удостовѣрена истина (человѣческаго) естества ²⁾). Будучи зачатъ отъ Дѣвы, Христось получилъ бытіе сверхъестественнымъ образомъ. Точно также и дѣла, свойственныя людямъ, Онъ совершалъ такъ, что превосходилъ (обычнаго) человѣка: (напр.) ходилъ земными ногами по текучей водѣ, не потому, что вода превращалась въ землю, но потому, что превышающею естество силою Божества она уплотнялась до

¹⁾ Левъ Великій, письмо XXVIII. къ Флавіану. Migne, s. lat., t. LIV. col. 765—772.

²⁾ Тамъ же.

того, что не разливалась и не уступала тяжести вещественныхъ ногъ. Ибо и то, что свойственно человѣку, Христосъ совершилъ не такъ, какъ обычный человѣкъ, потому что Онъ былъ не человѣкъ только, но вмѣстѣ и Богъ; почему и страданія Его были животворны и спасительны. И дѣла, принадлежащія Божеству, совершилъ Онъ не тѣмъ способомъ, который свойственъ Богу, потому что Онъ былъ не Богъ только, но и человѣкъ, почему Онъ творилъ божественныя чудеса прикосновеніемъ и словомъ, и тому подобнымъ способомъ ¹⁾.

1061 Если же кто-либо скажетъ, мы признаемъ во Христѣ одно дѣйствованіе не съ тѣмъ, чтобы устранить человѣческое дѣйствованіе, но потому, что человѣческое дѣйствованіе—если будемъ противопоставлять его дѣйствованію Божескому (какъ особос), должно будетъ называться—страданіемъ (πάθος) — вотъ почему мы и говоримъ объ одномъ дѣйствованіи во Христѣ—на это отвѣтимъ: на этомъ же основаніи и признающіе во Христѣ одно естество объясняютъ, что они поступаютъ такъ не съ цѣлію устраненія естества человѣческаго, но потому, что человѣческое естество—если его сопоставлять съ божескимъ естествомъ, какъ противоположное Ему,—должно будетъ признаваться *подверженнымъ страданію*. Мы же не позволимъ себѣ человѣческое движеніе, для того, чтобы различить его отъ божескаго дѣйствованія, назвать *страданіемъ*. Ибо ни въ одной вещи, говоря вообще, состояніе не познается и не опредѣляется изъ сопоставленія или сравненія, (такъ какъ) въ такомъ случаѣ существующія вещи оказались бы взаимно обвиняющими другъ друга (въ недостаткахъ). Если человѣческое движеніе есть страданіе только потому, что божеское движеніе есть дѣйствованіе, то несомнѣнно, что человѣческое естество будетъ злымъ, потому что божеское естество—благое. И обратно—по противоположности—божеское движеніе называлось бы дѣйствованіемъ (только) по той причинѣ, что человѣческое движеніе называется страданіемъ, и божеское естество было бы благимъ изъ-за того (собственно), что человѣческое естество является злымъ. Да и всѣ твари оказались бы въ такомъ случаѣ дурными и солгалъ бы сказавшій: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло* (Быт. I, 31). Мы же утверждаемъ, что святые отцы различными способами обозначали человѣческое движеніе, соотвѣтственно тѣмъ представленіямъ, кои лежали въ основѣ (ихъ разсужденій въ томъ или другомъ случаѣ). Они называли его и силою, и дѣйствованіемъ, и различіемъ, и движеніемъ, и свойствомъ, и качествомъ, и страда-

¹⁾ Діонисій Ареопагитъ, Объ именахъ Божіихъ. 2.

ніемъ, однако не съ точки зрѣнія различія его отъ божескаго движенія. Но силою называли его какъ постоянное и неизмѣняемое; дѣйствоваіемъ же—какъ характерное (для существа) и показывающее его съ той стороны, которая неизмѣнна во всѣхъ существахъ одного рода; различіемъ—какъ способствующее различію (одного существа отъ другого); движеніемъ—какъ обнаруживающее себя вовнѣ, свойствомъ—какъ прочную принадлежность (вида), присущую притомъ одному только (виду), а не другому; качествомъ—какъ придающее виду опредѣленность: страданіемъ—какъ производимое въ движеніе. Ибо все, что отъ Бога и послѣ Бога, находясь въ состояніи движенія, страдаетъ, такъ какъ не есть самодвиженіе или самосила. Итакъ, не съ точки зрѣнія противопоставленія (божескому движенію), какъ уже сказано,—(Отцы называли человѣческое движеніе страданіемъ), но соотвѣтственно тому значенію, какое вложено въ него (Верховной) Причиной, все устроившей. Посему, и говоря о человѣческомъ движеніи совмѣстно съ божескимъ, называли его дѣйствованіемъ. Ибо сказавшій: „каждое изъ двухъ естествъ дѣйствуетъ съ участіемъ другого“ не иное что-либо разумѣлъ, какъ и тотъ, кто сказалъ: *и постився днѣи четыредесять, послѣди взалки* (Мн. IV, 2), ибо (Христось), когда хотѣлъ, попускалъ естеству дѣйствовать такъ, какъ ему свойственно. То же разумѣютъ и тѣ, которые говорятъ о различномъ въ Немъ дѣйствованіи или о дѣйствованіи двойномъ, или о такомъ и иномъ дѣйствованіи. Ибо эти выраженія—только различными словами обозначаютъ два дѣйствованія. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ перемѣны наименованій часто обнаруживается и число,—въ данномъ случаѣ божеское и человѣческое дѣйствованія. Ибо различіе предполагаетъ различіе дѣйствительно существующаго. А то, что не существуетъ, какъ будетъ различаться? ¹⁾

Г л а в а XVI.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ: если въ человѣкѣ—два естества 1064 и два дѣйствованія, то во Христѣ необходимо предполагать три естества и столько же дѣйствованій.

Каждый въ отдѣльности человѣкъ, состоя изъ двухъ естествъ—изъ души и тѣла—и имѣя ихъ въ себѣ въ неизмѣнномъ видѣ, справедливо можетъ называться (состоящимъ изъ) двухъ естествъ, ибо и послѣ соединенія (души и тѣла) сохраняетъ естественное

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ. Migne, 349—52. Левъ V, письмо XXVIII, къ Флавіану. Григорій нисскій, Антирретикъ противъ Аполлинарія.

свойство каждаго изъ нихъ. Ибо тѣло (и послѣ соединенія съ душой) не безсмертно, но тлѣнно; также и душа (и послѣ соединенія съ тѣломъ) не смертна, но безсмертна; и тѣло не становится невидимымъ, равно и душа не становится видимою тѣлесными очами. Душа имѣетъ способность пониманія, одарена разумомъ, безтѣлесна; тѣло же грубо, видимо и неразумно. А что противоположно между собою по своей сущности, то—не одного естества. Итакъ, душа и тѣло—не одной сущности.

И обратно. Если человѣкъ—живое существо разумное, смертное, а всякое опредѣленіе показываетъ подлежащія (опредѣленію) естества,—то, съ точки зрѣнія естества, свойство разумности не одно и то же со свойствомъ смертности. Слѣдовательно, человѣкъ—по нормѣ своего опредѣленія—состоитъ не изъ одного, естества.

Если же и говорится иногда, что человѣкъ—изъ одного естества, то въ такомъ случаѣ названіе естества берется вмѣсто названія вида. Напримѣръ, когда говоримъ: человѣкъ не отличается отъ человѣка никакою разностию естества: по такъ какъ всѣ люди имѣютъ совершенно одинаковый составъ, будучи сложены изъ души и тѣла, такъ что каждый обладаетъ двумя естествами,—то всѣ подводятся подъ одно опредѣленіе. И это не странно, такъ какъ священный Аванасій естество даже всѣхъ тварей, какъ сотворенныхъ, называетъ единымъ. Въ словѣ своемъ противъ хулящихъ Духа Святаго онъ говоритъ: а что Духъ Святыи выше твари, отличенъ отъ естества тварнаго бытія, принадлежитъ же божественной природѣ—можно понять изъ слѣдующаго. Все, что усматривается совмѣстно и во многихъ вещахъ, и не находится въ одной изъ нихъ въ меньшей, а въ другой—въ большей степени,—называется сущностию. Посему, такъ какъ всякій человѣкъ составленъ изъ души и тѣла, то въ этомъ 1065 смыслѣ и говорится, что естество людей—одно. Въ отношеніи же къ лицу (*ἐπί τῆς ὑποστάσεως*) Господа мы не можемъ говорить объ одномъ ествѣ, ибо и послѣ соединенія ествѣ каждое изъ нихъ сохраняетъ свое естественное свойство, и нѣтъ родового понятія—*Христосъ*, такъ какъ не было другого Христа—изъ Божества и человѣчества, вмѣсто Бога и человѣка ¹⁾).

Далѣе. Выраженіе: *едино*, въ отношеніи къ родовому понятію человѣка означаетъ совсѣмъ не то же самое, что оно означаетъ въ отношеніи къ сущности души и тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ родовому понятію человѣка слово: *одно*,

¹⁾ Аванасій александр., посланіе II-ое къ Серапіону.

указываетъ на то, что во всѣхъ людяхъ совершенно сходно. Въ отношеніи же къ сущности души и тѣла выраженіе *одно* разрушаетъ самое бытіе ихъ, доводя ихъ до совершеннаго уничтоженія, потому что или одно превратится въ сущность другого, или изъ обоихъ произойдетъ нѣчто иное и оба они измѣнятся,—или же, пребывая въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, они останутся двумя естествами, такъ какъ, въ отношеніи сущности, тѣло не одно и то же по сравненію съ тѣмъ, что безтѣлесно. А поэтому, если мы и говоримъ объ одномъ ествѣ чловѣка—не въ смыслѣ тождества существеннаго качества души и тѣла, но въ томъ смыслѣ, что недѣлимая, составляющія одинъ видъ, имѣютъ въ себѣ и нѣчто неизмѣнное,—то вовсе необязательно говорить объ одномъ ествѣ и во Христѣ, ибо въ отношеніи ко Христу нѣтъ родового понятія, которое обнимало бы собою многія недѣлимая.

Сверхъ того, о всякомъ сложномъ предметѣ говорится, что онъ состоитъ изъ такихъ элементовъ, кои ближайшимъ образомъ входятъ въ его составъ. Такъ, мы не говоримъ, что домъ сложенъ изъ земли и воды, но—изъ кирпичей и бревенъ. Въ противномъ случаѣ и о чловѣкѣ пришлось бы сказать, что онъ состоитъ изъ пяти—по крайней мѣрѣ—естествъ, именно—изъ четырехъ стихій и души. Такъ и въ Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ разсматриваемъ не части составныхъ Его частей, но (голько) части, ближайшимъ образомъ вошедшія въ составъ (Его личности)—Божество и чловѣчество.

Притомъ, если, говоря, что въ чловѣкѣ—два естества, мы вынуждались бы признать во Христѣ три естества, то и вы также, утверждая, что чловѣкъ—изъ двухъ ествъ, должны будете учить, что Христосъ—изъ трехъ ествъ. Подобнымъ образомъ должно сказать и о дѣйствованияхъ, потому что необходимо должно быть дѣйствованіе, соотвѣтственное еству. А что чловѣкъ называется и есть изъ двухъ ествъ, свидѣтельствуетъ Григорій Богословъ, говоря: „Богъ и чловѣкъ—два естества такъ же какъ—и душа и тѣло“⁴. И въ словѣ о крещеніи онъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ мы двойственны—изъ души и тѣла, при чемъ одно ество—видимо, другое же—невидимо, то и очищеніе—двойко, а именно—водою и духомъ“¹).

Г л а в а XVII.

О томъ, что въ Господѣ ество плоти и воля обожествлены.

Должно знать: о плоти Господа говорится, что она обожествлена, стала единою съ Богомъ и Богомъ—не по предложенію или

¹) Григорій Богословъ, посланіе I-ое къ Ктедонію и слово 40-ое.

1069 превращенію, или измѣненію или слиянію естества, какъ говоритъ Григорій Богословъ ¹⁾. „Одно изъ естествъ обожествило, другое обожествлено и, осмѣлюсь сказать, стало единое съ Богомъ; и помазавшее сдѣлалось человѣкомъ. и помазанное — Богомъ“. И это — не по измѣненію естества, но по соединенію, произошедшему ради совершенія спасенія, — я разумѣю соединеніе ипостасное, по коему плоть неразрывно соединилась съ Богомъ — Словомъ, и по взаимному проникновенію естествъ, — подобно тому, какъ мы говоримъ о проникновеніи желѣза огнемъ. Ибо, какъ мы повѣдуемъ воочеловѣченіе безъ измѣненія и превращенія, такъ совершилось, — какъ представляемъ мы, — и обожествленіе плоти. Ибо ради того, что Слово содѣлалось плотію, ни Оно не оставило области Божественнаго бытія и не лишилось присущихъ Ему, подобающихъ Богу совершенствъ — ни плоть, будучи обожествлена, не потерпѣла превращенія въ своемъ ествѣ или въ своихъ естествецныхъ свойствахъ. И послѣ соединенія какъ естества остались не смѣшанными, такъ и свойства ихъ — неповрежденными. Плоть же Господа, по причинѣ тѣснѣйшаго, то-есть ипостаснаго, соединенія съ Богомъ — Словомъ обогатилась божественными силами (*ἐνεργείας*), при этомъ ни мало не потерявъ изъ (своихъ естественныхъ свойствъ, ибо она совершала божественныя дѣйствія не своею собственною силою, но по причинѣ соединенія съ цеою Бога — Слова, такъ какъ Слово чрезъ плоть проявляло свойственное Ему дѣйствованіе. Ибо и раскаленное желѣзо жжетъ не потому, чтобы оно силою жженія обладало отъ природы, но потому, что получаетъ такое свойство отъ соединенія съ огнемъ ²⁾).

Итакъ, одна и та же плоть сама по себѣ была смертна, по ипостасному же соединенію съ Богомъ — Словомъ — животворна. Подобнымъ образомъ говоримъ и объ обожествленіи воли — не въ томъ смыслѣ, что естественное движеніе измѣнилось, но въ томъ, что оно соединилось съ божественною Его и всемогущею волею, и сдѣлалось волею воочеловѣчившагося Бога. Поэтому, когда Господь хотѣлъ утѣшиться (Марк. VII, 24), Онъ не могъ сдѣлать того по человѣческой Своей волѣ, ибо Богу — Слову угодно было показать, что въ Немъ дѣйствительно находилась помощь человѣческой воли. Но, по Своему хотѣнію, Онъ совершилъ очищеніе прокаженнаго. по причинѣ соединенія человѣческой воли съ волею Божества ³⁾).

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 45.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 39.

³⁾ Григорій Богословъ, слово 29, 30.

Должно еще знать, что обожествленіе и естества, и воли является самымъ яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ какъ двухъ естествъ, такъ и двухъ воль. Ибо, подобно тому, какъ раскалиеніе не превращаетъ естества раскаленной вещи въ естество огня, но показываетъ и то, что раскалиено, и то, что раскалило, и служить (такимъ образомъ) къ обозначенію не одного, но двухъ,—такъ и обожествленіе не одно сложное естество производить, но (удостоверяетъ) два естества и пхъ ипостасное соединеніе. Въ самомъ дѣлѣ, и Григорій Богословъ (когда) говоритъ: „изъ нихъ одно обожествило, а другое обожествлено“,—словами: „изъ нихъ“. также: „одно“, „другое“ указываетъ (именно) на два (естества).

Глава XVIII.

Еще о томъ, что въ Господѣ (два) воли и свободы, также (два) ума, вѣдѣнія и премудрости.

Называя Христа совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, безъ сомнѣнія, мы должны усвоить Ему всѣ естественныя свойства какъ Отца, такъ и Матери. Ибо Онъ сдѣлался человѣкомъ для того, чтобы побѣжденное побѣдило. Всемогущій могъ исторгнуть человѣка изъ-подъ власти мучителя и всемоущею Своею властію и силою; но въ такомъ случаѣ у мучителя оказался бы предлогъ жаловаться, что онъ побѣдилъ человѣка, но потерпѣлъ насиліе отъ Бога. Потому милосердный и человѣколюбивый Богъ, восхотѣвъ самого падшаго явить побѣдителемъ, становится человѣкомъ, исправляя подобное подобнымъ.

А что человѣкъ—живое существо, одаренное мышленіемъ и разумомъ,—никто не будетъ возражать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Богъ могъ бы сдѣлаться человѣкомъ, если бы Онъ принялъ неодушевленную плоть или неразумную душу? Вѣдь это не человѣкъ. Да какую пользу имѣли бы мы и въ вочеловѣченіи, если бы не былъ исцѣленъ тотъ (умъ), который пострадалъ въ человѣкѣ прежде всего, и если бы онъ не былъ обновленъ и укрѣпленъ чрезъ соединеніе съ Божествомъ? Ибо что не воспринято, то не было бы и уврачено. Посему Богъ воспринимаетъ цѣлаго человѣка, и вмѣстѣ—наилучшую часть его, поднавшую болѣзни, чтобы цѣлому человѣку даровать спасеніе. Но никогда не можетъ быть ума безъ мудрости, лишеннаго познанія. Ибо если бы онъ былъ недѣятеленъ и неподвиженъ, то и не существовалъ бы совершенно ¹⁾).

¹⁾ Григорій Богословъ, I-ое посланіе къ Клеодію.

Итакъ, Богъ— Слово, желая обновить то, что (было создано) по образу (Его), стать человѣкомъ. А что—(сотворенное) по образу, если не умъ? Ужели, пренебрегну лучшимъ, Онъ воспринялъ худшее? Ибо умъ занимаетъ какъ бы посредствующее положеніе между Богомъ и плотію: между плотію, какъ соединенный съ нею, и Богомъ, какъ образъ Его. Итакъ, умъ соединяется съ умомъ и служитъ посредствомъ между чистотою Божества и грубостію плоти. Ибо если бы Господь воспринялъ душу, лишенную разума, то онъ воспринялъ бы душу несмысленнаго животнаго ¹⁾).

Если же евангелистъ сказалъ, что *Слово* содѣлалось *плотію* (Іоан. I, 14). то должно знать, что въ святомъ Писаніи человѣкъ иногда называется душою, на примѣръ: въ числѣ семидесяти пяти душъ вошелъ *Іаковъ во Египтъ* (Быт. XLVI, 27; Дѣян. VII, 14); иногда же онъ называется плотію, на примѣръ: *узрѣть всяка плоть спасеніе Божіе* (Ис. XL, 5. Ср. Лк. III, 6). Итакъ, Господь сталъ не плотію неодушевленною и лишенною разума, но—человѣкомъ. Дѣйствительно, Онъ Самъ говоритъ: *что Мя бѣсиши* (Іоан. XVIII, 23)— *человѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. VIII, 40). Итакъ, Онъ воспринялъ плоть, оживленную душею смыслящею и разумною, которая управляла плотію, сама же была управляема Божествомъ Слова.

Итакъ, Онъ естественно имѣлъ способность хотѣнія и какъ Богъ, и какъ человѣкъ: впрочемъ, человѣческое Его хотѣніе слѣдовало и подчинялось (божескому) Его хотѣнію. будучи приводимо въ движеніе не собственнымъ распоряженіемъ, но желая того, чего хотѣла божеская Его воля. Когда попускала божеская воля, тогда (человѣческая воля) естественно испытывала то, что свойственно ей. Такъ, когда человѣческая Его воля отрицалась смерти, и божеская Его воля соизволяла на сіе и попускала,—тогда Господь естественно молилъ объ отвращеніи смерти, и находился въ бореніи и страхѣ. Когда божеская воля Его хотѣла, чтобы человѣческая Его воля избрала смерть. тогда страданіе содѣлалось для нея добровольнымъ, ибо Онъ добровольно предалъ Себя на смерть, не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ. Этимъ Онъ и намъ даровалъ неустрашимость противъ смерти. Такъ, предъ спасительнымъ Своимъ страданіемъ Онъ говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Мт. XXVI, 39). Очевидно, Онъ долженъ былъ пить чашу какъ 1076 человѣкъ, ибо (не могъ пить ее), какъ Богъ. Посему, какъ человѣкъ, хочеть, чтобы миновала Его чаша. Это были слова

¹⁾ Тамъ же.

естественной боязни. *Обаче не моя воля да будетъ* (Лк. XXIV, 42), то-есть посколькѣ Я—иной сущности, по сравненію съ Тобой, *но Твоя*. то-есть Моя и Твоя, посколькѣ Я—по природѣ Тебѣ единосущенъ. Это, напротивъ, слова мужества. Ибо душа Господа, какъ содѣлавшагося, по благоволенію Своему, истиннымъ человѣкомъ, испытавъ сначала естественную немощь, по чувству, возникшему при разлученіи (съ земною жизнію). и испытавъ естественное состраданіе къ тѣлу,—потомъ, укрѣпленная божественною волею, мужественно рѣшается на смерть. Такъ какъ Господь—Тотъ же Самый—былъ совершеннымъ Богомъ, вмѣстѣ со Своимъ человѣчествомъ—и совершеннымъ человѣкомъ, вмѣстѣ со Своимъ Божествомъ,—то Самъ Онъ, какъ человѣкъ, въ Себѣ Самомъ и чрезъ Себя Самого подчинилъ (все) человѣческое Богу Отцу, и содѣлался послушнымъ Отцу, подавая намъ въ Самомъ Себѣ наилучшій образецъ и примѣръ.

Но Божескою и человѣческою волею хотѣлъ Онъ свободно. Ибо свободная воля, несомнѣнно, врожденна всякой мыслящей природѣ. Ибъ къ чему она имѣла бы и способность мышленія, если бы не свободно мыслила? Творецъ и безсловеснымъ животнымъ вложилъ природное влеченіе, принудительно побуждающее ихъ (стремиться) къ благосостоянію ихъ собственной природы. Не обладая разумомъ, они не могутъ управлять природнымъ влеченіемъ, но (сами) управляются имъ. Почему, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произошло влеченіе тотчасъ же возникаетъ и стремленіе къ соотвѣтствующему дѣйствованію,—ибо животныя не пользуются ни бесѣдой, ни совѣщаніемъ, ни разсмотрѣніемъ, ни сужденіемъ. Потому ихъ не хвалятъ и не ублажаютъ, какъ поступающихъ добродѣтельно, а равно и не наказываютъ, какъ совершающихъ зло. А мыслящее существо хотя также имѣетъ возбуждающееся природное влеченіе, однако въ сохраняющихъ то, что согласно съ природой, это влеченіе управляется и упорядочивается разсудкомъ. Ибо преимущество разума и составляетъ свободная воля, которую мы называемъ естественнымъ движеніемъ въ мыслящемъ существѣ. Поэтому, когда оно слѣдуетъ добродѣтели, его хвалятъ и ублажаютъ, а когда оно слѣдуетъ пороку, его наказываютъ.

Отсюда, душа Господа хотѣла, свободно приводимая въ движеніе, но свободно хотѣла именно того, чего божеская Его воля желала, чтобы она хотѣла. Ибо не мановеніемъ (только) Слова движима была плоть; вѣдь Моисей и всѣ святые движимы были мановеніемъ Божиимъ. Но единый Господь—Тотъ же Самый,—будучи вмѣстѣ Богомъ и человѣкомъ, хотѣлъ по божеской и по человѣческой волѣ. Поэтому двѣ воли Господа различались

одна отъ другой не настроеніемъ, но скорѣе природною силой (той и другой). Ибо божеская Его воля была и безначальна и имѣла силу совершать все, будучи сопровождаема могуществомъ, и была безстрастна. Человѣческая же Его воля и начало свое
1077 получила съ (извѣстнаго) времени, и сама претерпѣла естественныя и непорочныя страсти и естественно не была всемогуща, по, какъ сдѣлавшаяся истинно и по природѣ волею Бога Слова, стала и всемогуща ¹⁾.

Г л а в а XIX.

О богомужномъ дѣйствованіи.

Блаженный Діонсій, выразившись, что Христось въ Своей жизни явилъ намъ нѣкоторое новое богомужное дѣйствованіе, говоритъ объ одномъ дѣйствованіи, составившемся изъ человѣческаго и божескаго не отрицая (въ Немъ двухъ) естественныхъ дѣйствованій. Ибо въ такомъ случаѣ мы могли бы говорить и объ одномъ новомъ естествѣ, составившемся изъ божескаго и человѣческаго, такъ какъ—въ чемъ дѣйствованіе одно, въ томъ и сущность одна, по ученію святыхъ отцовъ. Но (Діонсій выразился такъ), желая показать новый и неизъяснимый образъ проявленія естественныхъ дѣйствованій Христовыхъ, соотвѣтственно неизъяснимому образу взаимнаго проникновенія естествъ во Христѣ, также (желая показать) необыкновенный, чудный и естеству существъ невѣдомый способъ Его человѣческой жизни, а равно образъ взаимнаго сообщенія (свойствъ), соотвѣтственно
1080 неизреченному соединенію (естествъ). Не говоримъ, что (во Христѣ) дѣйствованія раздѣльны, и что естества дѣйствуютъ отдѣльно одно отъ другого; но (утверждаемъ), что каждое (изъ нихъ) совокупно съ другимъ, съ участіемъ другого совершаетъ свойственное ему. Ибо и то, что свойственно человѣку, Иисусъ Христось совершалъ не такъ, какъ обычно совершаетъ человѣкъ, такъ какъ Онъ былъ не простой человѣкъ; равно и свойственное Богу совершалъ не такъ, какъ Богъ только, потому, что былъ не просто Богъ, но—вмѣстѣ Богъ и человѣкъ. Ибо, какъ въ отношеніи естества мы признаемъ и соединеніе, и природное различіе, точно также—и въ отношеніи естественныхъ волей и дѣйствованій ³⁾.

Итакъ, должно знать, что въ отношеніи къ Господу нашему

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Диалогъ съ Пирромъ.

²⁾ Григорій Богословъ, I-е посланіе къ Клеодонію.

³⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Диалогъ съ Пирромъ. Левъ Великій, писъмо XXVIII-ое, къ Флавіану.

Иисусу Христу иногда мы говоримъ какъ о двухъ естествахъ, а иногда—какъ объ одномъ лицѣ, но то и другое возводится (собственно) къ одному попятію. Ибо два естества—одинъ Христосъ, и одинъ Христосъ—два естества. Посему, все равно, сказать ли: Христосъ дѣйствуетъ по каждому изъ Своихъ естествъ—или сказать: каждое естество во Христѣ дѣйствуетъ съ участіемъ другого. Итакъ, божеское естество принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ плоти, потому что, по благоволенію божественной воли, плоти позволялось страдать и совершать то, что ей свойственно, а также потому, что дѣйствованіе плоти несомнѣнно было спасительно,—что свойственно не человѣческому дѣйствованію, но божескому. Плоть же принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ Божества Слова, потому что божескія дѣйствования совершались посредствомъ тѣла, какъ бы посредствомъ оручія, а также и потому, что Одинъ былъ Тотъ, Кто дѣйствовалъ, и такъ, какъ, свойственно Богу, и вмѣстѣ такъ, какъ свойственно человѣку.

Должно еще знать, что святой умъ Христовъ и естественныя свои дѣйствія совершаетъ, мысля и разумѣя, что онъ есть умъ Божій, и что ему поклоняется вся тварь, и вмѣстѣ памятья Свое пребываніе и страданія на землѣ. Въ дѣйствованіи Божества Слова, въ Его устройствѣ и управленіи всѣмъ, умъ Христовъ принимаетъ участіе, мысля, и разумѣя, и устроая не какъ обычный умъ человѣка, но какъ ипостасно соединенный съ Богомъ и получившій наименованіе ума Божія.

Итакъ, богомужное дѣйствованіе означаетъ то, что, такъ какъ Богъ содѣлался мужемъ, то-есть вочеловѣчился, то и человѣческое Его дѣйствованіе было божественнымъ, то-есть обожествленнымъ, и не лишеннымъ участія въ божескомъ Его дѣйствованіи. Равнымъ образомъ и божеское Его дѣйствованіе не было лишено участія въ человѣческомъ Его дѣйствованіи, но каждое изъ обихъ дѣйствованій созерцалось вмѣстѣ съ другимъ. Называется же этотъ образъ (рѣчи) *παρίρρασις*,—когда кто однимъ словомъ обнимаетъ два какія-нибудь понятія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ раскаленномъ мечѣ жженіе, сопровождаемое сѣченіемъ, а равно и сѣченіе, сопровождаемое жженіемъ, мы хотя и называемъ однимъ (дѣйствованіемъ),—тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что одно дѣйствованіе—сѣченіе, а другое—жженіе, и первое принадлежитъ одному, а второе—другому естеству. а именно: жженіе—огню, а сѣченіе—жельзу; подобно этому, и называя богомужное дѣйствованіе Христа единымъ, мы разумѣемъ два дѣйствования двухъ Его естествъ: одно дѣйствіе—божеское, принадлежащее Его Божеству, а другое—человѣческое, принадлежащее Его человѣчеству.

Г л а в а XX.

Объ естественныхъ и безупречныхъ страстяхъ.

Мы исповѣдуемъ также, что Христосъ воспринялъ всѣ естественныя и безупречныя страсти человѣка. Ибо Онъ воспринялъ всего человѣка и все, свойственное человѣку, кромѣ грѣха, потому что грѣхъ не естествененъ и не Творцомъ всѣянъ въ насъ, но возникаетъ изъ послѣдующаго посява діавола въ нашей свободной волѣ съ нашего согласія и не владычествуетъ надъ нами насильственно. Естественныя же и безупречныя страсти суть не находящіяся въ нашей власти,—тѣ, кои привзошли въ человѣческую жизнь, вслѣдствіе осужденія за преступленіе, каковы—голодь, жажда, утомленіе, трудъ, слезы, тлѣніе, уклоненіе отъ смерти, боязнь, предсмертная мука, отъ коей—потъ, капли крови, помощь отъ ангеловъ ради слабости природы и подобное, что по природѣ присуще всѣмъ людямъ.

Итакъ, Христосъ все воспринялъ, чтобы все освятить. Онъ подвергся искушенію и побѣдилъ, чтобы намъ приготовить побѣду и дать природѣ силу побѣждать противника, дабы естество, нѣкогда побѣжденное, побѣдило побѣдившаго нѣкогда посредствомъ тѣхъ нападеній, посредствомъ коихъ само было побѣждено.

Лукавый приразился ко Христу совѣтъ, а не чрезъ помыслы, какъ и къ Адаму, ибо и къ тому онъ приразился не чрезъ помыслы, но чрезъ змія. Господь же отразилъ прираженіе и разсѣялъ, какъ дымъ, чтобы страсти, приразившіяся къ Нему и побѣжденные, сдѣлались и для насъ легко одолимыми, и чтобы (такимъ образомъ) новый Адамъ исцѣлилъ ветхаго.

Конечно, естественныя наши страсти были во Христѣ и сообразно естеству, и превыше естества. Ибо сообразно съ естествомъ они возбуждались въ Немъ, когда Онъ попускалъ плоти терпѣть свойственное еѣ; а превыше естества потому, что естественное во Христѣ не предваряло Его хотѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Немъ ничего не усматривается вынужденнаго, но все—добровольное. Ибо по собственной волѣ Онъ алкалъ, по собственной волѣ жаждалъ, добровольно боялся, добровольно умеръ.

Г л а в а XXI.

О невѣдѣніи и рабствѣ.

Должно знать, что Христосъ воспринялъ естество, не обладавшее вѣдѣніемъ и рабское, ибо естество человѣческое въ

отношеніи къ сотворившему его Богу является рабскимъ и не обладаетъ знаніемъ будущаго. Вотъ почему, по ученію Григорія Богослова, если раздѣлять видимое отъ того, что познается умомъ, то плоть надобно будетъ назвать и рабскою, и не обладающею вѣдѣніемъ. Однако, по причинѣ тождества ипостаси и неразрывнаго соединенія, душа Господа обогатилась вѣдѣніемъ будущаго, какъ и остальными божественными знаменіями. Ибо какъ плоть человѣческая по своей природѣ не есть животворящая, плоть же Господа, ипостасно соединенная съ Самимъ Богомъ Словомъ, хотя и не утратила свойственной природѣ смертности, однако, по причинѣ ипостаснаго соединенія съ Богомъ Словомъ, содѣлалась животворящею, — и мы не можемъ говорить, что она не была животворяща и не есть всегда животворяща; — такъ и человѣческое естество по своей сущности не обладаетъ вѣдѣніемъ будущаго; душа же Господа, по причинѣ соединенія съ Самимъ Богомъ—Словомъ и тождества Ипостаси, — какъ я сказалъ, — обогатилась, вмѣстѣ съ остальными знаменіями Божества, — и вѣдѣніемъ будущаго ¹⁾.

Надобно также знать, что мы не можемъ даже называть Иисуса Христа рабомъ, ибо понятія—*рабство* и *владычество*, характеризуютъ не естество, по отношенію, какъ и понятія—*отечество* и *сыновство*, выражаютъ не сущность, но взаимное отношеніе. Поэтому, — какъ мы и относительно невѣдѣнія сказали, — если въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ или въ тонкихъ представленіяхъ ума отдѣлить созданное отъ не созданнаго, то-есть если плоть представлять не соединенною съ Богомъ Словомъ, то она является рабскою. Но однажды соединенная съ Богомъ Словомъ ипостасно, какъ она можетъ явиться рабскою? Христось, будучи единымъ, не можетъ быть одновременно рабомъ Самого Себя и Господомъ, ибо эти понятія относятся не къ тому, о чемъ говорится безотносительно, но о чемъ говорится въ отношеніи къ другому. Да и кому онъ могъ бы быть рабомъ? Богу Отцу? Но тогда не все то, что имѣетъ Отецъ, принадлежало бы и Сыну, — если бы только Онъ былъ рабомъ Отца, Себѣ же Самому — никонимъ образомъ. Если Самъ Онъ — рабъ, — то какъ же о насъ, чрезъ Него получившихъ усыновленіе, говорить Апостолъ: *ты же уже ниси рабъ, на сынъ* (Галат. IV, 7)? Итакъ, Христось называется рабомъ въ несобственномъ значеніи, — не потому, что Онъ дѣйствительно таковъ, но потому, что ради насъ принялъ образъ раба и вмѣстѣ съ нами сталъ именоваться рабомъ. Ибо, будучи безстрастенъ, Онъ ради насъ подчинилъ себя страданіямъ, и послужилъ на-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 30.

шему спасенію. Тѣ же, кои называютъ Христа рабомъ, подобно Несторію, раздѣляютъ единого Христа на двухъ. Мы же утверждаемъ, что Онъ Владыка и Господь всей твари, единый Христосъ, вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, и знаетъ все, ибо *въ Немъ суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. II, 3) ¹⁾.

Г л а в а XXII.

О преуспѣяніи.

Объ Иисусѣ Христѣ говорится, что Онъ преуспѣвалъ *премудростію. и возрастомъ, и благодатію* (Мк. II, 52) въ томъ смы-
 1088 слѣ, что, возрастая съ годами, Онъ, по мѣрѣ возрастанія, обнаруживалъ премудрость, въ Немъ находящуюся. Кромѣ того, (это говорится и въ томъ смыслѣ), что преуспѣяніе людей въ премудрости и благодати и исполненіе благоволенія Отца, то есть богопознаніе и спасеніе людей, Онъ дѣлалъ Своимъ собственнымъ преуспѣяніемъ, во всемъ усвоая Себѣ наше. Тѣ же, которые говорятъ, что Христосъ преуспѣвалъ въ премудрости и благодати—какъ бы получая приращеніе ихъ, полагаютъ, что соединеніе произошло не съ самаго начала бытія плоти, и не принимаютъ соединенія ипостаснаго, но, слѣдуя легкомысленному Несторію, выдумываютъ соединеніе внѣшнее, кажущееся (*σκητινόν*) и простое вселеніе, *не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нѣмъже утверждаютъ* (1 Тим. I, 7). Ибо, если плоть Иисуса Христа съ начала бытія своего истинно соединилась съ Богомъ Словомъ, или, лучше сказать, въ Немъ получила бытіе и возымѣла съ Нимъ ипостасное тождество,—то какъ же она могла не обогатиться въ совершенствѣ всякою премудростію и благодатію? Не такъ, что она только участвовала въ благодати, и не такъ, что лишь по благодати получала участіе въ томъ, что принадлежитъ Слову, но—лучше сказать—по причинѣ ипостаснаго соединенія, такъ какъ и человѣческое, и божеское сдѣлалось принадлежностію единого Христа, ибо Одинъ и Тотъ же былъ вмѣстѣ Богъ и человѣкъ,—она источаетъ міру благодать, и премудрость, и полноту всякихъ благъ ²⁾.

Г л а в а XXIII.

О боязни.

Слово—*боязнь*, имѣетъ двоякій смыслъ. Есть боязнь естественная, когда душа не хочетъ разлучиться съ тѣломъ по

¹⁾ Григорій Богословъ, 34.

²⁾ Григорій Богословъ, 43, 30.

естественному сочувствію и сродству, какія Творецъ вложилъ въ душу съ самаго начала,— изъ-за коихъ душа естественно страшится, мучится и отвращается отъ смерти. Опредѣленіе этой боязни такое: естественная боязнь есть усиліе отстоять свое бытіе по отвращенію къ смерти. Ибо, если Творцомъ все приведено изъ небытія въ бытіе, то естественно—все имѣть стремленіе къ бытію. а не къ небытію; и всѣмъ тварямъ по естеству свойственно влеченіе къ тому, что поддерживаетъ бытіе. Посему и Богъ—Слово, содѣлавшись человѣкомъ, имѣлъ таковое же стремленіе, обнаруживая влеченіе къ тому, что поддерживаетъ естество—желалъ Себѣ пищи, питія и сна, и естественно все это употреблялъ. Отъ того же, что гибельно для жизни, Онъ отвращался, какъ, на примѣръ, во время страданія Онъ добровольно почувствовалъ содроганіе предъ смертью. Ибо, хотя происходившее совершалось и по закону природы, однако же не по необходимости, какъ бываетъ съ нами, такъ какъ то, что было естественно, Онъ принималъ на Себя добровольно—по Своему хотѣнію. Поэтому самая боязнь, страхъ и борежіе—относятся къ страстямъ естественнымъ, безупречнымъ и не подлежащимъ грѣху ¹⁾.

Есть еще боязнь, происходящая отъ помраченія помысловъ, невѣрія и невѣдѣнія часа смертнаго, когда, на примѣръ, мы устрашаемся ночью, если произойдетъ какой-нибудь шумъ. Таковая боязнь—вопреки природѣ, и, огредѣлая ее, мы говоримъ: неестественная боязнь есть содроганіе отъ неожиданности. Таковой робости Господь къ Себѣ не допускалъ. Потому Онъ никогда и не устрасался, какъ только въ часъ страданій, хотя неоднократно, по планамъ домостроительства, скрывался (отъ опасности)—ибо Онъ зналъ часъ Свой. А что Господь дѣйствительно устрасался, объ этомъ говоритъ священный Аѳанасій въ словѣ противъ Аполлинарія: „Посему Господь сказалъ: *нынѣ душа Моя возмутися* (Іоан. XII, 27). Слово *нынѣ* означаетъ—когда восхотѣлъ; тѣмъ не менѣе показываетъ то, что было въ дѣйствительности; ибо Господь не называлъ присущимъ Себѣ того, чего въ Немъ не было, какъ будто бы рѣчь шла лишь о мнимо происходящемъ, такъ какъ все (это) совершалось дѣйствительно и истинно“. И въ другомъ мѣстѣ: „Божество никакъ не пріемлетъ страданія безъ страдающаго тѣла, не показываетъ смущенія и скорби безъ скорбящей и смущаемой души, не тоскуетъ и не молится безъ тоскующаго и молящагося ума. Впрочемъ, (все) происходившее совершалось не отъ того, что естество было побѣждено, но для доказательства бытія (человѣческой природы во Христѣ)“. Вы-

¹⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Діалогъ съ Пирромъ.

раженіе же: „все происходившее совершалось не вслѣдствіе того, что естество было побѣждено“—показываетъ, что Христосъ терпѣть это не противъ воли ¹⁾).

Г л а в а XXIV.

О молитвѣ Господней.

Молитва есть восхожденіе ума къ Богу или прошеніе у Бога того, что прилично. Какъ же Господь молился о Лазарѣ и во время страданія? Вѣдь святой умъ Его, однажды соединившись ипостасно съ Богомъ—Словомъ,—ибо одинъ Христосъ, не имѣлъ нужды ни въ восхожденіи къ Богу, ни въ испрашиваніи чего-либо у Бога: но Онъ молился потому, что усвоилъ Себѣ наше лицо, изображалъ въ Самомъ Себѣ свойственное намъ, сдѣлался для насъ образцомъ, училъ насъ просить у Бога и къ Нему устремляться и святымъ умомъ Своимъ пролагалъ намъ 1092 путь восхожденія къ Богу. Какъ Онъ претерпѣлъ страсти, руководя насъ къ побѣдѣ надъ ними, такъ и молился,—какъ я сказать,—чтобы проложить намъ путь восхожденія къ Богу и исполнить за насъ всякую правду, какъ сказалъ Онъ Іоанну (Мѣ. III, 15), примирить съ нами Отца Своего, почтить Отца какъ начало и причину, и показать, что Онъ—не противникъ Богу. Ибо, когда Христосъ сказалъ при воскрешеніи Лазаря: *Отче, гвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаеши; но народа ради стоящаго окрестъ рѣкъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. XI, 41—42),—то не было ли для всѣхъ, какъ нельзя болѣе, ясно, что Онъ это сказалъ, чтобы почтить Своего Отца, какъ Свое начало и причину, и показать, что Онъ—не противникъ Богу ²⁾).

А когда Христосъ сказалъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидеть отъ Мене чаша сія; обаче не якоже Азъ хожду, но якоже Ты* (Мѣ. XXVI, 39), то не очевидно ли всякому, что (этимъ) Онъ училъ насъ во время испытаній просить помощи отъ одного только Бога, и волю Божію предпочитать своей; и вмѣстѣ показывалъ, что Онъ истинно усвоилъ Себѣ свойственное нашему естеству, и дѣйствительно имѣлъ двѣ воли, конечно, естественныя и сообразныя съ тѣмъ и другимъ естествомъ Его, однако же не враждебныя одна другой? Онъ говоритъ: *Отче*, какъ Единосуш-

¹⁾ Аванасій александр., О спасительномъ пришествіи Христа.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 30, 45. Іоаннъ Златоустъ, Бесѣда LXIII на евангеліе Іоанна.

ный; *аще возможно есть*—говорить не потому, что не знаетъ, возможно ли, ибо что невозможно Богу?—но чтобы научить насъ предпочитать волю Божию нашей. Ибо невозможно одно только то, чего Богъ не хочетъ и не позволяетъ. *Обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты*. Какъ Богъ, Онъ имѣетъ одну и ту же волю съ Богомъ Отцемъ; но, какъ человѣкъ, Онъ естественно обнаруживаетъ волю человѣческую, ибо она естественно отвращается отъ смерти ¹⁾).

Слова же: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ* (Мч. XXVII, 46)—Христосъ изрекъ, какъ усвоившій Себѣ наше лице. Ибо Отецъ не могъ бы быть названъ Его Богомъ, если бы Христосъ не поставилъ Себя на ряду съ нами, при чемъ въ отвлеченныхъ представленияхъ ума видимое отдѣляется отъ того, что созерцается умомъ; равно Христосъ никогда не былъ и оставленъ собственнымъ Божествомъ, но мы были покинуты и пренебрегнуты. 109: Посему Онъ молился такимъ образомъ, какъ усвоившій Себѣ наше лице ²⁾).

Г л а в а XXV.

Объ усвоеніи.

Должно еще знать, что усвоеніе бываетъ двоякое: естественное и существенное, а другое—личное и относительное. Естественное и существенное—то, соотвѣтственно коему Господь по человѣколюбію принялъ естество наше и всѣ наши естественныя свойства. дѣйствительно и истинно ставъ человѣкомъ и испытавъ то, что принадлежитъ нашему естеству. Личное же и относительное усвоеніе бываетъ, когда кто-либо ради извѣстнаго отношенія, на примѣръ, ради состраданія или любви, принимаетъ на себя лице другого и, вмѣсто него, говоритъ въ пользу его рѣчи, къ нему самому нисколько не относящіяся. Соотвѣтственно этому, Господь усвоилъ Себѣ и проклятіе, и оставленіе наше, и подобное, что не относится къ естеству,—усвоилъ не потому, что Онъ есть или содѣлался таковымъ, но потому, что принялъ наше лице и поставилъ Себя наряду съ нами. Вотъ что означаетъ изреченіе: *бывъ по насъ клятва* (Галат. III, 13) ³⁾).

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 30.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 30.

³⁾ Максимъ Исповѣдникъ, Пославіе къ Марину. Григорій Богословъ, слово 30. Авапсій алекс., О спасительномъ пришествіи Христа.

Г л а в а XXVI.

О страданіи тѣла Господня и о безстрастіи Его Божества.

Итакъ, Слово Божіе Само претерпѣло все плотію, тогда какъ божественное и единое только безстрастное естество Его оставалось безстрастнымъ. Ибо, когда страдалъ единый Христосъ, составленный отъ Божества и челоуѣчества, существующій и въ Божествѣ и въ челоуѣчествѣ, тогда въ Немъ страдало только то, что по природѣ своей было подвержено страданію; то же, что было безстрастно, вмѣстѣ съ первымъ, не страдало. Ибо душа, будучи способною страдать, хотя и не разсѣкается сама въ то время, какъ разсѣкается тѣло,—однако же терпитъ и страдаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; Божество же, будучи безстрастнымъ, не страдало вмѣстѣ съ тѣломъ.

1096 Должно еще знать: мы говоримъ, что Богъ пострадалъ плотію, но никоимъ образомъ не говоримъ, что Божество пострадало плотію, или—что Богъ пострадалъ чрезъ плотъ. Если въ то время, какъ солнце освѣщаетъ дерево, топоръ рубитъ это дерево, солнце остается не разрѣзаннымъ и не подверженнымъ страданію: то гораздо болѣе безстрастное Божество Слова, ипостасно соединившееся съ плотію, оставалось не подверженнымъ страданію, когда страдала плотъ. И если кто-либо льетъ воду на раскаленное желѣзо, тогда то, что по природѣ способно страдать отъ воды—разумѣю огонь,—гаснетъ, а желѣзо остается невредимымъ, ибо оно по природѣ не способно разрушаться отъ воды; то гораздо болѣе единое только безстрастное Божество, въ то время какъ страдала плотъ, не потерпѣло страданія, хотя и оставалось не отдѣлимымъ отъ нея. Вѣдь необязательно, чтобы примѣры совершенно и безъ всякаго недостатка равнялись (самымъ вещамъ). Ибо необходимо, чтобы въ примѣрахъ усматривалось и то, что—подобно, и то, что—различно, такъ какъ иначе это былъ бы уже не примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, сходное во всемъ было бы тождествомъ, а не примѣромъ, особенно—въ томъ, что относится къ Богу. Ибо невозможно найти примѣра, во всемъ сходнаго,—какъ въ ученіи о Богѣ, такъ и въ ученіи о домостроительствѣ спасенія ¹⁾).

Г л а в а XXVII.

О томъ, что и во время смерти Господа Божество Слова неразлучно пребывало съ душою и тѣломъ, и—что сохранялась одна ипостась.

Господь нашъ Исусъ Христосъ, будучи безгрѣшнымъ, ибо *грѣха не сотвори* (1 Петр. II, 22) *вземляй грѣхъ міра* (Іоан. I, 29),

¹⁾ Афанасій алекс., О спасительномъ пришествіи Христа.

ниже обрѣтется лествъ во устѣхъ Его (Ис. LIII, 9),—не подлежалъ смерти, ибо смерть вошла въ мѣръ чрезъ грѣхъ (Римл. V, 12). Итакъ. Онъ умираетъ, претерпѣвая смерть за насъ, и Самого Себя приноситъ въ жертву за насъ Отцу. Ибо мы согрѣшили предъ Отцемъ, и надлежало, чтобы Онъ принялъ выкупъ, предложенный за насъ, и чтобы мы, такимъ образомъ, освободились отъ осужденія. Ибо отнюдь не тиранну была принесена кровь Господа. Итакъ, смерть приступаетъ и, поглотивъ тѣло (Господне какъ бы) приманку, пронзается Божествомъ какъ бы крючкомъ уды, вкусивъ безгрѣшнаго и животворящаго Тѣла, погибаетъ и 1097 отдаетъ назадъ всѣхъ, коихъ нѣкогда поглотила. Ибо какъ привнесемъ свѣта уничтожается тѣнь, такъ и тлѣніе натискомъ жизни прогоняется, и для всѣхъ настаетъ жизнь, а для губителя—погибель.

Итакъ, хотя Христосъ и умеръ, какъ человѣкъ, и святая душа Его разлучилась съ пречистымъ тѣломъ, однако же Божество Его осталось неразлучнымъ съ обонми,—я разумѣю какъ душу, такъ и тѣло. И такимъ образомъ одна ипостась не раздѣлилась на двѣ ипостаси, ибо и тѣло, и душа съ самага начала (смерти) равно имѣли бытіе въ ипостаси Слова. Хотя во время смерти душа и тѣло разлучились другъ отъ друга, однако же каждое изъ нихъ сохранилось, имѣя единую ипостась Слова. Поэтому единая ипостась Слова была ипостасью какъ Слова, такъ равно ипостасью и души, и тѣла. Ибо никогда ни душа, ни тѣло не получали ипостаси собственной, помимо ипостаси Слова. Ипостась же Слова всегда едина, и никогда не было двухъ ипостасей Слова. Слѣдовательно, ипостась Христа всегда едина. И хотя душа разлучилась съ тѣломъ по мѣсту, однако же была соединена (съ нимъ) ипостасно чрезъ Слово ¹⁾.

Г л а в а XXVIII.

О тлѣнности и истлѣніи.

Слово—*тлѣнность* имѣетъ два значенія. Прежде всего, оно означаетъ страдательныя состоянія (*πῖθηλ*) человѣка, каковы: 1100 голодь, жажда, утомленіе, прободеніе гвоздями, смерть или разлученіе души съ тѣломъ, и тому подобное. Соотвѣтственно этому значенію слова, мы называемъ тѣло Господа тлѣннымъ, ибо все это Онъ воспринялъ добровольно. Но съ другой стороны, тлѣніе означаетъ также совершенное разложеніе тѣла на стихіи, изъ

¹⁾ Аванасій александр., О воплощеніи. Григорій нисскій, Противъ Евномія, книга I-ая.

коихъ оно составлено, и его разрушеніе. каковое многими лучше называется истлѣніемъ (*διαφθορά*). Этого истлѣнія не испытывало тѣло Господа, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *яко не оставиши душу Мою во адъ, ниже даси Преподобному Твоему видѣти (ὄραίνω) истлѣнія* (Псал. XV, 10).

Итакъ, нечестиво утверждать, согласно съ мнѣніемъ безумнаго Юліана и Гайяна, что тѣло Господа и до воскресенія было нетлѣнно—въ первомъ значеніи слова тлѣніе. Ибо если бы оно было нетлѣнно, то не было бы одинаково съ нашею сущностью, и въ такомъ случаѣ то, о чемъ говоритъ Евангеліе, какъ о совершившемся—алканіе, жажда, гвозди, прободеніе ребра, смерть.—совершилось бы лишь призрачно, а не въ дѣйствительности. Если же (все это) совершилось призрачно, то и тайна домо-строительства нашего спасенія является лишь ложью и представленіемъ на сценѣ, и Господь призрачно, а не по-истинѣ содѣлался человѣкомъ, и мы спасены призрачно, а не дѣйствительно. Но—да не будетъ сего,—и тѣ, которые говорятъ это, да лишатся участія въ спасеніи! Мы же получили истинное спасеніе и получимъ. Соотвѣтственно же второму значенію слова *тлѣніе*, мы исповѣдуемъ, какъ предали намъ богоносные отцы,—что тѣло Господа нетлѣнно, или непстлѣнно. Но мы утверждаемъ также, что послѣ воскресенія Спасителя изъ мертвыхъ тѣло Господа нетлѣнно и въ первомъ значеніи. И нашему тѣлу Господь даровалъ чрезъ Свое тѣло воскресеніе и затѣмъ—нетлѣніе, Самъ сдѣлавшись для насъ Начаткомъ воскресенія, нетлѣнія и безстрастія. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. XV, 53)—говоритъ божественный Апостоль.

1101

Г л а в а XXIX.

О сошествіи во адъ.

Обоженная душа (Христова) нисходитъ во адъ (1 Петр. III, 19)—съ тою цѣлью, чтобы какъ живущимъ на землѣ возсіяло Солнце правды (Малах. IV, 2), такъ и для сѣдящихъ подъ землею *во тмѣ и сѣни смертнѣй возсіялъ свѣтъ* (Ис. IX, 2), чтобы, какъ находящимся на землѣ Господь благовѣствовалъ миръ, *плѣннымъ отпущеніе и слѣплымъ прозрѣніе* (Лк. IV, 18—19; Ис. LXI, слѣд.), и для увѣровавшихъ содѣлался виновникомъ спасенія вѣчнаго, для тѣхъ же, кои не увѣровали, — обличеніемъ невѣрія.—такимъ же образомъ благовѣствовалъ и находившимся во адѣ: *да всяко колѣно поклонится Ему небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ* (Филип. II, 10). Такимъ образомъ, освободивъ тѣхъ, кои отъ вѣка были связаны, Онъ снова возвратился изъ среды мертвыхъ, проложивъ и намъ путь къ воскресенію.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава I.

О томъ, что было послѣ воскресенія.

ПОСЛѢ же воскресенія изъ мертвыхъ Христосъ устранилъ отъ Себя всѣ немощи—разумѣю тѣлѣнность—голодь и жажду, сонъ и утомленіе и т. п. Ибо, если Онъ и вкушалъ пищу послѣ воскресенія, то не въ силу естественной потребности, потому что Онъ не алкалъ, но въ цѣляхъ домостроительства, удостоверяя истинность Своего воскресенія и показывая, что одна и та же плоть пострадавшая и воскресшая. Изъ частей же природы человѣческой Онъ не устранилъ отъ Себя ни одной—ни тѣла, ни души, но имѣетъ какъ тѣло, такъ и душу разумную и мыслящую, желающую и дѣятельную, и такимъ образомъ Онъ возсѣдаетъ одесную Отца, какъ Богъ и человѣкъ желая нашего спасенія,—какъ Богъ осуществляя промышленіе обо всемъ и сохраненіе, и управленіе, и какъ человѣкъ помня о Своихъ занятіяхъ на землѣ, видя и зная, что Ему поклоняется всякая разумная тварь. Ибо Его святая душа знаетъ, что она ипостасно соединена съ Богомъ Словомъ и вмѣстѣ съ Нимъ принимаетъ поклоненіе, какъ душа Бога, а не какъ просто душа. Какъ восшествіе отъ земли на небо, такъ и нисшествіе обратно суть дѣйствія тѣла ограниченнаго, ибо *такжежде придетъ*, сказано, *къ вамъ, и мже образомъ увидите Его идуща на небо* (Дѣян. I. 11)¹⁾.

Глава II.

О сидѣніи одесную Отца.

Говоря, что Христосъ тѣлесно возсѣлъ одесную Бога и Отца, мы разумѣемъ правую сторону Отца не въ смыслѣ пространства.

¹⁾ Григорій Богословъ, посланія къ Клеодію.

Ибо какимъ образомъ Неограниченный можетъ имѣть пространственно правую сторону? Правая и лѣвая стороны суть принадлежность того, что ограничено. Подъ правой стороною Отца мы разумѣемъ славу и честь, въ которой Сынъ Божій, какъ Богъ и единосущный Отцу, пребываетъ прежде вѣковъ и въ которой, воплотившись въ послѣдокъ дней, возсѣдаетъ и тѣлеснымъ образомъ, по прославленіи плоти Его. Ибо Онъ вмѣстѣ съ плотію Своею чествуется единымъ поклоненіемъ отъ всей твари ¹⁾).

1105

Глава III.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ: если Христосъ (имѣетъ) два естества, то вы или служите твари, поклоняясь сотворенному естеству, или признаете одно естество достойнымъ поклоненія, а другое—недостойнымъ его.

Мы поклоняемся Сыну Божію вмѣстѣ съ Отцомъ и Св. Духомъ: безплотному до вочеловѣченія, а нынѣ—Ему же воплотившемуся и сдѣлавшемуся человѣкомъ, не переставая вмѣстѣ съ тѣмъ быть Богомъ. Поэтому плоть Его, если при посредствѣ тонкихъ соображеній отдѣлить видимое отъ постигаемаго умомъ, по самой природѣ своей недостойна поклоненія, какъ сотворенная; но будучи соединена съ Богомъ Словомъ, она черезъ Него и въ Немъ получаетъ поклоненіе. Подобно тому, какъ царь встрѣчаетъ поклоненіе, и радѣтый, равно какъ и одѣтый въ царское одѣяніе, и багряница, какъ простая багряница, можетъ быть попираема ногами и выбрасываема, но, сдѣлавшись царскимъ одѣяніемъ, почитается и уважается, и, если кто непристойно коснется ея, тотъ, по большей части, осуждается на смерть; подобно тому, какъ обыкновенное дерево свободно допускаетъ прикасаться къ себѣ, но, соединившись съ огнемъ и сдѣлавшись углемъ, становится недоступнымъ для прикосновенія не по причинѣ себя самого, но по причинѣ соединеннаго съ нимъ огня, и не естество дерева самого по себѣ недоступно, а уголь или горящее дерево, такъ точно и плоть по существу своему недостойна поклоненія, но становится предметомъ поклоненія въ воплотившемся Богѣ Словѣ, не ради ея самой по себѣ, но ради ипостасно соединеннаго съ нею Бога Слова: и мы не говоримъ, что поклоняемся простой плоти, но плоти Бога или воплотившемуся Богу ²⁾).

¹⁾ Василій Великій, О Святомъ Духѣ, 6.

²⁾ Григорій Богословъ, посланіе къ Клеодію 2-ое.

Г л а в а І V.

Почему вочеловѣчился Сынъ Божій, а не Отець и не Духъ? и чего Онъ достигъ Своимъ вочеловѣченіемъ?

Отець есть Отець, а не Сынъ; Сынъ есть Сынъ, а не Отець; Духъ Святыи естъ Духъ. а не Отець и не Сынъ, ибо (личное) свойство—неизмѣнно. Иначе какимъ образомъ свойство могло бы оставаться въ силѣ. если бы оно было подвижно и измѣняемо? Поэтому Сынъ Божій дѣлаеся Сыномъ человѣческимъ, чтобы (Его личное) свойство сохранялось неизмѣннымъ. Ибо, будучи Сыномъ Божиимъ, Онъ сдѣлался Сыномъ человѣческимъ, воплотившись отъ Святой Дѣвы и не лишившись (своего) сыновняго свойства ¹⁾.

Вочеловѣчился же Сынъ Божій для того. чтобы снова даровать человѣку то, ради чего Онъ сотворилъ его. Ибо Онъ сотворилъ его по образу Своему—разумнымъ и свободнымъ и по подобію, т. е. совершеннымъ въ добродѣтеляхъ (настолько), насколько это доступно человѣческому естеству. Ибо такія совершенства, какъ отсутствіе заботъ и безпокойства, чистота, благость, мудрость, праведность, свобода отъ всякаго порока суть какъ бы черты Божественнаго естества. Итакъ, поставивъ человѣка въ общеніе съ Собою, ибо Онъ создалъ его въ нестлѣніе, Онъ черезъ общеніе съ Собою возвелъ его до нетлѣнія. Послѣ же того, какъ черезъ преступленіе заповѣди мы помрачили и исказили черты образа Божія въ насъ, то мы, сдѣлавшись злыми, лишились общенія съ Богомъ, ибо *кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. VI, 14), и, оказавшись внѣ жизни, подпали тлѣнію смерти. Но такъ какъ Сынъ Божій даровалъ намъ лучшее, а мы не сохранили его, то Онъ принимаетъ (теперь) худшее,—разумѣю, наше естество, для того, чтобы черезъ Себя и въ Себѣ возобновить образъ и подобіе, а также научить насъ добродѣтельной жизни, сдѣлавъ ее черезъ Себя Самого легко доступною для насъ, освободить насъ отъ тлѣнія общеніемъ жизни, сдѣлавшись начаткомъ нашего воскресенія, возобновить сосудъ, сдѣлавшійся негоднымъ и разбитымъ, чтобы избавить отъ тиранніи діавола, призвавши насъ къ боговѣднію, укрѣпить и научить насъ побѣждать тирана терпѣніемъ и смиреніемъ ²⁾.

Итакъ, служеніе демонамъ прекратилось; тварь освящена

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 39.

²⁾ Аванасій александ.. О воплощеніи. Кирилль алекс., Толкованіе на св. Іоанна, кн. 1-ая.

божественною кровью; жертвенники и храмы идоловъ разрушены; насаждено боговѣдѣніе: почитается Троица единосущная, несозданное Божество, единый истинный Богъ, Творецъ всего и Господь; добродѣтели управляютъ; черезъ воскресеніе Христа дарована надежда воскресенія, демоны трепещутъ предъ людьми. нѣкогда находившимися подъ ихъ властью, п. что особенно достойно удивленія, все это совершено черезъ крестъ, страданія и смерть. По всей землѣ проповѣдано евангеліе боговѣдѣнія, обращающее противниковъ въ бѣгство не войной. не оружіемъ и войсками, но немногіе безоружные, нищіе и неученые, гонимые, мучимые, умерщвляемые, проповѣдуя Распятаго плотію и Умершаго, одержали побѣду надъ мудрыми и сильными, ибо имъ сопутствовала всемогущая сила Распятаго. Смерть, нѣкогда весьма страшная, побѣждена и, нѣкогда ужасающая и ненавидимая, теперь предпочитается жизни. Вотъ плоды пришествія Христова. Вотъ доказательства Его могущества! Ибо [здѣсь] не такъ, какъ [нѣкогда] черезъ Моисея спасъ Онъ одинъ народъ изъ Египта и отъ рабства фараона, раздѣливъ море, но, гораздо болѣе того, все человѣчество избавилъ отъ тлѣнія смерти и жестокаго тирана грѣха, не насильно приводя къ добродѣтели, не разверзая земли, не попаляя огнемъ, не повелѣвая побивать грѣшниковъ камнями, но кротостью и долготерпѣніемъ убѣждая людей избирать добродѣтель, для нея подвизаться въ трудахъ и находить въ этомъ усладу. Ибо нѣкогда согрѣшающіе были наказываемы и, несмотря на это, все-таки прилѣплялись ко грѣху, и грѣхъ являлся для нихъ какъ бы богомъ, теперь же люди ради благочестія и добродѣтели предпочитаютъ поношенія, мученія и смерть.

О, Христе, Божіе Слово и мудрость и сила, Боже Вседержителю! Чѣмъ мы, бѣдные, воздадимъ Тебѣ за все это? Ибо все—Твое, и Ты не требуешь отъ насъ ничего, кромѣ нашего спасенія, Самъ даруя и его, и по неизреченной Своей благодати оказывая благоволеніе пріемлющимъ его (спасеніе). Благодареніе Тебѣ, давшему бытіе, даровавшему блаженство и по неизреченному Своему снисхожденію возвратившему къ нему (блаженству) тѣхъ, которые отпали отъ него.

Г л а в а V.

Тѣмъ, которые спрашиваютъ: сотворена ли ипостась Христа, или несотворенна.

Ипостась Бога Слова до воплощенія была проста, несложна, безтѣлесна и несозданна; воплотившись же, Она стала ипостасью

и для плоти и сдѣлалась сложною изъ Божества, которое всегда имѣла, и изъ плоти, которую приняла, и носить (потому) свойства двухъ естествъ, будучи познаваема въ двухъ естествахъ. Такимъ образомъ одна и та же единая ипостась несозданна по Божеству и сотворена по человѣчеству, видима и невидима. Иначе мы—принуждены или раздѣлять единаго Христа, признавая двѣ Ипостаси, или же отрицать различіе естествъ и вочлнть 1112 превращеніе и сляніе.

Г л а в а VI.

О томъ, когда (Господь) былъ названъ Христомъ?

Умъ (Христовъ) соединился съ Богомъ Словоиъ и былъ названъ Христомъ не до воплощенія отъ Дѣвы, какъ ложно говорятъ нѣкоторые. Это нелѣпость странныхъ мнѣній Оригена, учившаго о предсуществованіи душъ. Мы же утверждаемъ, что Сынъ и Слово Божіе сталъ Христомъ съ того времени, какъ вселился въ утробу святой Приснодѣвы и, не измѣнившись, сдѣлался плотью, и плоть была помазана Божествомъ. Ибо это помазаніе есть помазаніе человѣчества, какъ говоритъ Григорій Богословъ. И священнѣйшій Кириллъ александрійскій въ письмѣ къ царю Феодосію сказалъ такъ: „Я утверждаю, что ни Слово, рожденное отъ Бога безъ человѣчества, ни храмъ, рожденный отъ жены, но не соединенный со Словоиъ, не должно называть Иисусомъ Христомъ. Ибо подъ Христомъ разумѣется Слово Божіе, неизреченно сочетанное съ человѣчествомъ путемъ положеннаго въ планахъ домостроительства соединенія“. И къ царицамъ онъ такъ пишетъ: „нѣкоторые говорятъ, что имя Христовъ приличествуетъ даже и одному рожденному отъ Бога Отца Словои. особо и самому по себѣ мыслимому и существующему. Мы же не такъ научены думать и говорить, ибо, когда Слово стало плотью, тогда Оно, говоримъ мы, и было названо Иисусомъ Христомъ. Такъ какъ Оно помазано отъ Бога и Отца елеемъ радости, или Духомъ, то поэтому и называется Христомъ. А что помазаніе было совершено надъ человѣчествомъ, въ этомъ не усумнится никто изъ привыкшихъ правильно думать“. И всехвальныи Аѳанасій въ словѣ о спасительномъ пришествіи (Христовомъ) говоритъ такъ: „Предвѣчный Богъ до пришествія въ плоти не былъ человѣкомъ, но былъ Богомъ у Бога, невидимый и безстрастный. Когда же Онъ сталъ человѣкомъ, то ради плоти усвоается Ему имя Христовъ, потому что этому имени сопуг- 1113 ствуютъ страданіе и смерть“.

Если же божественное Писаніе говорить: „сего ради помазана ты, Боже, Богъ твой елеемъ радости“, то должно знать, что божественное Писаніе часто употребляетъ прошедшее время вмѣсто будущаго, какъ, на примѣръ (здѣсь): „посемъ на земли явится и съ человѣки поживе“. Ибо, когда это было сказано, Богъ еще не явился и не жилъ съ людьми. И еще примѣръ: „на рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ“: но этого тогда (при произнесеніи этихъ словъ) еще не было.

Глава VII.

Къ тѣмъ, которые спрашиваютъ: два ли естества родила Богородица и два ли естества висѣли на крестѣ?

(Слова) ἀγέννητον и γεννητόν, если пишутся съ однимъ ν, относятся къ естеству, что именно обозначаетъ несотворенное и сотворенное; но ἀγέννητον и γεννητόν, что произносятся съ двумя νν, т. е. нерожденное и рожденное, относятся не къ естеству, а къ ипостаси. Итакъ, божественное естество есть ἀγέννητος, т. е. несотворенное, все же (прочее), кромѣ божественнаго естества, есть γεννητός, т. е. сотворенное. Поэтому въ божественномъ и несозданномъ естествѣ созерцаются: нерожденность въ Отцѣ, ибо Онъ не рожденъ, рожденность въ Сынѣ, ибо Онъ отъ вѣчности рожденъ отъ Отца, происхожденіе же въ Духъ Святомъ. Что же касается каждаго вида живыхъ существъ, то первыя изъ нихъ по времени нерожденны, но и не несотворенны, потому что они были произведены Творцомъ, а не родились отъ подобныхъ себѣ. Ибо слово γενεσις означаетъ твореніе, но γέννησις, въ отношеніи къ Богу, означаетъ происхожденіе единосущнаго Сына отъ одного только Отца; въ отношеніи же къ тѣламъ—происхожденіе единосущной ипостаси отъ соединенія мужеского пола съ женскимъ. Отсюда мы познаемъ, что рождать есть свойство не естества, а ипостаси; ибо если-бы это (т. е. рожденіе) было свойствомъ естества, то тогда въ одномъ и томъ же естествѣ не созерцалось бы рожденное и нерожденное. Итакъ, святая Богородица родила ипостась, познаваемую въ двухъ естествахъ, *безлѣтно* рожденную отъ Отца, а въ послѣдокъ дній, въ (опредѣленное) время воплотившуюся отъ Нея и родившуюся во плоти.

1116

Если же спрашивающіе насъ станутъ намекать на то, что родившійся отъ святой Дѣвы (имѣеть въ Себѣ) два естества, то мы скажемъ: да, два естества, ибо Онъ есть Богъ и человѣкъ. Подобнымъ же образомъ должно сказать и о распятіи, и о воскресеніи, и о вознесеніи, ибо все это относится къ естеству, а

не къ ипостаси. Итакъ, Христось. будучи въ двухъ естествахъ, пострадалъ и былъ распятъ въ томъ ествѣ, которое было способно къ страданію; ибо Онъ висѣлъ на крестѣ плотію, а не Божествомъ. Въ противномъ случаѣ отвѣтятъ ли они намъ, если мы спросимъ: два-ли естества умерли? Нѣтъ, скажутъ они. Слѣдовательно, скажемъ мы, не два естества и были распяты, по родился Христось, т. е. вочеловѣчившееся Божественное Слово, родился плотію, распятъ былъ плотію, пострадалъ плотію, умеръ плотію, въ то время какъ Божество Его осталось безстрастнымъ.

Г л а в а VIII.

Въ какомъ смыслѣ Единородный Сынъ Божій называется Первороднымъ?

Первородный есть тотъ, кто родился первымъ: или единородный, или старшій изъ другихъ братьевъ. Итакъ, если бы Сынъ Божій назывался (только) первороднымъ, а единороднымъ не назывался, то мы могли бы подозрѣвать, что Онъ есть первородный изъ тварей, какъ бы будучи (самъ) тварью. А такъ какъ Онъ называется и первороднымъ и единороднымъ, то въ отношеніи къ Нему должно сохранить оба эти понятія.

Мы называемъ Его „перворожденнымъ всея твари“, такъ какъ и Онъ отъ Бога, и тварь отъ Бога, но только Онъ одинъ безлѣтно рожденъ изъ сущности Бога и Отца, поэтому справедливо называть Его Сыномъ Единороднымъ, Перворожденнымъ, но не первосозданнымъ. Ибо тварь не изъ сущности Отца, но по волѣ Его приведена изъ небытія въ бытіе. „Первороднымъ во многихъ братіяхъ“ (Рим. VIII, 29) онъ называется потому, что будучи Единороднымъ и по Матери, ибо Онъ пріобщился подобно намъ плоти и крови, Онъ сдѣлался человѣкомъ, а черезъ Него и мы сдѣлались сынами Божіими. будучи усыновлены черезъ крещеніе. Онъ Самъ по природѣ—Сынъ Божій, сдѣлался первороднымъ между нами, ставшими сынами Божіими по усыновленію и благодати и именуемыми братьями Его. Посему Онъ говорилъ: „восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему“; не сказалъ „къ Отцу нашему“, но къ „Отцу Моему“, сообразно со (своей) природой, и къ Отцу вашему—по благодати. И „Богу моему и Богу вашему“, не сказалъ, „Богу нашему“, но „Богу моему“, если ты при посредствѣ тонкихъ соображеній отдѣлишь видимое отъ постигаемаго умомъ, и „Богу вашему“, какъ Творцу и Господу ¹⁾.

1117

¹⁾ Григорій Нисскій, Противъ Евномія, кн. 3-ья.

Г л а в а IX.

О вѣрѣ и крещеніи.

Мы исповѣдуемъ *единос крещеніе во оставленіе грѣховъ* (Рим. VI, 4), и въ жизнь вѣчную. Ибо крещеніе знаменуетъ смерть Господа. *Черезъ крещеніе мы спогребаемся* Господу (Кол. II, 12), какъ говорить божественный Апостоль. Слѣдовательно, подобно тому, какъ однажды совершилась смерть Господа, такъ и креститься должно однажды: креститься по слову Господа,—*во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. XXVIII, 19), научаясь этимъ исповѣданію Отца и Сына, и Святаго Духа. Поэтому тѣ, которые, будучи крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа и научены исповѣдывать одно Божіе естество въ трехъ ипостасяхъ. потомъ перекрещиваются. снова распинаютъ Христа, какъ говоритъ божественный Апостоль.

Невозможно бо просвѣщенныя единою и проч. наки обновляти въ покаяніе, второе распинающия себѣ Христа и обличающия. (Евр. VI, 4—6). Тѣмъ же, которые крещены не во Святую Троицу, должно снова перекрещиваться. Ибо, хотя божественный Апостоль и говоритъ, что мы *во Христа и въ смерть Его крестихомся*, (Рим. VI, 3) однако же разумѣетъ здѣсь не то, что таково именно должно быть призываніе при крещеніи, но то, что крещеніе есть образъ смерти Христовой. Ибо троекратнымъ погруженіемъ крещеніе знаменуетъ три дня гроба Господня. Итакъ, быть крещенымъ во Христа значить креститься, вѣруя въ Него. Но увѣрывать во Христа невозможно, не научившись исповѣданію Отца и Сына, и Святаго Духа. Ибо Христосъ есть *Сынъ Бога живаго*, Котораго Отець помазалъ Духомъ Святымъ, какъ говоритъ божественный Давидъ: *сего ради помаза тя, Боже. Богъ твой елеемъ радости наче причастникъ твоихъ* (Пс. XLIV, 8). И Исаія отъ лица Господа говоритъ: *Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза Мя* (Ис. LXI, 1). И Господь, уча своихъ учениковъ призыванію, говорилъ: *крестяще ься во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѣ. XXVIII, 19). Ибо, такъ какъ Богъ создалъ насъ *въ неистлѣніе*,—а когда мы преступили спасительную заповѣдь. осудилъ на тлѣніе смерти, чтобы зло не было безсмертнымъ, то, снизойдя къ рабамъ своимъ. какъ *благотробный*. и сдѣлавшись подобнымъ намъ, Онъ Своимъ страданіемъ избавилъ насъ отъ тлѣнія; изъ святого и непорочнаго ребра Своего извелъ намъ источникъ отпущенія: воду для нашего возрожденія и омытія отъ грѣха и тлѣнія, кровь же, какъ питье, дающее вѣчную жизнь. И Онъ далъ намъ заповѣди—возрождаться водою и Духомъ при наитіи на воду Святаго Духа

черезъ молитву и призываніе. Ибо, такъ какъ человѣкъ—двусоставенъ—изъ души и тѣла, то Онъ далъ и двоякое очищеніе,—водою и Духомъ;—Духомъ, возобновляющимъ въ насъ образъ и подобіе, водою, очищающею черезъ благодать Духа тѣло отъ грѣха и избавляющею отъ тлѣнія; водою, представляющею образъ смерти, Духомъ же, подающимъ залогъ жизни ¹⁾).

Ибо еще въ началѣ *Духъ Божій помышяся верху воды* (Быт. I, 2); и Писаніе издревле свидѣтельствуеть о водѣ, что она имѣеть очистительную силу. Водою при Ноѣ Богъ омылъ міровой грѣхъ.

Водою очищался по закону всякій нечистый и даже такъ, что и самыя одежды его омывались водою. Илія, попавивъ водою жертву всесожженія, показалъ благодать Духа, соединившуюся съ водою. И почти все по закону очищается водою. Но видимое служитъ символомъ умопостигаемаго.

Такъ возрожденіе совершается въ душѣ, ибо вѣра съ помощью Духа усыновляетъ насъ Богу, хотя мы и—твари, и приводитъ къ первобытному блаженству.

Оставленіе грѣховъ черезъ крещеніе дается, такимъ образомъ, всѣмъ равно, но благодать Духа—по мѣрѣ вѣры и предварительнаго очищенія. Итакъ, теперь черезъ крещеніе мы получаемъ начатокъ Духа Святаго, и возрожденіе дѣлается для насъ началомъ другой жизни, печатью, охраною и просвѣщеніемъ.

Но мы должны всею силою твердо хранить себя чистыми отъ скверныхъ дѣлъ. чтобы, снова возвратившись подобно псу на свою блевотину, намъ опять не сдѣлать себя рабами грѣха (II Петр. II, 22). Ибо вѣра безъ дѣлъ—мертва, равно какъ и дѣла—безъ вѣры; истинная вѣра показывается черезъ дѣла.

Крестимся же во Святую Троицу потому, что самое крещаемое имѣеть нужду въ Святой Троицѣ какъ для своего бытія, такъ и для своего сохраненія, и невозможно, чтобы три Ипостаси не пребывали вмѣстѣ одна въ другой, ибо Святая Троица нераздѣльна ²⁾).

Первое крещеніе было крещеніе потопомъ для истребленія грѣха. Второе—крещеніе моремъ и облакомъ, ибо облако—символь Духа, а море—воды. Третье—крещеніе по закону (Моисееву), ибо всякій нечистый омывался водою, вымывалъ одежды и такимъ образомъ входилъ въ станъ.

Четвертое—крещеніе Іоанново, бывшее предуготовительнымъ и приводившее крещаемыхъ къ покаянію, чтобы они увѣровали во Христа. *Азъ убо крещаяю вы, говоритъ онъ, водою; грядый же по мнѣ,*

¹⁾ Григорій Богословъ, 1-е посланіе къ Клеодію. Василій Вел., О крещеніи I, 12.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 40

той вы, говоритъ онъ, крестить *Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мч. III. 11). Итакъ, Иоаннъ водою предпочиталъ къ принятію Духа.

Пятое крещеніе Господне, которымъ Онъ Самъ крестился. Онъ же крестился не потому, чтобы Самъ имѣлъ нужду въ очищеніи, но для того, чтобы, усвоивши Себѣ мое очищеніе, *сокрушить въ водѣ главы змиевъ* (Пс. СХІІІ, 3), потопить грѣхъ и погребсти въ водѣ всего ветхаго Адама, освятить крестителя, исполнить законъ, открыть таинство Троицы, сдѣлаться для насъ образомъ и примѣромъ крещенія. И мы крещаемся совершеннымъ крещеніемъ Господнимъ, т. е. водою и Духомъ.

Далѣе, говорится еще, что Христосъ крестить огнемъ; ибо Онъ излилъ на святыхъ Апостоловъ благодать Духа въ видѣ огненныхъ языковъ, какъ говоритъ (объ этомъ) Самъ Господь, что *Иоаннъ убо крестить есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ и огнемъ не по мнозству сихъ днехъ* (Дѣян. 1, 5); или же по причинѣ крещенія, наказывающаго будущимъ огнемъ.

Шестое—есть крещеніе черезъ покаяніе и слезы, поистиннѣ многотрудное. Седьмое есть крещеніе кровью и мученичествомъ, какимъ ради насъ крестился и Самъ Христосъ,—какъ самое славное и блаженное, которое не оскверняется послѣдующими сквернами.

1125 Восьмое и послѣднее—не спасительное, но истребляющее порокъ, ибо послѣ него порокъ и грѣхъ не будутъ уже имѣть силы, и наказывающее безконечно.

Духъ Святой сошелъ на Господа въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь, показывая тѣмъ начатокъ нашего крещенія и почитая тѣло (Христово) ибо и оно, т. е. тѣло, вслѣдствіе обоженія стало Богомъ. Притомъ еще въ древности голубь благовѣствовалъ прекращеніе потопа. На святыхъ же апостоловъ Духъ нисходитъ въ видѣ огня, ибо Онъ есть Богъ, а Богъ *огнь поядаяй ест* (Евр. XII, 21).

При крещеніи берется елей, обозначающій наше помазаніе и дѣлающій насъ помазанными и возвыщающій намъ милость Божію черезъ Святаго Духа, такъ какъ и голубь принесъ масличную вѣтвь спасшимся отъ потопа.

Иоаннъ крестился возложеніемъ руки на Божественную Главу Господа и собственною кровію.

Не должно откладывать крещенія, когда вѣра приступающихъ къ нему засвидѣтельствована дѣлами. Ибо тотъ, кто съ лукавствомъ приступаетъ ко крещенію, скорѣе будетъ осужденъ, нежели получитъ пользу ¹⁾.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 40.

Г л а в а X.

О вѣрѣ.

Вѣра—двойка. Есть *вѣра отъ слуха* (Рим. X, 17). Слушая божественныя Писанія, мы вѣримъ ученію Св. Духа. Эта вѣра 1128 приходитъ въ совершенство черезъ все то, что узаконено Христомъ, (т. е.) когда мы вѣруемъ на дѣлѣ, живемъ благочестиво и соблюдаемъ заповѣди Обновившаго насъ. Ибо кто не вѣруетъ согласно съ преданіемъ католической церкви или черезъ худыя дѣла входитъ въ общеніе съ діаволомъ, тотъ—невѣрный.

Съ другой стороны, есть еще *вѣра уповаемыхъ извѣщенге, вещей обличеніе невидимыхъ* (Евр. XI, 1) или [другими словами] твердая и несомнѣнная надежда на Божіи обѣтованія намъ и на успѣхъ нашихъ прошеній. Первая вѣра есть результатъ нашего [свободнаго] расположенія, вторая же есть одинъ изъ благодатныхъ даровъ Духа. Должно же знать, что черезъ крещеніе мы совлекаемъ все покрывало, лежащее на насъ отъ рожденія, и принимаемъ названіе духовныхъ израильтянъ и народа Божія.

Г л а в а XI.

О крестѣ и еще о вѣрѣ.

Слово крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть (1 Кор. I, 18). *Ибо духовный востязуетъ вся: душевенъ же человекъ не пріемлетъ яже Духа* (1 Кор. II, 15). Ибо оно есть безуміе для тѣхъ, которые не съ вѣрою принимаютъ и не съ вѣрою размышляютъ о благодати и всемогуществѣ Божіемъ, но изслѣдуютъ божественное при помощи человѣческихъ и естественныхъ разсужденій. Все же относящееся къ Богу выше естества, слова и разумнія. Ибо если кто станетъ разсуждать, какимъ образомъ Богъ вывелъ все изъ небытія въ бытіе и ради чего, и захочетъ постигнуть это при помощи естественныхъ разсужденій, тотъ не постигнетъ. Такое знаніе—*душевное* и бѣсовское. Если же кто, руководствуясь вѣрою, станетъ размышлять о благодати, всемогуществѣ, истинѣ, мудрости и праведности Божіихъ, тотъ найдетъ все гладкимъ и ровнымъ и путь—прямымъ. Ибо безъ вѣры невозможно спастись. На вѣрѣ основывается все, какъ человѣческое, такъ и духовное. Ибо безъ вѣры и земледѣлецъ не проводитъ борозды земли, и купецъ не ввѣряетъ души своей малому древу на бурной глубинѣ моря; безъ вѣры и браки не заключаются, и ничего другого въ жизни не пред-

принимается. Вѣрою уразумѣваемъ, что все приведено изъ небытія въ бытіе силою Божіею; вѣрою совершаемъ всѣ, какъ божескія, такъ и человѣческія дѣла. Вѣра, далѣе, есть согласіе, безъ всякой придирчивой пытливости.

1129 Всякое дѣяніе и чудотвореніе Христово, конечно, весьма велико, божественно и удивительно, но удивительнѣе всего—честный крестъ Его. Ибо не пнымъ чѣмъ, какъ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа упразднена смерть, разрѣшенъ прародительскій грѣхъ, адъ лишенъ своей добычи, даровано воскресеніе; намъ дана сила презирать настоящее и даже самую смерть, устроено возвращеніе къ первоначальному блаженству, открыты врата рая, естество наше возсѣло одесную Бога; и мы сдѣлались чадами Божіими и наслѣдниками. Все это совершено крестомъ. *Елицы бо во Христа крестихомся*, говоритъ апостоль, *въ смерть Его крестихомся* (Рим. VI, 3). *Елицы же во Христа крестихомся, во Христа облекохомся* (Гал. III, 27). *Христосъ же есть Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I, 24). Такимъ образомъ смерть Христа или крестъ облекъ насъ въ ипостасную Божію мудрость и силу. Сила же Божія есть *слово крестное*, или потому, что черезъ него открылось намъ могущество Божіе, т. е. побѣда надъ смертію, или потому, что какъ четыре конца креста держатся и соединяются его средоточіемъ, такъ и силою Божіею держится высота и глубина, длина и широта, т. е. вся видимая и невидимая тварь.

Крестъ данъ намъ въ качествѣ знаменія на челгѣ, какъ обрѣзаніе—Израилю; ибо черезъ него мы вѣрные различаемся и распознаемъ отъ невѣрныхъ. Онъ есть щитъ и оружіе, и памятникъ побѣды надъ діаволомъ. Онъ есть печать для того, чтобы не коснулся насъ *Ангель погубляющій* (Исх. XII, 23), какъ говоритъ Писаніе. Онъ есть для лежащихъ возстаніе, для стоящихъ утвержденіе, для немощныхъ опора, для пасомыхъ жезлъ, для обращающихся руководство, для преуспѣвающихъ приведеніе къ совершенству, спасеніе души и тѣла, отраженіе всякихъ золь, виновникъ всякихъ благъ, истребленіе грѣха, растеніе воскресенія, древо жизни вѣчной.

1132 Итакъ, должно поклоняться самому этому досточтимому и поистинѣ драгоцѣнному древу, на которомъ Христосъ принесъ Себя въ жертву за насъ, какъ освященному прикосновеніемъ святаго тѣла и крови, точно также—и гвоздямъ, копью, одеждамъ и священнымъ Его обиталищамъ, каковы:—ясли, вертепъ, Голгофа, спасительный животворящій гробъ, Сіонъ — твердыня Церквей и т. п., какъ говоритъ богоотецъ Давидъ: *внидемъ въ селенія Его, поклонимся на мѣсто, идѣже стоятъ нозѣ Его* (Пс.

СXXXI, 7). А что Давидъ разумѣть здѣсь крестъ, показываетъ слѣдующее: *возкреси, Господи, въ покой твой* (ст. 6). Ибо за крестомъ слѣдуетъ воскресеніе. Если же возжелѣнны для насъ домъ, ложе и одежда любимыхъ нами, то насколько болѣе должно быть возжелѣннымъ то, что принадлежитъ Богу и Спасителю и черезъ посредство чего мы спасены? Мы поклоняемся также и изображенію честного и животворящаго креста, изъ какого бы вещества оно ни было сдѣлано, почитая не вещество (да не будетъ такъ!), а изображеніе, какъ символъ Христа. Ибо Онъ, дѣлая завѣщаніе своимъ ученикамъ, сказалъ: *Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси* (Мѣ. XXIV, 30), разумѣя крестъ, поэтому и ангель, вѣстникъ воскресенія, говорилъ женамъ: *Иисуса ищете Назарянина, распятаго* (Марк. XVI, 6). И апостолъ сказалъ: *мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. I, 23). Хотя много—Христовъ и Іисусовъ, но распятый—одинъ. Апостолъ не сказалъ *прободеннаго копьемъ*, но: *распята*. Итакъ, должно поклоняться знаменію Христа, ибо гдѣ—знаменіе, тамъ и Самъ Христосъ будетъ. Веществу же, изъ котораго состоитъ изображеніе креста, — будетъ ли то золото, или драгоценные камни, — послѣ разрушенія, если бы случилось, изображенія, не должно поклоняться. Итакъ, мы поклоняемся всему тому, что принадлежитъ Богу, относя почтеніе къ Нему Самому.

Этотъ честной крестъ прообразовало древо жизни, насажденное Богомъ въ рай. Ибо, такъ какъ черезъ древо вошла смерть (Быт. II, 3), то надлежало, чтобы черезъ древо были дарованы жизнь и воскресеніе. Іаковъ, поклонившись на конецъ жезла Іосифова (Быт. XLVII, 31), первый изобразилъ крестъ, и благословивши своихъ сыновей *тремянными* руками (Быт. XLVIII, 14), весьма ясно начерталъ знаменіе креста. То же прообразовали: жезлъ Моисея, крестообразно поразившій море и спасшій Израиля, фараона же потопившій (Исх. XIV, 16); руки, крестовидно простираемая и обращающія въ бѣгство Амалика (Исх. XVII, 11); горькая вода, услажденная деревомъ (Исх. XV, 25); скала, разсѣкаемая (жезломъ) и источающая воду (Исх. XVII, 6); жезлъ, приобретающій Аарону достоинство священноначалія (Числ. XVII, 8—9); змій, вознесенный на деревъ въ видѣ трофея, какъ будто уже умерщвленный (Числ. XXI, 9), въ то время, какъ древо спасало тѣхъ, которые съ вѣрою взирали на мертваго врага, подобно тому, какъ Христосъ плотію, не звавшею грѣха, былъ пригвожденъ за грѣхъ. И великій Моисей (говорить) взывая: *узрите животь вашъ висящъ на деревъ предъ очима вашима* (Второз. XXVIII, 66). И Псаія говоритъ: *прострохъ рущь Мои весь день къ людемъ непокоряющимся и противузлаголющимъ*

(Исаиі LХV, 2). О, если-бы мы, поклоняющіеся кресту, получили удѣлъ съ распятымъ Христомъ! Аминь.

Г л а в а XII.

О поклоненіи на востокъ.

Мы поклоняемся на востокъ не просто и не случайно. Но такъ какъ мы состоимъ изъ видимаго и невидимаго, т. е. духовнаго и чувственнаго естества, то приносимъ Творцу и двоякое поклоненіе, подобно тому какъ, (напримѣръ), поемъ и умомя, и тѣлесными устами, крещаемся водою и Духомъ и двоякимъ образомъ соединяемся съ Господомъ, приобщаясь таинствъ и благодати Духа.

Итакъ, такъ какъ Богъ есть духовный *свѣтъ* (1 Іоан. I, 5) и Христосъ въ Писаніи называется *Солнцемъ правды* (Мал. IV, 2) и *Востокомъ* (Зах. III, 8), то и должно посвятить для поклоненія Ему востокъ. Ибо все прекрасное должно посвящать Богу, отъ Котораго щедро изливается всякое благо. И божественный Давидъ говоритъ: *Царства земная пойте Богу, воспойте Господеву, возшедшему на небо небесе на востоки* (Пс. LХVII, 33—34). И еще 1136 Писаніе говоритъ: *насади Богъ рай во Едемъ на восточѣхъ и введе тамо чловѣка, егоже созда* (Быт. II, 8), (и) его согрѣшившаго изгналъ *и всели прямо рая сладости* (Быт. III, 25), безъ сомнѣнія, на западѣ. Итакъ, отыскивая древнее (наше) отечество и устремляя къ нему взоры, мы поклоняемся Богу. И скинія Моисеева имѣла завѣсу и чистилище на востокъ; и колѣно Іудино, какъ имѣвшее предпочтеніе предъ другими, располагалось на востокъ; и въ знаменитомъ храмѣ соломоновомъ врата Господни находились на востокѣ. Но и Господь распятый взиралъ на западъ, и такимъ образомъ мы поклоняемся, устремляя къ Нему взоры. И восходя (на небо), Онъ возносился къ востоку, и такъ Ему поклонились апостолы, и Онъ *такжежде придетъ, имже образомъ видѣли Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11), какъ сказалъ и Самъ Господь: *Якоже молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ и пришествіе Сына чловѣческаго* (Матѣ. XXIV, 27). Итакъ, ожидая Его пришествія, мы кланяемся на востокъ. Таково же и незаписанное преданіе апостоловъ. Ибо они многое передали намъ безъ писанія ¹⁾.

¹⁾ Василій Великій. О Святомъ Духѣ, гл. 27.

Глава XIII.

О святыхъ и пречистыхъ таинствахъ Господнихъ.

Благой, всеблагой и преблагой Богъ, будучи весь благодать, по безмѣрному богатству Своей благодати, не потерпѣлъ, чтобы благо, т. е. естество Его, пребывало одно, и никто не былъ бы причастнымъ ему, но ради этого сотворилъ, во-первыхъ, одаренныя разумомъ небесныя силы, потомъ видимый и чувственный мѣръ и, наконецъ, человѣка, состоящаго изъ разумнаго и чувственнаго естества. Итакъ, все сотворенное Имъ по самому бытію участвуетъ въ Его благодати. Ибо Онъ Самъ есть бытіе для всего, такъ какъ все сущее существуетъ въ Немъ (Рим. XI, 36) не только потому, что Онъ привелъ его изъ небытія въ бытіе, но и потому, что сила Его сохраняетъ и содержитъ все созданное Имъ: въ особенности же участвуютъ въ Его благодати живыя существа какъ по бытію, такъ и по причастію жизни, а еще болѣе этого—существа разумныя не только по причинѣ вышесказаннаго, но и потому, что они—разумны, ибо они нѣсколько ближе къ Нему, хотя Онъ несравненно выше всего ¹⁾).

1137

Человѣкъ, будучи разумнымъ и свободнымъ, получилъ право непрестанно быть въ единеніи съ Богомъ черезъ свое собственное произволеніе, если пребудетъ въ добрѣ, т. е. въ послушаніи Создателю. Но такъ какъ онъ преступилъ заповѣдь Создавшаго его и подпалъ смерти и тлѣнію, то Творецъ и Создатель рода нашего, по благоутробію Своему, уподобился намъ, сдѣлавшись человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха, и соединился съ нашимъ естествомъ. Ибо, такъ какъ Онъ удѣлилъ намъ Свой собственный образъ и Свое собственное дыханіе, но мы не сохранили (этого), то Онъ принимаетъ на Себя наше бѣдное и немощное естество для того, чтобы очистить насъ, избавить отъ тлѣнія и опять сдѣлать причастниками Его божества.

Но надлежало, чтобы не только начатокъ нашего естества сдѣлался причастнымъ лучшаго, но и всякій желающій того человѣкъ—и родился вторымъ рожденіемъ, и питался новою пищею, сообразною съ рожденіемъ, и такимъ образомъ приходилъ въ мѣру совершенства. Поэтому Господь своимъ рожденіемъ или воплощеніемъ, крещеніемъ, страданіемъ и воскресеніемъ освободилъ (наше) естество отъ прародительскаго грѣха, отъ смерти и тлѣнія, сдѣлался Начаткомъ воскресенія и въ Себѣ Самомъ показалъ путь, образъ и примѣръ, чтобы и мы, слѣдуя по сто-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 45. Діонисій Ареопа., Объ именахъ Божіихъ, 3.

памъ Его, сдѣлались по усыновленію тѣмъ, что Онъ есть по естеству, (т. е.) сынами и сопаслѣдниками Божиими и сопаслѣдниками Его. Итакъ, Онъ далъ намъ, какъ я сказалъ, второе рожденіе для того, чтобы мы подобно тому, какъ родившись отъ Адама, уподобились ему, унаслѣдовавши проклятіе и тлѣніе, такъ и родившись отъ Него, уподобились Ему и унаслѣдовали нетлѣніе, благословеніе и славу Его.

Но такъ какъ этотъ Адамъ—духовенъ, то надлежало, чтобы и рожденіе было духовно, равно какъ и пища. А такъ какъ мы (по естеству) двойственны и сложны, то должно, чтобы и рожденіе было двоякимъ, равно какъ и пища—сложною. Поэтому-то намъ дано рожденіе водою и Духомъ;—я говорю о святомъ крещеніи, а пища—Самъ *хлѣбъ жизни* Господь нашъ Иисусъ Христосъ, *сшедшій съ небесъ* (Іоан. VI, 35, 4). Ибо Онъ, готовясь
1140 принять за насъ добровольную смерть, въ ту ночь, въ которую *предавалъ* Себя, завѣщалъ Новый Завѣтъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ, а черезъ нихъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него.

Въ горницѣ святого и славнаго Сіона, вкушивши со своими учениками ветхозавѣтную пасху и исполнивъ Ветхій Завѣтъ, Онъ умылъ ноги ученикамъ, показывая (этимъ) символъ святого крещенія: потомъ, преломивъ хлѣбъ, далъ имъ, говоря: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ* (Мѣ. XXVI, 21). Подобнымъ же образомъ, взявши и чашу съ виномъ и водою, передалъ имъ, говоря: *пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя Новаго Завѣта, яже за вы изливаемая во оставленіе грѣховъ; сіе творите въ мое воспоминаніе* (Мѣ. XXVI, 27—28). *Если жды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Сына человѣческаго возвѣщаете и воскресеніе Его исповѣдуете, дондеже пріидетъ.* (1 Кор. XI, 25—26) ¹⁾.

Итакъ, если Слово Божіе—живо и дѣйственно (Евр. IV, 12) и *вся, елика восхотѣ Господь, сотвори* (Пс. CXXXIV, 6); если Онъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть, да будетъ твердь, и бысть* (Быт. I, 3, 6); если словомъ Господнимъ *небеса утвердишася и доломъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. XXXII, 6); если небо и земля, огонь и воздухъ и *все украшеніе ихъ* совершены словомъ Господнимъ, а также и это благороднѣйшее живое существо—человѣкъ: если Самъ Богъ Слово, восхотѣвъ, сдѣлался человѣкомъ и изъ чистыхъ и непорочныхъ кровей святой Приснодѣвы безсѣменно составилъ Себѣ плоть, то ужели Онъ не можетъ сдѣлать хлѣбъ Своимъ тѣломъ, а вино и воду—Своею кровью? Онъ сказалъ въ

¹⁾ Іоаннъ Златоустъ, Бесѣда LXXXIII на евангеліе Маттея.

началь: да произведеть земля бытіе травное (Быт. I, 11), и даже доннѣ она, по орошеніи дождемъ, производитъ свои прозябенія, возбуждаемая и укрѣпляемая божественнымъ повелѣніемъ. (Такъ и здѣсь) Богъ сказалъ: *сіе есть тѣло мое: и сіе есть кровь моя; и сіе творите въ мое воспоминаіе;* и по Его всеильному повелѣнію бываетъ такъ (и будетъ), пока Онъ придетъ, ибо такъ сказано: *дондеже пріидеть* (I Кор. XI, 26); и черезъ призваніе является дождь для этого новаго земледѣлія.—осѣняющая сила 1141
Св. Духа. Ибо, какъ Богъ все, что Онъ сотворилъ, сотворилъ дѣйствіемъ Святаго Духа, такъ и нынѣ дѣйствіе Духа совершаетъ то, что превышаетъ естество и чего не можетъ вмѣстить ничто, кромѣ одной только вѣры. *Како будетъ сіе,* говоритъ святая Дѣва. *иджеже мужа не знаю* (Лук. I, 34). Архангель Гавріилъ отвѣчаетъ: *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. I, 35). И ты теперь спрашиваешь, какимъ образомъ хлѣбъ дѣлается тѣломъ Христовымъ, а вино и вода—кровію Христовою? Говорю тебѣ и я: Духъ Святой нисходитъ и совершаетъ это, что выше разума и мысли ¹⁾.

Хлѣбъ же и вино берутся потому, что Богъ знаетъ чело-
вѣческую немощь, которая съ неудовольствіемъ отвращается отъ многого, что совершается несогласно съ обычаемъ. Поэтому, по обычному Своему снисхожденію къ намъ, Онъ черезъ обычное по естеству совершаетъ то, что выше естества. И подобно тому, какъ при крещеніи.— такъ какъ у людей обыкновенно принято мыться водою и намазываться елеемъ,—Богъ съ елеемъ и водою сочеталъ благодать Духа и сдѣлалъ крещеніе *банею пакибытія*, такъ и здѣсь, такъ какъ люди обыкновенно употребляютъ въ пищу хлѣбъ, а пьютъ воду и вино, — Онъ сочеталъ съ этими веществами свое Божество и сдѣлалъ ихъ Своими тѣломъ и кровью для того, чтобы мы чрезъ обыкновенное и естественное приобщились тому, что выше естества ²⁾. 1144

Тѣло воистину объединяется съ Божествомъ, тѣло, (ропшшееся) отъ святой Дѣвы, но (объединяется) не (такъ), что вознесшееся тѣло нисходитъ съ неба, а (такъ), что самый хлѣбъ и вино предлагаются въ тѣло и кровь Божію. Если же ты доиски-
ваешься способа, какъ (именно) это дѣлается, то тебѣ достаточно услышать, что—съ помощью Св. Духа, подобно тому, какъ Господь, при содѣйствіи Св. Духа составилъ Себѣ и въ Себѣ, плоть отъ святой Богородицы. Болѣе мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что Слово Божіе истинно, дѣйственно и всемогуще, а способъ 1145

¹⁾ Василій Великій. О Св. Духъ, 27.

²⁾ Григорій нисскій, Большое огласительное слово, 37.

(преложенія) неизслѣдимъ. Можно сказать еще и такъ, что подобно тому, какъ хлѣбъ черезъ яденіе и вино, и вода черезъ питье естественнымъ образомъ прелагаются въ тѣло и кровь ядущаго и пьющаго и не дѣлаются другимъ тѣломъ, по сравненію съ прежнимъ его тѣломъ, такъ и хлѣбъ предложенія, вино и вода черезъ призваніе и наитіе Св. Духа сверхъестественно претворяются въ тѣло Христово и кровь и суть не два, но единое и то же самое.

1148 Поэтому для принимающихъ (причастіе) съ вѣрою достойно оно служитъ *во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную* и въ соблюденіе души и тѣла; а для причащающихся съ невѣріемъ недостойно—въ наказаніе и кару, подобно тому, какъ и смерть Господня для вѣрующихъ сдѣлалась жизнью и нетлѣніемъ для наслажденія вѣчнымъ блаженствомъ; для невѣрующихъ же и убійць Господа (она послужила) къ наказанію и вѣчной карѣ.

1149 Хлѣбъ и вино суть не образъ тѣла и крови Христовой (да не будетъ!), но само обожествленное тѣло Господа, такъ какъ Самъ Господь сказалъ: *сіе есть не образъ тѣла, но тѣло мое, и не образъ крови, но кровь моя. И прежде этого Онъ говорилъ іудеямъ: еще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ Себѣ. Плоть моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. И еще: ядый Мя, живъ будетъ.* (Іоан. VI, 53, 55. 57).

Поэтому будемъ приступать со всякимъ страхомъ, чистою совѣстью и несомнѣнной вѣрой,—и непременно будетъ намъ (такъ), какъ вѣруемъ, не сомнѣваясь. Почтимъ таинство всякой чистотой душевною и тѣлесною, ибо оно двояко. Будемъ приступать къ нему съ пламеннымъ желаніемъ и, сложивъ крестообразно руки, принимать тѣло Распятаго; устремивъ глаза, уста и чело, причастимся божественнаго угля, чтобы огонь находящейся въ насъ любви, воспламененный этимъ углемъ, сжегъ наши грѣхи и освѣтилъ наши сердца и чтобы мы приобщеніемъ божественнаго огня воспламенились и были обожествлены. Угль (пылающій) видѣлъ Исаія; но угль—не простое дерево, а соединенное съ огнемъ, такъ и хлѣбъ общенія не простой хлѣбъ, но соединенный съ Божествомъ; тѣло же, соединенное съ Божествомъ, есть не одно естество; но одно—естество тѣла, другое—естество соединеннаго съ нимъ Божества; такъ что то и другое вмѣстѣ не одно естество, но два ¹⁾).

Мелхиседекъ, священникъ Бога Вышняго, съ хлѣбомъ и виномъ встрѣтилъ Авраама, возвращавшагося послѣ пораженія

¹⁾ Иоаннъ Златоустъ, Бесѣда III-ья на посланіе къ Ефесянамъ.

иноплеменниковъ; та трапеза прообразовала эту таинственную трапезу, равно какъ и тотъ священникъ былъ образомъ и подобіемъ истиннаго первосвященника Христа: ибо сказано: *ты еси іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Ис. СІХ, 4). Этотъ хлѣбъ изображали (также) хлѣбы предложенія. Это есть чистая и безкровная жертва, которую, какъ сказалъ Господь черезъ пророка, приносятъ Ему *отъ востокъ солнца до западъ* (Мал. I. 10). Тѣло и кровь Христовы входятъ въ составъ нашей души и тѣла, не истощаясь, не истлѣвая и не извергаясь вонъ (да не будетъ!), но (входятъ) въ нашу сущность для охраны, отраженія (отъ насъ) всякаго вреда, очищенія всякой скверны; если находятъ (въ насъ) поддѣльное золото, то очищаютъ (его) огнемъ суда, *да не съ міромъ осудимся* въ будущемъ вѣкѣ. Очищаютъ же болѣзнями и всякаго рода бѣдствіями, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *аще бы быхомъ себѣ разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 31—32). И вотъ что значить, что онъ говоритъ: причащающійся тѣла и крови Господней *недостойнъ судъ себѣ ясть и питъ* (1 Кор. XI. 29). Очищаясь черезъ это, мы соединяемся съ тѣломъ Господа и съ Духомъ Его и дѣлаемся тѣломъ Христовымъ.

Этотъ хлѣбъ есть пачатокъ будущаго хлѣба, который есть хлѣбъ насущный. Ибо слово *насущный* означаетъ или хлѣбъ будущій, т. е. будущаго вѣка, или хлѣбъ, вкушаемый для сохранения нашего существа. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ тѣло Господне (одинаково) прилично будетъ называться (хлѣбомъ насущнымъ), ибо плоть Господня есть духъ животворящій, потому что она зачата отъ животворящаго Духа, а *рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. III, 6). Говорю же это не съ тѣмъ, чтобы уничтожить естество тѣла, но желая показать животворность и божественность этого (таинства).

Если же нѣкоторые и называли хлѣбъ и вино образами тѣла и крови Господней, какъ говорилъ (напр.) богоносный Василій, то разумѣли здѣсь ихъ (т. е. хлѣбъ и вино) не послѣ освященія, но до освященія, назвавъ такъ самое приношеніе.

Причащеніемъ же это таинство называется потому, что черезъ него мы дѣлаемся причастниками Божества Іисуса. Еще называется оно общеніемъ и воистину есть (общеніе) потому, что черезъ него мы входимъ въ общеніе со Христомъ и дѣлаемся причастниками Его плоти и Божества; (съ другой стороны) черезъ него мы входимъ въ общеніе и объединяемся другъ съ другомъ. Ибо всѣ мы, такъ какъ *отъ единого хлѣба причащаемся*, дѣлаемся единымъ тѣломъ Христовымъ, единою кровію и членами другъ друга, получая наименованіе *сотѣлесниковъ* Христа (Еф. III, 6).

Поэтому, будемъ остерегаться всѣми силами, чтобы не принимать причащенія отъ еретиковъ и не давать имъ. *Не дадите святая псомъ*, говоритъ Господь, *ни пометайте бисеръ вашияго предъ свчннннми* (Мф. VII, 6), чтобы не сдѣлаться намъ участниками превратнаго ученія и осужденія ихъ. Пбо если (черезъ причащеніе), дѣйствительно, бываетъ единеніе со Христомъ и другъ съ другомъ, то мы дѣйствительно объединяемся по свободному расположенію и со всѣми причащающимися вмѣстѣ съ нами: пбо объединеніе это происходитъ по нашему свободному расположенію, не безъ нашего согласія. *Вси едино тѣло ссмы*, потому что *отъ единого хлѣба причащаемся*, какъ говоритъ божественный Апостоль (1 Кор. X. 17).

Образами же будущаго (хлѣбъ и вино) называются не въ томъ смыслѣ, будто они не суть поистинѣ тѣло и кровь Христова, но потому, что теперь мы приобщаемся Божества Христа черезъ нихъ, а тогда будемъ приобщаться духовно.—черезъ одно только лицезрѣніе.

Глава XIV.

О родословіи Господа и о святой Богородицѣ.

Сказавши нѣсколько въ предыдущихъ разсужденіяхъ о святой и препрославленной Приснодѣвѣ и Богородицѣ Маріи и 1156 установивши самое необходимое—(именно), что Она въ собственномъ смыслѣ и вонстину есть и называется Богородицей. мы теперь дополнимъ остальное.

Предопредѣленная въ предвѣчномъ и предузнающемъ со-вѣтѣ Божіемъ, представленная и предвозвѣщенная въ различныхъ образахъ и словахъ пророковъ Духомъ Святымъ, Она въ предопредѣленное время пропзрела отъ корня Давидова. по обѣтованіямъ, бывшимъ Давиду. Ибо сказано: *клятея Господь Давиду истинною и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престоль твоемъ* (Пс. CXXXI, 11). И еще: *единою клятеся о святѣмъ моемъ, аще Давиду солжу: стѣня его во вѣкъ пребудетъ, и престоль его, яко солнце предъ мною и яко луна совершена, во вѣкъ, и свидѣтель на небеси вѣренъ* (Пс. LXXXVIII, 36—38). И Исаія (говоритъ): *изыдетъ жезлъ изъ (корене) Иессеова, и цвѣтъ отъ корене (его) взыдетъ* (XI, 1). Святые евангелисты Матеей и Лука ясно показали, что Іосифъ происходить изъ племени Давидова: но Матеей производитъ Іосифа отъ Давида черезъ Соломона. Лука же черезъ Наана. О родѣ же св. Дѣвы и тотъ, и другой умолчали.

Надобно знать, что ни у евреевъ. ни въ божественномъ Писаніи не было обычая вести родословную женщинъ: но былъ законъ, чтобы одно колѣно не брало женъ изъ другого колѣна (Числ. XXXVI, 7). Іосифъ же, происходя изъ колѣна Давидова и будучи *праведнъ* (объ этомъ въ похвалу ему свидѣтельствуется божественное Евангеліе), не обручился бы противозаконно со святою Дѣвою, если бы она не происходила изъ того же самаго колѣна. Поэтому (для евангелистовъ) было достаточно показать происхождение (одного) Іосифа.

Надобно знать еще и то, что былъ законъ, по которому, если мужъ умиралъ бездѣтнымъ, братъ его долженъ былъ вступить въ бракъ съ женою умершаго и возставить сѣмя брату своему (Втор. XXV, 5). Поэтому то, что рождалось, по естеству принадлежало, конечно, второму, т. е. родившему; по закону же—умершему.

Итакъ. .leviit, происшедшій изъ племени Нааана, сына Давидова, родилъ Мелхія и Панѣира. Панѣиръ родилъ (сына), названнаго Варпанѣиромъ. Этотъ Варпанѣиръ родилъ Іоакима. 1157
Іоакимъ родилъ святую Богородицу. Матѣанъ же, (происшедшій) изъ племени Соломона, сына Давидова, имѣлъ жену, отъ которой родилъ Іакова. Послѣ того, какъ Матѣанъ умеръ. Мелхій изъ племени Нааана, сынъ Левія, братъ же Панѣира, вступилъ въ бракъ съ женою Матѣана, матерью Іакова. и родилъ отъ нея Ілія. Итакъ, Іаковъ и Ілій оказались братьями по матери: Іаковъ изъ племени Соломона, Ілій же изъ племени Нааана. Ілій, происходившій изъ племени Наанова, умеръ бездѣтнымъ: жену его взялъ за себя Іаковъ, братъ его. происходившій изъ племени Соломона и возставилъ сѣмя брату своему и родилъ Іосифа. Итакъ, Іосифъ по естеству есть сынъ Іакова, изъ рода Соломонова; а по закону—сынъ Ілія, изъ рода Наанова.

Іоакимъ вступилъ въ бракъ съ достохвальной Анною. Но какъ въ древности неплодная Анна, по молитвѣ и обѣту, родила Самуила, такъ и эта по молитвѣ и обѣту получаетъ отъ Бога Богородицу, чтобы она и въ этомъ не уступала никому изъ славныхъ (женъ). Итакъ, благодать (что значитъ имя Анна) рождаетъ Госпожу (что означаетъ имя Марія). Ибо Марія, ставши Матерью Творца, дѣйствительно сдѣлалась Госпожею всѣхъ тварей. Рождается же она въ домъ Іоакима у овчичъ 1160
вратъ и приводится во храмъ. Потомъ, насажденная въ домъ Божіемъ и утучненная Духомъ, какъ плодовая маслина, она сдѣлалась жилищемъ всякой добродѣтели, устранивъ умъ отъ всякаго житейскаго и плотскаго пожеланія и такимъ образомъ сохранивъ дѣвственную душу вмѣстѣ съ тѣломъ, какъ и при-

личествовало той, которая имѣла принять въ нѣдра свои Бога, ибо Онъ, будучи Святымъ, во святыхъ почиваетъ. Такимъ образомъ Богородица восходитъ къ святости и является святымъ и удивительнымъ храмомъ. достойнымъ Бога Вышняго ¹⁾).

Такъ какъ врагъ нашего спасенія наблюдалъ за дѣвами, по причинѣ пророчества Псаи: *се двѣ во чревь прїиметь и родитъ Сына и нарекуть имя Ему Эммануиль, еже есть сказуемо— съ нами Богъ* (Пс. VII. 14), то чтобы затинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ (1 Кор. III. 19) могъ уловить того, кто всегда хвалится мудростью, отроковица обручается священниками Иосифу, (какъ) новый свитокъ вѣдущему писанія. Это обрученіе было охраною для Дѣвы и ввело въ заблужденіе наблюдающаго за дѣвами. *Егда же прииде кончина лѣта* (Гал. IV, 4), то былъ посланъ къ ней ангелъ Господень съ благовѣстіемъ о зачатіи Господа. Такимъ образомъ она зачала Сына Божія, Ипостасную Силу Отца, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, т. е. не отъ совокупленія и сѣмени, но по благоволенію Отца и содѣйствію Св. Духа. Она послужила къ тому, чтобы Творецъ сдѣлался тварью и Создатель созданіемъ и чтобы Сынъ Божій и Богъ воплотился и вочеловѣчился отъ пречистыхъ и непорочныхъ ея плоти и кровей. выплачивая (тѣмъ) праматерній долгъ. Ибо какъ та образована изъ Адама безъ совокупленія, такъ и эта произвела новаго Адама, рождаемаго согласно съ естественнымъ закономъ чревоношенія и (въ то же время) сверхъестественнымъ рожденіемъ. Ибо безъ отца отъ жены рождается Тотъ, Кто родился отъ Отца безъ матері; то, что Онъ рождается отъ жены,—согласно съ естественнымъ закономъ, а что—безъ отца. это выше естественныхъ законовъ рожденія: что рождается въ обычное время,—по исполненіи девяти мѣсяцевъ въ началѣ десятаго, это согласно съ закономъ чревоношенія, а что—безболѣзненно,—это выше закона рожденія; ибо ему (т. е. рожденію) не предшествовало удовольствіе и за нимъ не послѣдовало болѣзней, согласно со словамъ пророка: *прежде неже чревоболѣти ей, роди; и еще: прежде неже прїити труду, чревоболѣнія извѣжс. и породи мужескъ полъ* (Пс. LXXI, 7).

Итакъ, отъ нея родился Сынъ Божій воплотившійся, не человекъ богоносный, но Богъ воплотившійся; помазанный не 1161 дѣйствіемъ, какъ пророкъ, но всецѣлымъ присутствіемъ Помазующаго, такъ что Помазующее стало человекомъ, а помазуемое—Богомъ, не чрезъ премѣненіе естества, но чрезъ ипостасное соединеніе. Ибо Одинъ и Тотъ же былъ и Помазующій и Помазуе-

¹⁾ Григорій нисскій. Слово на Рождество Господа.

мый: помазующій. какъ Богъ—Себя Самаго, какъ человѣка. Поэтому, какъ же не—Богородица та, которая родила воплотившагося отъ Нея Бога? Дѣйствительно, въ собственномъ смыслѣ и воистину—Богородица, Госпожа и Владычица всѣхъ тварей. сдѣлавшаяся рабою и Матерью Творца. И Господь какъ по зачатіи Своемъ соблюлъ зачавшую (Его) дѣвою, такъ и по рожденіи сохранилъ дѣвство ея неповрежденнымъ, Одинъ только пройдя черезъ нее и сохранивъ ее *заключенною* (Іезек. XLIV, 2). Зачатіе совершилось черезъ слухъ, а рожденіе обыкновеннымъ для рождающихся путемъ, хотя нѣкоторые и фантазируютъ, будто Онъ былъ рожденъ черезъ бокъ Богоматери. Ибо для Него не было невозможнымъ—и пройти чрезъ врата, и не повредить ихъ печатей. Итакъ, Приснодѣва и по рождествѣ пребываетъ дѣвою, не имѣвши до смерти никакого общенія съ мужемъ. Если же написано: *и не знаяше ся. дондеже ради сына своего первенца* (Мѣ. I, 25), то должно знать, что первенецъ есть тотъ, кто рожденъ первымъ, хотя бы онъ былъ и единороднымъ. Ибо слово первенецъ означаетъ того, кто родился первымъ, но не указываетъ непременно на рожденіе другихъ. Слово же *дондеже*, хотя и означаетъ срокъ опредѣленнаго времени, но не исключаетъ и послѣдующаго за симъ (времени). (Напримѣръ), Господь говоритъ: *и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 20) не въ томъ смыслѣ, что Онъ намѣренъ разлучиться (съ нами) послѣ *скончанія вѣка*; ибо божественный Апостоль говоритъ: *и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. IV, 17), т. е. послѣ общаго воскресенія.

Да, и какимъ образомъ Родившая Бога и изъ послѣдовавшаго затѣмъ опытно узнавшая чудо допустила бы соединеніе съ мужемъ? Нѣтъ! Даже думать такъ, не то, что дѣлать, не свойственно здравомыслящему уму.

Но эта блаженная и удостоенная сверхъестественныхъ даровъ тѣ муки, какихъ она избѣжала при рожденіи, претерпѣла во время страданія (Сына Своего), когда материнская жалость терзала ея утробу, и когда подобно мечу раздирали (ея душу) помышленія при видѣ того, что Тотъ, Кого она черезъ рожденіе познала Богомъ, умерщвляется какъ злодѣй. Это (именно) и значать слова: *и тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе* (Лук. II, 35). Но эту печаль уничтожаетъ радость воскресенія, возвѣщающая, что Умершій плотію есть Богъ.

Г л а в а XV.

О почитаніи святыхъ и ихъ мощей.

Должно почитать святыхъ, какъ друзей Христовыхъ, какъ чадъ и наслѣдниковъ Божіихъ, какъ говорить евангелистъ

Иоаннъ Богословъ: *елицы же пріяша его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Иоан. I, 12). Почему они уже не рабы, но сыны. *Аще же сыны и наследники: наследники убо Богу, снаследники же Христу* (Рим. VIII, 17). И Господь во святыхъ Евангеліяхъ говоритъ Апостоламъ: *вы друзи мои есте. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его* (Иоан. XV, 14—15). Если Творецъ *всяческихъ* и Господь называется *Царемъ царствующихъ, Господемъ господствующихъ и Богомъ боговъ* (Апок. XIX, 16; Пс. XLIX, 1), то несомнѣнно и святые суть боги, господа и цари. Ихъ Богъ есть и называется Богомъ, Господомъ и Царемъ. *Азъ есмь*, говоритъ Онъ Моисею, *Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ и Богъ Иаковъ* (Исх. III, 6). И самого Моисея Богъ поставилъ богомъ надъ фараономъ. Я называю ихъ богами, царями и господами не по естеству, но потому, что они царствовали и господствовали надъ страстями и сохранили неповрежденнымъ подобіе образа Божія, по которому и были сотворены (ибо царемъ называется и образъ царя), а также и потому, что они по собственному (свободному) расположенію соединились съ Богомъ, приняли Его въ жилище (своего) сердца и, пріобщившись Его, сдѣлались по благодати тѣмъ, что Самъ Онъ есть по естеству. Слѣдовательно, какъ же не почитать тѣхъ, которые получили наименованіе слугъ, друзей и сыновъ Божіихъ? Ибо честь, воздаваемая усерднѣйшимъ изъ соработниковъ, указываетъ на расположеніе къ общему Владыкѣ ¹⁾.

Святые сдѣлались сокровищницами и чистыми жилищами Бога: *вселюся въ нихъ и похожду*, говоритъ Богъ, *и буду имъ Богъ* (II Кор. VI, 16). *Праведныхъ души въ руку Божіей и не прикоснется ихъ смерть* (Прем. III, 1), говоритъ божественное Писаніе. Ибо смерть святыхъ скорѣе есть сонъ, чѣмъ смерть. Они *утрудишася въ вѣкъ и живи будутъ до конца* (Пс. XLVIII, 9—10). И *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Пс. CXXV, 6). Дѣйствительно, что можетъ быть честнѣе, какъ быть *въ руку Божіей*? Ибо Богъ есть жизнь и свѣтъ, и находящіяся *въ руку Божіей* пребываютъ въ жизни и свѣтѣ.

Что черезъ умъ Богъ обиталъ и въ тѣлахъ святыхъ, (объ этомъ) говоритъ Апостолъ: *не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть* (I Кор. VI, 19). *Господь же Духъ есть* (II Кор. III, 17). *И аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (I Кор. III, 17). Поэтому, какъ же не почитать одушевленные храмы Божіи, одушевленные жилища Бо-

¹⁾ Василій Великій, Бесѣда на святыхъ четырехдесять мученикѣ.

жій? Святые — живы и съ дерзновеніемъ предстоятъ предъ Богомъ.

Владыка Христось дароваль намъ мощи святыхъ, какъ спасительные источники, которые источаютъ многообразныя благодѣянія и изливаютьъ миро благовонія. И пусть никто не сомнѣвается (въ этомъ)! Ибо если, по волѣ Божіей, истекла въ пустынѣ вода изъ крѣпкой и твердой скалы, а для жаждущаго Сампсона—изъ челюсти ослиной, то ужели невѣроятно, что изъ мученическихъ мощей истекаетъ благовонное миро? Никоемъ образомъ,—*по крайней мѣрѣ*, для тѣхъ, которые знаютъ могущество Божіе и то, какой чести удостоиваетъ Онъ святыхъ.

По закону всякій, прикоснувшійся къ мертвому, почитался нечистымъ; но святые не суть мертвые. Ибо послѣ того, какъ Тотъ, Кто есть сама жизнь и Виновникъ жизни, былъ причтенъ къ мертвымъ, мы уже не называемъ мертвыми почившихъ въ надеждѣ воскресенія и съ вѣрою въ Него. Да и какъ можетъ чудодѣйствоватьъ мертвое тѣло? Какимъ образомъ черезъ нихъ изгоняются демоны, отражаются болѣзни, врачуются немощные, прозрѣваютъ слѣпые, очищаются прокаженные, прекращаются искушенія и скорби, и *всяко даяніе благо отъ Отца свѣтовъ* (Як. I, 17) черезъ нихъ нисходитъ на тѣхъ, которые просятъ съ несомнѣнною вѣрою? Сколь много нужно было бы тебѣ потрудиться, чтобы найти покровителя, который представилъ бы тебя смертному царю и замолилъ бы предъ нимъ слово за тебя? Поэтому ужели не должно почитать предстателей всего рода человѣческаго, которые приносятъ Богу свои молитвы за насъ? Конечно, должно почитать, воздвигая Богу храмы во имя ихъ, принося дары, почитая дни памяти ихъ и веселясь (тогда) духовно, чтобы веселіе это было соотвѣтственно тѣмъ, которые созываютъ (насъ) и чтобы, стремясь угождать (имъ), мы вмѣсто того не прогнѣвали ихъ. Ибо то, чѣмъ (люди) угождаютъ Богу, пріятно также и угодникамъ Его, а что оскорбляетъ Бога, тѣмъ оскорбляются и соратники Его. Будемъ же мы, вѣрующіе, воздавать почитаніе святымъ псалмами, гимнами и пѣснями дуловными, сокрушеніемъ сердца и милосердіемъ къ нуждающимся, что болѣе всего благоугодно и Богу. Будемъ воздвигать имъ памятники и видимыя изображенія и черезъ подражаніе ихъ добродѣтелямъ сами сдѣлаемся одушевленными ихъ памятниками и изображеніями. Будемъ почитать Богородицу, какъ въ собственномъ смыслѣ и воистину Матерь Божію; пророка Юанна, какъ Предтечу и Крестителя, Апостола и мученика, ибо, какъ сказалъ Господь, *не воста въ рожденныхъ женами болій Юанна Крестителя* (Мѡ. XI, 11), и онъ былъ первымъ проповѣд-

никомъ царствія Божія. (Будемъ почитать) апостоловъ, какъ братьевъ Господа, самовидцевъ и служителей Его страданій, *иже Богъ и Отецъ предвидѣ (и) представи сообразныхъ быти образу Сына Своего* (Рим. VIII, 29, 1 Кор. XII, 28), *первые апостоловъ, второе пророковъ, третіе пастырей и учителей* (Ефес. VI, 11). (Будемъ почитать) мучениковъ Господнихъ, избранныхъ изъ всякаго чина, какъ воиновъ Христовыхъ, выпившихъ чашу Его и крестившихся крещеніемъ животворящей смерти Его, какъ участниковъ страданія Его и славы, начальникъ которыхъ архидіаконъ Христовъ, Апостолъ и первомученикъ Стефанъ. (Будемъ почитать) святыхъ отцовъ нашихъ, богоносныхъ подвижниковъ, претерпѣвшихъ болѣе продолжительное и болѣе тягостное мученичество совѣсти, *которые приидоша въ милотехъ, въ козлиахъ кожахъ, лишеи, скорбяще, озлобени, въ пустыняхъ скитающаи и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастьхъ земныхъ, иже не ѿбъ достоинъ мръ* (Евр. XI, 37—38). (Будемъ почитать) жившихъ до благодати пророковъ, патріарховъ, праведниковъ, предвозвѣстившихъ пришествіе Господа.

Взирая на образъ жизни всѣхъ этихъ (святыхъ), поревнуемъ (ихъ) вѣрѣ, любви, надеждѣ, ревности, житію, твердости въ страданіяхъ, терпѣнію даже до крови, чтобы и мы вмѣстѣ съ ними получили вѣнцы славы.

Г л а в а XVI.

Объ иконахъ.

1169 Такъ какъ нѣкоторые порицаютъ насъ за то, что покланяемся и воздаемъ почитаніе изображенію Спасителя и Владычицы нашей, а также и прочихъ святыхъ и угодниковъ Христовыхъ, то пусть услышатъ они, что Богъ въ началѣ сотворилъ человѣка *по образу* Своему (Быт. I, 26). Отсюда не ради ли того мы кланяемся другъ другу, что сотворены по образу Божію? Ибо, какъ говорить богоглаголивый и многосвѣдущій въ божественномъ Василіи, честь, воздаваемая образу, переходитъ на первообразъ. Первообразъ же есть то, что изображается, съ чего дѣлается снимокъ. Ради чего Моисеевъ народъ отовсюду поклонялся скиніи, носившей образъ и видъ небеснаго, даже болѣе всего творенія? Дѣйствительно, Богъ говоритъ Моисею: *виждь, да сотвориши вся по образу показанному ти на горѣ* (Исх. XXXIII, 10). А также херувимы, осѣнявшіе очистилище, не были ли дѣломъ рукъ человѣческихъ? А знаменитый храмъ во Іеруса-

лимъ? Не рукотворенный ли онъ и не устроенъ ли искусствомъ человѣческимъ? ¹⁾

Божественное Писаніе осуждаетъ тѣхъ, которые поклоняются кумирамъ и приносятъ жертвы демонамъ. Приносили жертвы эллины, приносили и іудеи, но эллины — демонамъ, а іудеи—Богу. И жертвоприношеніе эллиновъ было осуждаемо и отвергаемо: жертва же праведныхъ благоугодна Богу. Ибо Ной принесъ жертву, и *обоня* Богъ *воню благоуханія* (Быт. VIII, 24), одобряя благоуханіе добраго расположенія и любви къ Нему. Языческіе же кумиры, какъ изображавшіе демоновъ, были отвергнуты и запрещены.

Кромѣ того, кто можетъ создать подобіе невидимаго, безтѣлеснаго, неописуемаго и безвиднаго Бога? Откуда давать форму Божеству есть дѣло крайняго безумія и нечестія. Потому въ 1172 Ветхомъ Завѣтѣ иконы не употреблялись. Но такъ какъ Богъ, по своему благоутробію, для нашего спасенія поистинѣ сдѣлался человѣкомъ, не явился только въ видѣ человѣка, какъ (являлся) Аврааму и пророкамъ, но по существу и воистину сдѣлался человѣкомъ, жилъ на землѣ, обращался съ людьми, творилъ чудеса, пострадалъ, былъ распятъ, воскресъ, вознесся: и все это было на самомъ дѣлѣ, видимо людьми и описано для напоминанія намъ и для наученія еще не жившихъ тогда, чтобы мы, не видавъ, но услышавъ и увѣровавъ, достигли блаженства съ Господомъ. Но такъ какъ не всѣ знаютъ грамоту и могутъ заниматься чтеніемъ, то отцы разсудили, чтобы все это, подобно тому какъ нѣкоторые (славные) подвиги, было рисуемо на иконахъ для краткаго напоминанія. Безъ сомнѣнія, часто, не имѣя въ умѣ (мысли) о страданіи Господа, при видѣ изображенія распятія Христа, мы вспоминаемъ о спасительномъ страданіи и павши—поклоняемся не веществу, но изображаемому (на немъ), подобно тому какъ не веществу евангелія и не веществу креста мы поклоняемся, но тому, что ими изображается. Ибо чѣмъ различается крестъ, не имѣющій изображенія Господа, отъ креста, имѣющаго (его)? То же должно сказать и о Богоматери. Ибо честь, воздаваемая ей, возводится къ Воплотившемуся отъ нея. Подобнымъ образомъ подвиги святыхъ мужей возбуждаютъ насъ къ мужеству, къ соревнованію, къ подражанію ихъ добродѣтели и къ прославленію Бога. Ибо, какъ мы сказали, честь, воздаваемая усерднымъ изъ соработниковъ, доказываетъ любовь къ общему Владыкѣ, и честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу. И это есть неписанное преданіе, какъ и преда- 1173

¹⁾ Василій Великій, О Святомъ Духѣ, 18.

ніе о поклоненіи на востокъ, о поклоненіи кресту и о многомъ другомъ, подобномъ этому ¹⁾).

Разсказывается нѣкоторая исторія, что царствовавшій въ эдесскомъ городѣ Авгарь послалъ живописца нарисовать похожее изображеніе Господа. Когда же живописецъ не могъ этого сдѣлать по причинѣ сіявшаго блеска лица Его, то самъ Господь, приложивъ кусокъ матеріи къ своему божественному и живворящему лицу, напечатлѣлъ на кускѣ матеріи Свой образъ и при такихъ обстоятельствахъ послалъ это Авгарю по его желанію.

А что Апостолы передали очень многое безъ письмени, объ этомъ свидѣтельствуесть Павелъ, Апостоль языкъ: *тъмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь, или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (II Сол. II, 15). И къ Коринѣянамъ онъ пишетъ: *хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (I Кор. XI, 2).

176

Г л а в а XVII.

О Писаніи.

Одинъ—Богъ, возвѣщаемый въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Новомъ, воспѣваемый и прославляемый въ Троицѣ, какъ сказалъ Господь: *не придохъ разорити законъ, но исполнити* (Мѣ. V, 17). Ибо Онъ совершилъ наше спасеніе, ради котораго (дано) все Писаніе и все таинство. И еще: *испытайте Писаній, та бо свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. V, 39). Также и Апостоль сказалъ: *многоглаголю и многообразнъ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, во послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ* (Евр. I, 1). (Слѣдовательно законъ и пророки, Евангелисты и Апостолы, пастыри и учителя (всѣ) вѣщали Духомъ Святымъ.

Поэтому всяко Писаніе богодухновенно и, безъ сомнѣнія, полезно есть (II Тим. III, 16). Отсюда изслѣдовать божественныя Писанія есть дѣло самое прекрасное и душеполезное. Ибо, какъ древо, насажденное *при исходящихъ водахъ* (Іс. I, 3), такъ и душа, орошаемая божественнымъ Писаніемъ, утучняется и приноситъ плодъ свой во время свое—православную вѣру, и украшается вѣчно зеленѣющими листьями, т. е. богоугодными дѣлами. Ибо изъ святыхъ Писаній мы настраиваемся къ добродѣтельнымъ поступкамъ и чистому созерцанію. Въ нихъ мы находимъ призывъ ко всякой добродѣтели и предотвращеніе отъ всякаго

¹⁾ Василій Великій, бесѣда на святыхъ четырехдесять мученикъ и О Святомъ Духѣ. 18, 27.

порока. Поэтому если мы будемъ ревностны въ изслѣдованіи, то достигнемъ многихъ знаній. Ибо все достигается стараніемъ, трудомъ и благодатію подающаго Бога. *Всякъ бо просій пріемлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отвержется* (Лук. XI, 10). Поэтому будемъ стучаться въ прекраснѣйшій рай Писанія, (рай) благоуханный, сладчайшій и пышно цвѣтушій, звучащій вокругъ нашихъ ушей разнообразными голосами духовныхъ богоносныхъ птицъ, трогающій наше сердце,—печальное утѣшающій и гнѣвное укрощающій и пренсполняющій вѣчною радостью; помѣщающій нашъ умъ на блистающія золотомъ и пресвѣтлыя рамена божественной голубицы и на ея блистательныхъ крыльяхъ возносящій (его) къ Единородному Сыну и Наслѣднику Насадителя духовнаго виноградника и черезъ Него приводящій къ Отцу свѣтовъ (Іак. I, 17). Но будемъ стучаться не мимоходомъ, а упорно и ревностно; и да не изнеможемъ стуча. Ибо тогда только намъ отвержется. Если, прочитавъ разъ и два, не поймемъ прочитаннаго, то не станемъ унывать, но не отступимъ, будемъ твердить, вопрошать. Ибо сказано: *вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. XXXII, 7), такъ какъ *не во всѣхъ разумъ* (1 Кор. VIII, 7). Будемъ почерпать изъ райскаго источника неизсякаема и чистѣйшія воды, текущія въ жизнь вѣчную! Будемъ нѣжиться (въ нихъ) и наслаждаться ненасытно! Ибо Писанія владѣютъ неистощимой благодатію. Если мы сможемъ получить что-либо полезное для себя изъ внѣшнихъ (писаній), то и это не запрещено. Будемъ только искусными мѣнялами, накопляя лишь настоящее и чистое золото, поддѣльнаго же избѣгая. Нанлучшія мысли возьмемъ себѣ; боговъ же, достойныхъ посмѣянія, и нелѣпныя басни бросимъ псамъ, ибо изъ этихъ писаній мы могли бы пріобрѣсти весьма большую силу (защиты) противъ нихъ же самихъ.

Должно знать, что книгъ Ветхаго Завѣта двадцать двѣ, соотвѣтственно буквамъ еврейскаго языка. Ибо евреи имѣютъ двадцать двѣ буквы, изъ которыхъ пять имѣютъ двоякое начертаніе, такъ что ихъ (всѣхъ) оказывается двадцать семь. Двояко пишутся буквы кафъ, мемъ, нуиъ, пе и цаде. Поэтому и книгъ Ветхаго Завѣта такимъ же образомъ считается двадцать двѣ, но оказывается двадцать семь, потому что пять изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по двѣ. Такъ, книга Руевъ соединяется съ книгою Судей и (вмѣстѣ съ ней) считается у евреевъ за одну книгу; первая и вторая Царствъ—за одну книгу; первая и вторая Паралипоменонъ—за одну книгу; первая и вторая Ездры—за одну книгу. Такимъ образомъ книги соединены въ четырехъ пятюкнижійхъ, и (еще) остаются двѣ другихъ книги, и расположены онѣ въ такомъ

порядкѣ. Пять книгъ закона: книга Бытія, Исходъ, Левить, Числь и Второзаконія; это—первое пятокнижіе, законоположительное. Затѣмъ второе пятокнижіе, называемое *Γραφεία*, а у нѣкоторыхъ *Ἀγιοῦγραφα*, состоитъ изъ слѣдующихъ книгъ: Исуса Навина, Судей вмѣстѣ съ Руфью, первой книги Царствъ вмѣстѣ со второю, считаемихъ за одну книгу, третьей вмѣстѣ съ четвертою—также за одну книгу и двухъ книгъ Паралипоменонъ—тоже за одну книгу; это—второе пятокнижіе. Третье пятокнижіе составляютъ книги, написанныя стихами: Іова, Псалтирь, Притчи Соломона, Екклезіастъ его же и Пѣснь Пѣсней его же. Четвертое пятокнижіе—пророческое: двѣнадцать пророковъ, какъ одна книга, Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даниилъ; наконецъ, двѣ книги Ездры, соединяемыя въ одну, и Есфирь. *Παύροτος* же, т.-е. книга Премудрости Соломоновой и книга Премудрости Исуса, которую отецъ Сираха изложилъ по-еврейски, а внукъ его Исусъ, сынъ Сираха, перевелъ по гречески, хотя онѣ назидательны и прекрасны, но не входятъ въ (это) число и въ ковчегъ не хранились.

Книги Новаго Завѣта—слѣдующія: четыре Евангелія—отъ Матѳея, отъ Марка, отъ Луки и отъ Іоанна; Дѣянія святыхъ Апостоловъ, записанныя евангелистомъ Лукою; семь соборныхъ посланій: одно—Іакова, два—Петровыхъ, три—Іоанновыхъ и одно Іудино; четырнадцать посланій Апостола Павла, Апокалипсисъ евангелиста Іоанна, Правила святыхъ Апостоловъ, (собранныя) Климентомъ.

Г л а в а XVIII.

О реченіяхъ, употребляемыхъ о Христѣ.

1181 Реченій, употребляемыхъ о Христѣ—четыре рода. Одни приличествуютъ Ему до вочеловѣченія; другія—въ соединеніи (естествѣ), третьи—послѣ соединенія, четвертыя—послѣ воскресенія. Реченій. (приличествующихъ Христу) до вочеловѣченія, имѣется шесть видовъ. Первыя изъ нихъ обозначаютъ нераздѣльность естества и единосущіе съ Отцемъ, какъ напр.: *Азъ и Отець едино есма* (Іоан. X, 30). *Видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). *Пажъ во образъ Божіи сынъ* (Фил. VI, 6) и подобныя имъ. Вторыя реченія обозначаютъ совершенство ипостаси, какъ напр.: *Сынъ Божій и образъ ипостаси Его* (Евр. I, 3) *Велика совѣта Ангель, чуденъ Совѣтникъ* (Іса. IX, 6) и тому подобныя.

Третьи обозначаютъ взаимное проникновеніе ипостасей, какъ напр.: *Азъ во Отца и Отець во Мя* (Іоан. XIV, 10), и неразлучное пребываніе (одной ипостаси въ другой), какъ напр. (выраженія): слово, премудрость, сила, сіяніе. Ибо слово—въ умѣ

(я разумѣю слово въ его сущности), а также и премудрость, сила—въ силномъ, сіяніе—въ свѣтъ пребываютъ неразлучно, изливаясь изъ нихъ ¹⁾).

Четвертыя обозначаютъ, что Христось — отъ Отца, какъ Своего Виночника, напр. *Отець Мой болій Мене есть* (Іоан. XIV, 28). Ибо отъ Отца Онъ имѣеть бытіе и все, что имѣеть: бытіе черезъ рожденіе, а не чрезъ созданіе: *Азъ изыдохъ отъ Отца и придохъ* (Іоан. XVI, 27—28). *И Азъ живу Отца ради* (Іоан. VI, 57). Все, что Онъ имѣеть, имѣеть не черезъ удѣленіе и не чрезъ наученіе, но какъ отъ Виночника: напр.: *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничесоже, аще не еже видить Отца творяща* (Іоан. V, 19). Ибо если нѣтъ Отца, то нѣтъ и Сына. Сынъ—отъ Отца, во Отцѣ и вмѣстѣ со Отцемъ, а не послѣ Отца. Равнымъ образомъ и то, что дѣлаеть, дѣлаеть отъ Отца и вмѣстѣ съ Нимъ; ибо одно и то же, не подобное только, но то же самое хотѣніе, дѣйствованіе и могущество Отца, Сына и Св. Духа ²⁾).

Пятыя обозначаютъ, что желаніе Отца исполняется чрезъ дѣйствованіе Сына, но не какъ чрезъ орудіе или раба, но какъ чрезъ существенное и ипостасное Его Слово, Мудрость и Силу, потому что во Отцѣ и Сынѣ созерцается одно движеніе; напр.: *вся Тьма быша* (Іоан. I, 3). *Погла Слово свое, и исцѣли я* (Іс. CVI, 20). *Да знаютъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. XI, 42).

Шестыя (употребляются о Христѣ) пророчески; изъ нихъ 1184 одни (говорять) о будущемъ, какъ напр.: *явъ прійдетъ* (Іс. XLIX, 3); и изреченіе Захаріи: *се Царь твой грядетъ Тебѣ* (IX, 9), также Михея: *се Господь исходитъ отъ мѣста Своего: и снидетъ, и наступитъ на высоты земныя* (I, 3). Другія же говорятъ о будущемъ, какъ о прошедшемъ; напр.: *Сей Богъ нашъ. Посемъ на земли явися и съ чловѣчки поживе* (Варух. III, 36, 38). *Господь созда Мя начало путей своихъ въ дѣла Своя* (Прит. VIII, 22). *Сего ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ* (Іс. XLIV, 8) и тому подобныя.

Реченія, приличествующія Христу до соединенія (естествъ), конечно, могутъ относиться къ Нему и послѣ соединенія; а приличествующія по соединеніи никоимъ образомъ не приложимы къ Нему до соединенія, развѣ только пророчески, какъ мы сказали. Реченій, приличествующихъ Христу въ соединеніи (естествъ), три вида. Когда ведемъ рѣчь, (исходя изъ понятія) о высшей части (Его существа), то говоримъ объ обоженствленіи плоти, соединеніи съ (предвѣчнымъ) Словомъ и превознесеніи (ея) и т. п.,

¹⁾ Кириллъ александр., Сокровище, 34.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 29.

показывая (этимъ) богатство, сообщенное плоти черезъ соединеніе и тѣсную связь ея съ высочайшимъ Богомъ Словомъ.

Когда же (исходимъ изъ понятія) о низшей части, то говоримъ о воплощеніи Бога Слова, вочеловѣченіи, истощаніи, нищетѣ, уничиженіи. Ибо это и подобное приписывается Слову и Богу вслѣдствіе соединенія Его съ челоуѣчествомъ. Когда же (имѣемъ въ виду) обѣ части вмѣстѣ, то говоримъ о соединеніи, общеніи, помазаніи, тѣсной связи, сообразованіи и т. п. На основаніи этого третьяго рода (реченій) употребляются и предыдущіе два. Ибо черезъ соединеніе показывается, что имѣетъ каждое (естество) отъ соприкосновенія и тѣснѣйшаго сочетанія съ другимъ. Такъ говорится, что, вслѣдствіе ипостаснаго соединенія, плоть обожествилась, сдѣлалась Богомъ, причастная по Божеству Слову; а Богъ Слово воплотился, сдѣлался челоуѣкомъ и былъ называемъ тварью и зовется послѣднимъ, не потому, что два естества предложены въ одно сложное естество, ибо невозможно, чтобы въ одномъ ествѣ были одновременно противоположныя естественныя свойства, но потому, что два естества ипостасно соединились и имѣютъ проникновеніе другъ въ друга несліянно и неизмѣнно. Проникновеніе же произошло не со стороны плоти, но со стороны Божества; ибо невозможно, чтобы плоть проникла чрезъ Божество, но Божеское естество, однажды проникшее чрезъ плоть, дало и плоти неизреченное проникновеніе въ Божество, что мы и называемъ соединеніемъ ¹⁾.

1185 Должно знать, что и въ первомъ, и второмъ видѣ реченій, приличествующихъ Христу въ соединеніи, замѣчается взаимность. Ибо когда ведемъ рѣчь о плоти, то говоримъ объ обожествленіи, соединеніи со Словомъ, превознесеніи и помазаніи. Все это исходитъ отъ Божества, но созерцается относительно плоти. Когда же ведемъ рѣчь о Словѣ, то говоримъ объ истощаніи, воплощеніи, вочеловѣченіи, уничиженіи и т. п.; все это, какъ мы сказали, переносится отъ плоти къ Слову и Богу, ибо Онъ Самъ добровольно претерпѣлъ это.

Реченій, приличествующихъ Христу, по соединеніи,—три вида. Первый видъ реченій указываетъ на Его Божеское естество; напр.: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 10); *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30). И все, что приписывается Ему до вочеловѣченія, можетъ быть приписано Ему и послѣ вочеловѣченія, кромѣ того, что Онъ (до вочеловѣченія) не принималъ плоти и ея естественныхъ свойствъ.

Второй указываетъ на Его челоуѣчество, напр.: *что Мене*

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 32.

ищите убити (Іоан. VII, 19), *человѣка. иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. VIII, 40). И это: *такъ подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому* (Іоан. III, 14), и т. п.

[Въ частности] то, что говорится или написано о словахъ или дѣлахъ Спасителя Христа, какъ человѣка, (подраздѣляется) на шесть видовъ. Одно Онъ дѣлалъ и говорилъ сообразно съ естествомъ (человѣческимъ). въ цѣляхъ домостроительства: сюда относятся—рожденіе отъ Дѣвы, возрастаніе и преуспѣяніе сообразно съ годами, голодъ, жажда, утомленіе, слезы, сонъ, пригвожденіе, смерть и тому подобное, все, что является естественными и безпорочными страстями. Хотя во всѣхъ этихъ состояніяхъ имѣется налицо соединеніе Божества съ человѣчествомъ, однако вѣруется, что все это поистинѣ принадлежитъ тѣлу, ибо Божество не терпѣло ничего такого. а только устроило чрезъ это наше спасеніе.

Другое Христосъ говорилъ или дѣлалъ для вида: какъ, напр., спрашивалъ о Лазарѣ: *гдѣ положили егo* (Іоан. XI, 34)? подходилъ къ смоковницѣ (Мѣ. XXI, 19); уклонялся или незаметно отступая (Іоан. VIII, 59); молился (Іоан. XI, 42); показывалъ видъ, что хочетъ идти далѣе (Іук. XXIV, 28). Въ этомъ и подобномъ этому Онъ не имѣлъ нужды, ни какъ Богъ, ни какъ человѣкъ. но поступалъ по-человѣчески, примѣнительно, гдѣ требовала нужда и польза; такъ, напр., Онъ молился, чтобы показать, что Онъ не—противникъ Богу, почитая Отца. какъ Свою Причину; спрашивалъ, не потому, что не зналъ. но для того, чтобы показать, что Онъ, будучи Богомъ. есть и воистину человѣкъ; уклонялся, чтобы научить насъ—не подвергать себя безразсудно опасностямъ и не предавать себя (на произволь) ¹⁾. Иное по усвоенію и относительно; напр.: *Боже мой, Боже мой! Вскую мя еси оставилъ* (Мѣ. XXVII, 46)? и это: *не вѣдѣвшиаго грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (II Кор. V, 21); и это: *бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13); и это: *Самъ Сынъ покорится Покоршему Ему всяческая* (I Кор. XV, 28). Ибо Онъ никогда не былъ оставленъ Отцомъ, ни какъ Богъ, ни какъ человѣкъ; не былъ ни грѣхомъ, ни клятвою и не имѣеть нужды покоряться Отцу. Ибо, какъ Богъ, Онъ равенъ Отцу и ни враждебенъ, ни подчиненъ Ему; а какъ человѣкъ, Онъ никогда не былъ непослушнымъ Родителю, чтобы имѣть нужду покоряться Ему. Слѣдовательно, Онъ говорилъ такъ, усвоивъ Себѣ наше лицо и ставя Себя наряду съ нами. Ибо мы были повинны грѣху и проклятію, какъ непокорные и непослушные и за это оставленные (Богомъ) ²⁾.

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29.

²⁾ Григорій Богословъ, слово 29.

Иное (говорится объ Иисусѣ Христѣ) въ мысленномъ раздѣленіи. Такъ, если въ мысли раздѣлить то, что въ дѣйствительности неотдѣлимо, т. е. плоть отъ Слова, то Онъ называется рабомъ и невѣдущимъ; ибо имѣлъ (также) рабское и невѣдущее естество, и если бы плоть Его не была соединена съ Богомъ Словомъ, то была бы рабскою и невѣдущею; но по причинѣ ипостаснаго соединенія съ Богомъ Словомъ, она не была невѣдущею. Въ томъ же смыслѣ Онъ называлъ Отца Богомъ Своимъ ¹⁾).

Иное (Христосъ говорилъ и дѣлалъ) для того, чтобы открыть Себя намъ и удостовѣрить; напр. *Отче, прослави мя ты славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5)! Ибо Онъ былъ и есть прославленъ; но слава Его не была намъ открыта и удостовѣрена. (Сюда также относятся) и слова Апостола: *Нареченнымъ Сынъ Божій въ силу по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Рим. I, 4). Ибо черезъ чудеса, воскресеніе изъ мертвыхъ пришествіе Св. Духа было явлено и удостовѣрено міру, что Онъ есть Сынъ Божій. (Сюда относятся также) и слова: *преспѣваше премудростію и благодатию* (Лук. II, 52) ²⁾.

Иное, (наконецъ, Онъ говорилъ), усвояя Себѣ лицо іудеевъ и причисляя Себя къ нимъ, какъ, напр., Онъ говоритъ самарянкѣ: *вы кланяетесь, его же не вѣстаете; мы кланяемся, его же вѣдаемъ, яко спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV, 22).

Третій родъ реченій (приличествующихъ Христу по соединеніи естествъ) показываетъ одну ипостась, указывая (въ то же время) на оба естества; напр.: *Азъ живу Отца ради; и ядый мя, и той живъ будетъ мене ради* (Іоан. VI, 57). *Иду ко Отцу, и ктому не видити Мене* (Іоан. XVI, 10). Также: *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Еще: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесъ Сынъ Человѣческій, сый на небеси* (Іоан. III, 13) и т. п. Изъ реченій, (приличествующихъ Христу) по воскресеніи, иныя приличествуютъ Ему, какъ Богу; напр. *крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Мѣ. XXVIII, 19—20), т. е. во имя Сына, какъ Бога. И еще: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѣ. XXVIII, 20) и т. п.; ибо, какъ Богъ, Онъ всегда съ нами. Иныя же приличествуютъ Ему, какъ человѣку; напр., *ястися за нозъ Его* (Мѣ. XXVIII, 9); и еще: *и ты Мя видятъ* (Мѣ. XXVIII, 10) и т. п.

Реченій, приличествующихъ Христу по воскресеніи, какъ человѣку,—различные виды. Одни, хотя воистину приличествуютъ Ему, но не по естеству, а по домостроительству (спасенія) въ удостовѣреніе того, что воскресло то самое тѣло, которое по-

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 29.

²⁾ Іоаннъ Златоустъ, бесѣда II-ая на посланіе къ Римлянамъ.

страдало; (сюда относятся): язвы. употребленіе пищи и питья послѣ воскресенія. Другія приличествуютъ Ему истинно и по естеству; напр., переходъ безъ затрудненія изъ однихъ мѣстъ въ другія, прохожденіе сквозъ запертыя дверп. Иныя (выражаютъ сдѣланное Имъ лишь) для вида (примѣнительно къ намъ); напр., *творящиеся далечайше или* (Лук. XXIV, 28). Иныя приличествуютъ тому и другому естеству вмѣстѣ. какъ. напр.: *восхожду ко Отцу Мою и Отцу вашему, и Богу Мою и Богу вашему* (Іоан. XX, 17); также: *внидетъ Царь славы* (Іс. XXIII, 7); еще: *сиди одесную величества на высокихъ* (Евр. I, 3). Иныя же приличествуютъ Ему, какъ поставляющему Себя наряду съ нами, (приличествуютъ) при мысленномъ раздѣленіи (одного естества отъ другого), какъ напр.: *Богу моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 17).

Итакъ, все высокое должно приписывать Божескому естеству, безстрастному и безтѣлесному; все же уничиженное—человѣческому; все же вообще—сложной природѣ, т. е. единому Христу, который есть Богъ и человѣкъ; и также должно знать, что то и другое принадлежитъ единому и тому же Господу нашему Иисусу Христу. Ибо, зная, что свойственно каждому (естеству), и видя, что свойственное тому и другому естеству совершается Однимъ. будемъ вѣровать правильно и не погрѣшимъ. Изъ всего этого узнается различіе соединенныхъ естествъ и то, что, какъ говоритъ божественный Кириллъ, Божество и человѣчество по естественному качеству не одно и то же. Однако, одинъ есть Сынъ, и Христосъ, и Господь; а такъ какъ Онъ—одинъ, то и лицо Его—одно, ибо ипостасное соединеніе никоимъ образомъ не раздѣляется черезъ признаніе различія естествъ. 1192

Г л а в а XIX.

О томъ, что Богъ не есть виновникъ зла.

Надобно знать, что въ божественномъ Писаніи есть обыкновеніе называть Божіе попущеніе Его дѣйствиємъ, какъ когда (напр.) Апостоль говоритъ въ посланіи къ Римлянамъ: *или не имать власти судельникъ на брени, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?* (IX, 21)? Конечно, Самъ Богъ дѣлаеть. это. и то, ибо Онъ одинъ есть Создатель всего; но честными или безчестными дѣлаеть сосуды не Онъ, а собственное произволеніе каждаго. Это видно изъ того, что говоритъ тотъ же Апостоль во второмъ посланіи къ Тимофею: *въ величїемъ дому не точїю сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще*

убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ (II, 20—21). Ясно, что очищеніе бываетъ по доброй волѣ, ибо Апостолъ говоритъ: *аще кто очиститъ себе.*

Сообразно съ этимъ, обратное допущеніе указываетъ, что, если кто не очиститъ себя, то будетъ сосудомъ не въ честь, бесполезнымъ для Владыки и достойнымъ того, чтобы разбить его. Поэтому предыдущее изреченіе, а равно и это: *затвори Богъ всѣхъ въ противленіе* (Рим. XI, 32); и это: *даде имъ Богъ духа нечувствія, очи не видѣти и уши не слышати* (Рим. XI, 8),—все это должно понимать не такъ, какъ будто Самъ Богъ сдѣлалъ это, но такъ, что Богъ только попустилъ, ибо доброе дѣло само по себѣ—независимо и свободно отъ принужденія.

1193 Итакъ, божественному Писанію свойственно говорить о попущеніи Божіемъ, какъ объ Его дѣйстви и произведеніи. Но даже и тогда, когда оно говоритъ, что *Богъ зиждетъ злая* (Исх. XLV, 7) и что *нѣтъ зла во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амосъ III, 7), и тогда оно не показываетъ этимъ, что Богъ есть виновникъ зла. Ибо слово *зло* берется двояко и имѣетъ два значенія: иногда оно обозначаетъ злое по природѣ, что противно добродѣтели и волѣ Божіей; а иногда злое и тягостное (только лишь) для нашего чувства т. е. скорби и напасти; онѣ, будучи тягостными, только кажутся злыми; на самомъ же дѣлѣ—добры, ибо для понимающихъ онѣ служатъ виновниками обращенія и спасенія. О нихъ-то Писаніе говоритъ, что онѣ бываютъ отъ Бога.

Впрочемъ, должно замѣтить, что и такого зла причина мы сами, ибо зло невольное рождается отъ золь добровольныхъ ¹⁾.

Должно знать еще и то, что Писанію свойственно говорить, какъ о находящемся въ причинной связи, о томъ, что должно понимать въ смыслѣ (лишь) слѣдованія (одного за другимъ), какъ, напр.: *тебѣ единому согрѣшихъ, и лукаво предъ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесахъ Твоихъ и побѣдиши вшегда судити Ти* (Пс. L, 6). Ибо согрѣшившій не для того согрѣшилъ, чтобы Богъ побѣдилъ, и Богъ не имѣлъ нужды въ нашемъ грѣхѣ, чтобы черезъ него явиться побѣдителемъ. Ибо Онъ, какъ Создатель, непостижимый, несотворенный, имѣющій славу природную, а не заимствованную, несравненно превышаетъ и побѣждаетъ всѣхъ даже и не грѣшившихъ. Но (то сказано въ томъ смыслѣ), что, когда мы согрѣшаемъ, Онъ не бываетъ неправеднымъ, наводя (Свой) гнѣвъ, и, прощая кающихся, является по-

¹⁾ Иоаннъ Дамаскинъ, Діалогъ противъ манихеевъ. Василій Великій, бесѣда о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла.

бѣдителемъ нашего зла. (Впрочемъ) мы не для того грѣшимъ, но потому, что такъ выходитъ изъ дѣлѣ. Подобно тому, какъ если кто-либо сидитъ за работой и придетъ къ нему другъ, то онъ говоритъ: для того пришелъ другъ, чтобы я сегодня не работалъ. Конечно, другъ пришелъ не для того, чтобы тотъ не работалъ, но такъ вышло, ибо, занимаясь пріемомъ своего друга, онъ не работаетъ. Такія (происшествія) называются слѣдующими (одно за другимъ), потому что такъ выходитъ изъ дѣлѣ. Богъ, далѣе, не желаетъ, чтобы Онъ одинъ только былъ праведнымъ, но чтобы всѣ по возможности уподоблялись Ему ¹⁾.

Г л а в а XX.

О томъ, что не два начала.

О томъ, что (существуетъ) не два начала—одно доброе и одно злое, можемъ заключать изъ слѣдующаго. Добро и зло—враждебны другъ другу, гибельны другъ для друга и не могутъ существовать одно въ другомъ, или одно съ другимъ. Отсюда, каждое изъ нихъ должно находиться (только) въ части вселенной. Но тогда, во-первыхъ, каждое изъ нихъ будетъ ограничено не только вселенною, но и частью вселенной. Затѣмъ, кто отмежевалъ каждому его область? Вѣдь, нельзя же сказать, что они вступили въ соглашеніе другъ съ другомъ и заключили миръ, потому что зло, заключающее миръ и соединяющееся съ добромъ, не есть уже зло, и добро, дружески расположенное ко злу, не есть уже добро. Если же другой кто опредѣлилъ собственное каждому изъ нихъ мѣстопробываніе, то это скорѣе будетъ Богъ. (Притомъ) необходимо одно изъ двухъ: или эти начала входятъ въ соприкосновеніе и разрушаютъ другъ друга, или же существуетъ нѣчто среднее, въ которомъ не будетъ ни добра, ни зла, и которое, какъ нѣкая перегородка, раздѣляетъ оба начала другъ отъ друга. Но тогда будетъ уже не два, а три начала.

Необходимо и еще одно изъ двухъ: или эти начала сохраняютъ миръ, что невозможно для зла, ибо пребывающее въ мирѣ—не есть зло; или же ведутъ войну, что невозможно для добра, ибо воинствующее—не есть вполнѣ добро, или одно зло ведетъ войну, а добро не сопротивляется, но разрушается зломъ, или всегда терпитъ огорченіе и угнетеніе, что не можетъ быть признакомъ добра. Итакъ, (должно быть) одно начало, свободное отъ всякаго зла.

¹⁾ Василій Великій, тамъ же.

Но если это такъ, то, говорить, откуда же зло?

Ибо невозможно, чтобы зло имѣло начало отъ добра. (На это) мы скажемъ, что зло есть не что иное, какъ лишеніе добра и уклоненіе отъ естественнаго къ противоестественному; ибо нѣтъ ничего злого по природѣ; такъ какъ *вся елика сотвори Богъ*, въ томъ видѣ, какъ оно произошло, *добра зѣло* (Быт. I, 31); (значитъ) и все, пребывающее въ такомъ видѣ, какъ оно создано, *добра зѣло*; все же, добровольно отступающее отъ естественнаго и переходящее въ противоестественное, оказывается во злѣ.

По природѣ все подчинено и послушно Создателю. Поэтому, когда какая-либо изъ тварей добровольно воспротивится и сдѣлается непослушной Сотворившему ее, то она становится сама въ себѣ зломъ. Отсюда зло не есть какая-либо сущность и не свойство сущности, но нѣчто случайное, т. е. своевольное уклоненіе отъ естественнаго къ противоестественному. что (именно) и есть грѣхъ.

Итакъ, откуда же грѣхъ? Онъ есть изобрѣтеніе свободной воли діавола. Слѣдовательно, діаволь—золъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ произошелъ, онъ не золъ, а добръ, ибо Творцомъ онъ былъ созданъ ангеломъ свѣтлымъ и блистательнымъ и какъ разумный—свободнымъ; но онъ добровольно отступилъ отъ естественной добродѣтели и очутился во мракѣ зла, удалившись отъ Бога, Который одинъ только есть благъ, животворящъ и источникъ свѣта; ибо все доброе черезъ Него дѣлается добрымъ, и посколькy удаляется отъ Него волею, а не мѣстомъ, постолькy оказывается во злѣ ¹⁾.

Г л а в а XXI.

Почему напередъ знающій все Богъ создалъ тѣхъ, которые согрѣшатъ и не раскаяются?

Богъ, по благодати Своей, приводитъ изъ небытія въ бытіе все существующее и о томъ, что будетъ, имѣетъ предвѣдѣніе. Итакъ, если бы тѣ, которые согрѣшатъ, не имѣли въ будущемъ получить бытіе, то они не имѣли бы сдѣлаться и злыми, (а потому) не было бы о нихъ предвѣдѣнія. Ибо вѣдѣніе относится къ тому, что есть: а предвѣдѣніе—къ тому, что непременно будетъ. Но сперва — бытіе (вообще), а потомъ уже — бытіе доброе или злое. Если же для имѣющихъ получить въ будущемъ, по благодати Божіей, бытіе послужило бы препятствіемъ къ получе-

¹⁾ Василій Великій, тамъ же.

нію бытія то (обстоятельство), что они, по собственному произволенію, имѣють сдѣлаться злыми, то зло побѣдило бы благодать Божію. Поэтому Богъ все, что Онъ творить, творить добрымъ: каждый же по собственному произволенію бываетъ или добрымъ, или злымъ. Отсюда, если Господь и сказалъ: *добрѣе было бы чловѣчку тому, аще не бы родился* (Марк. XIV, 21), то Онъ говорилъ это, порицая не свое собственное твореніе, а то зло, какое возникло у Его твари вслѣдствіе ея собственнаго произволенія и нерадивости. Ибо нерадивость ея собственной воли сдѣлала для нея бесполезнымъ благодѣяніе Творца. Такъ, если кто-нибудь, кому ввѣрены царемъ богатство и власть, употребитъ ихъ противъ своего благодѣтеля, то царь, усмиривъ его, достойно накажетъ, если увидитъ, что онъ до конца остается вѣренъ своимъ властолюбивымъ замысламъ ¹⁾.

Г л а в а XXII.

О законѣ Божіемъ и законѣ грѣховномъ.

Божество—благо и преблаго; такова же и воля Его. Ибо то, чего Богъ желаетъ,—благо. Законъ же есть заповѣдь, научающая этому, чтобы мы, пребывая въ немъ, были въ свѣтѣ; нарушеніе заповѣди есть грѣхъ. Грѣхъ же происходитъ отъ внушенія дѣла 1200
дѣла и нашего непринужденнаго и добровольнаго принятія. Также и грѣхъ называется закономъ.

Итакъ, законъ Божій, входя въ нашъ умъ, влечетъ его къ себѣ и возбуждаетъ нашу совѣсть. А наша совѣсть называется также закономъ ума нашего. (Съ другой стороны), внушеніе лукаваго, т. е. законъ грѣха, входя въ члены нашей плоти, черезъ нее воздѣйствуетъ на насъ. Ибо, однажды преступивши произвольно законъ Божій и поддавшись внушенію лукаваго, мы открываемъ этому внушенію доступъ (къ намъ), предавши такимъ образомъ самихъ себя грѣху. Отсюда тѣло наше (уже) легко влечется ко грѣху. Поэтому покоящіеся въ нашемъ тѣлѣ запахъ и ощущеніе грѣха, т. е. похоть и чувственное удовольствіе, называются закономъ *во удѣхъ* плоти нашей.

Законъ ума моего, т. е. совѣсть, соуслаждается закону Божію, т. е. заповѣди, и желаетъ ея. Законъ же грѣха, т. е. внушеніе черезъ законъ, находящійся *во удѣхъ*, или черезъ похоть, чувственную склонность и движеніе и черезъ неразумную часть души, *противууетъ закону ума моего*, т. е. совѣсти и, хотя

¹⁾ Іоаннъ Дамаскинъ, Діалогъ противъ манихеевъ.

я желаю закона Божія и люблю (его), а грѣха не желаю, плѣняетъ меня вслѣдствіе смѣшенія (съ моими членами тѣла) и, черезъ пріятность удовольствія, черезъ похоть плоти и черезъ неразумную часть души, какъ я говорилъ, обольщаетъ меня и убѣждаетъ сдѣлаться рабомъ грѣху. Но *немоцное закона, въ немже немоцествоваше законъ плотию, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII, 3), ибо Онъ воспринялъ плоть, но безъ грѣха; *осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ не по плоти ходящихъ, но по духу* (Рим. VIII, 3). *Ибо Духъ способствуетъ въ немощехъ нашихъ* (Рим. VIII, 26) и подаетъ силу законѹ ума нашего противъ закона, находящагося *во удохъ нашихъ*. (Такой именно смыслъ имѣеть) вотъ это (изреченіе): *о чемъ помолимся, якоже подобаетъ, не въмы; но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ въздыханіи неизглаголанннми*, т. е. научаетъ насъ, о чемъ намъ должно молиться. Поэтому невозможно исполнить заповѣди Господни иначе, какъ посредствомъ терпѣнія и молитвы.

Глава XXIII.

Противъ іудеевъ, о субботѣ.

Субботою названъ седьмой день, слово „суббота“ означаетъ „покой“. Ибо въ этотъ день *почи* Богъ *отъ всѣхъ дѣлъ своихъ* (Быт. II, 2), какъ говоритъ божественное Писаніе. Поэтому число дней, дойдя до семи, снова возвращается назадъ и начинается опять съ перваго дня. Это число почиталось у іудеевъ, такъ какъ Богъ повелѣлъ чтить его, и (повелѣлъ) не случайно, но — съ весьма тяжкими наказаніями за нарушеніе; повелѣлъ это не просто, но по нѣкоторымъ причинамъ, таинственно постигаемымъ духовными и проникательными (мужами) ¹⁾.

Насколько я, несвѣдущій, понимаю, (объясню), начавши отъ болѣе низкаго и грубаго. Богъ, зная грубость, привязанность къ плотскому и вообще пристрастіе къ вещественному народа Израильскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и (его) неразумительность, (далъ этотъ законъ): во-первыхъ, *да почиетъ рабъ и осель*, какъ написано (Втор. V, 14), *ибо мужъ праведный мылуешь души скотовъ своихъ* (Прит. XII, 10); вмѣстѣ съ тѣмъ также и для того, чтобы, освободившись отъ матеріальныхъ заботъ, обращались къ Богу, проводя весь седьмой день *во псалмѣхъ и пѣнннхъ и тѣснѣхъ духовныхъ* (Ефес. V, 19) и въ занятіи божественными Писаніями и

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 41.

отдыхая въ Богѣ. Ибо когда еще не было ни закона, ни богодухновеннаго Писанія, то и суббота не была посвящена Богу. Когда же черезъ Моисея было дано богодухновенное Писаніе, суббота была посвящена Богу для того, чтобы въ этотъ день упражнялись въ этомъ занятіи (т. е. въ чтеніи Писанія) и чтобы тѣ, которые не посвящаютъ Богу всей жизни, которые служатъ Господу не изъ любви, какъ Отцу, но какъ неблагодарные рабы, удѣляли Богу хотя бы малую и незначительную часть своей жизни и (дѣлали бы) это хотя бы изъ-за страха отвѣтственности и наказаній за нарушение (заповѣди). Ибо *праведнику законъ не лежитъ*, но неправедному (I Тим. 1, 9). (Доказательствомъ этому служить) прежде всѣхъ Моисей, который, въ теченіе сорока дней и еще другихъ сорока въ постѣ предстоя предъ Богомъ, безъ сомнѣнія, и въ субботы изнурялъ себя постомъ, хотя законъ повелѣвалъ не изнурять себя постомъ въ день субботы. Если бы возразили, что это было до закона, то (въ такомъ случаѣ) что скажутъ объ Иліи Фесвитявинѣ, совершившемъ сорокадневный путь при однократномъ вкушеніи пищи? Ибо онъ, изнуривши себя не только постомъ, но и путешествіемъ въ субботы этихъ сорока дней, нарушилъ субботу; и Богъ, давшій законъ о субботѣ, не прогнѣвался на него, но какъ бы въ награду за добродѣтель явился ему въ Хоривѣ. А что еще скажутъ о Даниилѣ? Не три ли седмицы провелъ онъ безъ пищи? И весь Израиль не обрѣзываетъ ли младенца въ субботу, если въ нее случится восьмой день? Также не соблюдаютъ ли они великаго поста, положеннаго по закону (Лев. XXIII, 27), хотя бы онъ случился въ субботу? А священники и левиты не оскверняютъ ли субботы дѣлами въ скинии, и (однако же) они неповинны? Но если даже скотъ упадетъ въ яму въ субботу, то вытащившій его—невиновенъ, а прошедшій мимо—подвергается осужденію. Что же, а весь Израиль не обходилъ ли, нося ковчегъ Божій, вокругъ іерихонскихъ стѣнъ въ теченіе семи дней, въ числѣ которыхъ, несомнѣнно, была и суббота? ¹⁾

Итакъ, какъ я сказалъ, ради отдохновенія съ Богомъ, чтобы удѣляли Ему хотя бы самую незначительную часть времени, и чтобы успокоились рабъ и осель, установлено было соблюденіе субботы для тѣхъ, которые еще младенцы, для *порабощенныхъ подъ стигіями міра* (Гал. IV, 3), для плотскихъ и не могущихъ ничего понять, что выше тѣла и буквы. *Егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего Единороднаго, раждаемаго отъ жены,—человѣка, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да вси-*

¹⁾ Анасій александр., бесѣда объ обрѣзаніи и субботѣ.

новленіе воспріимемъ (Гал. IV, 4—5). Ибо намъ, которые приняли Его, *даде область чадомъ Божиимъ быти втрующимъ въ Него* (Іоан. I, 12). Такъ что мы уже болѣе не рабы, но сыны, не подъ закономъ, но подъ благодатью: не отчасти и не по страху служимъ Господу, но должны посвящать Ему все время жизни и раба, разумію, гнѣвъ и похоть,—всегда успокаивать отъ грѣха, и обращать свой досугъ къ Богу, непрестанно устремляя къ Нему всякое пожеланіе, гнѣвъ же (свой) вооружая противъ враговъ Божіихъ; равнымъ образомъ и подъяремное животное—т. е. тѣло, успокаивать отъ рабства грѣху, побуждая служить божественнымъ заповѣдямъ.

1205 Вотъ это заповѣдаетъ намъ духовный законъ Христа, и соблюдающіе его дѣлаются выше закона Моисеева (1 Кор. III, 10). Ибо когда пришло совершенное, и *еще отъ части прекратилось* (1 Кор. XIII, 10), когда покрывало закона, т. е. завѣса, было разодрано черезъ распятіе Спасителя, и когда возсіялъ Духъ огненными языками, то буква была отвергнута, тѣлесное прекратилось, и законъ рабства кончился, и намъ дарованъ законъ свободы. Мы празднуемъ совершенный покой челоѣческаго естества: я говорю о днѣ воскресенія, въ который Господь Іисусъ, начальникъ жизни и Спаситель, ввелъ насъ въ наслѣдіе, обѣтованное служащимъ Богу духовно, въ которое Самъ вошелъ нашимъ Предтечею, возставъ изъ мертвыхъ, и послѣ того, какъ отверзлись Ему врата небесныя, возсѣлъ тѣлесно одесную Отца. сюда же войдутъ и соблюдающіе духовный законъ ¹⁾.

Отсюда намъ, ходящимъ по духу, а не по буквѣ, свойственно всяческое отложеніе плотскаго, служеніе духовное и единеніе съ Богомъ. Ибо обрѣзаніе есть отложеніе тѣлеснаго удовольствія и всего излишняго и не необходимаго, потому что крайняя плоть есть не что иное, какъ кожа, излишняя для испытывающаго удовольствіе члена. Всякое же удовольствіе, которое не отъ Бога и не въ Богѣ, есть излишекъ удовольствія, образомъ чего является крайняя плоть. Суббота же есть покой отъ грѣха. Такъ что обрѣзаніе и суббота суть одно и, такимъ образомъ, то и другое вмѣстѣ соблюдается поступающими по духу; они не совершаютъ даже незначительнаго беззаконія ²⁾.

Должно еще знать, что число семь обозначаетъ все настоящее время, какъ говоритъ премудрый Соломонъ: *даждь часть седмицъ и осмицъ* (Еккл. XI, 2). И богоглаголивый Давидъ, воспѣвая *объ осмомъ* (Пс. VI, 1), пѣлъ о будущемъ состояніи—послѣ

1) Аванасій александр., бесѣда объ обрѣзаніи и субботѣ.

2) Тамъ же.

воскресенія изъ мертвыхъ. Поэтому законъ, повелѣвая седьмой день проводить въ покоѣ отъ тѣлесныхъ дѣлъ и заниматься духовными, таинственнымъ образомъ показалъ имѣющему видящій Бога умъ истинному Израилю, чтобы онъ во всякое время приближался къ Богу и возвышался надъ всѣмъ тѣлеснымъ ¹⁾.

Г л а в а XXIV.

О дѣвствѣ.

Люди плотскіе и сластолюбивые хулять дѣвство и въ доказательство ссылаются на (слова): *проклятъ всякъ, иже не возставляетъ стѣсни во Израили* (Втор. XXV, 9). Мы же, положившись на воплотившагося отъ Дѣвы Бога Слова, утверждаемъ, что дѣвство свѣше и съ самаго начала было насаждено въ природѣ людей. Ибо человѣкъ былъ сотворенъ изъ дѣвственной земли: 1208
Ева была создана изъ одного только Адама. Въ раю обитало дѣвство. Дѣйствительно, божественное Писаніе говоритъ, что Адамъ и Ева были наги и не стыдились (Быт. II, 25). Когда же они преступили заповѣдь, то узнали, что были наги, и, устыдившись, сшили себѣ препоясанія (Быт. III, 7). И (уже) послѣ преступленія, когда Адамъ услышалъ: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19), и когда черезъ это преступленіе смерть вошла въ міръ, тогда (лишь) *Адамъ позна Еву жену свою и зачехи роди* (IV, 1). Слѣдовательно, бракъ былъ установленъ для того, чтобы родъ человѣческій не былъ истребленъ и уничтоженъ смертію, но чтобы сохранялся черезъ дѣвторожденіе ²⁾.

Но, быть можетъ, скажутъ: что же хочеть [указать] изреченіе: *мужа и жену* (Быт. I, 27); *раститесь и множитесь* (I, 28)? На это мы скажемъ, что изреченіе: *раститесь и множитесь*, не означаетъ непременно размноженія черезъ брачное соединеніе. Ибо Богъ могъ размножить родъ человѣческій и другимъ способомъ, если бы люди до конца сохранили заповѣдь ненарушенною. Но Богъ, по предвѣднiю Своему, вѣдущій *вся прежде бытія ихъ* (Дан. XIII, 42), зная, что люди имѣють (въ будущемъ) преступить Его заповѣдь и быть (за это) осуждены, напередъ сотворилъ мужа и жену и повелѣлъ: *раститесь и множитесь*. Но возвратимся къ ходу (нашихъ мыслей) и разсмотримъ преимущества дѣвства и, что одно и то же, чистоты.

Когда Ною повелѣвалось войти въ ковчегъ и поручалось сохранить сѣмя міра, ему было приказано такъ: *види ты, го-*

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 45.

²⁾ Григорій нисскій, Объ устроеніи человѣка, 16.

ворить Богъ, и сынове твои, и жена твоя, и жены сыновъ твоихъ (Быт. VII, 7). Онъ отдѣлилъ мужей отъ женъ, чтобы они, сохраняя цѣломудріе, избѣгли пучины и того всемірнаго потопленія. Послѣ же прекращенія потопа Онъ говоритъ: *изыди ты, и жена твоя, и сынове твои, и жены сыновъ твоихъ* (Быт. VIII. 16). Вотъ опять дозволенъ бракъ для размноженія рода человѣческаго. Затѣмъ Ілія, восхищенный на огненной колесницѣ и небожитель, не безбрачіе ли возлюбилъ онъ, и не засвидѣтельствовано ли (это) превознесеніемъ. превышающимъ человѣческія условія? Кто заключилъ небо? Кто воскрешалъ мертвыхъ? Кто разсѣкъ Іорданъ? Не дѣвственникъ ли Ілія? А Елисей, ученикъ его, испросившій сугубую благодать Духа, не получилъ ли ее, показавши равную же добродѣтель? А три отрока? Не оказались ли они. подвизаясь въ дѣвствѣ, сильнѣе огня, ибо тѣла ихъ по причинѣ дѣвства не были одолѣны огнемъ? Не въ тѣло ли Давида, укрѣпленное тѣвствомъ, не въ состояніи были вонзиться зубы звѣрей? Богъ, намѣреваясь являться израильтянамъ, не повелѣвалъ ли хранить тѣло въ чистотѣ? Не иначе ли, какъ, очистивъ себя, входили священники во Святое и приносили жертвы? Не называлъ ли законъ цѣломудріе великимъ обѣтомъ?

1209

Итакъ, повелѣніе закона (о бракѣ) нужно понимать болѣе духовнымъ образомъ. Ибо оно есть сѣмя духовное, при посредствѣ любви и страха Божія зачинаемое въ утробѣ души, чревоболящей и рождающей духъ спасенія. Такъ же должно понимать и изреченіе: *блаженъ, иже имѣетъ племя въ Сионѣ, и юзики во Іерусалимѣ* (Иса. XXXI, 9). Неужели блаженъ, хотя бы то былъ блудникъ, пьяница или идолослужитель: если только онъ имѣетъ *племя въ Сионѣ и юзики во Іерусалимѣ*? Никто здравомыслящій не скажетъ этого.

Дѣвство есть образъ жизни ангеловъ, отличительное свойство всякаго безплотнаго естества. Мы говоримъ это. не порицая брака, — да не будетъ! ибо мы знаемъ, что Господь, во время Своего пребыванія (на землѣ), благословилъ бракъ; (знаемъ также слова) сказавшаго: *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4); но (зная это) признаемъ, что дѣвство—лучше хорошаго (самого по себѣ) брака. Ибо и въ добродѣтеляхъ есть степени высшія и низшія, равно какъ и въ порокахъ. Знаемъ, что отъ брака произошли всѣ смертные, кромѣ прародителей. Ибо они—отъ дѣвства, а не произведеніе брака. Но безбрачіе, какъ мы сказали, есть подражаніе ангеламъ. Поэтому, насколько ангель выше человѣка, настолько дѣвство честиѣ брака. Что говорю ангель? Самъ Христосъ—слава дѣвства, не только потому, что родился отъ Отца безначально, безъ истеченія и сочетанія, но и потому, что,

сдѣлавшись подобнымъ намъ, Онъ прѣвѣше насъ воплотился отъ Дѣвы безъ (супружескаго) соединенія и Самъ въ Себѣ Самомъ показалъ истинное и совершенное дѣвство. Поэтому, хотя Онъ и не узаконилъ дѣвства, ибо *не вси вѣщаютъ словесе сего* (Мф. XIX, 11), какъ Онъ Самъ сказалъ, но Онъ Своимъ примѣромъ научилъ насъ дѣвству и далъ намъ силы для него. Ибо кому не ясно, что дѣвство живетъ нынѣ между людьми?

Конечно, хорошо чадородіе, которое производитъ бракъ; хорошъ бракъ *блудодѣянїя ради* (1 Кор. VII, 2), пресѣкающій блудъ и при посредствѣ законнаго совокупленія не позволяющій неистовству похоти устремляться къ беззаконнымъ дѣянїямъ; хорошъ бракъ для тѣхъ, въ комъ нѣтъ воздержанія. Но лучше дѣвство, умножающее чадородіе души и приносящее Богу благовременный плодъ—молитву. *Честна женитва, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣлемъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4).

Г л а в а XXV.

Объ обрѣзанїи.

Обрѣзаніе было дано Аврааму. до закона, послѣ благословеній, послѣ обѣтованія, какъ знакъ, отличающій его. дѣтей его и домочадцевъ его отъ народовъ, съ которыми обращался. Это ясно (изъ слѣдующаго): когда Израиль одинъ. самъ по себѣ, сорокъ лѣтъ провелъ въ пустынѣ, не смѣшиваясь съ другимъ народомъ, тогда всѣ, родившіеся въ пустынѣ, не были обрѣзаны. Когда же Иисусъ перевелъ ихъ черезъ Иорданъ, то они были обрѣзаны и явился второй законъ обрѣзанія. Ибо законъ обрѣзанія данъ при Авраамѣ; потомъ онъ прекратилъ (свое дѣйствіе) въ пустынѣ въ теченіе сорока лѣтъ. И снова во второй разъ Богъ далъ законъ обрѣзанія Иисусу, послѣ перехода черезъ Иорданъ, какъ написано въ книгѣ Иисуса Навина: *въ сіе же время рече Господь Иисусу: сотвори себѣ ножи каменны отъ камене острога, и стѣжь обрѣжи сыны Израилевы второс* (Нав. V, 2). И немного ниже: *четырѣдѣсять бо и два лѣта зождаше Израиль въ пустыни Мавдаритидѣ: сего ради не обрѣзани быша мнози отъ тѣхъ воиновъ изшедшихъ изъ земли Египетскїя, не полушавшии заповѣдей Божїихъ, иже и опредѣли Господь не видѣти самнимъ доброї земли, сюже клянется Господь отцемъ ихъ. дати имъ землю, клящую медомъ и млечкомъ. Влѣсто же сихъ постави сыны ихъ, иже обрѣза Иисусъ. яко родившася на пути не обрѣзани* (Иис. Нав. V, 6—7). Поэтому обрѣзаніе было знакомъ, отличающимъ Израиля отъ народовъ, съ которыми онъ обращался ¹⁾.

¹⁾ Иоаннъ Златоустъ, бесѣда XXXIX на Бытіе.

Обрѣзаніе было также и образомъ крещенія. Ибо какъ обрѣзаніе отсѣкаетъ не полезный членъ тѣла, но бесполезный излишекъ, такъ и черезъ святое крещеніе у насъ отсѣкается грѣхъ; грѣхъ же, какъ очевидно, есть излишекъ желанія, а не полезное желаніе. Невозможно, чтобы кто-нибудь совсѣмъ не имѣлъ желанія, или совершенно незнакомъ былъ съ удовольствіемъ. Но бесполезность въ удовольствіи, т. е. бесполезное желаніе и удовольствіе, есть грѣхъ, который отсѣкаетъ святое крещеніе, дающее намъ въ качествѣ знака честной крестъ на челѣ, отличающій насъ не отъ народовъ, ибо всѣ народы приняли крещеніе и запечатлѣны знакомъ креста, но въ каждомъ народѣ отдѣляющій вѣрнаго отъ невѣрнаго. Отсюда, когда явилась истина, бесполезенъ образъ и тѣнь. Поэтому обрѣзываться нынѣ излишне и противно святому крещенію. Ибо обрѣзывающійся *долженъ есть весь законъ творити* (Гал. V. 3). Господь былъ обрѣзанъ для того, чтобы исполнить законъ, и соблюдалъ весь законъ и субботу, чтобы исполнить и утвердить законъ. Съ того же времени, какъ Онъ крестился и Духъ Святой явился людямъ, сходя на Него въ видѣ голубя. съ того времени проповѣдуется духовное служеніе и образъ жизни, и царство небесное ¹⁾.

Г л а в а XXVI.

Объ Антихристѣ.

Надобно знать, что должно притти антихристу. Конечно, всякій, кто не исповѣдуетъ, что Сынъ Божій пришелъ во плоти, что Онъ есть совершенный Богъ и сдѣлался совершеннымъ человекомъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и Богомъ, тотъ есть антихристъ. Но въ собственномъ смыслѣ и по преимуществу антихристомъ называется тотъ, который придетъ при кончинѣ вѣка. Итакъ, нужно, чтобы сперва было проповѣдано евангеліе у всѣхъ народовъ, какъ сказалъ Господь, и тогда онъ придетъ для избличенія богопротивныхъ іудеевъ. Ибо Господь говорилъ имъ: *Азъ придохъ во имя Отца моего и не приемлете Мене: инъ придетъ во имя свое, и того примлете* (Іоан. V, 43). И Апостолъ сказалъ: *заче любве истинны не прияши. во еже спастися имъ, и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство лести, во еже въровати имъ лжи: да судъ примутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (II Сол. II, 11). Итакъ, іудеи не приняли Того, Кто былъ Сыномъ Божиимъ, Господа Иисуса Христа и Бога, а примутъ обманщика, именующаго себя самого богомъ. Что онъ самъ

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 40.

назоветь себя богомъ, объ этомъ ангель, поучающій Даниїла, говоритъ такъ: *о бозѣхъ отцевъ своихъ не смыслитъ* (Дан. XI. 37). И Апостолъ говоритъ: *да никтоже васъ прельститъ ни по единому образу: яко аще не придетъ отступленіе прежде, и открыеться чело-вѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтимца, якоже ему стѣсти въ церкви Божіей. показующу себе яко Богъ есть* (II Сол. II, 3). Въ церкви Божіей—не въ пашей, но въ древней, іудейской: ибо онъ придетъ не къ намъ. но къ іудеямъ; не за Христа, но противъ Христа и христіанъ; почему и называется антихристомъ ¹⁾.

Итакъ, должно, чтобы сперва было проповѣдано евангеліе у всѣхъ народовъ (Мѣ. XXIV, 14). *И тогда явится беззаконникъ, со же есть пришествіе по дѣйству сатанину во всякой силѣ и знаменіяхъ и чудесъхъ ложныхъ, и во всякой лъсти неправды, въ погибающихъ, его же Господи убіетъ глаголомъ устъ своихъ и упряднитъ явленіемъ пришествия Своего* (II Сол. II, 9—10). Итакъ, не самъ діаволь дѣлается чело-вѣкомъ, подобно вочеловѣченію Господа. — да не будетъ! но рождается чело-вѣкъ отъ блудодѣянія и принимаетъ на себя все дѣйствіе сатаны. Ибо Богъ, зная напередъ развращенность будущаго произволенія его, попускаетъ діаволу вселиться въ него.

Итакъ, онъ рождается, какъ мы сказали, отъ блудодѣянія, тайно воспитывается, внезапно возстаетъ, возмущается и дѣлается царемъ. Въ началѣ своего царствованія, или вѣрнѣе—тиранніи онъ прикрывается личиною святости; когда же сдѣлается побѣдоноснымъ, то начнетъ гнать Церковь Божію и выкажетъ всю свою злобу. Придетъ же онъ въ знаменіихъ и чудесъхъ ложныхъ, вымышленныхъ, а не истинныхъ, и тѣхъ, которые имѣють слабый и нетвердый умъ. обольститъ и отвратитъ отъ Бога живого, такъ, чтобы были соблазнены *аще возможно и избранные* (Мѣ. XXIV, 24).

Будутъ же посланы Енохъ и Ілія Ѳесвитянинъ (Мал. IV, 6), и обратятъ сердца отцовъ къ дѣтямъ, т. е. синагогу къ Господу нашему Іисусу Христу и къ проповѣди Апостоловъ, и будутъ убиты антихристомъ (Апок. XI, 3). И придетъ Господь съ неба такимъ же образомъ, какимъ Апостолы видѣли Его восходящимъ на небо (Дѣян. I, 11): совершенный Богъ и совершенный чело-вѣкъ, со славою и силою, и *убіетъ чело-вѣка беззаконія, сына погибели, духомъ устъ своихъ* (II Сол. II, 8). Поэтому, пусть никто

¹⁾ Григорій Богословъ, слово 35, Іоаннъ Златоустъ, бесѣда II-ая на 2-ое посланіе къ Солунянамъ.

не ожидаетъ Господа отъ земли, но съ неба, какъ Самъ Онъ утвердилъ это.

1220

Г л а в а XXVII.

О воскресеніи.

Мы вѣруемъ также и въ воскресеніе мертвыхъ. Ибо будетъ, истинно будетъ воскресеніе мертвыхъ. Говоря же о воскресеніи, мы разумѣемъ воскресеніе тѣлъ. Ибо воскресеніе есть вторичное возстановленіе упавшаго. Души же, будучи безсмертны, какимъ образомъ воскреснутъ? Ибо если смерть опредѣляютъ, какъ разлученіе души отъ тѣла, то воскресеніе есть, безъ сомнѣнія, вторичное соединеніе души и тѣла и вторичное возстановленіе разрушившагося и павшаго живого существа. Итакъ, то самое тѣло, которое истлѣваетъ и разрушается, возстанетъ нетлѣннымъ. Ибо Тотъ, Кто въ началѣ составилъ его изъ праха земли, не можетъ снова воскресить его. послѣ того, какъ оно, по опредѣленію Творца, разрушилось и возвратилось опять въ землю, изъ которой взято.

Если же нѣтъ воскресенія, то *да ямы и тѣмь* (I Кор. XV, 32) и устремимся къ жизни, полной удовольствія и утѣхъ. Если нѣтъ воскресенія, то чѣмъ мы отличаемся отъ *безсловесныхъ*? Если нѣтъ воскресенія, то мы должны считать счастливыми полевыхъ звѣрей, проводящихъ безпечальную жизнь. Если нѣтъ воскресенія, то нѣтъ и Бога, нѣтъ Промысла, но все управляется и движется случайно. Ибо мы видимъ, что вотъ весьма многіе праведники терпятъ нужду и обиды и не получаютъ никакой помощи въ настоящей жизни, а грѣшники и неправедные избилуютъ богатствомъ и всякой роскошью. И кто здравомыслящій призналъ бы это дѣломъ правосудія или мудраго Промысла? Итакъ, будетъ, будетъ воскресеніе. Ибо Богъ праведенъ и уповающимъ на Него бываетъ мздовоздаятелемъ. Поэтому, если бы одна только душа упражнялась въ подвигахъ добродѣтели, одна бы она и увѣчивалась, и если бы одна только она постоянно пребывала въ удовольствіяхъ, одна бы, по справедливости, и наказывалась. Но такъ какъ ни къ добродѣтели, ни къ пороку душа не стремилась отдѣльно отъ тѣла, то, по справедливости, вмѣстѣ они и получаютъ воздаяніе.

1221

И божественное Писаніе также свидѣтельствуетъ, что будетъ воскресеніе тѣлъ. Такъ говоритъ Богъ Ною послѣ потопа: *Яко земли травное дахъ вамъ все. Точію мяса въ крови души да не съѣдете.*

И крови вашей души вашихъ изыщутъ, отъ руки всякаго звѣря изыщутъ ея: и отъ руки всякаго челоуѣка брата его изыщутъ души его. Пролитаяя кровь челоуѣку, въ ся мѣсто его проліется: яко во образъ Божій сотворишь челоуѣка (Быт. IX, 3). Какимъ же образомъ Богъ възшчетъ кровь челоуѣческую отъ руки всякихъ звѣрей, если не воскреситъ тѣлъ людей умершихъ? Ибо звѣрей за челоуѣка не предають смерти.

Еще Моисею: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковль. Нѣсть Богъ—Богъ мертвыхъ, тѣхъ, которые умерли и болѣе не будутъ существовать, но—живыхъ (Исх. III, 6), души которыхъ живутъ въ руцѣ Божіей (Прем. III, 1), а тѣла снова оживутъ черезъ воскресеніе. И богоотецъ Давидъ говоритъ къ Богу: отымени духъ и.г. и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся (Пс. CII, 29). Вотъ рѣчь о тѣлахъ. Потомъ присовокупляетъ: послени духа Твоего, и созиждутся, и обновши лице земчи (ст. 30).*

Исаія также говоритъ: *возкреснутъ мертвіи, и востанутъ сущіи во гробѣхъ (XXVI, 19). Очевидно же, что не души полагаются въ гробахъ, но тѣла.*

И блаженный Іезекіиль говоритъ: *и бысть внегда ми пророчествовати, и се трусь, и совокупляющя кости, кость къ кости, каяждо къ составу своему. И видѣхъ, и се быша имъ жилицы, и плоть растяже, и восхождаше на нихъ и протяжесе имъ кожа верзху (Іезек. XXXVII, 7). Потомъ онъ учитъ, какъ, по повелѣнію Божію, возвратился въ ня духъ жизни (ст. 9—10) ¹⁾.*

А также и божественный Даніилъ говоритъ: *и во время оно востанетъ Михаилъ князь великій стояй о сынѣхъ людей твоихъ: и будеть время скорби, скорбь, якова не бысть, отнелъже создася языкъ на земли, даже до времени онаго: и въ то время спасутся люди Твои вси, обрѣтшіися вписани въ книгу. И мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оии во укоризну и въ стыдѣніе вѣчное. И смыслящій просвѣтятся, аки свѣтлость тверди, и отъ праведныхъ многихъ аки звѣзды во вѣки, и еще просвѣтятся (Дан. XII, 1—3). Ясно, что, говоря: мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти востанутъ, пророкъ показываетъ на воскресеніе тѣлъ, ибо, конечно, никто не скажетъ, что души спятъ въ персти земной.*

Но также и Господь въ святыхъ Евангеліяхъ совершенно ясно передать о воскресеніи тѣлъ: *услышатъ, говоритъ Онъ, сущіи во гробѣхъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотвориши благая въ воскрешеніи живота, а сотвориши злая въ воскрешеніи суда (Іоан. 1224*

¹⁾ Григорій нисскій, О душѣ и воскресеніи.

V, 28—29). Никто здравомыслящій не скажетъ, что души находятся во гробахъ.

Но Господь не словомъ только, но и самымъ дѣломъ удостоверилъ воскресеніе тѣлъ. Прежде всего Онъ воскресилъ Лазаря четверодневнаго, уже предавагося тлѣнію и смердѣваго (Іоан. XI, 39—44): воскресилъ не душу, лишенную тѣла, но и тѣло вмѣстѣ съ душою, и не другое тѣло, но то самое, которое уже предалось тлѣнію. Ибо, какимъ образомъ узнали бы или повѣрили бы воскресенію умершаго, если бы не доказывали этого характеристическіе признаки? Но Лазаря Онъ воскресилъ для доказательства Своей божественности и для увѣренія въ Своемъ и нашемъ воскресеніи.—Лазаря, долженствоваваго снова умереть. Самъ же Господь сдѣлался начаткомъ совершеннаго и уже не поддающаго подъ власть смерти воскресенія. Поэтому-то божественный Апостоль Павелъ говорилъ: *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста. Аще же Христосъ не воста, то слѣдовательно суетна вѣра наша, слѣдовательно, сще находимся во грѣсѣхъ нашихъ* (I Кор. XV, 16—17). И далѣе: такъ какъ *Христосъ воста, начатокъ умершихъ [бысть]* (I Кор. XV, 16), и *перворожденъ изъ мертвыхъ* (Кол. I, 18). И еще: *аще бо въруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершихъ въ Іисусѣ приведетъ съ нимъ* (I Сол. IV, 14). Тако, говоритъ Апостоль, (т. е.) какъ воскресъ Господь.

Ясно, что воскресеніе Господа было соединеніемъ нетлѣннаго Его тѣла и души (ибо они были разлучены), ибо Онъ сказалъ: *ризорите церковь сію, и трети днми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). Святое Евангеліе—достовѣрный свидѣтель, что Онъ говорилъ это о Своемъ тѣлѣ (Іоан. II, 21). *Осяжите мя и видите*, говоритъ Господь Своимъ ученикамъ, думавшимъ, что они видятъ духа, *яко азъ есмь и не измѣнился, яко духъ плоти и кости не иная, якоже мене видите и лица* (Лук. XXIV, 39), И сказавши это, показавъ имъ руки и ребро и предлагаетъ Ѳомѣ для осязанія. Неужели этого недостаточно для увѣренія въ воскресеніи тѣлъ?

1225

Еще божественный Апостоль говоритъ: *подобаетъ бо тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе* (I Кор. XV, 53). И еще: *сѣется въ тлѣніи, востаетъ въ нетлѣннѣи: сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ: сѣется не въ честь, востаетъ въ славу: сѣется тѣло душевное, т. е. грубое и смертное. востаетъ тѣло духовное* (I Кор. XV, 42—44), каково тѣло Господа по воскресеніи, проходившее сквозь закрытыя двери, не утомляющееся, не нуждающееся въ пищѣ, снѣ и питъѣ. Ибо *будутъ*, говоритъ Господь, *яко ангели Божіи* (Мф. XXII, 30); не будетъ уже ни брака, ни дѣторожденія. Дѣйствительно, божественный Апо-

столь говорить: *наше бо житіе на небесахъ есть, отъ онудуже и Спасителя ждемъ Господа Іисуса: иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его* (Фил. III, 20—21), разумѣя здѣсь не превращеніе въ другой образъ, нѣтъ,—но, вѣрнѣе, измѣненіе изъ тлѣннаго въ нетлѣнное ¹⁾.

Но речеть нѣкто: како востанутъ мертвіи (I Кор. XV, 35)? О невѣріе! О, безуміе! Кто единымъ хотѣніемъ превратилъ прахъ въ тѣло. Кто малой каплѣ сѣмени въ утробѣ повелѣлъ расти и образовать этотъ многовидный и многообразный организмъ нашего тѣла, Тотъ не скорѣе ли можетъ однимъ только хотѣніемъ воскресить то, что уже было и разрушилось? *Коиимъ же тѣломъ придутъ* (I Кор. XV, 35)? *Безуміе* (ст. 36)! Если ожесточеніе не позволяетъ тебѣ вѣровать словамъ Божіимъ, вѣруй, по крайней мѣрѣ, дѣламъ! Ибо *ты еже съеши, не оживѣтъ, аще не умретъ: и еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ. Богъ же дастъ ему тѣло, якоже восхоцетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (I Кор. XV, 36—38). Смотри, сѣмена зарываются въ бороздахъ, какъ въ могилахъ. Кто образуетъ имъ корни, стебель, листья, колосья и тончайшія ости (на колосьяхъ)? Не Творецъ ли всего? Не повелѣніе ли Того, Кто устроилъ все? Такимъ же образомъ вѣруй, что и воскресеніе мертвыхъ будетъ по божественному желанію и мановенію. Ибо Его желанію сопутствуетъ могущество.

Итакъ, мы воскреснемъ, такъ какъ души опять соединятся съ тѣлами, которыя станутъ безсмертными и совлекутся тлѣнія, и предстанемъ предъ страшнымъ Христовымъ судилищемъ. Діаволь и демоны его, и челоувѣкъ его, т. е. антихристъ. нечестивые и грѣшники будутъ преданы *во огонь вѣчный*, не вещественный, каковъ у насъ, но такой, какой знаетъ одинъ Богъ. *А сотворшіи благая* просвѣтятся, какъ солнце, вмѣстѣ съ ангелами въ жизни вѣчной, съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, вѣчно созерцаая Его и сами будучи Имъ созерцаемы, и наслаждаясь проистекающей отъ Него радостью. прославляя Его со Отцемъ и Святымъ Духомъ въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь. 1228

¹⁾ Григорій нисскій, О душѣ и воскресеніи.

СВЯТАГО ІОАННА ДАМАСКИНА

1232

первое защитительное слово противъ отвергающихъ
св. иконы.

НАМЪ, всегда чувствующимъ свое недостоинство, прилично было бы молчать и исповѣдывать Богу грѣхи свои. Но такъ какъ все хорошо въ свое время, я же вижу, что Церковь, которую Богъ построилъ *на основаніи апостолъ и пророкъ, сицу краеугольну Самому Іисусу Христу* (Ефес. II, 20), бросается какъ бы морскою бурею съ вздымающимися другъ надъ другомъ волнами, волнуется и смущается несноснѣйшимъ напоромъ лукавыхъ духовъ; и хитонъ Христа свыше сотканный, который стремились раздѣлить *сыны нечестивыхъ*, раздѣляется, и тѣло Его, которое есть слово Божіе и издавна принятое церковное преданіе, разсѣкается на различныя части. то я счелъ, что неблагоприятно молчать и налагать оковы на языкъ, взирая на угрозу, говорящую: *аще усумнится, не благоволишь душа моя въ немъ* (Авв. II, 4), и: *если увидишь мечъ грядущъ и не будешь глаголати брату твоему, крове его отъ руки твоя възыцу* (Іез. XXXIII, 6). Итакъ, побуждаемый нестерпимымъ страхомъ, я рѣшилъ говорить, высоту царей не полагая выше истины, ибо слышала богоотца Давида, говорящаго: *глаголахъ предъ цари и не стыдяхся* (Пс. CXVIII, 46). Даже болѣе побуждался къ тому, чтобы говорить, тѣмъ, что слово царя способно къ обольщенію подданныхъ, потому что изъ бывшихъ издавна немного такихъ, которые пренебрегли бы повелѣніями царей, зная, что надъ земнымъ царемъ есть небесное царство и что законы обладаютъ царями.

1233

II. И такъ, прежде всего положивши соблюденіе церковнаго законоположенія, чрезъ которое происходитъ спасеніе, какъ нѣкоторое начало или основаніе разсужденія, я открылъ поле для слова и выпустилъ его, какъ хорошо взнузданнаго коня. Ибо по-

истинѣ я считалъ ужаснымъ и болѣе чѣмъ ужаснымъ, что церковь, блистающая такими преимуществами и издавна украшенная преданіями благочестивѣйшихъ мужей, обращается *на худыя стихи*, бонется страха, *идтъ же не бѣ страхъ* (Пс. LII, 6); что какъ будто не знающая истиннаго Бога, она боится соскользнуть въ идолослуженіе и, хотя въ самой малой степени, лишиться совершенства; что она какъ будто носитъ въ срединѣ очень красиваго лица какое-то постоянное клеймо, такъ всецѣло неподходящее, что оно уничтожаетъ всю красоту; ибо не мало то, что ведетъ къ большому. такъ какъ не малый признакъ заблужденія—низвергнуть издавна соблюдаемое церковное преданіе, какъ бы осуждая предковъ нашихъ, взирая на жизнь которыхъ, нужно подражать ихъ вѣрѣ (Евр. XIII, 7).

III. Итакъ, обращаясь къ вамъ со словомъ, прежде всего молю Вседержителя Бога, предъ Которымъ наго все и открыто, видящаго искренность смиреннаго разума моего и чистоту намѣренія, дать мнѣ слово въ открытіи устъ моихъ, и взять въ Свои руки управленіе умомъ моимъ, и привлечь его къ Себѣ, направивши его по открытому и прямому пути, чтобы онъ не уклонялся ни къ тому, что ему кажется правильнымъ. ни къ тому, что извѣстно, какъ ложное. Послѣ этого молю весь народъ Божій, *языкъ святъ, царское священство* съ добрымъ пастыремъ словеснаго стада Христова, представляющимъ въ себѣ самомъ Христову іерархію, принять слово мое съ благосклонностью, не обращая вниманіе на достоинство, которое весьма мало, и не ища искусства словъ, такъ какъ въ этомъ я, бѣдный, не достаточно искусенъ, но взвѣсивая силу мыслей. ибо царство небесное не въ словѣ, *но въ силѣ*; ибо цѣль—не побѣдить, но протянуть руку поражаемой истинѣ, руку сильную добрымъ прозвоненіемъ. Итакъ, призывая спасительную ипостасную Истину, отсюда начну слово.

IV. Знаю неложно Сказавшаго: *Господь Богъ твой—Господь одинъ есть* (Втор. VI, 4); и: *Господа Бога твоего да убоишися и Тому единому послужилии* (Втор. VI, 13); и: *да не будутъ тебѣ бози инѣи развѣ Мене* (Исх. XX, 3); и: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу* (Исх. XX, 4); и: *да постыдятся вси клнящіиися истуканнымъ* (Пс. XCVI, 7); и: *бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнуть* (Іер. X, II). И многое подобное *древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ въ послѣдокъ дній глагола намъ въ едиnorodномъ Своемъ Сынѣ, Имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 1—2). Знаю Сказавшаго: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Его же*

послать вси Іисусъ Христа (Іоан. XVII, 3). Вѣрую во единого Бога, единое начало всего, безначальнаго, несозданнаго, неподверженнаго гибели и безсмертнаго, вѣчнаго и постояннаго, непостижимаго, безтѣлеснаго, невидимаго, неопишуемаго, не имѣющаго формы; единую пресущественную сущность, пребожественное Божество, въ трехъ ипостасяхъ Отцѣ и Сынѣ, и Св. Духѣ; и этому одному служу, и этому одному совершаю поклоненіе служенія. Поклоняюсь единому Богу, единому Божеству. Но и Троицѣ ипостасей служу, Богу Отцу и Богу Сыну воплощенному и Богу Св. Духу,—единому Богу. Не поклоняюсь твари паче Создавшаго, но поклоняюсь Творцу, созданному по мнѣ и сошедшему къ твари безъ униженія и поврежденія себя, чтобы прославить мое естество и сдѣлать его общникомъ божественнаго естества. Въмѣстѣ же съ царемъ и Богомъ поклоняюсь багряницѣ тѣла, не какъ одеждѣ и не какъ четвертому лицу: нѣтъ! но какъ соединенной съ Богомъ и пребывающей безъ измѣненія, какъ и помазавшее ее. Ибо естество плоти не сдѣлалось Божествомъ, но, какъ Слово стало плотію непреложно, оставаясь тѣмъ, чѣмъ Оно было, такъ и плоть стала Словомъ, не потерявши того, что она имѣетъ, отожествившись же съ Словомъ по ипостаси. Почему съ увѣренностью изображаю Бога невидимаго не какъ невидимаго, но какъ сдѣлавшагося видимымъ ради насъ участіемъ въ плоти и крови. Не невидимое Божество изображаю, но изображаю видѣнную плоть Бога. Ибо если душу изобразить невозможно, то насколько же болѣе Бога, и душѣ давшаго свойство нематеріальности.

V. Но, говорятъ, Богъ сказалъ чрезъ Моисея законодателя: *Господу Богу твоему поклонитися и тому единому послужити, и не сотвори всякаго подобія, елика на небеси и елика на земли.*

Братія, существенно заблуждаются не знающіе изъ Писаній, что *писмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (II Кор. III, 6), не изслѣдующіе подъ буквою скрытый духъ. Итакъ, справедливо бы было сказать: научившій васъ этому пусть научитъ и слѣдующему. Научись, какъ изъясняетъ это законодатель, слѣдующимъ какъ бы образомъ говоря во Второзаконіи: *и глагола Господь къ намъ изъ среды огня: гласъ словесъ Его вы слышаете и образа не видите,— токмо гласъ* (Втор. IV, 12); и спустя немного: *и снабдите души своя зѣло, яко не видите всякаго подобія въ день, вонъже глагола Господь къ вамъ въ гортъ Хоривъ изъ среды огня; не беззаконуйте и не сотворите себѣ самимъ подобія ваянна, всякаго образа подобія мужеска пола или женска; и подобія всякаго скота, иже есть на земли, подобія всякія птицы пернатыя* (Втор. IV, 15—17) и проч.; и немного далѣе: *да не когда воззрѣвъ на небо, и видѣвъ солнце и*

луну и звезды и всю красоту небесную, прельстився поклонились имъ, и послужили имъ (Втор. IV, 19).

VI. Видишь ли, что одна цѣль: чтобы не служить твари *наше Создателя* и не совершать ей служебное поклоненіе, но только одному Творцу. почему повсюду присоединяетъ къ поклоненію *служеніе*. Пбо опять говорить: *да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ Мене* (Исх. XX, 3); *да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія, да не поклониши имъ ниже послужиши имъ, яко Азъ есмь Господь Богъ вашъ* (Втор. V, 8—9); и опять: *да раскопаетъ требища ихъ, и сокрушите столпы ихъ, и дубравы ихъ ссѣчете, и ваяніе боговъ ихъ сожжете огнемъ* (Втор. XII, 3), ибо вы не будете поклоняться иному богу; и спустя немного: *и боговъ сляпанныхъ да не сотвориши себѣ* (Исх. XXXIV, 17).

VII. Видишь, запрещаетъ иконописаніе изъ-за идолослуженія и потому, что невозможно изобразить Бога, не имѣющаго количества, неопишуемаго и невидимаго: ибо, говорить, Его *образа не видѣте* (Втор. IV, 12), подобно тому какъ и Павелъ, стоя въ срединѣ Ареопага, говорить: *родъ нбо суще Божій, не должны есмь нещевати подобно быти Божество злату или серебру, или камню судожнѣ начертану, и смышленію человѣчу* (Дѣян. XVII, 29).

VIII. У іудеевъ ради склонности къ идолопоклонству было узаконено это. Мы же, которымъ, говоря съ Богословомъ, какъ избѣгшимъ суевѣрнаго заблужденія и познавшимъ истину, дано быть съ Богомъ, и служить единому Богу, и обогатиться совершенствомъ богопознанія, и достигнуть въ *мужа совершена* (Еф. IV, 13), мы не находимся болѣе подъ дѣтководителемъ (Гал. III, 25), такъ какъ пережили дѣтство, получивши отъ Бога способность различенія и зная, что можно изобразить и что неопишимо образомъ: ибо Его *образы, говорить, не видѣте* (Втор. IV, 12). О, мудрость законодателя! Какъ изобразить невидимое? Какъ уподобить неподобное? Какъ описать не имѣющее количества и величины и неограниченное? Какъ обозначить не имѣющее формы?

124) Какъ изобразить красками безтѣлесное? Итакъ, что здѣсь таинственно показывается? Очевидно, что, когда увидишь безтѣлеснаго ради тебя сдѣлавшагося человѣкомъ, тогда сдѣлаешь изображеніе Его человѣческаго образа. Когда Невидимый сдѣлается видимымъ во плоти, тогда изобразишь подобіе Видѣннаго. Когда безтѣлесный и не имѣющій формы, не имѣющій количества и величины и несравненный въ виду превосходства Своей природы, сущій во образѣ Божіи, принявши зракъ раба, смирится въ немъ до количества и величины и облечется въ тѣлесный образъ,

тогда начертай Его на доскѣ; и возложи для созерцанія Того, Который допустилъ, чтобы Его видѣли. Начертай неизреченное Его снисхожденіе, рожденіе отъ Дѣвы, крещеніе во Иорданѣ, преображеніе на Фаворѣ, страданія, доставляющія безстрастіе, смерть, чудеса—символы Его божественной природы, совершаемые божественнымъ дѣйствіемъ чрезъ дѣйствіе плоти, спасительный крестъ, гробъ, воскресеніе, восшествіе на небеса;—все пиши—и словомъ, и красками. Не бойся, не страшись. Я знаю различіе поклоненія. Нѣкогда Авраамъ, когда купилъ для погребенія двойную пещеру, поклонился сыномъ *Еммора*, мужамъ нечестивымъ и страдающимъ невѣдѣніемъ Бога. Поклонился Іаковъ брату Исаву и фараону, мужу египетскому и даже и *на верхъ жезла*,—поклонился, но не послужилъ. Поклонились Іисусъ Навинъ и Данилъ ангелу Божію, но не послужили: ибо иное дѣло—поклоненіе служебное, и иное—поклоненіе, происходящее изъ поклоненія тѣмъ, которые выдаются какимъ-либо достоинствомъ.

IX. Но такъ какъ у насъ рѣчь относительно *образа* и *поклоненія*, то мы раздѣлимъ слово о нихъ. Итакъ, образъ есть подобіе, описывающее первообразъ, съ которымъ онъ имѣетъ и нѣкоторое различіе, ибо не во всемъ образъ подобенъ первообразу. Итакъ, живой, естественный и неизмѣнный образъ невидимаго Бога есть Сынъ, носящій въ Себѣ всего Отца, во всемъ съ Нимъ тождественный, различающійся же только въ отношеніи къ причинѣ, ибо причина естественная—Отецъ, имѣющее же причину — Сынъ: ибо не Отецъ изъ Сына, но Сынъ изъ Отца, такъ какъ изъ Него, хотя и не послѣ Него, имѣетъ бытіе, которое, именно, есть родившій Отецъ.

X. Существуютъ же и въ Богѣ образы и планы того, что будетъ Имъ совершено, т. е. Его предвѣчный и всегда неизмѣнный совѣтъ, ибо Божество, *у Него же нсть претмненіе или предложенія ствнъ* (Іак. I, 17), совершенно непоколебимо. Эти образы и планы суть предопредѣленія, говоритъ св. Діонисій, великій въ божественныхъ вещахъ и созерцавшій при помощи Божіей то, что касается Бога; ибо въ совѣтъ Его начертанно все, предопредѣленное Имъ и неизмѣнно сущее прежде бытія ихъ. 1241

Подобнымъ образомъ если кто желаетъ построить домъ, то прежде начертываетъ въ умѣ и составляетъ его видъ.

XI. Далѣе, иконы суть видимое невидимаго и не имѣющаго фигуры, но тѣлесно изображеннаго ради слабости пониманія, ибо и божественное Писаніе приписываетъ образы Богу и ангеламъ, и о причинѣ этого учитъ тотъ же самый божественный

мужь. Ибо въ одномъ только, — въ приспособленіи къ намъ, не могущимъ непосредственно возвыситься до разумныхъ созерцаній и нуждающимся въ соответственныхъ и понятныхъ посредствахъ можно указать основаніе того, что по справедливости приписываются образы не имѣющимъ образа, и формы—не имѣющимъ формы.

Итакъ, если, заботясь о соответствіи намъ, божественное Слово, собирающее отовсюду то, что насъ возвышаетъ, приписываетъ и простымъ и не имѣющимъ образа предметамъ нѣкоторые образы, то какъ намъ не изображать того, что уподобилось нашему собственному естеству, чего сильно желаемъ, но чего нѣтъ налицо, чего нельзя видѣть? Ибо чрезъ ощущеніе создается нѣкоторое впечатлѣніе въ передней части мозга, которое передается способности сужденія и сохраняется въ памяти. Дѣйствительно и Григорій Богословъ говоритъ, что умъ, несмотря на большое стараніе отрѣшиться отъ тѣлеснаго, совершенно неспособенъ на это; но *невидимая Бога отъ созданія міра творенми помышляема видима суть*; ибо видимъ въ тваряхъ образы, показывающіе намъ тускло божественныя откровенія, когда, наприм., говоримъ, что Св. безначальная Троица изображается чрезъ солнце, свѣтъ и лучъ; или чрезъ бьющій ключемъ источникъ, текущій потокъ и русло; или чрезъ умъ, слово и духъ. которые въ насъ; или чрезъ растеніе, цвѣтъ и запахъ розы.

ХII. Далѣе, образъ будущаго, говорятъ, загадочно описываетъ грядущее, какъ ковчегъ, жезлъ и стамна—св. Дѣву и Богородицу; и какъ змій—Того, Который уничтожилъ чрезъ крестъ укушеніе начальника зла—змія; или море, вода и облако—духъ крещенія.

ХIII. Затѣмъ, изображеніе прошедшаго, говорятъ, служитъ для воспоминанія или какого-нибудь чуда, или чести, или стыда, или добродѣтели, или зла къ пользѣ смотрящаго на него потомства,—чтобы избѣгали зла и ревновали о добродѣтеляхъ. Оно бываетъ двоякое: чрезъ слово, написанное въ книгахъ, какъ Богъ начерталъ законъ на скрижаляхъ и приказалъ записать жизнь боголюбезныхъ мужей; и чрезъ чувственное созерцаніе,—какъ, наприм., приказалъ положить въ ковчегъ въ воспоминаніе стамну и жезлъ. Такимъ образомъ и теперь мы изображаемъ образы прошедшаго и добродѣтели.

Слѣдовательно, или уничтожь всякое изображеніе и издай законъ противный Тому, Который приказалъ, чтобы они были, или всякое прими съ приличествующимъ каждому основаніемъ и

характеромъ. Итакъ, сказавши о родахъ изображенія, скажемъ и о поклоненіи.

XIV. Поклоненіе есть знакъ благоговѣнія и почтенія, и мы знаемъ различные роды его. Во-первыхъ, поклоненіе служебное, которое приносимъ единому по природѣ покланяемому Богу. Затѣмъ, поклоненіе, приносимое ради по природѣ покланяемаго Бога Его друзьямъ и слугамъ, подобно тому какъ Иисусъ Навинъ и Давидъ поклонились ангелу: или мѣстамъ Божіимъ, какъ говоритъ Давидъ: *поклонимся на мѣсто, якоже стоятъ нозѣ Его* (Пс. СXXXI, 7); или вещамъ, посвященнымъ Ему, подобно тому какъ весь Израиль покланялся скинии и теперь еще, стоя вокругъ Іерусалимскаго храма и смотря на него отовсюду, евреи поклоняются; или начальникамъ отъ Него поставленнымъ, какъ Іаковъ—Исаву, какъ первородному брату, данному Богомъ; и фараону, поставленному Богомъ начальнику, и какъ Іосифу—его брата. Знаю и взаимное поклоненіе изъ почтенія, какъ Авраамъ—сыномъ Ем.мора.

Итакъ, или всякое поклоненіе уничтожь или приими всякія съ надлежащимъ основаніемъ и характеромъ.

XV. Отвѣтъ мнѣ на вопросъ; Богъ, есть ли единъ Богъ? „Да, скажешь, мнѣ кажется, Онъ есть единый законодатель“. Тогда почему же Онъ узаконяетъ противоположное? Ибо не внѣ твари херувимы: почему же Онъ приказываетъ, чтобы изваянные херувимы, сдѣланные руками людей, осѣняли очистилище? Не очевидно ли, что невозможно сдѣлать изображеніе Бога, какъ неописуемаго и не имѣющаго подобія, или изображеніе кого-нибудь,—какъ будто это Богъ, чтобы не совершалось поклоненіе твари, почитаемой, какъ Богъ; повелѣваетъ же сдѣлать осѣняющее очистилище изображеніе херувимовъ, какъ описуемыхъ и рабски предъ стоящихъ божественному престолу, чтобы оно рабственно осѣняло очистилище. Ибо прилично, чтобы образъ божественныхъ тайнъ осѣнялся изображеніемъ небесныхъ служителей. Неужели ты скажешь, что ковчегъ, стамна, очистилище не руками сдѣланы? не дѣла рукъ человѣческихъ? не изъ неблагородной, какъ ты говоришь, матеріи приготовлены? Что же вся скинія? Не была ли она образомъ? Не сѣнь ли и образецъ? Ибо божественный Апостоль, разсуждая относительно священниковъ подзаконныхъ, говоритъ: *иже образу и стѣни служатъ небесныхъ, якоже глаголаше бысть Моисею, хотяшу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (Евр. VIII, 5). Но и не образомъ былъ законъ, во сѣню образа, какъ говоритъ тотъ же самый Апостоль: *стѣнь бо имый законъ грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей* (Евр. X, 1).

Итакъ, что намъ сказать. если законъ отвергаетъ изображенія, самъ же является предначертаніемъ образа? Если скинія—сѣнь и образъ образа, то почему законъ повелѣваетъ не дѣлать изображеній? Но не такъ это, не такъ. Свое же *время всякой вещи.*

XVI. Въ древности Богъ, безтѣлесный и не имѣющій вида, никогда не изображался. Теперь же, когда Богъ явился во плоти и *съ чловѣчки поживе*, изображаю видимое Бога. Не поклоняюсь матеріи, поклоняюсь же Творцу матеріи, ставшему матеріей ради меня, и благоволившему обитать въ матеріи и чрезъ матерію содѣлавшему мнѣ спасеніе; и не перестану почитать матерію, чрезъ которую совершено мое спасеніе. Почитаю же не какъ Бога. Нѣтъ, ибо какъ можетъ быть Богомъ то, что имѣетъ бытіе изъ не сущаго? Но и тѣло Бога есть Богъ,—тѣло, чрезъ ипостасное единеніе содѣлавшееся неизмѣнно тѣмъ, именно, что есть помазавшее, и оставшееся тѣмъ, что есть по природѣ, т. е. плотию, одухотворенной разумною и мысленною душою, имѣющей начало и несозданной. Чту же и уважаю и остальную матерію, чрезъ которую совершилось мое спасеніе, какъ полную божественной силы и благодати. Развѣ не матерія древо креста, счастливѣйшее и треблаженное? Развѣ не матерія гора, достойная уваженія и святая? лобное мѣсто? Развѣ не матерія благодѣтельная и живоносная скала, святой гробъ, источникъ нашего воскресенія? Развѣ не матерія чернила и всевятая книга Евангелій? Развѣ не матерія живоносная трапеза, подающая намъ хлѣбъ жизни? Развѣ не матерія золото и серебро, изъ которыхъ приготавливаются кресты, и блюда, и чаши? Развѣ не матерія прежде всего этого тѣло и кровь нашего Господа? Или отрицай уваженіе и поклоненіе всему этому, или допусти на основаніи церковнаго преданія и поклоненіе иконамъ, посвящаемымъ имени Бога и друзей Божіихъ и чрезъ это освящаемымъ благодатію Божественнаго Духа. Не хули матерію, ибо она не презрѣнна, такъ какъ нѣтъ ничего презрѣннаго въ томъ, что произошло отъ Бога. Это—мудрованіе манихеевъ. Одно же только презрѣнно, что не имѣетъ причины въ Богѣ, но есть наше изобрѣтеніе чрезъ рѣшеніе воли и самовластное уклоненіе отъ того, что согласно съ природою, къ тому, что противно природѣ,—т. е. грѣхъ. Если ради закона не считаешь иконъ и отвергаешь ихъ, какъ приготовленныя изъ матеріи, то смотри, что говоритъ писаніе: *и рече Господь къ Моисею, глаголя: се нарекохъ именемъ Вселенна, сына Урии, сына Орова, отъ племени Иудина. И наполнихъ его Духомъ Божіимъ премудрости, и смысленія, и съдѣнія, во всякомъ дѣлѣ разумити. И архитектовствовати. дѣ-*

лати золото, и сребро, и мѣдь, и синету, и багряницу, и червленницу прядену, и виссонъ сканый, и каменное дѣло, и различная древодѣльства дѣлати во всѣхъ дѣльхъ. И Азъ дахъ ему и Еліава сына Азисамахова отъ племени Данова: и всякому смысленному сердцемъ дахъ смыслъ, — и потрудятся, и сотворятъ вся, елика заповѣдахъ тебѣ (Исх. XXXI, 1 — 6). И далѣе: и рече Моисей ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ, глаголя: сіе слово, еже завіца Господь, глаголя: возьмите отъ себе самихъ участіе Господу: всякъ по воли сердца своего да принесетъ начатки Господу, золото, сребро, мѣдь, синету, багряницу, червленницу сугубу спрядену, и виссонъ сканый, и волну козью, и кожи овни очервленны, и кожи сини, и древесна негниюща, и елей во свѣщеніе, и оуміамъ въ слей помазанія, и въ сложеніе оуміама, и камени сардійски, и камени въ вяяніе на ризу верхнюю, и на подирь. И всякъ премудрый сердцемъ въ васъ, шедъ да дѣлаетъ вся, елика заповѣда Господь: скинию и проч. (Исх. XXXV. 4 — 10).

Вотъ честная матерія, хотя, по вашему мнѣнію, презрѣнная, ибо что ничтожнѣе козьеи шерсти или красокъ? Не краска ли багряница, пурпуръ и синета? Вотъ и дѣла рукъ человѣческихихъ, и подобія херувимовъ. И такъ, какимъ образомъ ради закона отрицаешь то, что законъ повелѣваетъ дѣлать? Если ради закона отрицаешь иконы, нужно тебѣ и субботствовать и обрѣзываться. Но знай, что, если соблюдаете законъ, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ; иже закономъ оправдается: отъ благодати отпадетъ (Гал. V, 2. 4). Пѣранль въ древности не видѣлъ Бога, мы же открытымъ лицомъ видимъ славу Господа.

XVII. И мы чувственно воспринимаемое изображеніе Его представляемъ повсюду и (черезъ это) освящаемъ первое чувство, — ибо первое изъ чувствъ — зрѣніе; — какъ и словами — слухъ. Образъ же есть наименованіе. И что для обученныхъ письменамъ — книга, то для необразованныхъ — изображеніе; и что слово для слуха, то образъ для зрѣнія: мы мысленно съ нимъ соединяемся. Ради этого повелѣлъ Богъ сдѣлать ковчегъ изъ деревьевъ негниющихъ и позолотить его изнутри и извнѣ, и вложить скрижалы и жезлы, и стамну золотую, имѣющую манну, — въ воспоминаніе бывшаго и въ прообразъ будущаго. И кто не скажетъ, что это были изображенія и громкіе глашатаи? И это было положено не скрытно, но предъ всѣмъ народомъ; и взирая на нихъ, они приносили поклоненіе и служеніе чрезъ нихъ дѣйствовавшему Богу, — очевидно, не имъ служа, но чрезъ нихъ приходя къ воспоминанію чудесъ и воздавая поклоненіе чудотворцу Богу, — ибо образы были положены въ наименованіе, — не какъ боги, но какъ приводящіе къ воспоминанію божественнаго дѣйствія.

1249

XVIII. Повелѣлъ Богъ также взять двѣнадцать камней изъ Иордана,—Онъ прибавляетъ и основаніе, ибо говоритъ: когда спросить тебя сынъ твой, что означаютъ эти камни, то расскажи, какъ божественнымъ повелѣніемъ исчезла вода Иордана, и перешелъ ковчегъ Господень и весь народъ (Нав. IV, 8 и дал.). Итакъ, какъ же намъ не изображать спасительныя страсти и чудеса Христа Бога, чтобы, когда спросить меня сынъ мой, что это, я сказалъ бы, что Богъ Слово сталъ человѣкомъ, и чрезъ Него не Израиль только перешелъ Иорданъ, но все естество возвратилось къ древнему блаженству. Чрезъ Него естество изъ нижнихъ земли возшло превыше всякаго начальства и въ Немъ возсѣло на отеческомъ престолѣ.

XIX. Но говорятъ: сдѣлай изображеніе Христа и Его матери Богородицы,—и довольно. О, неразуміе! Ты ясно исповѣдалъ себя врагомъ святыхъ, такъ какъ, если дѣлаешь образъ Христа, святыхъ же нѣтъ, то очевидно, не изображеніе отвергаешь, но почитаніе святыхъ, ибо ты дѣлаешь изображенія Христа, какъ прославленнаго, отвергаешь же изображеніе святыхъ, какъ неславныхъ, и ложь называешь истиной. Ибо *живу азъ*, говоритъ Господь, *зане токмо прославляющія Мя прославою* (1 Цар. II, 30. Іезек. XVII, 16). И божественный Апостолъ: *тѣмъ же уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наследникъ Божій Иисусъ Христомъ* (Гал. IV, 7), и: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. VIII; 17). Не противъ изображеній, но противъ святыхъ ты ведешь войну, ибо, говоритъ Іоаннъ Богословъ и паперсникъ, что *подобни Ему будемъ* (1 Іоан. III, 2). Какъ соединенное съ огнемъ дѣлается огнемъ не по природѣ, но чрезъ единеніе, горѣніе и общеніе, такъ, говорю, и плоть воплощеннаго Сына Божія. Ибо она чрезъ ипостасное общеніе съ божественной природой непреложно назвалась Богомъ,—помазанная не дѣйствіемъ Бога, какъ каждый изъ пророковъ, но пришествіемъ всего Помазующаго. А что святые—боги, объ этомъ Писаніе говоритъ: *Богъ ста въ сонмѣ боговъ* (Пс. LXXXI, 1). Богъ стоитъ среди боговъ, отличая достойныхъ, какъ, изъясняя (это мѣсто), говоритъ божественный Григорій. Ибо святые и при жизни исполнены были Св. Духа: когда же скончались, благодать Св. Духа всегда соприсутствуетъ и съ душами, и съ тѣлами ихъ въ гробницахъ, и съ фигурами и со святыми иконами ихъ,—не по существу, но по благодати и дѣйствию.

XX. Богъ обѣщаль Давиду построить Себѣ чрезъ его сына храмъ и приготовить мѣсто покоя. Соломонъ, созидавая его, сдѣлалъ, какъ говоритъ книга Царствъ. херувимовъ; и обложилъ

1252

херувимовъ и всѣ стѣпы кругомъ золотомъ; и устроилъ рѣзныхъ херувимовъ и пальмы внутри и вѣѣ,—и не сказано, по бокамъ, но кругомъ,—и быковъ, и львовъ, и гранатовыя яблоки. Не гораздо ли почтеннѣе всѣ стѣны дома Господня украсить фигурами и изображеніями святыхъ, чѣмъ, безсловесныхъ и дерзавъ? Гдѣ законъ, опредѣляющій: *не сотвори всякаго подобія?* Но принявшій изліяніе мудрости Соломонъ, изображая небо, сдѣлалъ подобія херувимовъ, и львовъ, и быковъ,—законъ же это запрещаетъ. Если же мы, изображая Христа, дѣлаемъ и изображенія святыхъ, то не гораздо ли это благочестивѣе, такъ какъ они исполнены Св. Духа? Ибо какъ тогда народъ и храмъ очищались кровью и пепломъ телицы, такъ и теперь—кровью Христа, пострадавшаго при Понтіи Пилатѣ и показавшаго Себя началомъ мучениковъ: еще же и кровію святыхъ, на которыхъ основывается церковь. Какъ тогда храмъ украшался образами и фигурами безсловесныхъ, такъ теперь—святыхъ, приготовившихъ себя въ одушевленные и разумные храмы, въ жилище Божіе.

XXI. Посему мы изображаемъ Христа—Царя и Господа, не лишая Его воинства; воинство же Господне—святые. Пусть земной царь распуститъ собственное войско и тогда—воинство своего Царя и Господа. Пусть сниметъ пурпуръ, и тогда лишитъ чести побѣдившихъ тиранна и воцарившихся надъ страстями. Ибо, если они будутъ наслѣдниками Бога и сонаслѣдниками Христа (Римл. VIII, 17) и участниками божественной славы и царствія, то какимъ образомъ друзья Христовы, участвовавшіе въ страданіяхъ Христа, не будутъ соучастниками и въ земной Его славѣ? *Не тому васъ глаголю рабы* (Іоан. XV, 15), говоритъ Богъ: *вы оружи Мои есте* (Іоан. XV, 14). Итакъ лишимъ ли ихъ данной имъ отъ Церкви чести? О, дерзкая рука! О, безразсудный разумъ, спорящій съ Богомъ и противодѣйствующій Его дѣламъ! Ты, который не покланяешься иконѣ, не покланяешься и Сыну Божію, который есть живой образъ и неизмѣнное отображеніе невидимаго Бога. Покланяюсь иконѣ Христа, какъ воплощеннаго Бога; Владычицы всѣхъ Богородицы, какъ Матери Сына Божія; святыхъ, какъ друзей Божіихъ, до крови боровшихся съ грѣхомъ и подражавшихъ Христу пролитіемъ крови за Него, собственную кровь за нихъ пролившаго, и шедшихъ по слѣдамъ Его. Изображеніе ихъ подвиговъ и страданій ставлю передъ глазами, чтобы освящаться чрезъ нихъ и возбуждаться къ ревностному подражанію. Ибо честь, воздаваемая образу, восходитъ къ первообразу, говорить божественный Василій. Если воздвигашь храмы святымъ Божіимъ, воздвигай и памятники ихъ побѣды. Не воздвигался

въ древности храмъ во имя людей; не праздновалась, но оплакивалась смерть праведниковъ. Прикоснувшійся къ мертвому, — даже къ самому Моисею, — считался нечистымъ; теперь же празднуются памяти святыхъ. Оплаканъ мергвецъ Іаковъ, но прославляется смерть Стефана. Итакъ, или отвергни хвалебныя воспоминанія святыхъ, совершаемыя вопреки древнему закону, или допусти иконы, существующія, какъ говоришь, вопреки закону. Но немислимо не праздновать памяти святыхъ, ибо хоръ св. Апостоловъ и богоносныхъ отцовъ повелѣваетъ этому быть, ибо мы существенно освятились съ того времени, какъ Богъ Слово сталъ плотью, уподобившись намъ по всему, кромѣ грѣха, и несліянно соединился съ нашей природой, и неизмѣнно обожествилъ плоть чрезъ несліянное взаимодействіе того же самага Божества и той же самой плоти. И мы существенно освободились съ того времени, какъ Сынъ Божій и Богъ, будучи безстрастнымъ по Божеству, пострадалъ чрезъ принятіе человѣческой природы, заплатилъ нашъ долгъ, изливши на насъ вѣрное и достойное удивленія искупленіе, ибо умилостивительна предъ Отцомъ и священна кровь Сына. Мы существенно сдѣлались бессмертными съ того времени, какъ Онъ, сошедши во адъ, возвѣстилъ отъ вѣка связаннымъ душамъ: плѣннымъ — отпущеніе, слѣпымъ — прозрѣніе, и, связавши крѣпкаго, преизбыткомъ силы воскресъ, сдѣлавши петлѣнной принятую Имъ нашу плоть. Мы существенно усыновились и сдѣлались наслѣдниками Бога со времени рожденія водою и Духомъ. Посему вѣрныхъ Павелъ называетъ святыми. Посему смерть святыхъ мы не оплакиваемъ, но празднуемъ. Посему мы, оправданные чрезъ вѣру и знающіе единого истиннаго Бога, — подъ благодатію; *праведнику же законъ не лежитъ*. Мы не подъ стихіями закона, рабствуя, какъ младенцы; но достигши въ мужа совершеннаго, питаемся твердою пищею, не ведущею къ идолослуженію. Законъ, какъ свѣтильникъ, свѣтящій въ темномъ мѣстѣ, хорошъ, но пока начнетъ разсвѣтатъ день. Но уже взошла утренняя звѣзда въ сердцахъ нашихъ, и живая вода боговѣдѣнія покрыла моря языковъ, и всѣ мы познали Господа. Миновало древнее, вотъ стало все новое. Божественный апостоль Павелъ говоритъ Петру, главѣ Апостоловъ: *аще ты іудей сый, язычески, а не іудейски живеши, почто языки нудши іудейски жителъствовати* (Гал. II, 14), и къ Галатамъ пишетъ: *свидѣтельствую всякому человеку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (Гал. V, 3).

нымъ Богомъ, какъ обратиться опять на немощныя и худыя стилии (Гал. IV, 9)? Я видѣлъ человѣческой образъ Бога, и спасена моя душа. Созерцаю образъ Бога, какъ видѣлъ Иаковъ, и иначе, и иначе; пбо тотъ очами ума видѣлъ нематеріальный предвозвѣщающій будущее образъ; я же вижу то, что ожгпеляетъ воспоминаніе о Томъ, Котораго видѣли во плоти. Тѣнь апостоловъ, платки и полотенца прогоняли болѣзни, обращали въ бѣгство демоновъ,—какъ же не прославлять тѣнь и изображеніе святыхъ? Или отвергни поклоненіе всякой матеріи, или не вводи новое и не уничтожай вѣчныхъ предѣловъ, которые положили твои отцы.

XXIII. Не только письменами передали они церковное законоположеніе, но и нѣкими неписанными преданіями. Посему говоритъ божественный Василій въ 27-ой главѣ состоящаго изъ 30 главъ сочиненія *О Св. Духъ къ Анифолозію* буквально такъ: „изъ сохраненныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые мы имѣемъ изъ письменнаго наставленія; нѣчто же, переданное намъ изъ преданія апостоловъ, мы припали втайнѣ. И то и другое имѣетъ одно и то же значеніе для благочестія, и этому никто не стапетъ противорѣчить,—развѣ малосвѣдущій въ постановленіяхъ церковныхъ. Ибо если начнемъ отвергать неписанные обычай, какъ имѣющіе небольшое значеніе, то незамѣтно повредимъ Евангелію въ самомъ главномъ“. Это—слова великаго Василія. Ибо откуда мы знаемъ святое лобное мѣсто? гробницу жизни? Не дѣти ли привяли это отъ отца безъ записи? Написано, что Господь былъ распятъ на лобномъ мѣстѣ и погребенъ въ гробницѣ, которую Іосифъ высѣкъ въ скалѣ. Но что это то мѣсто, которое мы теперь почитаемъ, это знаемъ изъ неписаннаго преданія, — и весьма многое подобное этому. Откуда троекратное погруженіе? Откуда молитва на востокъ? Откуда преданіе о таинствахъ? Почему и божественный Апостолъ Павелъ говоритъ: *тѣмъ же убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистесь, или словомъ, или посланіемъ нашими* (II Сол. II, 15). Итакъ, когда многое такое передано Церкви безъ записи и сохранено до сихъ поръ, то зачѣмъ понапрасну споришь объ иконахъ?

XXIV. Мѣста же, которыя приводишь, отвергають поклоненіе не нашимъ иконамъ, но изображеніямъ эллиновъ, дѣлавшихъ боговъ. Не должно же ради неразумнаго эллинскаго обычая отвергать и нашъ благочестивый. Заклинають заклинатели и чародѣи, заклинаетъ и церковь оглашенныхъ; но тѣ призываютъ демоновъ, эта же—Бога противъ демоновъ. Язычники посвяща-

ють изображенія демонамъ и именууютъ ихъ богами, мы же— истинному Богу воплощенному и рабамъ, и друзьямъ Божиимъ, прогнавшимъ толпы демоновъ.

XXV. Если же ты скажешь, что божественный и дивный Елифаній явно отвергаетъ ихъ, то, во-первыхъ, можетъ быть, это слово, будучи произведеніемъ одного, имя же нося другого, что представляетъ обычное явленіе, является поддѣльнымъ и незаконно приписаннымъ ему. Во-вторыхъ, мы знаемъ, что блаженный Аванасій воспретилъ полагать останки святыхъ въ ящикахъ, но приказалъ скрывать ихъ подъ землею, желая уничтожить нелѣпый обычай египтянъ, которые не скрывали своихъ мертвецовъ подъ землею, но помѣщали ихъ на ложахъ и сѣдалищахъ. Можетъ быть, желая исправить что-либо подобное, и великій Елифаній, если припишемъ ему слово, постановилъ не дѣлать изображеній. Церковь того же самаго божественнаго Епифанія, донынѣ украшенная иконами, свидѣтель тому, что его намѣреніемъ не было отвергать ихъ. Въ третьихъ, едипичное мнѣніе не есть законъ для Церкви, и одна ласточка не дѣлаетъ весны, какъ думаетъ и Григорій Богословъ и истинно. И одно мнѣніе не можетъ испровергнуть преданіе всей Церкви отъ (однихъ) предѣловъ земли до (другихъ) предѣловъ ея.

XXVI. Итакъ, согласись съ множествомъ мѣстъ Писанія и отеческихъ, потому что, хотя Писаніе и говоритъ: *идолы языкъ—сребро и золото, дѣла рукъ человѣческихъ* (Пс. СХІІІ, 12), однако оно воспрещаетъ поклоняться не бездушнымъ или дѣламъ рукъ, но изображеніямъ демоновъ.

XXVII. Вотъ сказано, что пророки поклонялись ангеламъ, и людямъ, и царямъ, и нечестивымъ, и жезлу. Говоритъ и Давидъ: *поклоняйтесь подножію ногу Его* (Пс. ХСVІІІ, 5). А Исаія говоритъ отъ лица Божія: *небо — престолъ Мой, земля же — подножіе ногъ Моихъ* (Пс. LХVІ, 1). Всякому же извѣстно, что небо и земля—тварныя вещи. И Моисей и Ааронъ со всѣмъ народомъ поклонялись сдѣланному руками. Павелъ же, золотой кузнечикъ Церкви, говоритъ въ посланіи къ евреямъ: *Христосъ же пришелъ архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, сирѣчь не сея твари* (Евр. ІХ, 11); и далѣе: *не въ рукотворенная бо святая видѣ Христосъ, противоположная истинныхъ, но въ самое небо* (Евр. ІХ, 24). Такимъ образомъ первое святое, или скинія, и все, что въ пей, было рукотворенное. А что ей совершалось поклоненіе, на это никто не станетъ возражать.

Свидѣтельства древнихъ и славныхъ святыхъ отцовъ объ иконахъ.

Св. Діонисія Ареопагита, изъ посланія къ Титу.

„Должно и намъ, вмѣсто обычнаго о нихъ мнѣнія, священнолѣпно проникнуть внутрь священныхъ символовъ; и нельзя не чтить ихъ, такъ какъ они являются произведеніемъ и изображеніемъ божественныхъ чертъ и видимыми образами неизреченныхъ и возвышенныхъ созерцаній“.

Схолія. Видишь, сказали, что нельзя не чтить изображенія того, что достойно почтенія.

Его же, изъ сочиненія Объ именахъ Божіихъ.

„Этому и мы научились: нынѣ примѣнительно къ нашей природѣ чрезъ священныя покрывала, чрезъ челоуѣколюбіе изреченій и іерархическихъ преданій,—челоуѣколюбіе, покрывающее чувственнымъ мысленное и сущимъ то, что превыше существа; дающее образы и фигуры безобразному и не имѣющему фигуры и разнообразіемъ дѣлимыхъ символовъ наполняющее и дающее видъ преестественной и не имѣющей вида простотѣ“.

Схолія. Если давать образы и фигуры, примѣнительно къ нашимъ свойствамъ, не имѣющему образа и фигуры, простому и не имѣющему вида есть признакъ челоуѣколюбія, то какъ не изображать по подобію насъ самихъ видѣнное въ образахъ и фигурахъ для воспоминанія и происходящаго изъ воспоминанія соревнованія?

Его же, изъ сочиненія О церковной іерархіи.

„Превосходящіе насъ существа и чины, священное воспоминаніе о которыхъ я уже сдѣлалъ, безтѣлесны; и іерархія ихъ есть умопостигаемая и превышемірная. Нашу же видимъ по подобію насъ самихъ исполненной разнообразія чувственныхъ символовъ, посредствомъ которыхъ мы іерархически возвышаемся къ единообразному обожествленію, соразмѣрно съ нашими свойствами,—къ Богу и добродѣтели. Ибо они, какъ умы, мыслятъ сообразно опредѣленному для нихъ; мы же возвышаемся, насколько возможно, къ божественному созерцанію посредствомъ чувственныхъ образовъ“.

1261

Схолія. Итакъ, если сообразно съ нашими свойствами мы возводимся къ божественному и нематеріальному созерцанію по-

средствомъ чувственныхъ образовъ, и божественное Промышленіе для нашего руководства даетъ фигуры и образы не имѣющимъ ихъ, то что неприличнаго изображать по подобію насъ самихъ человѣколюбно Снисшедшаго до вида и образа?

До насъ дошелъ изъ древности переданный разсказъ, что Авгарь, разумѣю царя Эдессы, воспламененный чрезъ молву о Господѣ божественной любовью, послалъ пословъ просить Его о посѣщеніи; въ случаѣ же Его отказа сдѣлать это, онъ приказываетъ живописцу святъ Его портретъ. Всевѣдущій и Всемогущій взялъ кусокъ матеріи и, поднесши къ лицу, напечатлѣлъ на немъ Свой образъ, который сохраняется и до сихъ поръ.

Василія—изъ слова въ память блаженнаго мученика Варлаама, начало котораго: Прежде, конечно, смерть святыхъ.....

„Возстаньте нынѣ, славные живописцы мужественныхъ подвиговъ. Возвеличьте вашимъ художествомъ несовершенный образъ полководца. Неясно мною описаннаго побѣдителя прославьте красками вашей мудрости. Я уйду побѣжденный вашимъ описаніемъ подвиговъ мученика. Побѣжденный,—я радуюсь такой побѣдѣ вашей силы. Вижу борьбу руки съ огнемъ, точнѣе вами описанную. Вижу ладопь, яснѣе написанную на вашемъ изображеніи. Пусть плачутъ теперь демоны, пораженные чрезъ васъ подвигами мученика. Пусть будетъ опять показана имъ рука сожигаемая и побѣждающая. Пусть будетъ начертанъ на картинѣ и подвигоположникъ Христосъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Его же—изъ тридцати главъ О Св. Духѣ къ Амфилохію,— изъ гл. XVIII.

„Потому что и образъ царя называется царемъ, но это—не два царя, такъ какъ не умаляется власть, не раздѣляется слава. Ибо какъ господствующая надъ нами власть и могущество—едино, такъ и наше славословіе едино, а не многія, почему и честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу. Итакъ, что здѣсь подражательно—образъ, то тамъ существенно—Сынъ. И какъ у художниковъ подобіе—въ формѣ, такъ и у божественной и несложной природы въ общности Божества заключается единеніе“.

Схолія. Образъ царя есть царь, и образъ Христа—Христосъ, и образъ святого—свѣтой,—и ни власть не умаляется, ни слава не раздѣляется, но слава образа становится славою изображеннаго. Демоны боятся святыхъ и бѣгутъ ихъ тѣни; икона же и есть тѣнь, и я дѣлаю ее, какъ гонительницу демоновъ. Если же

ты скажешь, что нужно только разумно соединяться съ Богомъ, то отвергни все тѣлесное: свѣтильники, благовонный фиміамъ, самую молитву вслухъ, самыя при посредствѣ матеріи совершаемыя божественныя таинства, хлѣбъ, вино, елеи помазанія, начертаніе креста, ибо все это матерія: крестъ, губка распятія, крестъ, копье, прободающее живоносное ребро. Или отвергни почитаніе всего этого, — что невозможно, — или не отрицай и почитанія иконъ. Матеріальнымъ предметамъ дается божественная благодать ради имени на нихъ изображенныхъ. Подобно тому, какъ сами по себѣ незначительны раковина, дающая пурпуръ, а также и шелкъ, и изъ того и другого вытканное платье, — если же его одѣнетъ царь, то одежда дѣлается участницей принадлежащей одѣвшему чести, — такъ и матеріальные предметы сами по себѣ непоклоняемые, дѣлаются по мѣрѣ вѣры участниками благодати, если изображенный былъ исполненъ благодати. Апостолы видѣли Господа тѣлесными очами, иные видѣли апостоловъ, и иные — мучениковъ. Созданный изъ двухъ природъ, — хочу и я видѣть ихъ душею и тѣломъ и имѣть защищающее отъ несчастія лѣкарство; и видя, покланяюсь тому, что доступно зрѣнію, — не какъ Богу, но какъ честному изображенію достойныхъ чести. Можетъ быть, ты, будучи возвышеннымъ, нематеріальнымъ, выше тѣла и безплотнымъ, презираешь все видимое, но я, какъ человекъ и одѣтый тѣломъ, хочу и тѣлесно обращаться и видѣть святое. Снизойди, возвышенный, къ смиренному моему мудрованію, чтобы сохранить свою высоту. Разумѣетъ Господь любовь мою къ нему и къ друзьямъ Его, ибо радуется господинъ, когда прославляется благоразумный рабъ, сказалъ Василій Великій, прославляя сорокъ мучениковъ. Смотри же, что говоритъ онъ, восхваляя и славнаго Гордія.

Св. Василія—изъ слова въ память мученика Гордія.

„Радуются люди духовною радостью при одномъ только воспоминаніи о совершенныхъ праведникахъ подвигахъ,—влекомые къ соревнованію и подражанію въ добромъ, о которомъ слышать. Ибо повѣствованіе о хорошо жившихъ мужахъ даетъ спасаемымъ какъ бы нѣкоторый свѣтъ на жизненномъ пути“. *И опять:* „такъ что, когда повѣствуемъ о жизни блиставшихъ благочестіемъ, то прежде всего славимъ чрезъ рабовъ Господа. Прославляемъ же и праведниковъ, свидѣтельствуя о томъ, что мы знаемъ. Радуетъ же и народы тѣмъ, что они слышать о прекрасномъ“.

1265

Схолія. Смотри, какъ воспоминаніе о святыхъ соединяетъ въ себѣ славу Божию, прославленіе святыхъ, радость и спасеніе народа.

Итакъ, зачѣмъ ты отвергаешь его? Воспоминаніе же совершается чрезъ слово и изображеніе, говоритъ тотъ-же самый божественный Василій.

Того же святого—въ память мученика Гордія.

„Какъ за огнемъ самъ по себѣ слѣдуетъ свѣтъ и за миромъ,—благовоніе, такъ и за добрыми дѣлами необходимо слѣдуетъ польза. И это совсѣмъ не малое дѣло: достигнуть точной истины о томъ, что совершено ранѣ. Вотъ намъ передано какое-нибудь слабое воспоминаніе, сохраняющее подвиги мужа въ борьбѣ, и съ нами, какъ кажется, происходитъ подобное тому, что происходитъ съ живописцами. Ибо и тѣ, когда списываютъ съ изображеній изображенія, по большей части, естественно, отступаютъ отъ первообразовъ. И мы также, удаленные отъ созерцанія дѣлъ, подвержены не малой опасности уменьшить истину.

Въ концѣ того же самаго слова.

„Ибо, какъ всегда видя солнце, мы всегда удивляемся, такъ всегда имѣемъ и свѣжую память о томъ мужѣ“.

Схолія. Очевидно, всегда созерцающіе при помощи слова и изображеній.

И въ словѣ въ память честнѣйшихъ сорока мучениковъ говоритъ слѣдующее.

„Что касается памяти мучениковъ, то какая будетъ польза любящему мучениковъ? Честь, оказываемая добрымъ изъ сорабовъ, служить доказательствомъ любви къ общему Владыкѣ“. *И опять:* „искренно ублажи мучившагося, чтобы ты сталъ мученикомъ по произволенію; и безъ гоненія, безъ огня, безъ ранъ сдѣлался бы достойнымъ тѣхъ же самыхъ похвалъ“.

Схолія. Итакъ, зачѣмъ отвращаешь меня отъ почитанія святыхъ и завидуешь моему спасенію? А что написанный красками образъ ставится рядомъ со словомъ,—объ этомъ послушай его, говорящаго немного спустя.

Василія.

„Итакъ, своимъ воспоминаніемъ выведя ихъ сюда, на средину, мы доставимъ чрезъ нихъ общую пользу присутствующимъ, показавъ всѣмъ, какъ на картинѣ, подвиги мужей“.

Схолія. Видишь, одна и та же роль изображенія и слова. Ибо, говоритъ, при помощи слова мы покажемъ, какъ на

картинѣ. Опять же въ словѣ имѣется (и это): „И воспице подви- ги часто изображаютъ и историкки, и живописцы,—одни, украшая 1268 словомъ; другіе же, начертывая на доскахъ: и тѣ, и другіе мно- гихъ возбудили къ мужеству. Ибо что слово повѣствованія пре- длагаетъ для слуха, то молчаливая живопись показываетъ чрезъ подражаніе (глазамъ)“.

Схолія. Что яснѣе этого можетъ показать, что изображенія замѣняютъ неграмотнымъ книги и являются немолчными вѣст- пицами чести святыхъ, поучая беззвучнымъ голосомъ созер- цающихъ ихъ и освящая зрѣніе? У меня нѣтъ множества книгъ. Я не имѣю досуга для чтенія. Вхожу въ общую лечебницу душъ—церковь, подавляемый заботами, какъ терпѣями. Красо- та влечетъ меня къ созерцанію картины, подобно лугу услаж- даетъ зрѣніе и незамѣтно открываетъ душѣ славу Божию. Ви- жу терпѣніе мученика, раздаяніе вѣнцовъ, и, какъ огнемъ, возбуждаюсь къ сорецвованію произволеніемъ. Падая, я покла- няюсь Богу чрезъ мученика и получаю спасеніе. Развѣ ты не слышалъ того же самаго богопоснаго отца, говорящаго въ бе- сѣдѣ на начало псалмовъ, что Духъ Святой, зная, что родъ человѣческой неговорчивъ и нерадивъ къ добродѣтели, присое- динилъ къ пѣснопѣніямъ мелодію? Что ты говоришь? Не опи- сывать и словомъ, и красками мученіе мучениковъ? Не обнимать зрѣніемъ удивительнаго для ангеловъ и для всей твари, горькаго для дьявола и страшнаго для демоновъ, какъ сказалъ самъ свѣ- тильникъ церкви? Слѣдующее же говоритъ онъ въ концѣ слова, прославляя сорокъ мучениковъ. „О, хоръ святой! О, священное собраніе! О, непобѣдимое воинство! О, общіе стражи рода чело- вѣческаго, добрые общники заботъ, сотрудики молитвъ, могу- щественнѣйшіе старцы, звѣзды вселенной, цвѣты церквей,— я же скажу: цвѣты мысленные и чувственные! Не земля васъ скрыла, но небо приняло. Вамъ открылись врата рая: достойное зрѣлище для воинства ангеловъ, достойное для патріарховъ, пророковъ, праведниковъ“.

Схолія. Какъ не пожелать видѣть, что видѣть желаютъ ан- гелы? Согласное съ этимъ говоритъ его братъ и единомышлен- никъ Григоріи, епископъ нисскій.

Св. Григорія, епископа нисскаго, — изъ дополненія (къ Шестодневу св. Василия), т. е. изъ книги Объ устройствѣ чловѣка, гл. IV.

„Какъ по человѣческому обычаю дѣлающіе изображенія вла- дыкъ напечатлѣваютъ черты фигуры и порфирію обозначаютъ царское достоинство; и изображеніе принято называть царемъ,— 1269

такъ и человѣческая природа, предназначенная къ власти надъ всѣмъ, устроена, какъ нѣкоторый одушевленный образъ, имѣющій общеніе съ первообразомъ и въ достоинствѣ, и въ имени“.

Его же—изъ пятой главы того же самаго сочиненія.

„Божественная красота блистаетъ не какою-нибудь фигурою и не красотою образа, благодаря прелести красокъ, но созерцается въ неизреченномъ блаженствѣ сообразно съ добродѣтелью. Человѣческіе же образы живописцы переносятъ на доски при помощи нѣкоторыхъ красокъ, располагая, благодаря искусству подражанія, надлежащія и соотвѣтственныя краски такъ, что красота первообраза, благодаря точности, переходитъ къ подобію“.

Схо.ія. Видишь, божественная красота блистаетъ не какою-нибудь фигурою, благодаря какой-то прелести красокъ, и поэтому ее нельзя изобразить. Человѣческій же образъ чрезъ краски переносится на доски. Итакъ, если Сыпъ Божій былъ въ человѣческомъ образѣ, *зракъ раба приимъ, въ подобіи человечества бывъ и образомъ обрѣтесе, якоже человекъ* (Филип. II, 7). то какъ намъ не изображать Его? И если принято говорить, что царское изображеніе есть царь, и, если честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу, какъ говоритъ божественный Василій, то какъ не чтить и не поклоняться образу. Не какъ Богу, но какъ образу воплотившагося Бога.

Его же,—изъ слова, сказаннаго въ Константинополѣ о божествѣ Сына и Духа и объ Авраамѣ.

„Затѣмъ, во-первыхъ, отецъ беретъ связаннаго сына. Я часто видѣлъ на картинѣ изображеніе этого несчастія и не проходилъ мимо зрѣлища безъ слезъ, такъ какъ искусство живо представляетъ предъ глазами исторію. Исаакъ, стоящій на колѣнкахъ и со связанными сзади руками, находится у самаго жертвенника. Отецъ же, наступивъ сзади на сгибъ у колѣна, лѣвою рукою загнувши къ себѣ голову дитяти, заглядываетъ въ лицо, жалобно смотрящее на него; а правую, вооруживши ножомъ, направляетъ къ закланію. И остріе ножа касается уже тѣла, когда онъ слышитъ отъ Бога голосъ, воспрещающій это дѣло“.

Св. Іоанна Златоуста—изъ толкованія на посланіе къ евреямъ.

„Предыдущее въ отношеніи къ послѣдующему есть образъ: Мелхиседекъ есть образъ Христа,—подобно тому какъ, если бы

кто-нибудь назвалъ тѣню написанной красками картины пред-варительно затѣненное живописцемъ поле ея. Ибо поэтому законъ называется сѣнью и благодать — истиною, грядущее же — вещами. Такимъ образомъ законъ и Мелхиседекъ — тѣнь красками написанной картины; благодать же и истина — картина въ краскахъ, а вещи относятся къ будущему вѣку. Итакъ, Ветхій Заветъ есть образъ образа, а Новый — образъ вещи.

Леонтія, епископа Неаполя кипрскаго, — изъ слова противъ іудеевъ о поклоненіи кресту Христову, и иконамъ святыхъ, и другъ другу и объ останкахъ святыхъ.

„Если ты, іудей, опять обвиняешь меня, говоря, что я покланяюсь древу креста, какъ Богу, то почему ты не обвиняешь Іакова, поклонившагося на верхъ жезла? Но очевидно, что онъ поклонился, не древо почитая, но чрезъ древо поклонился Іосифу, какъ и мы чрезъ крестъ прославляемъ Христа, а не древо“.

Схолія. Итакъ, если покланяемся образу креста, дѣлая изображеніе креста изъ какой-нибудь матеріи, какъ не поклонимся образу Распятаго.

И опять изъ того же Леонтія.

„Когда Авраамъ поклонился продавшимъ ему гробницу нечестивымъ людямъ и склонилъ колѣно на землю, то не какъ богамъ поклонился онъ имъ. Также и Іаковъ благословилъ фараона, хотя онъ былъ нечестивый и идолослужитель, но не какъ Бога благословилъ онъ его. И опять, падши, онъ поклонился Исаву, но поклонился не какъ Богу. И затѣмъ, какъ же Богъ заповѣдуетъ намъ поклоняться и землѣ, и горамъ, ибо говорить: *вознесите Господа Бога вашего и поклонитесь горѣ святой Его; и поклоняйтесь подножію ногу Его, яко свято есть, т. е. землѣ.* Ибо говорить: *небо престолъ Мой, земля же — подножіе ногъ Моихъ глаголетъ Господь* (Ис. LXVI, 1). Какъ же Моисей поклонился идолослужителю Іеору, и Давидъ — Навуходносору? Почему ты обвиняешь меня, за то, что я чту почитавшихъ Бога и поклонявшихся Ему? Не лучше ли, скажи мнѣ, покланяться святымъ, чѣмъ бросать въ нихъ камнями, какъ ты? Не лучше ли поклоняться, чѣмъ рубить ихъ и бросать въ грязное болото благодѣтелей? Возлюбивши Бога, ты долженъ во всякомъ случаѣ почитать и рабовъ Его. И если кости праведниковъ нечисты, то какимъ образомъ со всею честью перенесены кости Іакова и Іосифа изъ Египта?“

1273 Какимъ образомъ мертвецъ, прикоснувшійся къ костямъ Елисея, тотчасъ воскресъ? Если же Богъ творитъ чудеса чрезъ кости, то совершенно ясно, что Онъ можетъ дѣлать это и чрезъ иконы, камни и многое другое. какъ и было при Елисеѣ, который далъ собственный жезлъ своему отроку и сказалъ чтобы онъ, отправившись, воскресилъ имъ сына сунамтячки. И Моисей жезломъ наказалъ фараона, раздѣлилъ море, усладилъ воду, сокрушилъ скалу и навелъ воду. И Соломонъ говоритъ: *благословено древо, имъ же бываетъ правда* (Прем. XIV, 7).

Елисеи, бросивши древо въ Иорданъ, извлекъ желѣзо. И древо жизни, и растеніе Савекъ, т. е. прощенія... На древо вознесъ Моисей змія и спасъ народъ. Древодомъ, прозябшимъ въ скинии, онъ утвердилъ священство. Но, можетъ быть, скажешь мнѣ, іудей, что все, находящееся въ скинии свидѣнія, сдѣлано на основаніи повелѣнія Бога Моисею. И я говорю тебѣ, что Соломонъ устроилъ въ храмъ многія и разнообразныя вещи,—рѣзныя и литыя,—которыхъ Богъ не повелѣвалъ ему дѣлать, которыхъ не имѣла ни скинія свидѣнія, ни храмъ, который показалъ Богъ Іезекіилю, — и Соломонъ за это не былъ осужденъ, ибо онъ, какъ и мы, устроилъ эти фигуры во славу Божию. Имѣлъ и ты много различныхъ изображеній и знаковъ въ напоминовеніе о Богѣ, прежде чѣмъ лишился ихъ за свое неразуміе, какъ-то: Моисеевъ жезлъ, богописанныя скрижали, пылающій и вмѣстѣ влажный терновый кустъ; сухую, но наполненную водою скалу. ковчегъ съ манною, жертвенникъ со священнымъ огнемъ, дщицу съ пменемъ Божиимъ, ефудъ для откровенія Бога, богоосвѣщенную скинію. Если и ты днемъ и ночью осѣнялъ все это, говоря: слава Тебѣ, единый вседержитель Боже, Который чрезъ все это совершалъ чудеса во Израилѣ. Если чрезъ все это законное, что имѣлъ нѣкогда, ты, припадая, поклонялся Богу, то можешь видѣть, что богопочтеніе совершается чрезъ образы“.

1276 *И спустя немного.* „Ибо если любящій искренно друга или царя и лучше всего — благодѣтеля, увидитъ его сына. или жезлъ, или тронъ, или вѣнецъ, или домъ, или раба, то онъ беретъ и обнимаетъ ихъ и почитаетъ царя—благодѣтеля,—много же болѣе — Бога. О, если бы и ты, повторяю, сдѣлалъ изображенія Моисея и пророковъ и ежедневно поклонялся Господу Богу ихъ! Итакъ, когда увидишь христіанъ, поклоняющихся кресту, знай, что они совершаютъ поклоненіе распятому Христу, а не дереву, такъ какъ, если бы они почитали естество древа, то, конечно, почитали бы и священныя рощи и деревья, какъ и ты, Израиль, нѣкогда поклонялся имъ, говоря дереву и камню: „ты—мой богъ“

и ты родиль меня“. Мы же не говоримъ такъ ни кресту, ни изображеніямъ святыхъ, потому что они не боги наши, но раскрытыя книги въ напоминаніе о Богѣ и для почитанія Его, открыто находящіяся въ церквахъ и покланяемыя. Ибо почитающій мученика чтитъ Бога, за Котораго пострадалъ мученикъ. Покланяющійся Апостолу Христову покланяется Пославшему его. Приидающій къ Матери Божіей, очевидно, воздастъ честь Сыну Ея. Ибо вѣтъ Бога, кромѣ единого, въ Тронцѣ познаваемаго и почитаемаго“.

Схолія. Этотъ бытъ скорѣе вѣрнымъ изъяснителемъ словъ божественнаго Епифанія, украсившимъ своимъ ученіемъ островъ Кипръ, чѣмъ высказывающимъ мысли своего сердца. Послушай же, что говоритъ и Севиріанъ, епископъ гавальскій.

Севиріана, епископа гавальскаго, — изъ слова на обновленіе креста.

„Какимъ образомъ изображеніе прѣклятаго принесло жизнь нашимъ предкамъ?“ *И спустя немного:* „итакъ, какимъ образомъ изображеніе прѣклятаго принесло спасеніе народу, удручаемому бѣдствіемъ?“

Не вѣрнѣ ли было бы сказать: если кто изъ васъ будетъ укушенъ, пусть посмотритъ на небо, ввысь — къ Богу или на скинію Божію,—и спасется.

Но оставивши это, онъ поставилъ голько образъ креста. Почему же сдѣлалъ это Моисей, сказавшій народу: *не сотвори себѣ кумира — рѣзного и изваяннаго — и всякаго подобія, елика на небеси горъ, и елика на землѣ низу, и елика въ водахъ подъ землею* (Исх. XX, 4)? Но зачѣмъ я говорю это неблагодарному народу? Скажи мнѣ, вѣрнѣйшій слуга Божій, зачѣмъ ты дѣлаешь то, что запрещаешь? устраиваешь то, что разрушаешь? Говоря: не сотвори кумира, уничтоживши литого тельца, ты дѣлаешь изъ мѣди змія,—и это не тайно, но явно и всѣмъ извѣстно? Но то, говоритъ онъ, я узаконилъ, чтобы уничтожить предметы нечестія и отвлечь народъ отъ всякаго отступленія и идолослуженія; теперь же отливаю змія съ пользою—въ прообразъ истины. И подобно тому, какъ я устроилъ скинію и все, что въ ней, и распростеръ надъ святымъ херувимовъ,—подобія невидимыхъ,—какъ образъ и сѣнь грядущаго, такъ и змія я поставилъ во спасеніе народа, чтобы чрезъ это приготовить его къ изображенію знаменія креста и на немъ Искупителя и Спасителя. А что неложно это слово, возлюбленный, послушай Господа, подтверждающаго его и говорящаго: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну Человѣческому, да всякъ втѣруй вонь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 14—15).

Схолія. Понимашь ли, что для отвлеченія отъ идолослуженія народа, легко увлекающагося и склоннаго къ нему, узаконилъ онъ не дѣлать всякаго подобія, и что вознесенный змій былъ образомъ страданія Господа?

А что почитаніе иконъ—не новое дѣло, но древнее, извѣстное и обычное святымъ и знаменитымъ отцамъ,—выслушай относительно этого слѣдующее. Въ житіи блаж. Василія, составленномъ его ученикомъ и пресмникомъ въ іерархическомъ служеніи Элладіемъ, написано, что святой стоялъ предъ иконою Владычицы, на которой было написано и изображеніе славнаго мученика Меркурія. Предстоялъ же онъ, прося объ избавленіи отъ безбожнѣйшаго тирана и отступника Юліана. И отъ этой иконы онъ получилъ слѣдующее откровеніе: онъ увидѣлъ, что мученикъ на короткое время исчезъ; спустя же немного увидѣлъ его держащимъ окровавленное копье.

Изъ житія Іоанна Златоуста, гдѣ написано буквально слѣдующее.

„Весьма возлюбилъ блаж. Іоаннъ посланія премудраго Павла“. *И немного спустя.* „Было же у него тамъ, гдѣ онъ по причинѣ тѣлесной болѣзни отдыхалъ немного,—ибо онъ былъ многободруствующимъ сверхъ силъ,—и изображеніе этого Апостола на иконѣ. И когда онъ читалъ его посланія, то смотрѣлъ на нее и обращался къ нему, какъ къ живому, направляя къ нему всю свою мысль и чрезъ созерцаніе вступая съ нимъ въ общеніе“. *И протупивши нѣсколько.* „Когда Прокль окончилъ рѣчь и, взглянувши на икону апостола, увидѣлъ изображеніе похожее на того, кого онъ видѣлъ, то, поклонившись Іоанну, онъ сказалъ, указывая пальцемъ на икону: „прости меня, отецъ: тотъ, котораго я видѣлъ говорящимъ съ тобой, подобецъ этому. Я думаю, что это онъ самъ и есть“.

Въ житіи св. Евпраксіи написано, что ей явился образъ Господа, когда она пасла стадо.

1280

Въ житіи св. Маріи Египетской написано, что она молилась предъ иконою Владычицы и испросила Ее въ поручительницы и послѣ этого получила доступъ во храмъ.

Изъ Луки св. отца нашего Софронія, архіепископа іерусалимскаго.

Авва Θεодоръ Эліотъ рассказывалъ, что былъ нѣкто отшельникъ на масличной горѣ, совершенный подвижникъ. Воевалъ же съ нимъ демонъ блуда. И вотъ однажды, когда онъ очень нападалъ на него, началъ старецъ горевать и говорить демону: „долго ли еще ты не отступишь отъ меня? Отстань отъ меня. [до старости ты со мною! „Тогда демонъ является ему видимо и

говорить: „покаяйся мнѣ, что никому не скажешь того, что я скажу тебѣ, и больше я не буду воевать съ тобой“. И старецъ поклялся ему: „клянусь Всевышнимъ, что не скажу никому о томъ, что ты скажешь мнѣ“. Тогда говоритъ ему демонъ: „не покланяйся этой икопѣ, и я не буду воевать съ тобой“. На икопѣ же было изображеніе Владычицы нашей, св. Богородицы Маріи, несущей Господа нашего Иисуса Христа. Отшельникъ говоритъ демону: „оставь, я посмотрю“. На завтра же случилось, что къ нему пришелъ авва Θεодоръ Эліотъ, жившій тогда въ лаврѣ Фаронѣ, которому онъ и разсказалъ все. Старецъ же говоритъ отшельнику: „дѣйствительно, авва, ты осмѣянь за то, что поклялся демону; но ты хорошо сдѣлалъ, что разсказалъ мнѣ объ этомъ. Полезнѣе тебѣ не оставить въ этомъ городѣ ни одного непотребнаго дома, въ которомъ бы ты не былъ, чѣмъ отказаться отъ поклоненія Господу и Богу нашему Иисусу Христу съ собственною Его Матерью“. Утвердивши и укрѣпивши его многими другими словами, онъ ушелъ къ себѣ. Затѣмъ опять является демонъ отшельнику и говоритъ ему: „что, дурной старикъ? Не поклялся ли ты мнѣ, что никому не скажешь? Почему же ты разсказалъ все пришедшему къ тебѣ? Объявляю тебѣ, дурной старикъ, что въ день суда ты будешь осужденъ, какъ клятво-преступникъ“. Отшельникъ отвѣчалъ ему, говоря: „знаю, что поклялся; знаю и то, что нарушилъ клятву: тебя же не слушаю“.

Схолія. Видишь ли, поклоненіе иконѣ называетъ поклоненіемъ изображенному, и какъ худо не покланяться ей, и какъ демонъ предпочелъ послѣднее (непоклоненіе) блуду?

Итакъ, почему никто не началъ дѣлать это, несмотря на то, что много было священниковъ и царей, данныхъ христіанамъ выше и отличившихся словомъ и жизнью. и весьма много соборовъ святыхъ и боговдохновенныхъ отцовъ? Не допустимъ и мы учить новой вѣрѣ: *отъ Сіона бо изыдетъ законъ*, пророчески сказалъ Духъ Святой, и слово *Господне изъ Иерусалима* (Иса. II, 3). Не допустимъ думать то такъ, то иначе, и мѣнять мысли по требованію времени. дѣлая вѣру посмѣшищемъ и шуткою для вѣшнихъ. Не допустимъ склониться предъ царскимъ повелѣніемъ, пытающимся уничтожить обычай отцовъ. Ибо несвойственно благочестивымъ царямъ ниспровергать церковныя законы. Это не по-отечески, ибо дѣйствовать насиліемъ, а не убѣжденіемъ,—значитъ дѣйствовать по-разбойничьи. Этому свидѣтель второй бывшій въ Ефесѣ соборъ, носящій до сихъ поръ названіе разбойничьяго, разогнанный рукою императора, когда былъ убитъ олаженный Флавіанъ. Это—дѣло соборовъ, а не царей:

какъ сказалъ Господь: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредь ихъ* (Мѣ. XVIII, 20). Христосъ далъ власть вязать и рѣшить не царямъ, но апостоламъ и ихъ преемникамъ—пастырямъ и учителямъ. И если ангелъ, говоритъ апостоль Павелъ, *благовѣститъ вамъ паче, еже пріяте*, (Гал. I. 8—9),—о слѣдующемъ умолчимъ, щадя тѣхъ, на обращеніе конхъ надѣмся. Если же узнаемъ про упорное развращеніе, чего не дай Богъ, тогда приведемъ и остальное. Но да не будетъ этого!

Если кто-нибудь войдетъ въ домъ, въ которомъ живописецъ изобразилъ красками на стѣнахъ исторію Моисея и фараона, то онъ, можетъ быть, спроситъ о перешедшихъ море, какъ по сушѣ: кто они? Что отвѣтишь ты на вопросъ? Не сыны ли Израилевы? Кто ударилъ жезломъ море? Не Моисей ли? Такимъ образомъ, если кто-нибудь изобразитъ распятаго Христа, и его спросятъ: кто это? не скажетъ ли: Христосъ Богъ, воплотившійся ради насъ? Да, Господи, поклоняемся всему, что Твое, и съ горячею любовью объемлемъ Твое Божество, силу, благость, милосердіе къ намъ, снисхожденіе, воплощеніе. И какъ боимся прикоснуться къ раскаленному жезлу не ради естества жезла, но изъ-за соединеннаго съ нимъ огня, такъ поклоняюсь и плоти Твоей не ради естества плоти, но ради соединеннаго съ ней ипостасно Божества. Поклоняемся страстямъ Твоимъ. Видѣлъ ли кто смерть, которой совершается поклоненіе? священныя страданія? Но мы дѣйствительно поклоняемся тѣлесной смерти и спасительнымъ страданіямъ Бога моего. Поклоняемся Твоей иконѣ. Поклоняемся всему Твоему: слугамъ, друзьямъ и прежде всего Матери Богородицѣ.

1284

Умоляемъ же и народъ Божій, народъ святой крѣпко держаться церковныхъ преданій. Ибо отверженіе незначительныхъ преданій, какъ камней изъ строенія, скоро ниспровергаетъ всю постройку. Да пребудемъ же мы непоколебимыми, непреклонными, невозмущенными, утвержденными на твердомъ камнѣ, который есть Христосъ, Которому подобаетъ слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно, въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

ВТОРОЕ СЛОВО.

I. Простите меня, господа мои, и примите слово истины отъ меня, немощнаго и наименьшаго слуги Церкви Божіей. Ибо не ради славы или извѣстности сталъ я говорить,—Богъ свидѣтель,—по изъ ревности къ истинѣ. Ибо ее одну я имѣю въ надежду спасенія и съ нею надѣюсь и желаю встрѣтить Господа Христа, принося ее Ему въ умилоствленіе великихъ грѣховъ моихъ. Ибо получившій отъ Господа пять талантовъ принесъ ихъ, пріобрѣвши другіе пять; и получившій два пріобрѣлъ также два. Получившій же одинъ талантъ, и закопавшій его, и представившій безъ прибыли, названный злымъ рабомъ, былъ осужденъ во *ту крошечную*. II я, опасаясь, какъ бы не потерпѣть подобное, покоряюсь повелѣнію Господа и данный мнѣ отъ Него талантъ слова предлагаю вамъ, разумнымъ купцамъ, чтобы Господь мой, пришедши, нашель бы увеличенную и плодоносную прибыль душъ и, найдя меня вѣрнымъ рабомъ, ввелъ бы въ желанную мнѣ сладчайшую Свою радость. Но дайте мнѣ внимательныя уши и, распростерши столы сердець, примите мое слово и независимо испытайте силу словъ. Я составилъ это второе слово объ иконахъ, ибо нѣкоторые изъ дѣтей Церкви увѣщевали меня сдѣлать это по причинѣ того, что первое многимъ не совсѣмъ доступно.

II. У завистливаго и виновника зла змія, т. е. діавола, есть обычай, возлюбленные, многообразно воевать противъ по образу Божію созданнаго человѣка и чрезъ козни причинять ему смерть. Ибо тотчасъ въ началѣ опъ внушилъ ему надежду и страсть къ обожествленію и чрезъ это низвелъ его въ состояніе смерти подобно безсловеснымъ. Не только же это, но и часто прельщаль его постыдными и неразумными удовольствіями. Какое же разстояніе между обожествленіемъ и неразумною страстью! Иногда онъ вовлекалъ его и въ безбожіе, какъ говоритъ боготецъ Да-

видъ: *рече безуменъ въ сердце своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1); иногда въ многобожіе; иногда убѣждать не поклоняться Богу по естеству, иногда же заставляя поклоняться демонамъ, а затѣмъ: небу и землѣ, солнцу, и лунѣ, и звѣздамъ, и остальной твари, не исключая и звѣрей, и пресмыкающихся. Ибо одинаково худо и достойнымъ почтенія не воздавать надлежащей чести и презрѣннымъ удѣлять не принадлежащую имъ чрезмѣрную славу. Затѣмъ, нѣкоторыхъ онъ научилъ говорить, что зло такъ же безначально, какъ Богъ; нѣкоторыхъ же прельстилъ исповѣдать, что причина зла есть благой по природѣ Богъ. И однихъ оболстилъ неразумно говорить объ единомъ естествѣ и объ одной ипостаси Божества, другихъ же обманулъ незаконно почитать три естества и три ипостаси. И однимъ внушилъ прославлять едину ипостась и едино естество Господа нашего Иисуса Христа, единого изъ Св. Троицы, а другимъ два естества и двѣ ипостаси Его же.

III. Истина же, которая идетъ среднимъ путемъ, отрицаетъ все это, какъ неразумное, и учитъ исповѣдывать единого Бога, едино естество въ трехъ ипостасяхъ: Отца, и Сына, и Св. Духа; зло же пазываетъ не сущностью, но случайнымъ,—будетъ ли это какая-нибудь мысль, или слово, или дѣло, несогласныя съ закономъ Божиимъ, осуществляющіяся чрезъ мышленіе, рѣчь и дѣйствіе, и вмѣстѣ съ прекращеніемъ ихъ исчезающія. Затѣмъ же объявляетъ и единого изъ Св. Троицы, Христа, имѣющимъ два естества и едину ипостась.

IV. Но врагъ истины и враждебный человѣческому спасенію демонъ, соблазнявшій часто дѣлать изображенія смертныхъ людей, и пернатыхъ, и звѣрей, и пресмыкающихся и поклоняться имъ, какъ богамъ, не только язычниковъ, но и *сыновъ* Израиля, теперь старается возмутить наслаждающуюся миромъ Церковь Христову, приравляя чрезъ несправедныя уста и коварство языка зло божественными словами, пытаясь прикрыть ими его безобразный и мрачный образъ и отвлечь сердца неутвержденныхъ отъ истиннаго и преданнаго отцами обычая. Ибо возстали нѣкоторые, говорящіе, что не должно изображать и выставять для созерцанія, и прославленія, и удивленія, и соревнованія спасительныя чудеса Христа и подвиги святыхъ въ борьбѣ съ дьяволомъ. И кто, имѣющій божественное видѣніе и духовный смыслъ, не признаетъ, что это—кознь дьявола? Ибо онъ не хочетъ обнаружить свое поражение и стыдъ, также не хочетъ и изображенія славы Бога и святыхъ Его.

V. Ибо, если бы мы сдѣлали изображеніе невидимаго Бога, то существенно погрѣшили бы, потому что не можетъ быть изо-

бражено безтѣлесное, и невидимое, и неопикуемое и неимѣющее образа. И опять, если бы мы сдѣлали изображенія людей и считали бы ихъ за боговъ, и служили бы имъ, какъ богамъ, то дѣйствительно поступили бы нечестиво,—но ничего подобнаго мы не дѣлаемъ. Ибо послѣ того, какъ Богъ, воплотившись, *явился на земли во плоти, и съ чловѣчки нѣживе* (Вар. III, 38), и принялъ по неизреченной благодати и естество, и объемъ, и видъ, и цвѣтъ плоти, мы не погрѣшаемъ, дѣлая Его изображеніе, такъ какъ желаемъ созерцать Его черты. Ибо, какъ говоритъ божественный Апостолъ: *видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII, 12). Икона же и есть зеркало и намекъ, приспособленный къ грубости нашего тѣла, ибо умъ при всемъ стараніи не можетъ отрѣшиться отъ условій тѣлеснаго.

VI. Прочъ, завистливый діаволъ! Ты завидуешь тому, что мы видимъ образъ нашего Владыки и освящаемся чрезъ него; видимъ Его спасительныя страдапія, удивляемся Его снисхожденію, созерцаемъ Его чудеса, прославляемъ силу Его Божества. Ты завидуешь святымъ ради данной имъ отъ Бога чести. Ты не хочешь видѣть, какъ мы изображаемъ ихъ славу и дѣлаемъ ревнителями ихъ мужества и вѣры. Не повинемся тебѣ, завистливый и чловѣконенавистный демонъ. Слушайте, народы, колѣна, языки, мужи, жены и дѣти, старцы, юноши и младенцы, святой народъ христіанскій! Если кто благовѣствуетъ вамъ, кромѣ того, что приняла католическая церковь отъ святыхъ Апостоловъ, отцовъ и соборовъ и сохранила до сего времени, не слушайте его и не примите совѣта змія, какъ приняла Ева и вкусила за это смерть. И если ангелъ или царь благовѣститъ вамъ, кромѣ того, что вы приняли, закройте уши. Ибо я медлю пока сказать, какъ сказалъ божественный Апостолъ: *анагема да будетъ* (Гал. I, 8), ожидая исправленія.

VII. Но не изслѣдующіе смысла Писанія говорятъ, что Богъ сказалъ чрезъ законодателя Моисея: *не сотвори всякаго подобія, слика на небеси и слика на земли* (Исх. XX, 4); и чрезъ пророка Давида: *да постыдятся вси кланяющіися истуканнымъ, хвалящіися о идолахъ своихъ* (Пс. XCVI, 7) и многое подобное. Ибо то, что они привели изъ божественнаго Писанія и св. отцовъ, это имѣетъ одинъ и тотъ же смыслъ.

Что же мы скажемъ на это? Что иное, кромѣ сказаннаго Господомъ іудеямъ: *испытайте писаній* (Іоан. V, 39)? Ибо пре- 1289
красное дѣло—изслѣдованіе Писанія,—но здѣсь будьте внимательны. Невозможно, возлюбленные, Богу солгать; единъ же есть Богъ, единъ законодатель Вѣтнаго и Новаго Завѣта, *многоглаголющій*.

и многообразнѣ древле глаголавый отцемъ во пророцѣхъ (Евр. I, 1) и въ послѣднія времена—въ единородномъ Своемъ Сынѣ. Обратите же вниманіе па это,—пе мое это слово: Духъ Святыи чрезъ св. Апостола Павла сказалъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ*. Видишь, Богъ говорилъ *многочастнѣ и многообразнѣ*. Ибо, какъ опытный врачъ, Онъ не всегда и не одно и то же даетъ всѣмъ, по каждому даетъ лѣкарство соотвѣтственно его положенію, принимая въ соображеніе и страну, и болѣзнь, и время, и возрастъ,—одно младенцу, взрослому же соотвѣтственно его возрасту— другое; одно—больному и другое—выздоровливающему; и каждому изъ больныхъ не одно и то же, по сообразно съ положеніемъ и болѣзнію; и одно—лѣтомъ, а другое—зимю, глубокою осенью и весною; и въ каждомъ мѣствѣ—по свойству мѣста; такъ и всеблагой врачъ душъ еще младенцамъ и страдающимъ болѣзнію идолослуженія, считающимъ идоловъ за боговъ и поклоняющимся имъ, какъ богамъ, отвергающимъ поклоненіе Богу и воздающимъ славу Его твари, воспретилъ дѣлать это. Ибо невозможно изобразить Бога,—безгѣлеснаго, невидимаго, нематеріальнаго, не имѣющаго фигуры, неопишуемаго и необъятнаго. Какъ изобразить то, чего не видѣли? *Богъ никтоже видѣтъ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣди* (Іоан. I, 18) и *не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. XXXIII, 20). говорилъ Богъ.

VIII. А что идоламъ они поклонялись, какъ богамъ, въ доказательство этого послушай, что говоритъ Писаніе въ *Исходѣ сыновъ Израиля* о томъ, какъ Моисей взошелъ па гору Синай и замедилъ тамъ, принимая отъ Бога законъ: какъ невѣжественный народъ приступилъ къ Аарону, служителю Божию, говоря: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами: Моисей бо сей человекъ, не въмы, что бысть ему* (Исх. XXXII, 1). Затѣмъ, снявши украшенія со своихъ женщинъ, они сдѣлали литое изображеніе, и вѣли, и пили, и опьянѣли отъ вина и заблужденія и начали играть, говоря въ неразуміи: *сн божи твои, Израилю* (Исх. XXXII, 9). Видишь, они идоловъ считали богами, которые являются жилищемъ демоновъ и твари служили *паче Творца*, какъ говоритъ и божественный Апостолъ: *извѣнниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человека, и птицъ, и четвероногихъ и гадъ.... и послужниша твари паче Творца* (Римл. I, 22—25). Ради этого запретилъ Богъ дѣлать всякое подобіе, какъ Моисей говоритъ во Второзаконіи: *и глагола Господь къ вамъ на горѣ изъ среды огня: гласъ словесъ Его вы слышасте, и образа не видѣсте, токмо гласъ* (Втор. IV, 12). И спустя немного: *и снабдите души своя зѣло, яко*

не видѣете всякаго подобія въ день, воньже глагола Господь къ вамъ въ гортъ Хоризъ изъ среды огня: никогда не беззаконуйте и не сотворите себѣ самимъ подобія ваянна, всякаго образа подобія мужеска пола или женска: и подобія всякаго скота, иже есть на земли, подобія всякія птицы пернатыя (Втор. IV, 15—17) и проч. И пропустивши немного: и да не когда возрѣвъ на небо, и видѣвъ солнце, и луну, и звѣзды и всю красоту небесную, прельстився поклонившися имъ и послуживши имъ (Втор. IV, 19). Видишь, одна цѣль, чтобы не послужить твари паче Творца и не воздавать ей служебное поклоненіе, по одному только Творцу, почему повсюду и связываетъ съ поклоненіемъ служеніе. И спустя немного говоритъ: да не будутъ тебѣ бози инии развъ Мене. Да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія (Исх. XX, 3—4. Втор. V, 7—8). И затѣмъ: и боговъ сляянныхъ да не сотвориши себѣ (Исх. XXXIV, 17). Видишь, изъ-за идолослуженія запрещаетъ Богъ иконописаніе и такъ какъ невозможно изобразить безтѣлеснаго, невидимаго и неопишуемаго Бога, ибо образа Его, говоритъ, не видѣете. Подобнымъ образомъ и Павелъ, стоя въ срединѣ Арсопага, говоритъ: родъ убо суще Божій, не должны есмы ищевати подобно быти божество, злату, или сребру, или камню художнѣ начертану и смысленію чловѣчу (Дѣян. XVII, 29).

IX. А что это такъ,—с гушай: не сотвори себѣ, говоритъ (Писаніе), кумира, ни всякаго подобія. Между тѣмъ какъ Богъ повелѣлъ это, они, говоритъ оно, сотвориша завѣсу дверемъ скинии свидѣнія отъ синеты, и багряницы, и червленницы срядены, и виссона сканаго, дѣло шевно херувимы... И сотвори очистище надъ кивотомъ отъ злата чисти и два херувима (Исх. XXXVII). Что ты дѣлаешь Моисей? Говоришь: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, а самъ приготавлиаешь вытканныхъ херувимовъ и двухъ херувимовъ изъ чистаго золота? Но послушай, что возразитъ тебѣ служигель Божій Моисей. О слѣпые и глупые! поймите силу сказаннаго и снайдите души своя згло. Я сказалъ, яко не видѣете подобія въ день, въ оньже глагола Господь къ вамъ на гортъ Хоризъ изъ среды огня, никогда не беззаконуйте, и не сотворите себѣ самимъ подобія ваянна, всякаго образа, и боговъ сляянныхъ да не сотвориши себѣ. Не сказалъ: не дѣлай изображенія херувимовъ, какъ рабовъ, предстоящихъ очистищу, но да не сотвориши себѣ боговъ сляянныхъ, и: не сотвори всякаго подобія вмѣсто Бога и не послужи твари паче Творца. Итакъ, я не сдѣлалъ ни подобія Бога, ни подобія другого кого-нибудь въ качествѣ Бога и не послужилъ твари паче Творца.

X. Видишь, какъ разумно испыгующимъ открылась цѣль Писанія. Ибо должно знать, возлюбленные, что во всякомъ дѣлѣ

должно искать истину и ложь, и цѣль дѣйствующаго, — хороша ли она, или худа. И въ Евангеліи описаны и Богъ, и ангель, и человекъ, и небо, и земля, и вода, и огонь, и воздухъ, и солнце, и луна, и звѣзды, и свѣтъ, и тьма, и сатана, и демоны, и змѣи, и скорпионы, и адъ, и добродѣтели, и пороки, и все прекрасное и худое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ все сказанное о нихъ истинно, а цѣлью является слава Бога и прославляемыхъ Имъ святыхъ, и наше спасеніе. и низложеніе и срамъ діавола и демоновъ его, то мы покланяемся, обнимаемъ, лобызаетъ и привѣтствуемъ и глазами, и устами, и сердцемъ. Подобнымъ образомъ (читимъ) и весь Ветхій и Новый Заветъ, и слова святыхъ и знаменитыхъ отцовъ. Гнуснаго же, и постыднаго, и печистаго писанія проклятыхъ мапихеевъ, и эллишовъ, и остальныхъ еретиковъ, какъ содержащаго ложное и суетное ученіе, и выдуманнаго во славу дьявола и демоновъ его и къ ихъ радости, мы гнушаемся и отвергаемъ, хотя бы на немъ и стояло имя Бога. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ объ иконахъ нужно изслѣдовать истину и цѣль того, что совершается. И если цѣль ихъ истинная и правильная, и онѣ служатъ къ славѣ Бога и святыхъ Его, къ ревности въ добродѣтели, къ избѣжанію зла и къ спасенію душъ, то нужно принимать ихъ и почитать, какъ изображенія, и подражанія, и пособія, и кпиги для неграмотныхъ; и покланяться имъ. и лобызать, и привѣтствовать очами, и устами, и сердцемъ, какъ подобіе воплотившагося Бога, или Его Матери, или святыхъ общниковъ страданій и славы Христовой, побѣдителей и низложителей діавола и демоновъ, и обмана ихъ.

1296 XI. Если же кто осмѣлится сдѣлать изображеніе нематеріальнаго, безтѣлеснаго, невидимаго и немѣющаго формы и цвѣта Божества, то мы отвергаемъ это, какъ ложь. И если кто осмѣлится сдѣлать во славу, поклоненіе и честь діавола или демоновъ, то мы гнушаемся и пожигаемъ это огнемъ. И если кто боготворитъ изображеніе людей, или пернатыхъ, или пресмыкающихся, или другой твари, то такого мы анаематствуемъ. Ибо какъ святыни и храмы демоновъ разрушали св. отцы, и на мѣсто ихъ воздвигали храмы во имя святыхъ, которыхъ почитаемъ и мы, такъ уничтожали они и изображенія демоновъ и вмѣсто нихъ воздвигали иконы Христа и Богородицы, и святыхъ. Въ Ветхомъ Заветѣ Израиль ни храмовъ не воздвигалъ во имя людей, ни памяти человека не праздновалъ, ибо человѣческая природа была еще подъ проклятіемъ, и смерть была наказаніемъ, почему ее и оплакивали; и тѣло умершаго считалось нечистымъ, равно какъ и прикоснувшійся къ нему. Нынѣ же, съ того времени, какъ Бо-

жество соединилось съ нашимъ естествомъ, какъ живое и животворящее и спасительное лѣкарство.—прославилось наше естество и предложилось въ нетлѣніе, почему и смерть святыхъ празднуется, и храмы имъ воздвигаются, и иконы ищутся. Итакъ, пусть знаетъ всякій человѣкъ, что приступающій къ уничтоженію иконы, существующей во славу и воспоминаніе Христа или Его матери, св. Богородицы, или кого нибудь изъ святыхъ, и къ стыду дьявола и пораженію его и его демоновъ, и изъ божественной любви и ревности есть врагъ Христа и св. Богородицы, и святыхъ, защитникъ же дьявола и демоновъ его, на дѣлѣ показывающій печаль о томъ, что Богъ и святые его почитаются и прославляются, дьяволъ же посрамляется. Ибо икона есть триумфъ и объявленіе, и надпись въ память побѣды отличившихся и одержавшихъ верхъ—и стыда побѣжденныхъ и низверженныхъ демоновъ.

ХІІ. Не дѣло царей устанавливать законы для церкви. Что говоритъ божественный Апостоль? *И овыхъ убо положи Богъ въ церкви первыѣ апостоловъ; второс — пророковъ, третьѣ — пастыри и учителя къ совершенію церкви* (1 Кор. XII, 28; Еф. IV, 11),— не сказалъ: царей И опять: *повинуйтесе наставникомъ вашимъ и покарятесе: ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). И затѣмъ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7). Не цари глаголаша намъ слово, но Апостолы и пророки, пастыри и учителя. Богъ, заповѣдавъ Давиду относительно построенія Ему дома, сказалъ ему: *не созиждеша домъ имени Моюму, зане человекъ кровей еси ты* (1 Пар. XXVIII, 3). *Воздадите убо всякъ должная, взывавъ Апостоль Павелъ, ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань: а ему же стражъ, стражъ; а ему же честь, честь* (Рим. XIII, 7). Дѣло царей—политическое благоустройство; церковное же управленіе есть дѣло пастырей и учителей. Это вторженіе сюда, братья, разбойничье. Когда Саулъ разорвалъ платье Самуила, то что онъ потерпѣлъ за это? Богъ разорвалъ его царство и отдалъ его кротчайшему Давиду. Иезавель преслѣдовала Ілію, и зато вылизали свиньи и псы кровь ея, и блудницы вымылись въ ней. Продъ умертвилъ Іоанна и съѣденный червями умеръ. И нынѣ былъ битъ палками и изгнанъ блаженный Германъ, сіяющій жизнью и словомъ, а затѣмъ и другіе весьма многіе епископы и отцы, имена которыхъ мы не знаемъ. Не по-разбойничьи ли это? Господь, когда книжники и фарисеи, искушая, приступили къ Нему, чтобы уловить Его словомъ, и спросили Его: *достойно ли естъ*

дети кинсонъ кесареви, — отвѣтили имъ: *покажите Ми златицу кинсонную*. Когда же они пришели, сказали: *чій образъ сей?* Когда тѣ отвѣтили: *кесаревъ*, Онъ говоритъ: *воздадите убо кесарева, кесареви: и Божія, Богови* (Мѡ. XXII, 17 — 22). Мы повинемся тебѣ, царь, въ дѣлахъ, касающихся этой жизни, податяхъ, пошлинахъ, приятн даровъ, — въ чемъ тебѣ вручено управление намъ. Въ установленіи же церковномъ имѣемъ пастырей и учителей. сказавшихъ намъ слово и создавшихъ церковное законодательство. Не переступаемъ *предѣлъъ вѣчныхъ, яже положиша отцы* наши, но удерживаемъ преданія, какъ припяли; ибо, если начнемъ разорять церковное строеніе хотя бы въ маломъ, то оно постепенно разрушится все.

XIII. Ты порицаешь матерію и называешь ее неблагородной? Это дѣлають и мавихен; но божественное Писаніе называетъ ее прекрасной, ибо говоритъ: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло* (Быт. I, 31). Итакъ, я признаю, что матерія есть и дѣло Божіе, и прекрасна. Ты же, если называешь ее злою, то или признаешь, что она не отъ Бога, или дѣлаешь Бога виновникомъ зла. Смотри же, что божественное Писаніе говоритъ о матеріи, которую ты называешь неблагородной: *и рече Моисей ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ, глаголя: сіе слово, еже завѣща Господь, глаголя: возмите отъ себе самихъ участіе Господу: всякъ по воли сердца своего, да принесетъ начатки Господу, злато, сребро, мѣдь, синету, багряницу, червленницу сугубу спрядену и виссонъ сканый, и волну козію, и кожи овни очервлены, и кожи сини, и древеся негниюща, и слей во свѣщеніе, и виміамъ въ елей помазанія, и въ сложеніе оиліама, и камени сардійски, и камени въ ваяніе на ризу верхнюю, и на подиръ. И всякъ премудрый сердцемъ въ васъ, шедъ да дѣлаетъ вся, елика заповѣда Господь: скинію* (Исх. XXXV, 4—10) и проч.

XIV. Вотъ почигается и матерія,—неблагородная, по вашему мѣнью. Ибо что ничтожатѣ *козій волны* или красокъ? Или развѣ *червленница, багряница* и *синета* не краски? Вотъ и дѣла рукъ человѣческихъ и подобія херувимовъ. И сама вся скинія была образомъ. *Видѣ, говоритъ Богъ Моисею, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. XXV, 40). И какъ бы то ни было, ей отовсюду поклонялся весь Израиль. Къ тому же развѣ херувимы не были въ виду народа? И ковчегъ, и свѣтильникъ, и трапеза, и *сталина золотая*, и *жезлъ*. на что взирая, поклонялся народъ? Не поклоняюсь матеріи, но поклоняюсь Творцу материи, ставшему матеріею ради меня, въ матеріи создавшему Себѣ жилище и чрезъ матерію совершившему мое спасеніе. Ибо Слово

плоть бысть и вселися въ ны (Іоан. I, 14). Всѣмъ же ясно, что плоть есть матерія и тварь. Итакъ, чту, оказываю почтеніе и поклоняюсь матеріи, чрезъ которую совершилось мое спасеніе. Чту же не какъ Бога, но какъ полную божественнаго дѣйствія и благодати. Не матерія ли преблагословенное и треблаженное древо креста? Не матерія ли достойная почтенія и святая гора,—лобное мѣсто? Не матерія ли живоносная скала, св. гробъ, источникъ нашего воскресенія? Не матерія ли чернила и кожи Евангелій? Не матерія ли животворящая трапеза, подающая намъ хлѣбъ жизни? Не матерія ли золото и серебро, изъ которыхъ приготовляются кресты, священныя блюда и чаши? Не матерія ли прежде всего этого тѣло и кровь моего Господа? Или отвергли почитаніе и поклоненіе всему этому, или допусти на основаніи церковнаго преданія и поклоненіе иконамъ, посвященнымъ имени Бога и друзей Божіихъ и осѣненнымъ поэтому благодатию божественнаго Духа. Если ты отвергаешь иконы ради закона, то должно тебѣ и субботствовать, и обрѣзываться, ибо это рѣшительно повелѣваетъ законъ; должно и весь законъ соблюдать и не праздновать пасху Господню внѣ Іерусалима. Но знайте, что, если вы соблюдаете законъ, *Христось васъ ничтоже пользуется* (Гал. V, 2). Должно тебѣ и жениться на женѣ брата, и возстановлять сѣмя брату, и не пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой. Но довольно: *уже закономъ оправдается: отъ благодоти отпадетъ* (Гал. V, 4).

XV. Мы изображаемъ Христа, царя и Господа, не лишая 1301
Его *воинства*; *воинство* же Господне—святые. Пусть земной царь распуститъ собственное войско и тогда воинство своего Царя и Господа! Пусть сниметъ пурпуръ и діадему, и тогда лишитъ чести побѣдившихъ тирана и воцарившихся надъ страстями! Ибо если они будутъ наследниками Бога и сонаследниками Христа (Римл. VIII, 17) и участниками божественной славы и царствія, то какимъ образомъ друзья Христовы не будутъ со-участниками и въ славѣ Его на землѣ? *Не кому васъ глаголю рабы* (Іоан. XV, 15), говоритъ Богъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. XV, 14). Итакъ, лишимъ ли ихъ данной имъ отъ Церкви чести. О, дерзкая рука! О, безразсудный разумъ, спорящій съ Богомъ и противодѣйствующій Его дѣламъ! Ты, Который не поклоняешься иконѣ, не поклоняйся и Сыну Божію, который есть живой образъ и неизмѣнный отпечатокъ невидимаго Бога. Храмъ, который построилъ Соломонъ, былъ освященъ кровью безсловесныхъ и украшенъ изображеніями безсловесныхъ: львовъ, и быковъ, и пальмъ, и гранатовыхъ яблокъ. Теперь же церковь освящается кровію Христа и святыхъ Его и украшается иконами

Христа и святыхъ Его. Или отвергни поклоненіе всякому изображенію или не вводи новое и не прелагай предѣлъ вѣчныхъ, яже положита отцы твои (Притч. XXII, 28). Не о томъ говорю, что было предано до пришествія Христа Бога нашего во плоти, но о томъ, что послѣ пришествія Его. Ибо относительно преданій Ветхаго Завѣта Богъ говоритъ съ укоромъ: *дагъ имъ заповѣди не добры* (Иезек. XX, 25) по жестокосердію ихъ, такъ что по перемѣнѣ священства необходимо быть и перемѣнѣ закона.

XVI. Не только письменами передали самовидцы и служители слова церковное законоположеніе, но и нѣкими неписанными преданіями. Ибо откуда мы знаемъ св. лобное мѣсто? Откуда гробницу жизни? Не дѣти ли приняли это отца безъ записи? Написано, что Господь былъ распятъ на лобномъ мѣстѣ и погребенъ въ гробницѣ, которую Іосифъ выскѣ въ скалѣ. Но что это — то мѣсто, которое мы теперь почитаемъ, это мы знаемъ изъ неписаннаго преданія, — и весьма многое подобное этому. Откуда крещеніе трижды, т.-е. чрезъ три погруженія? Откуда поклоненіе кресту? Не изъ неписаннаго ли преданія? Почему и божественный Апостоль Павелъ говоритъ: *тѣмъже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистесь, или словомъ, или покланіемъ нашимъ* (2 Сол. II, 15). Итакъ, когда многое передано Церкви безъ записи и сохранено до сихъ поръ, то зачѣмъ напрасно спорите объ иконахъ? Манхеи написали евангеліе по Ѳомѣ, — напишите и вы евангеліе по Іову. Не принимаю царя, который, какъ тиранъ, похищаетъ себѣ священство. Не цари получили власть вязать и рѣшать. Знаю императора Валента, казавшагося христіаниномъ и преслѣдовавшаго православную вѣру, Зинова и Анастасія, Праклія и Константина сицилійскаго и Вардаиска, называвшагося Филиппикомъ. Меня не убѣдятъ въ томъ, что Церковь управляется царскими предписаніями, — она управляется отеческими преданіями писанными и неписанными. Ибо какъ во всемъ мірѣ безъ писаній проповѣдано было Евангеліе, такъ во всемъ мірѣ безъ писаній предано было изображать Христа, воплотившагося Бога, и святыхъ, равно какъ и покланяться кресту и молиться, стоя на востокъ.

XVII. Мѣста же, которыя приводишь, не отвергаютъ поклоненія нашимъ иконамъ, но — изображеніямъ эллиновъ, дѣлавшихъ боговъ. Не должно же ради неразумнаго языческаго обычая отвергать и нашъ благочестивый. Заклинаютъ заклинатели и чародѣи, заклинаетъ и церковь оглашенныхъ; но тѣ призываютъ демоновъ, а та же — Бога противъ демоновъ. Эллины приносили

жертвы дѣмонамъ, но и Израиль приносилъ Богу въ жертву кровь и тукъ; припоситъ и Церковь безкровную жертву Богу. Эллины посвящали изображенія дѣмонамъ, но и Израиль боготворилъ изображенія, ибо они говорили: *сін бози твои, израиллю, иже изведоша тя изъ земли египетскія* (Исх. XXXII, 4). Мы же посвящаемъ иконы истинному Богу воплощенному и рабамъ, и друзьямъ Божиимъ, прогнавшимъ толпы демоновъ.

XVIII. Если же ты скажешь, что блаженный Епифаній явно отвергаетъ наши иконы, то знай, что это слово—подложное и принадлежитъ кому-нибудь другому, воспользовавшемуся именемъ божественнаго Епифанія, что часто случается. Ибо отецъ не противоборствуетъ отцамъ, такъ какъ всѣ они были общниками единого Св. Духа. И свидѣтель этому Церковь, украшенная иконами до сего времени, въ которое нѣкоторые возстали противъ нея и смутили стадо Христово, начавши напоить народъ Божій нечистотою разрушенія. 1305

XIX. Если я поклоняюсь и чту крестъ, копьѣ, трость и губку, чрезъ которыя богоубійцы іудей поругались и убили Господа моего, какъ послужившіе моему спасенію, то почему не поклоняться иконамъ, устроеннымъ вѣрными съ доброю цѣлью—во славу и воспоминаніе страстей Христовыхъ? Если я поклоняюсь образу креста, устроенному изъ нѣкоторой матеріи, то почему мнѣ не поклоняться изображенію Распятаго и Указавшаго въ крестѣ спасеніе? О, безчеловѣчіе! Что я поклоняюсь не матеріи,—это ясно: если уничтожена форма креста, приготовленнаго, наприм., изъ дерева, то я предаю дерево огню,—подобнымъ образомъ и дерево, на которомъ раньше были иконы.

XX. А что иконы и поклоненіе имъ не новое изобрѣтеніе, но древнее церковное преданіе.—въ доказательство этого прими рядъ мѣстъ изъ Писанія и огеческихъ. Господь въ святомъ Евангеліи отъ Матѳея говоритъ слѣдующее, ублажая Своихъ учениковъ и съ ними всѣхъ, живущихъ по ихъ правилу и слѣдующихъ по ихъ слѣдамъ: *ваша же блаженна очеса, яко видятъ; и уши ваши, яко слышатъ. Аминь бо глаголю вамъ: яко мнози пророцы и праведницы вожедѣша видѣти, яже видите, и не видѣша; и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мѳ. XIII, 16—17). Итакъ, желасмъ и мы видѣть, что можно видѣть; ибо видимъ, якоже зрѣцаюмъ и въ гаданіи, и на изображеніи, и ублажаемъ. Самъ Богъ первый сдѣлалъ изображеніе, ибо перваго челоуѣка Онъ создалъ по образу Божию. И Авраамъ, и Моисей, и Исаія, и всѣ пророки видѣли образъ Бога, а не самое существо Бога. Терновый кустъ 1308

былъ образомъ Богоматери, и, когда Моисей намѣревался подойти къ нему, Богъ сказалъ: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ: мѣсто бо на немже ты стоиши, земля свята есть* (Исх. III, 5). Итакъ, если земля, на которой Моисей видѣлъ образъ Богородицы, есть земля святая. то насколько же болѣе святъ самый образъ? Опъ не только святъ, но, осмѣлюсь сказать, и святой изъ святыхъ. Господь на вопросъ фарисеевъ: *что убо Моисей заповѣда дати книгу распустную и отпустити ю* (Мѣ. XIX, 7) отвѣтилъ: *яко Моисей по жестокосердію вашему повелѣ вамъ пуетити жены ваша: изъ начала же не бысть тако* (Мѣ. XIX, 8). И я говорю вамъ, что Моисей по жестокосердію сыновъ Израилевыхъ, зная ихъ поклонность къ идолослуженію, повелѣлъ имъ не дѣлать иконъ. Теперь же не такъ, ибо мы стали твердо на скалѣ вѣры, обогатившись свѣтомъ богопознанія.

XXI. Послушайте, что говоритъ Господь: *буи и слѣпѣи, иже кланется церковію, кланется сю и живущимъ въ ней: и кленыйся небесемъ, кланется престоломъ Божіимъ и Сѣдящимъ на немъ* (Мч. XXIII, 19, 21—22). И клянущійся образомъ кланется и изображеннѣмъ на немъ.

XXII. Итакъ, достаточно доказано, что скинія, и завѣса, и ковчегъ, и трапеза, и все, что въ скиніи, суть образы и знаки. дѣла рукъ человѣческихъ, которымъ поклонялся весь Израиль, — равно какъ и ваянные херувимы, сдѣланные по повелѣнію Божію. Ибо Богъ говоритъ Моисею: *виждь, да сотвориши все по образу. показанному тебѣ на горѣ* (Исх. XXV, 40). Послушай и Апостола Павла, свидѣтельствующаго, что Израиль поклонялся рукотворенному и изображеніямъ по повелѣнію Божію. *Аще бы бо былъ, говорить, на земли, не бы былъ священникъ, суцымъ священникомъ приносящимъ по закону дары: иже образу и стѣни служатъ небенныхъ, якоже глаголаю бысть Моисею .отящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ. Нынѣ же лучшее лучи служеніе, поелику и лучшаго завѣта есть ходатай, иже на лучшихъ обѣтованіихъ узаконися. Аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто. Укоряя бо ихъ глаголетъ: се дніе грядуть, глаголетъ Господь, и совершу на домъ Израилевъ и на домъ Иудовъ завѣтъ новъ: не по завѣту, его же сотворихъ отцемъ ихъ, въ день, вонже емшу ми ихъ за руку, извести ихъ отъ земли египетскія* (Евр. VIII, 4—9). И спустя немного: *внегда же глаголетъ, новъ, обветши перваго: а обветшвающее и состарѣвающееся близъ есть истлѣніа. Скинія бо сооружена бысть первая, въ ней же свѣтильникъ и трапеза и предложеніе хлѣбовъ, иже глаголется святая. По вторѣй же завѣтъ ски-*

нiя глаголеная, святая святыхъ, злату и муцу кадиальнику, и ковчегъ завѣта окованъ всюду златомъ: въ немже стамна злата, и мущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшiй и скривжали зювѣта. Превышше же его херувими славы, освѣняющii олтарь (Евр. VIII, 13, IX, 2—5). И затѣмъ: не въ рукотвореннiя бо святая вниде Христось, противоположная истинныхъ, но въ самое небо (Евр. IX, 24). Немного спустя: стьнь бо и мый законъ грядущихъ благъ, (а) не самый образъ вещей (Евр. X, 1).

XXIII. Видишь, законъ и всѣ его установленiя, равно какъ и наше служенiе суть *рукотворенная святая*, чрезъ матерiю приводящiя насъ къ чуждому матерiи Богу. И законъ, и все, что по закону, было какою-то сѣнью грядущаго образа, т. е. нашего служенiя; наше же служенiе есть образъ грядущихъ благъ. Самыя же вещи—горнiи Иерусалимъ—нематериальный и нерукотворенный, какъ говорить тотъ же самый божественный Апостоль: *не и мамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14), который есть горнiй Иерусалимъ, *ему же художникъ и создатель Богъ* (Евр. XI, 10), ибо ради него было все: и устроенное по закону, и соотвѣтственное нашему служенiю. Богу слава во вѣки. Аминь.

Свидѣтельство древнихъ и славныхъ святыхъ отцовъ объ иконахъ.

1312

Св. Дiонисiя Ареопагита—изъ посланiя къ Титу.

„Должно и намъ“ и проч. ¹⁾.

Слог. Видишь, сказалъ и проч.

Его же—изъ книги—Объ именованъ Божiихъ.

„Этому и мы“ и проч.

Слог. Если давать образы... есть признакъ челоувѣколюбiя и проч.

Его же—изъ книги—О церковной ісгаргiи.

„Превосходящiя насъ“ и проч.

Слог. И такъ, если и проч.

Св. Василiя—изъ слова въ память блаженнаго мученика Варлаама, начало котораго: Пржеде, конечно, смерть святыхъ.

„Возстаньте нынѣ“ и проч.

¹⁾ Эту и послѣдующiя выдержки см. выше стр. 361—370.

Его же из тридцати глав о Св. Духъ къ Амфилохію, изъ гл. XVIII.

„Потому что царемъ“ и проч.

Сгол. Если образъ и проч.

Св. Василия—изъ слова въ память мученика Гордія.

„Радуются люди“ и проч.

Сгол. Видишь и проч.

Св. Василия—изъ того же слова въ память мученика Гордія.

„Какъ за огнемъ самъ по себѣ“ и проч.

Въ концѣ того же самаго слова.

„Ибо какъ всегда видя солнце“ и проч.

Сгол. Очевидно и проч.

И въ словѣ въ память честнѣйшихъ сорока мучениковъ говоритъ слѣдующе.

„Что касается памяти мучениковъ“ и проч.

Сгол. Итакъ зачѣмъ... говорящаго немного спустя.

Василія.

„Итакъ... сюда“ и проч.

Сгол. Видишь и проч.

Опять изъ того же слова.

„И военные подвиги“ и проч.

Сгол. Что яснѣ этого и проч.

Сгол. Какъ не пожелать...

Св. Григорія, епископа нисскаго, изъ дополненія [къ Шестодневу св. Василия], т. е. объ устройствѣ человека, гл. IV.

„Какъ по человѣческому обычаю“ и проч.

Его же—изъ пятой главы того же самаго произведенія.

„Божественная красота“ и проч.

Сгол. Видишь и проч.

Его же—изъ слова, сказаннаго въ Константинополѣ о божествѣ Сына и Духа и объ Авраамѣ. Слово 41 котораго начало: подобнымъ образомъ, что касается тѣхъ.

„Затѣмъ, во-первыхъ, беретъ отецъ связаннаго“ и проч.

Св. Іоанна Златоуста—изъ толкованія на посланіе къ евреямъ.

„Предыдущее въ отношеніи къ послѣдующему есть образъ“ и проч.

Леонтія [епископа] Неополя кипрскаго — изъ слова противъ іудеевъ о поклоненіи кресту Христову, и иконамъ святыхъ, и другъ другу и объ останкахъ святыхъ.

„Если ты, іудей, опять обвиняешь меня“ и проч. 1313

Схол. Итакъ, если поклоняемся и проч.

И опять изъ того же.

„Когда“ и проч.

Схол. Этотъ и проч.

Севириана, епископа гавальскаго,—изъ слова на обновленіе креста.

„Какимъ образомъ изображеніе“ и проч.

Схол. Понимаешь ли, что для и проч.

А что изображеніе иконъ не новое дѣло и проч.

Изъ житія Іоанна Златоуста, гдѣ написано буквально слѣдующее.

„Весьма возлюбилъ блаженный Іоаннъ“ и проч.

Въ житіи св. Евпраксіи написано и проч.

Въ житіи св. Маріи Египетской и проч.

Изъ слова Златоуста о томъ, что единъ законодатель Ветхаго и Новаго Завета и объ одѣяннѣ священника.

„Я возлюбилъ и изъ воска сдѣлашное изображеніе, исполненное благочестія. Ибо я видѣлъ изображеніе ангела, гонящаго толпы демоновъ, видѣлъ прогоняемые полки варваровъ и Давида говорящаго: „Господи, во градъ Твоемъ уничтожь образъ ихъ“ (Цс. LXXII, 20).

Его же—изъ толкованія притчи о сѣмени.

„Если ты оскорбишь царское одѣяніе, то не оскорбишь ли и облеченнаго въ него? Не знаешь ли, что если оскорбишь изображение царя, то нанесешь обиду его первообразу? Не знаешь

ли, что, если бы кто-нибудь низвергъ изображение изъ дерева или мѣдную статую, то судился бы не какъ посягнувшій на бездушную матерію, но какъ нанесшій безчестіе царю? Не носитъ ли она изображение царя? Не восходитъ ли оскорбленіе ея къ царю?“

Того же Иоанна Златоуста—изъ слова въ память Мелетія, епископа антiохійскаго и мученика, и о ревности собравшихся, начало котораго: обводя кругомъ глазами это священное стадо, и спустя немного;

„И происшедшее было наставленіемъ въ благочестіи. Ибо постоянно побуждаемые помнить о томъ имени и имѣть въ душѣ того святого, они имѣли средство для прогнанія всякой неразумной страсти и разсужденія. И такимъ образомъ произошло то, что повсюду: и на улицѣ, и на площади, и на поляхъ, со всѣхъ сторонъ звучало это имя. И не къ одному только этому имени вы воспылали любовью, но и къ самой фигурѣ его тѣла. Посему, что вы сдѣлали съ именемъ, то сдѣлали и съ изображеніемъ его. Ибо и на ручкахъ печатей, и на чашахъ, и на кубкахъ, и на стѣнахъ спаленъ, и повсюду начертали многіе его изображение, чтобы не только слышать то святое имя, но и видѣть повсюду его тѣлесную фигуру и имѣть нѣкое двойное утѣшеніе въ его отсутствіи“.

Его же—о предательствѣ Иуды, о пасхѣ, о преданіи тайнствъ и о непамятозлобіи.

„Какъ живописцы на одной и той же доскѣ и проводятъ линіи, и дѣлаютъ тѣни, и представляютъ вещь при помощи красокъ, такъ сдѣлалъ и Христосъ“.

Св. Алевросія, епископа Медиоланскаго, — изъ посланій ко всѣмъ Италіи.

„Въ третью ночь, когда тѣло мое уже утомилось отъ поста, и я не спалъ, но былъ въ экстазѣ, показалось мнѣ какое-то лицо, подобное блаженному апостолу Павлу, какъ изображение его на иконѣ ясно представляло его фигуру“.

Максима Философа и Исповѣдника—изъ сочиненія о томъ, что произошло между нимъ и епископомъ Оеодосіемъ.

„И при этомъ всѣ встали съ радостью и слезами, покаялись и совершили молитву; и каждый изъ нихъ лобызалъ святое Евангеліе, честной крестъ, икону Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Госпожи нашей, родшей Его, всесвятой Богородицы, возлагая и руки свои въ подтвержденіе сказаннаго.“

Святѣйшаго и блаженнѣйшаго архієпископа есопольскаго и патріарха Анастасія—о субботѣ, и—къ Симѣону, епископу Вострїйскому.

„Ибо, въ отсутствіе царя, почитается вмѣсто него его изображеніе. Когда же онъ не присутствуетъ, то излишне, оставивши первообразъ, поклоняться изображенію; но во всякомъ случаѣ оно не должно презираться, хотя ему и не поклоняются въ виду присутствія того, ради котораго совершается поклоненіе“. И спустя немного: „ибо какъ оскорбляющій изображеніе царя подлежитъ наказанію, какъ если бы онъ оскорбилъ самого царя, хотя изображеніе есть не что иное, какъ дерево и краски, смѣшанныя съ воскомъ и растворенныя; подобнымъ же образомъ оскорбляющій чей-нибудь образъ наноситъ обиду тому, кого это образъ.“

Изъ Пуга св. отца нашего Софронія, архієпископа Іерусалимскаго.

„Авва Теодоръ рассказывалъ и проч. Знаю, что вопреки 1317 Творцу моему нарушилъ клятву; тебя же не слушаю“. *Схол.* Видишь ли, что и проч.

Итакъ, почему никто не началъ дѣлать это, несмотря на то, что много и проч. ¹⁾

Если кто-нибудь войдетъ и проч.

Умоляемъ же и проч.

¹⁾ Данное заключеніе ко второму слову представляетъ простое воспроизведеніе заключенія къ первому. См. выше, стр. 371—372.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

I. У лукаваго и виновника зла змія, т.-е. діавола, есть обычай-многообразно воевать противъ по образу Божію созданнаго чело-вѣка и чрезъ козни причинять ему смерть. Ибо тотчасъ въ на-чалѣ онъ внушилъ ему надежду и страсть къ обожествленію и чрезъ это низвелъ его въ состояніе смерти подобно безсловес-нымъ. Не только же это, но и часто прельщаль его постыдными и неразумными удовольствіями. Какое же разстояніе между обо-жествленіемъ и неразумною страстью! Иногда онъ вовлекалъ его въ безбожіе, какъ говоритъ богоотець Давидъ: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1), иногда — въ многобожіе: иногда убѣждалъ не поклоняться Богу по естеству, иногда же заставлялъ поклоняться демонамъ, а затѣмъ: небу и землѣ, солнцу, и лунѣ, и звѣздамъ, и остальной твари. Ибо одинаково худо и достойнымъ почтенія не воздавать подлежащей чести и презрѣн-нымъ удѣлять не принадлежащую имъ славу. Истина же, кото-рая идетъ среднимъ путемъ, отрицаетъ все это, какъ неразумное, и учитъ исповѣдывать единаго Бога, едино естество въ трехъ ипостасяхъ,—Отцѣ, и Сынѣ, и Св. Духѣ; зло же называетъ не сущностью, но случайнымъ,—будетъ ли это какая-нибудь мысль, или слово, или дѣло, несогласныя съ закономъ Божіимъ, осуще-ствляющіяся чрезъ мышленіе, рѣчь и дѣло и вмѣстѣ съ прекра-щеніемъ ихъ исчезающія. Затѣмъ же объявляетъ и единаго изъ Св. Троицы Христа имѣющимъ два естества и едину ипостась. Но врагъ истины и враждебный человѣческому спасенію демонъ, соблазнявшій часто дѣлать изображенія нечестивыхъ людей. и пернатыхъ, и звѣрей, и пресмыкающихся, и поклоняться имъ, какъ богамъ, не только язычниковъ, но и *сыновъ израилевыхъ*. теперъ старается возмутить наслаждающуюся миромъ церковь Христову, приправляя чрезъ неправедныя уста и коварство языка зло божественными словами, пытаясь прикрыть ими его безо-

бразный и мрачный видъ и отвлечь сердца неутвержденныхъ отъ истиннаго и преданнаго отцами обычая.

II Ибо возстали вѣкоторые, говорящіе, что не должно изображать и выставлать для созерцанія, и прославленія, и удивленія, и сореэнованія спасительныя чудеса и страданія Христа и подвиги святыхъ въ борьбѣ съ дьяволомъ. II кто, имѣющій божественное вѣдѣніе и духовный смыслъ, не признаетъ, что это — кознь дьявола? Ибо онъ не хочетъ обнаружить свое поражение и стыдъ, не хочетъ изображенія славы Бога и святыхъ Его. Ибо если бы мы сдѣлали изображеніе невидимаго Бога, то существенно погрѣшили бы, потому что не можетъ быть изображено безтѣлесное и не имѣющее образа, и невидимое, и неописуемое. II опять, если бы то, что сдѣлали, мы считали бы за боговъ и покланялись, какъ богамъ, то дѣйствительно поступили бы нечестиво, но ничего подобнаго мы не гдѣаемъ. Ибо въ виду того, что Богъ воплотился, и явился на земли во плоти и съ *человѣки поживе*, принявши по неизреченной благодсти и естество, и объемъ, и видъ, и цвѣтъ плоти, мы не погрѣшаемъ, дѣлая Его изображеніе, такъ какъ желаемъ созерцать Его черты. Ибо, какъ говоритъ божественный Апостоль: *видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII. 12). Икона же и есть *зерцало и гаданіе*, приспособленное къ грубости нашего тѣла, ибо умъ при всемъ стараніи не можетъ отрѣшиться отъ условія тѣлеснаго, говоритъ божественный Григорій.

III. Прочь, завистливый діаволь! Ты завидуешь тому, что мы видимъ образъ нашего Владыки и освящаемся чрезъ него; видимъ Его спасительныя страданія, удивляемся Его снисхожденію, созерцаемъ Его чудеса; познаемъ и прославляемъ силу Его божества. Ты завидуешь святымъ ради данной имъ отъ Бога чести. Ты не хочешь видѣть, какъ мы изображаемъ ихъ славу и гдѣаемся ревнителями ихъ мужества и вѣры; не выносишь происходящей для насъ изъ вѣры въ нихъ тѣлесной и духовной пользы. Не повинуюемся тебѣ, завистливый и челоѣконенавистный демонъ. Слушайте, народы, колѣна, *языки*, мужи, жены, дѣти, старцы, юноши и младенцы, святой народъ христіанскій! Если кто благоѣститъ вамъ, кромѣ того, что приняла св. католическая церковь отъ апостоловъ, отцовъ и соборовъ и сохранила до сего времени, не слушайте его и не примите совѣта змія, какъ приняла Ева и вкусила за это смерть. II если ангель или царь благоѣститъ вамъ, кромѣ того, что вы приняли, закройте закройте уши. Ибо я медлю пока сказать, какъ сказалъ божественный Апостоль: *анаѣна да будетъ* (Гал. I, 8), ожидая исправленія.

IV. Но не изслѣдующіе смысла писанія говорятъ, что Богъ сказалъ чрезъ законодателя Моисея: *не сотвори всякаго подобія, елика на небеси и елика на земли* (Исх. XX, 4); и чрезъ пророка Давида: *да постыдятся вси кланяющіеся идоламъ, зваліиися о идолахъ своихъ* (Пс. XCVI, 57) и многое подобное. Ибо чтобы они ни привели изъ божественнаго Писанія и св. отцовъ,—это имѣеть одинъ и тотъ же смыслъ.

Что же мы скажемъ на это? Что иное, кромѣ сказаннаго Господомъ: *испытайте писаній* (Іоан. V, 39)? Ибо прекрасное дѣло изслѣдованіе Писаній,—здѣсь же будьте внимательны. Невозможно, возлюбленные, Богу солгать: одинъ же есть Богъ, одинъ законодатель Вѣчнаго и Новаго завѣта, *многочастнъ и многообразнъ древле глаголавый отцемъ во пророцѣхъ* (Евр. I, 1) и въ послѣднія времена въ единородномъ Своемъ Сынѣ. Обратите-же вниманіе на это, —не мое это слово: Духъ Святой чрезъ св. Апостола Павла сказалъ: *многочастнъ и многообразнъ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ*. Видишь, Богъ говорилъ *многочастнъ и многообразнъ*. Ибо, какъ опытный врачъ не всегда и не одно и то же даетъ всѣмъ, но каждому даетъ соотвѣтствующее и полезное лѣкарство, принимая въ соображеніе и страну, и болѣзнь, и время, или срокъ, и положеніе, и возрастъ,—одно—младенцу, взрослому же, соотвѣтственно его возрасту, другое: одно—больному и другое—выздоровливающему; и каждому изъ больныхъ не одно и то же, но сообразно съ положеніемъ и болѣзнию; и одно лѣтомъ, а другое—зимою, глубокою осенью и весною; и въ каждомъ мѣстѣ по свойству мѣста: такъ и всеблагой Врачъ душъ еще младенцамъ и страдающимъ болѣзнию идолослуженія, считающимъ идоловъ за боговъ и поклоняющимся имъ, какъ богами, отвергающимъ поклоненіе Богу и воздающимъ славу Его твари, воспретилъ дѣлать изображенія. Ибо не возможно изобразить Бога,—безтѣлеснаго, невидимаго, нематеріальнаго, не имѣющаго фигуры, неопишуемаго и необъятнаго. Какъ изобразить то, чего не видѣли? *Бога никтоже видѣ нигдѣже: единородный Сынь, сый въ лоно Отчи, Той исповѣда* (Іоан. I, 18), и *не бо узрѣтъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. XXXIII, 20), сказалъ Богъ.

1324

V. А что идоламъ они поклонялись, какъ богамъ, въ доказательство этого послушай, что говоритъ Писаніе въ *Исходъ сыновъ Израилевыхъ* о томъ, какъ Моисей взошелъ на гору Синай и замедлилъ тамъ, принимая отъ Бога законъ, какъ невѣжественный народъ приступилъ къ Аарону, служителю Божію, говоря: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами: Моисей бо сей*

человѣкъ, не въмы, что бысть ему (Исх. XXXII, 1). Затѣмъ, снявши украшенія со своихъ женщинъ, они сдѣлали литое изображеніе, пѣти и пили, и оцьянѣли отъ вина и заблужденія, и начали играть, говоря въ неразуміи: *сѣи бози твои, Израилю* (Исх. XXXII, 9). Видишь, они идоловъ считали богами, ибо они не сдѣлали изображенія Зевса или того, или другого, но отдали оказавшееся у нихъ золото на устройство какого-нибудь идола,—и было сдѣлано изображение головы быка. Такимъ образомъ литыя изображенія они считали богами и поклонялись, какъ богамъ, тѣмъ, которыя были жилищемъ демоновъ. И что они служили *твари паче творца*, объ этомъ говоритъ божественный Апостолъ: *изнѣниши славу неслѣннаго Бога въ подобіе образа тѣлца человѣка, и птицъ, и четвероногихъ и гадъ; и послужиши твари, паче Творца* (Римл. I, 22, 25). Ради этого запретилъ Богъ дѣлать всякое подобіе.

VI. Знаю неложно Сказавшаго: *Господь Богъ твой. Господь единъ есть* (Втор. VI, 4), и *Господа Бога твоего да убоишися, и Тому единому послужиши* (Втор. VI, 13), и: *да не будутъ тебѣ бози инии развъ Мне* (Исх. XX, 3); и: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небси горѣ, и елика на земли низу* (Исх. XX, 4); и: *да постыбятя вси кланяющіися истуканнымъ* (Пс. XCVI, 7); и: *бози, иже небесе и земли не сотвориша, да погибнутъ* (Іер. X, 11). И многое подобное *древнъ Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ въ послѣдохъ днѣй глагола намъ въ единородномъ Своемъ Сынѣ, Имъ же и въки сотвори* (Евр. I, 1—2). Знаю Сказавшаго: *се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого Бога, и Его же послалъ сынъ Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3), и вѣрую во единого Бога, единое начало всего, безначальнаго, несозданнаго, неподверженнаго гибели и безсмертнаго, вѣчнаго и постояннаго, непостижимаго, безтѣлеснаго, невидимаго, неописуемаго, не имѣющаго формы; единую *пресущественную сущность, прѣбожественное* божество, въ трехъ ипостасяхъ: Отцѣ и Сынѣ, и Св. Духѣ; и Ему одному служу, и Ему одному совершаю поклоненіе служенія. Поклоняюсь единому Богу, единому Божеству. Но и Троицѣ ипостасей служу: Богу Отцу и Богу Сыну воплощенному, и Богу Св. Духу,—не тремъ богамъ, но единому, не раздѣленнымъ ипостасямъ, но соединеннымъ; не три поклоненія совершаю, но одно: не каждой изъ ипостасей въ отдѣльности совершаю поклоненіе, но вмѣстѣ тремъ ипостасямъ, какъ единому Богу. Не поклоняюсь *твари паче Творца*, но поклоняюсь Творцу, созданному по мѣ и сошедшему къ твари безъ униженія и поврежденія Себя, чтобы прославить мое естество и сдѣлать его общникомъ божественнаго естества. Вмѣстѣ же съ Царемъ и Богомъ поклоняюсь

багряницѣ тѣла, — не какъ одеждѣ и не какъ четвертому лицу: нѣтъ, но какъ соединенной съ Богомъ и пребывающей безъ измѣненія, какъ и Помазавшій ее. Ибо естество плоти не сдѣлалось Божествомъ, но какъ Слово стало плотію непреложно, оставаясь тѣмъ, чѣмъ оно было, такъ и плоть стала Словомъ, не потерявши того, что она имѣетъ, отождествившись же съ Словомъ по ипостаси. Почему съ увѣренностью изображаю невидимаго Бога, ради насъ ставшаго общникомъ плоти и крови. Не невидимое Божество изображаю, но изображаю видѣнную плоть Бога. Ибо, если душу изобразить невозможно, то насколько же болѣе Бога, и душѣ даващаго свойство нематеріальности.

VII. Но, говорятъ, Богъ сказалъ чрезъ Моисея законодателя: *Господу Богу твоему поклонилися, и Тому единому послужите; и не сотвори всякаго подобія, елика на небеси и елика на земли.*

Братія, существенно заблуждаются не знающіе, что *писма цѣлуютъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III, 3), не изслѣдующіе подъ буквою скрытый духъ. Имъ справедливо бы было сказать: научившій васъ этому пусть научитъ и слѣдующему. Научись, какъ изъясняетъ это законодатель, слѣдующимъ какъ бы образомъ говоря во Второзаконіи: *и глагола Господь къ вамъ изъ среды огня: гласъ словесъ Его вы слышасте и образа не видѣсте, токмо гласъ* (Втор. IV, 12); и спустя немного: *и снабдите души своя зломъ, яко не видѣсте всякаго подобія въ день, вонъже глагола Господь къ вамъ въ гору Хоривъ изъ среды огня: не бѣззаконнуйте, и не сотворите себѣ самимъ подобія ваянна, всякаго образа подобія мужеска пола или женска; и подобія всякаго скота, иже есть на земли, подобія всякія птицы пернатыя* (Втор. IV, 15—17) и проч.; и немного далѣе: *она не когда воззрѣвъ на небо, и видѣвъ солнце, и луну, и звѣзды и всю красоту небесную, прельстився, поклонилися имъ и послужили имъ* (Втор. IV, 19). Видишь ли, что одна цѣль: чтобы не служить твари паче Творца и не совершать ей служебное поклоненіе. но только одному Творцу, почему повсюду и присоединяетъ къ поклоненію служеніе. Ибо опять говоритъ: *да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене* (Исх. XX, 3); *да не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія, да не поклонилися имъ, ниже послужили имъ, яко Азъ есмь Господь Богъ вашъ* (Втор. V, 8—9); и опять: *да раскопаете требища ихъ, и сокрушите столпы ихъ, и дубравы ихъ съсечете, и ваяніе боговъ ихъ сожжете огнемъ* (Втор. XII, 3), ибо вы не будете поклоняться иному Богу; и спустя немного: *и боговъ сляянныхъ да не сотвориши себѣ* (Исх. XXXIV, 17). Видишь, что изъ-за идолослуженія запрещаетъ иконописаніе и потому, что невозможно изобразить Бога, немѣющаго количества, неописуемаго и не-

видимаго, ибо, говорить, Его *образы не видѣете* (Втор. IV, 12), подобно тому какъ и Павелъ, стоя въ срединѣ Ареопага, говорить: *родъ убо суще Божій, не должи есмь нещевати подобно быти Божеству злату или серебру, или камню, подобно начертану, и смысленію человѣчу* (Дѣян. XVII, 29).

VIII. У іудеевъ ради склонности къ идолопоклонству было узаконено это. Мы же, которымъ, говоря съ Богословомъ, какъ избѣгшимъ суевѣрнаго заблужденія и познавшимъ истину, дано быть съ Богомъ и служить единому Богу, и обогатиться совершенствомъ богопознанія и достигнуть въ мужа совершенна (Еф. IV, 13), мы не паходимся уже подѣ дѣтводителемъ (Гал. III, 25), такъ какъ пережили дѣтство, получивши огъ Бога способность различенія и зная, что можно изобразить и что неопишимо образомъ. Ибо законъ *пѣстунъ намъ быти во Христа, да отъ чѣрхъ оправдимся* (Гал. III, 24). *Егда бѣхомъ млади, подѣ стигіами бѣхомъ міра порабощени* (Гал. IV, 3). *Пришедшей же стѣрхъ, ужс не подѣ пѣстуномъ есмь* (Гал. III, 25). Его образа, говорить, *не видѣете* (Втор. IV, 12). О мудрость законодателя! какъ изобразить невидимое? Какъ уподобить неподобное? Какъ описать не имѣющее количества и величины, неограниченное и не имѣющее вида? Какъ изобразить красками безтѣлесное? Какъ обозначить не имѣющее формы? Итакъ, что здѣсь таинственно показывается? Очевидно, что нельзя тебѣ теперь изобразить невидимаго Бога: когда же увидишь Безтѣлеснаго, ради тебя сдѣлавшагося человекомъ, то тогда сдѣлаешь изображеніе Его человѣческаго образа. Когда Невидимый сдѣлается видимымъ во плоти, тогда изобразишь подобіе Видѣннаго. Когда не имѣющей количества и величины и несравненный въ виду превосходства своей природы, сущій во образѣ Божіемъ, принявши зракъ раба, смирился въ немъ до количества и величины и облечется въ тѣлесный образъ, тогда начерти Его на доскѣ и возложи для созерцанія Того, Который допустилъ, чтобы Его видѣли. Начертай неизреченное Его снисхожденіе, рожденіе отъ Дѣвы, крещеніе во Иорданѣ, преображеніе на Фаворѣ, страданія, доставляющія безстрастіе, чудеса, символы Его божественной природы, совершаемыя чрезъ дѣйствіе плоти, спасительный гробъ Избавителя, восшествіе на небеса,—все пиши и словомъ, и красками, въ книгахъ и на доскахъ. 1329

IX. *Не сотвори себѣ, говорить, кумира, ни всякаго подобія.* Между тѣмъ какъ Богъ повелѣлъ это, они, говорить, *сотворилиа завѣсу [дверемъ] скинии свидѣнія отъ синеты, и багряницы, и червленницы спрядены, и виссона сканиго, дѣло швенно герувимы... И со-*

твори очистилище надъ животоиъ отъ злата чиста и два херувима (Исх. XXXVII). Что ты дѣлаешь Моисей? Говоришь: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, а самъ приготовляешь завѣсу съ вытканными херувимами и двухъ херувимовъ изъ чистаго золота? Но послушай, какъ основательно возразить тебѣ служитель Божій Моисей. О слѣпые и глупые, поймите силу сказаннаго и тщательно сохраняйте души ваши. Я сказалъ,—яко не видѣсте подобія въ день, въ онѣже глагола Господь къ вамъ въ гортъ Хоривъ изъ среды огня, никогда не беззаконнуйте и не сотворите себѣ самими подобія явянна, всякаго образа; и боговъ слиянныхъ да не сотворили себѣ. Я не сказалъ: не сдѣлай изображенія херувимовъ, какъ рабовъ, предстоящихъ очистилищу, но: да не сотворили себѣ боговъ слиянныхъ, и: не сотвори всякаго подобія, какъ боговъ, и не послужи твари паче Творца. Итакъ, я не сдѣлалъ ни подобія Бога, ни подобія другого кого-нибудь въ качествѣ Бога, ни подобія человѣка,—ибо естество человѣческое поработилось грѣху,—и не послужилъ твари паче Создавшаго. Устроилъ же образъ всей твари—скинью по образу, показанному мнѣ на горѣ, и херувимовъ, осѣняющихъ очистилище, какъ предстоящихъ Богу. Видишь, какъ разумно испытующимъ открылась цѣль Писанія. Ибо должно знать, возлюбленные, что во всякомъ дѣлѣ должно искать истину и ложь, и цѣль дѣйствующаго,—хороша ли она, или худа. И въ Евангеліи описаны и Богъ, и ангелъ, и человѣкъ, и земля, и вода, и огонь, и воздухъ, и солнце, и луна, и свѣтъ, и тьма, и сатана, и демоны, и змѣи, и скорпіоны, и жизнь, и смерть, и адъ, и добродѣтели, и пороки, и все прекрасное и худое. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ какъ все сказанное о нихъ истинно, а цѣлью является слава Бога, и наше спасеніе, и слава прославляемыхъ имъ святыхъ, и срамъ дьявола и демоновъ его, то мы поклоняемся, обнимаемъ, лобызаемъ и привѣтствуемъ его и глазами, и устами, и сердцемъ. Подобнымъ образомъ и весь Ветхій и Новый Завѣтъ, и слова святыхъ, и знаменитыхъ отцовъ. Гнуснаго же и постыднаго, и нечистаго писанія проклятыхъ магиевъ, выдуманнаго во славу дьявола и демоновъ его и на гибель душъ, мы гнушаемся и отвергаемъ, хотя бы оно заключало въ себѣ тѣ же самыя имена. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ объ иконахъ нужно изслѣдовать истину и цѣль того, что совершается. И если цѣль ихъ истинная и правильная и онѣ служатъ къ славѣ Бога и святыхъ Его, къ ревности въ добродѣтели, къ избѣжанію зла и спасенію душъ, то нужно принимать ихъ и почитать, какъ изображенія и подраженія, и подобія, и книги для неграмотныхъ, и напоминаніе, и поклоняться имъ, и лобызгать и привѣтствовать очами и устами, и сердцемъ, какъ подобіе

воплотившагося Бога, или Его матери, или святыхъ общниковъ страданій и славы Христовой, побѣдителей и низложителей діавола и демоновъ, и обмана ихъ. Если же кто осмѣлится сдѣлать изображеніе нематеріальнаго и безтѣлеснаго Божества, то мы отвергаемъ это, какъ ложь. И если кто осмѣлится сдѣлать во славу, честь и поклоненіе діавола или демоновъ, то мы гнушаемся ижигаемъ это огнемъ. И если кто боготворитъ изображеніе людей, или скотовъ, или пернатыхъ, или пресмыкающихся, или какой-нибудь другой твари, то это мы анаематствуемъ. Ибо какъ святыни и храмы демоновъ разрушали св. отцы и на мѣсто ихъ воздвигали храмы во имя Бога и святыхъ, которые почитаемъ и мы, такъ уничтожали они и изображенія демоновъ и вмѣсто нихъ воздвигали иконы Христа и Его матери, и святыхъ,—и мы чтимъ ихъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Израиль ни храмовъ не воздвигалъ во имя людей, ни памяти не праздновалъ, ибо человѣческая природа была еще подъ проклятіемъ, и смерть была наказаніемъ, почему ее и оплакивали; и прикоснувшійся къ тѣлу умершаго считался нечистымъ. Нынѣ же, съ того времени, какъ Божество неслиянно соединилось съ нашей природой, какъ нѣкое животворящее и спасительное лѣкарство, существенно прославилась наша природа и преложилась въ неплѣніе, почему и храмы святымъ воздвигаются, и иконы пишутся.

X. Итакъ, пусть знаетъ всякій человѣкъ, что приступающій къ уничтоженію иконы, существующей во славу и воспоминаніе Христа, или Его Матери Св. Богородицы, или кого нибудь изъ святыхъ и къ стыду діавола, и пораженію его и его демоновъ, и изъ божественной любви и ревности; и не поклоняющійся, и не почитающій, и не лобызающій съ любовью изображеннаго, какъ честную икону, а не какъ Бога, есть врагъ Христа, и св. Богородицы и святыхъ, защитникъ же дьявола и демоновъ его, на дѣлѣ показывающій печаль о томъ, что Богъ и святые Его почитаются, дьяволъ же посрамляется. Ибо икона есть триумфъ, и объявленіе, и надпись въ память побѣды отличившихся и одержавшихъ верхъ и стыда побѣжденныхъ и низверженныхъ. Я часто видѣлъ любящихъ, которые, видя платье любимаго, привѣтствовали платье, какъ самого любимаго, и глазами, и устами. Ибо нужно, по св. апостолу Павлу, воздавать всѣмъ должное: *ему же честь,—честь* (Римл. XIII, 7); *ище царю, яко преобладающую; ище же князю, яко отъ него посланнымъ* (1 Петр. II. 13—14),—каждому по мѣрѣ достоинства.

XI. Гдѣ ты найдешь въ Ветхомъ Завѣтѣ или въ Евангеліи ясно наименованіе *Троицы*, или *единосущный*, или *единой природы*

Божества, или буквально: *три Ипостаси*, или — *одна Ипостась Христа*, или буквально: *два естества*. Но такъ какъ на основаніи равнозначущихъ выраженій, находящихся въ Писаніи, святые отцы опредѣлили то, то мы принимаемъ и не принимающихъ анаэстетствуемъ. Я же доказываю тебѣ что въ Ветхомъ Заветѣ Богъ повелѣлъ дѣлать изображенія.—прежде всего скинію и все, находящееся въ ней. И въ Евангеліяхъ Самъ Господь спросившимъ Его съ искусительною цѣлью: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареву*, сказалъ: *покажите ми златнику кинсонку*. И они показали Ему динарій. И спросилъ ихъ: *чій образъ сей?* Они же сказали: *кесаревъ*. И сказалъ имъ: *воздадите убо кесарева кесареву, и Божія—Богови* (Мѣ. XII, 17—22). Что имѣеть изображение кесаря, кесарю принадлежитъ, кесарю и отдайте; а что имѣеть изображеніе Христа, воздайте Христу, ибо оно Христово.

XII. Господь, ублажая учениковъ, сказалъ: *мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша. Ваша же блаженна очеса, яко видятъ; и уши ваши, яко слышатъ* (Лук. X, 24. Мѣ. XIII, 16). Итакъ Апостолы тѣлесными очами видѣли Христа и страданія, и чудеса Его, и слышали Его слова. Желаетъ и мы видѣть и слышать, и быть ублаженными. Тѣ видѣли *лицемъ къ лицу*, когда Онъ присутствовалъ тѣлесно: мы же, когда Онъ тѣлесно не присутствуетъ, какъ слушаемъ, благодаря книгамъ, Его слова. и освящаемъ слухъ и чрезъ него душу, и ублажаемся, и поклоняемся, почитая книги, благодаря которымъ слушаемъ слово Его, такъ и чрезъ изображеніе на иконахъ созерцаемъ черты тѣлеснаго образа, чудеса и страданія Его, и освящаемся, и удовлетворяемся, и радуемся, и ублажаемся, и благоговѣемъ, и почитаемъ, и поклоняемся Его тѣлесному образу: созерцая же тѣлесный Его образъ, мы думаемъ, насколько возможно, и о славѣ Божества Его. Ибо такъ какъ мы двойные, составленные изъ души и тѣла, и душа наша не вага, но какъ бы покрыта завѣсою, то для насъ невозможно, помимо тѣлеснаго посредства, достигнуть мысленнаго. Итакъ, какъ благодаря чувственнымъ словамъ, мы слышимъ тѣлесными ушами, а думаемъ о духовномъ, такъ и чрезъ тѣлесное созерцаніе восходимъ къ духовному созерцанію. Такъ какъ человѣкъ имѣетъ тѣло и душу, то поэтому и Христосъ принялъ тѣло и душу. Поэтому и двойное крещеніе: водою и духомъ, и общеніе, и молитва, и псалмопѣніе,—все двойное, тѣлесное и духовное,—подобно свѣтильнику и чинамъ.

XIII. Но оставивши все, діаволь устремился противъ однихъ иконъ. И его ненависть къ иконамъ такъ велика, что объ этомъ

въ .*Лугъ* св. Софронія, патриарха іерусалимскаго. написано слѣдующимъ образомъ. „Авва Феодоръ Элміотъ говорилъ, что былъ нѣкто отшельникъ на Масличной горѣ,—подвижникъ. Очень же воевалъ съ нимъ демонъ блуда. И вотъ однажды, когда онъ очень нападалъ на него, началъ старецъ горевать и говорить демону: „долго ли еще ты не отступишь отъ меня? Отстань отъ меня. До старости ты со мною“. Тогда демонъ является ему видимо и говоритъ: „поклонись мнѣ, что никому не скажешь того, что я скажу тебѣ, и больше я не буду воевать съ тобой“. И старецъ поклонился ему: „клянусь Всевышнимъ, что не скажу никому о томъ, что ты скажешь мнѣ“. Тогда говоритъ ему демонъ: не поклоняйся этой иконѣ, и я не буду воевать съ тобой“. На иконѣ же было изображеніе Владычицы нашей св. Богородицы Маріи, носящей Господа нашего Іисуса Христа“. Посмотри, кому подражаютъ пренятствующіе поклоняться иконамъ и чьи они орудія; ибо демонъ блуда предпочелъ, чтобы старецъ лучше не поклонялся иконѣ, чѣмъ впасть въ нечистоту блуда, такъ какъ зналъ, что этотъ грѣхъ тяжелѣе блуда.

XIV. Но такъ какъ у насъ рѣчь относительно *иконъ* и *поклоненія*, то, давай, раздѣлимъ рѣчь объ этомъ на части и скажемъ, во-первыхъ, *что такое образъ?* Во-вторыхъ, *для чего сдѣланы образы?* Въ-третьихъ, *какое различіе образовъ?* Въ-четвертыхъ, *что можно и чего нельзя изображать?* Въ-пятыхъ, *кто первый сдѣлалъ образы?* 1337

XV. Также и о *поклоненіи*: во-первыхъ, *что есть поклоненіе?* Во-вторыхъ, *какіе виды поклоненія?* Въ-третьихъ, *чему, по Писанію, можно поклоняться?* Въ-четвертыхъ, о томъ, что *всякое поклоненіе совершается чрезъ по естеству покланяемаго Бога*. Въ-пятыхъ, о томъ, что *честь воздаваемая образу переходитъ къ первообразу*.

Во-первыхъ, что такое образъ?

XVI. Итакъ, образъ есть подобіе, и примѣръ, и изображеніе чего-нибудь, показывающее то, что на немъ изображено. Не во всемъ же совершенно подобенъ образъ первообразу. т. е. изображенному, но одно есть образъ, а другое — изображенное, и различіе ихъ совершенно ясно, хотя и то и другое представляютъ одно и то же. Скажу примѣръ. Изображеніе челоуѣка, хотя и представляетъ фигуру тѣла, однако не имѣетъ душевныхъ силъ, ибо оно не живетъ. не разсуждаетъ, не говоритъ. не чувствуетъ, не двигаетъ членами. И сынъ, будучи естественнымъ образомъ отца, имѣетъ нѣчто отличное отъ него, ибо онъ есть сынъ, а не отецъ.

Во-вторыхъ, для чего существуетъ образъ?

XVII. Всякій образъ есть откровеніе и показаніе скрытаго. Скажу примѣръ. Такъ какъ человѣкъ не имѣетъ ни яснаго знанія невидимаго въ виду того, что его душа находится подъ покровомъ тѣла, ни того, что будетъ послѣ него, ни того, что совершается на разстояніи и мѣстномъ отдаленіи, такъ какъ онъ ограниченъ условіями мѣста и времени, то для путеводительства къ знанію, для откровенія и обнародованія скрытаго и выдуманъ образъ. Именно же, къ пользѣ, въ благодѣяніе и спасеніе,—чтобы мы распознавали скрытое въ извѣстныхъ и прославляемыхъ дѣлахъ; и хорошаго желали бы и ревновали, противоположнаго же, т. е. худого, отвращались и ненавидѣли.

Въ-третьихъ, какое различіе образовъ?

XVIII. Различіе образовъ таково: *первый образъ—естественный.* Въ каждой же вещи должно быть, во-первыхъ, то, что по природѣ; а затѣмъ то, что по положенію и подражанію. Такъ человѣкъ необходимо существуетъ, во-первыхъ, по своей природѣ, и потомъ по положенію чрезъ подражаніе. Первый естественный и неизмѣнный образъ невидимаго Бога есть Сынъ Отца, показывающій въ Себѣ Отца. Ибо *Бога никтоже виде нигдѣже* (Іоан. I, 18). И опять: *не яко Отца видѣль есть кто* (Іоан. VI, 46). А что Сынъ есть образъ Отца.—объ этомъ говоритъ Апостолъ: *иже есть образъ Бога невидимаго* (1 Кол. I, 15); и къ Евреямъ: *иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси Его* (Евр. I, 3). И что Онъ въ Себѣ показываетъ Отца,—объ этомъ въ Евангеліи отъ Іоанна въ отвѣтъ на слова Филиппа: *покажи намъ Отца и доволѣтъ намъ* (Іоан. XIV, 8), Господь говоритъ: *только время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе: видѣвый Мене виде Отца* (Іоан. XIV, 9). Сынъ есть естественный, неизмѣнный образъ Отца, во всемъ подобный Отцу, кромѣ нерожденности и отчества. Ибо Отецъ—нерожденный родитель. Сынъ же—рожденный и не Отецъ. И Духъ Святой—образъ Сына, ибо *никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, точію Духомъ Святыимъ* (1 Кор. XII, 3). Итакъ, мы познаемъ Христа Сына Божія и Бога чрезъ Св. Духа и въ Сынѣ созерцаемъ Отца, ибо по природѣ слово есть вѣстникъ ума и обнаруженіе духа. Подобнымъ же образомъ неизмѣненъ и образъ Сына—Духъ Святыи, имѣющій различіе въ одномъ только исхожденіи, ибо Сынъ—рожденный, но не исходящій. И сынъ cadaго отца есть естественный образъ. И это будетъ первый видъ образа—естественный.

XIX. *Второй видъ образа есть мысль въ Богѣ о томъ, что Онъ создастъ, т. е. предвѣчный Его совѣтъ, остающийся всегда себѣ равнымъ, ибо Божество неизмѣнно, и безначаленъ Его совѣтъ, въ которомъ какъ рѣшено прежде вѣковъ, такъ въ предопредѣленное Имъ время назначенное и исполнится. Ибо образы и примѣры того, что будетъ сдѣлано Имъ, это—мысль о каждомъ изъ этихъ предметовъ, и они,—называются у св. Діонисія предопредѣлениями, такъ какъ въ совѣтѣ Его начертано и изображено то, что предопредѣлено Имъ и несомнѣнно исполнится, прежде своего бытія.*

XX. *Третій видъ образа есть созданный Богомъ по подражанію, т. е. человекъ. Ибо какимъ образомъ созданный будетъ той же самой природы, какъ и несозданный? Не иначе, какъ по подражанію. Ибо какъ Умъ Отецъ, Слово Сынъ и Духъ Святой—единъ Богъ, такъ умъ, слово и духъ—единъ человекъ. Онъ подобенъ Богу также и по свободѣ и власти повелѣвать, ибо Богъ говоритъ: сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію, и тотчасъ прибавилъ: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными (Быт. I, 26); и опять: и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и всю землю, и господствуйте ею (Быт. I, 28).* 1341

XXI. *Четвертый видъ образа бываетъ тогда, когда на картинѣ представлены виды и формы, и очертанія невидимаго и безтѣлеснаго, изображенные тѣлесно ради слабости нашего пониманія какъ Бога такъ и ангеловъ, такъ какъ мы не можемъ созерцать безтѣлесное безъ соотвѣствующихъ намъ образовъ, какъ говоритъ великій въ божественныхъ вещахъ Діонисій Ареопагитъ. Ибо въ одномъ только: въ приспособленіи къ намъ, не могущимъ непосредственно возвыситься до разумныхъ созерцаній и нуждающихся въ соотвѣственныхъ и понятныхъ посредствахъ, можно указать основаніе того, что по справедливости приписываются образы не имѣющимъ образа и формы—не имѣющимъ формы. Итакъ, если заботясь о соотвѣтствіи намъ, божественное Слово, отовсюду доставляя то, что насъ возвышаетъ, приписываетъ и простымъ и не имѣющимъ образа предметамъ нѣкоторые образы, то какъ намъ не изображать того, что уподобилось видомъ нашей собственной природѣ, чего сильно желаемъ, но чего нельзя видѣть, такъ какъ его нѣтъ налицо? Говоритъ же Григорій Богословъ¹⁾, что умъ, несмотря на большое стараніе отрѣшиться отъ тѣлеснаго, совершенно неспособенъ на это; но и невидимая Бога отъ созданія міра творенми помышляема видима суть (Римл.*

¹⁾ Слово 34.

I, 20). Видимъ же въ тваряхъ образы, тускло показывающіе намъ божественныя откровенія, когда, наприм., говоримъ, что Св. безначальная Троица изображается чрезъ солнце, свѣтъ и лучь: или чрезъ бьющій ключемъ источникъ, текущій потокъ и русло; или чрезъ умъ, слово и духъ. которые въ насъ; или чрезъ растеніе, цвѣтъ и запахъ розы.

XXII. *Пятымъ видомъ образа* считается *предъизображающій и предначертывающій будущее*, какъ купина, и роса на рунѣ, и жезлъ и стамна—Дѣву и Богородицу; и какъ змій—Того, Который уничтожилъ чрезъ крестъ укушеніе зла—змія; или море, вода и облако—духъ крещенія.

XXIII. *Шестой видъ образа*—тотъ, который служитъ для *воспоминанія о прошедшемъ*: или чуда, или добродѣтели, къ прославленію, почитанію и обозначенію побѣдившихъ и отличившихся въ добродѣтели; или—зла, къ позору и стыду порочнѣйшихъ мужей и, наконецъ, къ пользѣ смотрящихъ,—чтобы мы избѣгали зла, ревновали же о добродѣтеляхъ. Изображеніе же это бываетъ двоякое: чрезъ слово, написанное въ книгахъ,—ибо письмена изображаютъ слово,—какъ Богъ начерталъ законъ на скрижаляхъ и приказалъ записать жизнь боголюбивыхъ мужей; и чрезъ чувственное созерцаніе,—какъ, наприм., Онъ повелѣлъ положить въ ковчегъ для вѣчнаго напоминанія стамну и жезлъ и
1344 приказалъ вырѣзать имена колѣнъ на камняхъ, которые были на плечахъ (первосвященника). Не только же это, но повелѣлъ и двѣнадцать камней поднять изъ Іордана во образъ священниковъ,—о, таинство, воистинну величайшее для вѣрныхъ,—во образъ священниковъ, несущихъ ковчегъ, и *оскуднѣнія* воды. Такимъ образомъ и нынѣ мы съ любовію пишемъ изображенія пожившихъ добродѣтельно мужей къ соревнованію и воспоминанію о нихъ съ нашей стороны. Слѣдовательно, или уничтожь всякое изображеніе и издай законъ, противный Тому, Который приказалъ, чтобы они были, или всякое прими съ приличествующимъ каждому основаніемъ и характеромъ.

*Четвертая глава: что можно изображать и чего нельзя изображать?
И какъ что изображать?*

XXIV. Естественно изображаются тѣла и фигуры, имѣющія тѣлесное очертаніе и окраску. Ангелъ же, душа и демонъ изображаются и описываются, хотя они не имѣютъ тѣла и объема, сообразно своей природѣ. Ибо, по вѣрѣ, они, будучи существами мысленными, мысленно присутствуютъ и дѣйствуютъ въ мысленныхъ мѣстахъ. Итакъ, они изображаются тѣлесно,—какъ

Моисей изобразилъ херувимовъ, и какъ ихъ видѣли достойные люди,—но такъ, что тѣлесный образъ показываетъ нѣкоторое безтѣлесное и мысленное созерцаніе. Одна же только божественная природа неопишима и совершенно не имѣетъ вида и формы, и необъятна. И если божественное Писаніе, какъ намъ кажется, приписываетъ Богу тѣлесныя формы, то, хотя образы эти были созерцаемы, однако они безтѣлесны, ибо пророки и тѣ, которымъ они открывались, созерцали ихъ не тѣлесными очами, но мысленными,—видѣли же ихъ не всѣ. Просто же сказать, мы можемъ дѣлать изображенія всѣхъ образовъ, которые видѣли. Мыслимъ же о нихъ такъ, какъ они были видимы. Ибо если иногда мы и переходимъ отъ словъ къ познанію образовъ,—то только тѣхъ, которые видѣли, такъ и во всякомъ ощущеніи: отъ того, что мы обоняли, вкусили, осязали, мы чрезъ слова переходимъ къ ихъ познанію.

XXV. Итакъ, мы знаемъ, что невозможно видѣть естество ни Бога, ни души, ни демона, но при нѣкоторомъ измѣненіи вида созерцаются и они, такъ какъ божественное Промышленіе приписываетъ фигуры и формы безтѣлеснымъ и не имѣющимъ фигуры и тѣлеснаго вида въ руководство намъ и для поверхностнаго и частичнаго познанія ихъ, чтобы мы не были въ совершенномъ невѣдѣніи о Богѣ и безтѣлесныхъ тваряхъ. Ибо Богъ по естеству совершенно безтѣлесенъ; ангель же и душа, и демонъ, сравниваемые съ Богомъ, единымъ не сравнимымъ, суть тѣла; сравниваемые же съ матеріальными тѣлами—безтѣлесны. Итакъ, Богъ, не желая, чтобы мы совершенно не знали о безтѣлесныхъ, облекъ ихъ соотвѣтственными нашей природѣ фигурами, видами и образами, при посредствѣ которыхъ они созерцаются нематеріальнымъ окомъ ума. И мы представляемъ и изображаемъ ихъ. Ибо какимъ образомъ могли бы быть представлены и изображены херувимы? Въ писаніи же упоминаются фигуры и изображенія Самого Бога. 1345

Кто первый сдѣлалъ образъ?

XXVI. Самъ Богъ первый родилъ Единороднаго Сына и Слово Свое, Свой живой и естественный образъ, неизмѣнное отраженіе Своей вѣчности. Онъ создалъ и человѣка *по образу Своему и по подобію*. И Адамъ видѣлъ Бога, и слышалъ звукъ Его ногъ, когда Онъ ходилъ вечеромъ, и скрылся въ раю. И Иаковъ видѣлъ и боролся съ Богомъ. Испо же, что Богъ явился ему въ видѣ человѣка. И Моисей видѣлъ какъ бы задняя человѣка: и Исаія видѣлъ Его, какъ человѣка, сидящимъ на престолѣ. И

Даніилъ видѣлъ подобіе человѣка и какъ бы сына человѣческаго, дошедшаго къ *Ветхому денни*. И не естество Бога видѣлъ каждый изъ нихъ, но фигуру и изображеніе Того, Который имѣлъ намѣреніе явиться. Ибо Сынъ и невидимое Слово Божіе намѣревалось сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, чтобы быть соединеннымъ съ нашимъ естествомъ и видимымъ на землѣ. Итакъ, всѣ поклонились, видя фигуру и изображеніе Грядущаго, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *по вѣрѣ умроста сіи же, не пріемше обѣтованій, но удалеча видѣвши я и цѣловавши* (Евр. XI, 13). Итакъ, неужели мнѣ не дѣлать изображенія видѣннаго мною въ плотскомъ ествѣ? Неужели не поклоняться и не почитать Его поклоненіемъ и почитаніемъ, воздаваемымъ Его иконѣ? Авраамъ видѣлъ не естество Бога.—ибо *Бога никтоже видѣти* (Іоан. I, 18),—но образъ Бога и падши поклонился. Иисусъ Навинъ видѣлъ не естество ангела, но образъ.—ибо естество ангела нельзя видѣть тѣлесными очами,—и падши поклонился,—подобно и Даніилъ. Ангелъ же—не Богъ, но тварь, и рабъ Божій, и предстатель. Поклонился же не какъ Богу, но какъ предстателю и служителю Бога. Неужели и мнѣ не дѣлать изображенія друзей Христовыхъ, и не поклоняться имъ.—не какъ богамъ, но какъ изображеніямъ друзей Божіихъ? Ибо ни Иисусъ, ни Даніилъ не поклонились видѣннымъ ангеламъ, какъ богамъ. И я не поклонюсь иконѣ, какъ Богу, но черезъ икону и св. Богородицы, и святыхъ воздаю поклоненіе и честь Богу, ради Котораго уважаю и воздаю знаки почтенія и друзьямъ Его. Не съ ангельскимъ естествомъ соединился Богъ, но съ естествомъ человѣческимъ. Не сдѣлался Богъ ангеломъ, но сдѣлался Богъ естественнымъ и истиннымъ человѣкомъ. *Не отъ ангель бо во истину пріемлетъ, но отъ стѣмене Авраамова пріемлетъ* (Евр. II, 16). Не ангельское естество сдѣлалось Сыномъ Божіимъ по ипостаси, но человѣческое естество сдѣлалось Сыномъ Божіимъ по ипостаси. Ангелы не участвовали и не стали общниками божественнаго естества, но только дѣйствія и благодати. Изъ людей же участвуютъ и становятся общниками божественнаго естества тѣ, которые принимаютъ св. тѣло Христово и пьютъ Его кровь. Ибо то и другая соединены съ Божествомъ по ипостаси, и въ принимаемомъ ими тѣлѣ Христовомъ двѣ природы неразрывно соединены по ипостаси; и мы причащаемся двухъ ествъ: тѣла—тѣлесно, а Божества—духовно: скорѣе же обоихъ—обоими способами: мы не отождествляемся ипостасно,—ибо сначала существуемъ ипостасно и тогда соединяемся,—но черезъ смѣшеніе плоти и крови. И развѣ не больше ангеловъ тѣ, которые черезъ соблюденіе заповѣдей сохраняютъ это единеніе чистымъ? Естество наше, умаленное

малымъ чимъ отъ ангеловъ чрезъ смерть и грубость тѣла, чрезъ благоволеніе и соединеніе съ Богомъ сдѣлалось больше ангельскаго, ибо ангелы прелстоятъ ему, сидящему во Христѣ на престолѣ славы, со страхомъ и трепетомъ и будутъ со страхомъ прелстоятъ на судѣ, но Писаніе не говоритъ о нихъ, какъ о сидящихъ вмѣстѣ [со Христомъ] и общникахъ божественной славы, ибо *не вси ли суть служебнии души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14); не говоритъ: ни что они будутъ соцарствовать: ни что сопрославятся: ни что будутъ сидѣть у трапезы Отца. Святые же суть сыны Божіи, сыны царствія, наслѣдники Бога и сонаслѣдники Христа. Итакъ, почитаю святыхъ и сопрославляю рабовъ и друзей, и сонаслѣдниковъ Христа: рабовъ—по природѣ, друзей—по избранію, и сыновъ, и наслѣдниковъ по божественной благодати, какъ Господь говоритъ къ Отцу.

Итакъ, сказавши *объ иконѣ*, скажемъ и *о поклоненіи*, и, *во-первыхъ, что есть поклоненіе?*

О поклоненіи: что есть поклоненіе?

XXVII. Поклоненіе есть знакъ благоговѣнія, т. е. умаленія и смиренія; видовъ же поклоненія весьма много.

Какіе виды поклоненія?

XXVIII. Первый видъ поклоненія есть поклоненіе *служебное*, которое совершаемъ единому по естеству покланяемому Богу. 1349 И оно имѣетъ различныя виды: во-первыхъ, рабское поклоненіе, ибо всѣ твари покланяются Ему, какъ рабы господину, *яко всяческая, говоритъ работни Тебѣ* (Ис. СХVIII, 91),—и одни добровольно, другіе же невольны: одни, зная, добровольно поклоняются, каковы святые; знаящіе же и не желающіе поклоняются невольны, каковы демоны; другіе же, не зная Бога по естеству, невольны поклоняются Тому, Котораго не знаютъ.

XXIX. *Второй видъ—поклоненіе изъ удивленія и любви*, которымъ мы поклоняемся Богу ради естественной славы Его. Ибо Онъ единый славный, имѣющій славу не отъ кого-нибудь, но Самъ виновникъ всякой славы и всякаго блага: непостижимый свѣтъ, несравненная сладость, неизъяснимая красота, бездна благодости, неизслѣдимая мудрость, безпредѣльная сила, единый достойный Самъ по Себѣ удивленія, поклоненія, прославленія и любви.

XXX. *Третій видъ поклоненіе благодаренія* за оказанныя намъ благодѣянія, ибо все существующее должно благодарить Бога и

совершать безпрестанно поклоеніе, потому что все имѣть отъ Него бытіе и въ Немъ состоится, и всѣмъ подаются обильно и безъ просьбы Его дары. И Онъ ждеаетъ, чтобы всѣ спаслись и имѣли участіе въ Его благодати: долготерпѣть, когда мы согрѣшаемъ, и заставляетъ солнце восходить надъ праведными и неправедными. и дождитъ на злыхъ и на благихъ. Должно. наконецъ, благодарить Бога за то, что Сынъ Божій ради насъ сталъ подобнымъ намъ и сдѣлалъ насъ общниками божественнаго естества: за то, что мы *подобни Ему буюмъ* (1 Іоан. III, 2), какъ говорить Іоаннъ Богословъ въ соборномъ посланіи.

ЛХХІ. *Четвертый видъ—поклоненіе при нуждѣ* (въ благахъ) и въ *надеждѣ* на благодѣянія. Въ этомъ случаѣ, признавая, что безъ Него мы не можемъ дѣлать ничего или имѣть какое-либо благо, мы поклоняемся, прося отъ Него то, въ чемъ каждый чувствуетъ нужду и что любить, — или освобожденія отъ зла, или о полученіи блага.

1352 XXXII. *Пятый видъ—поклоненіе покаянія и исповѣданія*, ибо, согрѣшая, мы поклоняемся и припадаемъ къ Богу, умоляя, подобно благоразумнымъ рабамъ, простить намъ проступки. II этотъ видъ—троякій, ибо каждый печалится или изъ любви. или изъ страха лишиться благодѣяній Божіихъ, или изъ страха наказанія. II первый видъ происходитъ изъ благородства и любви къ Самому Богу и изъ сыновняго расположенія; второй—наемнической: третій же—рабскій.

Что мы находимъ на основаніи Писанія достойнымъ поклоненія и какими способами совершаемъ поклоненіе твари?

ЛХХІІІ. Во-первыхъ, мы поклоняемся тѣмъ, въ которыхъ почиваетъ Богъ, единый святой и во святыхъ почивающій, какъ, наприм., во св. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. Эти, насколько возможно, уподобились Богу, благодаря своему произволенію и вселенію, и содѣйствію Бога. Они по справедливости называются и богами,—не по естеству. но по положенію, подобно тому какъ раскаленное желѣзо называютъ огнемъ, не по природѣ,—но по положенію и по участію въ огнѣ; ибо говоритъ: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (Лев. XIX, 2).

Это, во-первыхъ,—произвольное. Затѣмъ всякому, избирающему добро, Богъ содѣйствуетъ въ достиженіи добра: *вселяюсь, говоритъ потомъ, въ нихъ и повожду* (II Кор. VI, 16. Лев. XXVI, 12); и: *храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (I Кор. III, 16). Затѣмъ: *даде имъ власть на дустьхъ нечистыхъ, яко да изгонятъ ихъ,*

и цѣлити всякъ недугъ, и всяку болѣзнь (Мф. X, 1); и: *яже Азъ творю, и той сотворитъ, и болѣша сихъ сотворитъ* (Юанн. XIV, 12).

Потомъ: *живу Азъ, говоритъ Господь, зане токмо прославляющыя Мя прославлю* (1 Цар. II, 30); и: *позже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Римл. VIII, 17). Также: *Богъ ста въ сонмъ боговъ, посредь же боги разсудитъ* (Ис. LXXXI, 1). Посему подобно тому, какъ они воистину — боги не по естеству, но какъ причастники Того, Который есть Богъ по естеству, такъ и поклоненія они заслуживаютъ не по естеству, но потому, что имѣютъ въ себѣ Покланяемаго по естеству: подобно тому какъ раскаленное желѣзо не по естеству не доступно прикосновенію и жгуче, но по участію въ томъ, что жгуче по естеству. Итакъ, имъ совершается поклоненіе, какъ прославленнымъ Богомъ, какъ тѣмъ, которые стали при помощи Божіей страшными врагамъ и благодѣтелями приступающимъ съ вѣрою, — но не какъ богамъ и благодѣтелямъ по естеству, но какъ рабамъ и служителямъ Божіимъ, за любовь къ Нему получившимъ дерзновеніе. Мы поклоняемся имъ, такъ какъ царю пріятно видѣть, что совершается поклоненіе его любимому слугѣ, — не какъ царю, но какъ вѣрному служителю и расположенному другу. Приступающіе къ нимъ съ вѣрою получаютъ и просимое, такъ какъ или слуга проситъ этого у Царя, или Царь усвоетъ себѣ почтеніе и вѣру ищущаго у Его слуги, — ибо ради него Онъ просилъ.

Такъ исцѣлялись приступающіе чрезъ Апостоловъ; такъ тѣнь, платки и полотенца Апостоловъ источали исцѣленія. Тѣ же, которые, какъ мятежники и отступники, желаютъ, чтобы имъ поклонялись, какъ богамъ, недостойны поклоненія, но достойны вѣчнаго огня. И тѣ, которые презрительно и по надменности ума не поклоняются слугамъ Божіимъ, осуждаются, какъ гордые и высокоумные, какъ оскорбляющіе Бога.

1353

И свидѣтельствомъ этого являются дѣти, дерзко поносившія Елисея и ставшія пищею для медвѣдей.

XXXIV. *Второй видъ*, — когда мы поклоняемся *тварнымъ вещамъ*, чрезъ которыя и въ которыхъ Богъ совершилъ наше спасеніе или до пришествія Господа, или послѣ Его домостроительства во плоти, какъ, наприм., гора Синай, Назаретъ, Виелеемскія ясли, пещера, св. Голгофа, древо креста, гвозди, губка, трость, священное и спасительное копье, одежда, хитонъ, плащаница, пелены, св. гробъ, — источникъ нашего воскресенія, камень гробный, св. гора Сіонъ, затѣмъ гора масличная, овчія ворота, блаженный ге-симанскій садъ, — это и подобное чту и поклоняюсь; чту и всякій св. храмъ Божій и всякое мѣсто, въ

которомъ произносится имя Божіе, — не ради ихъ естества, конечно, но потому, что они вмѣстилище божественнаго дѣйствования, и чрезъ нихъ и въ нихъ благоволилъ Богъ совершить наше спасеніе, ибо я почитаю и поклоняюсь и ангеламъ, и людямъ, и всякой материи, участвующей въ божественномъ дѣйствованіи и послужившей моему спасенію, ради божественнаго дѣйствования. Я не поклоняюсь іудеямъ, потому что они не участники божественнаго дѣйствования и не для цѣли моего спасенія распяли Господа славы, Бога моего, скорѣе же—побуждаемые завистью и ненавистью къ Богу и Благодѣтелю. *Городи,* говоритъ Давидъ, *возлюбилъ еси благодѣніе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея; и: поклонимся на мѣстѣ, идѣже стоятъ нозѣ Его* (Пс. СXXXI, 7); также: *поклоняйтесь въ горы святѣй Его* (Пс. ХСVIII, 9). Св. одушевленная гора Божія есть св. Богородица. Разумныя горы Божіи—Апостолы. *Горы взырашася, яко овни; и холми, яко агнцы овчій* (Пс. СХIII, 4).

XXXV. *Третій видъ* бываетъ, когда мы поклоняется *толцѣ, что посвящено Богу;* разумѣю святыхъ Евангелія и остальные книги: *писана же быша въ наученіе наше: въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X, 11); также блюда, чаши, кадила, свѣтильники и трапезы, потому что извѣстно, что все это предметы достойныя почтенія, ибо смотри, какъ Богъ разрушилъ царство Валтасара, когда онъ приказалъ народу пользоваться свяще-ною утварью.

1356 XXXVI. *Четвертый видъ.*—когда поклоняются *образамъ, видѣннымъ пророками,*—ибо они въ образахъ видѣли Бога,—и образамъ будущаго, какъ жезлъ Аароновъ, изображающій тайну Дѣвы, и стамна, и трапеза. И Іаковъ поклонился *на верхъ жезла,* который былъ образомъ Спасителя. Образы же прошедшаго существуютъ въ напомниманіе. Самая же скинія есть образъ всего міра,—ибо смотри, говоритъ [Богъ] Моисею, образъ, показанный тебѣ на горѣ,—и золотые херувимы—изваянные и херувимы на завѣсѣ—тканые. Также поклоняемся честному образу креста, подобію тѣлесной фигуры Бога моего и родившей Его по плоти и всѣхъ Его рабовъ.

XXXVII. *Пятый видъ,*—когда поклоняемся другъ другу, какъ имѣющимъ удѣлъ въ Богѣ и созданнымъ по образу Божію,—поклоняемся другъ другу, смиряясь и исполняя законъ любви.

XXXVIII. *Шестой видъ,* — *поклоненіе началамъ и властямъ.* Ибо (Писаніе) говоритъ: *воздадите убо всѣмъ должная: е. муже честь, честь* (Римл. XIII, 7). подобно тому какъ Іаковъ по-

клонился Исаву, какъ первородному брату, и фараону, какъ поставленному Богомъ начальнику.

XXXIX. *Седьмой видъ*,—когда рабы поклоняются *господамъ* и *благодѣтелямъ*, и нуждающіеся тѣмъ, въ которыхъ они нуждались, какъ Авраамъ поклонился *сыномъ Еммора*, когда купилъ двойную пещеру.

XL. И просто сказать, поклоненіе есть знакъ страха, любви, почтенія, благоговѣнія и смиренія. Но никому не должно поклоняться, какъ Богу, кромѣ единаго Бога по естеству; должно же всѣмъ воздавать должное ради Господа.

XLI. Смотрите. какая крѣпость и какая божественная сила дается приступающимъ къ иконамъ святыхъ съ вѣрою и чистомъ совѣстью. Посему. братія. станемъ на скалѣ вѣры и на церковномъ преданіи, не измѣняя предѣловъ, которые положили св. отцы наши, не давая мѣста желающимъ вводить новое и разрушать строеніе св. каволической и апостольской церкви Божіей; ибо. если дать свободу всякому желающему, то понемногу будетъ разрушено все тѣло церкви. Братія, христолюбивыя чада Церкви. не позорьте мать вашу, не уничтожайте ея украшенія, примите ее, говорящую мною. Научитесь, что говоритъ о ней Богъ: *вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ* (Пѣсн. Пѣс. IV, 7). Поклонимся и послужимъ одному только Творцу и Создателю міра Богу, какъ поклоняемому по естеству. Поклонимся и св. Богородицѣ, не какъ Богу, но какъ Матери Бога по плоти. Затѣмъ поклонимся и святымъ, какъ избраннымъ друзьямъ Божіимъ и получившимъ дерзновеніе къ Нему. Ибо, если люди поклоняются царямъ. — часто развращеннымъ, нечестивымъ и грѣшнымъ.—и поставленнымъ ими начальникамъ и ихъ изображеніямъ, по божественному изреченію Апостола: *начальствующимъ и владѣющимъ покарьтесь* (Тит. III, 1). и: *воздадите убо всѣмъ должная; ему же честь: честь: и емуже страхъ, страхъ* (Римл. XIII, 7); потомъ: *воздадите кесарева кесареви*, какъ говоритъ Господь, и *Божія Богови* (Мѣ, XXII, 21). то насколько же болѣе нужно поклоняться Царю царствующихъ, какъ единому по естеству господствующему, и рабамъ, и друзьямъ Его, какъ воцарившимся надъ страстями и поставленнымъ начальниками надъ всею землею. — *поставили я князи по всей земли* (Пс. XLIV, 17), говоритъ Давидъ, — получившимъ власть надъ демонами и болѣзнями, совоцарившимся со Христомъ въ царствѣ нетлѣнномъ и несокрушимомъ, одна тѣнь которыхъ прогоняла болѣзни и демоновъ? Не будемъ считать икону слабѣе и ниже тѣни. ибо она воистину живописуетъ первообразъ.

Братія, достоинство христіанина—въ вѣрѣ. Поэтому приходящій съ вѣрою получаетъ большую пользу: *сумняйся же уподобися волненію морскому, вѣтры возмстасму и развѣвасму* (Іак. I, 6),—такой не получить ничего. Ибо всѣ святые благоугодили Богу чрезъ вѣру.

Итакъ, примемъ церковное преданіе въ простотѣ сердца, а не со многими разсужденіями, ибо *сотвори Богъ чловѣка правого, и сѣи зыскаша помысловъ многихъ* (Еккл. VII. 30). Не допустимъ учиться новой вѣрѣ, такъ какъ она осуждаетъ преданіе святыхъ отцовъ, ибо говоритъ божественный Апостолъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріяте, анавема да будетъ* (Гал. I, 9). Итакъ, мы поклоняемся иконамъ, совершая поклоненіе не матеріи, но чрезъ нихъ тѣмъ, которые на нихъ изображены, ибо честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу. какъ говоритъ божественный Василій.

ХЫІ. Васъ же, священнѣйшее стадо Христово, христоименный народъ, народъ святой, тѣло церковное, да исполнитъ Христось радости Своего воскресенія и да удостойтъ слѣдовать по слѣдамъ святыхъ, пастырей и учителей Церкви и да ведетъ къ славѣ Своей во свѣтлостяхъ святыхъ, которой да достигнемъ благодатію Его, вѣчно прославляя Его вмѣстѣ съ безначальнымъ Отцемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сказавши о различіи идоловъ и иконъ и раскрывши опредѣленіе, иконъ, пора привести и свидѣтельства, какъ мы обѣщали изъ писаній.

Свидѣтельства древнихъ и славныхъ святыхъ отцовъ объ иконахъ.

Св. Діонисія, епископа авинскаго,—изъ посланія къ Апостолу Іоанну Богослову.

„Поистинѣ видимыя иконы суть видимое невидимаго“.

Его же—изъ сочиненія О церковной іерархіи.

„Превосходящіе насъ существа и чины, священное воспоминаніе о которыхъ я уже совершилъ, безтѣлесны; и іерархія ихъ есть мысленная и превышемірная. Нашу же видимъ, по подобію насъ самихъ. исполненной разнообразія чувственныхъ символовъ. посредствомъ которыхъ мы, какъ приличествуетъ іерархіи. возвышаемся къ единообразному обожествленію соотвѣтственно съ нашими свойствами.—къ Богу же и добродѣтели. Ибо они, какъ умы, мыслятъ сообразно опредѣленному для

нихъ; мы же возвышаемся, насколько возможно, къ божественному созерцанію посредствомъ чувственныхъ образовъ“.

Схо.ія. Итакъ, если сообразно съ нашими свойствами мы возводимся къ божественному и нематеріальному созерцанію посредствомъ чувственныхъ образовъ, то что неприличнаго изображать по подобію насъ самихъ Того, Который человѣколюбно ради насъ былъ видѣнъ по фигурѣ и образу, и естеству, какъ человѣкъ?

Св. Василія — изъ слова въ память блаженнаго мученика Варлаама, начало котораго: Пржеде, конечно, смерть святыхъ: и къ концу того же слова:

„Возстаньте нынѣ, славные живописцы мужественныхъ подвиговъ! Возвеличьте вашимъ художествомъ несовершенный образъ полководца. Неясно мною описаннаго побѣдителя прославьте красками вашей мудрости. Я уйду побѣжденный вашимъ описаніемъ подвиговъ мученика. Побѣжденный, я радуюсь такой побѣдѣ вашей силы. Вижу борьбу руки съ огнемъ, точнѣе вами описанную. Вижу ладонь, яснѣе написанную на вашемъ изображеніи. Пусть плачутъ теперь демоны, пораженные чрезъ васъ подвигами мученика. Пусть будетъ опять показана имъ рука сожигаемая и побѣждающая. Пусть будетъ начертанъ на картинѣ и подвигоположникъ Христосъ!“

Его же, — изъ словъ въ память св. сорока мучениковъ.

1361

„И военные подвиги представляютъ часто и историки, и живописцы: одни — украшая словомъ, другіе — начертывая на доскахъ. И тѣ и другіе многихъ возбудили къ мужеству, ибо что слово представляетъ чрезъ слухъ, то молчаливая живопись показываетъ чрезъ подражаніе“.

Его же, — изъ тридцати главъ о Св. Духѣ къ Амфилогію, — отвѣтъ 18.

„Потому что и образъ царя называется царемъ. но это — не два царя, такъ какъ не умаляется власть, не раздѣляется слава. Ибо какъ господствующая надъ нами власть и могущество едино, такъ и наше славословіе едино, а не многія, почему и честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразу. Итакъ, что здѣсь подражательно — образъ, то тамъ существенно Сынъ“.

Схо.ія. Итакъ, какъ не чтущій Сына, по словамъ Господа, не чтитъ Отца, послѣдоваго Его, такъ и не чтущій изображенія

не чтить изображеннаго. Но можетъ быть, скажетъ кто-нибудь: нужно чтить икону Христа, но не святыхъ. О, неразуміе! Послушай Господа, говорящаго ученикамъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ*, такъ что не почитающій святыхъ не почитаетъ Самого Господа.

Св. Григорія нисскаго, изъ слова 14-го, сказаннаго въ Константинополѣ, о божествѣ Сына и Духа и объ Авраамѣ, котораго начало: что, наприм., испытываютъ при видѣ прекраснаго цвѣтущихъ луговъ любители такихъ видовъ; и спуска немного:

„Затѣмъ, во-первыхъ, отецъ беретъ связаннаго сына. Я часто видѣлъ на картинѣ изображеніе этого несчастія и не проходилъ мимо зрѣлища безъ слезъ, такъ какъ искусство живо представляетъ предъ глазами исторію. Исаакъ, стоящій на колѣнахъ и со связанными сзади руками, находится у самаго жертвенника. Отецъ же, наступивъ сзади на изгибъ у колѣна, и лѣвою рукою загнувъ къ себѣ голову дитяти, заглядываетъ въ лицо, жалобно смотрящее на него, а правую, вооруживши ножемъ, направляетъ къ закладнѣю. И остріе ножа касается уже тѣла, когда онъ слышитъ отъ Бога голосъ, воспрещающій дѣло“.

Св. Іоанна Златоуста,—изъ толкованія на посланіе къ Евреямъ.

„Предъдущее въ отношеніи къ послѣднему есть образъ: Мелхиседекъ есть образъ Христа,—подобно тому, какъ если бы кто-нибудь назвалъ тѣню написанной красками картины предварительно затѣненное живописцемъ поле ея. Ибо поэтому законъ называется сѣнью, и благодать — истиною; грядущее же — вещами. Такимъ образомъ законъ и Мелхиседекъ — тѣнь красками написанной картины; благодать же и истина — картина въ краскахъ: а вещи относятся къ будущему вѣку. Итакъ, Ветхій Завѣтъ есть образъ образа, а Новый — образъ вещей“.

Севириана гавальскаго.—изъ слова на обновленіе честнаго и животворящаго креста.

„Итакъ, какимъ образомъ изображеніе прѣклятаго принесло спасеніе народу, удручаемому бѣдствіемъ? Не вѣрнѣ ли было бы сказать: если кто изъ васъ укушенъ, пусть посмотритъ на небо, ввысь, къ Богу или на скинію Божію, — и спасется. Но оставивши это, онъ только поставилъ образъ креста. Почему же сдѣлалъ это Моисей, сказавшій народу: *не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ*

водахъ подѣ землю (Исх. XX, 4)? Но зачѣмъ я говорю это неблаго- дарному народу? Скажи мнѣ, вѣрнѣйшій слуга Божій, зачѣмъ ты дѣлаешь то, что запрещаешь? Устраняешь то, что разру- шаешь? Говоря: „не сотвори себѣ кумира“, уничтоживши литого тельца, ты дѣлаешь изъ мѣди змія,—и это не тайно, но явно и всѣмъ извѣстно? Но то, говоритъ онъ, я узаконилъ, чтобы уни- чтожить предметы нечестія и отвлечь народъ отъ всякаго отступ- ленія и идолослуженія; теперь же отливаю змія съ пользою—въ прообразъ истины. И подобно тому, какъ я устроилъ скинію и все, что въ ней, и распростеръ надъ святымъ херувимовъ,—по- добія невидимыхъ.—какъ образъ и сѣнь грядущаго, такъ и змія я поставилъ во спасеніе народа, чтобы чрезъ это приготовить его къ изображенію знаменія креста и на немъ Искушителя и Спасителя. А что неложно это слово, возлюбленный. послушай Господа, подтверждающаго его и говорящаго: *и якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну Человѣ- чьскому, да всякъ втрѣяй онь не погибнетъ, но имать животь вѣч- ный* (Іоан. III. 14—15)⁴.

Схолія. А что почитаніе иконъ не новое дѣло, но древнее, извѣстное и обычное святымъ и знаменитымъ отцамъ, то объ этомъ написано въ житіи блаженнаго Василія, составленномъ его ученикомъ и преемникомъ въ іерархическомъ служеніи Елладіемъ,—написано, что св. Василій стоялъ предъ иконою Влады- чицы нашей, на которой было написано и изображеніе славнаго мученика Меркурія. Предстоялъ же онъ, прося объ избавленіи отъ безбожнѣйшаго тирана и отступника Юліана. И отъ этой иконы онъ получилъ слѣдующее откровеніе: онъ увидѣлъ, что мученикъ на короткое время исчезъ; спустя же немного, уви- дѣлъ его держащимъ окровавленное копье.

Изъ житія Іоанна Златоуста.

„Весьма возлюбилъ блаженный Іоаннъ посланія премудраго Павла“. *И немного спустя.* „Было же у него тамъ, гдѣ онъ по причинѣ тѣлесной болѣзни отдыхалъ немного. — ибо онъ былъ многободрствующимъ сверхъ силъ,— и изображеніе этого Апо- стола на иконѣ. И когда онъ читалъ его посланія, то смотрѣлъ на нее и обращался къ нему, какъ къ живому. направляя къ нему всю свою мысль и чрезъ созерцаніе вступая съ нимъ въ общеніе“. *И пропустивши нѣсколько.* „Когда Проклъ околѣлъ рѣчь и, взглянувши на икону апостола, увидѣлъ изображеніе, похожее на того, кого онъ видѣлъ, то, сдѣлавши поклонъ предъ Іоан- номъ, опъ сказалъ, указывая пальцемъ на икону: „прости меня,

отецъ; тотъ, котораго я видѣлъ говорящимъ съ тобою, подобенъ этому. Я думаю, что это онъ самъ и есть“.

Изъ Исторіи боголюбцевъ Теодорита, епископа Гиррскаго, о жизни св. Симеона Столпника.

„Объ Италиі излишне и говорить, ибо повѣствуютъ, что въ великомъ Римѣ былъ столь славный мужъ, что во всѣхъ преддверіяхъ рабочихъ помѣщеній воздвигали ему небольшія иконы, доставляя этимъ себѣ самимъ нѣкоторую охрану и безопасность“.

Св. Василия,—изъ толкованія на Исаяю.

„Когда онъ увидѣлъ человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, то, не будучи въ состояніи обратиться противъ Бога, онъ истощилъ свою злобу на образъ Божіемъ; подобно тому какъ, если какой-нибудь гнѣвающійся человѣкъ, такъ какъ не можетъ самого царя, побиваетъ камнями изображеніе, нанося удары дереву, имѣющему подобіе“.

Схолія. Такимъ образомъ и всякій почитающій образъ, очевидно, чтитъ первообразъ.

Его же,—изъ того же толкованія.

„Какъ оскорбившій царское изображеніе судится, какъ согрѣшившій противъ самого царя, такъ, очевидно, виновенъ въ грѣхѣ поносящій созданнаго по образу“.

Св. Аванасія, изъ ста главъ, написанныхъ къ префекту Антіоху въ вопросахъ и ответахъ, гл. XVIII.

Отвѣтъ. „Мы, вѣрные, поклоняемся иконамъ не какъ богамъ, 1368 подобно язычникамъ,—да не будетъ!—но только обнаруживаемъ расположеніе и стремленіе любви нашей къ виду лица, изображеннаго на иконѣ. Посему часто съ уничтоженіемъ фигуры мы сожигаемъ остальное, какъ ненужное дерево, хотя на немъ была нѣкогда икона. Итакъ, какъ Іаковъ передъ смертію поклонился на верхъ жезла Іосифа, почитая не жезлъ, но держащаго его, такъ и мы --- вѣрные не почему иному лобызаемъ иконы, какъ потому, почему цѣлуемъ и дѣтей, и отцовъ нашихъ, т. е. чтобы выразить любовь нашей души. Также и іудей поклонялся скрижалямъ закона и двумъ золотымъ изваяннымъ херувимамъ, почитая не камень и золото по естеству, но повелѣвшаго сдѣлать это Господа.“

Св. Златоуста, на третій псаломъ—о Давидъ и Авессаломъ.

„Цари побѣдившимъ полководцамъ воздвигаютъ побѣдныя статуи; и вожди воздвигаютъ нѣкоторые побѣдоносные памятники всадникамъ и борцамъ. и надписью, какъ вѣнкомъ, дѣлаютъ матерію знакомъ побѣды. Другіе опять въ книгахъ и письменахъ пишутъ похвалы побѣдителямъ, желая показать, что ихъ сила въ похвалѣ больше, чѣмъ сила тѣхъ, которыхъ они хвалятъ. И историки, и живописцы, и скульпторы, и народъ, и начальники, и города, и страны удивляются побѣдителямъ. Никто же не написалъ изображенія убѣгающаго и не сражавшагося“.

Св. Кирилла александрійскаго,—изъ обращенія къ императору Теодогію.

„Образы же подобны первообразамъ: и относиться къ нимъ должно такъ, а не иначе“.

Его же,—изъ Сокровища.

„Образы всегда имѣютъ сходство съ первообразами“.

Его же,—изъ книги о томъ, что чрезъ всякое писаніе Моисея показывается тайна Христа; объ Авраамъ и Мелхиседекъ, гл. VI.

„Должно, чтобы писались образы, сходные съ первообразами“.

Св. Григорія Богослова,—изъ 2 слова о Сынѣ.

„Природа образа въ томъ, чтобы быть подражаніемъ первообразу, образомъ котораго онъ считается“.

Златоуста,—изъ третьей бесѣды на посланіе къ Колоссянамъ.

„Образъ Невидимаго и Самъ невидимъ, такъ какъ иначе Онъ не былъ бы образомъ. Ибо и у насъ образъ, такъ какъ онъ есть образъ, долженъ быть во всемъ сходенъ, чтобы его фигура выражала подобіе“.

Его же,—изъ толкованія на посланіе къ Евреямъ гл. XVII.

1369

„Какъ на изображеніяхъ образъ представляетъ фигуру чело-вѣка, а не силу, такъ истина и фигура находятся другъ съ другомъ во взаимномъ отношеніи, ибо фигура равна“.

Евсевія Памфила,—изъ 5 книги Евангельскаго Доказательства на слова: явился Аврааму Богъ у дуба Мамврійска (Быт. XVII, 1).

„Посему мѣсто это и теперь въ честь явившихся здѣсь Аврааму почитается сосѣдями, какъ божественное, при чемъ можно

видѣть и дубъ, сохраняющійся до сихъ поръ. Гостепріимно принятыя Авраамомъ представляются на картинѣ возлежащими: два—по сторонамъ; въ срединѣ же—большій, превосходящій честью. Былъ же это явившійся намъ Господь, Самъ Спаситель нашъ, Котораго чтутъ и незнающіе, удостовѣряя божественныя слова. Итакъ, Онъ Самъ, бросая съ того времени людямъ сѣмена благочестія, облекшись въ человѣческій видъ и форму, явилъ боголюбезному праотцу Аврааму, каковъ—Онъ, и дать ему знаніе объ Отцѣ“.

Изъ хронографіи Іоанна Маламы антиохійскаго — о кровоточивой женѣ и о памятникѣ, который она воздвигла Христу Спасителю.

1372 „Съ того времени Іоаннъ Креститель сталъ извѣстенъ людямъ, и царь Иродъ, управлявшій Трахонитидскою областью, отрубилъ ему голову въ городѣ Севастіи за восемь дней до іюньскихъ календъ, въ консульство Флакка и Руфина. Опечаленный этимъ царь Иродъ, сынъ Филиппа, ушелъ изъ Іудей. И пришла къ нему нѣкая богатая женщина, живущая въ томъ же самомъ городѣ Панаедъ, по имени Верника, желающая, въ виду того, что она была исцѣлена Іисусомъ, поставить Ему памятникъ. Не осмѣлившись сдѣлать это безъ царскаго разрѣшенія, она подала Ироду прошеніе, прося поставить Христу Спасителю въ ея городѣ золотую статую. Прошеніе ея было таково. „Божественному Ироду, правителю, законодателю іудеевъ и эллиновъ, царю трахонитидскому, прошеніе и мольба почтенной Верники изъ города Панаедъ. Правда, человѣколюбіе и остальные добродѣтели окружаютъ вашу голову на подобіе вѣнца. Почему и я, зная это, съ добрыми надеждами готовая на все, пишу тебѣ. Какая причина настоящаго вступленія, покажетъ тебѣ дальнѣйшая рѣчь. Съ дѣтства заболѣвъ кровоточеніемъ, я истратила на врачей средства къ жизни и богатство, но не нашла исцѣленія. Услышавши объ исцѣленіяхъ удивительнаго Христа, что Онъ воскрешаетъ, опять вызывая на свѣтъ мертвыхъ, изгоняетъ демоновъ изъ людей и всѣхъ изнуренныхъ болѣзнью исцѣляетъ словомъ, и я побѣжала къ Нему, какъ къ Богу. И обративши вниманіе на окружающую Его толпу, боясь, чтобы, изъ отвращенія къ оскверненію болѣзнью, Онъ не разгнѣвался на меня и не случилось бы со мной большее пораженіе болѣзнью, я разсуждала про себя, что, если я смогу коснуться края одежды Его, то буду спасена. И коснувшись Его, я была тотчасъ здорова, такъ какъ у меня источникъ крови остановился. Онъ же, какъ знавшій напередъ совѣты сердца моего, воскликнулъ: „кто коснулся меня? Сила оставила меня“. И вотъ, поблѣднѣвъ и стеноя, думая, что Онъ

возвратить мнѣ болѣе тяжелую болѣзнь, я, припавъ къ Нему, наполнила землю слезами, рассказавъ о своемъ дерзновеніи. Онъ же, какъ благой, умилосердившись о мнѣ, запечатлѣлъ мое исцѣленіе, сказавъ: *держай, дщи: въра твоя спасе тя; иди съ миромъ*. Такъ и вы, божественные, удовлетворите достойную просьбу просительницы“. Царь Иродъ, услышавъ объ этомъ изъ прошенія, выразилъ удивленіе и, испуганный тайной исцѣленія, сказалъ: „твое исцѣленіе, жена, достойно очень большого памятника. Итакъ, иди и, прославляя Цѣлителя, воздвигни Ему памятникъ, какой хочешь“. И тотчасъ сама Верника, прежде кровоточивая, воздвигла Богу и Господу среди своего города Панаеды мѣдный памятникъ изъ расплавленной мѣди, смѣшанной съ золотомъ и серебромъ. Этотъ памятникъ остается до сихъ поръ въ городѣ Панаедѣ, будучи недавно перенесеннымъ съ того мѣста среди города, гдѣ былъ поставленъ, въ св. мѣсто, въ домъ молитвенный. Это воспоминаніе найдено въ городѣ Панаедѣ у нѣкоего Васса, христіанина изъ іудеевъ, въ книгѣ о жизни всѣхъ царствовавшихъ въ іудейской странѣ“.

1373

Изъ седьмой книги Церковной исторіи Евсевія Памфила,—о кровоточивой панаедянкѣ.

„Послѣ того, какъ мы вспомнили объ этомъ городѣ, я не считаю возможнымъ пропустить рассказъ, достойный того, чтобы его вспомнили и наши потомки. Ибо кровоточивая, которая, какъ мы научились изъ священныхъ Евангелій, получила отъ Спасителя нашего исцѣленіе болѣзни, говорятъ, ушла отсюда; въ городѣ показываютъ домъ ея, и остаются удивительные трофеи благодѣянія къ ней Спасителя. Ибо стояло на высокомъ камнѣ у воротъ ея дома мѣдное изображеніе жены, упавшей на колѣни, съ протянутыми впередъ руками на подобіе умоляющей. Передъ ней другая изъ того же самага матеріала—прямая фигура мужа, скромно одѣтая въ плащъ и простирающая къ ней руку. У ногъ этой статуи растетъ какой-то странный видъ травы, который, когда достигаетъ до края мѣднаго плаща, то становится лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней. Говорятъ, что эта статуя представляетъ изображеніе Иисуса. Сохранилась же она и до нашего времени, такъ что отправившіеся въ тотъ городъ могутъ и видѣть ее. И нѣтъ ничего удивительнаго, что лица изъ язычниковъ, нѣкогда облагодѣтельствованныя Спасителемъ нашимъ, дѣлали это, когда мы рассказали о сдѣланныхъ красками изображеніяхъ самихъ Апостоловъ—Петра и Павла, а также и Самого Спасителя, что естественно, такъ какъ древніе въ виду ихъ языческаго обычая привыкли неосмотрительно почитать такимъ образомъ.

Его же, изъ девятой книги той же самой исторіи,—объ императоръ Константинъ.

1375 „Очень хорошо почувствовавъ помощь Божію, онъ приказываетъ тотчасъ вложить въ руку собственной статуи знакъ спасительнаго страданія. И вотъ когда ее со спасительнымъ знаменіемъ креста въ правой рукѣ поставили въ самомъ людномъ мѣстѣ Рима, онъ повелѣваетъ сдѣлать такую надпись на латинскомъ языкѣ: „этимъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ знакомъ мужества, я освободилъ вашъ городъ, спасши его отъ ига тирана. Затѣмъ же и сенатъ, и народъ римскій, освободивши, я возстановилъ въ древнемъ значеніи и блескѣ“.

Изъ первой книги Церковной исторіи Сократа; гл. XVIII,—о томъ же самомъ императорѣ.

„Послѣ же этого императоръ Константинъ, очень заботясь о христіанствѣ, презрѣлъ языческое благочестіе и прекращаетъ единобогства; собственныя же изображенія въ храмахъ оставилъ“.

Стефана вострійскаго,—противъ іудеевъ; гл. IV.

„Мы сдѣлали иконы святыхъ въ воспоминаніе о святыхъ,—наприм., Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, Иліи, Захаріи и остальныхъ пророковъ и св. мучениковъ, ради Бога умерщвленныхъ,—чтобы всякій, видящій иконы ихъ, воспоминалъ бы ихъ и прославлялъ Прославившаго ихъ“.

Его же.

„Относительно иконъ мы надѣмся, что всякое дѣло, совершаемое во имя Божіе, прекрасно и свято. О идолахъ же и кумирахъ—нѣтъ, ибо худы и страшны и они, и дѣлающіе ихъ. Ибо одно икона св. пророка, и другое—изображеніе или статуя Кроноса и Афродиты, солнца и луны. Такъ какъ человѣкъ созданъ по образу Божію, то ему поклоняются; змѣи же нечистъ и отверженъ, такъ какъ онъ—образъ дьявола. Если же ты отвергаешь рукотворенное, то скажи, іудей, есть ли на землѣ что-нибудь нерукотворенное изъ того, чему поклоняются? Не былъ ли рукотвореннымъ ковчегъ Божій, жертвенникъ, очистилище, херувимы, золотая *стамна*, имѣющая манну, трапеза, внутренняя скинія и все, что Богъ назвалъ святыя святыхъ? Не были ли рукотворенными херувимы, изображенія ангеловъ? Что ты говоришь? Если ты назовешь ихъ идолами, то что скажешь о поклонявшемся имъ Моисеѣ и объ Израилѣ? И поклоненіе есть знакъ почтенія. Почему и мы, грѣшныя, поклоняемся Богу, сообразно

божественному служенію. и прославляемъ Его достойнымъ поклоненіемъ, и боимся, какъ Творца и Вождя нашего; ангеламъ же и рабамъ Божиимъ—для славы Бога, какъ твореніямъ Божиимъ и рабамъ Его. Ибо образъ есть имя и подобіе написаннаго на немъ, почему страданія Господа и св. пророковъ, описанныя въ законѣ и Евангеліяхъ, всегда вспоминаемъ, благодаря и письменамъ, и изображеніямъ“.

Св. Григорія Назіанзина,—изъ слова противъ Юліана Отступника. 1377

„Иконы, выставленныя въ общественныхъ мѣстахъ, носятъ на себѣ знаки раны его отъ удара, нанесенной по причинѣ этого злодѣянія“.

Златоуста,—изъ толкованія на праведнаго Іова.

„Во всѣхъ сихъ приключившихся ему не даде безумія Богу (Іов. I, 22). Подобно тому какъ на изображеніяхъ, когда мы пишемъ красками чью-нибудь исторію, то надписываемъ: „такой-то посвятилъ“, такъ и здѣсь, описавъ образъ души его, написавшіи книгу, какъ-бы на ободкѣ внизу подписывая, говоритъ: *во всѣхъ сихъ приключившихся ему ничтоже согрѣши Іовъ*“ (Іов. I, 22).

Изъ Жизни св. Константина,—изъ 4 книги.

„Насколько душа его укрѣпилась силою вѣры, всякій можетъ узнать изъ того, что онъ самъ рѣшилъ, чтобы на золотыхъ монетахъ его изображеніе писалось такъ, чтобы казалось, что онъ, обратившись къ Богу, въ положеніи молящагося смотритъ вверхъ. Такимъ образомъ, его изображенія распространялись по всей римской имперіи. Въ нѣкоторыхъ же городахъ, въ самыхъ же дворцахъ, на изображеніяхъ, выставленныхъ въ верхней части портиковъ, онъ былъ написанъ въ прямомъ положеніи смотрящимъ вверхъ на небо съ протянутыми руками, съ видомъ молящагося. Такимъ образомъ самъ представляетъ себя на картинахъ молящимся“.

Оттуда же, —изъ 3 книги.

„Итакъ, вотъ какъ скончалась мать царя, достойная величайшей чести, какъ ради ея боголюбивыхъ дѣлъ, такъ и ради родившагося отъ нея необыкновеннаго и дивнаго потомка, котораго должно ублажать, какъ вообще за все, такъ и за его святое отношеніе къ матери. Она стала такою благочестивой, не будучи таковой прежде, что казалось, какъ будто она съ перваго своего возраста познала общаго Спасителя. Была же она такъ почтена царскимъ достоинствомъ, что у всѣхъ народовъ и въ самыхъ военныхъ легіонахъ именовалась: августа императрица,—и ея изображеніе печаталось на золотыхъ монетахъ“.

Оттуда же, изъ 4 книги, гл. 69.

„Населяющіе столичный городъ, вмѣстѣ съ сенатомъ и народомъ римскимъ, когда узнали о кончинѣ императора, то, въ виду ужаснаго и превосходящаго всякое несчастіе извѣстія, предались невыносимой печали. Закрылись бани и рынки, всенародныя зрѣлища и все, что при жизненномъ досугѣ обычно было дѣлать веселящимся. Превжніе сластолюбцы шли съ опущенными взорами. Всѣ же вмѣстѣ прославляли блаженнаго, боголюбезнаго, какъ понстинѣ достойнаго царства. И это выражали не словами только, но, переходя къ дѣламъ, они почитали его мертваго, какъ живого, посвященіемъ ему изображеній. Они изобразили видъ неба на написанной красками картинѣ; надъ вершиною же небесъ съ помощію живописи представили его покоющимся въ эфирной странѣ“.

Оттуда же, гл. 73.

„Итакъ, подобнымъ образомъ треблаженный вмѣсто одного, благодаря преемству дѣтей, сдѣлался многократнымъ, такъ что чрезъ устройство изображеній онъ почитается у всѣхъ народовъ вмѣстѣ со своими дѣтьми“.

(Леодорита, епископа киррекаго, и Полихронія,—изъ толкованія на книгу Іезекіиля.

„Какъ римляне, пишущіе царскія изображенія, окружаютъ ихъ копьеносцами и заставляютъ народы повергаться предъ ними, такъ и здѣсь. Въ виду того, что царь въ видѣніи представляетъ Бога, какъ бы несоматаго на тронѣ, то указаніемъ на изображенія всего находящагося на землѣ, воздающаго должное образу, учить о господствѣ надъ всѣмъ Бога“.

Его же, т. е. Полихронія.

И ты, сыне человекъ, возми себѣ плинѣу и положи ю предъ лицемъ твоимъ и да напишеша на ней градъ Іерусалимъ; и да даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки, и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. (Іез. IV, 1—2),

Схолія. Если тебѣ страшно говорить противъ толпы, предсказывать опустошеніе города, разрушеніе храма и происходяція отъ этого бѣдствія, то объяви объ этомъ иначе, чтобы и тѣхъ вразумить, и показать свою справедливость. И взявши, говорить, плинѣу, напиши городъ. Пусть будетъ надписано названіе города, чтобы знать, что это—Іерусалимъ. Сдѣлавши же городъ, окружи его изображеніе валомъ, чтобы сказали, что это—лагерь. Войска

же пусть идутъ въ военномъ строѣ, ибо это означаетъ слово: *полки*, т. е. готовые военные легіоны, не только снабженные оружіемъ, но и придвигающіе осадныя орудія, которыми они разрушаютъ эти стѣны, ибо на стѣны указываетъ названіе, *стрѣльницы*. Удивительнѣе же всего онъ показываетъ стоящую около города толпу; показываетъ для того, чтобы, поразивши страхомъ предъ ужасами, отвлечь народъ отъ беззаконія.

Изъ мученія св. Евставія, который также (называется) и Плакидою. 1381

„Когда онъ однажды, по обыкновенію, вышелъ съ войскомъ и со всею свитой въ горы поохотиться, то передъ нимъ показалось пасущееся стадо оленей. И раздѣливъ, какъ обыкновенно, свое войско на партіи, онъ преслѣдовалъ ихъ. Когда же все войско занялось ловлей оленей, то самый огромный и красивѣйшій изъ всего стада, отдѣлившись отъ стада, устремился по густо заросшимъ и непроходимымъ мѣстамъ къ дубовому лѣсу. Плакида, увидѣвъ его и желая поймать, преслѣдовалъ его, оставивши всѣхъ, съ немногими солдатами. Когда его спутники ослабѣли, онъ одинъ не утомлялся отъ преслѣдованія. Такъ какъ, по Божію промысленію, ни конь его не утомился, ни самъ онъ не испугался неудобства мѣста, то, долго преслѣдуя, онъ оказался далеко отъ своего войска. Олень же бѣжалъ, а тотъ, погнавшись на вершину скалы, никѣмъ не сопровождаемый, остановился, осматриваясь кругомъ и думая, какимъ образомъ взять ему оленя. Но премудрый и милосердный Богъ, измышляющій всяческіе пути для спасенія людей, на охотѣ Самъ уловляетъ его,—не какъ Корнилія чрезъ Петра, но какъ гонителя Павла—чрезъ собственное явленіе. Въ то время, какъ Плакида долго стоялъ и смотрѣлъ на оленя, удивляясь его величинѣ и недоумѣвая, какъ его схватить, Господь показываетъ нѣчто дивное такого рода, что оно было довольно естественно и не выше его силъ. Но какъ при Валаамѣ Давшій слово ослицѣ изобличилъ его намѣреніе, такъ и здѣсь показываетъ этому на рогахъ оленя образъ св. креста, блескомъ превосходящій солнце, въ срединѣ же роговъ—изображеніе богоноснаго тѣла, которое Онъ благоволилъ принять ради нашего спасенія. И человѣческій голосъ, данный оленю, призываетъ Плакиду, говоря: „Плакида, что ты преслѣдуешь Меня? Ради тебя я пришелъ, и ты видишь Меня на этомъ животномъ. Я—Иисусъ Христосъ, Котораго, не зная, ты считаешь. Ибо благодѣянія твои, которыя ты дѣлаешь нуждающимся, достигли до Меня, и Я пришелъ, чтобы явиться тебѣ чрезъ этого оленя и Самому уловить тебя и окружить сѣтями Моего человеколюбія. Ибо несправедливо, чтобы любезный мнѣ ради добрыхъ дѣлъ рабствовалъ не-

чистымъ демонамъ и мертвымъ и нѣмымъ идоламъ, потому что, желая спасти родъ человѣческій, Я пришелъ для этого на землю въ томъ видѣ, въ которомъ ты сейчасъ видишь Меня“.

Св. Леонтія, (епископа) Неаполя на островъ Кипръ,—изъ 5 книги противъ іудеевъ.

„Приступимъ же, приступимъ ревностно и сдѣлаемъ защиту и изображенія честныхъ иконъ, чтобы заградить уста беззаконныхъ, говорящія неправду, такъ какъ это преданіе закона, а не наше.
1384 Ибо послушай Самого Бога, говорящаго Моисею, чтобы онъ устроилъ двухъ ваянныхъ херувимовъ литыхъ, осѣняющихъ очистилище. И затѣмъ Богъ показалъ Іезекилю храмъ, который, говоритъ, имѣлъ ваянныя изображенія львовъ, пальмъ, людей и херувимовъ отъ его основанія до вершины кровли. Дѣйствительно страшная рѣчь: Богъ, приказавшій Израилю не дѣлать ваяннаго,—ни образа, ни подобія того, что на небѣ и что на землѣ, Самъ повелѣваетъ Моисею сдѣлать ваянныхъ живыхъ существъ—херувимовъ; и Іезекилю Богъ показываетъ храмъ, полный образовъ и рѣзныхъ подобій львовъ, пальмъ и людей. И Соломонъ, взявши примѣръ изъ закона, устроилъ храмъ, полный мѣдныхъ рѣзныхъ изображеній быковъ, пальмъ и людей,—и не былъ Богомъ за это осужденъ. Итакъ, если хочешь осуждать меня за иконы, осуди напередъ Бога, повелѣвшаго дѣлать ихъ, чтобы онѣ были у насъ въ напоминаніе о Немъ“.

Его же,—изъ пятой книги.

„Опять насъ осмѣиваютъ совершенные безбожники за изображеніе и поклоненіе честному кресту и богообразнымъ иконамъ, называя насъ идолослужителями и древобожниками. Если же я древобожникъ,—какъ ты, безбожникъ, говоришь,—то я, конечно, и многобожникъ. Если же многобожникъ, то нужно, чтобы при клятвѣ я говорилъ: „клянусь богами“,—подобно тому, какъ и ты, видя одного тельца, говорилъ: „вотъ боги твои, Израиль“. Но ты никогда не услышишь этого изъ устъ христіанъ. Но прелюбодѣйная и невѣрная синагога привыкла говорить всегда о цѣломудреннѣйшей Церкви Христовой, какъ о блудницѣ“.

Его же.

„У насъ не поклоняются образамъ и иконамъ, и фигурамъ святыхъ, какъ богамъ. Ибо если бы мы поклонялись дереву иконы, какъ Богу, то, конечно, поклонялись бы и остальнымъ деревьямъ и не сожигали бы иконъ, какъ часто бываетъ, когда образъ изглаженъ. И опять: пока соединены деревья, составляющія

крестъ, поклоняюсь этому образу ради распятаго на немъ Христа: когда же они будутъ отдѣлены другъ отъ друга, то бросаю ихъ и сожигаю. И какъ получающій запечатанное повелѣніе царя и лобызающій печать почтилъ не грязь или листъ, или свинець, но воздалъ честь и поклоненіе царю, такъ и мы — христіане, поклоняясь образу креста, поклоняемся не естеству дерева, но видя печать, перстень и знакъ Самого Христа [т. е. крестъ], чрезъ него лобызаемъ и поклоняемся Распятому на немъ“.

Его же,

1385

„И поэтому я начертываю и пишу Христа и страданія Христовы въ церквахъ и домахъ, и площадяхъ, и на иконахъ, и на полотнѣ, и въ кладовыхъ, и на одеждахъ, и во всякомъ мѣстѣ, чтобы, ясно видя ихъ, вспоминать, а не забывать, какъ ты всегда забывалъ Господа Бога твоего. И какъ ты, поклоняясь книгѣ закона, поклоняешься не естеству кожъ и чернилъ, но находящимся въ ней словамъ Бога, такъ и я поклоняюсь иконѣ Христа,—не естеству же древа и красокъ, да не будетъ! но, поклоняясь неодушевленному образу Христову, чрезъ него я думаю обнимать и поклоняться Самому Христу. И какъ Іаковъ, получивши отъ братьевъ Іосифа, послѣ того какъ они продали его, разноцвѣтный хитонъ окровавленнымъ, цѣловалъ хитонъ со слезами и положилъ его предъ своими глазами, не одежду, конечно, оплакивая, но думая, что чрезъ него онъ цѣлуетъ Іосифа и держитъ его въ рукахъ, такъ и мы—христіане, лобызая тѣлесно икону Христа, или Апостола, или мученика, въ душѣ думаемъ, что лобызаемъ Самого Христа или Его мученика. Вѣдь, какъ я часто говорилъ, при всякомъ лобзаніи и при всякомъ поклоненіи, изслѣдуется цѣль. Если же ты обвиняешь меня, говоря, что я поклоняюсь древу креста, то почему ты не обвиняешь Іакова, поклонившагося Іосифу на верхъ жезла. Но ясно, что, не древо почитая, онъ поклонился, но чрезъ древо поклонился Іосифу, какъ и мы чрезъ крестъ Христу. И Авраамъ, когда поклонился продавшимъ ему гробницу нечестивымъ мужамъ и склонилъ колѣно на землю, то поклонился имъ не какъ богамъ. И затѣмъ Іаковъ благословилъ фараона, хотя онъ былъ нечестивымъ и идолослужителемъ; и Исава благословилъ седмизды, но не какъ Бога. Вотъ сколько лобызаній и сколько поклоненій показалъ я тебѣ, какъ естественныхъ, такъ и на основаніи писанія, которыя нельзя осуждать. Когда же видишь меня, поклоняющагося иконѣ Христа или Его всесвятой Матери, или святого, то ты тотчасъ негодуешь, и порицаешь, и называешь меня идолослужителемъ,—и не стыдишься. И ужасаешься, и краснѣешь отъ стыда, видя

меня ежедневно разрушающимъ во всей вселенной храмы идоловъ и воздвигающимъ храмы мучениковъ. Если бы я поклонялся идоламъ, то зачѣмъ я почиталъ бы мучениковъ, уничтожавшихъ идоловъ? Если же я славлю, какъ ты говоришь, деревья, то какимъ же образомъ я чту святыхъ, сожигавшихъ деревянные статуи демоновъ? Если же я прославляю и камни, то какимъ образомъ прославляю Апостоловъ, сокрушившихъ каменныхъ идоловъ? Если я чту изображенія лжеименныхъ боговъ, то какимъ образомъ прославляю и хвалю, и совершаю празднества въ честь отроковъ, подвизавшихся въ Вавилонѣ и не поклонившихся золотому идольскому образу? Но поистинѣ велико ожесточеніе беззаконныхъ, велика слѣпота! Іудей, велико твое безстыдство и нечестіе. Дѣйствительно, истина оскорбляется тобой. Возстань, Боже, изреки судъ Твой! Раздѣли и рассуди насъ съ народомъ несвятымъ, неправеднымъ и чужимъ, раздражающимъ Тебя всегда“.

Его же.

„Итакъ, если бы я, какъ часто говорилъ, поклонялся дереву и камню, то я сказалъ бы дереву и камню: „ты родилъ меня“. Если же я поклоняюсь иконамъ святыхъ, скорѣе же самимъ святымъ, и поклоняюсь, и чту подвиги святыхъ мучениковъ, то какимъ образомъ ты, неразумный, говоришь, что это—идолы? Ибо идолы суть подобія лжеименныхъ (боговъ), прелюбодѣвъ, убійць, дѣтоубійць, чувственныхъ,—а не пророковъ и не Апостоловъ. И чтобы хотя отчасти представить краткій и вѣрнѣйшій примѣръ христіанскихъ и языческихъ подобій,—слушай. Халдеи въ Вавилонѣ имѣли различные музыкальные инструменты для служенія изображеніямъ демоновъ. Имѣли и сыны Израиля инструменты изъ Іерусалима, которые они повѣсили на ивахъ, и тѣ и другіе инструменты были и арфы, и гусли, и флейты. Но эти были во славу Божию; тѣ же, подобные этимъ, для служенія демонамъ. Также различай и между иконами и идолами,—христіанскими и языческими, потому что языческія изображенія устроены во славу и воспоминаніе діавола; эти же—во славу Христа и Апостоловъ, и мучениковъ, и святыхъ Его“.

Его же.

„Итакъ, когда видишь христіанина, поклоняющагося кресту, знай, что онъ поклоняется ему ради Христа распятаго, а не естеству древа. Иначе мы поклонялись бы всѣмъ деревьямъ полевымъ, какъ и Израиль почиталъ рощи и деревья, говоря: „ты—мой Богъ; ты мя родилъ еси (ср. Іер. II, 27). Мы же не такъ, но

имѣемъ въ церквахъ и домахъ памятникъ и изображеніе страда- ній Господа и пострадавшихъ за Него, дѣлая все это ради Самого нашего Господа. И затѣмъ, скажи, іудей, какое писаніе повелѣло Моисею поклониться Іоору, его тестю, хотя онъ былъ идоло- служитель? И—Іакову, чтобы онъ поклонился фараону? И Авра- аму—*сыномъ Еммора*? Развѣ они были праведники и пророки? И Данилу—нечестивому Навуходоносору? И тѣ дѣлали это ради условій мірской и преходящей жизни,—какъ же ты обвиняешь меня, что я поклоняюсь святымъ памяткамъ святыхъ, живо- писнымъ и повѣствовательнымъ, а также и страданіямъ, и по- двигамъ, благодаря которымъ я ежедневно получаю благодѣянія и ожидаю вѣчной и непрекращающейся жизни“.

Изъ Церковной исторіи Осодорита, т. II.

„Въ это консульство, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ 25 день случи- лось страшное и необычайное чудо, слухъ о которомъ поразили 1389 всѣхъ людей. Ибо нѣкто, по имени Олимпій, обыкновенно въ припрыжку ходившій подлѣ иноходца, принадлежавшаго Евенмію, руководителю аріевой ереси,—когда былъ въ банѣ еденіанскаго дворца, въ теплой ванной комнатѣ, и увидѣлъ нѣкоторыхъ изъ моющихъ, прославляющихъ Единосущнаго, такъ сказалъ имъ: „что такое Троица? На какой стѣнѣ она не написана“? И держа свои genitalia, онъ сказалъ: „вотъ и у меня Троица“. Находящіеся тамъ бросились съ намѣреніемъ его убить, но были удержаны нѣкимъ Магномъ, пресвитеромъ церкви св. Апостоловъ въ замкѣ, человѣкомъ удивительнымъ и почитавшимъ Бога, который ска- залъ имъ, что нельзя скрыться отъ ока вседѣствующей Правды, тщательно записывающаго все. Когда же изъ уваженія къ этому мужу прекратился беспорядокъ, Олимпій поднялся и, воспользо- вавшись, по обыкновенію, теплыми ваннами, выходитъ къ бас- сейну съ холодною водою, получавшему воды изъ источника, текущаго изъ середины честнаго алтаря св. дома первомученика Стефана,—дома, который давно построилъ Авриліанъ, блиставшій достоинствами правителя. Посему, я думаю, вода удостоилась божественнаго вниманія. Спустившись въ бассейнъ, онъ скорѣе выходитъ съ воплемъ: „спасите меня, спасите меня“, и, царапая все тѣло, отдѣлялъ его отъ костей. Всѣ же окружающіе его, взявъ, обернули простыней и положили его, находящагося при послѣднемъ издыханіи. Спросили же, что случилось? И Олимпій говорить: „я видѣлъ мужа, одѣтаго въ бѣлую одежду, который, войдя ко мнѣ въ водоемъ, облилъ меня тремя ведрами горячей воды, говоря: „не богохульствуй“. Различающіеся же отъ него (ученіемъ), взявъ его на носилки, перенесли въ другую баню.

находившуюся при арианской церкви. Когда же они хотѣли снять съ него простыню, то вмѣстѣ съ нею подняли всю плоть его и, такимъ образомъ умерщвленный, онъ предалъ духъ. Это стало извѣстно почти по всей имперіи. Нѣкоторые же говорили о пострадавшемъ, что онъ нѣкогда отъ благочестія, прославляющаго Единосущную Троицу, перешелъ чрезъ второе крещеніе въ ересь Арія. Когда случай дошелъ до слуха императора, былъ же Анастасій,—то онъ приказалъ, изобразивши чудо на иконѣ, утвердить ее вверху бассейна. Нѣкто же Іоаннъ, діаконъ и экдикъ вышеупомянутаго св. дома первомученика Стефана, мужъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой всякій разъ показывающій ревность о догматѣ единосущія, самъ написалъ изображеніе, но непросто, ибо онъ подписалъ имена моющихъ и видѣвшихъ (чудо), а также и то, и гдѣ каждый изъ нихъ жилъ, а, сверхъ того, и служащихъ при водахъ. Изображеніе же это, до настоящаго времени твердо стоящее при входѣ въ четвертый портикъ неоднократно упомянутаго дома, свидѣтельствуетъ о происшедшемъ. А такъ какъ за тѣмъ чудомъ послѣдовало иное чудо, то нехорошо опускать его, такъ какъ оно имѣетъ то же самое основаніе; и я не замедлю рассказать его, хотя оно и ближе къ настоящему времени. Сторонники Арія, увидѣвъ побѣдоносный триумфъ, молили того, которому была ввѣрена забота о еленіанскомъ дворцѣ, какъ начальника и администраціи бани, чтобы онъ снялъ и скрылъ изображеніе. Онъ же, найдя благовидный предлогъ—влажность, происходящую отъ воды, унесъ какъ бы испорченное изображеніе и, говорятъ, скрылъ подъ предлогомъ исправленія. Случилось, что царь, совершая окружныя путешествія въ каждую порознь царскую мѣстность и прибывъ туда, отыскивалъ изображеніе, и такимъ образомъ оно опять было утверждено на стѣнѣ. Евтихіана же—таково было имя начальника зданій,—тотчасъ поразилъ нѣкій божественный судный гнѣвъ: его правый глазъ расплылся; хуже же всего то, что и остальные его члены дрожали. Тогда онъ пришелъ въ св. домъ, гдѣ, какъ полагали, покоится часть священныхъ останковъ дивныхъ Паптолеона и Марина, при чемъ мѣсто это называлось „Согласіе“, такъ какъ, собравшись тамъ, при великомъ императорѣ Феодосіи, 150 епископовъ создали нѣкое общее и [всѣми] признанное ученіе о единосущной божественной Троицѣ и объяснили принятіе Господомъ челоуѣчества отъ Дѣвы и [такимъ образомъ] создали это названіе. Когда же онъ пробылъ [тамъ] около семи дней и не получилъ никакого облегченія, но и „удесная близнята“ у него оказались изъѣденными,—вотъ въ срединѣ одной ночи иподіаконъ, который долженъ былъ здѣсь ночевать, видитъ во снѣ, что

стоит какой-то царь и, показывая рукою на больного, говорит: „какъ Мнѣ принять его? Кто привелъ его сюда? Онъ согласился съ хулящими Меня. Онъ скрылъ изображеніе чуда“. Вставъ, клирикъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ, сказавъ, что невозможно тому исцѣлиться отъ недуга. Въ ту же ночь Евтихіанъ, какъ будто погрузившись въ сонъ отъ страданій, видитъ какого то молодого внуха, одѣтаго въ блестящую одежду, говорящаго ему: „что съ тобой“? Когда же онъ отвѣтилъ: „я умираю, будучи изнуренъ и не получая исцѣленія“, то услышалъ, что тотъ говоритъ: „никто не можетъ тебѣ помочь, потому что Царь страшно гнѣвается на тебя“. Этотъ умолялъ: „кого, говоритъ, беспокоить просьбами, что сдѣлаю?“ Онъ же говоритъ: „если хочешь получить облегченіе, иди тотчасъ въ еленіанскія бани и почій вблизи изображенія сожженнаго аріанина“. Тотчасъ же пробудившись, онъ позвалъ одного изъ слугъ. Они же испугались, такъ какъ въ теченіе трехъ прошедшихъ дней онъ былъ безъ голоса. И говоритъ имъ, чтобы несли его, какъ было приказано. Достигши же того мѣста и будучи положенъ у иконы, онъ умеръ. Ибо явившійся, говоря о свободѣ облегченія, разумѣлъ отдѣленіе души отъ тѣла“.

Св. Анастасія—со св. горы Синая.

„Въ четырехъ миляхъ отъ Дамаска есть мѣстность, называемая Карсатасъ. Въ этой мѣстности есть храмъ св. Θεодора. Сарацины, войдя, поселились въ этомъ храмѣ, осквернивши его всякою нечистотою, благодаря и женщинамъ, и дѣтямъ, и неразумнымъ животнымъ. И вотъ однажды, когда большинство изъ нихъ сидѣли и разговаривали, одинъ изъ нихъ бросилъ стрѣлу въ икону св. Θεодора и поразилъ его въ правое плечо. И тотчасъ пошла кровь и потекла внизъ по иконѣ, такъ что всѣ видѣли совершившееся чудо: и стрѣлу, вонзившуюся въ плечо святого, и истекающую кровь. И однако видѣвшіе такое дивное знаменіе не одумались. Бросившій стрѣлу не покаялся. Ни одинъ изъ нихъ не смутился. Они не удалились изъ храма. Не перестали осквернять его. Понесли же за это крайнее наказаніе. Изъ двадцати четырехъ семействъ, поселившихся во храмѣ, въ теченіе немногихъ дней всѣ погибли несчастною смертію, между тѣмъ какъ въ этой же самой мѣстности въ эти дни, кромѣ живущихъ въ храмѣ, никто не скончался. Икона же эта, въ которую стрѣляли изъ лука, существуетъ еще и до сихъ поръ съ раною отъ стрѣлы и слѣдомъ крови. Многіе же изъ видѣвшихъ и бывшихъ тогда, когда совершилось это дивное знаменіе, еще живы. И я видѣлъ эту его (Θеодора) икону и видѣвъ написалъ, что видѣлъ,

Изъ житія св. Симеона чудотворца,—разсказъ Аркадія, архієпископа кипрскаго; чудо сто тридцать второе.

1396 Случилось въ тѣ дни, что нѣкій человѣкъ—торговецъ изъ города Антіохіи, былъ одержимъ страшнымъ уныніемъ отъ лукаваго демона и временами былъ такъ угнетаемъ имъ, что тотъ душилъ его, преграждая его дыханіе. Вотъ онъ, придя къ святому и получивъ по его молитвамъ исцѣленіе и ставъ такимъ, какъ будто онъ не перенесъ ничего худого, пришелъ въ свой домъ и въ благодарность святому воздвигъ въ честь его икону въ людномъ и открытомъ мѣстѣ города, надъ дверьми своей лавки. Нѣкоторые же изъ невѣрныхъ, увидѣвъ ее, съ такимъ почетомъ украшенную свѣтильниками и покровами, охваченные яростью, возмутили подобныхъ себѣ безпокойныхъ людей, такъ что собралась толпа и возбужденно кричала: „смерть тому, который сдѣлалъ это“, и: „пусть будетъ низвержена икона“. Случилось же по Божію домоостроительству, что мужъ тотъ не оказался въ своемъ домѣ,—ибо они были готовы убить его. Между тѣмъ другіе кричали иное. И грѣхъ ихъ былъ весьма много и великъ предъ Богомъ, и зависть безмѣрна, побуждаемые которой они и собрались, полагая, что напши время возстать и оскорбить святого, часто осуждавшаго зловѣріе и заблужденіе язычествующихъ среди нихъ. Итакъ, такъ какъ не могли сдерживать столь великую свою ярость, то поручили одному изъ солдатъ взойти по ступенямъ и сбросить икону. Онъ же, когда поднялся и протянулъ руки, чтобы сдѣлать приказанное, тотчасъ, упавъ сверху на землю, разбился. И въ толпѣ произошло большое волненіе: но, выславъ другого, они поручили, чтобы онъ взошелъ. И этотъ, когда протянулъ свои руки, чтобы сбросить икону, также разбился о землю. И когда это случилось, то всѣ, испугавшись, начали осѣнять себя знаменіемъ креста. Наконецъ, невѣрные эти такъ обезумѣли, что поручили и третьему взяться за это; и, когда этотъ протянулъ руку, чтобы сбросить икону, то и онъ также съ шумомъ разбился о землю. Тогда великій страхъ напалъ на всѣхъ окружающихъ вѣрныхъ и, пораженные ожесточеніемъ и смѣлостью тѣхъ невѣрныхъ и беззаконныхъ мужей, они удалились, поклонившись съ молитвою иконѣ“.

Св. Иоанна Златоуста,—изъ рѣчи на слова: знай, что ты ходиши среди стѣтъ.

„Итакъ, возлюбленные, не будемъ скорбѣть и падать духомъ въ настоящемъ бѣдствіи, но подивимся изобрѣтательности премудрости Божіей. Ибо чрезъ что діаволь надѣялся уничтожить

нашъ городъ, чрезъ это Богъ возставилъ его и укрѣпилъ. Ибо дѣволъ для того, чтобы исчезло и самое основаніе города, внушилъ незаконнымъ людямъ, и они оскорбили статуи императоровъ“.

Его же.

„Когда же послѣ того случилось замышленное, и нѣкоторые преступные и пребеззаконные, пренебрегши законами, низвергли статуи и подвергли всѣхъ опасности превышающей силы каждаго изъ насъ, то теперь, прогнѣвавши императора, мы боимся за самую жизнь; больше уже не устрашаетъ лишеніе имущества, но—другое вмѣсто этого. Я слышу, что всѣ говорятъ: пусть возьметъ императоръ имущество; мы уйдемъ охотно со своихъ торжищъ и домовъ. Пусть кто-нибудь обѣщаетъ сохранить намъ одно только нагое тѣло. Итакъ, прежде чѣмъ на васъ напалъ страхъ смерти, васъ уязвляло денежное наказаніе; когда же дерзко совершилось беззаконіе, то страхъ смерти пріядя отогналъ огорченіе денежнымъ наказаніемъ“.

Его-же.

„Не знаешь ли, что, если кто-нибудь и не разбойничалъ, но оказался въ вертепѣ разбойниковъ, то его судятъ, какъ разбойника? И что я говорю о разбойникахъ? Вы, конечно, всѣ знаете и помните, какъ у насъ нѣкоторые незаконные люди и обманщики низвергли статуи: но всѣ тѣ, которые просто оказались присутствовавшими при случившемся, привлеченные и приведенные вмѣстѣ съ тѣми на судъ, потерпѣли крайнее наказаніе“.

Теодорита, епископа киррскаго, изъ Исторіи боголюбцевъ, о македоняниихъ Асіанитѣхъ.

„А когда въ другое время городъ неистовствовалъ, благодаря какому-то весьма лукавому демону, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ на него напала болѣзнь, они неразумно обратились противъ царскихъ статуй“.

Изъ Церковной исторіи Теодора, Утеца константинопольскаго о нѣкоемъ еретикѣ Палладіи.

„Епископъ же антїохійскій Палладій, снискавшій расположеніе императора, гнушался послѣдующихъ святымъ халкидонскимъ догматамъ и уничтожалъ изображенія св. отцовъ“.

Изъ Жизни св. Константина,—изъ третьей книги, гл. IV.

„Итакъ, это закончилось пріятно для него. Результаты же клеветы, происходящей отъ ненависти, смущая церкви Александ-

риі, произвели расколъ Фиванцевъ и Египтянъ и другія немалыя бѣдствія, такъ какъ тѣ сами возставали въ каждомъ городѣ: такъ какъ епископы возставали на епископовъ и народъ на народъ, и въ столкновеніяхъ они только что не убивали другъ друга. Такъ что можно было видѣть, какъ люди въ изступленіи ума совершали беззаконное и безразсудно оскорбляли изображенія царей“.

Изъ Церковной исторіи [Теодора Чтеца] о мыслящихъ согласно съ Діоскоромъ.

„Ибо онъ исполнился такой дерзости, что изгладилъ изъ священныхъ диптиховъ имена бывшихъ тамъ блаженныхъ пастырей и уничтожилъ ихъ изображенія, тирански сжегши ихъ“.

Изъ той же самой исторіи,—о еретикѣ, наглядывавшемъ константинопольскій престолъ послѣ Македонія.

„Этотъ беззаконный, приходя въ собранія, приказывалъ осматривать честные храмы и, если находилъ гдѣ-нибудь изображеннаго на иконѣ Македонія, то, прежде чѣмъ не уничтожить его, не совершалъ литургіи“.

1400 *Изъ той же самой исторіи,—о Юліанѣ и Тимоѣѣ [Элурѣ].*

„Нѣкоторые изъ радующихся беспорядкамъ знаютъ этого Юліана въ союзѣ съ епископомъ Тимоѣемъ, благодаря дѣлу вышеупомянутаго Македонія. Причиной же единенія было то, что онъ, скоро схвативъ этого [Македонія] чрезъ служащихъ ему, когда въ епископскомъ домѣ присутствовали и гражданскіе начальники, принуждалъ его анаѣматствовать опредѣленія Халкидонскаго собора. Старецъ же, моляся передъ иконами почившихъ святителей, нарисованныхъ въ Константинополѣ,—архіепископовъ Флавіана и Анатолія, благодаря которымъ Халкидонскій соборъ получилъ силу, взывалъ: „если не желаете предоставить свободу въ дѣлѣ анаѣматствованія постановленій св. собора, то уничтожьте и иконы епископовъ, изгладьте и изъ священныхъ диптиховъ“.

Златоуста,—изъ слова въ память св. Флавіана Антиохійскаго.

„И толпа показала себя тѣмъ, что она, именно, и есть. Ибо, слѣдуя неразумному порыву, какъ вождю, она устремилась противъ царскихъ изображеній и статуй, и, низвергнувъ ихъ, влекла по площади; ибо ярость привела души въ бѣшенство, и гнѣвъ ослѣпилъ благоразумныя разсужденія“.

Изъ того же самаго слова,—изъ обращенія патріарха Флавіана къ великому императору Теодосію.

„Мы согрѣшили, о царь! Не скрываемъ грѣха, въ которомъ обвиняетъ насъ и самое дѣло. Не отрицаемъ ярости, съ которой мы неистовствовали противъ твоихъ изображеній, лучше же [сказать]: противъ насъ самихъ. Но какъ осужденные, мы ожидаемъ человѣколюбія“.

И опять изъ того же самаго слова,—изъ обращенія св. Флавіана.

„Не губи столько образовъ ради одного мѣднаго образа. Не сокруши столько божественныхъ изображеній ради одного мѣднаго изображенія, которое легко можно отлить“.

Его же, Златоуста,—о томъ, что одинъ законодатель Ветхаго и Новаго завета и объ одѣяннн священника.

„Я возлюбилъ и изъ воска сдѣланное изображеніе, исполненное благочестія. Ибо я видѣлъ изображеніе ангела, преслѣдующаго толпы демоновъ, и прогоняемые полки варваровъ и Давида, говорящаго: *Господи, во градѣ Твоемъ образъ ихъ уничтожиши*“ (Пс. LXXII, 20).

Св. Василія,—въ прославленіи св. сорока мучениковъ.

1401

„Итакъ, сюда! Своимъ воспоминаніемъ выведя ихъ на средину, мы доставимъ чрезъ нихъ общую пользу присутствующимъ, показавъ всѣмъ подвиги мужей, какъ на картинѣ. И военные подвиги изображаютъ и историки, и живописцы,—одни, украшая словомъ; другіе же—начертывая на доскахъ: и тѣ, и другіе многихъ возбудили къ мужеству. Ибо что слово повѣствованія предлагаетъ для слуха, то молчаливая живопись показываетъ чрезъ подражаніе“.

Св. Григорія Назіанзина,—изъ стиховъ.

„Или не учи, или учи своимъ образомъ жизни. Не увлекай словомъ, отталкивая дѣломъ. Поменьше имѣй необходимость въ словѣ, дѣлай, что нужно. Живописецъ главнымъ образомъ учитъ образами“.

Переложеніе того же самаго.

Если, говорить, не учишь образомъ жизни, то не учи словомъ, чтобы отсутствіемъ надлежащаго права не отогнать тѣхъ, которыхъ ты увлекъ словомъ. Ибо, если ты дѣлаешь то, что нужно, то это доброе дѣло будетъ и словомъ ученія, подобно тому какъ живописецъ по большей части учитъ образами.

Его же.

„И о Полемонѣ я не буду молчать, ибо это чудо изъ такихъ, о которыхъ очень много говорятъ. Онъ не былъ прежде среди цѣломудренныхъ, но былъ усерднымъ слугою постыдныхъ удовольствій. Когда же онъ былъ охваченъ любовью къ добру, найдя совѣтникомъ, не знаю, кого,—мудреца ли какого-нибудь, или самого себя,—вдругъ оказался до такой степени выше страстей, что въ этомъ я полагаю одно изъ чудесъ, совершившихся съ нимъ. Какой-то невоздержный юноша приглашаетъ блудницу. И когда она, говорить, подошла къ воротамъ, на которыхъ былъ смотрящій съ иконы Полемонъ, то, увидѣвши икону,—ибо она была чтимая,—она тотчасъ ушла: пораженная зрѣлищемъ, она устыдилась изображеннаго, какъ живого“.

Златоуста,—изъ толкованія на посланіе къ Тимошею; гл. VII.

„Но образъ буди вѣрнымъ (1 Тим. IV, 12), во всемъ представляя собою образецъ добрыхъ дѣлъ, т. е. будь самъ образцомъ для жизни на подобіе предлежащей иконы“.

Изъ прѣдвѣстнаго слова св. шестого собора.

„Снова Несторій и снова Келестинъ и Кириллъ. Одинъ различалъ и раздѣлялъ Христа; другіе же, помогая Владыкѣ, низвергали разсѣкателя. Вотъ Ефесъ. И картины сдѣланнаго тамъ чрезъ неписанный голосъ, молча, говорятъ о дѣлахъ“.

1404 *Древнѣйшаго Климента александрійскаго,—изъ седьмой книги «Строматъ».*

„Итакъ, онъ не только хвалить прекрасное, но самъ усиливается быть прекраснымъ, дѣлаясь чрезъ любовь изъ добраго и вѣрнаго раба другомъ по причинѣ совершенства состоянія, которое свободно приобрѣтено истиннымъ наученіемъ и многимъ упражненіемъ; такъ что онъ достигъ бы и вершины знанія, укрѣпляемый и украшенный привычкою, кроткій по своему виду, имѣющій все то, что составляетъ поистинѣ преимущество гностика, взирая на прекрасные образцы, на многихъ, преуспѣвшихъ прежде него, патріарховъ; очень многихъ пророковъ, безчисленныхъ ангеловъ и надъ всѣми Господа. учившаго и показавшаго, что возможно достигнуть образа жизни тѣхъ вождей“.

Св. Θεодора, епископа пентапольскаго.

„Опять былъ нѣкій мужъ, по имени Фіонъ, изъ знатнѣйшихъ въ той странѣ, который украсилъ храмъ св. мученика многими

дарами и обложилъ алтарь его серебромъ. И нѣкто изъ его слугъ, укравши у него много денегъ, убѣжалъ. Фіонъ же не преслѣдовалъ его, но, подойдя къ иконѣ мученика, вылѣпилъ изъ воска фигуру изображенія и съ вѣрою во св. мученика укрѣпилъ у воротъ своего дома. И тотчасъ слуга возвратился, какъ кѣмъ-то гонимый, и пришелъ къ своему господину, ничего не издержавши изъ того, что онъ похитилъ. Такъ какъ это всѣ узнали, то и до сегодняшнаго дня жители той страны совершаютъ это противъ бѣглецовъ“.

Св. Аванасія александрійскаго, — изъ третьей книги Противъ аріанъ,

„Сынъ, будучи въ собственномъ смыслѣ рожденіемъ Отца, естественно говоритъ о томъ, что и свойства Отца принадлежатъ Ему. Почему къ изреченію: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30), по праву и послѣдовательно прибавилъ: чтобы вы знали, *яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*. Также прежде Онъ сказалъ: *видѣвый Меня видѣ Отца* (Іоан. XIV, 10. 9). И смыслъ этихъ трехъ изреченій одинъ и тотъ же. Ибо познавшій, что Сынъ и Отецъ—едино, знаетъ, что Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ, потому что Божество Сына есть Божество Отца, и Оно есть въ Сынѣ. И понявшій это знаетъ, что видѣвшій Сына видѣлъ Отца, ибо въ Сынѣ созерцается Божество Отца. Кто-либо можетъ всего яснѣе понять это на примѣрѣ изображенія царя, которое представляетъ его видъ и форму, и въ царѣ тотъ же видъ, какой находится на изображеніи. Подобіе царя на иконѣ,—во всемъ [съ нимъ] сходно, такъ что видящій изображеніе видитъ на немъ царя; и опять: видящій царя признаетъ, что это онъ имѣется на изображеніи. Въ виду же того, что подобіе не различается (отъ первообраза), то желающему послѣ изображенія видѣть царя изображеніе сказало бы: „я и царь—одно, ибо я—въ немъ и онъ—во мнѣ и что видишь во мнѣ, это видишь и въ немъ; и видѣвши въ немъ, видишь это во мнѣ. Ибо поклоняющійся образу покланяется въ немъ царю, такъ какъ образъ есть его форма и видъ“.

1405

Его же, къ префекту Антиоху.

„Что говорятъ на это отвергающіе и повелѣвающіе не поклоняться изображеніямъ святыхъ, которыя начертываются нами для воспоминанія?“

Амвросія, епископа медиоланскаго, къ императору Граціану о воплощенномъ домостроительствѣ Бога—Слова.

„Богъ прежде плоти и Богъ во плоти... Но нужно бояться, говорятъ, чтобы, приписавши Христу два ума или двѣ мудрости

не раздѣлить Христа. Но развѣ мы раздѣляемъ Христа, когда поклоняемся Его Божеству и плоти? Или раздѣляемъ ли мы Его, когда поклоняемся въ Немъ образу Божію и кресту? Да не будетъ“.

Кирилла, патріарха іерусалимскаго, изъ двѣнадцатаго огласительнаго слова.

„Итакъ, если ты ищешь причину пришествія Христова, то обратись къ первой книгѣ Писаній. Въ шесть дней сотворилъ Богъ міръ, но міръ былъ созданъ ради человѣка. Ибо солнце, сіяющее лучами, весьма свѣтло, но оно, говоримъ, было создано ради человѣка. И все живое назначено служить намъ: травы и деревья—для нашей пользы. Всѣ творенія созданы прекрасными, но ни одно изъ нихъ не есть образъ Божій, кромѣ только человѣка. Солнце образовано однимъ повелѣніемъ, человѣкъ же—божественными руками. Ибо говорить: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Почитается деревянное изображеніе земного царя,—насколько же болѣе разумный образъ Божій“.

Св. Василія къ св. Флавіану,—о самарянкѣ.

„Господь нашъ, научая ошибочно думающую на основаніи мѣстнаго обычая, что поклоненіе должно совершаться на опредѣленномъ мѣстѣ, говорить, что должно поклоняться въ духѣ и истинѣ,—очевидно, Самого Себя называя истиной. Какъ, говоримъ, въ Сынѣ, какъ образъ Бога Отца, мы поклоняемся Отцу, такъ—и въ Духѣ, показывающемъ въ Себѣ Самомъ Божество Господа“.

Св. Григорія Назіанзина,—о крещеніи.

„Если на тебя послѣ крещенія нападетъ врагъ свѣта,—нападетъ же, ибо онъ напалъ на Господа и Бога Моего, на скрытый свѣтъ, чрезъ то, что было видимо,—то ты имѣешь, чѣмъ побѣдить. Не бойся борьбы. Противопоставь духъ. Противопоставь воду. *И спустя немного.* Положившись на печать, скажи: я—образъ Бога. Съ небесной славы я не низверженъ, какъ ты—за гордость. Я облекся во Христа, усвоилъ себѣ Христа крещеніемъ. Ты мнѣ поклонись“.

Св. Іоанна Златоуста,—о Маккавейхъ.

„Изображенія царскихъ фигуръ сіяютъ не только золотомъ и серебромъ, и драгоценными матеріалами, но можно видѣть тотъ же самый образъ начертаннымъ и на мѣди. И различіе ма-

теріаловъ не причиняетъ вреда достоинству изображенія. И употребленіе менѣ цѣннаго матеріала не уменьшаетъ чести образа, въ сравненіи со сдѣланнымъ изъ лучшихъ матеріаловъ. Но царскій образъ дѣлаетъ достойными уваженія всѣ одинаково матеріалы и, нисколько не унижаемый матеріей, онъ дѣлаетъ болѣе уважаемой ту, которая для него употребляется“.

Его же,—изъ перваго слова противъ безбожнаго Юліана.

„Что же новый Навуходносоръ? Ибо онъ въ отношеніи къ намъ нисколько не оказался челоуѣколюбивѣе древняго, угли котораго беспокоятъ еще насъ, хотя мы и набѣжали пламени. И самые памятники святыхъ, лежащіе въ церквахъ для поклоненія вѣрныхъ. не показываютъ ли поруганія тѣла?“

Его же,—объ унывальницѣхъ.

„Ибо когда царскія фигуры и изображенія посылаются и вносятся въ городъ, начальники и народъ встрѣчаютъ ихъ съ привѣтствіемъ и страхомъ, почитая не доску, не восковое изображение, но образъ царя.—такъ и тварь“.

Севириана гавальскаго,—изъ четвертаго слова о крестѣ.

„Ударилъ Моисей скалу п разъ, и два. Почему и разъ, и два? Если она повинуется силѣ Божіей, то какая нужда во второмъ ударѣ? Если же онъ ударяетъ независимо отъ силы Божіей, то ни второй, ни десятый, ни сотый ударъ не можетъ сдѣлать безплодное естество естествомъ, исполненнымъ жизненныхъ силъ. Итакъ, если оно было дѣло Божіе и не содержало тайны креста, то достаточно было и одного удара, достаточно было и манованія, достаточно было и слова. Но чтобы предъизобразить образъ креста, происходитъ слѣдующее. Ударилъ, говоритъ [Шисеніе], Моисей п разъ, и два,—неодинаково, но изображая крестъ, 1400 чтобы и бездушное естество почиталось, какъ символъ креста. Ибо, если съ уходомъ царя изображение занимаетъ мѣсто царя, и начальники поклоняются ему, и совершаются празднества, и начальники встрѣчаютъ, и народъ поклоняется ему, взирая не на доску, но на фигуру царя, видимаго не въ натурѣ, но показываемаго на картинѣ, то много болѣе образъ безсмертнаго царя можетъ не только разбить скалу, но и небо, и всю вселенную“.

Изъ хронографіи діакона Исидора.

„Согрѣшилъ Теофилъ, укоривъ Іоанна Златоуста предъ императрицей Евдоксіей въ томъ, что онъ мыслить согласно Оригеновой ереси. Августа была враждебно настроена въ отношеніи

къ названному Иоанну изъ-за виноградника вдовы. И изъ-за этого грѣха Теофилъ не могъ предать свою душу до тѣхъ поръ, пока не пришла икона Златоуста. И поклонившись ей, онъ *предаль* свой духъ“.

Иеронима, пресвитера іерусалимскаго.

„Если писаніе ваше нигдѣ не повелѣваетъ вамъ поклоняться кресту, то для чего вы поклоняетесь ему? Скажите намъ,—іудеямъ и эллинамъ, и всѣмъ, спрашивающимъ васъ народамъ!“

Отвѣтъ. Неразумные и безстыдные сердцемъ! Можетъ быть, Богъ поэтому позволилъ всякому народу, чтущему Бога, непременно поклоняться чему-нибудь на землѣ, являющемуся произведеніемъ человѣка, чтобы больше не могли обвинять христіанъ за поклоненіе кресту и иконамъ. Итакъ, какъ іудей поклонялся ковчегу завѣта, и двумъ херувимамъ, литымъ изъ мрамора и золотымъ, и двумъ скрижалямъ, которыя высѣкъ изъ камня Моисей, въ то время какъ Богъ никогда не повелѣвалъ поклоняться имъ и лобызать, такъ и мы, христіане, лобызаетъ крестъ не какъ Бога, но показывая искреннее расположеніе нашей души къ Распятому“.

Великаго Симона съ Дивной горы,—объ иконахъ.

1412 „Можетъ быть, кто-нибудь изъ невѣрныхъ, будучи сварливымъ, станетъ спорить, говоря, что и мы, поклоняясь въ церквахъ иконамъ, должны быть причислены къ молящимся какъ бы бездушнымъ идоламъ. Итакъ, да не будетъ, чтобы мы дѣлали это, ибо все у христіанъ производитъ вѣра и неложный нашъ Богъ, который содѣйствуетъ нашимъ силамъ. Ибо останавливаясь не на краскахъ, но на воспоминаніи первообраза письмени, созерцая чрезъ видимую картину Невидимаго, мы прославляемъ Его, какъ присутствующаго, вѣруя въ Бога, не какъ въ не сущаго, но какъ въ истинно сущаго; и во святыхъ, не какъ не сущихъ, но какъ сущихъ и живущихъ у Бога, при чемъ души ихъ, какъ святыхъ и вспомоствуемыхъ силою Божіею, помогаютъ достойнымъ, когда они въ этомъ нуждаются“.

Анастасія, архіепископа антиохійскаго, къ Симеону, епископу вострійскому, о субботѣ.

„Ибо въ отсутствіе царя почитается его изображеніе. Когда же онъ присутствуетъ, то излишне, оставивши первообразъ, поклоняться изображенію: но во всякомъ случаѣ, его не должно презирать только потому, что ему не поклоняются въ виду присутствія того, ради котораго совершается поклоненіе. Нѣчто по-

добное, думаю, случилось съ сѣнью или буквой закона: ибо Апостоль называетъ его сѣнью. Ибо въ теченіе времени, въ которое благодать истины была скрыта, святые проповѣдывали объ образахъ, созерцая истину какъ бы въ зеркалѣ. Когда же пришла сама истина, то они рѣшили, что нехорошо жить соотвѣтственно образамъ и впредь слѣдовать имъ. Ибо когда существуютъ налицо вещи, то является уже излишнимъ образъ вещи. И однако, и въ такомъ состояніи они не презирали и не отвергали, но почитали образъ, а начинающихъ презирать считали нечестивыми и достойными горькаго наказанія смерти“.

Его же, — изъ третьяго слова.

„Какъ если кто-нибудь ради принадлежащей царю чести поклоняется образу царя, хотя онъ не представляетъ собой ничего, кромѣ воска и красокъ“.

Девятнадцатый анаематизмъ св. и вселенскаго пятого собора.

„Если кто защищаетъ нечестиваго Теодора мопсуэсійскаго, сказавшаго, что одно — Богъ Слово и другое — Христосъ, отягченный душевными страстями и плотскими похотями, постепенно освобождающійся отъ зла и такимъ образомъ улучшающійся, благодаря прекращенію дѣлъ; что, будучи неукоризненнымъ по образу жизни, Онъ крестился, какъ простой человекъ, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа и чрезъ крещеніе принялъ благодать Св. Духа и удостоился сыноположенія; и что должно поклоняться Ему на подобіе царскаго образа, какъ носящему лице Бога Слова, — да будетъ анаема!“

Изъ Церковной исторіи Теодора, исторіографа Константинопольскаго, о Геннадіи, архіепископѣ Константинопольскомъ. 1413

„Сообщу же объ этомъ другое поразительное событіе. У какого-то живописца, пишущаго икону Владыки Христа, высохли руки. Говорятъ, что работа надъ иконой была поручена ему какимъ-то язычникомъ, при чемъ онъ долженъ былъ подъ видомъ Спасителя написать волосы на головѣ съ той и другой стороны расположенными такъ, чтобы они не закрывали лица, — ибо въ такомъ видѣ язычники изображаютъ Зевса, — чтобы взирающіе на него думали, что они воздаютъ поклоненіе Спасителю“.

Аввы Максима, и епископа Еводосія и начальниковъ, посланныхъ отъ императора.

„Св. Максимъ сказалъ: „а послѣ того, какъ рѣшено этому быть, пусть исполнится рѣшенное, и я послѣдую за вами, куда

вы прикажете“. И при этомъ всѣ встали, со слезами покаялись и совершили молитву. И каждый изъ нихъ лобызалъ св. Евангеліе, честной крестъ, икону Спасителя нашего Иисуса Христа, и родшей Его Святой Богородицы, возлагая и руки свои въ подтвержденіе сказаннаго“.

Св. Софронія,—изъ чудесъ св. мучениковъ Кира и Иоанна: о икопиконѣ Теодоръ, страдающею податрою.

„Скажемъ же и о укрѣпленіи тѣла въ немногихъ словахъ. Спустя немного дней, онъ уснулъ и опять видитъ предстоящихъ мучениковъ, приказывающихъ ему слѣдовать за ними. Онъ же охотно послѣдовалъ за ними. ибо зналъ, что слѣдовать за святыми не бесполезно. Итакъ, придя въ языческій храмъ, по виду страшный и великолѣпный, по высотѣ же касающійся самыхъ небесъ, и войдя внутрь его, мы увидѣли большую и удивительную икону, въ срединѣ которой былъ написанъ красками Господь Иисусъ, слѣва—Владычица Богородица и справа—Иоаннъ Креститель, который изъ чрева матери открылъ его възыграся, такъ какъ нельзя было слышать, если бы онъ говорилъ,—и нѣкоторые изъ славнаго хора Апостоловъ и пророковъ, и изъ лика мученическаго, среди которыхъ оказались мученики Киръ и Иоаннъ. Они, ставъ предъ иконой, припали къ Владыкѣ, склоняя колѣна и ударяя головами о землю и умоляя объ исцѣленіи юноши. Слова же молитвы были слѣдующія: „Владыко человеколюбче, прикажешь ли, чтобы мы даровали и этому исцѣленіе?“

1416 Когда, послѣ многократнаго ихъ поклоненія до земли и произнесенія словъ молитвы, Христосъ не согласился, они, прекративъ молитву, съ поникшимъ взоромъ, печальные, подходятъ, говоритъ (юноша), ко мнѣ, стоящему недалеко отъ иконы и, приблизившись, говорятъ: „видишь, Господь не желаетъ даровать тебѣ исцѣленіе. Но не падай нисколько духомъ, ибо Онъ, конечно, и съ тобою поступитъ милостиво, какъ со всѣми“. И когда прошло около полчаса, они, поднявшись и опять уйдя, молились.

И опять, говоритъ, возвращаются безъ успѣха съ поникшимъ взоромъ, печальные, такъ какъ Владыка Господь не повелѣлъ, какъ и прежде. И они, придя, сказали мнѣ объ этомъ опять. Отправляясь же въ третій разъ, они говорятъ: „держай, потому что теперь мы непременно получимъ благодать: но и ты, когда увидишь насъ молящимися, придя, умолай съ нами Владыку.

И подойдя къ иконѣ въ третій разъ, они молились также тѣми же самыми словами. И промолвившись много времени и

повергшись нпць, они только восклицали: „повели, Владыка“. Тогда Христось, умилосердившись, какъ сострадательный, сказать съ иконы: „дайте ему“.

И мученики, вставши съ земли, прежде всего благодарили Христа Бога нашего, услышавшаго ихъ усердную молитву“.

Св. Анастасія со св. горы Синая, — на новое воскресеніе и объ Апостолъ Оомъ.

„Видѣвшіе Христа во плоти считали Его пророкомъ. Мы же, не видѣвшіе, тотчасъ, отъ мягкихъ ногтеі, дѣти и юноши, исповѣдуемъ Его Богомъ, имѣющимъ власть, и Вседержителемъ, и Творцомъ вѣковъ, сіяніемъ Отца. Ибо мы слушаемъ Евангеліе Его съ такой вѣрою, какъ будто мы видимъ говорящимъ Самого Христа. И принимая пречистую жемчужину Его тѣла, мы думаемъ, что носимъ Самого Христа. И если только видимъ изображеннымъ божественный образъ Его, то мы думаемъ, какъ будто Онъ Самъ смотритъ на насъ съ неба. поклоняемся ему, припадаемъ. Ибо велика теперъ вѣра Христова“.

Изъ житія аввы Даниїла, — объ Евлогіи камнеоломъ.

„Тогда опечаленный онъ ушелъ и, бросившись предъ иконою Богородицы, съ плачемъ сказалъ: „Господи. освободи меня отъ обѣщанія этому человѣку“.

Изъ житія Маріи Египетской.

„Итакъ, плача, я вижу помѣщенное надъ мѣстомъ, на которомъ я стояла, изображеніе св. Богородицы и говорю ей: „Дѣва, Владычица Богородица, родившая Бога Слова по плоти, знаю, знаю, что неприлично, неблагоприятно мнѣ, такой нечистой, такой распутной, взирать на икону твою, Приснодѣва: но справедливо, чтобы твоя чистота возненавидѣла и возгнушалась меня. Но такъ какъ Богъ, рожденный изъ тебя, для того сдѣлался человѣкомъ, чтобы призвать грѣшныхъ къ покаянію, то помоги мнѣ одинокой, не имѣющей никакой помощи. Повели, чтобы и мнѣ можно было войти; не лишай меня созерцанія древа, на которомъ Богъ Слово, Котораго Ты родила, былъ пригвожденъ плотию, Который собственную кровь далъ въ искупленіе за меня. Повели, Владычица, чтобы и предо мной открылась дверь для божественнаго поклоненія кресту. И я дамъ тебя въ качествѣ надежной поруки рожденному изъ тебя Богу, что я больше не буду осквернять эту плоть чрезъ какую-нибудь постыдную связь; но когда увижу древо креста Сына твоего, тотчасъ прощусь съ міромъ и всѣмъ, что въ мірѣ; и немедленно

пойду, куда ты сама, какъ поручительница, прикажешь и поведешь меня“. Сказавши это, и получивши, какъ какое-то полное одобреніе, огненную вѣру, положившись на милосердіе Богородицы, я двигаюсь съ того мѣста, стоя на которомъ, творила молитву; иду опять; присоединилась къ входящимъ; и больше не было отталкивающего меня, которому я сопротивлялась бы; и никто не препятствовалъ мнѣ приблизиться къ двери, чрезъ которую входили во храмъ. И объялъ меня страхъ и изступленіе, и вся я въ смятеніи волновалась и дрожала; и упавши на землю и поклонившись святой той почвѣ, я бросилась къ выходу, спѣша къ той, которая поручилась за меня. Вотъ я на томъ мѣстѣ, на которомъ было подписано рукописаніе обѣщанія, и, преклонивши колѣно предъ Приснодѣвой и Богородицей, произнесла слѣдующія слова: „Ты, благая Владычица, показала на мѣ свое челоуѣколюбіе; Ты не возгнушалась молитвою нестойкой. Я видѣла славу, которой по справедливости не видимъ мы,—распутные. Слава Богу, принимающему чрезъ Тебя покаяніе грѣшниковъ“ и проч.

Изъ житія св. Евпраксіи.

„Діаконисса говоритъ дѣвицѣ: „иди, госпожа моя, въ свой домъ, такъ какъ тебѣ нельзя здѣсь оставаться; ибо здѣсь нельзя оставаться, не соединившись со Христомъ“. Дѣвица говоритъ ей: „гдѣ Христосъ?“.

Діаконисса показала ей Господень образъ, а дѣвица, повернувшись, говоритъ діакониссѣ: „поистинѣ и я сочетаюсь Христу и больше не уйду съ моею госпожей“. И тогда Евпраксія, поднявшись и взявши свою дочь, подвела ее къ Господнему образу и, поднявши руки свои къ небу, воскликнула съ плачемъ: „Господи Иисусе Христе, Ты позаботишься о моемъ дитяти, потому что она возлюбила Тебя и предалась Тебѣ“.

Св. шестого собора при Юстиніанѣ.

1420 „На нѣкоторыхъ изображеніяхъ честныхъ иконъ начертывается указываемый пальцемъ Предтечи агнецъ, который принять во образъ благодати, представляя предуказаннаго намъ закономъ истиннаго Агнца, Христа Бога нашего. Итакъ, съ любовью принимая древніе образы и сѣни, какъ символы и предначертанія истины, преданные церкви, мы отличаемъ благодать и истину, принимая ее, какъ исполненіе закона. Итакъ, чтобы, хотя посредствомъ картинъ, представить совершеніе глазамъ всѣхъ, мы опредѣляемъ запечатлѣвать отнынѣ на иконахъ по челоуѣческому образу вмѣсто древняго агнца — Агнца, подъяющаго

грѣхъ міра, Христа Бога нашего, чтобы чрезъ уничтоженіе усмотрѣть высоту Бога Слова и руководиться къ воспоминанію Его жизни во плоти, страданія и спасительной смерти и происшедшаго отсюда искупленія міру“.

Св. Меводія, епископа патарскаго, - О воскресеніи: слово 2.

„Вотъ изображенія царей, хотя бы они были приготовлены и не изъ наиболѣе цѣнныхъ матеріаловъ, какъ золото и серебро. однако, почитаются всѣми. Ибо, почитая сдѣланныя изъ болѣе цѣннаго матеріала, люди не пренебрегаютъ и менѣе цѣнными, но одинаково почитаютъ, будутъ ли они изъ гипса или мѣди. И оскорбившій какое-нибудь изъ нихъ не отпускается, какъ пренебрегшій прахомъ; и не какъ презирающій золото судится, но какъ оскорбившій самого царя и господина. Приготовленные изъ золота изображенія ангеловъ Божіихъ, началъ и властей мы дѣлаемъ въ честь и славу Ёго“.

Важнѣйшія погрѣшности и поправки.

<i>Стр.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
29	21 сверху	будеть	дуеть
135	21 сверху	дали	дали имъ
174	2 снизу	43	38
176	10 снизу	διαλεχρμενωσ	διαλεχρμενωσ
221	9 сверху	φοχικόν	φοχικόν
238	13—14 сверху	Едному	Единому
241	1 сверху	еѳ	его
245	2 снизу	северіанъ	несторіанъ
293	8 снизу	πᾶθη	πᾶθη
371	11 снизу	Иса.	(Иса.
387	8 сверху	Неополя	Неополя
431	4 снизу	права	права